

БИБЛИОТЕКА
В. А. ЖУКОВСКОГО
В ТОМСКЕ

БИБЛИОТЕКА
В. А. ЖУКОВСКОГО
В ТОМСКЕ

Часть I

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1978

Коллективная монография «Библиотека Жуковского в Томске» состоит из трех частей, каждая из которых построена на неизученном и не известном ранее материале библиотеки, архива, неопубликованных произведений поэта.

В первой части «Жуковский и русская литература» рассматриваются русские книги по теории и истории литературы в оценке Жуковского, а также литературные и творческие связи Жуковского и Ломоносова, Муравьева, Озерова, исследуются литературно-эстетические взгляды поэта-романтика, его место в литературной борьбе первой трети XIX века.

Во второй части «Жуковский и западноевропейская литература» на материале открытых на страницах книг автографов исследуется деятельность Жуковского — переводчика произведений Гердера и Вернера, некоторые вопросы жанровой эволюции поэта в 20—30-е годы.

В третьей части на основе многочисленных помет и маргиналий Жуковского — читателя Бонне, Кондильяка, Снелля рассматриваются философские взгляды поэта, природа его сенсуализма, просветительства, характер его эстетических взглядов. В специальных главах рассматриваются исторические взгляды В. А. Жуковского — читателя русских и зарубежных историков, а также некоторые вопросы общественно-политической позиции поэта.

Редакционная коллегия: профессор Ф. З. Капунова (ответственный редактор), доцент Н. Б. Реморова, доцент А. С. Янушкевич.

7-2-2

© Издательство Томского университета, 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

І. ИСТОРИЯ И СОСТАВ БИБЛИОТЕКИ В. А. ЖУКОВСКОГО

Можно сказать, что библиотека Томского университета начала складываться раньше, чем был решен вопрос о существовании самого университета. Разговоры и планы создания Сибирского университета возникли еще в начале XIX века, но только через семьдесят с лишним лет, в мае 1878 г., было «высочайше повелено» строить в Томске первый Сибирский университет (Императорским Томским он стал называться позднее). Здание университета было заложено летом 1880 г., а открытие состоялось в 1888 г. Книги же для библиотеки будущего университета стали поступать с 1879 г.

В создании этой библиотеки большая заслуга принадлежит В. М. Флоринскому. Несколько лет он был членом комиссий, решавших судьбу университета, а затем ему же было поручено строить здание университета. В науке В. М. Флоринский оставил заметный след. Некоторые его идеи опередили свое время¹. В своих воспоминаниях он писал: «...не через 1000 лет, а спустя четверть века, много — полстолетие, мы не узнаем ни России, ни Сибири...»².

В. М. Флоринский имел обширное книжное собрание, был большим книголюбом. И благодаря этому библиотека Томского университета получила в дар или приобрела ряд ценных личных библиотек.

Одна из них — библиотека Василия Андреевича Жуковского. Это книжное собрание в 1879 г. известный сибирский меценат А. М. Сибиряков купил у сына В. А. Жуковского и пожертвовал только что учрежденному Сибирскому университету. Во вступлении к печатному «Каталогу главной библиотеки Томского университета» перечисляются поступившие

¹ Канаев И. И. На пути к медицинской генетике. — «Природа», 1973, № 1, с. 62—68.

² «Русская старина», 1906, апрель, с. 125.

личные книжные собрания, и под № 3 значится: «Библиотека знаменитого русского поэта В. А. Жуковского, состоящая из 4674 книг, преимущественно из области изящной литературы и педагогики; из них большая часть на немецком (2183), французском (1475) и английском (195) языках. Эта библиотека, получающая особую цену по воспоминанию об ее составителе и первом владельце, приобретена в 1880 г. (так!) для Томского университета А. М. Сибиряковым за 2 000 рублей»^{2а}. Но это далеко не все книги, когда-то составлявшие библиотеку поэта. В Институте русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде хранится еще одна часть библиотеки Жуковского — около 600 томов (свыше 300 названий), подаренных П. В. Жуковским известному поклоннику Пушкина — А. Ф. Онегину-Отто.

При разборке книг Флоринский следовал такому принципу: «...из книг однородных, хотя бы поступивших от разных жертвователей, оставялся лучший экземпляр. Дублиеты откладывались в особые шкафы и ящики...»³.

Понимая «особую цену» библиотеки Жуковского, он тем не менее не отступил от своего принципа. Это привело к раздроблению библиотеки поэта, к смешению ее с библиотекой Строгановых или Голицына, к потере некоторых книг, переданных в учебную библиотеку и библиотеки кафедр.

В 1964 г. Научная библиотека Томского университета поставила себе задачей выявить с возможной полнотой и описать библиотеку В. А. Жуковского. В этом мог бы помочь рукописный каталог его библиотеки, подобный каталогам библиотек А. В. Никитенко и М. В. Сурина, собрания которых хранятся в Томске. Но его не оказалось. Поэтому пришлось прибегнуть к сплошному просмотру старых фондов общего книгохранения.

Кроме сплошного просмотра книг на полках, для выявления книг Жуковского изучались его опубликованные дневники и переписка, воспоминания о нем и т. п. Довольно часто этот метод приносил удачу. В 1810 г., собираясь работать над поэмой «Владимир», Жуковский просит А. И. Тургенева прислать книги по древней истории России и делает оговорку: «Шлецера Северная история у меня есть»⁴. «Всеобщая северная история» Шлецера, изданная в Галле в 1771 г., хранится в нашей библиотеке. Ярлычка на ее корешке нет, но в книге сделаны характерным почерком Жуковского обширные записи, многочисленные пометки (отчеркивания и под-

^{2а} Каталог Главной библиотеки имп. Томского университета. Т. I. Томск. 1889, с. II.

³ Каталог Главной библиотеки имп. Томского университета. Т. I.

⁴ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 57.

черкивания строк, крестики на полях и др.), а также рисунок, выполненный самим поэтом.

В сентябре 1838 г., находясь в Мюнхене, Жуковский пишет Д. П. Северину, русскому поверенному в Германии: «Мой милый Северин, уведоь, как расположен нынешний день; что в котором часу делать? Если мой ящик с книгами у тебя, то пришли его. Чтобы не забыть: за твоего Дарю и за Итинерер (путеводитель) по Италии я пришлю тебе новейшие русские книги...»⁵. Издатель переписки Жуковского делает примечание, что Дарю — это семитомная «История Венецианской республики» Пьера-Антуана Дарю. В НБ ТГУ она числится под № 2360, но это строгановский экземпляр, в роскошных кожаных переплетах. По генеральному каталогу библиотеки отыскивается еще один экземпляр, тоже в цельнокожаных переплетах, но менее «роскошный». Ярлычков на корешках нет, но на шмуцтитуле первого тома — владельческая надпись Д. Северина, а при сплошном просмотре томов выявляются записи и пометки Жуковского, особенно обильные в первом, втором и пятом томах. В дневнике Жуковского есть записи о чтении сочинения Дарю⁶.

Так разнообразными методами было выявлено и описано свыше 3100 томов из библиотеки Жуковского. Не найдено около полутора тысяч. Какая-то часть их, очевидно, безвозвратно утрачена в упоминавшихся вспомогательных библиотеках. Большая же часть «растворилась» в трехмиллионном фонде библиотеки и со временем, мы надеемся, может быть выявлена.

И действительно, порой отыскиваются очень интересные, ранее неучтенные книги Жуковского. При подготовке юбилейной выставки Адама Мицкевича были обнаружены «Крымские сонеты» в переводе И. И. Козлова (1829 г.). Как отмечал Н. П. Смирнов-Сокольский, это одно из особенно редко встречающихся прижизненных изданий Козлова. На книжке — ярлычок Жуковского, на заглавном листе автограф Козлова «Милому А. Тургеневу». В библиотеке Жуковского немало книг, принадлежавших ранее А. И. Тургеневу. Кстати заметим, что в библиотеке поэта есть книги, принадлежавшие ранее Н. В. Гоголю, К. Н. Батюшкову, А. Ф. Мерзлякову. Никите Муравьеву и многим другим, а также книги с эскиз-брисом воспитанника Жуковского, наследника престола Александра Николаевича.

Свою библиотеку В. А. Жуковский создал собственными трудами и издержками. Сбирать книги он начал еще в годы учения в пансионе, и его интерес к книге не ослабевал до последних дней жизни. Переписка Жуковского, его дневники

⁵ «Русская старина», 1902, апрель, с. 153.

⁶ Жуковский В. А. Дневники. Спб., 1901, с. 425.

пестрят упоминаниями о книгах — то он посещает книжные лавки и библиотеки, то просит друзей прислать нужные ему книги или вернуть взятые у него; очень часто делится впечатлениями о прочитанном. Эти упоминания позволяют восстановить некоторые этапы создания библиотеки, а иногда и разыскать ранее неучтенные книги из его собрания.

В. А. Жуковский не был простым коллекционером книг, как многие записные библиофилы прошлого. У него почти не встречаются не разрезанные, т. е. не прочитанные им книги. Конечно, не всякая книга оправдывала его ожидания, поэтому некоторые разрезаны не до конца или разрезаны только местами, выборочно. Читал он обычно с карандашом в руках, делая пометки по разработанной им системе, довольно часто записывал на полях возникшие по ходу чтения мысли и возражения. Кроме «следов чтения», на книгах встречаются записи дневникового характера, числовые выкладки, рисунки и т. д. И наконец, самое интересное — зачастую прямо на книге Жуковский начинал набрасывать перевод какого-либо произведения, вызвавшего отклик в его душе. Большею частью эти черновые наброски ограничиваются несколькими стихотворными строками или строфами (начало перевода «Божественной комедии» Данте и «Потерянного рая» Мильтона), иногда же эти переводы очень обширны (перевод гердеровского «Сида»).

Библиотека Жуковского отвечала его интересам, у него не было ненужных книг. Совершенно понятно, что среди книг Жуковского первое место занимает «изящная словесность» — сочинения в прозе и стихах русских и иностранных авторов, греческие и римские классики, сказания древних народов, а также книги по теории и истории литературы, фольклору, риторике, труды по языкознанию.

К 1974 г. в библиотеке Томского университета было выявлено свыше 1700 названий книг Жуковского, из них на перечисленные разделы приходится свыше 760, в том числе: изящная словесность 539 названий; греческие классики 66 названий; римские классики 51 название; языковедение 54 названия; теория и история литературы 60 названий.

Среди произведений русских авторов — сочинения М. Н. Муравьева и Н. М. Карамзина, комедии и романы М. Н. Загоскина, «Кощей Бессмертный, былина старого времени» А. Ф. Вельтмана, первые издания стихотворений Е. А. Баратынского (М., 1827) и А. Н. Майкова (Спб., 1842), стихотворные сборники Гнедича, Бенедиктова, Е. Шаховой, П. Шкляревского, многочисленные издания стихотворений «крестьянского поэта» Федора Слепушкина и многие другие.

Первый сибирский роман — «Дочь купца Жолобова» И. Т. Калашникова, изданный в Петербурге в 1831 г., — име-

ст надпись «Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому с совершенным уважением осмеливается поднести сочинитель».

Редкость — единственное издание «Стихотворений» Е. Л. Милькеева, поэта трагической судьбы. Книге предпослано «Письмо автора к Василию Андреевичу Жуковскому», который принимал участие в судьбе поэта-самоучки. На некоторых страницах этого экземпляра — пометки Жуковского. В библиотеке Жуковского есть и «XII сонетов С. Стромиллова» (М., 1837). Книга примечательна по редкости и загадочности своего автора.

Пятое издание «Сочинений» В. А. Озерова (Спб., тип. И. Глазунова, 1828) вышло в двух вариантах. Один из них — на особой бумаге, с очень большими полями — был напечатан всего в 50 экземплярах. У Жуковского именно такой экземпляр с необрезанными полями, в издательском переплете-папке. На его страницах, в трагедии «Димитрий Донской» рукой Жуковского вписаны некоторые строки и сделаны характерные исправления в тексте.

Среди произведений зарубежной литературы на русском языке имеются два тома «Избранного немецкого театра» в переводах А. Шишкова 2-го (М., 1831). Готический роман Льюиса «Монах, или Пагубные следствия пылких страстей» (Спб., 1802—1803) издан как «сочинение славной госпожи Радклиф», а «Вампир» Шарля Нодье (М., 1828) выдается за «повесть, рассказанную лордом Байроном».

Интересно оформлен экземпляр описательной поэмы Жака Делиля «Сады, или Искусство украшать сельские виды» в переводе А. Ф. Воейкова (Спб., 1816). Переводчик предназначил его для своей жены — «Светланы», а потому перешел его в цельнокожаный переплет с золотым тиснением на обеих крышках и золотыми обрезами, на переплете прикреплена позолоченная пластинка с инициалами Александры Воейковой и датой — «А. В. 1816». Кроме того, Воейков на отдельном листке напечатал и вклеил в книгу посвящение «Доброй моей женушке»:

Ты видела мои труды —
И мне труды мои казались забавой;
К ногам твоим кладу окончанны Сады:
Ты Музой мне была, теперь ты будь мне славой!

Дерпт, 1816-го года Ноября 6-го дня.

Греческие и римские классики у Жуковского были большей частью в переводах на немецкий и французский языки, иногда — с параллельными оригинальными текстами. Преобладают дешевые серии издательства И. Метцлера в Штутгарте — «Греческие прозаики в новых переводах», «Греческие поэты в новых переводах» и аналогичные серии римских авторов. В нескольких изданиях представлены Арриан, Вергилий, Саллюстий, Софокл, Цицерон, Эсхил и многие другие.

Гомер — в двадцати с лишком различных изданиях, в том числе «Илиада» на греческом языке (Лейпциг, 1822—1823), «Одиссея» на греческом языке (Вена, 1827—1828 и Ганновер, 1837—1842). Сочинения Гомера имеются во французских, английских, итальянских и нескольких немецких переводах и содержат многочисленные пометы Жуковского. Есть и русские издания «Одиссеи» в переводе Петра Соколова (Спб., 1815) и «Одиссеи» и «Илиады» в переводах Ивана Мартынова (Спб., 1823—1825 и 1826—1828).

Изучению тех или иных сторон творчества Гомера посвящены книги Фелькера «Итака, или Опыт географически-антикварного описания острова Итака по Гомеру и новейшим путешественникам» (Лейпциг, 1829), Вильгельма Мюллера «О Гомеровской географии и мироведении» (Ганновер, 1830), «Введение в изучение Илиады и Одиссеи» (Лейпциг, 1836) и др.

Пятнадцатитомная «Римская история» Тита Ливия (Париж, 1810—1812), «Сочинения» Саллюстия (Париж, 1808) и «История Александра Великого» Курция Руфа (Париж, 1800), изданные параллельно на латинском и французском языках, принадлежали Никите Муравьеву. В «Сочинениях» Саллюстия, кроме многочисленных пометок Жуковского во французском переводе, находим пометки Н. Муравьева (в латинском оригинале).

Из новых литератур по числу названий на первом месте стоит немецкая. Многотомными собраниями сочинений представлены Виланд (в 37-ми томах, Лейпциг, 1794—1805, с многочисленными пометками Жуковского и в 6-ти томах, Лейпциг, 1797—1798) и Гердер (33 части, Тюбинген, 1805—1810), «Стихотворения» Бюргера (2 части, Геттинген, 1789).

Во многих изданиях имеется Ф. Ламонт-Фуке, ряд книг Клопштока, Тидге, Фосса, Рабенера, Рамлера, Рюккerta (в том числе «Рустем и Зураб», издано в Эрлангене в 1838 г., с многочисленными пометками Жуковского), Цедлица и др. Из нескольких книг Людвиг Тика особого внимания заслуживает второй том романа «Странствия Фраанца Штернбалда» (Берлин, 1789). На заглавном листе надпись: «Подарено автором. Дрезден, 12 июня 1821 года», а на страницах 1—146 обширные вставки в текст (записи на полях), а также вычеркивания слов, строк и целых абзацев, вероятно, следы авторской переработки романа для очередного издания. Имеется и собрание сочинений Тика в 15-ти томах (Берлин, 1828—1829).

«В поэтических опытах» Готлиба Конрада Пфэффеля (8 томов, Тюбинген, 1802—1805) на многих страницах Жуковским записаны черновые переводы стихотворений Пфэф-

феля, которые в изданиях произведений Жуковского фигурируют как оригинальные.

В числе нескольких книг Э. Раупаха — трагедия «Крепостные, или Исидор и Ольга» (Лейпциг, 1826). Автор провел в России долгие годы, ценность его трагедии «...состояла не столько в сентиментально-романтическом сюжете, сколько в изображении бесправия крепостных в России»⁷. Есть в библиотеке Жуковского и «Стихотворения» Фердинанда Фрейлиграта (Штутгарт, 1840) и четвертое издание «Стихов живого человека» Г. Гервега (Цюрих, 1842).

Разнообразны в библиотеке произведения немецкой народной литературы: «Песнь о Нибелунгах» в нескольких переводах — на современный немецкий и французский языки; «Бедный Генрих», изданный И. Бюшингом, с великолепными гравюрами сепией Франца Хеги (Цюрих, 1810), издания легенд и сказок, народные книги (о прекрасной Мелюзине и т. п.).

Французская и английская литература в библиотеке Жуковского представлена с меньшей полнотой. Среди французских авторов — Шатобриан (5 томов, Париж, 1840), Мармонтель, Флориан, Гюго, Мериме, Дюма, Нодье и др.

Замечателен экземпляр еще одного, французского издания «Садов» Делиля (Париж, 1801). По этому экземпляру Воейков переводил поэму на русский язык. Кроме многочисленных следов переводческой деятельности Воейков оставил на страницах книги дневниковые записи, в них упоминается и Жуковский.

Английская литература представлена сочинениями Фильдинга в 12-ти томах (Лондон, 1783), фронтиспис — портрет к первому тому гравирован на меди Тэйлором по рисунку Хогарта. Есть книги Байрона с многочисленными пометками Жуковского. Многочисленны издания произведений Вальтера Скотта, нравоучительных романов и повестей Марии Эджворт.

«Российская антология» Джона Бауринга (Лондон, 1823) положила начало более полному знакомству англичан с русской литературой. С ее помощью Энгельс изучал русский язык и литературу. В антологии напечатаны переводы произведений Ломоносова, Державина, Дмитриева, Карамзина, Жуковского, Батюшкова и других русских поэтов, а также переводы некоторых народных песен. Знакомила английскую публику с русской литературой и книга Джорджа Борроу «Таргум, или Метрические переводы с тринадцати языков» (Спб., 1835). В этой книге напечатаны переводы некоторых произведений А. С. Пушкина.

⁷ Данилевский Р. Ю. «Молодая Германия» в России. Л., 1969, с. 121.

Из итальянской литературы в библиотеке поэта имеется «Божественная комедия» Данте на итальянском языке, а также в нескольких немецких и французских переводах; сочинения Гольдони; прекрасно издавшиеся «Трагедии» Витторио Альфиери (на итальянском языке, 6 томов, Париж, 1787—1788) и др.

Были у Жуковского некоторые книги датских, чешских, польских, испанских и других авторов. Среди них — сочинения Кальдерона; «Дон Гуан Тенорио. Религиозно-правственная фантастическая драма» Хозе Сорилья-и-Моралья, изданная в немецком переводе в Лейпциге; «Дон Кихот» Сервантеса во французском и немецком переводе.

Из сочинений по теории и истории литературы выделяется монументальный «Лицей, или Курс древней и новой литературы» Лагарпа (16 томов, Париж, 1799—1805), досконально изученный поэтом. Так же основательно проработаны пять томов «Принципов литературы» Ш. Батте (Париж, 1777). Напротив, лекции Августа Шлегеля «О драматическом искусстве и литературе» (3 тома, Гейдельберг, 1817) имеют немногочисленные пометки Жуковского только в первом томе.

Среди работ русских авторов можно назвать курсы литературы Шевырева и Греча, «Опыт о русском стихосложении» А. Х. Востокова (СПб., 1817) и «Замечания на Опыт о русском стихосложении г-на В. и нечто о Просодии древних» Н. Гнедича, изданные анонимно и без указания места и года. Вероятно, это отдельный оттиск из «Вестника Европы» (№ 10—11 за 1818 г.), где впервые был напечатан этот отклик Н. Гнедича на «Опыт...» Востокова.

Сочинений по философии в библиотеке Жуковского свыше 70 названий. Здесь также преобладают немецкие авторы, некоторые из них представлены многотомными собраниями сочинений — уже упоминавшийся Гердер в 33 частях, сочинения Иоганна Якоба Энгеля в 10 томах (Берлин, 1801—1805). Имеется ряд хрестоматий и обзорных курсов немецкой философии.

Большое влияние на Жуковского оказал Христиан Гарве, представитель так называемой «популярной философии», пронагадист идей просвещения. В собраниях Жуковского 9 разных сочинений Гарве, все со следами внимательного чтения.

В библиотеке представлены труды английских и французских мыслителей — «Сочинения милорда графа Шефтсбери» во французском переводе (3 тома, Женева, 1769); «Теория нравственного чувства» Адама Смита в немецком переводе (Лейпциг, 1791); «Сочинения по естественной истории и по философии» Шарля Бонне (18 томов, Невшатель, 1779—1783), Кондильяка и некоторые другие.

Сочинения по истории, археологии, мемуары, современная Жуковскому публицистика составляют значительную часть

его библиотеки — около 140 названий, не считая исторических сочинений греческих и римских авторов. По всеобщей истории — многотомные сочинения Ансильона, Мармонтеля, Эйхгорна, книги Архенгольца, К. Блюма, Дж. Гэста, Г. Хэллама и многих других; мемуары Франклина, Гизо, мадам Ролан.

Углубляясь в русскую историю, Жуковский изучает «Русскую летопись по Никонову списку», изданную Академией наук в 8 частях в 1767—1792 гг.; «Летопись Нестерову с продолжателями по Кенигсбергскому списку», изданную также Академией наук в 1767 г. как первый выпуск «Библиотеки российской исторической...». С эпохой Алексея Михайловича и Петра I Жуковский знакомится по книгам В. И. Берха «Царствование царя Алексея Михайловича» (Спб., 1831) и В. Бергмана «История Петра Великого» (6 томов, Спб., 1833—1834). Событиям русской истории посвящены и сочинения иностранных авторов.

Жуковский живо интересовался новейшей историей. В его библиотеке имеются «Заметки о важнейших событиях французской революции» мадам де Сталь (Париж, 1820); книга Г. Капелля «О происхождении и развитии революционного духа» (Гаага, 1833); «О демократии во Франции» Гизо (Париж, 1849); «Конституционный вопрос» де Баранта (Париж, 1849). Не прошли мимо внимания Жуковского и идеи социализма и коммунизма — книга Л. Штейна «Социализм и коммунизм современной Франции» (2 тома, Лейпциг, 1848) хранит следы внимательного чтения; были у него и три тома сочинения Л. Рейбо «Этюды о реформаторах или современных социалистах» (Брюссель, 1844).

Не так много книг по вопросам государства и права (28 названий), по политической экономии и практической экономике (18 названий). Тщательно изучено Жуковским сочинение К. Галлера «Реставрация науки о государстве» (6 томов, Винтертур, 1820—1825), в котором критикуется учение Руссо о договорном происхождении государства и доказывается, что неравенство в человеческом обществе — естественное состояние. Есть в собрании Жуковского экземпляр книги «Законы... и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича», изданной К. Калайдовичем и П. Стросвым в 1819 г.; уставы о цензуре 1804 и 1828 гг. и др. Экземпляр «Статистических сведений о ссыльных в Сибири за 1833 и 1834 годы», напечатанных «по высочайшему соизволению» в типографии II отделения в 1837 году, разрезан частично, без помет.

Из сочинений русских экономистов можно назвать книгу декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите», изданную анонимно в 1833 г. Это первое в мировой литературе изложение буржуазной теории государственного кредита.

Одно из главных сочинений адмирала Н. С. Мордвинова «Рассуждение о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков» в библиотеке Жуковского представлено третьим, дополненным изданием 1829 г.

В собрании Жуковского хранится второе издание «Новых принципов политической экономии» Ж. Сисмонди (Париж, 1827).

Очень большое место в библиотеке Жуковского — свыше 200 названий — занимают книги по географии, путевые записки, описания путешествий, путеводители и т. д. Некоторые из них сопровождали Жуковского в его многочисленных странствиях, на них — обильные пометки, записи и даже зарисовки. Так, в «Путеводителе по Флоренции и ее окрестностям» А. Булгарини (Флоренция, 1838) — многочисленные пометки в тексте, набросанные Жуковским схемы развески картин в знаменитых флорентийских галереях и перечни имен художников, а на чистом листе перед началом книги Жуковский сделал детальный набросок — вид Флоренции. Читая книгу Г. Шуберта «Путешествие по южной Франции и по Италии» (Эрланген, 1827—1831), Жуковский сделал ряд пометок и в первом, и во втором томах сочинения. Отчеркивая с излишним усилием несколько строк на с. 375 второго тома, Жуковский обломил карандаш, вложил его между с. 376—377 и больше к этой книге не возвращался — карандаш поэта сохранился до наших дней.

Многочисленную группу в библиотеке Жуковского образуют издания по педагогике, семейному воспитанию, учебные пособия, описание некоторых учебных заведений и т. п. — около 120 названий. Среди них «Собрание сочинений» знаменитого педагога Иоганна Генриха Песталоцци (12 томов, Штутгарт, 1819—1824) и большая группа учебных пособий, составленных Жуковским и его коллегами для занятий с наследником престола. Эти пособия печатались очень ограниченным тиражом (от 10 до 50 экземпляров), не имеют обозначения года и места издания.

По естественным наукам в библиотеке поэта около 80 названий: «Естественная история» Бюффона и Ласепада (70 томов, Париж, 1799—1809), книги дерптского профессора, друга Жуковского Г. Ф. Паррота, «Письма по химии» Ю. Либиха (Гейдельберг, 1844) и т. д.

Встречаются у Жуковского также книги по библиографии (в том числе знаменитый «Опыт российской библиографии» В. Сопикова), по военному искусству, медицине, жизнеописания, похвальные и надгробные слова и т. д. — около 80 названий).

Немногочисленная группа периодических изданий (12 названий), но среди них некоторые замечательны по своему

содержанию или редкости. Старейшее из них — «Новая библиотека словесности и свободных искусств», выходившая в 1766—1780 гг. в Лейпциге. В седьмом томе этого издания напечатано «Известие о некоторых русских писателях» — первый сравнительно подробный обзор русской литературы XVIII века. Автором его одни исследователи называют А. А. Волкова, другие — С. Г. Домашнева. «Известие...» оказало несомненное влияние на «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова.

В Ревеле Карл Кнорринг издавал «Русскую библиотеку для немцев». У Жуковского хранились три выпуска этого издания за 1831 год. В первых двух выпусках напечатаны «Борис Годунов» Пушкина, «Три пояса» и «Марьиная роща» Жуковского, «Семен Кирдяпа» Н. Полевого. В третьем же выпуске опубликован немецкий перевод «Горя от ума» А. С. Грибоедова — на два года раньше и в более исправном виде, чем первое русское издание.

Немного в библиотеке Жуковского рукописных книг — 9 на русском и 4 — на немецком языке. Преобладают летописи или сочинения по русской истории, а также повести и стихотворные сочинения — сборник с записками. А. Матвеева о стрелецком бунте и сочинениями Стефана Яворского; «Книга чиновная. Писаны походы... под царство великое град Казань»; «Описание о построении городов и острогов в Сибири»; «Проигранный заклад, или Полчаса испытания», комедия в вольных стихах крепостного поэта Ивана Сибирякова и др.

Рукописная книга Х. Г. Манштейна «История, политические и военные записки о России от 1727 по 1744 год» подробно описывает придворную жизнь и внутреннее положение в России. Это свидетельство очевидца: Манштейн состоял на русской службе. В конце книги запись: «Конец запискам господина Манштейна, переведенным на российский язык старшим Никиты Никитича Демидова числа 27 июля 1773 в Санкт-Петербурге». Возможно, это автографическая рукопись переводчика (в тексте книги и на вшитых после переплетения листах внесены исправления). Во времена Жуковского книга издавалась дважды (в 1810 и в 1823 г.), но перевод рукописи не идентичен ни одному из печатных изданий.

Большая группа (185 названий) — книги религиозного, духовно-нравственного и мистического содержания — издания и комментарии библейских текстов, священная история, сочинения некоторых мистиков, старых и новых. Среди них можно упомянуть «Сочинения» Мартина Лютера в 10 томах, изданные в Берлине в 1840—1841 гг., и «Историю святых ангелов» Иоганна Зильберта (Эльберфельд, 1843).

Изучение библиотеки В. А. Жуковского позволит по-пово-

му осветить некоторые стороны формирования взглядов и творчества Жуковского.

II. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ БИБЛИОТЕКИ В. А. ЖУКОВСКОГО

Библиотека В. А. Жуковского относится к числу бесспорных ценностей Научной библиотеки Томского университета.

Много сил отдали библиотечные работники, хранители отдела редкой литературы, чтобы собрать книги (часть их была рассеяна по многим фондам библиотеки), бережно сохранить и описать их. В процессе 10-летнего напряженного труда старший библиотекарь В. В. Лобанов составил каталог библиотеки В. А. Жуковского, сделал это на уровне современного библиотековедения. В каталог вошли не только 3080 томов, хранящихся в настоящее время в Томске, но и те 600 томов, которые были подарены сыном поэта, Павлом Васильевичем, известному поклоннику Пушкина и книголюбу А. Ф. Онегину-Отто, а затем переданы последним в Пушкинский дом Академии наук СССР.

Описание библиотеки дало ключ к ее научному исследованию, которым уже несколько лет занята группа научных работников кафедры русской и зарубежной литературы Томского университета.

Личная библиотека писателя дает, как правило, очень многое для понимания идейного, общественного, эстетического генезиса его творчества, это — один из самых значительных реальных источников изучения писателя, в биографическом, историко-литературном, теоретико-типологическом планах. К настоящему времени описаны и отчасти исследованы библиотеки А. С. Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова и других писателей. Но библиотека Жуковского по сравнению с ними отличается удивительной особенностью. Даже самые интересные из ранее описанных библиотек, например, необычайно интересная библиотека Пушкина содержит всего лишь около 50 книг с пометами, чаще всего небольшими. Кроме того, в этих библиотеках почти нет материала, связанного непосредственно с творчеством поэта или писателя. В этом отношении библиотека Жуковского уникальна. Во-первых, она содержит десятки книг, буквально испещренных записями. В своей совокупности эти маргиналии могли бы составить объемистый том. Но самое интересное, что многие книги таят целые страницы неизвестных ранее переводов, планов, набросков, конспектов. 30 страниц неизвестного перевода Гердеровского «Сида», 17 страниц перевода трагедии Вернера

⁸ Лобанов В. В. Библиотека В. А. Жуковского. Описание (в печати).

«Двадцать четвертое февраля», наброски басенных переводов, фрагменты переводов из Мура, Байрона и т. д. — все это дает основание считать библиотеку Жуковского не просто дополнительным материалом для изучения его мировоззрения и творчества, но и фактической основой для такого изучения.

Большой, совершенно не исследованный материал библиотеки Жуковского поражает своим разнообразием. Это развернутые маргиналии и дневниковые записи на полях, форзацах и обложках книг, построчные переводы, следы авторской и редакторской правок в книгах Жуковского и его современников, подчеркивания, исторические таблицы, библиографические списки и т. д., этот материал, подвергнутый всестороннему исследованию, в неразрывной связи с архивными документами и эпистолярным наследием имеет существенное значение для полного и глубокого понимания общественной, эстетической позиции поэта, эволюции его художественного метода, жанровой динамики его творчества.

Изучение библиотеки Жуковского, как нам представляется, может не только внести определенные коррективы в понимание общественно-эстетической позиции поэта, его роли в литературном движении 10—30-х годов XIX века, но и углубить наше знание и осмысление начального этапа в развитии русского романтизма и роли его в последующем литературном развитии.

Круг чтения Жуковского отличался поистине энциклопедической широтой. В поле пристального внимания поэта — история и философия, естествознание и теология, география и искусствоведение, литература и эстетика.

Библиотека Жуковского содержит обширную философскую литературу. Поэт внимательно прочел Лабрюйера, Ларошфуко, Бонне, Кондильяка, Юма, Гердера, Руссо, Канта, Бидермана и др. Многотомные собрания сочинений Гердера (33 тома), Бонне (18 томов), Руссо (12 томов) тщательно изучены поэтом.

Маргиналии на «Созерцании природы» Бонне, «Трактате об ощущениях» Кондильяка, трактатах и «Новой Элоизе» Руссо составляют десятки страниц русского и французского текста, содержащих интересные суждения по важнейшим проблемам гносеологии, сущности и происхождения человека. Здесь поставлены некоторые нравственно-философские проблемы, позволяющие судить как о природе человека в понимании Жуковского, так и о природе его просветительства. Исследование этого материала дает в руки специалистов существенно новые данные для понимания мировоззрения и эстетики Жуковского, которые до самого последнего времени изучались крайне недостаточно.

Как показывают маргиналии Жуковского в исторической

части его библиотеки (Русская летопись, Карамзин, Устрялов, Эверс, Шлецер, Миллер) — чтение конца 10—20-х годов и общественно-политическая литература 30-х годов (Монтескье, Галлер, Менцель), просветительство Жуковского претерпеваает определенную эволюцию от преимущественно философско-этической направленности к явному повышению общественных интересов писателя.

Обширные надписи на трех языках в книге Галлера и развернутый комментарий к этой книге в письме А. И. Тургеневу от 14 марта 1833 г. — свидетельство особого внимания поэта к важнейшим политическим проблемам. По мере приближения его к царю и двору зрел кризис в отношении к правительству. Об этом красноречиво говорит найденное в библиотеке критическое письмо к царю (обнаружено на нижнем форзаце «Грамматики» Н. И. Греча. Мысли этого письма получили свое развитие в послании к А. И. Тургеневу от 4 декабря 1827 г.).

В духе умеренного крыла французских просветителей поэт возлагал свои надежды на просвещенного монарха и в просвещении, широком образовании и воспитании человека и народа видел главный смысл прогрессивного исторического развития. Реакционная политика Николая I привела к глубокому разладу между просветительскими иллюзиями Жуковского и впечатлениями о реальной деятельности царя, на которого никакая программа «просвещенного монарха» явно не накладывалась. Пометы в книгах и письма поэта 20—30-х годов убедительно свидетельствуют о росте его оппозиционности.

Библиотека Жуковского дает возможность наглядно увидеть и живо представить эстетическое развитие поэта на протяжении нескольких десятилетий. Книги фиксируют не только круг его чтения в области эстетики, но и его отношение к важнейшим явлениям русской и европейской эстетической мысли XVIII—первой трети XIX в. Подробные маргиналии и заметки на полях сочинений Ломоносова, Шишкова, Греча, Рижского, Глаголева, Вяземского, Лагарпа, Батте, Мармонтеля, Руссо, Эшенбурга, Зульцера, Энгеля, Рихтера, Шлегеля, Блэра позволяют не только конкретизировать многие проблемы эстетического развития поэта, намеченные в работах В. И. Резанова, А. Н. Веселовского и др., но и выявить некоторые моменты эстетической эволюции Жуковского, его литературной ориентации, взаимосвязи его творчества и эстетики.

Большой интерес представляет собой русская часть библиотеки В. А. Жуковского. Она достаточно обширна: собрания сочинений и поэтические сборники, произведения прозы и поэзии, переводы, эстетика, история, экономика, путеводители. Все это не просто стояло на полках его библиотеки, но и

тщательно было отобрано, хранило следы его карандаша. Более того, все это было частью его своеобразной эстетической системы, черты которой мы находим в его статьях, заметках, конспектах, в его многообразной популяризаторской деятельности. Материалы библиотеки и творческая деятельность Жуковского неразрывно связаны между собой. Их единство — свидетельство неустанной деятельности Жуковского в области популяризации русской поэзии, воспитания эстетического вкуса русского читателя, осмысления путей развития русской литературы. Библиотека поэта в этом смысле не только источник дополнительной информации и более углубленного представления об этих аспектах его деятельности, но и важнейшая составная часть его эстетического развития на протяжении ряда десятилетий.

Библиотека Жуковского содержит произведения почти всех русских поэтов от Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова до современников поэта. Материалы русской части библиотеки стали основой большого раздела настоящей книги «Жуковский и русская литература».

Не случайно современники называли Жуковского «ангелом-хранителем» русской поэзии, а его роль определили как роль кормилицы русских поэтов. Разнообразна деятельность Жуковского: выпуск «Собрания русских стихотворений», редактирование многочисленных поэтических сборников и целых собраний сочинений, многочисленные замыслы антологий русской поэзии, заметки по ее истории, обширные планы, отклики на все заметные явления, наконец, деятельная помощь поэтам. Все это позволяет говорить об особом значении Жуковского как популяризатора русской поэзии, как одного из первых ее историков.

Жуковский — читатель, критик, поэт, педагог живут в постоянном взаимодействии. Чтение для Жуковского никогда не было отдыхом от творчества, развлечением. Он всегда тщательно готовил списки книг для чтения, составлял подробные конспекты и «экстракты», спорил с автором. Чтение у Жуковского — это удивительный дар из чужого извлечь свое, оттолкнуться от чужого, чтобы прийти к себе.

Один из ранних фактов активного участия Жуковского в литературной борьбе времени — его обширные заметки на полях «Рассуждения» А. С. Шишкова (примерно 1803 г.). Мысли Жуковского о языке, о литературных традициях подчинены обоснованию новой поэтики. Защита «новомодных» (по выражению Шишкова) писателей, изучение западноевропейских эстетиков — все это органично связано с его художественными исканиями. Резкая полемика с Шишковым, сложное отношение к Ломоносову и его жанровой системе, постановка важнейшего вопроса о соотношении поэзии и прозы — свидетельство определенных сдвигов в эстетическом

развитии Жуковского. В полемике с Шишковым, этом раннем эстетическом труде Жуковского, проявилась и определенная односторонность его литературной позиции, сказавшаяся в односторонне-апологетическом отношении к Карамзину и в недостаточной историчности оценки русской прозы XVIII века. Все это будет значительно исправлено Жуковским в его конспекте о русской литературе 1824 г., в котором он мыслит диалектичнее и глубже. Однако в целом позиция Жуковского в полемике с Шишковым была прогрессивной.

Так же, как Пушкин (впоследствии) и писатели-декабристы, предвосхищая их, Жуковский уже в самом начале 1800-х годов ставил вопрос о развитии русской прозы, художественный уровень которой он считает критерием зрелости словесности.

Многочисленные книги западноевропейских эстетиков-классиков (Лагарпа, Батте, Блэра, Эшенбурга, Зульцера и др.), внимательно прочитанные и законспектированные Жуковским (конспекты хранятся в его бумагах), позволяют говорить не только об изучении крупнейших представителей западноевропейской эстетики, но и о взаимосвязи процесса их освоения с процессом их критической переоценки. Если всмотреться в «читательские экстракты» Жуковского, то нетрудно заметить, что поэт довольно безразлично относился к схоластическим схемам и был внимателен к истории искусства, истории отдельных жанров. Показательны его творческие конспекты работ по истории и теории эпоса, лирических жанров, сатиры. Отталкиваясь от этих эстетических штудий, Жуковский нередко составляет на форзацах книг планы своих трактатов.

Характерной особенностью эстетического развития Жуковского является, с одной стороны, внимание к новым явлениям в западноевропейской эстетике, с другой — углубленное осмысление путей развития русской литературы. Эта тенденция получает свое практическое выражение в опытах обзоров русской литературы, в написании конспектов по истории русской словесности. Все эти материалы, а также пометки и маргиналии Жуковского на книге Вяземского о Фонвизине (1848 г.) позволяют говорить об определенных чертах историко-литературной концепции Жуковского, как она складывалась в процессе развития.

Библиотека Жуковского сохранила для потомков не только этапы мировоззренческой эволюции поэта, но и этапы его творческого развития и наглядные примеры, раскрывающие процесс его творчества. Она дает новый материал для размышлений о поэзии Жуковского, ее месте в историко-литературном процессе и, в частности, о многообразии родов и жанров в его творчестве. Выражается это по-разному: на страницах книг можно найти выражение отношения Жуков-

ского-читателя к тому или иному произведению (специфические пометки, подчеркивания, характерные записи); на форзацах нередко записи планов предполагающихся собственных его произведений, замыслы иной поэтической аранжировки уже известных произведений поэта. Наконец, здесь возможны открытия, связанные с переводческой деятельностью Жуковского, — целые страницы ранее не публиковавшегося текста.

Уже в период своего поэтического становления Жуковский увлеченно читал и конспектировал произведения западноевропейских эстетиков, фиксируя внимание на материале, имеющем отношение к теории родов и жанров. Так появляются в его тетрадях разделы об эпической поэзии, о трагедии, о сатире, об оде и т. д. Происходит своеобразная поверка теории практикой и практики теорией. Молодой поэт в трудах Лагарпа, Эшенбурга, Зульцера, Блэра, Баттё подчеркивает, помечает и определяет жанров, и их образцы. Сам состав постепенно создававшейся библиотеки свидетельствует о широте исканий поэта, о многогранности его интересов.

Любопытный материал в этом отношении представляет и «русская часть» библиотеки Жуковского. Полемика с Шишковым на полях его «Рассуждения», пометки и записи на страницах трудов Востокова, Греча, Глаголева, Кошанского, Давыдова и др., обширные записи полемического характера на полях ломоносовского «Похвального слова Елизавете Петровне», характерные пометки в переводе Востоковым кантаты Драйдена «Пир Александра» — все это при внимательном рассмотрении тесно связано с исканиями молодого поэта в области метода и жанра. Более определенно вырисовывается характер его отношения к одической традиции и жанру похвального слова, намечается интерес к народному творчеству, обнаруживается тяготение к драматизации лирики и вырабатывается своеобразная эстетика баллады.

Библиотека открывает определенную логику жанровых исканий поэта: его интерес к песне, басне, антологическим стихотворениям, балладе. «Примериваясь» к различным жанрам, поэт как бы выявляет их потенциальные возможности. Страницы книг таят множество жанровых экспериментов Жуковского-переводчика. Его незавершенные опыты в различных поэтических антологиях, в собраниях сочинений Гейсера и Виланда, Пфэффеля и Рамлера, Мура и Байрона позволяют нагляднее увидеть сам процесс перевода, определенные сдвиги в его жанровой структуре.

Пометы в сочинениях указанных авторов убеждают в том, что жанровое многообразие и своеобразие жанров Жуковского складывались в процессе переосмысления и отталкивания от традиционных жанров XVIII века: похвального слова, кантаты, оды, басни. Так, например, наброски переводов и басенных антологиях Рамлера, в сборниках Пфэффеля со

всей очевидностью свидетельствуют о том, что поэт трансформировал жанр басни. Он отказывается от дидактической основы и превращает басню в своего рода медитацию на этическую тему. То есть жанровые поиски Жуковского 1800—1810 годов, запечатленные на страницах книг его библиотеки, наглядно показывают процесс отталкивания поэта от эстетики классицизма, процесс формирования оригинального жанрового мышления. Особенно интересный материал библиотеки Жуковского дает для исследования вопроса о месте эпической поэмы в поэзии Жуковского. В ней хранятся произведения Саути, Мура, Байрона, В. Скотта, Виланда, Гердера, Данте, Гомера, содержащие характерные пометы, а также целые страницы ранее не известных переводов. Достаточно сказать, что перевод гердеровского «Сида», ранее не опубликованный, представляет около 1000 строк поэтического текста.

Одним из первых творческих опытов Жуковского в эпической поэзии является его работа над переводом поэмы Саути «Родриг» (1818—1820 гг.). Не имея возможности воссоздать здесь полную картину работы Жуковского над переводом «Родрига», укажем лишь, что анализ ее убедительно свидетельствует о тяготении Жуковского к эпическому роду. Сохранившиеся в рукописях 45 строк позволяют выявить некоторые принципы Жуковского в создании эпической поэмы с ярко выраженной психологической установкой. В соотношении с другими опытами этого же времени («Шильонский узник», «Громобой») замысел перевода «Родрига» свидетельствует о пути Жуковского к эпической поэме. В творчестве поэта этого периода намечается поиск новых жанровых структур, связанный с решением проблемы личности со сложными психологическими коллизиями. Сама постановка этой проблемы требовала новой жанровой формы. Разрушение жанра баллады в связи с этим приобретает типический характер: это отражается в деформации жанра баллады в «12 спящих девах», «Пери и ангеле», в обращении к жанру поэмы — «моодии» (определенные И. Г. Неупокоевой) в «Шильонском узнике» и, наконец, в обращении к развернутому эпическому сюжетному повествованию в «Родриге». Библиотека Жуковского, сохранившая следы этой работы, как бы восстанавливает пропущенное звено жанровой эволюции поэта.

Почти одновременно (в марте 1820 г.) Жуковский обращается к переводу гердеровского «Сида». В библиотеке на полях и свободных частях страниц отдельного издания «Сида» сохранился перевод 17 песен (923 поэтические строки). Расшифровка этого очень неразборчивого автографа, соотнесение его с рукописными материалами, внимательное исследование других переложений «Сида» позволили

более четко представить историю создания этого перевода, а также эволюцию поэтического сознания Жуковского в период его работы над двумя вариантами. Промежуток в десять лет (1820—1831) дает основание проследить и отношение Жуковского к эпической поэзии. Если в переводе 1820 г. Жуковский стремится к наиболее полной и верной передаче эпического духа подлинника, героического характера главного героя, то печатный вариант 1831 г. не является переводом или переделкой гердеровской поэмы. Жуковский создает своеобразный эквивалент народного эпоса, что проявляется в подзаголовках «Извлечения из древних романсов испанских» и подтверждается совпадением целого ряда образов, мотивов этого варианта с подлинными испанскими романами. Эти изменения не являются случайными. Намекавшееся ранее представление поэта о произведениях народного творчества как о культурно-исторических памятниках к этому времени окончательно сложилось, о чем достаточно ясно говорит и характер предисловия. Поиск нового источника в 1830-е годы для перевода был неразрывно связан с укрепившейся традицией объективной поэзии в творчестве Жуковского.

Этот процесс, обнаружившийся в истории создания «Сиды», еще нагляднее проявляется в работе Жуковского над переводом гомеровского эпоса. Библиотека позволяет восстановить все звенья этой работы, ибо десятки экземпляров «Илиады» и «Одиссеи» содержат многочисленные пометки, маргиналии, наброски перевода. Исследование всей совокупности этих материалов приоткрывает процесс поисков Жуковским жанров эпической поэзии.

Важным этапом литературного развития поэта являются его драматургические опыты. Библиотека и архив дают очень интересный новый материал, важный для понимания динамики жанров Жуковского-драматурга 20—30-х годов XIX в. Исследование драматургических опытов поэта многое даст и для уяснения его общей творческой эволюции.

В библиотеке Жуковского находится ряд книг, пометы на страницах которых содержат размышления поэта о прозе. На полях сочинения Шишкова, на форзаце II тома Ломоносова Жуковский ставит вопрос о соотношении поэзии и прозы, об особом складе языка прозы как языка образованного общества, как особого и важного этапа в поэтическом развитии страны. В томиках Гарве, Энгеля сохранились фрагменты прозаических переводов Жуковского. В совокупности с переводами Мармонтеля, Руссо, Фенелона, хранящимися в архиве поэта, с собственными опытами в прозе, они создают более полную картину жанровых исканий автора. Прозаические и драматургические опыты обогащали поэтическую палитру Жуковского, вносили новые элементы в его творчество.

Но характерной особенностью деятельности Жуковского, на которую исследователи почти не обращали внимания, является оригинальная взаимосвязь прозы, поэзии и драмы в его творчестве.

Это проявляется и в переложении поэтических произведений на язык прозы, и в драматизации лирики. Переводы прозаических басен Лессинга, драматической поэмы «Орлеанская дева», эпической поэмы «Родриг», различные модификации «Сида» дают возможность увидеть, сколь синтетично творчество Жуковского, как сплелись в нем все три рода поэзии. Материалы библиотеки отчетливо конкретизируют этот процесс.

Это качество поэзии делается эстетически содержательней по мере роста прогрессивных тенденций в мировоззрении поэта, укрепления его связи с жизнью, углубления общественной направленности его труда. Возросшее к середине 20—30-х годов представление о высокой общественной роли поэзии побуждает Жуковского искать новые формы многогранного и объемного изображения действительности, определяет его путь от лирики, через драматургические опыты — к эпосу.

Таким образом, библиотека Жуковского, давая в руки исследователей ранее не известный материал, позволяет, как нам представляется, точнее определить некоторые этапы жанрового развития поэта, восстановить недостающие звенья его литературой эволюции.

Материалы библиотеки Жуковского дают основание поставить вопрос о точках пересечения жанровых исканий Жуковского и его современников.

Более того, библиотека дает интересный материал (переводы, маргиналии, пометы), который в соотношении с печатными и рукописными произведениями Жуковского и в сравнении с жанровыми поисками современников поэта приводит к выводам о процессе формирования жанровой системы русского романтизма.

Так, размышления Жуковского о прозе, его прозаические наброски дают основание поставить более четко и аргументированно проблему творческих контактов Жуковского и Гоголя. Их взаимные симпатии конца 30—40-х годов, бурная переписка не были случайностью и не сводились лишь к известной идеологической общности. Материалы библиотеки, в частности процесс работы Жуковского над переводами «Илиады» и «Одиссеи», его суждения об эпосе, могут дать толчок для размышления о характере гоголевской эпичности. С другой стороны, Гоголь достаточно полно и глубоко осознает путь Жуковского к переводу «Одиссеи», в которой он видит заключительный итог развития поэта, приобретшего не только выработанный «на сочинениях и переводах

с поэтов всех наций и языков», стиль, но, что особенно важно для Гоголя — эпика, «углубленный взгляд на жизнь».

Таковы, на наш взгляд, наиболее важные проблемы изучения библиотеки Жуковского, вытекающие из характера самого материала.

Не претендуя, естественно, на решение всех названных вопросов, требующее коллективных усилий многих специалистов, мы стремимся в первом томе нашего исследования⁹ поставить некоторые из них. Книга состоит из трех частей:

1. Жуковский и русская литература (Русские книги в библиотеке Жуковского).

2. Жуковский и западноевропейская литература. (Вновь открытые переводы Жуковского).

3. Некоторые вопросы мировоззрения Жуковского. (Чтение философской, исторической, общественно-политической литературы).

Каждая из названных частей строится на новом материале, извлеченном из библиотеки Жуковского в Томске и Ленинграде и в пределах этого материала, который исследуется в тесной связи с архивными документами, творчеством и эпистолярным наследием поэта. Обнаруженный и расшифрованный нами материал предопределил не только содержание, состав глав, композицию работы, но и сам характер исследования.

Так, в первой части «Жуковский и русская литература» читатель найдет главу о Шишкове и не найдет специальной главы о Карамзине. И это только потому, что в библиотеке Жуковского имеется новый материал о Шишкове и, как это ни странно, не обнаружено произведений Карамзина (за исключением «Истории Государства Российского», о которой у нас речь пойдет в историческом разделе третьей части).

Первая часть, за исключением глав о Ломоносове и Шишкове, содержит небольшой, но характерный, с нашей точки зрения, материал (пометы, отчеркивания, редакторская правка Жуковского в книгах и т. п.), осмысление которого потребовало привлечения большого смежного историко-литературного материала и прежде всего архива Жуковского. Этим объясняется стремление авторов этой части к историко-литературным и литературно-эстетическим обобщениям о месте Жуковского в литературном движении и литературной борьбе 10—20-х годов.

Вторая часть «Жуковский и западноевропейская литература» полностью основана на вновь открытом в Томской библиотеке Жуковского рукописном материале (около тысячи стихов переводы гердеровского «Сида», перевод значительной части трагедии Вернера «Двадцать четвертое февраля» и

⁹ Выход из печати II тома планируется на 1980 г.

некоторые другие автографы Жуковского). Новый, совершенно не изученный текст потребовал достаточно полного исследования. Вопросы текстологии, источники переводов Жуковского, проблемы эволюции метода Жуковского, особенности его стиля и жанра оказались на первом плане.

Развернутые маргиналии и другие пометы Жуковского на произведений философского, исторического, общественно-политического характера в III части дают, как нам представляется, очень конкретный материал для суждения о некоторых сторонах мировоззрения поэта. Однако в связи со сложностью самих проблем и специфичностью материала (философия, психология и т. д.) наше исследование его подчас носит предварительный характер общего комментария.

Несколько слов о принципах описания и исследования материала. Не имея возможности описывать все пометы Жуковского (нередко книги содержат многие сотни помет), мы, как правило, каждый раз даем обобщающую характеристику особенности чтения Жуковского. Такие пометы, как подчеркивания, подчеркивания, знаки и значки, приводятся частично, в наиболее характерных случаях. Что же касается маргиналий Жуковского, построчных переводов и любого рукописного материала, то они приводятся полностью, чаще всего концентрированно, как правило, отдельно от общего текста главы или части. Это дает возможность любому исследователю Жуковского использовать сам материал, независимо от характера его истолкования авторами.

Обычно Жуковский делает свои замечания к прочитанному на том же языке, на котором написана книга, чаще всего на немецком и французском языках, реже на русском. Иногда маргиналии Жуковского в одной и той же книге делаются сразу на нескольких языках (так читается книга К. Галлера «Реставрация науки о государстве»). Во всех случаях мы даем русский перевод маргиналий, частично или полностью приводя текст подлинника.

Рукопись работы обсуждалась на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы Томского университета, секторов новой русской литературы и русско-зарубежных литературных связей в ИРЛИ АН СССР. Авторы консультировались с литературоведами Москвы и Ленинграда. Они приносят свою сердечную благодарность М. П. Алексееву, В. Э. Вацуру, М. И. Гиллельсону, Р. В. Иезуитовой, Е. Н. Курпреяновой, Ю. Д. Левину, Н. И. Пруцкову, М. Л. Семановой, Г. М. Фридендеру за их большую помощь в исследовании сложного материала.

Часть I

В. А. ЖУКОВСКИЙ
И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

*(Русские книги в библиотеке
В. А. Жуковского)*

Глава первая

КНИГИ ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В БИБЛИОТЕКЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

I

Русская часть библиотеки В. А. Жуковского достаточно обширна. Собрания сочинений и поэтические сборники, переводы, труды по эстетике, истории, экономике, путеводители — все это не просто стояло на полках его библиотеки, но тщательно было прочитано, хранило следы его карандаша. Более того, было осмыслено и переработано, свидетельством чего являются его статьи, заметки, конспекты.

Материалы библиотеки и творческая деятельность Жуковского неразделимо связаны между собой. Их единство — свидетельство неустанной деятельности Жуковского в деле популяризации русской поэзии, воспитания эстетического вкуса русского читателя, осмысления путей развития русской литературы. Библиотека поэта в этом смысле не только источник дополнительной информации и более углубленного представления об этих аспектах его деятельности, но и важнейший источник его эстетического развития на протяжении нескольких десятилетий.

Когда всматриваешься в деятельность Жуковского 1800—1830-х годов (участие в литературных обществах, издание «Вестника Европы» и «Собирателя», работа над «Собранием русских стихотворений» и подготовка различных поэтических антологий, редактирование), то видишь ее удивительную целенаправленность. Все это была работа, связанная с воспитанием русского читателя, борьба за новую литературу.

Споры в Дружеском литературном обществе о путях развития русской литературы не прошли для Жуковского бесследно. Они стали ориентиром в его размышлениях. 16 ноября 1805 г. впервые появляется в дневнике запись: «Займусь теперь сочинением моего собрания лучших русских авторов»¹. И затем на протяжении почти десяти лет

¹ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. в 12-ти т. Под редакцией А. С. Архангельского, т. 12. Спб., 1902, с. 132.

Жуковский ведет работу по подготовке такого издания. В письме А. И. Тургеневу от 15 сентября 1809 г. он так определяет свою цель: «Я издаю не примеры, но полное собрание лучших стихотворений Российских,— книгу, которая могла бы заменить для людей со вкусом и для не весьма богатых людей собрания всех сочинений Русских поэтов каждого порознь»². План этого издания свидетельствует о той колоссальной работе, которая была проделана поэтом. Необходимым пособием в этой работе были русские книги и журналы, содержащие произведения русской поэзии. Сравнение пометок в книгах с планами и содержанием «Собрания» позволяет представить отношение Жуковского к тому или иному поэту, определенную эволюцию такого отношения. Собрания сочинений и сборники произведений Ломоносова, Дмитриева, Востокова, Милонова запечатлели следы этой работы.

Автор одной из немногих статей об издательской деятельности Жуковского В. Пухов справедливо заметил, что «даже о такой важной и кропотливой работе поэта, как составление и издание в 1810—1815 годах шести книг «Собрания русских стихотворений», нигде не упоминается, хотя о популярности этого издания говорит тот факт, что только по подписке было распространено 384 экземпляра — цифра для того времени внушительная»³. Хочется добавить, что об этой стороне деятельности поэта вообще говорится мало, а между тем как популяризатор русской поэзии Жуковский — явление интересное и значительное.

В предисловии к «Собранию русских стихотворений», которое есть «сокращение нескольких сот книг», издатель уже в самом начале проникнут заботой о своеобразном престиже русской поэзии. «Немцы, англичане и французы, — пишет он, — давно имеют собрания отечественных стихотворений, и частные и общие, и все роды и один только род поэзии объемлющие; напротив, у нас, хотя мы уже довольно богаты поэтами, по сие время, кроме немногих песенников, не было еще ничего подобного... Вот первый и вероятно весьма несовершенный опыт собрания общего»⁴.

Обосновывая свои издательские принципы, Жуковский постоянно определяет, в чем заключается истинная оригинальность автора. Материалы, связанные с полемикой вокруг «Рассуждения» Шишкова, и вся арзамасская деятельность позволяют говорить о том, что Жуковский ратовал за оригинальность, не замыкающуюся только в национальном материале, не отгороженную сектантски от всего наследия евро-

² Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 48.

³ Пухов В. В. Жуковский — составитель и издатель сборников стихотворений русских поэтов.—«Русская литература», 1959, № 3, с. 186.

⁴ Собрание русских стихотворений, изданных В. А. Жуковским, ч. I, М., 1810, с. III—IV.

пейского просвещения, а за оригинальность, воспитанную в тесной взаимосвязи с достижениями европейской мысли и современной истории.

В этой связи несомненный интерес представляет активная работа Жуковского по консолидации сил. Протест поэта против журнальной ругани был не столько выражением пассивности Жуковского, сколько его своеобразным пониманием задач истинной критики. В своих программных статьях 1809 года («О басне и баснях Крылова», «О критике», «О сатире и сатирах Кантемира») он настойчиво подчеркивает, что «критика может быть у нас приготовлением к хорошему»⁵. Для приготовления хорошего он и пытается объединить силы. Любопытен его замысел «издавать в начале каждого года по две книжки: в одной будут одни русские сочинения в стихах и прозе (разумеется, что переводы в стихах принадлежат к сочинениям), в другой будут переводы образцовых пьес с немецкого»⁶. Он рассчитывает вместе с Дашковым выполнить эту работу, чтобы «в начале каждого года являлось бы несколько весьма свежих и ароматных цветков, которые приучили бы русские носы к тонкому обонянию»⁷. Такую же просветительскую миссию в области французской литературы он предлагает Вяземскому, в области итальянской — Батюшкову. В качестве авторов и сотрудников он называет Дашкова и Воейкова, Блудова и Северина, Пушкиных («дядю и племянника»), Никиту Муравьева и Кавелина, Дмитриева и Давыдова, многих арзамасцев. Стремление объединить лучшие литературные силы для воспитания читательского вкуса — свидетельство активной деятельности Жуковского. Любопытен и сам факт одновременного издания образцов русской и иностранной литературы. Жуковский настойчиво ищет пути к созданию оригинальной русской словесности.

В многочисленных эстетических конспектах и «экстрактах», в списках, которые так часто появляются на форзацах его книг, русские авторы и иностранные классики идут рядом. Ломоносов соседствует с Лагарпом, Карамзин со Шлёцером, а все это вместе поэт называет «учебой у классиков». Уже на полях шишковского «Рассуждения» Жуковский ставит вопрос о том, как учиться и чему учиться, затем этот вопрос более четко будет сформулирован на страницах ломоносовского «Похвального слова»: «Что значит учиться писать посредством чтения авторов?». Чтение и размышление по ходу его

⁵ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. в 12-ти т., т. 9. Спб., 1902. с. 99.

⁶ Жуковский В. А. Письмо П. А. Вяземскому от 27 января 1817 г. — Цит. по кн.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 371. Об этом же в письме Жуковского к Д. В. Дашкову от 1817 года. — «Русский архив», 1868, № 4—5, с. 839.

⁷ «Русский архив», 1868, № 4, с. 839.

становилось своеобразной черновой лабораторией эстетики поэта. Мысли, оставленные на полях книг, затем перекочевывали на страницы рукописей. Так рождались эстетические размышления Жуковского.

II

Предисловие к «Собранию», сам отбор материалов, подчеркивания в книгах, записи в книгах Шишкова и Ломоносова по поводу учебы у классиков, заявление о том, что «в сочинениях Ломоносова, Державина, Дмитриева, Карамзина и еще некоторых новейших найдутся образцы, довольно близкие к тому идеалу изящного, который должен существовать в голове каждого критика» (статья «О критике»), списки в книгах и «экстракты» в рукописях — все это связывает воедино рукописи Жуковского, его печатные произведения, письма и библиотеку поэта, соединяет так, что одно дополняет другое и уточняет мысль, и способствует обобщению.

Так, своеобразным обобщением мысли об учебе у классиков, об оригинальности литературы явились заметки, хранящиеся в архиве поэта. На одном из листов с автографом первых шести строф «Вадима» стоит дата: 19 июля 1816 года, а на обороте этого же листа, по словам И. Бычкова, «набросок программы занятий русскою историей»⁸. Однако уже заголовки заметок, представляющие серию вопросов: «Что есть оригинальность автора. Как образовывать оригинальный хар[актер] русск[ой] поэзии. Читать каких авторов», свидетельствуют о несколько иных намерениях автора. В этом и убеждает текст заметок, которые мы приводим полностью:

1. Автор оригинальнейший: собственные мысли соответствуют своему времени, но облечены в форму национальную. Форма постепенно меняется. Двойное изменение: — заимствованное или произведенное течением времени — как изменение растущего дерева. Если посадить на место его другое такое же, изменения на дереве нет. — Итак, оригинальность есть зрелость, произведенная собственною растительною силою. Чтобы иметь ее, надобно пройти все степени другие. В языке надобно следовать его постепенному образованию. Быть национальным не значит писать так, как писали русские во времена Владимира; но быть русским своего времени, питомцем прежних времен.

2. Итак, следовать сколько возможно за языком всех времен <ных> памятных; воспользоваться прошедшим для настоящего.

3. У иностранцев только <наследовать> оригинальных — тех, которые сообразны со своим веком. Но воспитанники прежних, а не подражатели чужим в своем веке. Таких оригинальных авторов в наше время немного. — Гете, Шиллер, Фукс. — У Французов может быть Мильвуа. У нас совсем нет. Из древних все греки оригинальны до Перикла. Римляне подражатели, но для нас их искусство оригинально. А в истории неподражательны. — У англичан Шекспир, Мильтон, Томсон, В. Скотт, Саути и

⁸ Бычков И. А. Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в ГПБ. — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год, с. 57.

<многие> из новых.— Гете, Шиллер. Бюргер.— Вольтер, Мольер. Лафонтен. Расин. Корнель.—Тассо. Ариост. Данте.—Кальдерон, Сервант.— У нас Лержавин и Ф. Визин. Оригинальный характер в летописях. Библия. Са-контала. Фирдоуси. Тысяча и одна ночь.

4. Оригинальность нашей поэзии в истории. В ней материал, надобно угадать дух каждого времени и выразить его языком нынешнего, но не заимствованного ни от какого из соседей по форме, а много занять из летописей. История Карамзина — большое усовершенствование прозы. Тою же дорогою должна идти и поэзия.

5. Итак, с одной стороны для материалов и для языка: русскую историю и русскую древность.— Для образцов оригинальных поэтов и прозаиков иностранных. Прозаисты: Геродот, Ливий, Тацит, Монтань. Руссо, Босюэт. Фенелон. Гете. Гердер. Ламот Фуке. Миллер <нрзб.> Юм. Смит. Читать летописи. Все древнее: песни (у Румянцева).

Собирать: народные предания, сказки.

6. Предметы: Игорь. Владимир. Александр Невский. Д. Донской. М. Черниговский. Годунов.

Разделить занятия на приобретение и употребл.<ение>.

Поэзия — национальная.

Приобретение — чтение образцов

	Кальдерон
	Тассо
чтение классиков	Шиллер
	Ливий
чтение истории	Вергилий
	Одиссея
русская история и язык	Саконтала

В продолжение этого времени

переводы
мелкие сочинения.

Под именем образцов — поэзия драматическая и эпическая и теория обеих

Под именем историков — Русская история и язык и все <нрзб.> Классики во всех родах⁹.

Эти заметки 1816 года отразили размышления Жуковского о своеобразии русской литературы. Уже в самой структуре заметок, в стремлении выделить узловые проблемы, наметить программу-максимум и программу-минимум очевидна попытка обобщить наблюдения. Многие из мыслей этого конспекта прямо перекликаются с записями на полях и обложках книг, а сам конспект словно является расшифровкой тех записей-мыслей, которые брошены в книгах. Многие имена, приведенные в конспекте, можно найти в списках, которыми испещрены книги. Так, чтение и размышления, запечатленные в рукописях, смыкались и образовывали синтез «приобретения и употребления».

III

Работая над созданием русской поэтической антологии, размышляя над проблемой оригинальности литературы, Жуковский думал и о своеобразной теории искусства примени-

⁹ ГПБ, ф. 286, оп. I, ед. хр. 26, л. 26 об.

тельно к русской поэзии. В предисловии к «Собранию» он так определяет свой замысел: «Но чтобы сделать издаваемую нами книгу и в другом отношении полезною, надлежало бы к образцам стихотворного искусства, в ней предлагаемым, присоединить и самую теорию сего искусства; теорию общую применить в особенности к поэзии Русской; критически рассмотреть и красоты и недостатки Русских Поэтов, и наконец, определив отличительный характер Русского стихотворства, изобразить исторически и начало его и ход и постепенное образование, по...»¹⁰. Жуковский не считал себя подготовленным к такой работе и не осуществил замысел. Однако следы той работы мы находим и в рукописях, и в книгах. Жуковский словно между делом бросает штрихи своего замысла: поэтому записи его — это всегда очень лаконичные шифры мыслей. Их совокупность и рождает разнообразные аспекты литературной позиции поэта. Так, например, записи на обложке II тома сочинений Ломоносова и подобные же записи в рукописях позволяют расшифровать замысел «теории русской поэзии» и достаточно точно его датировать¹¹.

Далеко не случайно и наличие в библиотеке поэта произведений русской эстетики. Жуковский очень внимательно следил за ее еще робкими шагами. Кроме «Рассуждения» Шишкова и произведений, связанных с полемикой вокруг него, в библиотеке имеются «Опыт о русском стихосложении» А. Востокова и «Замечания на опыт о русском стихосложении Н. Гнедича, «Теория поэзии» С. Шевырева и «Учебная книга русской словесности» Н. Греча, эстетики П. Георгиевского и Н. Грамматина, И. Давыдова и Н. Иванчина-Писарева, А. Глаголева, риторики Н. Кошанского и И. Рижского, исследования П. А. Вяземского о Фонвизине, Н. Ф. Остолопова — о Державине, П. А. Плетнева — о Крылове. Не все из этих книг содержат пометки Жуковского, и это вполне объяснимо: одни из них были не лучшим переложением трудов западноевропейских эстетиков, в частности Эшенбурга, Лагарпа, Зульцера, которые так тщательно штудировал молодой поэт, другие были слишком конспективны. Но зато все, что вызывало живой интерес Жуковского, сразу отмечалось им. Испещрено маргиналиями «Рассуждение» Шишкова, характерные пометки сделаны в книгах А. Глаголева и Н. Греча, вызывают интерес пометки и записи в «Риторике» И. Рижского и в «Фон-Визине» Вяземского. Если учесть, что записи в шишковском «Рассуждении», вероятно, относятся к 1803—1804 годам, а пометы в «Фон-Визине» сделаны в конце 40-х годов, то более чем 40-летняя история эстетического развития поэта оживет в этих карандашных заметках.

¹⁰ Собрание русских стихотворений, изданных В. А. Жуковским, ч. I, М., 1810, с. IX.

¹¹ Подробнее об этом см. раздел «Ломоносов и Жуковский».

Как правило, пометы Жуковского в книгах по местоположению можно разделить на три группы: большинство отчеркиваний, подчеркиваний, записей сделано непосредственно по ходу чтения на полях книги; вторая часть помет выносится на форзацы и обложки книг, и это уже своеобразные резюме. Эта группа пометок-резюме включает обычно конспект-шифр, то есть очень сжатые мысли для будущих размышлений, и списки образцов, источников.

Наконец, третья группа помет находится непосредственно в оглавлении: системой различных значков поэт отмечает произведения, привлекая его внимание, выделяет интересные разделы, главы.

Вот, например, «Опыт риторики» И. Рижского¹². В оглавлении отчеркнуты разделы первой части: «О точности слов и выражений» и «О ясности сочинения». Отчеркивания характерные: они связаны с размышлениями поэта о выражении мысли в поэзии и прозе. В самом тексте книги по ходу чтения Жуковский делает подчеркивание в этой же части, имеющей общее название «О совершенстве слов, которые происходят от выражений, или об украшении». Так, на с. 39 он подчеркивает следующие строчки: «речение изображает вдруг не только два понятия, но и в то же время дает чувствовать читателю и некоторое между ними соотношение, или особый подбор и расположение в речи не только слов, но и целых предложений». Эти подчеркнутые строчки связаны с мыслью автора о существе украшений, о их классификации. Поэтому Жуковским и выделена эта мысль как опорная, методологически важная. Затем по ходу чтения (с. 40, 42, 43, 47—49) поэт подчеркивает определения метафоры, аллегории, синекдохи, эмфазиса, гиперболы, иронии и т. д. Жуковский занимается изучением теории поэзии. Причем изучение иногда носит практический характер. Так, на с. 43 к § 26 о синекдохе Жуковский записывает десяток примеров: «род — вид, часть — целое, нариц. — собств.» и т. д. Это умение учиться через чтение, мыслить в процессе чтения, полемизировать, читая, всегда ощутимо при знакомстве с пометами поэта.

Читая Рижского, Жуковский обращает внимание на некоторые его определения поэтических тропов, закрепляет их понимание практически, отмечает некоторые примеры (на сс. 50—52 отчеркнуты примеры «изоблоования», многосоюзия). Таким образом, отчеркнутые в оглавлении разделы и подчеркивания в тексте дают определенное представление о направлении мысли читателя. Это связано с размышлениями Жуковского о слоге. И как резюме на нижнем форзаце появляется следующая запись:

¹² Рижский И. С. Опыт риторики. М., 1809.

Некоторые способы слога.

Образцы мысли

	_____слов	
	_____предл <ожений>	
Слог		
Боссюэт	Шиллер	Фильдинг
Фенелон	Гете	В. Скотт
Монтань	Лессинг	Гольдсмит
Руссо	Ж. Поль	
Вольтер		
Монтескье		
Лабрюйер		
Шатобриан		
Севинье		

Эта запись характерна для Жуковского-читателя. В ней мы видим движение мысли от замечаний по поводу чтения «Опыта риторики» Рижского к размышлениям о слоге вообще, его образцах. Книга как бы дает импульс к работе. И далеко не случайно появление среди рукописей поэта папки под общим названием «Примеры слога, выбранные из лучших французских прозаических писателей» (42 листа)¹³, где среди авторов встречаем те же имена. Многочисленные переводы Жуковского из этих авторов, относящиеся к 1804—1809 годам, являются своеобразным практическим приложением к «Риторикам» Кошанского и Рижского.

IV

В определенном смысле прикладной характер носит и чтение Жуковским «Учебной книги российской словесности» Н. Греча (Спб., 1819—1822) и сочинения А. Глаголева «Умозрительные и опытные основания словесности» в IV частях (Спб., 1834). Эти книги читает уже не начинающий поэт, а один из лучших поэтов России, сам много сделавший для русской словесности. Поэтому чтение его более сдержанно, но достаточно целенаправленно.

В «Учебной книге российской словесности» Греча (ч. IV) все многочисленные пометки сосредоточены в главе «Опыт краткой истории русской литературы». Вслед за автором Жуковский осмысливает ход русской словесности от возникновения письменности до литературы екатерининской поры. Во всяком случае дальше пометки отсутствуют. Все пометы можно разделить на две группы. Это, во-первых, отчеркивания и подчеркивания, связанные с историей языка, и, во-вторых, знаками NB и X отмечены важнейшие памятники русской литературы и ее наиболее яркие представители. Ви-

¹³ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 16.

димо, сама попытка Греча показать в определенном единстве развитие языка и литературы импонировала Жуковскому.

Подчеркивания Жуковского в связи с историей языка в своей совокупности могли бы образовать законченный «экстракт». Уже на с. 291 в самом начале главы он NB отмечает примечание Греча о развитии письменности, а затем на с. 290 как обобщение прочитанного возникает план-конспект:

$\frac{1}{9}$ вск Мефод<ий> и Конст<антин>

Кирил<лова> азбука

$\frac{1}{11}$ — Остромир

1580 — I вся библ<ия> в Остр<оге>

Елисавета

харатейное

бумаг.

До XV — перг<амент>

С XV — холст <нрзб>

Устав.

С XIV полуустав

С XV скоропись

Два языка — русский и церковнослав<янский>

С удивительной концентрированностью Жуковский в этом плане совместил и хронологию развития письменности, и важнейшие аспекты развития языка. А затем на с. 293, 298—299 и др. он выделяет подчеркиванием этапы развития литературного языка. Так возникает в его сознании определенная картина истории языка.

Столь же целенаправленно поэт осмысляет и движение литературы. Специальным значком X он отмечает имена Нестора и Даниила, Владимира Мономаха, авторов Печерского Патерика — Симона и Поликарпа, «Слово о полку Игореве». Затем появляются NB; так отмечены имена Софрония, автора «Повести о нашествии Мамаю», Макария, автора «Жития Святых», Максима Грека, князей Курбского и Острожского, Антиоха Кантемира. Рядом с NB Жуковский использует и другой знак X, отмечая так имена Франциска Скорины и Феофана Прокоповича. Видимо, очерки об этих авторах особенно внимательно были прочитаны поэтом и взяты на вооружение. Таким образом, книга Греча с разнообразными пометами Жуковского, видимо, была использована как материал для конспекта по истории русской литературы. Вполне возможно, что написанный в 1827 году «Конспект по истории русской литературы» поэт предполагал расширить: ведь «Конспект» почти не содержал этих материалов.

Сочинение Глаголева, носящее «информационный» характер, не имеет помет Жуковского внутри текста, но в оглавлении характерным значком отмечены главы, вызвавшие интерес поэта или в первую очередь предназначенные для прочтения. Из 38 глав всех четырех частей отмечено всего 9,

причем большинство отмеченных глав (8) имеют отношение не к теории словесности, а к истории русской литературы. Так, в части II («Система русского языка») отмечены 4 главы, повествующие об отношении русского языка к другим, в части IV («План Истории русской литературы») выделены следующие главы: «О памятниках языка Великороссийского», «О характеристике Русских Прозаиков и о настоящем состоянии Русской Прозы», «О характере русской народной Поэзии», «О характеристике Русских Поэтов и о настоящем состоянии Поэзии в России». Такой характер отметок в оглавлении — свидетельство целенаправленной работы Жуковского по осмыслению истории русской литературы. И книга Греча, и сочинение Глаголева углубляли представления поэта об историко-литературном процессе. Русская эстетика у Жуковского-читателя пришла на смену западноевропейской эстетике.

В «Конспекте по истории русской литературы», говоря о недостатке еще оригинальных произведений, Жуковский замечает: «...не нужно, однако, среди такого множества посредственных писателей в прозе забывать Греча, слог которого имеет живопись, но не свободен от дурного вкуса. В течение 15 лет он является редактором лучшего русского журнала: это уже заслуга. Кроме того, он занимается составлением русской грамматики, которая, несомненно, будет трудом, достойным уважения»¹⁴.

О внимательном изучении этой грамматики свидетельствуют многочисленные пометки и записи Жуковского в книге¹⁵. Кстати, нелишне заметить, что в предисловии, написанном Ф. Булгариным, приводятся слова Греча, выражающего благодарность В. А. Жуковскому «(отдавшему в мое распоряжение составленные им в рукописи отдельные правила Грамматики Русской)»¹⁶. Поэтому вполне вероятно, что Жуковский читал книгу особенно пристрасно. В самом тексте книги множество отчеркиваний. Очень внимательно и творчески изучен раздел о родовых признаках имен существительных (так, например, несогласие Жуковского вызвало отнесение к мужскому роду существительных «сельдь» и «студень»). Тщательно изучены имена существительные общего рода (с. 116) и употребляемые только во множественном числе. Жуковский как всегда проверяет понимание той или иной грамматической категории практически. На с. 273, 317

¹⁴ Жуковский В. А. Конспект по истории русской литературы. — В кн.: «Труды отдела новой русской литературы Пушкинского дома». М.—Л., 1948, т. I, с. 312. Далее: «Конспект».

¹⁵ Греч Н. И. Пространная русская грамматика. СПб., 1827. Экземпляр этого издания хранится в собрании НБ ТГУ.

¹⁶ Греч Н. И. Пространная русская грамматика, т. I, СПб., 1827, с. IX.

и др. он выполняет своеобразные грамматические упражнения. Особенно подробно он изучает главы о глаголе и глагольных формах. И это связано с его лингвистическими изысканиями, о которых П. А. Плетнев писал так: «С удивительным спокойствием и терпением он принялся за обработку Грамматики Русского языка, и особенно за исследование глаголов его, этой загадки, до сих пор вполне неразгаданной»¹⁷.

Но работа не заканчивается на страницах книги. Жуковский выносит ее на форзацы и обложку. Очень густо исписан задний форзац. Здесь и грамматическая таблица, и размышление о причастии, о спряжении, и упражнения по образованию разнообразных форм от глаголов «бегать», «держать», «летать», «колебать», «лежать». Одним словом, Жуковский неутомим в своих лингвистических изысканиях, во многом связанных с его преподавательской деятельностью.

И вот прямо среди грамматических экзерсисов возникает фрагмент послания, обращенного к государю. Он еще станет объектом нашего внимания¹⁸, но характерен сам факт появления его на «Грамматике»: книга в руках Жуковского превращалась нередко в страницу его творческой биографии, поэтому исследование библиотеки Жуковского не может быть замкнуто и ограничено только пометами. От книг на просторы творчества поэта — вот единственно плодотворный, на наш взгляд, путь.

V

Пометки Жуковского на страницах книг по теории и истории русской словесности достаточно целенаправленны: поэт продолжает размышлять о поступательном движении русской литературы, ее своеобразии, о связи языка и литературы, о формировании слога. В этом смысле особенно любопытны пометки на книге Вяземского о Фонвизине¹⁹. Так как эти пометки принадлежат уже позднему Жуковскому, то можно говорить об их определенной итоговости. Основная часть помет находится в первых главах, посвященных истории русской литературы. Характерной пометой в этой книге является вопросительный знак. Около десяти раз Жуковский так выражает свое отношение к читаемому. Уже на первой стра-

¹⁷ Плетнев П. А. О жизни и сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1853, с. 23.

¹⁸ См. раздел «Круг чтения В. А. Жуковского 20—30-х годов как отражение его общественной позиции».

¹⁹ Вяземский П. А. Фон-Визин. СПб., 1848. В обширном исследовании Вацуро В. Э. и Гиллельсона М. И. о судьбе книги Вяземского в 30-е годы (Новонайденный автограф Пушкина. М.—Л., 1968) имя Жуковского по существу отсутствует, хотя среди читателей цензурного экземпляра были все его друзья.

нице книги Жуковский подчеркивает слова о том, «что в эпохе, изучаемой нами, нет литературы истинной, живой, которая не без причины названа выражением общества».

Потом отмечена мысль Вяземского о «двойкой литературе». Эти подчеркивания внешне лишены всякой эмоциональной оценки. Правда, к первой же фразе книги «История литературы народа должна быть вместе историею и его общежития» Жуковский на полях добавляет: «язык — великий памятник», вероятно, уточняя мысль автора и подчеркивая важность языка для изучения народа. А на с. 3, где Вяземский говорит: «Равно и между творением отличным и народом, коего общество еще не готово для литературы, или литература еще не созрела для общества, нет также обоюдности глубокой и постоянной. Концерт отслушан, книга прочтена, и тот и другая возбудили несколько изящных ощущений, может быть, несколько благородных соревнований, но тем все и кончилось», Жуковский пишет всего одно слово «печать», очевидно, имея в виду важность для воспитания эстетического вкуса, для «приурочивания к будущему» периодической печати, критики.

Однако если на первых страницах книги эмоции сдерживаются, все, что говорит автор, разделяется в основном и читателем, то постепенно вопросительный знак активно вторгается на поля книги. Так, слова Вяземского о том, что «она (отечественная литература. — А. Я.) не есть жизнь народа нашего, а разве одна из блистательных отраслей общежития его: она не народный дар слова, не народный глагол, а одно изящное выражение народа, как музыка или живопись», не только подчеркнуты, но и отмечены вопросительным знаком. Но более того, Жуковский оригинально выражает свое несогласие с Вяземским: на полях он пишет четыре имени, знаменующие, по его мнению, народность литературы. Это следующие имена: Крылов, Державин, Гоголь, Пушкин. На этой же странице Жуковский подчеркивает и другие слова автора: «русское общество еще вполне не выразилось литературою. Русский народ сильнее, плечистее, громогласнее своей литературы», не подвергая их сомнению. В таком отношении к вопросу о народности русской литературы проявилась двойственность оценки поэта: с одной стороны, он не согласен с мнением об отсутствии в русской литературе выразителей «народного глагола», а с другой — он видит и перспективы развития литературы.

Жуковский читает книгу под определенным углом зрения. Так, многочисленные подчеркивания на с. 6—7, где говорится о победах русского народа, о связи духа русской поэзии с этими победами, в своей совокупности образуют

небольшой очерк о патриотизме русской поэзии. Вот выписанные подряд четыре подчеркивания: «Сии громы, сии торжественные победные молебствия отозвались в поэзии нашей и дали ей направление...», «Воинственная слава была лучшим достоянием русского народа: упоенные, ослепленные ею, радели мы мало о других родах славы...», «Лира Ломоносова была отголоском Полтавских пушек. Напряжение лирического восторга сделалось после него, и без сомнения от него, общим характером нашей поэзии...», «Ломоносов, Петров, Державин были бардами народа, почти всегда стоявшего под ружьем, — народа, праздновавшего победы или готовившегося к новым». Афористически отточенные рассуждения Вяземского были положительно восприняты поэтом: ведь и его поэтическая деятельность периода Отечественной войны 1812 года органично развивала это направление русской поэзии.

С этими размышлениями о характере русской литературы соприкасается и серия вопросительных знаков (с. 10, 14, 15) рядом к мыслям Вяземского о влиянии двора, вельмож на литературу. Так, например, Жуковский подчеркивает на с. 14 слова: «Вообще из переписок того времени, которые удалось нам прочесть, видно, какое постоянное участие принимали вельможи наши в движениях современной литературной деятельности», а затем ставит на полях вопросительный знак. Так же отмечена подобная мысль на с. 15, а на с. 10 вопросительный знак относится к целому абзацу: «Счастлив поэт, умеющий пользоваться средствами, угадывать впечатления и высекать пламень поэзии из сочетания двух слов; но счастливее Государь, который умел облечь имя свое красками и очарованием поэзии. Счастлив он, когда имя его, священное в летописях признательной истории, дарит сильные звуки и лире поэтов, которые дорожат истиною только тогда, когда она всемогуща над воображением». В чьем счастье сомневается поэт, можно только догадываться, но несомненно, что на закате своей жизни особых иллюзий насчет участия сильных мира сего в литературе Жуковский не питал. И в этом он был прозорливее столь поправившего Вяземского, того самого Вяземского, который обвинял поэта когда-то в отсутствии «капли конституционной крови».

Само соотношение пометок Жуковского о народности литературы, о патриотическом направлении русской поэзии, появление имен Крылова, Державина, Гоголя, Пушкина как почитателей «глагола народного», вопросов, вызванных мыслями Вяземского о благотворном влиянии двора, света на литературу — свидетельство прогрессивности позиции поэта. Поэтому уже не кажется случайным подчеркивание Жуков-

ским мысли о том, что «если, по выражению Бюффона, в слоге весь человек, то в литературе весь народ...» (с. 17).

Следующая группа помет Жуковского в «Фон-Визине» связана с проблемами воспитания и вопросами развития литературного языка. Уточнению подвергается мнение Вяземского о том, что «должно быть прежде или более гражданином, нежели семьянином» (с. 29). Весь абзац, раскрывающий эту мысль, отчеркнут, отмечен вопросительным знаком, а на полях следующая запись: «Кто не был семьянином, не будет и гражданином». Вряд ли можно говорить о принципиальном несогласии читателя «Фон-Визина» с автором. Скорее в этом замечании ощущается несогласие поэта с категоричностью Вяземского и акцентировка внимания на этической стороне проблемы. Видимо, и другой вопросительный знак, сопровождающий подчеркнутые слова: «*Европейское воспитание, которое уже в возмужалом возрасте довершило воспитание домашнее, исправляло предрассудки, просвещало ум, не искореняло впечатлений первоначальных, которые были преимущественно отечественные*», был выражением этой же мысли. Не стоит, наверное, сомневаться в высокой оценке Жуковским европейского образования, но он в своих многочисленных рассуждениях об этом настойчиво говорил об особых функциях воспитания и учения, образования. Так, на странице книги Дюкло в главе о воспитании он записывает: «Воспитание есть моральное усовершенствование, привычка к добру, заранее влагаемая в сердце, и привычка к размышлению, заранее данная уму. Ученье есть украшение ума познаниями. Воспитание есть развитие натуральных способностей, их исправление, а учение — направление сих способностей к овладению другими предметами»²⁰. Целый ряд мыслей об уничтожении предрассудков, нравственном воспитании, о том, что в «уничтожении предрассудков нужна постепенность», определяли несогласие Жуковского с Вяземским в его преувеличении роли европейского образования. И здесь, как нам кажется, Жуковский проявлял больше веры в собственно отечественное развитие, хотя, конечно, специфически понимал его. Размышления поэта о воспитании не были оторваны от его размышлений о развитии литературы. Сквозной мыслью этих раздумий была мысль об оригинальном пути развития литературы.

Пометы, связанные с историей литературного языка — в основном подчеркивание этапных моментов в его развитии. Так, любопытно, что Жуковский специально отчеркивает

²⁰ Oeuvres morales et galantes de Duclos, v. 1, 1797, p. 13. Экземпляр этой книги хранится в собрании Пушкинского дома.

слова: «Сня сшибка мнений (карамзинистов и шишковистов. — А. Я.) образует замечательный период в истории нашей литературы». Здесь интересны два момента: 1) более чем через 30 лет, когда поэт сам был участником этой сшибки, память о тех событиях была жива в нем, 2) борьбу вокруг литературного языка Жуковский называет «замечательным периодом в истории нашей литературы».

Из всех помет, касающихся вопросов языка, пожалуй, особого внимания заслуживает пометка Жуковского на с. 56. Вот какие подчеркивания сделаны им в первом абзаце: «Один из лучших критиков наших, Мерзляков, восхищается в Ломоносове очаровательным соединением слов Славянских с Российскими. Признаюсь, не постигаю, какое может быть тут очарование. Слова Славянские хороши, когда они нужны и необходимы, когда они заменяют недостаток Русских: они даже тогда законны; ибо на нет и суда нет. В языке стихотворном они хороши, как синонимы, как пособия, допускаемые поэтической вольностью и служащие иногда благозвучию стиха, рифме или стопосложению. Вот и все. Но между тем нельзя не жалеть о том, что какая-то почетная именованность, данная Славянским словом перед Русскими, вытеснила многие из них из языка стихотворного, как будто низкие». Жуковский не подвергает эти слова автора сомнению, он только уточняет их, записывая на полях: «величье от языка церковного». Тем самым он прежде всего определяет функцию «слов Славянских» в поэтической речи. История литературного языка и история литературы неразделимы в сознании поэта.

Как уже говорилось, основная часть помет сосредоточена в развернутом прологе к разговору о Фонвизине. По существу на с. 68 этого большого исследования кончаются пометы. Но одна помета Жуковского, относящаяся непосредственно к творчеству Фонвизина, заслуживает внимания. На с. 35 к словам Вяземского «К этому же времени относится первое покушение его (Фонвизина. — А. Я.) на поприще поэзии. Он не был рожден поэтом, ни даже искусным стихотворцем, хотя и оставил несколько хороших сатирических стихов в «Послании к слугам» и в басне «Лисица-кознодей» — Жуковский ставит вопросительный знак. Вероятно, этим знаком поэт выразил свое несогласие с оценкой поэтического таланта Фонвизина. И это предположение подтверждается следующими фактами: в 1809 году, подготавливая «Собрание русских стихотворений», Жуковский предполагал в одном из томов поместить портрет Фонвизина,

«хотя последнего стихов мало»²¹; в «Собрание» он включил упомянутые Вяземским произведения; в 1826 году в «Конспекте по истории русской литературы» он так оценил деятельность Фонвизина: «Фон-Визин. Автор двух прозаических комедий, полных истинного комизма и дающих точное изображение некоторых смешных сторон своего времени. Эти две комедии остались и останутся навсегда на сцене. Проза Фон-Визина также не содействовала установлению языка. Фон-Визин написал еще письма о Франции, перевел Каллисфена Монтеские и письма аббата Террасона. От него остались две очень оригинальные сатиры»²². Последние слова особенно показательны: поэтические произведения Фонвизина Жуковский называет «очень оригинальными сатирами», что в его критическом лексиконе означает высшую похвалу.

Таким образом, пометы Жуковского на экземпляре «Фон-Визина» помогают понять некоторые аспекты эстетического развития поэта, его позитивной программы. Вообще изучение помет в произведениях дополняет наше представление о сознательной работе Жуковского по осмыслению историко-литературного процесса. Поэтому появление его «Конспекта по истории русской литературы» выглядит закономерным этапом этой работы. Жуковский-читатель и Жуковский-критик неразделимы. Читательские впечатления, наблюдения, отметки, записи на страницах книг — своеобразная точка отталкивания для размышлений Жуковского-критика. Более того, Жуковский нередко выступал с рецензией прочитанных книг.

VI

С этой точки зрения необыкновенный интерес представляют хранящиеся в рукописях Жуковского заметки по русской литературе, обзор русской литературы 1823 года. Эти заметки содержат многочисленные черновые наброски, которые являются своеобразным теоретическим прологом. Прежде чем говорить о конкретных явлениях литературы, Жуковский продумывает эстетическую основу разговора. Любопытен сам творческий процесс Жуковского-критика. Вначале словно списанные с форзацев и обложек книг отрывочные, но логически скрепленные мысли, точнее, заготовки мыслей.

Вот как это выглядит:

много и не много;
по числу много;
несколько ориг<инальных>;
перепечатано;

²¹ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу (письмо от 15 сентября 1809 г.). М., 1895, с. 50.

²² Жуковский В. А. Конспект..., с. 306.

переводы.

Наша проза еще во младенчестве.

Для прозы мало таланта.

Одна и есть классическая книга в прозе.

Нужны знания.

Проза требует понятия о чел<овеке>.

Наша поэзия богаче.

Но какими произведениями?

Лирические — <себя>

Басни —

Эпические поэмы

Трагедии

Комедии

} не существует

Наши журналы не иное, что как компиляция.

Политическая часть в них поверх <ности>.

Критическое ребячество.

Что же в них малочисл<енные>известия?

Переводы или посредственные сочинения.

Переводы в прозе могли бы быть значительнее, но у нас голько учатся.

Переводить труднее.

Не иное, что как <прзб> книжка.

Угодение необразованному вкусу.

Переводы с переводов.

Все переведено и все испорч<ено>.

Но мы можем теперь похвастаться некоторым созреванием талантов

Не говорю о Карамзине — о Крылове.

Батюшков — Пушкин — Языков — Баратынский — Гнедич — Дельвиг

Шаховской. Загоскин. Писарев. Воейков. Хмельницкий. Лобанов. Рылеев. Бестужев»²³.

Отталкиваясь от этого плана (причем даже своей позицией, манерой он напоминает заготовки на книгах), Жуковский создает второй вариант заметок. Этот вариант более сжат и более концептуален. Это уже конспект.

Наша литература не богата сочинениями в прозе. Несмотря на Карамзину, недост<аток> в знании. Поэзия живет — вообр<ажение> себя. Проза требует знания. Язык политики. Имеем поэтов: Пушкин. Языков. Дельвиг. Баратынский. Туманский. Крылов. Гнедич. Лобанов. Вяземский. Шаховской. Загоскин. — Журналы. Переводы. — некоторые книги.

Малое богатство произведений прошлого года. Изъяснения слов<есного> богатства. Что такое наша литература? Сочинения, переводы, журналы. Чтение еще не сделалось необходимостью, а только роскошь. Впрочем, жадность к некоторым. Карамзин. Крылов. Пушкин. Теперь кто пишет. Полярная звезда. О переводах; вредное влияние на язык. Недостаток еще слога философского и ученого. Термины ученые. Вот книги²⁴.

Многие мысли, сформулированные в этом варианте, особенно дороги Жуковскому. Это прежде всего размышления поэта о прозе, об ее отличии от поэзии. Вероятно, замысел предполагал серьезный разговор о переводе, о журнальной жизни. Почва для такого разговора была уже подготовлена в статьях периода интенсивной работы в «Вестнике Евро-

²³ ГПБ, д. 286, оп. I, ед. хр. 26, л. 110. Все заметки расположены на лл. 101—112, но нумерация листов не соответствует логике мысли Жуковского. По существу л. 110 должен быть на месте л. 101.

²⁴ Там же, л. 111.

пы» («О критике», «Редакторские заметки при статьях «Вестника Европы» 1808—1809 гг.», «Радомист и Зенобия», «Электра и Орест» и др.). Заслуживают внимания слова Жуковского о «недостатке еще слога философического и ученого», прямо перекликающиеся со словами Пушкина: «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснились — метафизического языка у нас вовсе не существует»²⁵. Любопытно, что эти слова из наброска пушкинской статьи «О причинах, замедливших ход нашей словесности» относятся к 1824 году, а предполагаемая статья была откликом на статью А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года». Заметки Жуковского тоже относятся к 1824 году, а в оценке некоторых произведений ощутима прямая перекличка с бестужевским обзором. Уже начало заметок напоминает обзор Бестужева. У Жуковского: «В прошлом 1823 году вышло в свет более 200 книг; немного из них лишь произведений оригинальных. У Бестужева: «Ни один еще год не был беднее оригинальными произведениями прошедшего 1823-го»²⁶. Совпадает и оценка некоторых произведений. Эти переклички Жуковского, Пушкина, Бестужева далеко не случайны: в них проявилась актуальность эстетических оценок поэта.

Жуковский свой обзор строит не просто как перечисление важнейших произведений года, он пытается дать свою оценку того или иного произведения, исходя из определенных эстетических критериев, намеченных в начале заметок. Особенно это очевидно при сравнении черновых набросков и перебеленных вариантов. Черновые наброски — это шифры мыслей, эскизы, перебеленные варианты — это уже концептуальная оценка. Не случайно Жуковский дает не черновой набросок и перебеленный вариант всего обзора сразу, а ведет эту работу как бы фрагментами, по частям. Вот как выглядят эти заметки полностью в перебеленном варианте.

<В прошлом 1823 году вышло в свет более 200 книг; немного из них лишь произведений оригинальных, большинство не иное, что как перепечатанные старые переводы. Мы имеем одну только классическую книгу в прозе, которую с гордостью можем поставить наряду со всеми лучшими произведениями всех веков и народов — это история Карамзина. Он открыл нам тайну языка, но никто еще не умеет пользоваться его тайною. Благодаря ему, язык вообще сделался чище, но искусства употреблять этот очищенный язык еще никто у него не принял. Причина этому та, что для писателя в прозе мало выраженного таланта — нужен ум, питанный и распространенный основательными знаниями, нужно искусство, которое не иное что, как талант, просвещенный знаниями, воспитанный размышлением, очищенный вкусом.

А наши писатели с талантом слишком поспешно бросаются за перо, не дают себе времени приобрести нужных знаний, с первой написанной ими

²⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 7, 1964, с. 18.

²⁶ «Полярная звезда» на 1824 год («Литературные памятники»). М.—Л., 1960, с. 265.

книгою считают уже себя авторами и остаются навсегда на этой первой ступени. Одна из главных причин такой нетерпеливой ребяческой поспешности есть воспитание слишком поверхностное: у нас не учатся, а спешат доучиться, дабы войти в службу и забыть немного приобретенное в классах»²⁷.

И нет ни одной истинно классической (последние 2 тома Карамзина вышли в начале 1824). Мы довольно богаты мелкими произведениями поэзии, но можем наименовать только одну книгу, которую имеем прозою: поставить наряду с превосходнейшими творениями всех веков и народов — это история государства Российского. Карамзин открыл нам тайну прозы, но еще никто не умеет пользоваться его тайною. Со времени его пишут языком довольно чистым, но его искусство еще не сделалось общим. Между нашими нынешними прозаиками есть несколько достойных уважения по своим сведениям и трудолюбию, но нет ни одного, который сочинениями своими доказал бы талант превосходный или искусство великое. Замечу двух: Корниловича, которого отрывки о некоторых русских обычаях во времена Петра Великого заслужили внимания («Вестник Европы») и Бестужева-младшего, которого пьеса «О удовольствиях на море» (в «Полярной звезде» 1824 г.) написана с умом и вкусом.

Мы богаты поэтами: между теми, которые начинают писать, стоит особенно и уже наряду с лучшими русскими поэтами, выделяясь от всех, молодой Пушкин²⁸, которого превосходный талант есть прекрасная надежда России. Он может со временем занять известное место в нашей поэзии. До сих пор увлекаемый пылкостью, неразлучной с дарованием, он бросался по всякой дороге и только испытывал силы: теперь кажется начинает чувствовать свое достоинство и выбирает путь верный. Баратынский — жертва ребяческого проступка, имеет дарование прекрасное; оно раскрылось в несчастье, но несчастье может и угасить его; если судьба бедного поэта не изменится, то он сам никогда не делается тем, для чего создан природой. Языков — молодой студент Дерптского университета имеет слог поэтический; он еще не написал ничего важного, но во всем, что написал, видно дарование истинное, настоящее; он представляет то, что быть должно, и хочет воспользоваться своей молодостью, чтобы образовать познаниями дар природы. Барон Дельвиг, Рылеев, один из издателей «Полярной звезды», также достойны замечания. Поэтическое дарование слепца Козлова можно назвать спасительным откровением, посетившим его в то время, когда все в жизни исчезло: Козлов до болезни своей жил в свете и был увлекаем рассеянностью. Лишенный обеих ног, он начал учить по-английски и в несколько месяцев мог уже понимать Байрона и Шекспира. Потеряв зрение, он сделался поэтом. Можно сказать, что для него открылся внутренний богатый мир в то время, когда исчез внешний. Ему теперь более сорока лет; можно сказать, судя по тому, как он понимает поэтов, что он сам был бы великим поэтом, когда бы сумел угадать талант, в нем таившийся до несчастья и слишком поздно пробужденный страданием. Теперешняя жизнь его удивительный феномен <нрзб.>: вечного рода бедствия окружают его. Он часто лишен куска хлеба, обременен долгами, маленькое имение не приносит ему никакого дохода и при этом надобно заботиться о воспитании детей. Посреди этого хаоса горестей душа его не упадает, поэзия спасает его от отчаяния, она оживляет для него настоящее, а чувство религии, сильное в сердце его, хранит надежду на будущее и даже его украшает. Он теперь переводит и весьма удачно Байрову поэму «Абидосская невеста», которая, вероятно, будет кончена

²⁷ В угловые скобки заключено то, что было зачеркнуто Жуковским в перебранном варианте, но интересно для понимания его взглядов и оценок.

²⁸ Все подчеркивания в тексте принадлежат Жуковскому.

к концу года. Эту поэму с некоторыми мелкими стихотворениями хочет он выдать по подписке: <можно надеяться, что таким благородным способом может он сложить некоторую сумму, которая в его положении будет сокровищем>.—Я назвал одних только новых поэтов, считая ненужным упоминать о тех, кои должны уже быть известны В. И. В.²⁹: о Крылове, Батюшкове, Вяземском. <Господин Гнедич оканчивает перевод Гомеровской Илиады. К<нязь> Шаховской имеет талант полемический, но он имеет его слишком много и это вредит искусству. Хмельницкий написал несколько приятных водевилей. В комедии Писарева «Лукавин» есть очень забавные сцены и много <прзб.> стиховых нелепостей.>

Из книг, напечатанных в прошлом году, назначу только те, которые более заслуживают внимания, хотя среди них нет ни одной истинно классической.

История

1. Руководство к познанию всеобщей политической истории. Профессора Кайданова. Второе издание в трех частях.

Это сокращенная история для Ц<арскосельского> Лицея. Это не перевод и не простая компиляция. В авторе виден ученый человек, который занимался своим предметом, его сам обдумал и говорит о нем свое. Видно, что ему знакомы и Миллер, и Герен, и Ремер, и Гаттерер, но он не подражает в особенности ни одному из них. В подобных сочинениях главное: расположение и живописная краткость слога. Расположение книги г. Кайданова очень хорошо. Но слога его не могу назвать классическим, хотя вообще он пишет приятно. Книга его полезна и в своем роде лучшая на русском языке. Она достойна занять место в русской библиотеке.

2. Краткое начертание всемирной истории проф. Кайд<анова>. Эта книжка есть не иное что, как сокращение первой. Она не для чтения, а для руководства в исторических лекциях.

3. Сокращенная история Гольдсмита, пер<евод> с англ<ийского>, издание второе. Я пробежал этот перевод, ибо знаю прекрасный подлинник. Если бы он был его достоин, то мог бы назваться хорошою, по слогу оригинальною русскою книгою, но перевод довольно посредственный.

4. Деяния российских полководцев и генералов, ознаменов<авших> себя в 1812—1815 гг. в четырех томах.

Книга привлекательна более по заглавию, нежели по содержанию. Сухая компиляция, более ничего.

5. Четыре тысячелетия истории, изображенные на четырех таблицах. Эти таблицы очень хорошо составлены. Нет ничего лишнего; все вдруг можно обозреть одним взглядом. Такая легкость обозрения есть главное в подобных таблицах: она не для чтения, а для глаз. Хорошо, когда бы кто-нибудь, воспользовавшись сочинением Лесажа и в особенности картами и картинами Круза, составил исторический атлас для наших училищ. Приложив к нему самые сокращенные таблицы, в которых бы описаны самые главные происшествия. Такого сочинения еще нет на русском языке, но оно необходимо для исторических классов.

География. Путешествия

Курс В. Г. Арс<еньева> в III частях. Первая часть, в которой заключается введение в географию и география Европы. Весьма хорошая учебная книга.

Полное собрание путешествий по России. В первом и втором томе описание Камчатки Крашенинникова. В третьем записки Лепехина. Эта кни-

²⁹ Как указывает И. А. Бычков, «заметки эти были представлены одной из особ Императорского дома, судя по фразам: обратили внимание В. В. или известные В. И. В.»— Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год, с. 64.

га не иное что, как новое издание ученых путешествий по России, уже известных В. И. В. Предприятие, делающее честь АН. В описаниях почтенных академиков заключаются сокровища важных сведений о России, с которою они познакомили и нас, и Европу.

Покорение Парижа, сочинение Льва Цветаева (профессор МУ), второе издание. Первое напечатано в 1805 г. Автор находился в Париже во время избрания Наполеона в императоры. Он входит в некоторые подробности о убийстве Герцога Энгиенского. Все статьи коротки и поверхностны; слог не совсем без погрешностей. Но эту небольшую книжку можно прочитать с удовольствием.

Воспоминание о Испании. Автор г. Булгарин, издатель Северного архива, находясь во французской армии, был свидетелем взятия Сарагоссы. Он описывает виденные им события, но описывает исторически, а не как самовидец и участник. Книжка его написана с некоторою живостью, хотя слог ее не совсем приятный и язык не совсем чистый. Но книжка написана с живостью и читать ее приятно.

Первое морск<ое> путешествие. Эта маленькая книжка не иное что, как журнал первого Берингова путешествия, составленный в 1727-29 гг. мичманом Чаплиным. Особенно любопытны некоторые подробности путешествия по Сибири до Охотска: оно было соединено с величайшими трудностями; люди (чему в наше время трудно поверить) терпели ужасный голод и были иногда в такой крайности, что питались сумками, ремнями, даже сапогами.

Путешествие по Тавриде Муравьева-Апостола. Автор смотрит на Тавриду глазами просвещенного человека. Он знаком с древностью и везде искал ее остатков в Таврии, стараясь соглашать новую географию с описанием древних. Слог его жив и приятен, но язык не совсем правильный и чистый и часто встречаются погрешности против вкуса.

Новые известия о Кавказе С. Броневского в 2 частях. Книга весьма любопытная. Автор был в персидском походе 1796 г., потом с 1802 по 1804 был привлечен для дел при Графе Цицианове. Он хотел составить полное историческое и статистическое описание выбранного им края, воспользовавшись при том, что писали древние и новые, и присоединить к их извлечениям замечания собственные. В первой части особенно любопытна статья о торговле Кавказского края. Автор есть человек с наблюдательным умом и с сведениями основательными. Он пишет просто, язык его, может быть, иногда непривычный, есть язык рассудительного человека, который знает то, о чем говорит, и тем самым нравится, ибо удовлетворяет очень любопытную истинную и занимает рассудок важностью предметов. Он хорошо описывает природу Кавказского края: горы, реки, минералы, растения, животных и входит в богатые подробности о нравах, религии, языке, правлении населяющих его народов.

В первой части автор говорит о реках, горах и <прзб.> Кавказа и природе юго-западной стороны его: особенно любопытная статья о торговле. Во второй части описаны север и восток Кавказа; на севере: высокие горы, прилежащие к Эльбрусу, минеральные воды и населяющие ту сторону народы: кабардинцы, кумыки и ногинцы с их отраслями; на востоке: Дагестан и Ширван. Нравы жителей севера, в особенности черкесов, описаны весьма подробно.

Изящная литература и смесь

Песнь о Полку Игорево, новый перевод в прозе и в стихах г. Грамматина. Эта лирическая поэма есть драгоценный остаток древней русской поэзии. Она, вероятно, сочинена современником описанных в ней происшествий; мы находим в ней язык того времени, совсем отличный от языка священных книг и летописей. Поэзия оригинальная и ни с какою другою не сходна. Переводчик объяснил свой текст примечаниями историческими и

филологических. Но в переводе стихотворном он часто удаляется от оригинала и тем самым его портит. В переводах такого рода нужно одно: буквальная верность, ибо мы хотим только понимать с точностью оригинал, все, что его изменяет, не может иметь никакой для нас цены именно потому, что оно уже новое.

Греческие классики г. Мерзлякова. Переводчик, желая облегчить для нас чтение греческих поэтов, переводит с буквальной точностью, не заботясь нисколько о слоге. Книга его избавляет от скучного труда рыться в лексиконе: вот главное ее достоинство. Она не обогащает нашей словесности, но может быть полезна для тех, которые занимаются классической поэзией греков. В первых пяти томах заключаются Эзоповы басни, трагедии Софокла: «Эдип», «Антигона» и половина «Илиады».

Сочинения и переводы Росийск<ой> Академии, т. VII. В этой книжке особенно замечателен перевод стихиря в честь Богоматери Князя Шихматова. В славянской прозе, кажется мне, гораздо более поэзии, нежели в русских стихах переводчика.

Между легкими произведениями поэзии заслуживает внимания комедия «Урок женатым» или «Лукавин», подражание Шеридановой. Автор воспользовался и прекрасно переводом Апостола-Муравьева, давно напечатанным под заглавием «Школа злословия». Стихи вообще легкие, много забавного.

«Федра» — перевод Лобанова, лучшее из всех стихотворных.

«Персий» — трагедия, первый опыт молодого поэта.

«Урок дочкам», комедия князя Шах<овского> написана с легкостью, но и с небрежностью — главный порок автора, который имеет талант драматический, знает театр, но пишет слишком скоро и много и тем вредит усовершенствованию своего дарования³⁰.

VII

Этот обзор литературы — свидетельство разносторонних читательских интересов Жуковского. Это проявляется в разнообразии рецензируемых книг: исторические сочинения и путешествия, учебные пособия и карты, переводы и оригинальные произведения. При всей лаконичности в оценке отдельных явлений литературы Жуковский пытается уловить самое существенное.

Приведенный обзор показателен для Жуковского. В нем проявилось прежде всего характерное качество Жуковского-читателя — постоянно сопоставлять прочитанное с развитием историко-литературного процесса, соотносить с вопросами собственного развития. Библиографические обзоры, рецензии на отдельные произведения у него всегда выход в проблемы развития русской литературы и одновременно импульс для работы. Так, размышляя о переводе «Песни о полку Игоревом», Жуковский как бы смотрит на него с точки зрения своих творческих принципов, как автор уже сделанного перевода. Характерно, что недостаток грамматического перевода он видит, в том, что автор «часто удаляется от оригинала». Жуковский, казалось бы, неожиданно

³⁰ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. кр. 26, лл. 101—112.

утверждает «буквальную верность». Однако уже рядом, анализируя перевод Мерзлякова, он не одобряет «буквальную точность». Представляется, что здесь нет никакого противоречия. Просто Жуковский намечает несколько типов перевода. Анализируя перевод Грамматина, он прямо говорит: «В переводах такого рода нужно одно: *буквальная верность...*» (выделено мною. — А. Я.). Эти замечания о принципах перевода у Жуковского нуждаются в дальнейшем осмыслении, но несомненно одно: взгляды Жуковского на перевод не оставались неизменными.

Обзор интересен еще и с точки зрения самой методологии. Жуковский от черновых шифров и набросков, через черновые варианты идет к постижению самого процесса развития литературы. Рецензирование новинок литературы у него подчинено общим проблемам, намеченным во вступлении. Само вступление — это стремление понять тенденции литературного процесса. Поэт пытается увидеть все оригинальные явления и определить их место и значение. Поэтому во вступлении идет разговор не только о литературе 1823 года, но о наиболее ярких явлениях последних лет. По существу Жуковским отмечены все те явления, которые определяли литературный процесс. О каком бы писателе или произведении он ни говорил, внимание всегда акцентируется на его задачах, его поэтике, его слоге. Важным моментом обзора является и его просветительская установка: постоянное стремление как бы увидеть практическое применение каждой книги, наметить перспективы дальнейшего совершенствования подобного рода сочинений. И появление перевода «Слова о полку Игоревом», «Одиссеи» и составление исторических таблиц — все это своеобразное практическое звено в общей цепи: читатель — критик — творец.

Многие книги, рецензированные Жуковским, находятся в его библиотеке и имеют свою судьбу. Вот, например, «Путешествие по Тавриде» Муравьева-Апостола. Эта книга, написанная в форме писем, была популярна в то время. Достаточно сказать, что выписки из нее Пушкин приложил к своей поэме «Бахчисарайский фонтан», а в предисловии ко второму изданию произведение было охарактеризовано как «любопытное и занимательное путешествие по Тавриде». Высоко эта книга была оценена и в бестужевском «Взгляде на русскую словесность в течение 1823 года»

В библиотеке Жуковского эта книга издания 1823 года, то есть та самая, которую он рецензировал. Открываешь книгу — и сразу же на обложке пространная карандашная запись. Сделана она характерным для Жуковского почерком, но такое ощущение, что условия для написания были необычны: буквы какие-то дрожащие, неровные, слова не дописаны. Уже первые слова подтверждают это: «Вид

с горы...» И далее с трудом можно прочесть отдельные слова, составляющие пейзажную зарисовку: «Обширная равнина <нрзб.>. Посреди равнины горное ущелье, покрытое орешником и спуск к дороге по берегу озера, за которым <нрзб.>. Справа <нрзб.> берег покрыт деревьями. День смерк<ается> и без лучей исчезло совсем озеро. Слева дороги прелестная роща. Потом равнина. Справа высота»³¹.

Эта дневниковая запись продолжается на задней обложке. Там Жуковский оставил маршрут своего крымского путешествия. Одним словом, книга Муравьева-Апостола стала не только путеводителем Жуковского, но и его записной книжкой. В самой книге все отчеркивания относятся к описанию достопримечательностей. Особенно тщательно, например, Жуковский отчеркивает все, что связано с именем английского путешественника и филантропа Джона Говарда (1725—1790), нашедшего смерть в России. На с. 44 рядом со словами «Я видел развалившийся, бедный памятник Гоуарда: еще немного лет и забудется место, где покоится человеколюбец» Жуковский замечает: «Какова награда!». Конечно, такое внимание к фигуре «великого филантропа» вряд ли было случайным: деятельность и личность Говарда не могла не затронуть его.

Рецензируя книгу Муравьева-Апостола, Жуковский заметил, что автор старался «соглашать новую географию с описанием древних». Действительно, в книге множество ссылок на древних авторов — греческие и латинские источники щедро разбросаны в примечаниях. Жуковский как бы берет на заметку основополагающие материалы, составляя характерный список древних авторов, как всегда вынося его на форзац. Так появляется лаконичный список: Страбон. Геродот. Дион Хрисостом. Каждый из этих авторов неоднократно цитируется в книге, и Жуковский с его удивительной жадной самообразования наметил для себя углубленное изучение истории Крыма. Так, небольшая книга через многообразие помет превращается то в путеводитель, то в дневник, то в учебник. И это умение Жуковского работать с книгой, превращать читаемое в материал для дальнейших размышлений, разнообразно фиксировать впечатления от прочитанного делает его книги важным моментом творческого развития, существенным пособием для углубления наших представлений об его эстетике.

Русская часть библиотеки Жуковского в этом отношении может быть особенно интересна. Она не отличается обилием маргиналий, но зато она богата неожиданными сюжетами. Даже небольшие пометы в каждой из русских книг вдруг

³¹ Соответствующей дневниковой записи нам обнаружить не удалось, хотя путешествие по Крыму 1837 года отражено достаточно подробно.

в совокупности с рукописными, эпистолярными материалами приоткрывают какую-то страницу во взаимоотношениях Жуковского и его соотечественников, предшественников и современников. И это естественно. Книги русской части библиотеки как бы обретают новую жизнь в контексте эстетических изысканий поэта и литературной жизни эпохи. Житие этих книг, которое можно написать, это единство Жуковского — читателя, поэта и человека, намеченное на страницах книг и продолжающееся в жизни. В этом смысле русская часть библиотеки Жуковского удивительно сюжетна. Жизнь дописывала судьбу его книг.

Один из критиков точно назвал Жуковского «ангелом-хранителем русской поэзии». Разнообразная деятельность его по выпуску «Собрания русских стихотворений» и редактированию поэтических сборников и целых собраний сочинений, многочисленные замыслы антологий русской поэзии, заметки по ее истории и многочисленные планы, отклики на все заметные явления ее, наконец, деятельная помощь поэтам, заступничество за них, само место его в русской поэзии как «кормилицы» — все это позволяет говорить об особом значении Жуковского как популяризатора русской поэзии, как одного из первых ее историков. Весь путь Жуковского — читателя книг о русской словесности, рецензента, автора заметок о литературе и обзора литературы к «Конспекту по истории русской литературы» — свидетельство его постоянного интереса к проблемам развития отечественного искусства слова.

Библиотека Жуковского хранит произведения почти всех русских поэтов, начиная от Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова и кончая современниками поэта. Многие из этих книг содержат посвящения. «Любезнейшему Василию Андреевичу Жуковскому» — читаем мы на обложке стихотворений Дельвига, а на переводе «Илиады» — «Почтенному другу Василию Андреевичу Жуковскому от Гнедича», целые исповеди нишут ему Баратынский и Милькеев. И эти посвящения не были дежурными любезностями. Каждое из них скрывает следы творческих отношений двух поэтов, той дружбы, на которую так щедр был Жуковский. Поэтому каждый сюжет русской части библиотеки Жуковского всегда еще согрет теплом дружеских отношений.

История этих взаимоотношений, подсказанная пометами Жуковского на страницах книг его библиотеки и дополненная другими материалами, расширяет и углубляет представление об эстетике поэта, о его поэтических традициях, о творческих контактах Жуковского и русских поэтов. Она-то и образует дальнейшие главы первой части настоящей работы.

Глава вторая

ЖУКОВСКИЙ И ЛОМОНОСОВ

I

Осмысляя путь развития русской литературы в многочисленных заметках, конспектах, Жуковский не мог пройти мимо имени Ломоносова. Более того, с его именем он связал весь первый период в истории русского языка и литературы. В 1826 году в «Конспекте по истории русской литературы» он резюмирует: «Первый — самый продолжительный и наименее богатый произведениями словесности. Он обнимает все время между основанием государства и Ломоносовым, который первый произвел переворот в русском языке, имевший длительное следствие»¹. Такое понимание историко-литературного значения деятельности Ломоносова у Жуковского поэта смыкалось с живым восприятием его поэтического наследия. Ломоносов для Жуковского был одновременно и историко-литературной проблемой и достаточно живой поэтической традицией. Более того, эти две стороны восприятия Ломоносова были неразрывны в сознании поэта.

Одним из первых, а по существу и единственным, кто обратился к этой проблеме, был В. И. Резанов. В своих «Разысканиях» целый период творческой эволюции Жуковского он назвал «процессом переживания псевдоклассической оды Ломоносовско-Державинского стиля». Исследователь намечает и своеобразные этапы этого процесса: «школьник Жуковский должен был отдать обильную дань корифеям предшествовавшего периода литературы — Ломоносову, Державину: под влиянием преподавателя словесности в пансионе М. Н. Баккаревича, горячего поклонника Ломоносова и Державина, и Жуковский и его товарищи заимствовали у них образы, выражения, порою целые места, стремились усвоить их «монументальный» стиль»²; затем в связи с замыслами

¹ Жуковский В. А. Конспект, с. 304.

² Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2. Пг., 1916, с. 5. Об этом же пишет в биографическом очерке к «Полному собранию сочинений» В. А. Жуковского в 12 томах. СПб., 1902 г.

«Певца» и «Барда» Резанов отыскивает у Жуковского ломоносовские мотивы и параллели. «Не отзвук ли..?» — этот полувопрос, полуутверждение определяет рассуждения исследователя, построенные в большой степени на догадках и интуитивных предположениях, чем на фактах и текстологическом анализе. Однако, несмотря на известную абстрактность построений В. И. Резанова, представляется, что сам процесс «переживания Жуковским одической традиции Ломоносова» уловлен пронизательно.

Не случайно опыты Жуковского в области оды неразрывно связаны с его осмыслением оды как жанра, так сказать, теоретически. В конспектах по теории словесности, относящихся к началу его поэтической деятельности, он, делая «экстракты» из Эшенбурга и Зульцера, особенно настойчиво исследует характер оды, ее поэтические принципы. В конспекте «Всеобщей истории искусств» Зульцера (1804 г.) читаем: «Так как ода есть произведение живейшего чувства, то не может быть продолжительная, ибо никакое живое чувство само по себе не может быть отменно продолжительным... Из сего должно заключить, что ода есть истинное и приятное изображение того состояния, в котором душа поэта, одаренная особою живостью, была приведена каким-нибудь обстоятельством»³. Показательно, что Жуковскому оказывается близкой и мысль Зульцера о примате в оде способа изображения над предметом изображения: «Итак, не в предмете оды должно искать ее характера, а в способе изображать предметы, какого бы рода они ни были»⁴. Такое понимание поэтики оды способствовало внутренней перестройке самого этого жанра у Жуковского, его своеобразной эллигизации, что, конечно же, наложило отпечаток и на оценку од Ломоносова. Много лет спустя Жуковский заметит: «Оды Ломоносова все были писаны на современные события. Мало истинной поэзии, но много ораторского великолепия. Язык его в одах сделал исполинский шаг вперед»⁵. В этой оценке концентрированно выразился процесс переживания ломоносовской одической традиции, проявившийся в переосмыслении самого жанра и в создании оригинальной элегии.

Этот процесс прежде всего проходил непосредственно в поэзии Жуковского. Если первые его произведения 1797—

проф. А. С. Архангельский: «Учителем словесности в пансионе был некто М. Баккаревич — восторженный почитатель Ломоносова; как на идеал, он указывал воспитанникам на «златострунную лиру сего наперсника небес». Не удивительно потому, если в более ранних произведениях Жуковского мы услышим потом отголоски этой «лиры», встречаем в них такое обилие славянских выражений — эту необходимую принадлежность «высокого, штиля» (I, VII).

³ ГПБ, ф. 286, оп. I, ед. хр. 83, л. 14 об.

⁴ Там же, л. 14.

⁵ Жуковский В. А. Конспект, с. 304.

1800-х годов вписываются в одическую традицию, хотя и ощутимо несут в себе черты сентименталистской поэтики, то после появления «Сельского кладбища» ода прочно вытесняется новыми жанрами. Характерно, что Жуковский не только нигде в заглавие не выносит слова «ода», но и полемично подчеркивает новые жанровые определения своих произведений («Сельское кладбище. Элегия», «Отрывок перевода элегии», «Песня», «Идиллия», «Вечер. Элегия»), тяготеет к малым поэтическим формам (басням, мадригалам, эпиграммам). И единственная среди произведений этого периода «Сафина ода» уже мало что общего имеет с традиционной одой. И ярковыраженная субъективность ее, и изображение состояния всепоглощающей любви, и краткость — все это свидетельство принципиальных сдвигов в поэтической системе Жуковского.

Как бы венцом этих исканий 1801—1807 годов и становится «Песнь барда над гробом славян победителей». Уже сам предмет изображения, выбранный Жуковским, не имеет ничего общего с одической традицией. Не воспевание побед и битв, а скорбь, воспоминание — вот что определяет настроение произведения. Хвала героям у Жуковского окрашена настроением печали. Поэтому одновременно с мотивом святой брани в его произведение входит элегический мотив могилы, гроба, смерти, одновременно с высокой одической традицией восторга, восклицания — традиция элегической медитации, вопроса.

Как пали сильные? Как сильных гром утих?
Где вы, сыны побед? Где славных воев сила?
Ответствуй, мрачная бестрепетных могила!..

В этих строках сконцентрирован характер новаторства Жуковского. Б. М. Эйхенбаум, исследуя мелодику стиха Жуковского, говорил о том, что «разработка вопросительной интонации настолько характерна для лирики Жуковского, что ею определяется композиция почти всех значительных его стихотворений»⁶. Действительно, вопросительная интонация в сочетании с элегическими мотивами придает произведению характер поэтической медитации и вместе с тем меняет структуру оды. Принципиальное значение для преодоления одической традиции имеет фигура барда, певца. В этом проявляется не только влияние классицистической традиции, но и стремление наполнить произведение настроением. Поэтому певец, варьируя настроение своих песен, способствует разнообразию самого поэтического чувства. Композицию произведения определяет не одический восторг, а переход от одного мотива к другому, от одного чувства к другому.

⁶ Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969, с. 356.

Удельный вес одической лексики в «Песне барда над гробом славян победителей» еще достаточно высок. Старославянизмы, однако, нейтрализуются элегическими мотивами и образами и в таком контексте теряют архаическую окраску. Они уже средство создания лишь одного из настроений. Слезы, вздохи, «сладкие чувства», смятенные вопросы и элегические настроения — все это органично включалось в поэтическую систему Жуковского и способствовало общему процессу психологизации его лирики. Одическая традиция Ломоносова не просто преодолевалась, но переосмыслилась. «От традиционной оды, уже поколебленной Державиным, через медитативные элегии греевского типа и через различные «послания» Жуковский приходит к новым для русской поэзии формам небольших «песен» и интимных элегий, развивая напевный тип лирики»⁷. В этом процессе поэтического развития уроки Ломоносова не прошли бесследно.

II

Процесс активного поэтического познания Ломоносова был неразрывно связан с его осмыслением как историко-литературной проблемы. Интерес к поэзии Ломоносова подогревался всей атмосферой литературной жизни, в которую был погружен молодой Жуковский 1800—1802 годов. Речь прежде всего идет о той дискуссии вокруг проблем русской литературы, которая разгорелась в Дружеском литературном обществе к 1801 году. Члены Дружеского литературного общества, главная цель которого была «образование себя в литературе, особенно в русской», достаточно остро поставили проблему исторического развития русской литературы, сделали попытку определить ее задачи и выявить ее живые традиции. В своей знаменитой речи «О русской литературе» Андрей Тургенев уже в самом полемическом ее начале выявил всю остроту проблемы: «О русской литературе! можем ли мы употреблять это слово? Не одно ли это пустое название, тогда когда вещи в самом деле не существует»⁸. Пафос всей речи заключался в утверждении особой гражданственности русской литературы, ее оригинальности. Именно этим пафосом объясняется, на первый взгляд, неожиданная оценка Карамзина, который, «более вреден, нежели полезен нашей литературе», так как «вопреки русскому характеру и климату и пр. слишком склонил нас к мягкости и разнеженности» и увлек за собой целую толпу «безрассудных подражателей». Но эта оценка неожиданна только на первый взгляд, ибо

⁷ Там же, с. 349.

⁸ «Русский библиофил», 1913, № 1, с. 26.

в контексте всей речи она закономерна. Требование общественной значимости литературы, «важнейших предметов» рождало столь полемически заостренный выпад против Карамзина с его «модной сентиментальностью», а еще более против его «безрассудных подражателей».

И в этой полемике Тургенев опирался на живую традицию Ломоносова, противопоставляя его Карамзину. В упомянутой уже речи, подводя итоги, он говорит: «Иногда один человек явится и так сказать увлечет за собою своих современников; мы это знаем: мы сами имели Петра Великого, но такой человек для русской литературы должен быть теперь второй Ломоносов, а не Карамзин. Напитанный русскою оригинальностью, одаренный творческим даром, должен он дать другой оборот нашей литературе, — иначе дерево увянет, покрывшись приятными цветами, но не показав ни широких листьев, ни сочных питательных плодов»⁹.

Комментируя эту речь Андрея Тургенева, один из исследователей деятельности Дружеского литературного общества В. Истрин замечает: «Настоящая речь Андрея Тургенева не была написана экспромтом. Вторая ее половина была написана им в дневнике под 20/XII 1800 г., как беседа его с Мерзляковым и Жуковским»¹⁰. Несомненно, что эта беседа, как и сама речь Тургенева, способствовали более глубокому пониманию творчества Ломоносова и прежде всего его поэтической традиции. В этом смысле не лишена основания мысль В. И. Резанова о традициях Ломоносова в «Певце» и в «Барде»¹¹, хотя, как нам кажется, речь в большей степени должна идти не столько о поэтической традиции, сколько об общей традиции гражданской поэзии Ломоносова. Вряд ли Жуковский до конца мог разделить мысль своего друга, столь пылко высказанную в его речи: «Пусть бы русские продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они важнейшими предметами, писали бы оригинальнее, важнее...»¹². Несомненно одно, споры о традиции гражданской поэзии Ломоносова не прошли для молодого поэта бесследно. И если он позднее искал для своей поэзии «предметов возвышенных», то Ломоносов здесь сыграл не последнюю роль.

III

В обострившейся полемике вокруг путей развития русского литературного языка и, конечно же, русской литературы,

⁹ Там же, с. 30.

¹⁰ «Архив братьев Тургеневых», вып. 2. Спб., 1911, с. 74—75.

¹¹ Резанов В. И. Указ. работа, вып. 2, с. 392, 400—401, 405—408, 424.

¹² «Русский библиофил», 1913, № 1, с. 29.

вызванной появлением шишковского «Рассуждения», Жуковский занял, как мы это пытаемся показать¹³, достаточно определенную позицию. В диалоге с Шишковым на полях его «Рассуждения» он встает на защиту карамзинского направления в русской литературе и вместе с тем посягает на абсолютный идеал Шишкова — на Ломоносова. Мнение Шишкова о том, что «трудно достигнуть до такого в языке своем познания, какое имел, например, Ломоносов», Жуковский не опровергает. Он даже на восхищение автора строками из поэмы Ломоносова «Петр Великий» замечает: «Я очень чувствую, что эти стихи прекрасны...» (с. 16). Но Жуковский в своих заметках на полях книги лишен апологетического отношения к Ломоносову. Не отрицая нигде его исторического значения («гений Ломоносова пробудил любовь к литературе»), Жуковский в то же время с точки зрения современного развития поэзии, литературного языка видит и на солнце темные пятна. Вот как комментирует он отрывок из Ломоносова, приводимый Шишковым как образец слога:

Ломоносов

Жуковский

«Но что приятное и слух улаждающее пение птиц, которое с легким шумом колеблющихся листов и журчаньем ясных источников раздается? Не дух ли и сердце восхищает и все суетных рачением смертных изобретение роскоши в забвение приводит».

Раздаваться с легким шумом!

Изобретение роскоши!

Если этот комментарий носит скорее характер эмоционального недовольства, то в ответ на восторги Шишкова по поводу осмотрительности Ломоносова в выборе слов (речь идет о знаменитом «чаять — чай — чать») Жуковский заявляет уже прямо: «И поставил прегрубое слово на место другого столь же грубого, которого <прзб.> не надлежало употреблять в Анакр. оде»¹⁴. Таким образом, в полемике с шишковистами Ломоносов осмысливается Жуковским с позиций современного литературного развития и достаточно критически. Знаменательно, что на странице одной из рукописей среди различных выписок и заметок, относящихся к 1800—1810 годам, есть следующая запись Жуковского: «Разбор Ломоносова, Кантемира, Карамзина. Замечания на Шишкова...»¹⁵. Стремление сделать разбор произведений тех, кто был предметом эстетических споров, само соседство в этой записи имен Ломоносова, Карамзина и Шишкова — свидетельство тех глубоких раздумий Жуковского о судьбах

¹³ Подробнее об этом см. в разделе «Жуковский — читатель и критик Шишкова».

¹⁴ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1803, с. 23. См. с. 113 настоящего исследования.

¹⁵ ГПБ, ф. 286, оп. 2, ед. хр. 79, л. 23.

русской литературы, которые определяли его деятельность и как поэта, и как популяризатора русской поэзии.

IV

Работа Жуковского над изданием «Собрания русских стихотворений», как и вообще вся его деятельность популяризатора русской поэзии, исследована до обидного мало. А между тем это позволило бы не только понять отношение Жуковского к тому или иному поэту, но и способствовало бы углублению наших представлений об эволюции эстетики поэта.

В предисловии к «Собранию русских стихотворений» Жуковский намечает задачу, требующую «сил Геркулесовских»: «присоединить и самую теорию сего искусства, теорию общую применить в особенности к поэзии Русской; критически рассмотреть и красоты и недостатки Русских Поэтов и, наконец, определив отличительный характер Русского стихотворства, изобразить исторически и начало его и ход и постепенное образование...»¹⁶. Об этом замысле нам еще придется говорить ниже, но несомненно одно: избрав «техническое» расположение стихотворений, Жуковский, конечно же, постоянно имел в виду историю русской поэзии, ее движение. Поэтому появление в каждой из пяти частей произведений Ломоносова было далеко не случайным: ломоносовские произведения давали представление о движении того или иного жанра. Всего для «Собрания» Жуковский отобрал 10 произведений Ломоносова. Оды представлены такими произведениями, как «Подражание Иову», «На прибытие имп. Елизаветы из Москвы в СПб 1742 года, после коронации», «Вечернее размышление» и «Утреннее размышление» (часть I) и «На день восшествия на престол Елизаветы» (часть II). В III части среди басен находим и ломоносовскую «Волк и пастух», среди посланий IV части знаменитое послание к Шувалову «О пользе стекла». Отдел «Смеси» (V часть) представлен «Отрывком из «Петриады» и шутилкой пьесой «Мокрый Амур»¹⁷. Такой отбор нельзя не признать удачным: Жуковский выбрал показательные для Ломоносова произведения. То, что этот выбор не был случайным, подчеркивает следующий факт: много позднее, в своем «Конспекте по истории русской литературы», говоря о вкладе Ломоносова в развитие поэзии и литературного языка, Жуковский дает лаконичную, но достаточно емкую характеристику именно этих произведений. Не будем повторять его оценку од Ломо-

¹⁶ Собрание русских стихотворений, изданных В. А. Жуковским, ч. I. М., 1810, с. VIII.

¹⁷ Жуковский называл сам поэму Ломоносова «Петр Великий» «Петриадой». Пьеса «Мокрый Амур» в то время приписывалась Ломоносову.

носова. Напомним продолжение: «Начало эпической поэмы о Петре Великом — несколько отрывков большой поэтической красоты, но в поэме отсутствует занимательность. — Переложения Псалмов, богатые поэтическими выражениями. Письмо о пользе стекла — истинное торжество мастера, в котором автор более всего показал, в какой степени он владеет своим языком»¹⁸. Кстати, сам выбор отрывка из «Петра Великого» показателен: это именно отрывок «большой поэтической красоты» — описание преобразовательной деятельности Петра, его завоеваний. «Ораторское великолепие» вступления было отброшено. Любопытно, что в рукописном плане издания Жуковский, давая роспись 1 и 2 томов, располагает материал по авторам и в определенной последовательности: Ломоносов — Петров — Княжичи — Херасков — Державин — Дмитриев — Карамзин — Капнист — Востоков — Долгоруков — разные. Произведения Ломоносова отобраны те же самые, но названы по первой строке¹⁹. Таким образом, если учитывать, что работа над «Собранием» началась примерно в 1805 году, то можно сказать, что поэзия Ломоносова сопровождает Жуковского на протяжении почти целого десятилетия.

V

Но, пожалуй, наиболее любопытные материалы, освещающие историю отношения Жуковского к поэтической традиции Ломоносова, таит библиотека В. А. Жуковского. В ней содержится два издания сочинений М. В. Ломоносова. Первое — «Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова в 6 томах» (С приобщением жизни сочинителя и с прибавлением его еще нигде не напечатанных творений), выходящее в Спб., 1784—1787 гг. (собрание Пушкинекого Дома). Второе — «Собрание сочинений в 3 частях», Спб., 1840 (собрание НБ ТГУ). Если второй экземпляр не содержит никаких помет, то первый заслуживает пристального внимания. Из 6 томов Полного собрания сочинений пометы Жуковского содержат 2-й, 5-й и 6-й тома.

В шестом томе, содержащем «Российскую Грамматику», все пометы Жуковского (подчеркивания и характерные крестики) касаются отдельных правил русского языка и, видимо, связаны с педагогическими интересами поэта. Вероятно, Жуковский думал о создании новой грамматики (в заметках, относящихся к 1800—1810 годам, находим: «Составить грамматику по образцу Кондильяка») ²⁰. Вообще вся совокупность взглядов Жуковского на происхождение языка,

¹⁸ Жуковский В. А. Конспект, с. 305.

¹⁹ ГПБ, т. 286, оп. 2, ед. хр. 37, л. 1.

²⁰ ГПБ, т. 286, оп. 1, ед. хр. 79, л. 23.

его замечания и пометы на полях «Грамматик» Ломоносова, Греча, Кондильяка и др. могли бы стать предметом специального исследования. Мы лишь только констатируем факт всестороннего интереса Жуковского к Ломоносову, который «своей грамматикой начал приводить в порядок формы, лежащие в основе языка»²¹. Жуковский воспринимает Ломоносова как своеобразное начало всех начал, но воспринимает его творчески, применительно к своим интересам.

Особый интерес представляет второй том полного собрания сочинений. В поэме «Петр Великий» Жуковский делает целый ряд отчеркиваний. Первое отчеркивание охватывает 220 строк первой песни, то есть все вступление к поэме и описание завоеваний Петра. Весь этот текст Жуковский как бы замыкает скобками. Не трудно догадаться, что этот отрывок был предназначен для «Собрания русских стихотворений», тем более, что в рукописном плане издания среди текстов, намеченных к опубликованию, есть указание на отрывок из «Петриады». Но, как мы уже отмечали, в V часть «Собрания» он вошел без вступления. Можно предположить, что было причиной такого усечения текста. Жуковского не удовлетворила риторическая пышность вступления. Он оставил законченный по мысли и с ярко выраженным для эпической поэмы зачином кусок, начинающийся словами «Уже освобожден от варвар был Азов...» и кончая стихом: «Скончали пением сей глас его сирены...». Второе отчеркивание тоже связано с первой песней. Это следующие четыре строки:

«В отчаяньи, в тоске, в стенании, без сна,
Подобна смерти ночь тогда проведена.
Стрегущих зверской взор и осажденных бледность
Изображали вдруг насилие и бедность» (с. 25).

Чем привлекли Жуковского эти четыре строки: экспрессией ли своей, характером стиха, можно только догадываться. Во второй песне Жуковским отчеркнуты два значительных отрывка: первый связан с мыслями Петра о создании великого канала, соединяющего Волхов с Невою (с. 35—36, начиная от слов «Принесши плод, земля лишилась летней неги» и кончая «Тебе дал путь, и нам довольство от востока»); второй — знаменитая антивоенная тирада Ломоносова, начинающаяся словами «О смертные, на что вы смертью спешите?» (с. 45—46). Оба эти отрывка могли быть предназначены либо для напечатания в «Собрании», либо на них обратил внимание Жуковский в период своей работы над посланием «Императору Александру» (1814). Во всяком случае все отчеркнутое в тексте ломоносовской поэмы показательное для отношения Жуковского к поэзии Ломоносова: он отбирает те места, где в большей степени ощутим описательный элемент

²¹ Жуковский В. А. Конспект, с. 306.

и меньше риторики и пышных похвал. Одним словом, в этих отчеркиваниях вырисовывается поэтическое лицо создателя послания «Императору Александру». «Петр Великий» не прошел мимо поэтического сознания Жуковского в период его работы над посланием. В этом нетрудно убедиться, сравнив отчеркнутые Жуковским отрывки из «Петра Великого» и послания «Императору Александру»:

Ломоносов:

О смертные, на что вы смертью спешите?
Что прежде времени вы друг друга губите?
Или ко гробу нет кроме войны путей?
Везде нас тянет рок насильством злых когтей!
Коль многи вышедши из матерней темницы,
Отходят в тот же час в мрак черныя гробницы!
Иной усмешкою отца повеселил,
И очи вдруг пред ним во веки затворил.
Готовому вступить во брачные чертоги
Пронзает сердце смерть и подсекает ноги.

Жуковский:

И беспощадною косою подсекало
Самовластительство прекрасный цвет людей;
Чудовище, склонясь на колыбель детей,
Считало годы их кровавыми перстами;
Сыны в дому отцов минутными гостями
Являлись, чтобы там оставить скорби след,—
И юность их была, как на могиле цвет!
Все поколение, для жатвы бранной зрея,
И созидать себе грядущего не смея...

В этих отрывках ощутима не только переключка мотивов, но родствен и сам характер стиха: это шестистопный ямба со смежной рифмой. Не преувеличивая воздействия ломоносовской поэмы на поэтическую систему Жуковского, нельзя не заметить, что в образцах своей патриотической лирики Жуковский осмыслял опыт Ломоносова. Далеко не случайно, что он в большей степени опирается на его эпическую поэму, чем на оды.

VI

Но если отчеркивания в «Петре Великом» все-таки ощутимо не выдают эмоций поэта, то пометы и замечания к «Слову похвальному ее Величеству Государыне Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, говоренном ноября 26 дня 1749 года» их не скрывают.

Приведем полностью все пометы Жуковского в тексте «Слова» Ломоносова.

Но когда наипаче к изъявлению благодарности нашей должно быть нам возбужденным, как в сей торжественный день пресветлым Ея на Отеческий престол, восшествием осиянный, в который с нашим особливым весельем общее празднество соединяется? Не может неописаемая радость наша в тесных пределах сердца ныне удержаться, но на лице и на языке изливается. Напрягаются крайняя силы разума и слова изобразить Монаршеские Ея добродетели, увеселение подданных, удивление света, славу и украшение времен наших.

Велико дело и меру моего разума превосходящее предпринимаю, когда при толь знатном собрании, именем сего ученого общества, за не-сказанное благодеяние, величайшей на свете Государыне, благодарение и похвалу приносите начинаю.

с. 208

Изо всех достоинств Монархини наша показуется, коль велики были ее предки, которыми оживленная, восстановленная, укрепленная, возвеличенная, просвещенная Россия ныне над всеми земными царствами главу свою возносит, которых славные дела и заслуги к Отечеству не меньше надлежат к похвале Ея Величества, нежели кровь оных к ея рождению послужила...

с. 214

Но когда Отеческий скипетр и меч приняла мужественная Елисавета... Сего не токмо при совершенном внешних неприятелей посрамлении, но еще во время преславного Ея на Отеческий престол вступлении великий пример над внутренними сопостатами Ею показан. Прибегла к ней смущенная Россия и гласом избранных сынов своих вешала: прими меня в матерния Твои объятия, прими наследную Твою державу и врожденным Тебе бодрым Отеческим духом презирай все препятства. Надейся на Бога: он праведному Твоему предприятию предводитель будет. Надейся на себя: Ты едина истинная наследница, Ты дочь моего Просветителя.

Красочностью излишеств в выраж^ении, ^{ениях} перв^ая карт^{ина} прекр^{асна}, но испорчена лестью ^{выражений}.

Хвала не состоит в восхищ^{ении}, а в треб^{овании} дел хороших или с хор^{ошей} стороны. Из дел извлекаемая хвала живее.

?

Пышная похвала не трогает; надобно оратору с тоном ораторским соглас^{ный} тон иметь. Что значит учиться писать посредством чтения авторов? Рассматривать способы и знать их употребл^{ение} в пределах своего предмета?

Питаться их мыслями и чувствами?

Обогащаться красотами их языка?— Ломоносов может быть образцом только отчасти в первом и последнем.

Его похвальное слово Елиз. не возвыш^{ает} душ. След^{овательно} главная цель оратора не достигнута.

с. 215

Но великодушная Государыня паче изволила наследной Своей короны до времени лишаться, нежели оной достигать пролитием крови, и наконец больше опасаясь бедствия Отечеству, нежели себе Величества желая, склонилась к правлению, или вяхши к сохранению государства...

с. 216

Кто всю врага своего силу в руках имеет, и всю свою волю над ним исполнить может, однако отдает все обратно, и уже поверженного и противиться немогущего восстанавливает, тот не больше ли прощает, нежели примиряется?...

с. 217

Отчеркнут большой отрывок от слов «Подобным образом премудрая Елисавета...» до слов «Покойся в радости возлюбленное Отечество».

с. 221

Наказует Матерски, Монаршески снабдевает, исправляет без строгости, с избытком награждает, воскрешает избавлением преступивших, заслуживших²² благодеянием ободряет.

с. 224

Отверста богатою Ея Величества рукою широкая дверь наукам в пространную Россию, в которой оне во всяком довольствии и в полной безопасности распростираясь, новое приращение, новое украшение, новое просвещение и новую славу приобретают, и в новом великолепии на нечаянной высоте, на самом верху своего совершенства поставленных себя всему свету покажут, и полным своим сиянием оставшуюся ночь варварства из самых отдаленных и ныне еще едва известных мест рассыплют.

с. 225

Представьте себе будущее свое состояние, к которому вы избраны, со благоговением внимайте, что Августейшая Императрица, довольствуя вас своею казною, матерски повелевает: обучайтесь прилежно: я видеть Российскую Академию из сынов Российских состоящую желаю, постигайте достигнуть совершенство в науках: сего польза и слава отечества, сего намерение Моих Родителей, сего Мое произволение требует».

Все пометы Жуковского на полях ломоносовского похвального слова в определенной степени целенаправлены и, так сказать, утилитарны: они связаны с раздумьями поэта во время работы над посланием «Императору Александру». Работа над этим посланием имела для Жуковского принципиальное значение: не случайно в письмах друзьям он постоянно говорит о тех задачах, которые ему приходится решать, о трудностях, о сомнениях, о значении этой работы.

Какая пошлая похва-
ла!

NB

Ода прекрасна.

?

?

Смесь низкого, грубого
слога с ораторским, сти-
хотворным.

!!

²² Все подчеркивания в тексте принадлежат Жуковскому.

Конечно, опыт Ломоносова, признанного мастера похвальных слов, должен был осмыслить поэт.

В 1812 году в «Вестнике Европы» появилась статья Каченовского «О похвальных словах Ломоносова»²³, в которой звучит гимн Ломоносову. Уже в самом начале автор говорит о том, что «вообще из всех его творений очевидно открывается, что он (Ломоносов. — А. Я.) любил тех древних писателей, по которым все новейшие образовали свои дарования, а отнюдь не прилеплялся к мелочной словесности чужестранной, хотя и в его уже время мода предписывала законы своим поклонникам и заставляла их почитать мишуру за чистое золото»²⁴. Любопытно, что материалом для рассмотрения Каченовский выбирает то же самое «Похвальное слово Императрице Елисавете Петровне». Поэтому замечания Жуковского на полях ломоносовского похвального слова — это и своеобразная полемика с бытующей точкой зрения. Многие отрывки, приводимые Каченовским как примеры слога «образцового в роде красноречия великолепного, роскошного, цветущего» и достойного подражания, вызывают критические замечания Жуковского.

Мучительный поиск Жуковским именно тона послания ощутимо проявляется во всех замечаниях. Лейтмотивом их является недовольство характером похвалы Ломоносова. Исходя из самого определения жанра — «слово похвальное», Жуковский отмечает и его недостатки у Ломоносова: «картина... испорчена лестью выражений», «пышная похвала не трогает», «какая пошлая похвала». Характерны и подчеркивания поэта, сделанные на с. 205: «неописаемая радость наша», «крайние силы разума и слова», «меру моего разума превосходящее», «несказанное благодяние». Жуковский признает красоту всей этой картины, но делает важное уточнение: «испорчена лестью выражений». Каченовский же, комментируя эту картину, считает, что «вития возносит с собою слушателей до высоты недосягаемой»²⁵.

Осмысляя традицию Ломоносова, Жуковский пытается наметить свою позицию. Он почти формулирует принцип своего разговора с царем: «Хвала не состоит в восхищении, а в требовании дел хороших или с хорошей стороны. Из дел извлекаемая хвала живет». Этот поиск особого тона, выражающегося не в занскивании и восхищении, а в требовании дел хороших, в своеобразном поучении царя, и вел к открытиям Жуковского в этом традиционном жанре. Похвальное

²³ «Вестник Европы», 1812, ч. 63, № 11, с. 201—225. Как указано в примечании к статье, еще ранее это рассуждение было прочитано «в торжественном собрании Общества любителей Российской словесности».

²⁴ Там же, с. 207.

²⁵ Там же.

слово превращалось в патриотическое послание, смысл которого Пушкин позднее определил так: «Вот как русский поэт говорит русскому царю»²⁶.

Через отталкивание от Ломоносова Жуковский определяет главную цель своего послания — «возвышать души», ибо ломоносовское похвальное слово «не возвышает душ. След. главная цель оратора не достигнута». Рассматривая жанр похвального слова как ораторский жанр, Жуковский тем не менее активно пытается внести в свое послание описательный элемент. Поэтому картины русской жизни, воспоминания о славных победах занимают в нем важное место. В этом смысле обращение поэта в период его работы над посланием к эпической поэме Ломоносова «Петр Великий» вряд ли выглядит случайным. Жуковский трансформирует сам тон похвального слова, перенося в нем акцент с восхваления на описание дел хороших²⁷.

Принципиальное значение для понимания отношения Жуковского к ломоносовской традиции имеет запись на с. 214 под общим названием: «Что значит учиться писать посредством чтения авторов?» Проецируя свои размышления по этому вопросу на ломоносовское похвальное слово, Жуковский отрицает его значение как образца мыслей и чувств. «Питаться мыслями и чувствами», выраженными в «Похвальном слове», он не считает возможным. Зато (правда, «отчасти») он считает Ломоносова образцом в области языка и слога.

Этот вопрос всегда волновал Жуковского. Проблема слога для него — это прежде всего проблема выражения мыслей и чувств. В 1811 году он печатает в «Вестнике Европы» статью с характерным названием «О слоге простом и слоге украшенном»²⁸. Эта статья является переводом из Д. Юма. Пафосом всей статьи является выявление принципов соотношения украшенного слога с простым. По мнению Жуковского, излишняя украшенность слога более опасна, чем излишняя простота. Более того, «излишне украшенный слог есть недостаток наиболее опасный в наше время»²⁹. Вопрос

²⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 10, М., 1965, с. 146.

²⁷ Заслуживает внимания в этом отношении довольно обширная рецензия на эпическую поэму А. Грузинцева «Петриада» («Вестник Европы», 1812, ч. 65, № 19, с. 240—271), автор которой делает довольно подробное сопоставление «Петриады» Грузинцева и «Петра Великого» Ломоносова. Характерно, что критерием оценки является степень близости автора к правилам эпической поэмы, к ее классическим образцам. Любопытно, что для доказательства своих мыслей автор выбирает из «Петра Великого» те места, что и отчеркнуты у Жуковского. Статья подписана буквами Ж. Ж. Кто бы ни был автором этой статьи, несомненно переключка его мыслей с размышлениями Жуковского. Заметим, что еще в 1811 году Жуковский тоже обращался к творчеству А. Грузинцева, резко критикуя его трагедию «Электра и Орест».

²⁸ «Вестник Европы», 1811, ч. 56, № 8, с. 284—292.

²⁹ Там же, с. 291.

о слоге не случайно возник в записях Жуковского: поэт ищет соотношение простого слога и ораторских украшений.

В этом смысле поэтическая традиция Ломоносова не отрицается Жуковским. Он видит в его «Похвальном слоге» отрывки и картины «прекрасные», но считает, что нередко излишества в выражении похвалы портят общее впечатление. В некоторых местах похвального слова, по его мнению, не найдено нужное соотношение между слогом простым и украшенным. Так, на с. 224 он констатирует: «Смесь низкого, грубого слога, с ораторским, стихотворным». История создания послания «Императору Александру» позволяет наглядно видеть ту работу над слогом, которую проделал Жуковский. Главное направление этой работы — стремление найти нужный тон, сделать слог более простым, а само повествование более эпическим»³⁰.

Сам факт обращения Жуковского к традиции Ломоносова при создании своего программного произведения — факт чрезвычайно показательный и свидетельствующий о достаточно устойчивом интересе Жуковского к Ломоносову. В «Конспекте» Жуковский свои размышления над ломоносовскими похвальными словами выразит так: «Похвальные слова Петру Великому и Елизавете. Мало мыслей, но много риторической пышности. Эти два произведения ни в чем не похожи на то, что им предшествовало. Они заставили язык сделать огромный шаг вперед, но окончательно его не установили»³¹. В этой оценке выразилось диалектическое отношение Жуковского к поэтической традиции Ломоносова — автора похвальных слов.

VII

Казалось бы, пометы Жуковского на страницах сочинений Ломоносова носят утилитарный, прикладной характер. Это в основном размышления по поводу послания «Императору Александру». Но если учесть, что период создания послания у Жуковского совпал с его серьезной работой над «Собранием русских стихотворений», с его попытками написать тео-

³⁰ Вероятно, Жуковский не был до конца удовлетворен результатами своей работы над посланием. Во всяком случае несомненный интерес представляет отдельный оттиск стихотворения «Императору Александру» (1815) с рукописными замечаниями поэта, хранящийся в архиве Пушкинского дома. Трудно датировать эти замечания, но сам характер их, очень критический, резкий — свидетельство определенной эволюции Жуковского. Вот образцы этих замечаний: «вздор», «пустое», «врешь и мычишь», «врешь как осел и как осел сумасшедший на том, чтобы казаться человеком», «сбрехал», «врешь сумбур во весь рот», «врешь дичь», «вралиссимо», «своранство» (Архив Пушкинского дома, Онегинское собрание рукописей Жуковского, ф. 244, № 27847).

³¹ Жуковский В. А. Конспект, с. 307.

рию и историю поэзии, то очень характерными представляются записи, обнаруженные на обложке второго тома. Этими записями Жуковский выходит в область теоретических обобщений и пытается разобраться в вопросе о соотношении поэзии и прозы, высокого и низкого слога. Возникает следующий план-конспект:

Дефиниция поэзии.

Ее отличие от прозы.

Приемы стихотворного слога

от высокого до низкого.

Что поэзию сливает с прозой.

Отличительное в русской поэзии и слав<янской>.

О заимствовании слов.

О русских поэтах.

Изменение русских стихов сегодня.

Отчего совершенствуется.

А сбоку возникает характерный список:

Кантемир.

Ломоносов.

Богданович.

Державин.

Петров.

Дмитриев.

Карамзин.

Этими записями Жуковский как бы вводит Ломоносова в свои размышления о путях развития русской литературы. Для какой цели был предназначен этот список? Об этом можно было бы только догадываться, если бы в рукописях Жуковского, среди планов и перечней его сочинений 1808—1810 годов он не встретился бы в таком варианте:

О слоге стихотворном.

Характер поэзии вообще. Ее отличие от прозы.

Характер поэтического слога, в частности

в оде — быстр.

в эпосе — высок.

в драм. поэзии — страсть.

Характер русской поэзии.

Изменения русского поэтического языка.

Состояние нынешней поэзии.

Список несколько иной: это образцы западноевропейской эстетики:

Buffon,

Sulzer Zusatze,

Blair,

Schlegel,

Laharpe,

Herder

О слоге св. пис. ³².

³² ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 78, л. 32 об.

Этот план свидетельствует о том, что набросок на обложке второго тома сочинений Ломоносова не был случайным. Хронологические границы рукописи позволяют предполагать и его назначение: вероятно, это был план предисловия к готовившемуся «Собранию русских стихотворений». Это предположение подтверждается еще одним вариантом плана, хранящегося в рукописях Жуковского и имеющего заголовок «Извлечения для предисловия»:

Дефиниция Поэзии и несколько слов о изящном, вкусе и проч.

Отличие поэзии от прозы.

Что такое стихотворный слог. Его характер, основное отличие по сравнению с прозою в одном.

Характер русского стихотворного слога.

Заемствования от славянского.

Изменение от Кантемира до Карамзина.

О заимствовании из славянских.

Образец Иов.

О переводах в стихах.

Способы усовершенствования.

Как обычно, сбоку Жуковский помещает список. Это вновь авторы, эстетику которых он штудировал: *Butterweck Aesthetik, Eschenburg, Sulzer Zusatze*.

Но последним в этом ряду неожиданно стоит Ломоносов. А чуть отступая от этого столбца, Жуковский пишет: «Образцов. стихотворения. Собр. русских стихотворений»³³. Последняя запись точно говорит о назначении того плана, который, вероятно, впервые появился на обложке второго тома сочинений Ломоносова. Затем этот план уточнялся и совершенствовался. Появление имени Ломоносова в списке источников, среди авторов наиболее популярных эстетик, может быть, и указывает на этот факт, а может быть, Жуковский в работе над предисловием, особенно над разделом о русской поэзии, хотел обратиться к рассуждениям Ломоносова о русском стихосложении, к его реформе литературного языка и стихосложения, а может быть, язык самих произведений Ломоносова был толчком для размышлений об «изменениях русского поэтического языка» и «заимствованиях из славянского»: ведь Иов как образец такого заимствования вполне мог оказаться ломоносовским «Подражанием Иову», тем более что Жуковский включил его в свое «Собрание русских стихотворений». Одним словом, количество предположений можно увеличивать, но суть их останется общей: Ломоносов в творческом сознании Жуковского был не только точкой отталкивания в его поэтическом развитии, но и прежде всего источником и спутником в его серьезных размышлениях о путях и судьбах русской поэзии.

³³ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 26, л. 91 об.

Не будучи апологетом Ломоносова, поэт видел в нем живую традицию русской поэзии. Не лишним будет отметить такой любопытный факт: «извлечения из предисловия» находятся среди сочинений Жуковского, которые И. Бычков справедливо датирует 1813—1815 гг.³⁴ Точнее, этот план написан на одном листке со стихотворением 1815 года. Если учесть, что к этому времени работа по изданию «Собрания» была закончена, то этот план кажется странным, но если помнить, что Жуковский предполагал продолжение своего собрания, то этот факт становится совершенно естественным. Раздумья о характере русской поэзии, ее развития не могли быть эпизодом в творческой биографии Жуковского, так же, как и его обращение к Ломоносову.

Свидетельство тому — появление в конце 1826 — начале 1827 годов «Конспекта по истории русской литературы», где Жуковский предлагает свою концепцию истории русской литературы. В ней творчество Ломоносова занимает вполне определенное место. По мнению Жуковского, Ломоносов определяет все развитие русской литературы до Карамзина. Весь этот период он называет «пробуждением гения и поэзии». Рассматривая вклад Ломоносова в развитие того или иного жанра, определяя его заслуги перед поэтическим языком и перед прозой, Жуковский во всем этом находит движение вперед: «своими прозаическими произведениями он продвинул вперед также и прозу», своей грамматикой он начал приводить в порядок формы, лежащие в основе языка», «язык в его одах сделал исполинский шаг вперед», «они (похвальные слова.— А. Я.) заставили язык сделать огромный шаг вперед» (подчеркнуто мною.— А. Я.). Одним словом, поэт определяет принципиальное новаторство Ломоносова, его заслугу перед русской литературой: «Гений Ломоносова пробудил любовь к литературе»³⁵.

«Конспект» явился своеобразным итогом в осмыслении Жуковским творчества своего великого предшественника. Эпоха Карамзина, пришедшая в его истории литературы на смену ломоносовской, вносила свои коррективы в эту оценку. В «Конспекте» после выяснения ломоносовского шага вперед Жуковский нередко ставит союз «но», тем самым определяя и историческую ограниченность его поэзии. Однако сам факт глубокого и длительного внимания Жуковского к деятельности и творчеству Ломоносова несомненен. От переживания и переосмысления одической традиции и дискуссий о русской литературе в Дружеском литературном обществе началась

³⁴ Бычков И. А. Бумаги Жуковского.— «Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 год», СПб., 1887, с. 56.

³⁵ Жуковский В. А. Конспект, с. 307.

история восприятия Жуковским ломоносовской традиции. Замечания о Ломоносове на полях шишковского «Рассуждения» и во втором томе собрания сочинений Ломоносова — таков новый этап в этом процессе. Работа Жуковского над посланием «Императору Александру» обострила его интерес к Ломоносову — автору похвальных слов и эпической поэмы «Петр Великий», — которую Жуковский не случайно называл «Петриадой». В работе над предисловием к «Собранию русских стихотворений», в раздумьях над историко-литературным значением деятельности поэта при чтении и правке статьи М. Н. Муравьева «Заслуги Ломоносова в учености»³⁶ Жуковский пытался прежде всего понять значение Ломоносова для современной поэзии. Итогом этих размышлений и явилась оценка поэта в «Конспекте по истории русской литературы».

³⁶ Подробнее об этом см. главу «В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев».

Глава третья

В. А. ЖУКОВСКИЙ и М. Н. МУРАВЬЕВ

I.

В библиотеке В. А. Жуковского, хранящейся в фондах Научной библиотеки Томского университета, находится пять книг из произведений Михаила Никитича Муравьева. Это «Опыты истории, писем и нравоучений», напечатанные в 1796 году. На заглавном листе черными чернилами написано: «Михаила Никитича Муравьева», а еще ниже карандашом: «С. М. Н. М». Вторая книга — «Обитатель предместия» и «Эмилиевы письма», изданная К. Н. Батюшковым в 1815 году, преподнесенная им в подарок: на титульном листе, сверху срезанном, осталась часть надписи черными чернилами «От Ахилла, 1815. Петерб.» И трехтомное полное собрание сочинений М. Н. Муравьева, вышедшее в 1819—1820 годах, в подготовке издания которого принимал участие В. А. Жуковский. В книгах полного собрания и в «Опытах...» есть несколько помет, сделанных рукой поэта: отчеркивания на полях в I томе в разделе стихотворений, во II томе в разделе исторических трудов. В статье «Краткое начертание Российской Истории» сделаны записи на полях¹. Подчеркнуты строки и абзацы в книге Муравьева «Опыты истории, писем и нравоучений»².

Вопрос об отношении Жуковского к личности и творческому наследию М. Н. Муравьева представляет большой интерес. М. Н. Муравьев — философ, историк, писатель, творчество его отразило переходный момент в развитии искусства XVIII—XIX веков. Г. А. Жуковский в «Очерках русской литературы XVIII века» писал, что «в начале XIX столетия еще до официализации культа Карамзина, а потом одновременно с нею, в кругу карамзинистов, был принят как обязательный культ Муравьева, наставника в жизни, морали и литерату-

¹ Муравьев М. Н. Полное собрание сочинений. СПб., 1819—1820, т. I, с. 10, 16, 33, 42—46, 61—63; т. II, с. 207—244, 251—252, 258.

² Муравьев М. Н. Опыты истории, писем и нравоучений. 1796, с. 60—62.

ре»³. Имя В. А. Жуковского связано с судьбой творческого наследия Муравьева⁴. Разделяя восторженное и полное глубокого уважения отношение к Муравьеву со стороны Карамзина и Батюшкова, его первых редакторов и издателей, Жуковский принял участие в составлении и редактировании Полного собрания сочинений Муравьева. Из раннего письма Батюшкова И. М. Муравьеву-Апостолу известно, что над изданием сочинений Муравьева Жуковский работал по собственному желанию: «Конечно, военные обстоятельства, пожар Москвы и другие причины не позволили, г. Жуковскому до сих пор выполнить приятного, скажем более, святого долга, возложенного на него по собственному его желанию»⁵. Работа Жуковского над подготовкой к изданию сочинений Муравьева началась около 1811 года, так как именно этим годом датируется письмо Батюшкова, в котором идет речь о бумагах Муравьева, о работе Жуковского над ними и о письме к И. М. Муравьеву-Апостолу: «Напиши сам письмо к Ивану Матвеевичу о твоём деле. Я берусь за исполнение твоей просьбы; но надобно, чтобы ты сам его попросил. Успокой меня. Катерину Федоровну и свою совесть»⁶. А в письме от 12 апреля 1812 года Батюшков упрекал Жуковского: «Кстати: что ты делаешь с сочинениями Михаила Никитича? Не стыдно ли так долго держать и ничего не сделать?!»⁷.

Бумаги Жуковского, хранящиеся в Рукописном Отделе Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, показывают, что замысел работы, связанной с творчеством М. Н. Муравьева, относится к 1808—1810 годам. В планах Жуковского рядом с «Лицеем русским», «О сочинениях Дмитриева», «Письмами о поэзии» дважды поэт записывает: «О Муравьеве»⁸. В 1813 году в «Собрании планов» вновь упоминается Муравьев. В «Дневнике» за 1814 год в «Прибавлении» к «Плану» четко вырисовывается характер работы: «Жизнь и сочинения Муравьева»⁹. В этот период Жуковский отредактировал поэтическую часть собрания, выправил многие ранее не публиковавшиеся прозаические произведения и составил полный план издания, по которому оно было осу-

³ Жуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938, с. 252.

⁴ Левин В. Д. Карамзин, Батюшков, Жуковский — редакторы сочинений М. Н. Муравьева. — «Проблемы современной филологии», М., 1965, с. 182—191.

⁵ Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1885, т. II, с. 411.

⁶ Батюшков К. Н. Письмо к В. А. Жуковскому. — «Русский Архив», 1875, № 11, с. 346.

⁷ Батюшков К. Н. Сочинения, СПб., 1886, т. III, с. 179.

⁸ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 78, л. 9.

⁹ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений, СПб., 1902, т. XII, с. 148.

шествлено. Составление плана, по всей вероятности, относится к концу 1815 года. На обороте 4-го листа с планами сделан рукой Жуковского конспект заседания «Арзамаса»:

Протокол.
Речь Старушки.
Чу.
Выговор Светлане.
Кассандре.
Ивикову Журавлю.
О Северине.
О Полетике.
Выбор. ¹⁰

Заседание с такой повесткой состоялось 25 ноября 1815 года ¹¹.

План издания сочинений, составленный Жуковским, отражает его представление о личности и творчестве М. Н. Муравьева. Черновые наброски плана, папка с произведениями Муравьева, хранящиеся в архиве Жуковского, свидетельствуют о том, что под рукой поэта были бумаги Муравьева, издания, сделанные Карамзиным (1810 г.) и Батюшковым (1815 г.). Жуковский основывался на уже имеющихся публикациях, но группировал материал по-новому.

Собрание сочинений Муравьева в издании Карамзина состояло из 2-х томов. В первом были помещены «Разговоры мертвых» и 16 статей, написанных в связи с обучением Муравьевым великим князем Александром и Константина Павловичей. Во втором томе разместились прозаические произведения: «Обитатель предместия», «Оскольд» и историческая работа «Краткое начертание Российской Истории». В 1815 году Батюшков издал в одном томе «Обитателя предместья» и «Письма Эмилиевы». Им было предпослано письмо Батюшкова к И. М. Муравьеву-Апостолу, впервые опубликованное в 1814 году. Об этом письме сам автор писал Жуковскому: «Ты имеешь его. Заметь то, что тебе не понравится: ошибки против слога. Прибавь, если хочешь. Это письмо будет иметь интерес: я говорил о нашем Фенелоне с чувством; я знал его, сколько можно знать человека в мой лета. Я обязан ему всем и тем, может быть, что умею любить Жуковского. Еще раз повторяю: из двух книг Муравьева, Карамзиным изданных, из стихов и прозы, которых ты наберешь, из «Писем Эмиля», которые я намерен напечатать, мы составим нечто целое <...> Вот будет книга редкая у нас в России!»¹². Знаменательно сравнение Муравьева с Фенелоном, страстным приверженцем античного искусства, проповедником, воспитателем дофина, противником деспотизма, автором «Телемака» и

¹⁰ ИРЛИ, собрание Д. В. Дашкова, ф. 93, оп. 3, № 518, л. 4, об.

¹¹ См.: «Арзамас и арзамасские протоколы», Л., 1933, с. 116—118.

¹² Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1886, т. III, с. 305—306.

«Разговоров мертвых». Здесь же Батюшков очерчивает круг произведений, которые должны войти в новое собрание сочинений, то есть разговор идет о принципах издания Муравьева. Мысли Батюшкова, изложенные в письмах 1814 года, падали на благодатную почву. Сам Жуковский 27 декабря 1810 года завершил работу над Предисловием «От издателя» к «Собранию русских стихотворений», в котором изложил свои принципы издания. Эти принципы в основном распространились и на издание произведений М. Н. Муравьева.

Прежде всего отобрано было лучшее. Об этом говорит работа над бумагами Муравьева: правка сочетается с многочисленными исключениями (вычеркиваниями) отдельных повторяющихся или общих частей, с тщательной продуманной компоновкой материала. Это особенно ярко проявилось в редактировании Жуковским «Мыслей, замечаний, отрывков»¹³, очерка «О Виргилии»¹⁴. К такому избирательному подходу к творческому наследию склонял Жуковского и Батюшков: «А в рукописи надобно многое переменить и лучше печатать одно хорошее, достойное его и тебя, нежели все без разбору. Несколько писем, неподражаемых памятников лучшего сердца и прекраснейшей души, которая когда-либо посещала эту грязь, которую мы называем землею, несколько писем не будут лишними. Все это для людей истинно образованных, не для черни читателей. Сочинения Муравьева, конечно, бы могли сиять и во французской словесности: мы слишком молоды для такого рода чтения. Но со временем будет иначе»¹⁵.

Расположение издаваемых трудов, по словам Жуковского, было «не хронологическое, а техническое»¹⁶. В «Собрании русских стихотворений» это расположение было по родам поэзии. Здесь же в основу деления по томам легло представление о различных сферах деятельности Муравьева. В I томе предстал поэт и прозаик, автор избранных 26 стихотворений и прозаических «опытов», куда вошли «Обитель предместия», «Эмилиевы письма», «Тетрадь для Сочинений», «Оскольд», «Разговоры мертвых»¹⁷ и другие.

Ко второму тому по плану Жуковского были отнесены произведения Муравьева-историка. Жуковский устанавливает четкую последовательность: сначала произведения о предмете истории и историках, затем — опыты по всемирной истории и далее — о Российской истории. Необходимо заметить, что большинство работ по истории, философии, этике писались

¹³ ГПБ, ф. 499, архив М. Н. Муравьева, ед. хр. 31, л. 56.

¹⁴ ГПБ, ф. 499, ед. хр. 61, л. 1.

¹⁵ Б а т ю ш к о в К. Н. Сочинения. СПб., 1886, т. III, с. 358.

¹⁶ Ж у к о в с к и й В. А. Предисловие. От издателя.— Собрание русских стихотворений, М., 1810, т. 1, с. VII.

¹⁷ ГПБ, ф. 499, ед. хр. 54.

Муравьевым как материал, необходимый для наставления великих князей Александра и Константина Павловичей. Жуковский последовательно вычеркивает все обращения к лицам, устраняет следы работ прикладного значения. Так, он убирает в статье «О законодательной власти» начало: «В одном из прежних уроков наших начертали мы происхождение власти и подчиненности в рождающихся обществах, и мы видели, каким образом...»¹⁸. В трех письмах вычеркивает Жуковский конец второго письма: «Может быть, собственная польза моя входит в сии чувствования привязанности и почтения, с которыми есмь твой верный друг»¹⁹. В трудах Муравьева Жуковский видит самостоятельную систему, оригинальное исследование.

III том, над планом которого Жуковский работал более всего и куда вошли ранее не публиковавшиеся произведения, теперь отредактированные поэтом, включает «изящные писмена и пр.»²⁰. Это работы по философии, этике, эстетике, риторике, истории искусств. Сюда вошли «опыты» о Гомере, Вергилии, Ломоносове, Руссо, Стерне, Альгаротти. Материалы этого тома демонстрировали широту и многогранность интересов русского поэта и мыслителя XVIII века.

К изданию сочинений предполагалась статья Жуковского о жизни и деятельности М. Н. Муравьева. Дважды, в сентябре и октябре 1814 года, Жуковский говорит об этом в письмах к Александру Ивановичу Тургеневу: «Батюшков, что приехал в Петербург, то уж и дал о себе знать. Письмо о Муравьеве прекрасное; но зачем же он меня бранит? Не я ли к нему писал, чтобы у Ивана Матвеевича выпросить мне подробности жизни Муравьева?»²¹. Через месяц Жуковский вновь обращается через А. И. Тургенева к Батюшкову: «Напомни ему, что я должен был писать жизнь Муравьева, что для этого надобно было мне иметь сведения о его обстоятельствах, что этих сведений нельзя почерпнуть из тех бумаг его, которые у меня, что я просил его же, попеньку-шелюму..., мне эти сведения доставить!»²² Батюшков в ноябре 1814 года уточняет свое представление о предполагаемой статье Жуковского: «Я беру на себя труд издателя <...> Здесь я перебираю прозу. Вот мое единственное и сладостное занятие для сердца и ума. Сколько воспоминаний! Перечитывая эти бесценные рукописи, я дышу новым воздухом, беседую с новым человеком, и с каким? Нет, никогда не поверю, чтобы ты лёнь предпочел удовольствию заниматься и трудиться над остатками столь редкого дарования, над прекрасным наследством

¹⁸ Там же, л. 51.

¹⁹ Там же, л. 129.

²⁰ ИРЛИ, собрание Д. В. Дашкова, ф. 93, № 518, л. 3 об.

²¹ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 125.

²² Там же, с. 127.

нашим! Сделай маленькое предисловие, то, что сделал Николай Михайлович в своем издании. «Жизнь будет не нужна. Несколько строк твоей прозы и твое имя — вот о чем прошу тебя, жестокий!»²³.

В плане издания I тома Жуковский записал:

«I том.

Предисловие
Письмо Батюшкова»²⁴.

Предисловие написано не было, его место заняло письмо Батюшкова к И. М. Муравьеву-Апостолу. Это письмо было оценено Жуковским высоко: «Письмо о Муравьеве прекрасное»²⁵.

Из письма вырастает представление о могучей фигуре деятеля, гражданина и патриота, вся жизнь и творчество которого были устремлены к служению Отчизне: «Он любил Отечество и славу его, как Цицерон любил Рим, он любил добродетель, как пламенный ее любовник, и всегда, во всех случаях жизни, остался верен своей благородной страсти»²⁶. Батюшков показал широту, многогранность диапазона творчества Муравьева, проистекавших из идеи гражданского служения и «чувствительной и нежной души»²⁷. Лейтмотивом письма была идея о сочетании подвижничества, высочайшей нравственности личности Муравьева с широкой образованностью и глубиной ума, творения которого станут гордостью русской нации. Обращаясь к И. М. Муравьеву-Апостолу, Батюшков писал: «Желательно, М. Г., чтобы вы сделали несколько замечаний на жизнь Автора: она любопытна не только для любителя Словесности, но для каждого друга добродетели. Истинному патриоту приятно узнать некоторые обстоятельства жизни гражданина, принесшего пользу Отечеству непрерывными трудами и пером своим. Мы будем помнить сынов России, прославивших Отечество на поле брани; История вписывает уже имена их в своей скрижали; но должны ли мы забывать и тех сограждан, которые, употребя всю жизнь свою для пользы нашей, отличились гражданскими добродетелями и редкими талантами?»²⁸

С основными положениями развернутой оценки Батюшкова совпадает отзыв Жуковского о Муравьеве в «Неизданном конспекте по истории русской литературы». Относя его творчество к периоду «От Ломоносова до Карамзина», Жуковский пишет: «Муравьев. Наставник императора Александ-

²³ Батюшков К. Н. Сочинение. СПб, 1886, т. III, с. 304—305.

²⁴ ИРЛИ, собрание П. Я. Дашкова, ф. 93, оп. 3, № 518, л. 3 об.

²⁵ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 125.

²⁶ Батюшков К. Н. Письмо о сочинениях Г. Муравьева. — В кн.: Муравьев М. А. Обитатель предместия и Эмилиевы письма, Спб., 1815, с. IV.

²⁷ Там же, с. XXVIII.

²⁸ Там же, с. XXIII.

ра. Он написал для своего высокопоставленного воспитанника несколько работ по истории России, отрывки в манере английского «Зрителя», которые он назвал «Обитатель предместия», «Разговоры мертвых»; язык его не безупречно чист; он не владеет им; чувствуется, что он воспитан на французских образцах. Но он полон мыслей и особенно образов. При чтении его произведений чувствуется, что он воспринял все, что есть прекрасного в древней и новой литературе. И во всем, что он написал, видна прекрасная душа, все отмечено печатью чистоты и любви к добру. Он имел мало влияния на своих современников, так как почти ничего не печатал. Его произведения вышли в свет после его смерти. По своим познаниям он был много выше своих современников»²⁹. Жуковский, как и Батюшков, подчеркивает высоту нравственной природы Муравьева, его широкую образованность. Знаменательно, что, предпосылая эпиграф каждому тому «Собрания русских стихотворений», Жуковский в 1811 году наряду с Буало, Лагарпом, Шиллером обращается и к Муравьеву. Пятый том открывается его стихами:

Искусства укрощают нравы.
Кто первый вымыслил для разума забавы,
Мнил только забавлять, он смертных просветил
И грубых варваров в людей преобразил³⁰.

В поэтической форме выражена идея о просветительской миссии искусства, постоянно развиваемая Муравьевым в его трудах. В основе глубокого интереса Жуковского к Муравьеву лежал просветительский характер мирозозерцания и творчества Муравьева — историка, философа, поэта.

II

Многочисленные отчеркивания и запись Жуковского на полях связаны с историческими трудами М. Н. Муравьева. Жуковский глубоко изучал труды по российской истории. Это было продиктовано его постоянным интересом к проблеме исторического развития нации и собственно творческими замыслами. Так, в «Плане «Владимира» (1808—1810 гг.) в списке исторических источников дважды указан Муравьев³¹. Интерес к трудам Муравьева был обусловлен и предметом изучения и характером исследования. Близость кон-

²⁹ Жуковский В. А. Неизданный конспект по истории русской литературы.— «Труды отдела новой русской литературы», М.—Л., 1948, т. 1, с. 306.

³⁰ Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских, изданное В. Жуковским, М., 1811, ч. 5, с. 1.

³¹ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 79, л. 13.

цепций Жуковского и Муравьева проявилась в понимании задач истории как науки. В своих рассуждениях об истории Жуковский во многом исходил из работ высокопочтимого им Карамзина. Во введении к «Чертам истории государства Российского» Жуковский цитирует Карамзина и заключает: «История изъясняет нам, что был сей народ прежде, что он теперь, и к чему может достигнуть, пользуясь своею нравственной силою и всеми богатствами, которыми изобилуют обширные страны, ему подвластные»³². Эти мысли перекликаются с рассуждениями М. Н. Муравьева, рассматривавшего историю как науку, цель которой заключается в изучении жизни народов в их развитии: «История не есть бесполезное знание маловажных приключений, которые случились с каким-нибудь частным человеком или обществом, и которых влияние не простиралось далее тесных пределов его деятельности. История, заслуживающая сие название, представляет народы, сии великие семейства человеческого рода, проходящие постепенно различные возрасты и состояния, которые находятся между грубости дикого, состоящего в непосредственном покровительстве Природы, и между просвещенного гражданина, который силен соединением своим с тысячами, наслаждается в спокойном обществе возвышеннейшим состоянием благополучия, какое только суждено человечеству»³³.

Связь имен Муравьева и Карамзина не случайна. Муравьев покровительствовал деятельности Карамзина-историка. Благодарный Карамзин после смерти Муравьева занимался изданием его сочинений. Карамзин написал предисловие к изданию, в котором отмечал «прекрасную, нежную душу» Муравьева, «исполненную любви к общему благу»: «Все главные произведения разума человеческого, древние и новые языки, науки исторические, умозрительные и естественные были ему известны. Страсть к учению равнялась в нем только с страстью к добродетели»³⁴. Батюшков в 1814 году в письме к И. М. Муравьеву-Апостолу, ссылаясь, по-видимому, на Карамзина, поскольку именно от него он ждал нового творения — «полной истории Русской», которая «будет иметь непосредственное влияние на умы и более всего на Словесность»³⁵, пишет об исторических трудах Муравьева: «Исторические отрывки г. Муравьева заслуживают особенное вни-

³² Жуковский В. А. Полное собрание сочинений, СПб., 1902, т. X, с. 32.

³³ Муравьев М. Н. Полное собрание сочинений в 3-х томах. СПб., 1819—1820, т. II, с. 3. В дальнейшем все ссылки в тексте будут даваться по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы. Все подчеркивания в тексте М. Н. Муравьева принадлежат В. А. Жуковскому.

³⁴ От издателей.— В кн.: Муравьев М. Н. Опыт истории, словесности и нравоучения, М., 1810, с. 2—3.

³⁵ Батюшков К. Н. Сочинения, СПб., 1886, т. III, с. 358.

мание, и мы смело уверить можем, опираясь на мнение ученнейших мужей по этой части,— что на Русском языке едва ли находится что-нибудь подобное Краткому Начертанию Российской Истории, напечатанному в первый раз в 1810 году; и статьям под названием: Рассеянные черты из Землеописания Российского и Соединение удельных Княжеств в единое Государство. Они начертаны пером ученого, политики и философа»³⁶.

В списках Жуковского к «Плану «Владимира» имя Муравьева следует сразу за именем Карамзина:

«Выписки из Карамзина. Муравьев»³⁷.

Содержание отмеченных Жуковским мест в трудах Муравьева свидетельствует об интересе поэта к принципам исследования историка. Особенностью «Краткого начертания Российской Истории» Муравьева является то, что, создавая историю русского государства от скифов до Петра I, он стремился исследовать характер основных процессов, определивших становление нации и государства. Он выделил взаимодействие двух важнейших тенденций: раздробление и стремление к единовластию. В междуусобице князей, в удельной системе Муравьев видит источник зла, мешавший процветанию русского государства: *«Все Монархии Европейские более или менее терпели от неудобностей Феодального правления, которое введено Северными народами, и кажется вымышлено для утверждения нового завоевания»* (II, 69). Именно эти размышления о характере древней русской истории, о содержании удельного правления отмечены Жуковским.

Еще раньше, думая о поэме «Владимир», Жуковский в письмах к А. И. Тургеневу 1810 года изложил свое кредо: «Я не хочу быть историком, но хочу иметь основательное понятие о древности Славянской и Русской»³⁸. В письме от 12 сентября 1810 года: «Читая Русскую историю, буду иметь в виду не одну мою поэму, но и самую Русскую историю; но в истории буду следовать за образованием Русского характера, буду искать в ней объяснения настоящего морального образования Русских»³⁹. Естественно, что, читая произведения Муравьева, Жуковский выделяет рассуждения его о борьбе междуусобицы и единовластия как важнейших явлениях развивающегося государства, о пагубном действии удельного правления. *«Обыкновения столь сильно обладают человеческим родом, что два столетия пагубных следствий не в состоянии побудить к отменению вредных правил, освященных*

³⁶ Там же.

³⁷ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 79, л. 13.

³⁸ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 56.

³⁹ Там же, с. 59.

древностию. Из числа таковых есть разделение Государства, известное в прочих странах Европы, под именем Феодалного или поместного владения. Россия была жертвою сего политического заблуждения около пяти столетий, от времен Святослава Игоревича до славного царствования Великого Князя Иоанна Васильевича. Раздираемая честолюбием родственных Князей, вместо того, чтобы в недрах своем основать щастие, искусства, просвещение, и вне приобрести уважение, она изнуряла силы в междоусобных бранях и в самых победах; но бессильная в разделении, была страхом окружающих ее врагов, Печенегов, Половцев, когда покоилась под управлением единого Государя и составляла одно народное тело» (II, 214—215). На полях этого отрывка Жуковский записывает: «Борьба между раздроблением и единовластием» (II, 241). Для Жуковского эта идея была важной. «Отрывок» о «Древней Истории» он строит именно на исследовании соотношения этих тенденций. На протяжении «Краткого начертания Российской истории» Муравьев неоднократно обращается в отступлениях к этой теме, и Жуковский последовательно выделяет их. В соответствии со своим интересом к процессу становления национального характера Жуковский отмечает размышления Муравьева о пагубном влиянии татарского нашествия: «Без сомнения, обращение с Татарами имело влияние на характер народа. Присвоение восточных обыкновений изменило чистоту Российских нравов. Заимствовались нечувствительным образом обряды, одеяния, увеселения. Оттуда можно произвести сей недостаток уважения высшего состояния людей к нижнему и трудолюбивому, сии изъявления рабского почтения, унижающие человека, обращение к правосудию с приношением даров — черты, которые заглаждая в последующие времена, уничтожены совершенно преобразованием Государя Петра I» (II, 252). В связи с вопросом об интересе Жуковского к историческим трудам Муравьева необходимо учитывать сложность просветительской позиции Муравьева. Его общественным и историческим взглядам была присуща вера в просвещенного монарха. Но, сознавая историческую обусловленность и ограниченность этой приверженности к абсолютизму, необходимо указать на внутренние истоки той движущей силы, которая открывала перспективу его позиции. У Муравьева в высшей степени было развито сознание ответственности и долга личности перед обществом. Идея гражданского служения, подчинения жизни каждого высокому общему делу определила всю многогранную работу Муравьева как поэта, философа, историка, общественного деятеля. Жуковскому была глубоко родственна эта стихия просветительства. Не случайно одной из первых в работе Муравьева «Краткое начертание Российской истории» Жуковский подчеркнул фразу: «Любовь

отечества есть чувствование, которое только в сердце гражданина достигает совершенства» (II, 208). Понимание «общего» было у Муравьева социально ограниченным, но вместе с тем не лишено глубоких гуманистических тенденций. Защитник личного достоинства человека вообще, Муравьев не бунтует против крепостного права, хотя и признает, что «рабство домашних было в России, так как и в других народах, следствием войны и плена» (II, 194). Однако, обращаясь к просвещенным и благотворительным помещикам, он апеллирует к их представлениям о чести и восстанавливает понятие о нравственном достоинстве и правах земледельцев. Жуковский разделяет эту позицию Муравьева. Так, редактируя статью «О благосостоянии земледельца», он уточняет характеристику крестьян. Муравьев пишет: *«Общим опытом доказано, сколько Российский дворянин внимателен к пользе подвластного ему селянина».* Жуковский дополняет: *«приверженного с своей стороны чрез целые столетия одному семейству и смешивающего повинование с благодарностью»* (III, 209). Но позиция Муравьева не исчерпывается этим идиллическим представлением о якобы возможной гармонии между помещиком и мужиком.

Пафосом всех трудов Муравьева было стремление подчинить деятельность личности общенациональным интересам. Это определило прогрессивность его просветительской позиции. Несомненно, что историческая концепция декабриста Н. М. Муравьева выростала на гуманистических представлениях, одушевлявших его отца. В этом отношении замечательно письмо Батюшкова к Жуковскому от 1815 года, где шла речь о Никите Муравьеве: «Познакомься покороче с Муравьевым, с редким человеком; он живой портрет отца своего во многих отношениях, по сердцу и уму. Жаль, если его страсть к науке погаснет в службе: мы еще потеряем человека. Но это между нами»⁴⁰. И Жуковский прислушался к совету Батюшкова. Он пишет Д. В. Дашкову в связи с изданием книжки «Аонид» о Никите Муравьеве: «Никита Муравьев. У него верно будут готовы отрывки исторические»⁴¹. На связь идей декабристов Муравьевых с гуманистическими идеалами их отца указывал Н. Жинкин: «Ярый поборник просвещения, защитник новых научных истин, шедших с Запада, он был одним из тех проводников истинного гуманизма, которые положили начало русскому освободительному движению, так ярко выразившемуся вскоре в движении декабристов. В этом движении Муравьев принимал косвенное участие — как известно, среди декабристов были замешаны его два

⁴⁰ Батюшков К. Н. Письмо к В. А. Жуковскому. — «Русский Архив», 1875, № 11, с. 358.

⁴¹ Жуковский В. А. Письмо к Д. В. Дашкову. — «Русский Архив», 1868, № 4—5, с. 840.

сына—Никита и Александр»⁴². В свете этих фактов особое значение имеет правка Жуковского, сделанная в заглавии труда Муравьева. Авторское заглавие: «Письма к одному молодому дворянину о предметах, касающихся до России» Жуковский зачеркивает и дает иное: «Письма к молодому человеку»⁴³. Он подчеркивает общепросветительский пафос трудов Муравьева, который в этом произведении писал: «Только происшествия заслуживают все наше внимание, которые были степенями или препятствиями народного восхождения от дикости и невежества к просвещению и знаменитости» (II, 110). Рассматривая историю как летопись славы и могущества русского государства, М. Н. Муравьев выдвигает в качестве критерия величия людей их заслуги перед Отечеством. В своих трудах он называет имена, ставшие гордостью России: Ломоносов, Пожарский, Минин, Беринг, Филарет: «Какому герою древности уступает сей Пожарский, который, презрев раны свои и силу неприятелей, повинуется призыванию Отечества и восстанавливает его из развалин, везде присутствен, все предвидя и все преодолевая своим благоразумием? Какой гражданин знаменитее сего Космы Минина, который из неизвестного мещанина становится спасителем Отечества?» (II, 10). С этим же критерием (служения России) Муравьев подходит и к оценке государя. Идеалом просвещенного монарха для него является Петр I. Описанием его деятельности Муравьев, как правило, венчает все рассуждения о развитии наук, искусств, земледелия, географических открытий, военного дела: «Чего не может произвести постоянство мудрого Государя, который жил весь свой век для Отечества?» (II, 374). С деятельностью Петра I Муравьев связывает и расцвет русского государства XVIII века и выход его на европейскую арену: «Возвысить народ свой, заставить иностранные державы почитать его славу и признавать влияние, побудить умы к усмотрению выгод, происходящих от искусств и полезного трудолюбия, искоренить вредные предрассуждения и приготовить подданных к принятию вящего просвещения: таковы бессмертные заслуги Государя Петра Первого, которые приобрели ему столь достойно имя Великого!» (II, 376).

Перечитывая исторические труды Муравьева, помещенные во II томе, Жуковский очеркивает характеристику, данную Великому Князю Ивану Васильевичу, при котором *«соединяются раздробленные части ея во единое политическое тело, престаёт междоусобие, позорные узы неволи на выю утеснителей низвергаются, своевольный Новгород при-*

⁴² Жинкин Н. М. Н. Муравьев.— «Известия отделения русского языка и словесности», 1913—1914, т. XVIII, кн. 1, с. 350.

⁴³ ГПБ, ф. 499, ед. хр. 78, л. 75.

знает сообщество свое с Россиею, и сильное Государство вступает на первую ступень будущего своего величия» (II, 258). Говоря о личности князя Ивана Васильевича, Муравьев пишет: «Неутомим, терпелив, проникателен, весь предан попечению о Государстве, устремляясь к великим предприятиям и всегда им равен, неприятель неги и роскоши, он жил единственно для совершения великого дела, для соединения и освобождения отечества» (II, 258). Безусловно, здесь выведен не реальный образ Ивана Грозного, а нарисован идеал просвещенного государя. Жуковский на полях очерчивает это рассуждение: его волнует проблема власти, и он разделяет просветительское понимание ее. В «Кратком начертании Российской Истории» Жуковский отмечает важное рассуждение Муравьева: «Опыты и здравый разум свидетельствуют напротив того, что сын Государя, как отца народа, есть в Государстве один и неразделим: государствование есть не только право владения, но и долг превосходной благотворительности» (II, 234). Эта мысль является лейтмотивом характеристики русских князей. Жуковский в своих «Чертах истории государства Российского» развивает отмеченную им у Муравьева мысль о нравственной силе государственной власти: «Что утверждает могущество государства? Устройство внутреннее, плод долговременного мира. Под сению мира мужает власть верховная, твердою законностью утверждается на частном благоденствии *общее*: становятся ясны взаимные отношения между государем и подданными: любовь и уважение властителя к народу производят любовь и уважение народа к властителю <...>⁴⁴.

Таким образом, в произведениях Муравьева Жуковский находил обоснование своей веры в просвещенную власть. Эта вера основывалась на понимании исторического развития русского государства, слава и величие которого, по трудам Муравьева и Жуковского, определялись единством нации под эгидой мыслящего и гуманного правителя. Отсюда и большой интерес Жуковского к поэтическому изображению славных подвигов русского народа. В поэтической части I тома Жуковский отмечает те строфы, где Муравьев воспевает победы русских, например, в «Храме Марсовом». Поэтическое воспроизведение образа Петра I как идеального воина и правителя Жуковский отмечает и в «Военной песне»:

Велик был Петр на ратном поле,
Велик был Петр в морских волнах:

⁴⁴ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1902, т. X, с. 49.

Иль как мудрец в чужих странах.
Ему в победах славы мало;
Его понятие обьимало
Все нужды царств, весь долг Царя.
Как Бог, внушающий творенье,
В народ он свой вложил паренье,
Ко славе перед ним паря» (1, 10).

К этим стихам органично примыкает другое отмеченное Жуковским четверостишие: «К славному мореходцу Берингу», который, по словам Муравьева, был призван Петром, «открыть любопытству вселенной места, дотоле неприступные для миролюбивого наблюдателя» (II, 325).

Твой остров ждал тебя, о Беринг! средь пучины,
Когда ты разделил две света половины.
Сердитый Океан шумит в твоих ногах:
Твоя огромна тень ему наводит страх (1, 16).

III

В просветительстве М. Н. Муравьева Жуковскому близким было представление о достоинстве человека. В I томе в разделе стихотворений особенно много отчеркиваний Жуковского на полях «Эпистолы к Е. П. Ивану Петровичу Тургеневу». «Эпистола» в 1810 году была опубликована в редактируемом Жуковским «Вестнике Европы» с примечанием издателя: «Автор сего послания и следующих трех стихотворных пьес — «Болеслав», «Несчастье», «Зевес и гром» — есть покойный Михайла Никитич Муравьев. Избранные из оставшихся после его смерти стихотворений будут изданы со временем в свет. Читатели найдут в них красоты всякого рода и философию привлекательную, изливающуюся из души нежной, чуждой всякого притворства и созданной питать одни только добрые чувства»⁴⁵. Можно предполагать, что этот отзыв принадлежит В. А. Жуковскому, так как само стихотворение выправлено им: редакция «Эпистолы» в «Вестнике Европы» совпадает с правками Жуковского на списке стихотворений Муравьева, хранящемся в Государственной Публичной Библиотеке. В 1810 году Жуковский включает «Эпистолу» в этой же редакции в четвертую часть выпускаемого им «Собрания русских стихотворений».

Для более верного понимания характера помет Жуковского в этом стихотворении важно понять и личность того, к кому оно обращено, — Ивана Петровича Тургенева.

⁴⁵ «Вестник Европы», 1810, ч. 51, № 9, с. 42.

Друг М. Н. Муравьева И. П. Тургенев был видным русским масоном, в мировоззрении которого религиозно-мистические идеи переплетались с гуманистическим просветительским началом. Благородная личность, отец братьев Тургеневых, автор сочинения «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным», для Жуковского он был воплощением нравственного совершенства и добродетели. В письме к его сыну, Александру Ивановичу, от 8 января 1806 года Жуковский пишет: «Дай мне понятие о религии твоего батюшки. Она не должна быть обыкновенною, и если ты в ней уверен, то почему я не могу быть уверен? Эти вещи самые важнейшие, потому что на них должно основываться все наше бытие, должны быть между нами общими, по крайней мере столько общими, сколько это возможно. Весело и прекрасно иметь побудительную причину во всех случаях жизни; по крайней мере одна только побудительная причина у всех и быть может: искание совершенства»⁴⁶.

Содержание «Эпистолы» М. Н. Муравьева как бы перекликалось и развивало основные положения трактата Тургенева «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным». Облеченный в форму религиозных размышлений, трактат содержал идею необходимости нравственного совершенствования личности: «Рассуждая о всем выше писанном, то есть о побудительных причинах к исполнению должностей общественных; о награждениях за сим следующих; о службе; о благоуспешном отправлении знаменитейших званий в государстве, не должно ли заключить, что истинный христианин или по крайней мере им быть желающий есть и не может не быть добрым гражданином, то есть полезным не себе и верным не своим собственным выгодам, но государю и государству»⁴⁷.

Проблема нравственного становления личности — «искание совершенства» — была для Жуковского одной из важнейших в его личных устремлениях и творчестве. Понятен пристальный интерес поэта к «Эпистоле» Муравьева. Овеянная ореолом двух благороднейших людей эпохи XVIII века, она явилась программой идеальной личности в соответствии с критериями просветительского сознания. Содержание послания перекликается с другим «опытом» Муравьева, который тоже был отредактирован и озаглавлен самим Жуковским: «Достоинство человека».

⁴⁶ Жуковский В. А. Письма к А. П. Тургеневу. М., 1895. с. 19.

⁴⁷ Тургенев И. П. Кто может быть добрым гражданином и верным подданным. Без указания места и года издания, с. 12.

«Эпистола» открывается полным страстной полемики отрицанием праздного эгоистического существования. Жуковский отчеркивает на полях строки:

Не тот еще, мой друг, свободный человек,
Что предан сам себе, ведет беспечный век,
Без пользы для других, без плану и без дела,
Как мысль умом его внезапно овладела.
Я разных зрю его невольником страстей,
Под игом праздности стенияща своей.
Напрасно в свете он рассеянья желает:
Свет зримый всякой день его не забавляет.
И между тем, как все в движенье вокруг него,
Он только осужден не делать ничего (1,61).

С еще большей определенностью Муравьев говорит о пагубности праздного существования в статье «Достоинство человека». Изображая упивающегося негой и роскошью человека, Муравьев пишет: «Нега ослабляет тело его и разум. Малейший ветер проникает его. Он несчастлив, ежели множество лакомых блюд не покрывают стола его, ежели он не покоится на мягчайшем пухе. Сердце его не может вмещать благородного чувствования. Разум его не в состоянии думать. Он боится всякого труда. Младость его проведена без учения. Он ничего не знает, ни к чему не способен и сохранил только внешность человека. Собрание таких роскошных не может составить процветающего общества; ибо роскошь есть язва Государства» (III. 49).

Осудив праздность «невольника страстей», Муравьев в «Эпистоле» развертывает свое представление об истинно свободном человеке. В основе его представления лежит идеал нравственно совершенной личности. Эта мысль была близка Жуковскому, он отчеркивает строки:

Того лишь, кто владеть умеет сам собою,
Зову свободным я. Не спорит он с судьбою,
Но всюду следует призыванию ея
И знает, живучи, всю цену жития,
Без наслаждения минуты не проходят,
Расскаянья они и скуки не приводят;
Любовью истинны, любовью красоты
Исполнен дух его, украшены мечты;
Искусства, вас к себе он в помощь призывает;
От зависти себя он в вашу сень скрывает (1,61).

Для понимания того, насколько был близок Жуковскому просветительский апофеоз личности, важна его редакторская правка «Эпистолы». В отмеченном отрывке у Муравьева было:

Но тот, кто властвовать умеет над собою,
Один свободен тот.

Жуковский изменяет:

Того лишь, кто владеть умеет сам собою,
Зову свободным я⁴⁸.

В новой редакции внимание акцентируется на активности личности самого автора. Дважды в «Эпистоле» Жуковский подчеркивает рассуждения Муравьева о достоинстве себя со-знающего человека:

И словом, счастлив тот и тот один свободен,
Кто счастья в крайностях всегда с собою сходен,
В сиянии не горд, в упадке не уныл,
В себе самом свое достоинство сокрыл;
Владыка чувств своих, их бури умирят
И скуку жития ученьем украшает» (1,63).

Высшей добродетелью человека Муравьев называет служение Отчизне. Прославление гражданина и патриота было глубоко родственным Жуковскому. Он выделяет в тексте строки:

Служить Отечеству верховный душ обет!
Наш долг туда спешить, куда оно зовет (1,62).

Вся редакторская правка Жуковского в этом стихотворении была направлена на усиление идей доблести гражданского служения, ответственности каждого человека перед обществом. Так, в тексте Муравьева было:

«Мне только что служить, правленью награждать». Жуковский слово «правленью» заменяет на более высокое слово «Отчизна»:

«Мне только что служить, Отчизне награждать⁴⁹». Строка Муравьева: «И долг стремиться всем, куда оно зовет» в редакции Жуковского: «Наш долг туда спешить, куда оно зовет»⁵⁰ приобретает дополнительный оттенок: сознание долга каждого перед своей Отчизной. В этом же плане Жуковский меняет и другую строку. У Муравьева о гражданине говорится: «Для пользы общие всегда служить готов». Жуковский правит: «На пользу общую всегда, везде готов»⁵¹, подчеркивая двойным усилением «всегда, везде» решительность гражданина в его благородных деяниях.

Глубоко родственной Жуковскому в «Эпистоле» была и идея равенства людей. В соответствии с просветительской концепцией Муравьев рассуждает:

Полезным можно быть не бывши знаменитым:
Сретают счастье и по тропинкам скрытым (1,62).

Жуковский отмечает эти строки. В процессе редактирования он еще более усиливает звучание этой мысли. Так,

⁴⁸ ГПБ, ф. 499, ед. хр. 54, л. 30 об.

⁴⁹ Там же, л. 31.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, л. 30 об.

в строке о вергилиевом старце («Он счастье в хижине, конечно, находил И пышности вельмож душой превосходил») Жуковский переделывает последнюю строку «И пышных богачей душой превосходил»⁵². В редакции «Эпистолы», помещенной в четвертой части «Собрания русских стихотворений», Жуковский итоговую строку «И к счастью может ли способствовать богатство?» заменяет сентиментально-патетической: «Ах! Может ли привести ко счастью богатство?»⁵³.

Заканчивая статью о «Достоинстве человека», приводя в пример великих людей древних Греции и Рима, Муравьев подытоживает представление о совершенной личности: «Чем приобрели они себе славу сию? Ясным познанием и постоянным исполнением добродетели, подъятием величайших трудов, посвящением самих себя отечеству, пренебрежением неги, роскоши, слабостей. Повелевая собою, своими страстями и прихотями, сделались они способны повелевать другими». Не меняя ничего в тексте, Жуковский приписал еще одно предложение: «Вот в чем прямое достоинство человека»⁵⁴. Приписка существенна: она не только придает композиционную законченность статье, но явно свидетельствует о том, что Жуковский активно разделяет мнение Муравьева.

Таким образом, редакторская правка произведений Муравьева и отметки на полях «Эпистолы» говорят о глубоком родстве представлений Жуковского о человеке и обществе с просветительскими концепциями М. Н. Муравьева, в основе которых лежит идея гражданского служения Отчизне.

IV

Концепция мира и человека у Муравьева была подвижной, не укладывавалась в систему классицизма: «Муравьев был предшественником Карамзина, зачинателем Батюшкова»⁵⁵. Г. А. Гуковский в «Очерках русской литературы XVIII века», исследуя общественные, философские и эстетические взгляды Муравьева во всей их диалектической сложности и исторической обусловленности, определил его позицию в целом как «гуманный либерализм»⁵⁶: «Нет нужды доказывать консерватизм, реакционность всей политической концепции Муравьева. Но для меня важно указать, что это не тупоголово-реакционное, агрессивно-реакционное мировоззрение потемкинских слуг. Бороться со злом Муравьев не

⁵² Там же, л. 31.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, ед. хр. 31, л. 30.

⁵⁵ Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 191.

⁵⁶ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., ГИХЛ, 1938, с. 259.

может более, и он предпочитает примириться с ним — в утех-ках воображения, в морали. Он принципиально отходит от политического разрешения проблем, подменяя его морально-эстетическим разрешением. Это было бегство от действительности, но не просто капитуляция перед ней»⁵⁷. В статье «М. Н. Муравьев и «легкое стихотворство» А. Н. Бруханский объясняет появление «собственно сентиментальных» произведений консервативной позицией поэта: «Интерес к внутреннему миру человека возникает у Муравьева, так же как и у Карамзина, вследствие отказа от попыток проникнуть в суть противоречий окружающей действительности. Свойственной им обоим чувствительность и умиленность скрывают идейный релятивизм, отсутствие активного убеждения»⁵⁸. Эти суждения имеют основания, но в них принципиально снят вопрос об активности позиции Муравьева. Однако для Муравьева, мыслителя XVIII века, выросшего на классических образцах, незыблемой была вера в возможности человеческого разума, торжества идеи общественного служения, которая помогала ему смирять скептические раздумья. Многие из его произведений ярко запечатлели этот сложный процесс душевной борьбы, когда поток пессимистических переживаний автор стремился преодолеть логикой идей о силе и власти гражданского долга. Пример тому — отредактированный Жуковским текст, где представление о необычайной сложности, ненормативности человеческой психики сочетается с убеждением в неизбежном приоритете высшего общего блага: «Желания для блага общего! Вот все, что я во власти своей имею. Какое непостоянное, быстрое круговращение суетных мыслей! Сколько разных цветов в один день, в один час может пройти и исчезнуть с поверхности души нашей! Могу ли поручиться, что всегда буду так мыслить, как мыслю теперь? Бедственные опыты, бедственные легкомыслия, стечение обстоятельств, ошибки в поведении утверждают истину сего положения. Мы переменяемся, мы заменяем ложными умствованиями истины, противные мнению общества: заблуждение! <...> Сладко другу умереть за друга, если обстоятельства позволяют, но человеческим родом, но отечеством жертвовать другу не должно!» (III, 292—293).

При всем идиллическом воззрении на возможность общественной гармонии Муравьев был постоянен в осуждении той части русского дворянства, которая, утопая в роскоши, попирала представление о человеческом достоинстве. Он был постоянен в глубоком уважении к мужику, видел в нем создателя и творца богатств государства. Особенно ярко он выра-

⁵⁷ Там же, с. 261—262.

⁵⁸ Бруханский А. Н. М. Н. Муравьев и «легкое стихотворство». — В кн.: «XVIII век», сб. 4, М.—Л., 1959, с. 161—162.

зил эту мысль в шестом письме «Обитатели предместья», построенном на резком контрасте в описании жизни знатного недостойного дворянина и простого крестьянина, судьбу которого Муравьев связывает воедино с деяниями Петра I. Необходимо отметить и то, что «в его трудах мы нигде не находим осуждения великого освободительного движения, начавшегося во Франции в конце восемнадцатого века»⁵⁹.

Показательно отношение Муравьева к Руссо, влиянием личности и творчества которого овеяна вся его деятельность, его взгляды на происхождение неравенства между людьми, на роль просвещенного государя, а главное — на понимание прав и достоинства человеческой личности. Статья «Просвещение и роскошь» в издании «Опытов истории, писмен и нравочений» 1796 года была особо отмечена Жуковским подчеркиванием на полях и в тексте. Уже начало статьи указывает на то, что Муравьев принимает «печальные размышления» Руссо о вопиющем парадоксе современного общества, когда «самые сияющие его успехи, любовь и совершенство искусств, вежливость нравов, распространение знаний и понятий всякого рода приводит нечувствительно к развращению, роскоши и падению Государств»⁶⁰.

Не поднимаясь до осознания сущности социального протеста Руссо-плебея, Муравьев тем не менее уловил в творчестве французского просветителя чувство глубокой потрясенности открывшимися противоречиями жизни. Имя Руссо овеяно глубокой симпатией автора, окружено всеми традиционными атрибутами сентиментального мечтателя: «уединение», «гордая и великая природа», «чистая поверхность Лемана», «стремительная Рона», «цветущие долины», «журчащие источники»⁶¹. Центром характеристики Руссо Муравьев делает два определения: «нежная и чувствительная душа» и «гражданин мира»⁶². В основе изображения Руссо лежит контраст между грубыми обстоятельствами жизни и мечтательной личностью. Жуковский отмечает эту мысль в тексте Муравьева: *«Руссо истощил все черты Сатиры и возгласения против наук и искусств, которые составили удовольствие и мучение целой жизни его. Никто не был одарен душою, более нежною и чувствительною, как сей мудрец любви достойной и странной. Наслаждавшись при рождении своем зрелищем природы гордой и великой, у подошвы Альп, смотряся в чистую поверхность Лемана, освобожден рано от присмотра родителей и наставников и будучи вместе сиротою и гражданином мира,*

⁵⁹ Жинкин Н. М. Н. Муравьев.— «Известия отделения русского языка и словесности», 1913—1914, т. XVIII, кн. 1, с. 351.

⁶⁰ Муравьев М. Н. Опыты истории, писмен и нравочений, 1796, с. 60.

⁶¹ Там же, с. 60—61.

⁶² Там же.

он слушал в душе своей сильные гласы восторга и чувствительности и был сам своим учителем. Брошен, неизвестен, переменяя жилища и состояния, обращаясь с людьми грубыми и невоспитанными, он сохранил врожденную гордость свою и Романтические понятия прежних чтений своих. Щастие поступало с ним часто, как с предметом живейшего негодования своего, часто как с избалованным дитятею. Он находил богатства, чести, все благополучия в приятном мечтании, последуя стремительному течению Рона или заблуждаясь без намерения в цветущих долинах и заводя знакомства бесполезные и приятные у журчащих источников»⁶³.

Отмеченный текст перекликается с мыслями Жуковского об уединенном мечтателе Руссо, изложенными в письме к А. И. Тургеневу от 8 января 1806 года. Сравнивая французских и немецких философов и отдавая предпочтение последним, Жуковский пишет о немецкой философии: «Она возвышает душу, делая ее деятельнее; она больше возбуждает энтузиазм. Этому причина, конечно, то, что большая часть Немецких философов живут в совершенном уединении, следовательно, больше угадывают людей, видят их издали и больше применяют к себе. Французские все играют роль в большом свете, все подчинены хорошему тону, менее глубокомысленны и меньше имеют живости в чувствах, которые обыкновенно притупляются светской жизнью. Один Руссо может быть исключением, но Руссо жил всегда в уединении»⁶⁴.

В отредактированном Жуковским тексте из «Мыслей, замечаний» Муравьев более определенно развивает идеи Руссо об естественном человеке: «Природа сияла тогда собственными красотами и не обременялася украшениями, которые думают ныне придать ей люди. Люди воспитаны были в лоне ее и не гнушались тем, что представляла им с младенчества любящая их воспитательница. Вкус их не был изнежен. Красоты природные преобладали над красотами условными. Роскошь не налагала насильственных и странных своих законов» (III, 296). В конце статьи «Просвещение и роскошь» Муравьев пишет о педагогических исканиях Руссо: «Особливо воспитание, важный предмет человеческого благосостояния, получил от писания его новые и полезные исправления. Он представляет в Эмиле своем отвлеченное понятие воспитания, невозможное, может быть, в целом, но которого многие частные подробности с успехом обращаются в исполнение»⁶⁵. Этот отзыв представляется важным Жуковскому, он отчеркивает его на полях.

⁶³ Там же, с. 60—61.

⁶⁴ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 22.

⁶⁵ Муравьев М. Н. Опыт истории, писмен и нравоучений. 1796, с. 62.

Таким образом, в произведениях Муравьева, в частности в статье о Руссо, Жуковский находил близкий ему интерес к проблеме воспитания чувствительной благородной личности.

Среди отредактированных мест в списке «Мыслей, замечаний» Жуковский особо выделяет одно. Он помещает его после статьи Муравьева о Геллерте. Нравоучения Геллерта, знаменитого немецкого поэта и моралиста, Жуковский ценит высоко. Об этом можно судить по записи, сделанной им в дневнике 16 ноября 1805 года: «Надобно каждый день в своем журнале записывать то, что случилось со мною в течение дня, то есть себя рассматривать. Мои работы не мешают мне думать и о морали моей: я буду читать с Машей Геллерта»⁶⁶.

Статья Муравьева о Геллерте проникнута благоговением автора перед человеколюбием немецкого поэта, писавшего «о утешениях скорбной жизни» (III, 275). Общий тон статьи определяют мотивы смирения, квиетизма. Бесспорно, это было близко Жуковскому. Не случайно в первом томе сочинений Муравьева он полностью отчеркнул на полях стихотворение «Несчастье»:

Единым маием вселенну управляет
Источник правды, Бог, всеильной, всеблагой;
Но добрых иногда несчастье оскорбляет
И злобою своей корытуется злой.
Кто знает, может быть, в руках твоих содетель!
Несчастье способ есть возвысить добродетель? (1,33).

Нравоучения Геллерта были предназначены чувствительным натурам, ищущим успокоения в мире прекрасного искусства, науки, природы, душевных движений. Но притягательная сила раздумий Муравьева для Жуковского заключалась не только в утверждении философского смирения, но в глубоком внимании Муравьева к самому процессу духовной жизни человека. Статья о Геллерте написана в форме исповеди в сентиментальном стиле, где восторженные восклицания перемежаются с патетическими вопросами: «Но кто из писателей предположил себе украсить, если возможно, мгновениями света и спокойствия томящуюся жизнь больного? Какое состояние более требует советов, подкреплений, рассеяния? <...> О, ежели воспоминание какого-нибудь доброго дела присовокупилось бы к сим утешениям в сердце его!» (III, 276).

После статьи о Геллерте в списке, который редактировал Жуковский, шло рассуждение, как бы продолжавшее развитие идей о пользе кротости, смирения, нравственного совершенствования: «Сколько все меня окружающее должно мне внушить кротости. Ничто не отчуждает нас более от других

⁶⁶ Жуковский В. А. Дневники. Спб., 1901, с. 29.

как изменение внимания к себе»⁶⁷. Однако Жуковский вычеркивает это рассуждение и делает за ним запись: «После этой статьи напечатать последнюю. NB.»⁶⁸.

«Последняя» статья подхватывает напряженный тон опыта о Геллерте. Вся она — исповедь души, осуждающей себя за праздность, суетность, разрушение сил душевных, стремящейся к совершенству и не находящей его: «Состояние, которое кажется наполненным прелестями, есть то самое, которого мы терпеть не можем <...> Сколь несчастны те минуты, в которых истина сия нам не столь тверда кажется! Что мне дни сии, которых я позабыл счет?» (III, 277). В исповеди передано душевное состояние встревоженности и смятенности, заканчивается она страстной мольбой о возвращении утраченной гармонии: «О добродетель! терпишь ли ты быть позглашаема от уст тебя оскверняющих. Приди! приди запретить бурям, сердце мое волнующим! и возвратится опять мое спокойствие и твердость в трудах, необходимая спутница утешения. И вдруг позабыл и жаловаться я не должен, недостойн будучи того, чтобы меня помнили. Боже мой! удостой воззреть на сокрушенное сердце мое и дай мне любить тех, которых я любил и не отврати от меня любви их! Сотвори меня воле твоей покорным и дай мне способность почтить любовью добрых дел Высочайшее Существо Твое!» (III 279).

Таким образом, композиционными изменениями Жуковский стремился оттенить сентиментально-романтические тенденции в рационалистическом мироощущении М. Н. Муравьева.

V

Печать переходности лежит и на эстетике Муравьева. Характерна оценка Шекспира: «Вольный дух Шекспиров, которому природа служила вместо учения, произвел неизгладимое впечатление над народным вкусом. Греки, которых он не знал, или знал только по дурным переводам, не служили образцами драм его. Не наблюдено единство действия, времени, места. Явления без связи. Беспреданное смешение подлого с величественным. Неверное изображение древних нравов. Но красноречие сердца неподражаемое, горящее истиною, поражающие обороты чувствований и удивительное богатство описаний» (I, 179). Классцистическая нормативность разрушается новым видением мира, превозносящим «красноречие сердца» превыше всего.

Для Жуковского и его единомышленников Муравьев был «своим». С одной стороны, его личность и творчество вопло-

⁶⁷ ГПБ, ф. 499, ед. хр. 31, л. 162 об.

⁶⁸ Там же, л. 162.

щали лучшие черты русского просветительства XVIII века, с его широкой ориентацией на русскую и европейскую культуру. Но вместе с тем наследие Муравьева было связано с проблемами текущего дня. Работа Жуковского над изданием сочинений Муравьева отмечена печатью исканий русской поэзии и прозы двух первых десятилетий XIX века, подчинена требованиям романтической эстетики.

Редактируя поэтическую часть сочинений Муравьева, Жуковский из 39 стихотворений, включенных в список, выбирает 22. Принципиален сам выбор. Жуковский, зачеркнув заглавие: «Собрание стихотворений М. Муравьева» и надписав: «Стихотворения», дает свою нумерацию. Он вычеркивает все нравоучительные басни, несколько торжественных од и стихотворений более интимного и философского содержания, но отмеченных печатью классицистического стиля. Оставшиеся стихотворения он группирует, не придерживаясь хронологической последовательности, а основываясь на жанровых признаках: сначала торжественные программные произведения, затем описательные стихотворения, далее философские размышления и, наконец, послания.

План издания стихотворений в такой последовательности объективно выявлял стремление Жуковского оттенить эволюцию и многообразие художественного творчества М. Н. Муравьева. Так, первоначально в списке под номером «I» стояло стихотворение «К Музе». Жуковский на первое место ставит «Видение»⁶⁹. В этом стихотворении поэт изображает Пантеон Поэзии. Перед взором поэта проходят в торжественном величии писатели всех народов и эпох. Среди них «божественный певец ахеев и троян, мелесов сын, Гомер» (1,5), «сладкий Феокрит» (1,4), «Шекспир неправильного вида» (1,5), «Пиндар Россов — бессмертный Ломоносов» (1,6). Движение в стихотворении достигается постепенным развертыванием картины жизни поэтов, эпизодов из их произведений. И хотя уже здесь можно отметить черты «сладостной лексики»⁷⁰, в целом стиль стихотворения торжественный и подчинен законам классицистической поэтики.

Против стихотворения «К Музе» Жуковский ставит последний номер «25»⁷¹, включая в собрание отсутствующие в списке «Богине Невы» и «Надгробную Елисавете Львовне Нарышкиной». В послании «К Музе» уже иная стилистика по сравнению с «Видением». Сама Муза — «скромная». И если в «Видении» поэт попадает в «великолепный храм», где «Коринфски капители высокий с легкостью поддерживали кров» (1,4), то здесь Муза пребывает в стране,

⁶⁹ ГПБ, ф. 499, ед. хр. 54, л. 2.

⁷⁰ Жуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938, с. 278—280.

⁷¹ ГПБ, ф. 499, ед. хр. 54, л. 2.

Послушные тебе где льются ручейки,
 Где сладостной твоей улыбкой
 Яснеют небеса, вздыхают ветерки
 И вьется виноград с своей лозою гибкой (1,64).

Рядом с именами древних поэтов здесь появляются новые: Галлер, Лафонтен, авторы «Душеньки» и «Бедной Лизы». Источником движения в стихотворении становится переживание самого поэта. Все послание обрамлено горестными и умиленными ламентациями автора. Образцы других поэтов возникают в связи с потоком его переживаний. Например, в строках о Карамзине центром становится определение «сладостно», выражающее авторское восприятие:

Иль водишь сладостно в окрестностях Москвы
 За бедной Лизою чувствительные души.

Замечательно, что, правя эти строки, Жуковский оставил неприкосновенным слово «сладостно», заменив «чувствительные души» на «всех чувством одаренных»⁷². В послании «К Музе» отчетливо проявилась сентиментально-романтическая тенденция. По замыслу Жуковского, это произведение должно было венчать поэтическую часть собрания сочинений и тем самым от «Видения» до стихотворения «К музе» создавалась перспектива развития поэтического творчества Муравьева.

Вторым в списке стояло стихотворение «Слава России». Жуковский заменяет торжественную оду на «Военную песню». Третьим номером он сохранил «Эклогу» (к Его Пр. А. В. О-ву) — произведение программное, но сентиментального толка. Это стихотворение освещало уже новую грань в поэзии Муравьева.

Характер правок стихов Муравьева, воспроизведенных в полном собрании сочинений в обработке Жуковского, показывает некоторые особенности редакторской деятельности поэта. Прежде всего необходимо отметить стремление Жуковского сохранить в целостности оригинальность художественного произведения. Так, редактируя торжественные оды, произведения на военные темы о славе и мощи России, Жуковский устраняет старославянизмы и архаические словосочетания, к которым так тяготеет классицизм. Примеры таких правок многочисленны:

Текст Муравьева

И зиждешь граций там удел
 И ты пастушек взор носил во мыс-
 ли страстной

Редакция Жуковского
 (ф. 499, ед. хр. 54).

И новый для Харит Темпей уж там
 расцвел (л. 3, об., «К Музе»),
 И ты пастушкам вслед стремился
 мыслью страстной (л. 3 об.,
 «Эклога»).

⁷² Там же, л. 3 об.

Не только восприят в сообществе
цариц

Что будто мышлю я, коль стопы
составляю

Равна рыкающей, неистой равна
Кипящая твоя свергается волна

В сени семейственной вкушали дни
златые.

Но лишь восприят был в сообществе
цариц (л. 7 об., «Жребий
Декартов»),

Что будто мышлю я, когда стихи
слагаю (л. 34 об., «Письмо
к Феоне»).

Преградою их скал в пути раздра-
жена.
Кипит и бьет твоя сердитая волна
(л. 17, «Путешествие»),

Под сенью родины сны красили
златые (л. 16 об.).

Но, убирая явно устаревшую лексику, Жуковский своей правкой не снижает, а, напротив, усиливает величавость и торжественную стройность картины. Более того, иногда он делает замену «современных» слов на «устаревшие». Например, в «Избрании стихотворца» Жуковский исправляет одну строку, но правка характерна. Перечисляя различные роды поэтических талантов, Муравьев пишет:

Глас трубный одному на бранном поле сроден,
Победы шумный клик и побежденных стон;
Другому сельский кров и плуг косою угоден
И близко ручейка невозмущенный сон.

Жуковский переделывает последнюю строку, заменяя «близко ручейка» «на берегу ручья»⁷³. На первый взгляд, Жуковский как будто противоречит своей эстетической системе, вводя старославянизмы, снимая мягкость в выражении настроения, как бы разрушая образ, удачно найденный Муравьевым для изображения певца природы и сельской тишины. Но если рассмотреть эту строку в контексте всего стихотворения, где доминирует старославянская торжественная лексика (глас, клик, кров, бранный, сроден, угоден), то становится очевиден смысл правок: Жуковский приводит строку к общему тону, устраняет тяжеловесную конструкцию и придает стихотворению художественную законченность. То есть редактирование не сводилось к простой борьбе с архаизмами. Цель Жуковского — привести поэтическую форму в соответствие с содержанием. Так, он редактирует программное стихотворение Муравьева «Видение». Появление Аполлона перед взором поэта у Муравьева описано в торжественных тонах:

Откуда старец мне навстречу выходил,
Со взором огненным и со челом открытым:
В руке он свиток нес. С сим мужем знаменитым
Я, робость отложив, вступил во разговор.

⁷³ Там же, л. 8.

«робость отложив», вступил «во разговор» «с сим мужем знаменитым». Жуковский дважды меняет эти строки. Исправления выдают направленность интересов Жуковского: показать значимость личности самого поэта, дерзающего «свободно», «свободными речами» вести диалог с Аполлоном. Исправления в последней строке венчают работу Жуковского, несущую на себе печать романтического мирозерцания:

Сказал, и храм исчез, оставил очн
сон

Сказал, и храм исчез, а с ним и
дивный сон⁷⁶.

Особенность редакторской правки Жуковского была связана с поисками других по сравнению с классицистическими форм, а именно простоты и ясности в выражении. Эта эстетическая направленность более всего проявилась в исправлениях Жуковским стихотворений Муравьева интимного и философского содержания. Особенно характерна правка начала стихотворения «Ночь».

Текст Муравьева

К приятной тишине склонилась
мысль моя,
Медлительней текут мгновенья бы-
тия.
Умолкли голоса, и свет, покрытый
тьмю,
Зовет живущих всех ко сладкому
покою.
Прохлада, что из недр простран-
ных земли
Восходит вверх, стелясь, и видима
в дали
Туманов у ручьев и близ кудрявой
рощи
Виется в воздухе за колесницей
нощи,
Касается до жил и освежает кровь!

Редакция Жуковского

К приятной тишине влечется мысль
моя;
Медлительней текут мгновенья бы-
тия,
Умолкли голоса; земля покрыта
тьмюю,
И все ко сладкому склонилось по-
коюю.
Прохлада на луга спокойные со-
шла;
Туманом ручеек шумящий облек-
ла,
И с тихим веяньем, от усыпленной
рощи
Помчалась в высоту за колесницей
нощи,
Как освежило нам ее дыханье
кровь! ⁷⁷

Г. А. Жуковский, цитируя «Ночь», комментирует текст в сноске: «В издании 1819 года это стихотворение дано в тексте, переправленном Жуковским либо Батюшковым. Любопытно, что в нем устранен ряд характерных стилистических эпитетов, наиболее отчетливо подготовляющих стилистическую систему Жуковского, наиболее романтических в своей основе»⁷⁸. Действительно, Жуковским устранен ряд

⁷⁶ Там же, л. 9.

⁷⁷ Там же, л. 27—27 об.

⁷⁸ Жуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938, с. 280.

эпитетов. Но не менее важно отметить другое: взамен этих эпитетов он вводит новые, в высшей степени характерные для его романтической стилистики. Характер редакторских правок обнаруживает своеобразие эстетической позиции. Жуковского по сравнению с Муравьевым. Жуковский последовательно устраняет эмоциональную неопределенность и отвлеченность некоторых образов Муравьева, стремившегося в сентиментально-романтических формах передать в самочувствии своего «я» настроенность всеобщую. Поэтому Жуковский «свет, покрытый тьмою» заменяет более конкретным: «земля покрыта мглою»; строку «Прохлада, что из недр пространья земли восходит вверх», переделывает на новую: «Прохлада на луга спокойные сошла». Жуковский стремится к более точному очертанию душевной настроенности и более тонкому выявлению индивидуального переживания. Поэтому в его редакции появляются новые для стихотворения Муравьева, но характерные для Жуковского «луга спокойные», «ручеек шумящий», «тихое веяние»; вместо «кудрявой рощи» — «усыпленная роща».

Стремление более полно и определенно выразить элегическую настроенность проявилось и в композиционной перестройке всего отрывка. Начало «Ночи» Муравьева проникнуто чувством глубокого восхищения миром и тихим созерцанием причастности души человека к этому ночному мирозданию. Выражению этой элегической и одновременно торжественной настроенности подчинена организация художественного пространства — движение в картине от земли до неба. Но перспектива движения в тексте Муравьева размыта, автор как бы разрушает ее возвратами с небес: сначала дается описание «света, покрытого тьмою», затем возникает дальняя перспектива — «прохлада... восходит вверх», а потом снижение к ручьям, кудрявым рощам — и вновь к «колеснице ночи».

В композиции Жуковского это движение приобретает предельно четкое и единственное направление. Так, он убирает слово «свет», заменяя его более конкретным «земля», и тем самым определяет точку начала движения. Затем следует описание луга, ручейка, рощи — движение вверх: «Помчались в высоту за колесницей ночи». В полном собрании сочинений М. Н. Муравьева 1819 года эта строка напечатана иначе:

«Помчалась в хижины за колесницей ночи» (1, 28). В правках же Жуковского помимо варианта «Помчалась в высоту за колесницей ночи» стоит еще глагол «летит», ясно обнаруживающий содержание того настроения, которое стремился поэт выразить: состояние душевной окрыленности и полета.

Наибольшее число правок было связано со стремлением Жуковского оттенить и усилить сентиментально-романтиче-

ское звучание пьес Муравьева. Уже начало программного стихотворения «К Музе» у Жуковского звучит в элегическом ключе.

На крыльях времени мои прекрасны дни
С собой похитили и смехи, и забавы, —⁷⁹

начинает Муравьев, с философской грустью включаясь в неизбежный поток времени. Смысловый центр здесь в первой фразе «на крыльях времени» — в «признании неизбежной власти времени и развития. Жуковский переделывает этот стих:

Сокрылись на век мои прекрасны дни;
За ними скрылись и смехи и забавы.

Центром становится само настроение поэта. Двойным горестным повторением «сокрылись» Жуковский подчеркивает мучительное чувство невозвратимости прекрасных дней. Переделана и одна из строк финала. Сетуня на хмурые времена, поэт вопрошает Музу:

Или рассеялась густая мгла
И ясный полдень мой своей покрыла тенью?

Не меняя общей настроенности, Жуковский придает ей оттенок более глубокой грусти. Интонация сомнения и надежды (союз «или» предполагает выбор) заменена элегическим смирением («почто»). Глагол «рассеялась», многозначный в этом контексте (исчезла или разлетелась) заменил более четким «распространилась». Произошла смена эпитетов: «печальная мгла» вместо «густая мгла». Образ «густая мгла», противопоставленный в контексте «ясному полдню», — типичное для романтической поэзии олицетворение глубокой печали. Этот образ имеет широкий диапазон эмоциональных значений. Жуковский, не разрушая романтической структуры, вводит новый оттенок: «печальная мгла». Новый образ в контексте стихотворения отличается большей точностью в определении эмоционального состояния. Аналогичное изменение сделано в послании «К Хемницеру». Строку Муравьева

Я буду петь в свирель у сей волны священной

Жуковский переделывает:

Я тихо буду петь у сей волны священной⁸⁰.

Исправлениями Жуковский стремится несколько приглушить драматизм чувства Муравьева, придать им просветленно-элегический оттенок. Поэзия самого Жуковского вбирала в себя не только грустные мотивы, но грусть в соединении со светлым апофеозом мира и души человека. Чувство у Жуковского всегда имеет оттенок кроткой и мягкой умиленности че-

⁷⁹ ГПБ, ф. 499, ед. хр. 54, л. 3.

⁸⁰ Там же, л. 36.

ловека перед миром. В соответствии со своим мироощущением он редактирует стихотворение Муравьева «Роща». Это одно из интереснейших произведений, где явственно слышны мотивы английской сентиментальной поэзии. В описании идиллического покоя поэта под сенью рощи:

Здесь я буду вперед собой наслаждаться и мыслить.
В темной прохладе здесь бодрствовать буду я в утренню стражу:
Зритель безмолвный, поникну в явлениях сельския жизни...⁸¹

Жуковский делает исправления:

Здесь я буду вперед тобой наслаждаться и мыслить;
В темной прохладе сей бодрствовать буду я в утренню стражу,
Зритель безмолвный прекрасных явлений сельския жизни...⁸¹

Убрав из последней строки глагол «поникну» и прибавив эпитет «прекрасные» к слову «явления», Жуковский изменил оттенок в изображении настроения: вместо горестной обреченности («зритель безмолвный, поникну в явлениях сельския жизни») передается чувство меланхолического умиления перед красотой сельских картин.

Заканчивая послание «К Хемницеру», Муравьев пишет трогательные стихи на излюбленную сентименталистами тему:

Когда ж со Львовым вы пойдете мимо оба
И станут помавать цветочки сверху гроба,
Поколебавшись вдруг,
Я заклинаю вас: постойте! не бежите!
И, в тихом трепете обнявшись, скажите:
Се здесь лежит наш друг.

И в этом случае Жуковский находит свой ракурс, близкий Муравьеву, и тем не менее все же отличный от него:

Когда ж со Львовым вы пойдете мимо оба,
И заколеблются цветы на дерне гроба,
Излив сладчайший дух;
Я заклинаю вас: постойте, не бегите!
И в тихом трепете, обнявшись скажите:
«Здесь спит наш верный друг!»⁸²

Жуковский устраняет тревожное «поколебавшись вдруг»; устаревшее «помавать» заменяет «заколеблются», вместо «цветочки сверху гроба» пишет «цветы на дерне гроба» и, наконец, вносит новую деталь: «излив сладчайший дух». Все это подчинено поэтизации живого мира, вносит настроение умиротворения, растворения души поэта в мире природы. Даже в последней строке глагол «лежит» заменяется кратким «спит наш верный друг».

В поэтическом наследии М. Н. Муравьева Жуковский нашел родственную ему стихию сентиментально-романтической поэзии. Характер редакторской обработки не только оттеняет

⁸¹ Там же, л. 33 об.

⁸² Там же, л. 36.

своеобразие поэзии Муравьева, но показывает и направление эстетического развития Жуковского.

Основные принципы редактирования проявились и при обработке прозы. Многочисленные прозаические опыты Муравьева, которые Жуковский отредактировал, в основном представляют статьи по моральным и эстетическим проблемам.

Жуковский тщательно выправлял текст, освобождая его от архаических слоев и выражений. Среди этих статей есть художественное произведение, озаглавленное у Муравьева «Захождение солнца»⁸³. Основная направленность редакторской работы Жуковского — придать произведению совершенную художественную целостность. В связи с этим он сделал ряд изменений. Прежде всего он вычеркнул первый абзац, предварительно отредактировав его, затем изменил название, надписав сверху: «Восхождение солнца». Вот исключенный текст и редакция Жуковского:

Текст Муравьева

Небо чистое и спокойное теряет нечувствительно полдневное сияние. Солнце прикасается к верхам вечерних зорь и темноватые облачка готовы служить ему завесою. Тени нисходят в глубокие долины. Прохлаждающие дыхания ветров двигаются по полям. Разносятся бляения агнцов и теллиц, которых гонит пастух к сельским хижинам из лесов и пажитей, с которыми они целый день гуляли. Возвращаются с работы прилежные земледельцы. Солнце погружается за черту зрения и злату подобная заря заступает место его присутствия. Бледный месяц просиявает сквозь синеву небесную. Роса опускаясь с воздухом напояет жадные былинки. Царствует общее молчание и сон принимает в объятия своих утомленных смертных.

Редакция Жуковского
(ф. 499, ед. хр. 31)

Небо чистое и спокойное теряет нечувствительно полдневное сияние. Солнце прикасается к верхам западных зорь и темноватые облачка готовы служить ему завесою. Тени нисходят в глубокие долины. Прохлаждающие ветерки носятся по полям. Слышно бляения агнцов и рев теллиц, которых гонит пастух к сельским хижинам из лесов и с пажитей, по которым они целый день гуляли. Возвращаются с работы прилежные земледельцы. Солнце погружается за черту зрения и злату подобная заря заступает место его присутствия. Бледный месяц просиявает сквозь синеву небесную. Роса тихо ниспускаясь напояет жадные былинки. Царствует общее молчание и сон принимает в объятия своих утомленных смертных (л. 123).

Отредактированный отрывок оказался не соответствующим содержанию большей части произведения, и Жуковский исключил его. Далее он внес правку и в остальной текст, стремясь достичь композиционного единства. Содержание этого прозаического произведения — описание восторга и упоения при созерцании восходящего солнца. Движение в произведении основано на развитии нарастающего одушевления в предвкушении торжественного мгновения. Правка была направлена на то, чтобы сохранить энергию растущего взволнованного

⁸³ ГПБ, ф. 499, ед. хр. 31, л. 123—124 с оборотами.

чувства. Уже в первом предложении Жуковский делает «установочную» правку, исходя из общего пафоса произведения. У Муравьева было: «Я предупредил, сударыня, рассвет, чтобы рассматривать восхождение солнца»⁸⁴. Жуковский убирает обращение «сударыня», традиционную для письма концовку, зачеркивает конкретную деталь: «на дворе» и дописывает по своему предложению, настраивая читателя с самого начала на торжественный тон: «Я предупредил рассвет, чтобы рассматривать восхождение солнца во всем его величии». Далее Жуковский в предложениях делает синтаксические перестановки, убирает повторы отдельных слов, стремясь подчеркнуть динамику события и нарастающего чувства автора:

Текст Муравьева

Предметы освещаются более. Выражение красок становится живее.

Финал отмечен предельным усилением патетической напряженности:

Текст Муравьева

Вот он, вот сияющий светильник, наполняющий вселенную светом! Слава руке, начертавшей путь ей в небесах! Я имею честь быть с уважением и пр.

Редактирование прозы отмечено вниманием Жуковского к чистоте выражения. Он не выпускает из виду малейшие неточности в стиле Муравьева.

Текст Муравьева

Разносятся бляения агнецов и теллиц, которых гонит пастух к сельским хижинам из лесов и пажитей, с которым они целый день гуляли.

Жуковский устраняет тяжеловесные обороты:

Тысячи классов золотых, изникнувши из общего средоточия, разделяются в воздухе.

В правках Жуковского четко виден его интерес к выражению настроения автора, его восприятию природы:

Прохлаждающие дыхания ветров двигаются по полям.

Роса опускаясь с воздуха, напояет жадные былинки.

Редакция Жуковского

Предметы более и более освещаются. Краски час от часу становятся живее (л. 123).

Редакция Жуковского

И вот он, сей лучезарный светильник, наполняющий вселенную светом! Слава руке, начертавшей в небесах путь твой! (л. 124).

Редакция Жуковского

Слышно бляение агнецов и рев теллиц, которых гонит пастух к сельским хижинам из лесов и с пажитей, по которым они целый день гуляли (л. 123).

Потоки лучей, лившихся из общего средоточия, разделяются в воздухе (л. 123).

Прохлаждающие ветерки носят по полям.

Роса тихо ниспускаясь напояет жадные былинки (л. 123).

⁸⁴ Там же, л. 123.

Таким образом, при редактировании прозы Жуковский последовательно применяет и развивает основные принципы, продиктованные его эстетической позицией.

Изучение характера помет В. А. Жуковского в сочинениях и рукописных материалах М. Н. Муравьева позволяет расширить и углубить представление о своеобразии общественной и эстетической позиции Жуковского. Изучение этого вопроса ведет и к более широкой постановке проблемы о характере творческого усвоения Жуковским художественного наследия его предшественников и прежде всего — философов и поэтов XVIII века. Как показывает анализ оценок, помет, редакторских правок, освоение Жуковским философской, поэтической мысли находится в прямой связи и зависимости от важнейших общественно-исторических и эстетических требований его эпохи. Проблема творческой связи Жуковского с М. Н. Муравьевым представляется интересным и важным звеном в процессе изучения основных закономерностей развития русской литературы конца XVIII — начала XIX веков.

Глава четвертая

В. А. ЖУКОВСКИЙ — ЧИТАТЕЛЬ И КРИТИК А. С. ШИШКОВА

В историко-литературном процессе первых двух десятилетий XIX века борьба шишковистов и карамзинистов, как известно, занимает важное место. И дело, конечно же, не ограничивается борьбой за литературный язык, хотя задача выработки литературного языка — факт необычайной важности. Борьба идет за новые формы поэтического мышления, поэтому неслучайно выдвигание в этой борьбе жанрового аспекта (полемика вокруг баллады, вокруг поэмы, вокруг соотношения поэзии и прозы вообще). Именно в русле этой «жанровой войны», войны за формы времени выкристаллизовывались эстетические принципы русского романтизма. Поэтому участие в этой борьбе ведущих поэтов эпохи (Катенина, Грибоедова, Гнедича, Кюхельбекера, Карамзина) — факт общепризнанный и документально подтвержденный.

Исследователями этой проблемы давно уже отмечено, что «в 20-х годах центральное место в полемике занял живой и центральный поэт Жуковский»¹. В архиве Ю. Н. Тынянова сохранился первоначальный замысел статьи «Архаические течения в русской лирике XIX века», одиннадцатый раздел которой должен был называться «Жуковский и архаисты»². Однако в этой полемике Жуковский чаще всего представлен как фигура пассивная, как объект нападок. «Сам Жуковский в полемике против Беседы участвовал только шуточными арзамасскими произведениями»³ — так определяется большинством исследователей позиция поэта в «войне на Парнасе». И для такого осмысления этой позиции есть свои основания. Во-первых, это и собственные заявления в письмах о своем молчании. Вот наиболее показательный пример из письма 1815 года: «Теперь страшная война на Парнасе. Око-

¹ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969, с. 38.

² Там же, с. 383.

³ Вольпе Ц. С. В. А. Жуковский. — В кн.: История русской литературы, т. 5. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, с. 372.

ло меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы и все молчали»⁴. Во-вторых, отсутствие или во всяком случае недостаточность конкретного материала. Никаких печатных отзывов на эту борьбу Жуковский действительно не оставил.

И все-таки представляется возможным проследить некоторые аспекты этой позиции. Прежде всего, материал для этого дает богатое, до сих пор почти совершенно не систематизированное и недостаточно изученное эпистолярное наследие поэта. Еще до организации «Арзамаса» в бурной переписке Жуковского с А. И. Тургеневым (март — сентябрь 1810 года) А. С. Шишков является едва ли не главным действующим лицом. Вот одно из первых писем А. И. Тургенева с шишковским сюжетом от 20 марта: «Я был слушателем первой Беседы. Шишков доказывал бедность и плохое состояние нашей словесности и доказал — своей речью; превозносил старую словесность, поставляя ее выше греческой, латинской и всех иностранных — ему неизвестных. Слова его есть одна только беспорядочная выписка из хороших и дурных русских авторов, наполненная восклицаниями и уверениями, что язык слав. росс<ийский> образованнее, обширнее, богаче и проч. и проч. древних и новейших языков»⁵. Весьма показательно и письмо Тургенева от 20 августа, где, давая характеристику Воейкова, автор считает, что недостаток последнего — это его «привязанность и уважение к Шишкову, которого он почитает большим знатоком русского языка и тонким критиком». И далее, выражая свое отношение к Шишкову, Тургенев замечает: «Я по сю пору не мог переуверить его, что он большой невежа в славянской литературе, которая не ограничивается нашими церковными книгами, но которой богатства рассеяны от Ледовитого до Адриатического моря»⁶. Оценка личности, тем более литературного деятеля, по его отношению к Шишкову — свидетельство остроты полемики карамзинистов и шишковистов.

Словно продолжая эти письма, словно отвечая на них, менее чем через месяц, в письме от 12 сентября Жуковский пишет: «А стихов его (речь идет о «Послании к В. А. Жуковскому» В. Л. Пушкина, которое еще современниками было названо «манифестом о войне с противниками». — Ф. К., А. Я.) я не поместил для того, что они слабы, заключают в себе одну только брань, которая есть бесполезная вещь в литературе, впрочем, поместить их более не хотел Каченовский, не желая заводить ссоры, с чем я и согласился. Шишкова почитаю суеверным, но умным раскольником

⁴ Уткинский сборник. М., 1904, с. 18.

⁵ «Архив бр. Тургеневых», вып. 2. СПб., 1911, с. 53.

⁶ Цит.: Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пгр., 1918, с. 135.

в литературе, мнение его о языке то же, что религия раскольников, которые почитают священные книги более за то, что они старые, а старые ошибки предпочитают новым истинам, а тех, которые молятся не по старым книгам, называют богоотступниками. Таких раскольников надобно побеждать не оружием Василия Львовича, слишком слабым и нечувствительным»⁷. В этом письме Жуковский дает достаточно определенную оценку деятельности Шишкова, намечает проблему соотношения литературного «суеверства» и новых поисков («старые ошибки предпочитают новым истинам»). Заслуживает внимания наступательная позиция поэта, развившаяся в оценке «оружия Василия Львовича». Определение Шишкова как «раскольника в литературе» словно предвосхищает все дальнейшие события и, в частности, организацию уже в следующем году «Беседы» (само понятие «раскола» возникает в «Послании» В. Л. Пушкина)⁸.

В следующем 1811 году Жуковский все-таки решается напечатать «Послание», но в «Собрании лучших русских поэтов», которое он готовит. Такое решение, видимо, было продиктовано обострением борьбы. В письме к А. И. Тургеневу от 27 марта 1811 г. он пишет: «В IV томе Собрания напечатано будет Послание Пушкина ко мне о Славенофилах. Это может вооружить против меня всю вашу ватагу скрибентов; смотри же, стой твердо и будь гранитным оплотом моей книги»⁹. Само появление слова «славенофила» в этом письме достаточно показательно: Жуковский воспринимает сторонников Шишкова как определенное направление в словесности, солидаризируясь в его определении с Батюшковым.

В письмах последующего периода (1811—1815 гг.) персонажем уже будет не Шишков, а организованная им «Беседа». В связи с «войной на Парнасе», разгоревшейся в 1815 г., и активным участием Жуковского в «Арзамасе» «Беседа» и ее члены осмысляются поэтом как действенный противник, и в арзамасских протоколах он пользуется сатирическим оружием. Любопытным моментом в речах Светланы (арзамасское прозвище Жуковского) является своеобразный мотив сопоставления Беседы с мертвым царством. Особенно отчетливо этот мотив звучит в речи от января—марта 1816 г. (протокол № 13), где Беседа уподобляется «храмине, сооруженной мертвыми, обитаемой мертвецами». Развивая эту мысль, Светлана продолжает: «Вы чувствуете запах тления, и вообще вашему не представляется ли неволью истлевшее поколение чтений в Беседе и жалкий скелет Рассуждения о старом и новом слоге, и горестный пепел двух статей, переведенных из господина Лагарпа»¹⁰. Этот же мотив омерт-

⁷ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 62—63.

⁸ См. в послании: «В словесности раскол как должно осуждаю...».

⁹ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 92.

¹⁰ «Арзамас и арзамасские протоколы». Л., 1933, с. 104.

вения, устарелости ощутимо проявляется и в характеристиках самого Шишкова. «Четвертый (Шишков) как бы старинная фляга без пробки, некогда заключавшая в себе уксус, настоянный острогоном, как то свидетельствует ярлык, до половины ободранный губительным кроном». Или: «Важно пред стадом тащился старый баран, волочивший Тяжкий курдюк на скрипящих колесах, Шишков седорунный...»¹¹.

И все же Жуковский видел в Шишкове достаточно серьезного противника, вписавшего свое имя в литературную борьбу. Поэтому и через 10 лет после «войны на Парнасе», когда уже можно было осмыслить прошедшие события, Жуковский в своем «Конспекте по истории русской литературы» выделяет в III периоде развития русской литературы специальный раздел «Два направления. Русское и славянское» (подчеркнуто Жуковским), пометив этот раздел NB (единственный раз во всем конспекте). Л. Б. Модзалевский, обнаруживший и впервые напечатавший в 1948 г. этот конспект, в комментариях к нему верно заметил, что «Жуковский полемизирует здесь с Шишковым с большим жаром, ибо вопрос этот был для него очень важным и принципиальным»¹².

Уже первые слова этого раздела определяют место Шишкова в историко-литературном процессе: «Противник Карамзина адмирал Шишков, министр народного просвещения, мысль которого была дать преобладание в нашей словесности славянскому наречию «Библии». Прежде всего Жуковский противопоставляет всю деятельность Шишкова реформам Карамзина. Весь III период истории русской литературы он связывает с именем Карамзина. Смысл противопоставления он видит в языковой реформе. Продолжая свою мысль, Жуковский замечает: «Мысль явно ложная, так как этот язык является некоторым образом языком мертвым! Он существует для нас только в переводе священного писания. Можно его использовать для того, чтобы обогатить живой язык; но именно этот язык может и должен быть усовершенствован. Шишков обвинял Карамзина в том, что он искажал язык, вводя в него иностранные формы, особенно галлицизмы. Карамзин, напротив, необычайно очистил язык. Он сложился как писатель по образцу великих иностранных писателей, — это правда; он умел усвоить то, что заимствовал. Его обвинитель, напротив, употреблял старые выражения или плохо переводя иностранные термины, которые обычай уже ввел в язык, вопиял против галлицизмов фразами, которые были наполнены ими»¹³.

¹¹ Там же, с. 104 и 227.

¹² Жуковский В. А. Конспект, с. 292.

¹³ Там же, с. 311.

Этот конспект, явившийся оригинальной историко-литературной концепцией Жуковского, подвел и определенный итог раздумьям поэта о Шишкове и борьбе с ним. Жуковский и здесь остается сторонником и защитником дела Карамзина. В комментарии к этому разделу Л. Б. Модзалевский замечает: «Изложение Жуковским сущности позиции карамзинистов и шишковистов в вопросе о языке, утратившем уже отчасти к 1826—1827 гг. свою остроту, является, однако, хронологически первым и сохранит для изучения этого вопроса свое значение как изложение одного из активных участников этого спора»¹⁴. В этом замечании есть доля истины: Жуковский действительно оставил немного прямых свидетельств своего отношения к Шишкову и его сторонникам. Замечания, разбросанные в письмах, да шуточные арзамасские протоколы — вот и все. Поэтому конспект был хотя и поздним, но важным дополнением к позиции Жуковского.

Однако исследователи не знали еще одного важного источника, дополняющего и углубляющего наши представления об эстетике поэта вообще и об отношении к Шишкову в частности. Таким источником являются материалы библиотеки Жуковского, хранящиеся в Пушкинском доме и Научной библиотеке Томского университета. Среди книг Пушкинского дома имеется экземпляр «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка, адм. А. С. Шишкова», Спб., 1803 г. с обильными пометами и маргиналиями поэта. Заметим, что среди книг Жуковского имеются и другие сочинения, связанные с этой дискуссией, в частности «Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге Русского языка, или собрание критик, изданных на сию книгу с примечаниями на оныя», Спб., 1804 (собрание НБ ТГУ) и известная книга Д. Дашкова «О легчайшем способе возражать на критику», Спб., 1811 (собрание Пушкинского дома). Эти книги не имеют никаких помет, но само наличие их в библиотеке Жуковского подчеркивает интерес поэта ко всем перипетиям этой дискуссии.

Пометы в экземпляре «Рассуждения» носят тройкий характер: во-первых, это обильное подчеркивание наиболее важных мест в тексте или отчеркивание их на полях; во-вторых, это краткий комментарий по поводу отдельных слов и выражений в словаре и, наконец, самая интересная их разновидность — это развернутые маргиналии, заключающие в себе позитивную программу. На полях книги, иногда обрывая мысль на полуслове, иногда проводя всю надпись вдоль страницы, иногда ограничиваясь вопросом, Жуковский следует за мыслями Шишкова и ведет своеобразный диалог с ним. Возникает письменная полемика, причем некоторые

¹⁴ Там же, с. 292.

страницы прямо напоминают разговор двух лиц. В этом не трудно убедиться, бросив взгляд на данный текст¹⁵:

Текст книги Шишкова

с. 5. Отколе пришла нам такая нелепая мысль, что должно коренной, древний, богатый язык свой бросить и основать новый на правилах чуждого, не свойственного нам и бедного языка французского? Поищем источников сего крайнего ослепления и глупого заблуждения нашего.

с. 6. Для познания богатства, изобилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные: из них научаемся мы знаменованию и производству всех частей речи; пристойному употреблению оных в высоком, среднем и низком слоге; различию сих слогов; правильному писанию; красноречивому смещению славенского величавого слога с простым Российским, свойственным языку нашему изгибам и оборотам речей...

с. 7. Кратко сказать, чтение книг на природном языке есть единственный путь, ведущий нас во храм словесности.

с. 8. Вольтеры, Жан-Жаки, Корнелии, Раины, Молиеры не научат нас писать по-русски. Выуча всех их наизусть и не прочитав ни одной своей книги, мы в красноречии на Русском языке должны будем уступить сочинителю Бовы Королевича.

с. 13. Мы точно таким образом поступаем с языком нашим: вместо чтения своих книг, читаем французские...

Замечания Жуковского

Кто имеет эту мысль кто ее проповедывает?

Не сражается ли автор с ветренными мельницами?

Это очень хорошо — но кто у нас образцами слога служить может? Русские книги можно и должно читать только для того, чтобы узнать язык русский. Но в них не научишься употреблять этот язык с искусством. Ибо искусству учат одни хорошие авторы, а у нас их нет — я говорю о прозаиках. Назовите хотя одно оригинальное русское сочинение в прозе, прежде Карамзина. Следовательно, русскому языку должно учиться ни в русских книгах, ни словенских, но <нрзб.> у иностранных, древних и новых.

Чтение одних хороших книг, на каком бы языке не были они написаны, ведет в храм словесности.

Согласен, но научат мыслить хорошо или худо <нрзб.> — это зависит от выбора, а мыслить учить первое достоинство автора — выражать мысли научит его дарование; язык есть оружие, которого должно непрерывно искать в книгах отечественных.

где они?

¹⁵ Все подчеркивания в тексте принадлежат Жуковскому.

с. 14. Сверх сей ненависти к природному языку своему и любви к Французскому есть еще другая причина, побуждающая новомодных писателей наших точно таким же образом и в словесности подражать им, как в нарядах. Я уже сказал, что трудно достигнуть до такого в языке своем познания, какое имел, например, Ломоносов: надлежит с таким же вниманием и такую же груду Русских и еще церковных книг прочитывать, какую он прочитал, дабы уметь высокий Славенский слог с просторечивым Российским так искусно смешивать, чтобы высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого.

с. 16. Надлежит иметь воображение, изощренное чтением, и память, обогащенную знанием слов, дабы уметь составлять подобные сим стихи:

Мне всякая волна быть кажется гора,
Что с ревом падает, обрушась на
Петра.

Какое подобное падению и шуму волны, падение и шум в стихе! что может быть величественнее сего описания:

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего

не скрыло,

Как пламенна гора казалось меж

валов,

И простирало блеск багровый из-под
льдов.

Среди пречудных при ясном солнце
ночи

Верхи золотых зыбей пловцам сверкают
в очи.

с. 17. Какое сладкогласие и чистота слога в двух последних стихах! Верьте после сего несомненной истине писателей наших, что ныне токмо образуется приятность слога, называемая Французами *elegance*! Везде глубокое знание языка показывается в цветах, рождающихся под живописною кистью сего великого Стихотворца.

с. 23. Таков Ломоносов в стихах; таков же он в переводах и прозаических сочине-

Кто эти новомодные писатели? Карамзин не есть новомодный, а лучший русский прозаист. Он один писал у нас свое в прозе и так, как надобно.

Я очень чувствую, что эти стихи прекрасны, но они могли бы родиться в голове и такого человека, который в глаза не выдвигал сии великие книги.

Почему же не верить. Язык тогда может назваться образованным, когда уже и проза образованна. Известно, что поэзия предшествует прозе; доказательством послужит Ломоносов — стихотворные величественные картины меньше требуют чистого языка, нежели простые мысли, которые тогда только приятны — когда выражены приятно. Кто же не признается, что в наше время пишут многие авторы в прозе лучше, нежели писали старые авторы. — О дурных ни слова — они всегда дурны.

И поставил прегрубое слово на место другого

ниях. В подражании своем Анакреону говорит он о Купидоне:

Он чуть лишь ободрился,
Каков то, молвил, лук;
В дожде чать повредился,
И с словом стрелил вдруг.

Потребно сильной в языке иметь навык, дабы чувствовать самонаименьшее обстоятельство, могущее ослабить силу слога или сделать его двусмысленным и недовольно ясным. В просторечии обыкновенно вместо чаять должно, говорят сокращенно чай. Ломоносов тотчас почувствовал, что поставя: В дождь чай повредился... выдет из сего двусмысленного глагола чай с именем чай, то есть китайскою травы, которую мы по утрам пьем; и для того, сокращая глагол чаять, поставил чать. Подобная сему осмотрительность показывает, с каким тщанием старался он наблюдать ясность и чистоту слога.

с. 27. Приметим здесь токмо, что по сему новому правилу так легко с иностранных языков переводить всех славных и глубокомысленных писателей, как бы токмо списывать оных... По мнению нынешних писателей, великое было бы невежество, нашед в сочиняемых ими книгах слово *революция*, или по крайней мере *revolte*.

Мне случилось разговаривать с одним из защитников нынешних писателей, и когда я сказал ему, что слово *influence* переведено влиянием не потому, что в языке нашем не было соответствующего ему названия, но потому, что переводчик не знал слова *наитствовать*, изображающего то же самое понятие, тогда отвечал он мне: Я лучше дам себя высечь, нежели когда-нибудь соглашусь слово это употребить. Сие одно уже показывает, как много заражены мы любовью к Французскому и ненавистью к своему языку.

с. 28. Здесь же заметим токмо, что по сему новому правилу так легко с иностранных языков переводить всех славных и глубокомысленных писателей, как бы токмо и списывать их. Например: *un des hommes de France qui a le plus d'esprit, qui a rempli succès grandes places, et qui a écrit sur divers objets avec autant d'intérêt que d'élégance*, а dit; dans des Considerations sur l'état de la France:

один из людей Франции, который имел наиболее разума, который наполнял с успехом великие места, и который писал на разные предметы с такою занимательностью, как Элегансом, сказал в рассуждениях на состояние Франции.

столь же грубого, которого <нрзб.> не надлежало употреблять в Анакр <еонтической> оде.

Сцена есть французское слово, но почему переверот французское? Оно изображает идеи, а идеи ни французские, ни русские. Душа народа может получать и выражать идеи прежде другого, другой выражает ее после него на своем языке.

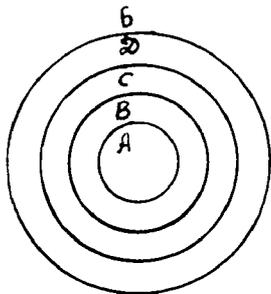
Жаль бедных русских писателей — они из любви к французскому языку не хотят употреблять дурного слова вместо хорошего.

Дурные, следовательно, не принадлежат и к числу русских хорошо пишущих, как, например, и сочинения Тредиаковского.

Сей перевод весьма похож на многие нынешние.

с. 29. Между тем, не взирая на опасность гнева их, я осмелюсь предложить здесь некоторые противные мнению их рассуждения, дабы упражняющихся в словесности молодых людей, не совсем заразившихся еще сею язвою, остановить, буде возможно, от предосудительного им последования.

с. 31. Во всяком языке есть множество таких слов или названий, которые в долговременном от разных писателей употреблении получили различные смыслы или изображают разные понятия и потому знаменование их можно уподобить кругу, рождающемуся от брошенного в воду камня, и от часу далее пределы свои распространяющему. Возьмем, например, слово свет.

и рассмотрим всю обширность его знаменования... Положим сначала, что оно заключает в себе одно токмо понятие о сиянии или о лучах, исходящих от какого-нибудь светила, как-то в следующей речи: солнце разливает свет свой повсюду. Изобразим оное через круг А, которого окружность В определяет вышесказанный смысл его или заключающееся в нем понятие.... В речи: Америка есть новый свет слово свет означает новонайденную землю, подобную прежде известным, то есть Европе, Азии и Африке. Итак, круг А получил еще большее распространение.

с. 40. Рассуждая таким образом, ясно видеть можем, что состав одного языка не сходствует с составом другого и что во всяком языке слова получают силу и знаменование свое, во-первых, от корня, от которого они происходят, во-вторых, от употребления. Мы говорим: вкусить смерть; Французы не скажут: *gouter*, а говорят: *subir la mort*.

с. 41. Но мы не то ли самое делаем, когда вместо «жалкое зрелище» говорим: «трогательная сцена».

это же каковских?

это как?

Извините, слово «свет» не распространилось в Д, а означает его другую коренную мысль — то есть мир, землю, которая не имеет никакого соотношения с светом-лучами.

Но по-французски говорится *gouter le bonheur* — вкусить счастья — причина очевидна.

Жалкое зрелище не значит еще трогательная сцена или трогательное явление.

с. 45. Не находим ли мы в нынешних наших книгах: подпираться мнением своим, двигать духами, черта злословия и проч.? Не есть ли это рабственный перевод с Французских речей: *soutenir son opinion, mouvoir les esprits, un trait de satire*?

с. 47. Итак, с одной стороны, в язык наш вводятся нелепые новости, а с другой, истребляются и забываются издревле принятые и многими веками утвержденные понятия: таким-то образом процветает словесность наша и образуется приятность слога, называемая Французами *elegance*!

Многие ныне, почитая невежество свое глубоким знанием и просвещением, презирают Славенский язык и думают, что они весьма разумно рассуждают, когда из всей мочи кричат: неужли писать аще, точию, вскую, уне, ноне, распудить и проч.?

с. 48. Должны ли слуху нашему быть дики прямые и коренные наши названия, таковы, как: любомудрие, умоделе, зодчество, багряница, вождеделение, велелепие и проч.

с. 51—53. Мы начинаем забывать и уже нигде в новых книгах своих не находим старинных наших выражений и мыслей, каковы, например, нижеследующие:

Препоясал мя еси силою на брань.

Ужо тебе пора во крепость облещись.

Горняя мудрствуйте, не земная и т. д.

...Мы, говорю, ныне забываем сей слог, и сладкою изобильно текущею из богатого источника сею водою отнюдь не стараемся напоить умы наши. Что же мы делаем? На место сих колико сильных, толико же кратких и прекрасных выражений, вводим в язык наш следующие и им подобные:

Жестоко человеку несчастному делать еще упреки, бросающие тень на его характер.

Погрузиться в состояние морального увядания.

Он простых нравов, но счастье наполнило его идеями богатства и т. д.

с. 54. Мы не хотим подражать Ломоносову и ему подобным. Он, например, описывая красоту роши, между прочим в конце своего описания говорит: «Но что приятное и слух услаждающее пение птиц, которое с легким шумом колеблющихся листов и журчанием ясных источников раздается? Не дух ли и сердце восхищает и все суетным речением смертных изобретение роскоши в забвение приводит». Это слишком просто для нас. Слог наш ныне гораздо кудрявее...

с. 57. Вот нынешний наш слог! Мы почитаем себя великими изобразителями природы, когда изъясняемся таким образом, что сами себя не понимаем, как например: в ту-

Переводим ли мы:
Как вы носите себя?
Какое идет здоровье?
и т. д.

Какие понятия? Разве слова понятия?

Все эти слова употребляются нашими хорошими новыми писателями.

Чтобы поддержать свои мысли, автор выдумывает дурные и нелепые переводы, таких никто не употребляет в новых книгах. Все сии выражения стихотворные и употреблены всеми лучшими нашими стихотворцами.

Автор хорошим славянским выражениям противопоставляет дурные русские, это ли значит сравнивать и могут ли испортить язык дурные писатели, которых никто не читает.

раздаваться с легким шумом!
изобретение роскоши!

сумбур!

манном небосклоне рисуется печальная свита галок, кои, каркая при водах мутных, сообщают траур периодический.

с. 61. Там (у наших предков.— Ф. К., А. Я.) вся связь мыслей и всякий стих мне понятен; а здесь (у новых поэтов.— Ф. К., А. Я.): когда б смертный мог подобить невидимый, спокойный восторг горних, он бы согласный строй звучных тел, и восклицание нежных голосов, на душу, на сердце влиянье, почел небесным чувством. Пусть тот, кто умнее меня, находит в этом мысль, а я ничего здесь кроме несвязности и пустословия не вижу.

с. 63. Мы, удаляясь от естественной простоты, от подобий обыкновенных и всякому вразумительных и гоняясь всегда за новостью мыслей, за остроумием, так излишно изощряем или, как ныне говорят, утончиваем понятия свои, что оные чем меньше мысленным очам нашим от чрезвычайной тонкости своей видимы становятся, тем больше мы им удивляемся и называем это силою Гения. Сие-то расположение ума нашего и упоение оною чужестранными, часто нелепыми писаниями, рождает в нем охоту подражания...

Несомненно, что этот экземпляр «Рассуждения» с многочисленными пометами Жуковского представляет научную ценность. Во-первых, острый диалог с Шишковым уточняет место и роль поэта в известной литературной полемике шишковистов и карамзинистов, опровергая мнение о пассивно-созерцательной роли Жуковского в этой полемике. Во-вторых, маргиналии Жуковского содержат ряд важнейших проблем современного литературного развития, чрезвычайно существенных как для понимания некоторых важнейших эстетических принципов самого Жуковского, так и для осмысления русского историко-литературного процесса 10-х годов. Вырисовывается определенный круг эстетических проблем: характер отношения Жуковского к западноевропейским образцам и в связи с этим некоторые принципы его переводческой деятельности; проблемы соотношения поэзии и прозы и отношения к русской поэзии и прозе, в частности к Ломоносову и Карамзину; поставлен ряд вопросов развития литературного языка.

Прежде всего встает вопрос о датировке помет Жуковского. Сделать это достаточно трудно, ибо маргиналии сколь-

* Видимо, речь идет о «рептильном поэте Тодорском», являвшемся предметом насмешек в Дружеском обществе. Ю. М. Лотман приводит о нем следующее высказывание Андрея Кайсарова: «Наконец сей лунь, во бранях поседельей, нашел стихотворца, в пьянстве состарившегося, достойно прославляющего его подвиги. Виват нашему просвещению!» (Лотман и Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958, с. 57).

Что бы автор сказал, если бы еще прочитал Тодорского! *он бы воскликнул: таков нынешний русский слог!

Это не есть чужестранное: у чужестранцев не занимают нелепостей.

ко-нибудь конкретных примет времени не содержат. Косвенных свидетельств чтения этой книги у самого Жуковского также обнаружить пока не удалось. И все-таки представляется возможным предположить, что все записи на полях книги Шишкова являются непосредственным и живым откликом поэта и относятся к 1803—началу 1804 года. В пользу этого говорят следующие факты:

1. В письмах 1810 года (переписка с А. И. Тургеневым) позиция Жуковского по отношению к Шишкову уже вполне определена и базируется на хорошем знании его программного «Рассуждения», так что, вероятно, это сочинение прочитано и осмыслено было гораздо раньше.

2. Дневниковые записи Жуковского, как правило, достаточно полно освещают круг его чтения, тем более всегда содержат отзывы о произведениях, вызвавших интерес. Никаких упоминаний о книге Шишкова мы не встречаем в достаточно полно сохранившихся дневниках 1805—1810 гг. (дневников за более ранний период нет), что свидетельствует, видимо, о знакомстве Жуковского с этой книгой до 1805 года.

3. Видимо, пометы были сделаны до появления рецензий на «Рассуждение» в «Московском Меркурии» (№ 12 за 1803 г., в свет номер вышел с опозданием — 23 апреля 1804 г.) и в «Северном вестнике» (№ 1 за 1804 г. выходил без опозданий). Эти журналы Жуковский не мог не знать и не читать, ибо в «Московском Меркурии» (№ 6 за 1803 г.) были перепечатаны из «Утренней Зари» «Мысли на кладбище» Жуковского со следующим комментарием: «...для примера возьмем сочинения. Друзья отечественной Литературы поражаются таланту молодых наших писателей,— таланту, ожидающему единственно зрелости и тех идей, которые приобретаются не иначе, как долговременным наблюдением света»¹⁶. Конечно же, для начинающего автора такая похвала была важна, а сам журнал карамзинистского направления не мог пройти мимо его внимания. Не случайно в своем «Конспекте» Жуковский выделил редактора «Московского Меркурия» Макарова как редактора «критического журнала». Вероятно, хорошо известен был Жуковскому и другой журнал карамзинистской ориентации — «Северный вестник». Тем более этот факт знакомства и интереса подтверждается личными контактами Жуковского и Д. И. Языкова, одного из сотрудников журнала и вероятного автора «Письма неизвестного», этой критики на «Рассуждение»¹⁷. В библиотеке Жуковского (собрание НБ ТГУ) имеется книга А. Scorra. *Traité de la poésie italienne*. Paris, 1803, на обложке которой

¹⁶ «Московский Меркурий». 1803, № 6, с. 180—181.

¹⁷ Об этом см.: Майков Л. Н. Батюшков. Его жизнь и сочинения. Изд. 2-е, СПб., 1896, с. 29; Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959, с. 80.

написано: «Принадлежит Д. Языкову. Спб., 1804». Эти факты и наводят на мысль, что записи Жуковского на книге Шишкова были сделаны до прочтения критик, т. е. до января 1804 г. Этим, может быть, и объясняется то, что поэт не напечатал свои замечания, хотя словно готовил их для печати.

4. Появившееся в следующем 1804 г. «Прибавление» Шишкова, экземпляр которого, как уже указывалось, находится в библиотеке Жуковского, лишено каких-либо помет. Видимо, Жуковский не счел необходимым вновь возвращаться к сочинению Шишкова, тем более что многие примечания Шишкова на критику Макарова и Языкова перекликались с его замечаниями. Для сравнения приведем лишь один пример: замечания Жуковского к с. 8 «Рассуждения» и примечания Шишкова в «Прибавлении».

Замечания Жуковского

Отвечая на мнение Шишкова о том, что «Вольтеры, Жан-Жаки, Корнелии, Расины, Мольеры не научат нас писать по-русски», Жуковский пишет: «Согласен, но научат мыслить..., а мыслить учить первое достоинство автора — выражать мысли научит его дарование—; язык есть одно оружие, которого должно непременно искать в книгах отечественных».

Замечания Шишкова

Мы можем из Гомера, Виргилия, Расина, Мильтона и других иностранных писателей заимствовать мысли, почерпнуть правила, обогатив понятия наши, но можем ли научиться из них краткости и плавности слога, свойственному нам составу речей, силе выражений, приличному употреблению слов» (подчеркнуто нами)¹⁸.

Как видим, замечания Шишкова на критику иногда очень близки к мыслям Жуковского, высказанным на полях шишковского «Рассуждения». Не мог Жуковский спорить с Шишковым его аргументами. По всей вероятности, «Прибавление» попало в руки поэта уже после того, как его полемические заметки были написаны. Более того, надо полагать, что, прочитав «Прибавление», Жуковский утвердился в мнении о том, что Шишков — достаточно серьезный оппонент. Поэтому можно предполагать, что появившаяся в статьях Жуковского («Письмо из уезда к издателю» и «О критике»), относящихся к 1808—1809 гг., фигура Стародума, который «имеет что-то похожее на вкус, но по справедливости можно назвать его суевеком во мнениях о словесности, ибо все старое кажется ему прекрасным потому единственно, что оно старое»¹⁹, была подсказана всем ходом полемик. Несомненно одно, все замечания Жуковского на экземпляре «Рассуждения», по-видимому, написаны сразу же после выхода книги и относятся к 1803 — началу 1804 гг.

¹⁸ [Шишков А. С.]. Прибавление к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, или собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные». Спб., 1804, с. 17.

¹⁹ Жуковский В. А. Полное собр. соч. в 12 томах, т. 9. Спб., 1902, с. 95.

Анализ помет позволяет говорить о некоторых особенностях эстетической позиции поэта в период его формирования. Сквозной мыслью всего диалога Жуковского с Шишковым является борьба с его узкой позицией, ориентацией на древние образцы. Жуковский в этом споре выступает как своеобразный просветитель, ратующий за новую литературу, которая не была бы сектантски замкнута, а обогатилась всеми завоеваниями европейской культуры. Поэтому в его пометах на полях шишковской книги размышления о развитии русской литературы и литературного языка органично связаны с вопросом об отношении к западноевропейским образцам, и в связи с этим начинающий поэт как бы приоткрывает некоторые принципы своей переводческой деятельности.

Жуковский решительно не разделяет французофобской позиции Шишкова, считая ее вредной и бесперспективной для развития русской литературы. Характерен сам отбор имен у Шишкова: «Вольтеры, Жан-Жаки, Корнелии, Расины, Мольеры не научат нас писать по-русски» (8)²⁰ и далее: «...Из него (славянского языка) почерпнуть должно искусство красноречия, а не из Вольтеров, Юнгов, Томсонов и других иностранных сочинителей» (63). Эти имена во многом определяют эстетическое развитие молодого Жуковского. Об этом свидетельствуют не только его переводы из Руссо, Юнга, Томсона, но и внимательное чтение, часто с обильными пометами, этих авторов. Поэтому полемика с Шишковым была и своеобразным оправданием своих эстетических образцов. Интерес ко многим из этих авторов (Руссо, Бонне, Юнгу, Томсону) не угаснет у Жуковского и в последующие годы, что явится уже действенной полемикой с шишковским «славнофильством».

Вообще библиотека Жуковского — яркое свидетельство признания того несомненного факта, что чтению и глубокому, творческому осмыслению всего лучшего, что было в европейской литературе и эстетике, поэт придавал первостепенное значение. В его библиотеке внимательно прочитаны Лагарп и Гердер, Батте и Бонне, Руссо и Блэр, Энгель и Эшенбург и многие другие знаменитые европейские авторы. В чтении, носящем творческий, исследовательский характер, проявилась сильная просветительская установка.

Прогрессивная западноевропейская литература, по мнению Жуковского, — один из источников развития отечественной словесности. Решительно не соглашаясь с узконационалистическими взглядами Шишкова, утверждавшего, что «чтение книги на природном языке есть единственный путь, ведущий нас во храм словесности», Жуковский резонно возра-

²⁰ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803, с. 8 (далее ссылки на это сочинение приводятся в тексте с указанием страницы).

жает: «чтение одних хороших книг, на каком бы языке не были они написаны, ведет в храм словесности» (7). Соглашаясь с Шишковым, что «Вольтеры и т. д. не научат нас писать по-русски», Жуковский формулирует свое основное требование к хорошей, нужной книге: она учит мыслить, а «мыслить учить первое достоинство автора» (8).

Актуальная, прогрессивная идея, по мнению поэта, интернациональна. Решительно возражая Шишкову, восставшему против французского, с его точки зрения, слова «переворот», Жуковский пишет: «но почему переворот французское слово. Оно изображает идеи, а идеи ни французские, ни русские» (27)²¹.

Если сама мысль, идея интернациональна, по Жуковскому, то характер ее выражения глубоко национален: «Душа народа может получать и выражать идеи прежде другого, другой выражает ее после него на своем языке» (27). Во многом эти мысли поэт распространяет и на характер писательской деятельности: «а мыслить учить первое достоинство автора — выражать мысли научит его дарование». И далее: «язык есть одно орудие, которое должно непременно искать в книгах отечественных» (8). Эти глубокие размышления Жуковского об отношении к зарубежной литературе и взаимодействию мысли и слова дают нам в определенной мере ключ к пониманию характера переводческой деятельности поэта.

Обращаясь к самым различным западноевропейским авторам, он брал у них идеи, соответствующие, с его точки зрения, нравственно-эстетическим требованиям своего народа и отечественной словесности. Что же касается принципов поэтического воплощения этих идей, то они у Жуковского получали всегда глубоко индивидуальный, творческий характер. Именно это и позволило Гоголю пронизательно заметить: «Каким образом сквозь личности всех поэтов пронеслась его собственная личность — это загадка, но она так и видится всем...»²². Не этим ли объясняются непонятные и странные на первый взгляд случаи перевода английских поэтов (например, Байрона или Вальтера Скотта) с французского или Гомера с немецкого?! С этим же связан и убежденный взгляд Жуковского на свою переводческую деятельность как на поэтическое соперничество.

Характерным моментом позиции молодого Жуковского является глубокое размышление о литературном языке. Уже в самом начале своего письменного диалога (5) он совер-

²¹ Интересный комментарий к этому слову см.: Мейлах Б. С. А. С. Шишков и Беседа любителей русского слова. — В кн.: История русской литературы, т. 5. М.—Л., 1941, с. 186.

²² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. 8. Изд. АН СССР, 1952, с. 377.

шенно не принимает обвинений Шишкова, адресованных «новомодным писателям», в забвении «коренного, древнего, богатого языка» и основании нового, «на правах чуждого, не соответственного нам и бедного языка французского». Жуковскому эти обвинения настолько кажутся нелепыми, что он не пытается подробно их опровергать, ограничиваясь двумя, чуть ироничными вопросами. Так как Жуковский в отличие от Шишкова не отождествляет слова и понятия («Разве слова понятия?»), то и отношение его к источникам, из которых можно научиться русскому языку, принципиально иное. Его интересует не буква книги, а ее дух, направление. Он не видит среди русских книг, рекомендуемых Шишковым, «образцов слога» и считает, что их «должно читать только для того, чтобы узнать язык русский. Но в них не научишься употреблять этот язык с искусством» (6). Слово «употреблять» тщательно подчеркнуто, потому что «употребление языка с искусством» — это умение мыслить. Придавая большую роль литературному языку, Жуковский считает его все-таки «орудием» для выражения оригинальных мыслей. Ориентация Жуковского на западноевропейские образцы — это прежде всего обращение ко всему комплексу европейского просвещения. Уроки и опыт Карамзина в «Письмах русского путешественника» в этом смысле не прошли для Жуковского бесследно. Своими размышлениями о соотношении слов и понятий он во многом подготавливает и предвосхищает пушкинские положения о «метафизическом языке» как языке интеллектуальном, языке образованного общества. Этим во многом определяются и отдельные пока еще черты будущей историко-литературной концепции Жуковского.

Судьба русской поэзии, размышления о качественных изменениях в ней всегда волновали Жуковского. Для него поэзия была не только эстетической проблемой, но и делом всей жизни. Поэтому вопросы поэтической традиции и новаторства в той или иной степени затрагиваются им в статьях, заметках, рецензиях. По Жуковскому, поэзия не может стоять на месте. В своем конспекте он будет настойчиво подчеркивать качественные сдвиги в ней: «Он (Ломоносов) начал приводить в порядок формы, лежащие в основе языка», «гений Ломоносова пробудил любовь к литературе» и т. д. Имя Ломоносова далеко не случайно занимает такое место в историко-литературной концепции Жуковского, закономерно появление его и в полемике с Шишковым.

Для Шишкова Ломоносов — высокий образец: «трудно достигнуть до такого в языке своем познания, какое имел, например, Ломоносов» (16). Проблема «Ломоносов и Жуковский» не так проста, и отношение Жуковского к Ломоносову не было однозначным. Материал конспекта, некоторые высказывания поэта в письмах и дневниках, а также подго-

товленный нами материал о Жуковском — читателе Ломоносова позволяет говорить об этом. Но в связи с «Рассуждением» Жуковский достаточно критически относится к Ломоносову, хотя его в большей степени не удовлетворяет не столько сам Ломоносов как поэт, сколько тенденциозный подход Шишкова к поэту, стремление сделать Ломоносова образцом на все времена. Так, на с. 16 в связи с восторгами Шишкова по поводу строк из поэмы «Петр Великий» Жуковский замечает: «Я очень чувствую, что эти стихи прекрасны...». И далее (не соглашаясь с мнением Шишкова о важности чтения только древних и церковных книг для формирования поэта) добавляет: «Но они могли бы родиться в голове и такого человека, который в глаза не видывал сих великие книги». Не отрицая значения Ломоносова для русской поэзии, автор диалога с Шишковым в его оценке исходит из критериев современного состояния литературного языка и поэзии. Именно этим объясняются достаточно резкие замечания поэта по поводу отдельных слов и выражений ломоносовской поэзии (23, 54). В борьбе за Карамзина, за «хороших новых писателей» Жуковский не принимает эстетического консерватизма Шишкова, проявившегося в ориентации на старые образцы, и в особенности на классицистические.

Немаловажной проблемой, поставленной Жуковским в его полемике с Шишковым, является проблема соотношения поэзии и прозы и отношения к русской художественной прозе. Характерным моментом ее является последовательная и достаточно решительная борьба за Карамзина. В полемике с Шишковым Жуковский выступает прежде всего как карамзинист. Имя Карамзина прямо упоминается всего лишь дважды (6, 14), но эти упоминания программны, ибо шишковские вылазки против «новомодных писателей» воспринимаются как вражда по отношению к Карамзину и его последователям. Значение Карамзина Жуковский прежде всего связывает с его заслугами перед русской прозой. Преклонение Шишкова перед древними образцами уже потому не принимает Жуковский, что в художественной прозе, по его мнению, у русских не было образцов. «Ибо искусству, — пишет он, — учат одни хорошие авторы, а у нас их нет — я говорю о прозаиках. Назовите хотя одно оригинальное русское сочинение в прозе, прежде Карамзина (6). Пройдет определенное время, и Жуковский откажется от нигилистического отношения к русской прозе XVIII века, его взгляд на русскую литературу и проблемы развития прозы станет историчнее. В своем конспекте Жуковский признает уже определенное значение в образовании русской прозы и Ломоносова, и Фонвизина, и Державина, и Муравьева. В полемике с Шишковым позиция молодого и начинающего поэта еще страдает односторонностью.

Но эстетическое чутье Жуковского проявляется в том, что он ставит важный вопрос о соотношении прозы и поэзии и рассматривает прозу как критерий зрелости словесности того или иного народа. Так рождается его программное положение о том, что «язык тогда может назваться образованным, когда уже и проза образованна. Известно, что поэзия предшествует прозе, доказательством послужит Ломоносов» (17). По мнению Жуковского, уровень развития прозы определяет развитие литературы. Впоследствии, в конспекте, говоря о великом значении поэзии Державина, «в своем роде единственного и истинного представителя русской поэзии», Жуковский констатирует: «Этот период обогатил поэтический язык и подготовил материал для прозы»²³. Однако появлению высокохудожественной русской прозы, по мнению Жуковского, обязательно соответствует и высокий уровень развития языка. «Стихотворные <ирзб.> картины меньше требуют чистого языка нежели простые мысли, которые только тогда приятны, когда выражены приятно» (17). Вот почему Карамзина с его реформой языка Жуковский считает создателем новой русской прозы. Чувствуя, что в борьбе Шишкова с так называемыми новомодными писателями стрелы устремлены на Карамзина, Жуковский спрашивает автора на полях его книги: «Кто эти новомодные писатели?» И уверенно, полемично отвечает: «Карамзин не есть новомодный, а лучший русский прозаист. Он один писал у нас свое в прозе и так, как надобно» (14). Создавая свою историю русской литературы в 1826—1827 гг., Жуковский возвратится к борьбе Шишкова с Карамзиным, сделав ее центром целого периода развития литературы. И вновь, подчеркивая, что староверческая теория Шишкова является ложной и мертворожденной, Жуковский с именем Карамзина связывает не только прогрессивное развитие литературного языка, но и прогресс русской прозы. По мнению автора конспекта, «Карамзин, напротив, необычайно очистил язык...», «Карамзин открыл тайну слова в прямом значении — ясности, изящества и точности»²⁴. Несмотря на односторонне-апологетическое отношение к Карамзину, в целом позиция Жуковского была прогрессивной и эстетически плодотворной. Сравнение ее с позицией Шишкова особенно наглядно обнаруживает определенный ее историзм.

Таким образом, пометы Жуковского на полях «Рассуждения о старом и новом слоге» А. С. Шишкова позволяют наметить некоторые аспекты его эстетической позиции в период формирования и выработки поэтического стиля. В отличие от Шишкова, мыслящего старыми категориями и ориен-

²³ Жуковский В. А. Конспект, с. 307.

²⁴ Там же, с. 309.

тирующегося на старые литературные образцы и старые понятия, Жуковский выступает как представитель нового поколения, ратующий за обновление литературы, наполнение ее всем комплексом мыслей европейского просвещения, рассматривающий историко-литературный процесс в его развитии и движении. И с этой точки зрения его пометы имеют интерес не только для более глубокого понимания литературной позиции самого поэта в ранний период его литературной деятельности, но и как документ эпохи, проливающий свет на сложный путь развития и становления прогрессивной русской эстетики.

Глава пятая

ПРАВКА ЖУКОВСКОГО В ТЕКСТЕ ТРАГЕДИИ В. А. ОЗЕРОВА «ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ»

I

Постоянный и глубокий интерес Жуковского к русской истории, с одной стороны, и драматургии — с другой, в 30-е годы развивается в едином русле: внимание поэта привлекает русская историческая трагедия. Этот жанр получает такую популярность, что Надеждин в связи с выходом в свет «Бориса Годунова» Пушкина и «Марфы Посадницы» Погодина заявил: «... год сей в летописях русской словесности отмечен эрой поэтического драматизирования народной истории, сообразно понятиям, требованиям и видам современного просвещения»¹. Вслед за этими трагедиями появляется ряд других, в том числе «Дмитрий Самозванец» Хомякова, «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» Кукольника, «Россия и Баторий», «Осада Пскова», «Дочь Иоанна III», «Петр Басманов» Розена².

Несмотря на принципиальные идейные отличия и различные художественные достоинства этих произведений, можно увидеть то, что их объединяло: интерес к одной из значительнейших эпох русской истории — эпохе «смутного времени» и Бориса Годунова. Появление вслед за «Историей государства Российского» Карамзина многочисленных мате-

¹ «Телескоп», 1832, ч. 7, № 2, с. 304.

² Все эти произведения имеются в библиотеке Жуковского: Хомяков А. С. Дмитрий Самозванец. Трагедия в 5 действиях. М., 1833; Розен Е. Ф. Россия и Баторий. Ист. драма в 5 действиях. СПб., 1833; Он же. Осада Пскова. Трагедия в 5 действиях. СПб., 1834; Он же. Петр Басманов. Трагедия в 5 действиях. СПб., 1835. Он же. Дочь Иоанна III. СПб., 1835; Кукольник Н. В. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Драма в 5 актах. СПб., 1835. Об интересе к этой эпохе говорит и следующий факт: в 1835 году Жуковский читает и рекомендует для напечатания в журнале «Библиотека для чтения» роман О. Шишкиной (О. Шебанко) «Князь Скопин-Шуйский, или Россия в начале XVII столетия». В письме к издателю он, в частности, пишет: «... между ним (романом.— Л., А. Я.) и трагедией г. Кукольника «Скопин-Шуйский» не может быть ничего общего, хотя бы автор романа и встретился где-нибудь, сверх чаяния, с мыслями трагика» («Библиотека для чтения», 1835, № 2, с. 196).

риалов из эпохи «смутного времени» создавало основу для художественного исследования. Вот некоторые из них: «Сказания современников о Дмитрии Самозванце» (1831—1834) и «Сказания кн. Курбского» (1833), подготовленные к публикации Н. Устряловым, «Царствование царя Алексея Михайловича» В. Берха (1831), «История в лицах о Дмитрии Самозванце» М. Погодина (1835)³. В предисловии к своей «Истории» Погодин писал: «Теперь занимаются очень много периодом самозванцев: пишут трагедии, драмы, повести, романы...»⁴. Причина этого интереса — своеобразная связь времен, переключка «века нынешнего» и «века минувшего». Пушкинский «Борис Годунов» раскрыл эту связь со всей идейной остротой и художественной силой; авторы исторических трагедий 1830-х годов в меру своих убеждений и дарования почуствовали и попытались выразить эту связь.

Для Жуковского эта тема была неразрывно связана с его художественными поисками. Еще в 1810-е годы он обращается к переводу шиллеровского «Дмитрия Самозванца», особенно тщательно работая над речью Самозванца в польском сейме. Характерно, что Жуковский переводит лишь отрывок, который раскрывает общественную сущность героя. И в других переводах шиллеровских трагедий («Дон Карлос», «Пикколомини», «Валленштейн») он верен этому же принципу. При переводе речи Самозванца Жуковский настойчиво подчеркивает его притязания на трон, его политический авантюризм.

Следующий этап обращения Жуковского к этой эпохе — работа над планом трагедии из времени Бориса Годунова, датированным самим поэтом 14 апреля 1824 года⁵. Этот план — свидетельство серьезной увлеченности поэта эпохой «смутного времени». В плане заметно стремление Жуковского совместить психологическую разработку характера Самозванца с историей Бориса Годунова и описанием исторических событий. Жуковский разрабатывает план именно исторической трагедии, поэтому неслучайно выделение в нем таких сцен, как «Сражение под Москвой», «Добрунская битва», «Новгород Северский», «Бунт в Москве» и т. д. Можно говорить и об определенном перевесе национально-исторической линии над любовной: любовь Самозванца и Ксении занимает в плане незначительное место. По разным причинам, одной из которых можно считать и работу Пушкина над «Борисом Годуновым», Жуковский не осуществил свой замысел. Но интерес к эпохе «смутного времени», к исторической трагедии

³ В библиотеке Жуковского есть указанные произведения Берха и Погодина; видимо, хорошо он был знаком и с публикациями Н. Устрялова.

⁴ Погодин М. П. История в лицах о Дмитрии Самозванце. М., 1835.

⁵ Подробнее об этом см. раздел «Перевод Жуковским отрывка из трагедии Э. Вернера «Двадцать четвертое февраля», где этот план приводится полностью.

из «периода самозванцев» остался у него и в 30-е годы. Восторженно отзываясь о пушкинской трагедии, он следит и за другими образцами этого жанра, иногда непосредственно участвует в осуществлении некоторых замыслов.

В этом отношении заслуживает внимания вопрос о редакторской работе поэта, в частности над трагедиями Е. Ф. Розена. Как уже указывалось, в библиотеке Жуковского имеются экземпляры четырех трагедий Розена. Известно, что Жуковский принимал участие в правке трагедии «Россия и Баторий», рекомендованной императором при определенной переработке для постановки на сцене. В экземпляре трагедии, хранящемся в библиотеке поэта, Жуковский вычеркивает целый ряд сцен, тем самым, с одной стороны, делая ее более сценичной, а с другой — более пригодной для цензуры. Однако и в таком варианте трагедия не увидела сцены, хотя в следующей своей трагедии «Осада Пскова» Розен учел замечания Жуковского. В нее он почти дословно переносит некоторые сцены из трагедии «Россия и Баторий», делая сокращения согласно указаниям Жуковского. Он прислушивается даже к самым мелким замечаниям своего редактора. Так, в тексте трагедии «Россия и Баторий» (с. 77) Жуковский исправил стилистическую погрешность: русская простолюдника произносит у Розена: «мил-надежда». Жуковский этот старославянизм, неуместный в ее речи, заменяет другой формой: «мил-надёжа» и помечает это редакторским значком. В «Осаде Пскова» Розен вновь употребляет это словосочетание именно в той форме, которую придал ему Жуковский.

В архиве поэта хранятся и другие материалы, связанные с редакторской работой Жуковского: это следы правки в либретто оперы «Иван Сусанин» и большая правка 10 явления 5 акта трагедии «Осада Пскова». Об этой правке сам Розен в письме Жуковскому от 4 февраля 1834 года писал следующее: «Если только одну последнюю сцену представить на высочайшее внимание, то попросил бы я вас представить ее в таком виде, какой вы ей дали в наше последнее свидание: отдельно так имеет более весу!» (все подчеркивания принадлежат Розену)⁶. В архиве Жуковского находится копия сцены, сделанная писцом, с многочисленными правками Жуковского. Общее направление всех правок: стремление добиться большей психологической глубины и динамики действия. С этой целью Жуковский ослабляет мелодраматизм отдельных эпизодов, убирает длинноты, пытаясь сцену неожиданной встречи на поле битвы Курбского и его сына сделать психологически более убедительной и правдивой. Вот несколько примеров этой правки:

⁶ «Русская старина», 1903, № 8, с. 455.

ЖУКОВСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

КОСЧИКЪ, ПЛЮЩАКА И ОБОЮДАТА МЕЛОЧАВЦЫ СЪ ВЪСЛАВЪЛЪВОМЪ

КОСЧИКЪ

ПЛЮЩАКА

Косчикъ добротный, скажи, угодил ли тебе
Косчикъ галбъ, скажи! Косчикъ Мелой
Косчикъ Мелой съ Мелой Мелой Мелой

КОСЧИКЪ

Скажи, а скажи! Мелой Мелой Мелой;
Мелой Мелой Мелой; Мелой Мелой Мелой.

КОСЧИКЪ

О мелевый Мелой, Ты меле угодиле меле!
На ле меле меле угодиле на меле
И Мелой Мелой Ты меле меле!
Ахъ, на меле меле меле меле меле,
Что Ты Мелой на меле меле меле,
Чтобы меле меле меле меле меле
И меле меле меле меле меле!

(къ Мелой)

На меле меле меле, меле меле меле;
Меле меле меле меле меле меле!

КОСЧИКЪ

Ты Мелой меле меле меле
Меле м.

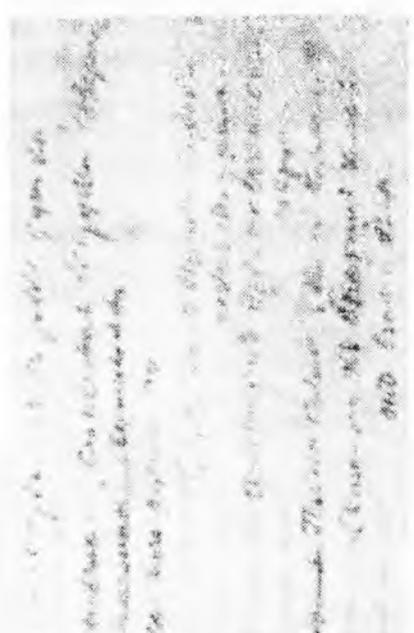

Рис. 1. Образец страниц Жуковским текстом трагедии В. Озерова «Дингрий Донской» (Дч. II, действие V)

Текст трагедии Розена

(Вскакивает, сжимает руки, все тело его дрожит. Молчание).

Курбский

Юрий! Так

Родительское сердце у меня
Еще осталось. Сердцем порываюсь
На детище родное наглядеться,
Налюбоваться, повести с тобою
Душевную беседу обо всем...

Курбский

Боже правосудный,

Еще и горькую даешь испить мне

чашу,

Мой бедный Юрий, и твою младую

Жизнь, на ее расцвете, погубила,

Моя вина...

Курбский

...Буди

Мной прешным благословен, во имя
Отца и сына и Святого Духа —
А за меня Спасителя моли,
Чтоб он вошел со мною в суд, и дал
На небеси, где у отца есть много
Обителей, мне свидеться с тобою.
Аминь!

Прозоровский

Но прав ты, мной нарушена присяга.

Уж мне не быть на жалованьи царском!

Смотри ж: (ломает меч)

Мой меч изломан: не царев я,

А божий раб отныне!...

Правка Жуковского

(В расслаблении он садится на камень).

Курбский

Друг, ото всего,

Что был я в оные святые дни
Осталось во мне живым одно:
Родительское сердце: им я

рвусь

На детище родное наглядеться,
Налюбоваться, повести на воле
Душевную беседу с ним о про-
шлом.

Курбский

Послушай, Юрий, встретившись
с тобой,

Я был уж в мыслях схимник,

я хотел,

Простившись с миром, навсег-

да закрыть

Себя в отшельнической келье,

чтоб

Молитвой снять вину с души..!

но вижу,

Что и твою прекрасную,

младую

Жизнь, на ее расцвете,

погубила,

Моя вина.

Курбский

...Буди

Мной грешником благословен,
во имя
Отца и сына и Святого Духа.
Прости!

Прозоровский

Но прав ты, я присяги не

исполнил

И мне не быть на жалованьи

царском!

Смотри ж: (снимает меч); уж

не царев я,

А божий раб отныне!...⁷)

Все приведенные примеры в определенной степени подтверждают слова Розена из его письма по поводу одной из правок («ломает меч» — «снимает меч»): «Мы в этой сцене довели чувственную правду до такой высокой степени, что подобный Knalleffekt (неожиданный, поразительный эффект. — О. Л., А. Я.) может только вредить»⁸. Действительно, Жуковский-редактор пытается психологически углубить

⁷ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 26, лл. 152—155 об.

⁸ «Русская старина», 1903, № 8, с. 455.

характеристики героев, убрать ложные эффекты. Многочисленные отчеркивания Жуковским больших отрывков — предполагаемые сокращения текста. Это соображение подтверждается тем, что в печатном тексте трагедии «Осада Пскова» сделаны большие сокращения по сравнению с писарской копией (200 стихов вместо 240). Многие из них соответствуют отчеркиваниям Жуковского. Хотя Розен учел не все замечания своего редактора, но и неизменными все исправленные места он не оставил.

Таким образом, собственные опыты Жуковского по созданию исторической трагедии, его живой интерес к произведениям этого жанра, редакторская работа дают дополнительный материал для раздумий о творческой эволюции Жуковского, о формировании принципов его историзма. Вероятно, замысел исторической трагедии волновал Жуковского и в 30-е годы. Целый ряд материалов дает возможность предположить, что Жуковский исподволь готовился к его осуществлению. С этой точки зрения несомненный интерес представляет правка Жуковского в тексте трагедии Озерова «Дмитрий Донской», обнаруженная в его библиотеке.

II

В библиотеке Жуковского (собрание НБ ТГУ) имеется пятое издание сочинений В. А. Озерова, «дополненное и сверенное по рукописям автора»⁹. Оно состоит из трех частей, объединенных в одном переплете. Первая часть включает трагедии «Эдип в Афинах» и «Фингал»; вторая — «Дмитрий Донской» и «Поликсена»; третья — трагедию «Ярополк и Олег», перевод послания А. Попа «Элоиза к Абеляру», оды, басни и разные стихотворения. Завершает третью часть и весь том статья П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях Озерова». Во второй части этого собрания, в трагедии «Дмитрий Донской», на с. 3—15 и 73—76 имеется правка, охватывающая 1—4-е явления I действия и большую часть 2-го явления V действия трагедии.

Правка сделана рукою Жуковского, карандашом, мелким, но достаточно разборчивым почерком, прямо между строк текста озеровской трагедии. Иногда поэт, создавая вариант целой реплики или заменяя отчеркнутые стихи, выносит работу на обширное свободное поле страницы (с. 11, 13, 73). Необходимо заметить, что правка носит творческий характер. Это проявляется в особенностях сокращения текста, в нескольких вариантах одного и того же слова, одной и той же строки, реплики. Прежде чем дать комментарий к этой прав-

⁹ Озеров В. А. Сочинения в 3 частях. Изд. 5. СПб., 1828.

Восстал противу нас войной неспра-
ведливой.
Он к нам уже спешит, и, может быть,
сей хан
С зарею завтрашней пред наш явит-
ся стан.
Но, видя Росских сил внезапно съе-
диненье,
Смутился сердцем он и мыслью впал
в сомненье;
Посольство пред собой решился к
нам прислать.
Друзья Димитрия, рассудите ль
принять?
Иль, твердыми пребыв, в намереньи
геройском,
Мамаю отвечать мы будем перед
войском,
Чтоб первый Россиян и смелый их
удар
Раздался по земле и ужаснул Татар!

Тверской

Так будем отвечать пред войском
в ратном поле!

<Вычеркнуто 5 стихов>

с. 5

<Вычеркнуто 20 первых стихов>

Почто же видеть нам Мамаева
посла?
Когда приязнь Татар быть искренной
могла?
Пойдем противу них, сотрем их гор-
ды силы,
Или найдем себе здесь славныя
могилы!

Белозерский

с. 5—6

<Вычеркнуто 30 стихов>

Совет, однако ж, мой: принять Татар
посольство.

И если можем мы восстановить спо-
койство,

с. 7

Платя Мамаю дань...

(Все князья изъявляют негодование).

Димитрий

О, Белозерский князь,

Что предлагаешь ты? Чтоб, брани
убоясь,
Постыдной податью мы власть при-
знали ханску?

Восстал противу нас войной
несправедливой.
Он к нам уже спешит, и, может
быть, сей хан
С зарею завтрашней на наш
ударит стан.
Но, видя Русских здесь полков
соединенье,
Знать, ужаснулся он и впал
в недоуменье;
Посольство прежде к нам ре-
шился он прислать.
Друзья Димитрия, рассудите ль
принять?
Иль, непреклонные, в наме-
реньи геройском,
Мамаю отвечать мы будем пе-
ред войском.
Чтоб первый Россиян и смелый
их удар
Раздался по земле и ужаснул
Татар?

Тверской

Дадим, дадим ответ пред вой-
ском в ратном поле!

С ордынцами для нас слова не
нужны боле!

На что нам принимать Мамае-
ва посла?

Когда приязнь Татар быть иск-
ренной могла?

Одно из двух: иль мы разру-
шим гордых силы,

Или найдем себе здесь славные
могилы!

Белозерский

Нет! мой совет иной: принять
Татар посольство.

И если можем мы восстановить
спокойство,

Платя Мамаю дань...

(Все князья изъявляют негодо-
вание).

Димитрий

О Белозерский князь,

Что предлагаешь ты? Чтоб,
брани убоясь,
Постыдной податью мы власть
признали ханску?

Белозерский

Чтобы шадили кровь бесценну христианску.

Мамая победив, брегися, чтоб орды
Не съединились вновь для наша

беды;
Брегися, чтоб подвиг сей, нам времен-
но счастливый,
Не возбудил опять их дух властолю-
бивый,

<Вычеркнуто 8 стихов>

Своею отчиной они Россию чтут;

Зря наше мужество, нестройствия

прервут;
На бедства Россиян согласны будут
вскоре.

Дай лучше им слабость в их пагубном
раздоре...

Димитрий

Ах, лучше смерть в бою, чем мир
принять бесчестной!

с. 8

Так предки мыслили, так мыслить
будем мы.
Прошли те времена, как робкие умы

В Татарах видели орудие небесно,

Чему противиться безумно и невмест-
но,

Но в наши дни и честь, и самой веры
глас

Против мучителей вооружают нас.

Сей глас вещает нам, сей веры глас
заветный,

Что павшему в бою венец готов бес-
смертный,

Что в радость райскую чрез гроб
вступает он.

<Вычеркнуто 9 стихов>

Так, лучше жить престать, иль вовсе
не родиться,

Чем племенам чужим под иго
покориться,

Чем званьем данников корыстолюбью
льстить.

Сим рабством ль беды мы можем от-
вратить?

Но ханского посла согласен я при-
нять...

Чтоб мужество читал на ваших он
челах,

Белозерский

Чтобы шадили кровь бесценну христианску.

Мамая победишь. но хищные
орды

Соединятся вновь для наша
беды;

Страшись, чтобы своей победою
счастливой,

Не возбудил опять их дух вла-
столюбивый?

Своею отчиной они Россию
чтут;

Зря наше мужество, раздор
свой перервут;

И русским на беду согласны бу-
дут вскоре.

Дай лучше ослабеть им в па-
губном раздоре...

Димитрий

Нет, лучше смерть в бою, чем
мир принять бесчестной!

Так предки мыслили, так мыс-
лить будем мы.

Прошли те времена, как робкие
умы

В Татарах видели орудие не-
бесно,

С которым ратовать казалось
им невместно.

Теперь и долг, и честь, и самой
веры глас

Против мучителей вооружают
нас.

Сей глас вещает нам, сей веры
глас заветный,

Что падшему в бою венец го-
тов бессмертный,

Что в радость райскую чрез
гроб вступает он.

Так, лучше жить престать, иль
вовсе не родиться,

Чем племенам чужим под иго
покориться,

Чем имя данников постыдное
носить.

Покорностью ль беды мы мо-
жем отвратить?

Но ханского посла согласен я
принять...

Чтобы он мужество прочел у
вас в глазах

с. 9

Содрогся б и пренес во стан к Ма-
маю страх.
<Вычеркнуто 19 стихов, в том числе
все 2 явл.>

с. 10

Явление третье

Посол
Российские князья, непобедимый хан
Задонския орды и всех восточных
И Русския земли верховный облада-
тель,
Ваш грозный судия, крамольников
каратель,
Ту руку, коею нанести вам должен
смерть,
Благоволил еще на благости
простерть...

Противу наших сил вам можно ль
устоять?
Смиритесь лучше вы, расseyте вашу
рать,
Отправьте должну дань, покорствуя
Мамаю!
Я именем его вам милость обещаю.
Раскаяние зря, решится он простить
И вашу жизнь еще позволит вам
продлить.

с. 11

Димитрий

О дерзостный посол надменнейшего
хана,
Обширность видел ты Российских
воев стана,
Здесь видишь храбрых сонм, и жизнь
как некий дар,
Нам смеешь предлагать от благости
Татар!
Но жить еще кому, иль нам, или
Мамаю,
Оружие решит; и твердо уповаю,

Что чудный крепостью и справедли-
вый Бог
Поможет нам сотреть гордыни вашей
рог;
Поможет нам отмстить убийства,
расхищенья,
Пожары, грабежи, все роды истреб-
ленья,
Которые от вас Россия пренесла.
Вот ваши подвиги, вот славные дела,

И в страхе б перенес во стан
к Мамаю страх.
Введи посла.

Явление третье

Посол
Российские князья, непобеди-
мый хан
Задонския орды и всех восточ-
ных стран,
И Русския земли верховный
обладатель,
Ваш грозный судия, мятежни-
ков каратель,
Ту руку, коею вас должен по-
разить
Благоволил еще на благости
склонить...

Противу наших сил вам можно
ль устоять?
Смиритесь лучше вы и распус-
тите рать,
И заплативши дань, покорст-
вуйте Мамаю!
От имени его вам милость обе-
щаю.
Узрев раскаянье, решится он
простить
И вашу жизнь еще позволит
вам продлить.

Димитрий

О дерзостный посол надмен-
нейшего хана,
Ты видел русских рать, стоишь
среди их стана,
Ты в сонме их князей, и жизнь,
как некий дар,
Нам смеешь предлагать от бла-
гости Татар!
Но жить еще кому, иль нам,
или Мамаю,
Оружие решит; и твердо упо-
ваю,

Что чудный крепостью и спра-
ведливый Бог
Поможет нам сломить гордыни
вашей рог;
Пора пришла! Отмстим огнем
за разоренье!
Пожары, грабежи, и кровь
и униженье,
Которые орда России нанесла,
Вот ваши все права и славные
дела!

На что ссылаяся, вы требуете дани!

.....
Посол
По праву сильного, все ваши земли,
И все имущество — стяжание Татар,
И самый солнца свет вам ханов наших дар.

с. 13

Димитрий

.....
Захочет в страхе жить и дни, как
цепи, влечь?

с. 14

<Вычеркнуто полностью 28 стихов>

с. 15

Белозерский

.....
Для **россов**, счастливых правлением
твоим...

.....
Димитрий

.....
Приосенит меня, как щит, его покров.
<Вычеркнуто 10 стихов>

с. 73

Действие V, явл. 2

Ксения

Боярин доблестный, скажи, ужель
приходит
Конечна гибель нам? Неистовый Ма-
май
Порабощает ли несчастный Русский
край

Боярин

Спокойся, о княжна! победа совер-
шенна;
Разбитый хан бежит; Россия сво-
божденна.

Ксения

О милосердный Бог, Ты наш услышал
глас!

На них ссылаяся, вы требуете
дани!

.....
Посол
По праву сильного, все ваши
И все имущество есть собст-
венность Татар,
И самый солнца свет вам ха-
нов наших дар.
Страшитесь раздражать Мамаю
непокорством!

.....
Димитрий

.....
Захочет в страхе жить и дни,
как цепи, влечь?
Князья, утroyте рать! Сзарей
начнется битва.
Мужайтесь: я верю исполнится
молитва.
Я полк передовой сам в битву
поведу.

.....
Белозерский

.....
Для русских, счастливых прав-
лением твоим...

.....
Димитрий

.....
Приосенит меня, как щит, его
покров.

Действие V, явл. 2

Ксения

Боярин, говори: Димитрий иль
Мамай?
Побеждена ль орда иль в раб-
стве Русский край?

Боярин

Победа! Хан бежал! Судьба
небес свершилась!
Свободна Русь. Орда навеки
сокрушилась.

Ксения

Победа славная: едва ей верю
я.

Не до конца еще прогневался на нас
И Русских осенил Ты силою своею!
Ах, в полной радости надеяться я

смею,
Что ты Дмитрия в бою спасти воз-
мог,
Чтоб видел взор его Ордынцев стертый
рог
И восходящее отечество из тлена!

(К боярину)

Но Расскажи ты мне, какая перемена
К спасенью Россиян последовать
могла?

с. 74

Б о я р и н

.....
Полки Российские, отмщением **сго-**
рая,
Спешили к тем местам, стояли где
враги...

.....
Раздался воев крик и сеча началась.

Незапно сонм бойцов Татарских по-
казался;
Пред исполинами войск наших дух
смешался.

Как вихри бурные, рожденны среди
гор,
Чрез степь пространную летят в дре-
мучий бор,
И слабые древа порывами ломают,

И сосны твердые **вверх** корнем ис-
торгают...

с. 75

Все **шесть** его сынов в глазах его
сраженны,
Все **шесть** смертей душе отцовской
нанесенны;
Но тверд, из глаз нет слез, из уст не
слышен стон,
Он хочет вместе пасть; и пал,
наверно б, он,
Коль не явились бы два воина
русских...

К с е н и я

Но кто сей воин был? И как до дня
сего
Молчал народный глас о доблести
его?

Скажи ж, боярин, как она взя-
та была!

Б о я р и н

.....
Полки Российские, отмщением
пылая,
Спешили к тем местам, стояли
где враги...

.....
Раздался ратных крик и сеча
началась.

Вдруг, видим, сонм бойцов
Татарских показался;
Пред исполинами войск наших
дух смешался.

Как вихри бурные, с **вершины**
снежных гор,
Чрез степь пространную летят
в дремучий бор,
И слабые древа порывами ло-
мают,

И сосны твердые с **корнями**
исторгают...

.....
Вдруг пали **шесть** сынов перед
его глазами,
Душа отца **шестью** растерзана
смертями.
Но тверд, из глаз нет слез, из
уст не слышен стон,
Он хочет вместе пасть; и пал
бы верно он,
Когда **б** не бросились два вой-
на русских...

К с е н и я

Но кто сей воин был? И как
до дня сего
Молчал народный глас о **храб-**
рости его?

с. 76

Российского меча удары сильны,
 быстры,
 Где язвы не несут, там сыплют
 с брони искры;
 Ордынца же рука, поднявши шлем
 рассечь,
 Встречает твердый щит или
 проворный меч.

Сверкает русский меч: его уда-
 ры быстры,
 От брони вражеской струею
 брызжут искры;
 Напрасно силится ордынец
 шлем рассечь,
 Пред ним иль твердый щит или
 проворный меч.

Мамай издалека смерть видел
 Челубея
 И, изумившись ей и страхом цепenea,
 Не ведал, что начать; в боязни ум
 исчез.

Увидев издали погибель Челу-
 бея,
 Мамай затрепетал, и в страхе
 цепenea,
 Не ведал, что начать; в боязни
 ум исчез.

Им степь широкая, как тесная
 дорога;

Им степь широкая, как тесная
 дорога;

с. 77

И русский в поле стал, хваля
 и слава бога.
 <Вычеркнуто 20 стихов>

И русский в поле стал, хваля
 и слава бога.

III

Первый вопрос, который возникает при взгляде на эту правку — каково ее назначение? Очевидно, что она не могла быть редакторской: ведь собрание сочинений, в котором правка сделана, вышло в 1828 году, то есть через 12 лет после смерти автора. Ни в одном из последующих изданий «Димитрия Донского» эта правка не учтена. Трудно вообще предположить, что Жуковский делал ее для печати. Вероятнее всего, это была своеобразная лабораторная работа поэта, его «соревнование» с известным и высокоценным автором исторических трагедий. Правя текст озеровской трагедии, Жуковский в определенной степени раскрывал свое понимание этого жанра.

Об интересе Жуковского к Озерову говорит целый ряд фактов. Прежде всего, нужно сказать, что на протяжении 25 лет он по разным поводам обращался к его творчеству. Вот известные факты.

1805 год. Жуковский получает от Блудова, двоюродного брата Озерова, рукопись «Эдипа в Афинах» и передает ее управляющему московским театром М. П. Волконскому для

постановки на московской сцене. В письме к Блудову от мая — июня 1805 г. он сообщает: «...список, который у Волконского и в котором все на все пять ошибок, мною выправлен у Волконского...»¹¹.

1806—1809 гг. Работая над «Собранием русских стихотворений», Жуковский думает об Озерове, спорит о нем с Карамзиным, живо интересуется его новыми произведениями. В письме А. И. Тургеневу от 15 октября 1809 г. читаем: «Вышла ли «Поликсена»? Доставь ее мне поскорее. По дурной критике, напечатанной в «Цветнике», заключено, что план этой трагедии очень прост и отзывается древностью. Между приведенными стихами в пример есть прекрасные, но мало. Озеров с великим талантом и чувством. Я беспрестанно ссорюсь за него с Карамзиным, который называет «Фингала» дрянью. А «Фингал» делает честь нашей поэзии: три прекрасных характера; Моины, Фингала и особливо Старна, который весь принадлежит Озерову, ибо в хороших Французских трагедиях я не знаю ни одного мстительного отца»¹². В пятую часть своего «Собрания» он включает сцены из озеровских трагедий «Эдип в Афинах» и «Димитрий Донской».

В свою очередь и Озеров в это время внимательно следит за поэтической деятельностью Жуковского и высоко ценит ее, о чем свидетельствует его собственное признание в письме к Жуковскому от 29 января 1810 года: «Бесконечное было бы мое письмо, если бы хотел я вам описать удовольствие мое при чтении «Марьиной рощи», разных повестей и особенно писем принца де-Линя; вы сохранили в переводе всю живость и все остроумие сего любезного автора, которого можно поставить наравне с графом Гамильтоном. Примером почтенного Ник. Мих. Карамзина и вашим примером я уверился, что наш язык ко всем родам слога способен; и не сомневаюсь, чтобы трудами писателей с истинными талантами он скоро не поравнялся с утонченными нашими нравами»¹³.

1814 г. В «Послании Вяземскому и Пушкину» Жуковский пытается дать свое понимание судьбы Озерова, тем самым выражая свою причастность к легенде о нем. Он между прочим замечает:

«Увы, «Димитрия» творец
Не отличил простых сердец
От хитрых, полных вероломства!»¹⁴

¹¹ «Радуга». Альманах Пушкинского дома. Пб., 1922, с. 18.

¹² Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 51—52.

¹³ «Русский архив», 1875, № 11, с. 363.

¹⁴ Жуковский В. А. Полное собр. соч. под ред. А. С. Архангельского, т. 2. СПб., 1902, с. 46.

1826—1827 гг. В «Конспекте по истории русской литературы» Жуковский дает следующую оценку деятельности Озерова: «Озеров. По времени, в которое выходили в свет его сочинения, он принадлежит к следующему периоду, но по своему языку он связан с этим. Он написал несколько трагедий. Форма в них французская. Язык не отличается ни изяществом, ни чистотой. Но много силы в выражении, много правды в изображении чувства. Несколько поистине трагических сцен. Несколько хорошо задуманных и выдержанных характеров»¹⁵.

Все эти факты свидетельствуют о том, что Жуковский интересовался драматургией Озерова, и его правка в тексте трагедии «Димитрий Донской» была следствием общих раздумий о русской исторической трагедии. Эта правка, как нам кажется, стоит в одном ряду с замыслом создания либретто патриотической оперы из русской истории, с редакторской работой над трагедиями Розена.

С этой точки зрения представляет интерес отбор Жуковским материала для правки. Его внимание, как уже указывалось, привлекают всего пять явлений из 27 (4 явления I действия и одно явление последнего, V действия), которые внутренне объединяются общей, сквозной темой — темой борьбы за освобождение России от татарского ига. 4-е явление I действия оканчивается у Жуковского словами Димитрия, призывающего к мужеству накануне решающей битвы, а первые слова 2-го явления V действия как бы подхватывают их: «Боярин, говори! Димитрий иль Мамай...» Начинается рассказ о победе русских. Такое соединение в правке 5 сцен позволяет Жуковскому создать сюжетно и идейно законченное произведение, свой вариант озеровской трагедии. Показательно, что поэт сознательно оставляет в стороне всю любовную линию. Сначала он обрывает правку 4-м явлением I действия, после которого идет рассказ о приезде в стан Ксении, о споре Димитрия и Тверского за руку Ксении. Затем, при правке 2-го явления V действия, он после слов боярина, рассказывающего о победе русских, делает черту и крест-накрест перечеркивает разговор Ксении и боярина, касающийся судьбы Димитрия и любви Ксении к нему. Подобное ограничение материала правки позволяет предположить, что Жуковский пытался создать особый вариант трагедии, акцентируя внимание на ее патриотическом пафосе.

Своеобразным комментарием к такому отбору материала могут служить пометы, сделанные Жуковским в статье Вяземского «О жизни и сочинениях Озерова», которой завершается издание. Эти пометы, выражающиеся в подчеркиваниях

¹⁵ Жуковский В. А. Конспект по истории русской литературы. — «Труды Отдела новой русской литературы Института русской литературы». Т. 1. 1948, с. 305—306.

и отчеркиваниях текста, в своем большинстве сосредоточены на страницах, посвященных трагедии «Димитрий Донской». Вот текст этих помет:

с. 147 «Озеров возвратил трагедии истинное ее достоинство: питать гордость народную священными воспоминаниями и вызывать из древности подвиги великих героев, благотворителей современникам, служащих для потомства. Исторические трагедии, или по крайней мере трагедии, основанные на вымышленной повести, вставленной в историческую раму, должны иметь преимущество пред другими<...> Мне кажется, что и новейшие трагики могут отступать от частной исторической истины, с тем только, чтобы быть ей верным в общем смысле».

с. 148 «...но, увлеченный романтическим воображением, он нанес преступную руку на самый исторический характер Димитрия и унижил героя, чтобы возвысить любовника. Предупреждая обвинения судей, трагик влагает в уста Бренского, Белозерского, Смоленского и самой Ксении решительный приговор осуждения поступкам Димитрия, законным во всякое другое время, но преступным в день боя, когда отечество, требуя жертвы его страсти и обиженного самолюбия, ожидает от него своего освобождения».

с. 149 «Ответ Димитрия послу есть один из красноречивейших отрывков нашей поэзии».

с. 150 «Вообще трагедия, кроме ее драматического достоинства, согрета какою-то поэтической любовью к отечеству, которая отражается с живостью и силою в Русских сердцах.<...> Она и при начале своем имела разительное отношение к современным обстоятельствам; но после происшествий 1812 года, которые некоторым образом предсказаны во многих стихах Димитрия, еще более становится на нашем театре народною трагедиею».

с. 153 «Озеров — трагик может и должен служить образцом на театре нашем. Как поэт, хотя и неоспоримо утвердившийся на чреде первейших наших поэтов, не может и не должен он быть образцовым. В самых красотах слога он более счастлив, нежели правилен. Одарив Русский язык богатством, до него еще безызвестным, не щадит он его во многих случаях. Часто намекает там, где надобно быть быстрым. Часто употребляет он во все присвоенную Русским языком переноску слов и, сбиваясь в истинном их значении, довольствуется словом, близким к настоящему».¹⁶

Нетрудно убедиться, что в статье Вяземского Жуковский выделяет два момента: во-первых, патриотизм, акцентируя особую важность мысли, он двумя чертами отчеркивает слова о том, что «Димитрий Донской» «еще более становится на нашем театре народною трагедиею». Во-вторых, столь же важна для него мысль об «унижении» Димитрия Донского-героя для «возвышения» Димитрия-любовника (и эти слова он выделяет особым образом, одновременно подчеркиванием и отчеркиванием их). Своей правкой Жуковский и пытается ярче выделить главный пафос озеровской трагедии как патриотического произведения. С этой целью он тщательно отбирает материал для правки, игнорируя вычеркиванием все то, что мешает выявлению этого пафоса.

¹⁶ Озеров В. А. Сочинения в 3-х частях. Изд. 5, ч. 3. Спб., 1828. Все подчеркивания и отчеркивания в тексте принадлежат Жуковскому.

Приступив к правке отобранного материала, Жуковский прежде всего значительно сокращает текст озеровской трагедии. Из 423 стихов, подвергшихся правке, он оставляет всего 264, вычеркивает финалы 4-го явления I действия и 2-го явления V действия, причем делает это совершенно четко. Перед вычеркнутым текстом он проводит черту, а сам этот текст перечеркивает крест-накрест. Если в первом случае (финал 4-го явления) вычеркнутые 10 стихов из заключительного монолога Дмитрия, вероятно, не удовлетворяют Жуковского своей расплывчатостью, то во втором случае, вычеркивая диалог Ксении и боярина, поэт убирает то, что затушевывает патристический пафос трагедии и «унижает» Дмитрия-героя. В других случаях Жуковский сокращением текста стремится к максимальной концентрации действия. Он старается героев сделать более энергичными и деловыми накануне решительной битвы.

Уже в самом начале 1-го явления он подвергает сокращению и изменению монологи Тверского и Белозерского, заключая в квадратные скобки их большую часть (в монологе Тверского из 30 стихов в скобки заключено 24, а в монологе Белозерского из 33 стихов остается всего 3)¹⁷. Два этих монолога тесно связаны в трагедии: они выражают две позиции в вопросе о принятии посольства татар. В озеровской трагедии изложение этих точек зрения превращается в обмен длинными тирадами, где позиция героя заслоняется отступлениями в сторону. Жуковский, добиваясь психологической правдивости, делает обмен мнениями лаконичнее, превращая его в спор. Вот что остается у Жуковского после правки:

Тверской

Дадим, дадим ответ пред войском в ратном поле!
С ордынцами для нас слова не нужны боле.
На что нам принимать Мамаева посла?
Когда приязнь Татар быть искренней могла?
Одно из двух: иль мы разрушим гордых силы,
Или найдем себе здесь славные могилы!

Белозерский

Нет! мой совет иной: принять Татар посольство.
И если можем мы восстановить спокойство,
Платя Мамаю дань...

Резким сокращением текста (9 стихов вместо 63!), введением выражений: «Одно из двух...», «Нет! мой совет иной...», где изменение знака препинания (двоеточие вместо запятой и тире) приводит к новой интонации, Жуковский обнажает позиции спорящих, сталкивает их точки зрения. Воссоздавая атмосферу принципиального идеологического спора,

¹⁷ Угловые скобки здесь, как и во всех других случаях, — свидетельство сокращения текста. Не случайно Жуковский перед этими скобками добавляет смысловой законченности фразы (на с. 4 добавляет рифмующийся стих, на с. 7 подчеркивает это изменением знака препинания, на с. 9 заменяет отчеркнутое краткой репликой: «Введи посла» и т. д.).

автор правки убирает в речи Тверского все, что касается его отношения к Ксении. Это, вероятно, кажется ему неуместным в начале пьесы и психологически неубедительным: ведь Дмитрий никак не реагирует на эти откровения соперника, а его мысли заняты предстоящей битвой.

С этой же целью Жуковский подвергает правке и речь Донского, в которой он излагает позицию, отличную от двух предыдущих. Поэт вновь делает ее лаконичнее, убирая 8 стихов, обращенных к Сергию и тормозящих развитие мысли. Уже замена в первом стихе («Ах, лучше смерть в бою, чем мир принять бесчестной!») междометия «ах» отрицательной частицей «нет» способствует дальнейшему развитию спора, выражая решительность полководца, его отношение к другим точкам зрения. Этой же задаче служит и включение в текст речи заключительной реплики: «Введи посла», которой Донской подводит итог всем спорам. Изменение отдельных фраз в его речи также углубляет характеристику Дмитрия как полководца, героя. Не случайно Жуковский вводит в его речь слова о долге русских именно *теперь* освободиться от позорного ига. Общий смысл изменений и сокращений в речи Дмитрия можно определить так: автор правки заостряет спор, делает позицию Донского более убедительной, а его мнение решающим в споре. Показательно, что словами Дмитрия: «Введи посла» Жуковский заканчивает первое явление, а все второе явление (15 стихов), тормозящее действие, исключает вообще, отчеркивая его со всех сторон. Сразу же после этих слов начинается сцена с послом. Концентрация материала позволяет поэту событиям накануне решающей битвы сделать более динамичными.

Сокращения текста озеровской трагедии у Жуковского проявились не только в вычеркиваниях и исключениях целых отрывков и даже явлений, но и в устранении длиннот путем создания собственного варианта. Именно эта часть правки отличается большой черновой работой и отражает характер творческого процесса. Так, на с. 13 (нижнее свободное поле) поэт пытается вместо развернутого монолога Дмитрия (17 стихов) создать реплику всего из 3 стихов. Вместо расплывчатой медитации о «следах горячих к бессмертию» Жуковский вкладывает в уста героя своеобразный приказ-обращение:

«Князья, утройте рать! С зарей начнется битва!
Мужайтесь! Я верю: исполнится молитва!
Я полк передовой сам в битву поведу.

Взволнованная и в то же время повелительная интонация, четкие по мысли предложения, в которых чувствуется воля и сила полководца — все способствует динамике действия. Устраняя многословие Озерова, Жуковский психологически более точно воссоздает атмосферу накануне решительной битвы.

Не менее интересна с этой точки зрения и работа поэта над началом 2-го явления V действия (с. 73). Пытаясь передать чувства русских людей (боярина и Ксении) при известии о победе русских, автор правки стремится к психологической достоверности в раскрытии состояния необыкновенной взволнованности и радости. Если в правке первой реплики Ксении Жуковский добивается большей четкости и лаконизма, то в ответе боярина ему важно передать саму динамику чувства, сам процесс осмысления происшедшего. У Озерова боярин констатирует:

«Спокойся, о княжна! Победа совершенна,
Разбитый хан бежит; Россия свободенна».

Архаическая глагольная форма, обращение к Ксении не передают глубины чувства защитника Родины, его переживания. Сам процесс работы Жуковского (4 варианта!) передает мучительный поиск единственно нужных слов, выражающих чувства. У него боярин весь еще в пылу битвы: его чувства кипят, клокочут. В последнем, четвертом варианте («Победа! Хан бежал! Судьба небес свершилась! Свободна Русь! Орда навеки сокрушилась.») Жуковский воссоздает это состояние. 5 предложений, составляющих два стиха,— это этапы пережитого, звенья мыслей и чувств, проявление еще не остывшей после битвы радости. И восклицательная интонация, и совершенный вид глаголов, насыщенность ответа информацией— все способствует психологической точности и одновременно подготавливает реакцию Ксении. У Озерова Ксения не забывает о своем возлюбленном, не очень вслушиваясь в слова боярина о победе русских. У Жуковского она прежде всего патриотка, горящая нетерпением узнать, как русские добились победы. Чувства героини он передает всего двумя стихами (вместо 9), и такой лаконизм — отражение страстности героини, ее сопричастности к происходящему, ее нетерпения услышать от боярина все подробности битвы. Таким образом, сокращение текста и замена сокращенного текста у Жуковского — это одновременно и средство психологического углубления характеристик, и концентрации действия. Но и то и другое не становится самоцелью автора правки, оно неразрывно связано с главной целью: выявлением патриотического пафоса трагедии Озерова.

Наибольшей правке Жуковского подверглись сцены, в определенной степени ключевые для понимания всей трагедии. Прежде всего это ответ Дмитрия послу, о котором Вяземский писал: «Ответ Дмитрия послу есть один из красноречивейших отрывков нашей поэзии». Как мы уже говорили, Жуковский подчеркнул эти слова при чтении статьи Вяземского. Уже в самом начале ответа поэт, изменив 2-й и 3-й стих, пытается выделить мысль Дмитрия о том, что принятие по-

сла — не вынужденное действие, не признание силы врага, а выражение силы русских, честь для посла. Троекратным повторением местоимения «ты»: «ты видел русских рать», «стоишь среди их стана», «ты в сонме их князей» — герой подчеркивает дистанцию между князьями и послом, раскрывает уверенность Димитрия. Ответ Донского у Жуковского приобретает характер предупреждения, призыва к действию. Если у Озерова (и в первом варианте у Жуковского) герой возлагает надежду на «справедливого Бога», который «отмстить поможет нам убийства, разоренья», то в окончательном варианте Жуковский рассматривает эту задачу как дело собственных рук: «Пора пришла! Отмстим огнем за разоренья». Повелительная интонация превращает эту реплику Донского в страстный призыв.

Другая сцена, привлекающая особое внимание поэта, — это картина битвы, воссозданная в рассказе боярина. Немногими исправлениями Жуковский пытается добиться большей динамики действия. Для этого он заменяет все устаревшие глагольные формы с оттенком пассивности глаголами совершенного вида с ярко выраженным действенным началом: «сраженны» — «пали вдруг», «нанесенны» — «растерзана», «коль не явились» — «когда б не бросились», «изумившись ей» — «затрепетал», «российского меча удары сильны, быстры» — «сверкает русский меч; его удары быстры», «сыплют искры» — «струю брызжут искры». С помощью дважды повторяемого наречия «вдруг» автор правки подчеркивает быструю смену картин боя. Одним словом, правка Жуковского придает трагедии большую экспрессивность, тем самым углубляя ее патриотический пафос.

Тщательной правке подвергся и язык трагедии Озерова. В «Конспекте по истории русской литературы» Жуковский прямо подчеркнул устарелость языка Озерова, недостаток изящества и чистоты. Подобные замечания о языке озеровских трагедий привлекли его внимание и в статье Вяземского. Прежде всего он заменяет в тексте трагедии многочисленные архаические формы: «от тягости», «прешли», «пред наш явится стан», «сьединение», «сьединились», «доколе», «почто же», «противу них», «брегись», «нестройствия прервут», «на бедства», «содрогся б и пренес», «простерть», «сотреть», «россов», «воев» и др. Жуковский руководствуется в этих правках нормами современного языка, и здесь он последователен. Нередко для замены архаической формы Жуковский переделывает весь стих. Вот один из примеров: в трех стихах монолога Белозерского (с. 7) Озеров употребляет три устаревшие формы («брегися», «сьединились» и «брегись»). Жуковский для их устранения переделывает почти полностью все 3 стиха: в первом случае убирает совсем устаревшую форму, а в двух других заменяет их на более современные.

Не удовлетворяет Жуковского и неясность многих выражений Озерова, «темное изображение», как сказал один из критиков трагедии «Димитрий Донской» — А. С. Шишков¹⁸. Поэт подвергает правке следующие сочетания, заменяя их более ясными: «отыскивать свободы» — «под знаменем свободы», «беды платить» — «отплаты грозных», «нестройствия прервут» — «раздор свой перервут», «на благодати простерть» — «склонить» и др. Любопытно, что некоторые замечания Шишкова перекликаются с правкой Жуковского. Так, комментируя стихи:

Кипчакская орда, как исполинско бремя,
Лежала в целости на Росских раменах

И рассевала вокруг уныние и страх,

критик Озерова замечает: «Изображения должны быть живы, ясны и, так сказать, тотчас кидаться в глаза; но исполинское бремя, лежащее в целости на раменах и рассеивающее вокруг уныние, есть некое весьма темное изображение» (с. 169). Жуковский именно эти стихи подвергает тщательной правке, добывая ясности смысла. С правками перекликаются и следующие слова Шишкова: «Хотя в стихосложении и весьма трудно избегать от сокращения слов таковых, как съединение, сомненье, вместо соединение, сомнение, однако же надлежит сколько можно от того избегать, а особливо в высокого рода сочинениях. Сии сокращения обессиливают стихи» (с. 168). Любопытно сравнение некоторых правок Жуковского и исправлений, предлагаемых Шишковым:

Озеров	Жуковский	Шишков
«Татары губят, жгут и расхищают нас».	«Татары губят, жгут и в плен уводят нас».	«Расхищают нехорошо, лучше бы разоряют» (с. 169).
«Посольство пред собой решился к нам прислать».	«Посольство прежде к нам решился он прислать».	«Я бы лучше, нежели пред собой, желал наперед» (с. 169).
«Привел я храбрых сонм искать, сражать врагов».	У Жуковского вычеркнуто.	«Здесь глагол искать не усиливает, но ослабляет выражение. Оно бы более имело силы, когда бы сказано было: Карать, разить врагов» (с. 169).
«...но алчные тираны, Едва возникшие, наш угрожают край».	«...но алчные тираны И в самой сей вражде на наш грозятся край».	«Грамматическая строгость требовала бы: нашему угрожают краю» (с. 168).

¹⁸ Сидорова Л. П. Рукописные замечания современника на первом издании трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской». — «Записки Отдела рукописей Всесоюзной б-ки им. В. И. Ленина». Вып. 18, 1956, с. 169. Как убедительно доказывает автор статьи, эти замечания принадлежат А. С. Шишкову. В дальнейшем все сноски на замечания Шишкова даются непосредственно в тексте, с указанием страницы статьи Л. П. Сидоровой.

Это сравнение лишь острее показывает, сколь различны были установки автора правки и критика. Для Шишкова главным было стремление сохранить «чистоту» высокого рода сочинений. Он, например, указывает Озерову на злоупотребление разговорным союзом «чтоб»: «сие **чтоб**, **чтобы** хорошо в простых выражениях, но в возвышенных не годится» (с. 167). Низким, простонародным он считает вводное слово «наверное»: «Наверное, или еще хуже наверное б, есть самое простонародное выражение. Он меня, наверное, обманул есть почти такая же площадная речь, как он меня на фуфу поддел. Неужели же и это в трагедии можно говорить» (с. 167). Последние слова во многом определяют позицию Шишкова. Жуковский ведет правку совершенно с иных позиций: он оставляет в трагедии без изменения все то, что кажется Шишкову «площадной речью». Он даже добавляет союз «чтоб», вводные слова «знать», «верно б». Не отвечают высокому стилю и такие выражения и слова, введенные Жуковским в процессе правки: «знать, ужаснулся он и впал в недоуменье», «русским на беду», «скажи ж», «напрасно силится ордынец», «прочел у вас в глазах» и др. Поэт добивается не высоты стиля, а точности психологических характеристик, динамики действия.

В правке языка озеровской трагедии Жуковский, нередко сближаясь с Шишковым в частных замечаниях, тем не менее руководствуется другой целью. Конечно, он не требует, как Шишков, строгого соблюдения церковнославянских форм, не добивается высоты стиля. Он ориентируется не на образцы классицистической трагедии (для Шишкова такими образцами были трагедии Ломоносова и Сумарокова), а своей правкой пытается создать на основе озеровского «Дмитрия Донского» русскую историческую трагедию, отвечающую требованиям современности.

К сожалению, не представляется пока возможным точно датировать правку Жуковского в тексте озеровской трагедии. Никаких прямых указаний на эту работу обнаружить не удалось. Но целый ряд фактов дает косвенные свидетельства. Во-первых, само обращение Жуковского к героической эпохе борьбы с татарским игом, к образу Дмитрия Донского в этот период представляется не случайным. В своих размышлениях о русской истории он особенно интересуется периодом раздробления и междоусобиц, пытаясь понять драматизм эпохи и особенности страстей. Еще в 1816 году в черновых заметках о характере русской поэзии и ее связи с историей Жуковский среди «предметов», которыми следует заняться, называет имя Дмитрия Донского¹⁹. В 1834 году Жуковский работает над «Чертами истории Государства Рос-

¹⁹ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 26, л. 26 об.

сийского», где пытается осмыслить, «что был сей народ прежде, чем он теперь, и к чему может достигнуть, пользуясь своею нравственною силою и всеми богатствами, которыми изобилуют обширные страны, ему подвластные»²⁰.

Особое внимание Жуковский в этой работе уделяет периоду татарского ига. Он подробно исследует причины этого «позора», пытаюсь понять, что же «низвергло отечество наше в сие долговременное рабство»²¹. Исследование Жуковского обрывается как раз на событиях, описанных в озеровской трагедии. Должен был на страницах «Черт истории Государства Российского» появиться Димитрий Донской. Возможно, правку Жуковского в трагедии Озерова следует рассматривать как своеобразный поэтический эпилог к историческому очерку. В период общего увлечения «смутным временем» и фигурой политического авантюриста Дмитрия Самозванца Жуковский обращается к эпохе освобождения России от иноземного ига, к героической личности Димитрия Донского.

Во-вторых, сходство почерков и характера правки в «Димитрии Донском» и «Осаде Пскова» (1834), участие Жуковского в создании либретто первой русской национальной оперы «Иван Сусанин» (1834), общий интерес поэта к русской исторической трагедии в середине 30-х годов — все это позволяет предположительно датировать правку Жуковского в собрании сочинений Озерова (издание 1828 года) периодом 1828—1834 гг. и рассматривать ее как своеобразную лабораторную работу поэта²². Эта работа была непосредственно связана с размышлениями Жуковского о русской истории и русской исторической трагедии, о материалах для нее, о ее поэтике и патриотическом пафосе. Правка Жуковского в тексте трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской» представляет интерес для уточнения как некоторых вопросов творческой эволюции поэта, так и для уяснения его позиции в историко-литературном процессе 1830-х годов.

²⁰ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений под ред. А. С. Архангельского, т. 10, СПб., 1902, с. 32.

²¹ Там же, с. 50.

²² Можно предположить, что эта работа вряд ли проходила во время заграничных путешествий: книга такого формата (35×26 см) и объема (440 страниц) была неудобна для работы в дороге. Если учесть, что в течение этого периода (1828—1834) Жуковский два раза был за границей (май—июнь 1829 г., июнь 1832 — сентябрь 1833), то время правки можно еще ограничить.

Часть II

В. А. ЖУКОВСКИЙ
И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

*(Вновь открытые переводы
Жуковского)*

Глава первая

В. А. ЖУКОВСКИЙ — ЧИТАТЕЛЬ И ПЕРЕВОДЧИК ГЕРДЕРА

ЖУКОВСКИЙ — ЧИТАТЕЛЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАБОТ ГЕРДЕРА

I

Эстетические воззрения В. А. Жуковского изучены крайне недостаточно. Статей и заметок, посвященных эстетическим проблемам, поэт оставил нам очень мало, и все они относятся к раннему периоду его творчества. Фактически последняя печатная критическая статья датирована 1810 годом, само же творчество Жуковского продолжалось еще четыре десятилетия, на протяжении которых, вне сомнения, менялись не только внешние события, не только эволюционировала литературная жизнь России, но менялся и характер жизни и творчества самого поэта.

Жуковский имел обширную переписку, периодически вел дневник. Однако дневник, кстати далеко не полностью сохранившийся, в большей своей части носит суховатый, констатирующий характер, особенно в поздние годы, когда поэт делает в нем лишь заметки «для памяти». Придворная жизнь не оставляет времени для более подробных записей. «Я веду журнал, то есть записываю для бедной моей памяти то, что каждый день случается в немногих словах, как ни попало карандашом, пером, полными фразами или только знаками», — пишет Жуковский великой княгине Марии Николаевне¹. И, наверное, не только в этом было дело. Не всегда стоило предавать бумаге свои суждения. Это же относится и к письмам, которые порою не доходили до адресата. Иногда публично высказать в печати свои взгляды на литературу мешали особенности характера, желание быть в стороне от борьбы. «Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы все молчали», — пишет он А. П. Елагинной в ноябре 1815 года².

Поэтому мы, как правило, не имеем его прямых высказываний по поводу тех или иных литературных споров того вре-

¹ Жуковский В. А. Сочинения. Изд. 8. Т. VI, с. 603.

² «Уткинский сборник». I. М., 1904, с. 18.

мени, не знаем его позиции в них. Ставшая хрестоматийной фраза из «Камознса»: «Поэзия есть бог в святых мечтах земли», как и некоторые другие ей подобные, представляет собой своего рода романтический штамп и далеко не раскрывает сущности эстетических воззрений Жуковского, тем более, что и само понятие «бог» у Жуковского в разные годы далеко не однозначно³.

Короче говоря, материалы о мировоззрении и эстетике Жуковского ждут еще своего исследования⁴. Но собирать эти материалы приходится по крупицам, обращаясь часто ко всякого рода косвенным источникам. К числу таких источников относится и изучение того, что читал, как читал и какие заметки о прочитанном делал для себя поэт.

Следует сразу отметить, что особенно в ранний период деятельности Жуковский придавал большое значение чтению и осмыслению прочитанного. Об этом говорят и библиотека поэта, и обширные архивные материалы, в частности, те, где речь идет о своего рода «программе для самообразования», о его «Росписи всякого рода лучших книг и сочинений...» и соседствующем с нею плане ведения выписок из прочитанного. Так, на одном из архивных листов значится: «Il faut avoir un livre pour inscrire tous le phrases moral en prose ou en vers, qui puissent servir de principes de morale.

Завести книги:

1. Для собственных замечаний во время чтения, для записи всего, что встречается достойного примечания; для разных мыслей.
2. Для выписывания разных пассажей из читаемых авторов.
3. Для журнала чтения или экстрактов.
4. Для отдельных моральных изречений... Всего на все книг иметь 11»⁵.

Были ли заведены все 11 тетрадей — не известно. Но «экстракты» делались, выписки тоже. Привычка читать с карандашом или пером в руке сохранилась на всю жизнь. Библиотека Жуковского хранит в себе следы внимательного и целенаправленного чтения ее владельца.

Книги И. Г. Гердера в библиотеке Жуковского представлены достаточно полно. Так, среди книг, имеющихся в фон-

³ См., например, его запись в дневнике от 28/X 1817 г. — В кн.: Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1901, с. 55.

⁴ Отсутствие ясности в этих вопросах привело к тому, в частности, что в хрестоматии «Русские писатели о литературном труде» (Л., 1955. Т. I—III) для Жуковского не нашлось места.

⁵ ПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 79, л. 5 (об.).

де Томской библиотеки, находится собрание сочинений Гердера в 33 томах⁶, издание его стихотворений⁷, а также отдельное издание «Сида», памятника испанского героического эпоса, собранного, обработанного и переведенного на немецкий язык Гердером⁸. В части библиотеки Жуковского, хранящейся в Пушкинском доме, помимо этого имеется еще одно более позднее, великолепно оформленное издание этого же произведения⁹. Данное издание, а также отдельное издание стихотворений немецкого просветителя пометок и надписей Жуковского не содержат. Зато Собрание сочинений и отдельное издание «Сида» 1820 года дает богатый материал, позволяющий судить как о некоторых моментах в эстетике Жуковского, так и о характере его переводческой деятельности.

Прежде всего обратимся к Собранию сочинений Гердера в 33 томах. Это сравнительно раннее издание было приобретено Жуковским, видимо, между 1812 и 1816 годами. Почему именно в этот период?

Имя Гердера было известно Жуковскому с первых шагов его поэтической деятельности, а в относящейся к 1805 году «Росписи...» имя Гердера упомянуто несколько раз. Труды его Жуковский считал образцовыми и полагал необходимым знакомиться с ними при изучении метафизики и логики, куда он включает Gott von Herder¹⁰; эстетики, грамматики, риторики и пиитики, где рядом с Theorie der schönen Künste von Eschenburg включен Geist der Hebräischen Poesie von Herder; в разделе «Смесь» вновь фигурируют труды Гердера.

Приблизительно к 1810 году относится начало работы Жуковского над поэмой «Владимир», и среди материалов к «Владимиру», в списках того, что нужно прочесть, названо и имя Гердера: «Гердер. Легенды. Сказания», — записывает Жуковский¹¹.

Когда речь заходит о лучших современных поэтах, создателях гимнов, Жуковский вновь называет имя Гердера. Правда, на сей раз имя Гердера он повторяет вслед за Эшенбургом, из эстетических трудов которого делает «экстракты».

Во всех вышеназванных случаях речь идет о том, что поэт *намеревается* сделать, с чем намеревается ознакомиться. Однако ни в ранней переписке поэта, ни в его дневниковых записях, где, как правило, говорится о том, что уже *делается* или уже проделано поэтом, имя Гердера как автора,

⁶ Herder J. G. Sämmtliche Werke... Tübingen, 1805—1810.

⁷ Herder J. G. Gedichte... Stuttgart, 1817.

⁸ Herder J. G. Der Cid. Nach spanischen Romanzen... Stuttgart, 1820.

⁹ Herder J. G. Der Cid. Nach spanischen Romanzen... Stuttgart, 1838.

¹⁰ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 79, л. 1.

¹¹ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 77, л. 24 (об.).

с творчеством или отдельными произведениями которого Жуковский познакомился, не упоминается.

Наиболее раннее упоминание имени Гердера в переписке мы находим в послании Жуковского А. И. Тургеневу от 4 декабря 1810 года. Жуковский пишет другу: «Нет ли у тебя Geist der Hebräischen Poesie von Herder? и Саконталу желал бы прочесть»¹². Через полгода с аналогичной просьбой обращается поэт к С. С. Уварову: «Возвращаю с благодарностью вашего Гете. Позвольте вам напомнить, что вы обещали мне прислать... гердерову книгу: «Geist der Hebräischen Poesie»¹³.

Следовательно, ни в 1810, ни в середине 1811 года у Жуковского нет еще сколько-нибудь полного собрания сочинений Гердера.

В то же время известно, что в конце 1815 года на 4-м и 6-м заседаниях «Арзамаса», где Гердера называют «германским арзамасцем», Д. В. Дашков читал перед собравшимися переводы «Парамифий» Гердера¹⁴, а на середине 1816 года было намечено, что Жуковский даст в «Арзамас» переводы из Гете, Гердера, Шиллера, Гебеля, Шлегеля и др.¹⁵. И действительно, к 1816 году относятся 3 перевода Жуковского из Гебеля, 6 — из Уланда. В письме А. И. Тургеневу 21 октября 1816 года он пишет: «Между тем написал, то есть перевел с немецкого, пиесу под титулом «Овсяный кисель»; не думай, чтобы этот кисель был для Арзамаса; нет, но надеюсь, что он покажется вкусным для Арзамасцев...»¹⁶. А к началу 1817 г. относится письмо Н. М. Карамзина Жуковскому, в котором он благодарит поэта за присылку ему книги немецкого просветителя: «Благодарю за Гердера. В третий раз я с удовольствием прочитал эту книжку, но, к сожалению, более рассуждал, нежели чувствовал: следовательно менее наслаждался... Трудно говорить о неизглаголанном, а между тем хочется говорить, слушать...»¹⁷. К 1817 году относится и письмо Жуковского Д. В. Дашкову¹⁸, в котором он говорит о намерении издавать ежегодно по 2 книжки, одна из которых «должна состоять вся из одних русских сочинений в стихах и прозе (переводы в стихах позволяются); другая должна быть не что иное, как собрание переводов из образцовых немецких писателей, также в стихах и прозе». И в приводимом далее плане 2-й книжки, составлен-

¹² Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., «Русский архив», 1895, с. 88.

¹³ Жуковский В. А. Неизданные письма. БМГ, с. 12—13.

¹⁴ «Арзамас» и арзамасские протоколы, Л., 1933, с. 39.

¹⁵ Там же, с. 70.

¹⁶ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 164.

¹⁷ «Русский архив», 1869, № 9, с. 1385—1386. Можно предполагать, что речь идет о произведении Гердера «Бог».

¹⁸ «Русский архив», 1868, № 4—5, с. 837—843.

ной из произведений Гете, Гердера, Шиллера, Тика, Ламот Фуке, Гебеля и многих других, Жуковский указывает, что из Гердера он намерен включить: «Paramifien. Über Volkssagen. Über Legenden. Über Wissen und Nichtwissen der Zukunft. Blike in die Zukunft. Über das Schicksal. Из Адрастей». Тут же Жуковский замечает, что Гердер у него «полный». То есть, судя по всему, именно к началу 1817 года у Жуковского уже было сохранившееся в Томской библиотеке 33-томное собрание сочинений Гердера.

Данное издание как бы распадается на 3 самостоятельные части. Первую часть составляют произведения, объединенные общим названием «Zur Philosophie und Geschichte», вторую — «Zur schönen Literatur und Kunst» и последняя — «Zur Religion und Theologie». Первая часть включает в себя 12, вторая — 11 и третья — 10 томов.

Судя по всему, в период ознакомления поэта с данным собранием сочинений его менее всего волновали религиозные и богословские проблемы. Во всяком случае, последние 10-томов никаких пометок Жуковского не содержат. В то время как вся библиотека поэта свидетельствует о привычке владельца при чтении делать заметки в тексте.

II

Среди работ, включенных в раздел «Zur Philosophie und Geschichte», наибольший интерес поэта вызвали труды Гердера по вопросам языка, связанные, как известно, у него с общеэстетическими проблемами.

Жуковский очень внимательно читает во II томе¹⁹ «Трактат о происхождении языка «Preisschrift über den Ursprung der Sprache» и не только делает в тексте многочисленные пометки, но и пишет на полях несколько своих замечаний. В тексте содержатся пометки трех родов: большинство из них представляет собой *подчеркивания* отдельных слов, фраз или даже целых абзацев; кроме того, на полях прямой или волнистой чертой сделаны *отчеркивания*. Если в первом случае может быть подчеркнута не вся фраза, а лишь главные, опорные слова в ней, то вертикальной (прямой или волнистой) чертой отмечается всегда целостный кусок.

Ознакомившись с общим характером пометок и надписей в библиотеке Жуковского, можно утверждать, что работа Гердера о языке воспринята им в глубоко положительном плане. В ней нет ни вопросов на полях, ни полемических

¹⁹ Herder J. G. Sämmtliche Werke... Tübingen, 1805—1810. В. II, S. 7. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

надписей, которыми в ряде случаев сопровождает поэт чтение некоторых книг. Подчеркивания в работе Гердера о языке носят тот же характер, что и в работах Эшенбурга, из которого Жуковский делал так называемые «экстракты», т. е. составлял своеобразный конспект-выписку на основании предварительно подчеркнутых опорных моментов в тексте книги. Другими словами, Жуковский разделяет или во всяком случае принимает к сведению основные мысли глубоко полемичной боевой работы Гердера о естественном, а не божественном происхождении языка.

Начав подчеркивать с первой фразы: «Уже как животное человек обладает языком» («Schon als Thier hat der Mensch Sprache»), Жуковский продолжает выделять эту мысль на протяжении всего чтения.

Столь же последовательно выделяет Жуковский в тексте гердеровской работы и другую, очень важную мысль о существовании глубоких различий между животными и человеком, мысль, полемично направленную против Кондильяка, не видевшего принципиальной разницы между животным миром и людьми. Гердер указывает, что в отличие от животных, действующих согласно инстинкту и проявляющих себя в очень узкой сфере деятельности, человек, наделенный от природы «смышленностью» (Besonnenheit), универсален, сфера его деятельности значительно шире, он обладает способностью преобразовывать окружающий мир. И Жуковский при чтении выделяет именно эти мысли. Он подчеркивает: *«Каждое животное имеет свой круг, к которому оно принадлежит с рождения... Человек обладает не такой однообразной и узкой сферой... Его сознание и организация развиты не ни чем-то одним... Таким образом, чем уже сфера деятельности животного, тем менее имеет оно потребности в языке... Но чем шире круг деятельности, тем разнообразнее их сознание. Но зачем повторяться? Картина совершенно меняется, если речь идет о человеке...»* (II, 30, 32, 33). Отсюда, по мнению Гердера, следует (и именно это подчеркивает при чтении поэт), что язык человека не может быть приравнен к крикам животного: *«Пчела жужжит так же, как она берет взятки. птица поет так же, как и гнездится. Но как от природы говорит человек? Почти никак! Так же, как он мало или совсем ничего не делает по врожденному инстинкту, как то свойственно животному»* (II, 34). И как бы подводя итог прочитанной части работы, Жуковский на свободной части 35-й страницы делает своеобразное резюме:

«Человек говорит, когда входит в общение.

— подает звук, когда имеет просто ощущение.

Нужда ощущений <прзб.>».

Дальнейшая часть работы Гердера посвящена рассуждению о самом процессе образования языка у человека, кото-

рый, по мнению автора, рождается из способности человека «добровольно» (freiwillig), по собственному желанию сосредоточить свое внимание на отдельных образах внешнего мира и выделить этот образ в качестве «приметы» (Merkmal) того или иного предмета. *«Эта первая сознательная примета была словом души! Вместе с тем сотворен был язык человека!»* (II, 47) — подчеркивает мысль Гердера Жуковский.

Именно в таком плане — в плане тщательного прочтения идут и дальнейшие пометки в работе о языке. Они, на наш взгляд, как и некоторые надписи, сделанные на полях и форзацах II тома, представляют интерес как свидетельство внимательного и вдумчивого изучения поэтом одного из интереснейших и наиболее новаторских для своего времени трудов немецкого просветителя.

Несколько иной характер носят страницы или отдельные абзацы, помеченные Жуковским вертикальной прямой чертой. Этим пометок значительно меньше. Но, если в случае подчеркивания мы имеем дело с выделением в тексте каких-то главных, опорных мыслей, выражений, слов, важных прежде всего для самого Гердера как автора трактата о происхождении языка, то вертикальной чертой Жуковский-читатель выделяет только целостные мысли, касающиеся *общественной* сущности языка как *средства передачи человеческих эмоций и определенных идей*, то есть то, что, судя по всему, особенно (и вне зависимости от Гердера) интересовало самого Жуковского. Как свидетельствуют некоторые архивные материалы, мысли, отмеченные в текстах различных авторов таким образом, Жуковский часто выписывал целиком и заносил обычно в раздел «отрывки» или «выписки» в отличие от «экстрактов», представляющих собой сжатый конспект того или иного труда.

Так, Жуковскому очень близка мысль о необходимости *передавать* чувства, настроения, думы в слове. Язык, по мнению поэта, должен прежде всего служить для *передачи* эмоций от одного индивидуума к другому. И он отмечает для себя у Гердера: *«Чувствовать не только для себя, но в звуках выражать свое чувство!»* (II, 8). И, подчеркнув гердеровскую мысль о том, что всякое живое существо в минуту страданий или радости издает звук, способный вызвать сочувствие у другого, ему подобного, Жуковский вновь помечает для себя: *«Эти вздохи, эти звуки — не что иное, как язык; существует язык чувств, как закон самой природы»* (II, 9). Поэтому очень близка мысль немецкого автора о том, что язык есть «результат соглашения, которое душа его (человека. — Н. Р.) заключила сама с собою», то есть мысль о рождении языка в результате специфического, свойственного только человеческому организму, развития психической деятельности. Поэтому он, наряду с подчеркиванием,

помечает вертикальной чертой всю 51-ю страницу во II томе. И если язык явился результатом развития человеческой души, то незачем искать источник его происхождения на небесах. Божественный источник не мог породить языка человеческого (пометки на с. 181—182). И поскольку душа человеческого, «заключившая сама с собой соглашение», не может без языка быть тем, что она есть, то *«будут все состояния человеческого рассудка языковыми; цепь мыслей будет цепью слов»*. Все подвластное разуму может быть выражено в слове (II, 126). Но для точной передачи ощущений нужно не только найти точное слово, но и точный звук, мелодию, которая позволит передать иногда смутное, неясное ощущение.

Язык не есть нечто застывшее и неизменное. Он меняется на протяжении веков в зависимости от природных условий, от круга, в котором вращается человек: *«Появляется житель Земли. И как следствие появляется его язык: язык Земли. Новый для каждого нового мира, национальный язык у каждой нации. На круглой поверхности язык становится Протеем»* (II, 127).

Помимо указанных двух родов пометок в книгах Гердера и, в частности, в работе о языке встречаются еще и пометки в виде волнистой вертикальной линии. Таких пометок немного. Можно предположить, что выделенные таким образом мысли не полностью удовлетворили Жуковского-читателя, показались ему спорными, недостаточно убедительными.

Так, на с. 169 II тома (трактат о языке) Жуковский, видимо, не совсем согласен с Гердером, который пишет: *«Как велик язык с этой точки зрения! Сокровищница человеческих мыслей, куда каждый вносит нечто свое, сумма деятельности всех человеческих душ»*. Быть может, Жуковскому эта мысль показалась противоречащей другому гердеровскому же высказыванию, приведенному Жуковским в «Собирателе» в разделе «Выписки»: *«Язык, орудие ума, есть в то же время и теснейшая связь человека с человеком. Слово дало человеку его достоинство, обуздав его страсти. Не лира Амфириона создала грады; не талисман волшебный преобразил пустыни в сады цветущие — но сила слова: оно созвало людей в общество, соединило семейства, установило законы»*²⁰.

Вероятно, по той же причине волнистой чертой отчеркивает Жуковский и другое высказывание о языке, единственное, отмеченное им в работе Гердера «Fragmente zur Deutschen Literatur» в первом его разделе: *«Я добавлю еще, что не художник, а труженик (Arbeiter) является первым, кто приспособливает (anzupasset) собственной рукой язык*

²⁰ «Собиратель», № 2, 1829, с. 22. Текст дан в переводе, видимо, самого Жуковского.

к каждому стилю так, что они кажутся произрастающими вместе» (XIII,4). Мысль Гердера заострена полемически, и несколькими строками ниже он просто заявляет, что филологи и преподаватели (Sprach- und Schulmeister) — первые, кто портит язык (verderben), ослабляет и обезображивает (verunstaltet) его.

Данный полемический выпад Гердера направлен против ориентированной на классические образцы литературы, против поэтов, стремящихся «украсить» свои произведения, освободить их от «грубых», простонародных выражений. Демократическая направленность взглядов автора выражена здесь явно и недвусмысленно. Жуковский же при всей своей симпатии к фольклорным, народным сюжетам, при всей своей любви к Бюргеру за «привлекательную простонародность и живость его языка» все же отдает некоторое предпочтение Шиллеру, «более философу», язык которого «благороднее и приятнее»²¹. Вся эстетика Жуковского, вся история его ранних переводов (в частности, из Бюргера) свидетельствует о стремлении поэта несколько облагородить язык, сделать его более литературным. Как справедливо заметил Пушкин, «Людмила» Жуковского есть «неверное и прелестное подражание», в котором автор «ослабил дух и формы своего образца»²². То есть Жуковский и в теории и на практике часто придерживается взглядов, принципиально отличных от приведенных высказываний Гердера. Отсюда понятно и определенное несогласие Жуковского-читателя гердеровских трудов.

В первой части гердеровского собрания сочинений («Zur Philosophie und Geschichte») пометки содержатся еще в 2-х работах. Так, в 1-й книге III тома в главе, названной автором «Unsere Erde ist ein Stern unter Sternen», на полях 6-й, 7-й и 8-й страниц вертикальной чертой помечена довольно значительная часть текста, представляющая собой своеобразный гимн в честь Матери-Земли, в честь людей, таких, какими их создала природа с ее изменяемыми, но вечными законами. Какое место занимает человек в этом мире? Чем он в нем может быть («...Was ich auf dieser Stelle seyn soll und vermuthlich nur auf ihr seyn kann?»)?

Весь отрывок, отмеченный Жуковским, довольно обширен. И завершается он следующими строками: *«Сила, которая во мне мыслит и действует, есть сама природа в своей столь вечной Силе, как та, которая держит и Солнце и Звезды. Ее орудия могут притупиться, сфера ее действия может стать*

²¹ См. письмо Жуковского в кн.: Зейдлиц К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. СПб., 1883, с. 39—40.

²² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 6 томах. Изд. «Академия», т. V, М.—Л., 1936, с. 77.

иной, как ветшает Земля и меняют свое место звезды. Но законы, по которым она существует и в других формах явятся снова, никогда не меняются... Где бы и кем бы я ни был, буду я тем, что и теперь — силой в системе всех сил, существом в необозримой гармонии Божественного мира» (III, 7—8). Можно предполагать, что весь отмеченный текст Жуковский выписывал, как и другие отрывки, с намерением использовать их в будущем для составления какой-либо хрестоматии, в том числе и с дидактической целью. Такого рода хрестоматией, на наш взгляд, является не только известный журнал «Für wenige», но и «Собиратель», два номера которого вышли в 1829 году, и «Муравейник», изданный в 1831 году.

И в «Собиратель», и в «Муравейник» вошли в оригинале или переводе отрывки из произведений Гердера. Так, из гердеровских произведений в первый номер «Собирателя» включены два «Отрывка», прозаический перевод Жуковского «Смерти Адама», а также даны без перевода гердеровские стихотворения «Herodot» и Ein Räthsel der Sappho». Оба стихотворения взяты из XXI тома сочинений Гердера, где они напечатаны на с. 95. Аналогичную картину находим и во 2-м номере, где приводятся два прозаичных «Отрывка» из Гердера и стихотворение «Homer» из XXI тома прозаических сочинений. В архиве Жуковского²³, в так называемых «Материалах к «Собирателю» (кстати, очень немногочисленных) содержится еще один перевод из Гердера, не вошедший в печатный текст издания, озаглавленный «Свет и Любовь».

Но вернемся к отрывку из гердеровской главы «Unser Erde ist ein Stern unter Sternen». Если он намечался Жуковским для «Собирателя», то по каким причинам не был использован? Не подошел по тематике? Нет. Тема его вполне соответствует разделу первого номера «Взгляд на мир и человека». Но в этом разделе Жуковский поместил другой отрывок, данный без подписи, в переводе, из какого-то французского сочинения. По содержанию он близок той части работы Гердера, которая была отчеркнута Жуковским. «Чем ближе планета к солнцу, тем сильнее на нее действие солнца, тем она от него зависимее...» — пишет автор. И вся I глава работы Гердера также подчинена мысли о единстве законов Вселенной, о зависимости Земли от Солнца, от которого она получает свет, тепло, жизнь и развитие («...von der sie Licht, Wärme, Leben und Gedeihen erhält»). Завершается же гердеровский отрывок прославлением необозримой гармонии Божественного мира. Гердеровский отрывок, если так можно выразиться, носит более «языческий характер». Вечная сила («eine ewige Kraft»), которой подчиняется вся Вселенная, носит у него несколько неопределенный характер.

²³ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 125, л. 2.

По всей вероятности, эта работа Гердера читалась Жуковским задолго до того, как он приступил к составлению «Собирателя». Вполне возможно, что именно в то время, когда для него самого понятие Бог имело не столько религиозный, сколько этический и эстетический характер, когда он писал в дневнике: «Все прекрасное родня. Каждое прекрасное чувство все оживляет в душе: дружбу, поэзию; и все это сливается в одно: Бог. Я бы каждое прекрасное чувство назвал Богом. Оно есть Его видимый или слышимый, или чувствуемый образ»²⁴. Данная запись датирована 28 октября 1817 года. К моменту же составления «Собирателя», когда Жуковскому пришлось пережить целый ряд тягчайших ударов судьбы, после смерти Марии Андреевны и Александры Андреевны Протасовых во взглядах его наблюдается перелом. И отрывок из французского автора, завершающийся словами: «И все правила нашей жизни заключаются в одном слове да будет Твоя воля!» — показался ему более приемлемым и более соответствующим дидактическим целям.

И наконец, последнее замечание, касающееся трудов Гердера по философии и истории человечества, относится к работе «*Postscenien zur Geschichte der Menschheit*» (VII). Интересно, что к этой работе Жуковский, видимо, обращался неоднократно, ибо пометки в оглавлении тома делались и карандашом (как во всех остальных томах данного издания), и чернилами.

Книга содержит 7 разделов, поименованных в оглавлении: I. Собственная судьба; II. Тайна истории; III. О знании и предвидении; IV. О человеческом бессмертии; V. Взгляд в будущее; VI. Предвидение собственного будущего; VII. Дополнение. О взаимном влиянии управления и науки. Наименования всех этих разделов в оглавлении подчеркнуты карандашом. III и VI разделы имеют подзаголовки (каждый по три), два из которых (в VI разделе) также подчеркнуты Жуковским. Это — «Палингенезия» и «О переселении душ». Помимо того, I, III и V разделы, а также 2-й подзаголовок II раздела («О знании и незнании будущего») помечены черными чернилами.

Можно утверждать, что, по крайней мере, первоначальное обращение Жуковского к данному тому относится к 1817 году. Об этом можно судить по уже упоминавшемуся письму Жуковского Д. В. Дашкову, где он излагает план издания перевода из образцовых немецких писателей. В числе других прозаических произведений он указывает: «Гердер... *Über Wissen und Nichtwissen der Zukunft, Blicke in die Zukunft, Über das Schicksal*». И в конце письма: «Можно будет: две

²⁴ Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1901, с. 55.

сказки из Фуке и Тика, о Судьбе из Гердера...»²⁵. То есть Жуковский намеревается включить в «немецкую книжку» все те разделы, которые помечены им дважды.

Как свидетельствует все то же письмо, делать переводы из гердеровской прозы Жуковский предлагал Дашкову. Однако выбор материала, который должен войти в сборник, он определял сам.

III

Значительный интерес представляет характер прочтения Жуковским гердеровских работ по истории поэзии. Так, XIX том гердеровского собрания сочинений из библиотеки Жуковского включает 3 известные работы Гердера: «Об Оссиане и песнях древних народов. Извлечения из переписки» («Über Ossian und die Lieder alter Völker. Auszug aus einigen Briefen»), «Сходство средневековой английской и немецкой поэзии» («Ähnlichkeit der mittlern englischen und deutschen Dichtkunst») и «Предисловие к народным песням» («Vorrede zu den Volksliedern und der Zeugnung»).

Читая эти работы, Жуковский *отчеркивает* на полях отдельные абзацы, а иногда и целые страницы текста, где выражены мысли, близкие самому Жуковскому, мысли, которые в ряде случаев могут быть соотнесены с его собственными высказываниями, с его собственными эстетическими воззрениями и которые он в ряде случаев считал необходимым выписать и использовать в оригинале или в переводе в своих хрестоматиях типа «Собирателя».

Что же привлекает внимание Жуковского в вышеназванных работах Гердера? Статья «Об Оссиане и песнях древних народов» состоит из 12 небольших разделов, соответствующих отдельным «письмам», обращенным к немецкому писателю Г. В. Герстенбергу. Первые 8 из них посвящены рассуждениям о характере и стиле народных песен и о возможности перевода их с одного языка на другой. Речь здесь идет главным образом о конкретных произведениях народной поэзии и о характере их передачи такими поэтами, как Денис и Клопшток. Это конкретное рассмотрение материала особенного внимания Жуковского, видимо, не привлекает. И в этой части работы Жуковский выделяет для себя только одну (но какую!) мысль — мысль о необходимости при переводе передавать *общий тон* переводимого произведения. Этот общий тон, по мнению Гердера, заключается в интонации, ритме, мелодии, материализующих внутренний смысл произведения. При чтении этой части работы Жуковский *трижды* (что вообще делает крайне редко) отчеркивает

²⁵ «Русский архив», 1868, № 4—5, с. 841, 843.

на полях следующие строки: «...переводите все, что вы хотите и как угодно красиво, пренебрегая, однако, общим тоном песни и посмотрите, что у вас получится!» (XIX,8)²⁶.

Это особое выделение поэтом данной мысли Гердера весьма важно. Дело в том, что, как известно, Жуковский-переводчик на протяжении своей многолетней деятельности постепенно эволюционировал. И если в статье 1809 года «О басне и баснях Крылова» он утверждал, что «переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах — соперник... Что же обязан делать переводчик? Находить у себя в воображении такие красоты, которые бы могли служить заменю, следовательно, производить собственное равно и превосходное»²⁷, то уже через год в статье 1810 года «Разбор трагедии «Радомист и Зенобия», переведенной С. Висковатовым», Жуковский делает акцент на обязанности со стороны переводчика не «производить собственное, равно превосходное», а на необходимости ощущать «в душе своей тот пламень, которым наполнена душа моего поэта, видимая в его сочинении»²⁸. Теперь он называет переводчика творцом оригинальным лишь «в некотором смысле», требует от него, чтобы он, оставаясь творцом выражений, «наполнился идеалом автора» и добивался того, чтобы «стих переведенный такое же производил на душу читателя впечатление в целом, как и стих оригинальный»²⁹. И действительно, в дальнейшем романтический принцип свободной передачи переводчиком текста оригинала (часто даже без указания переводимого автора) не мог не претерпевать изменений под влиянием зарождавшихся в русской литературе реалистических тенденций. И сама идея необходимости более точного, более близкого подлиннику перевода уже, так сказать, носилась в воздухе. Сам Жуковский сформулирует ее значительно позднее. Но то, что еще не было сформулировано Жуковским, выражено уже в письме П. А. Вяземского А. И. Тургеневу: «...Байрону подражать не можно, переводы буквально или не принимайся... Передай все дикие крики его сердца; не подливай масла в яд, который он иногда из себя выбрасывает; беснуйся, как и он, в поэтическом исступлении. Я боюсь за Жуковского: он станет девствовать, а никто не в силах, как он, выразить Байрона. Пусть начнет

²⁶ В данном и во всех последующих случаях перевод статей из XIX тома сочинений Гердера дается по книге: Гердер И.-Г. Избранные сочинения. М.—Л., 1958.

²⁷ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений в 12 томах, под ред. А. С. Архангельского. СПб., 1902. Т. IX, с. 73, 74.

²⁸ Там же, с. 122.

²⁹ Там же, с. 127.

с четвертой песни «Пилигрима»; но только слово в слово, или я читать не буду»³⁰.

Собственная переводческая практика Жуковского, вне зависимости от наличия прямых высказываний, идет, как мы попытаемся показать позднее, именно в этом же направлении. И именно поэтому при чтении гердеровской работы (очевидно, в 1816—1817 году) он обращает внимание на требование Гердера сохранить в переводе сам дух, «тон» подлинника.

В дальнейшем пометки Жуковского появляются только с 9-й части, где речь идет уже не столько о древних песнях немецких и английских, а о литературе нового времени и о ее современном состоянии, а также об отношении современного читающего общества к произведениям прошлого. Гердер говорит о существующих, по его мнению, двух типах поэтического творчества, равно имеющих право на существование. К первому он относит Мильтона, Э.-Х. Клейста. Это поэты, для которых движущей пружиной творчества является глубоко продуманная, выношенная мысль, требующая столь же строгого и композиционно четкого воплощения.

Ко второму типу творчества Гердер относит поэтов, как ему кажется, творящих по наитию, только в минуты особого душевного подъема. Произведения этих авторов — свободное, нестесненное изливание чувств. К этому роду поэтов Гердер относит Клопштока, Глейма и Якоби. Виланд и Герстенберг, как кажется Гердеру, стремятся как истинные таланты связать оба типа творчества.

Эти общие рассуждения Гердера о типах творчества и выделяет для себя Жуковский: *«Думается мне, что имея ввиду нынешнее состояние нашего поэтического искусства, мы можем различить два основных случая: Если поэт сознает, что преобладающими чертами его дарования являются способность представления и мысли или что именно эти черты необходимы для избранных им предмета и поэтического жанра, он должен тогда предварительно так всесторонне обдумать и этот предмет и содержание своего стихотворения, так ясно и отчетливо охватить мыслью и расположить свой материал, чтобы каждое слово как бы заранее врезалось в его сознание; и тогда его стихотворение будет прямым и полным отпечатком его мысли. Если же задуманное им произведение требует свободного изложения страсти и чувства и если именно эти душевные силы представляют основную и самую действенную пружину его дарования, без чего поэт не может творить, тогда охваченный творческим огнем, он всецело отдается счастливой минуте вдохновения, пишет и чарует мир» (XIX, 26—27).*

³⁰ Вяземский П. А. Письмо А. И. Тургеневу 1 ноября 1819 года. — В кн.: Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. СПб., 1899, с. 343.

Вопрос о типах художественного творчества волновал как самого Жуковского, так и поэтов его времени. Как сторонник сентиментального и романтического направлений, Жуковский отдавал предпочтение второму типу — тому, в котором, как он полагал, преобладает полет свободного поэтического вдохновения. Так, в ранний период он отдает предпочтение Бюргеру перед Шиллером на том основании, в частности, что Шиллер «более философ», а Бюргер — «простой повествователь». В эти же годы он неодобрительно отзывался о немецком поэте Бутервеке за то, что он «более философ, нежели поэт. Стихотворец делает из мыслей чувства и картины, а он из картин и чувств делает мысли»³¹.

Вторая мысль Гердера в статье «Об Оссиане...», привлекающая внимание Жуковского, — мысль о необходимости собирать и сохранять памятники народного поэтического творчества. Гердер, в частности, отмечает недостаточный интерес к народной поэзии у образованной части немецкого общества, избалованной, как он пишет, изящно изданными новыми поэтами и признающей лишь догматическую метафизику. Свою обширную ироническую и полемическую тираду о недостаточности внимания современного человека к памятникам народной культуры (целиком отчеркнутую в томе Жуковским) Гердер завершает словами: *«И все же, поверьте мне, — если бы каждый из нас искал у себя, в своей провинции, в своих областных песнях, то нашлись бы, наверно, среди них такие, которые могли бы составить книгу, равную половине сборника Перси «Reliques», а то, пожалуй, по ценности и приближающуюся к этому сборнику»* (XIX, 32).

Пробуждение интереса к народному творчеству характерно не только для Жуковского, но и для всей русской литературы начала века. Как указывает М. К. Азадовский³², параллельно с развитием собирательства произведений устного народного творчества в Западной Европе развивается аналогичный процесс и в России. Причем в России начала XIX века этот процесс протекает очень интенсивно как в плане накопления фактического материала, так и в плане его теоретического осмысления. В том или ином плане обращается к народному творчеству Андрей Тургенев (1801 г.), Г. Глинка и А. Кайсаров, А. Востоков (1803—1804 гг.), А. Мерзляков (1808), в 1809 — М. Н. Макаров и Н. Грамматин, в 1810 — вновь А. Востоков, в 1811 — Державин, А. Шишков и целый ряд других авторов.

Сам Жуковский еще в раннем детстве познакомился с произведениями русского фольклора. Не случайно еще в детстве

³¹ Жуковский В. А. Письмо к А. И. Тургеневу 14 апреля 1814 года. — В кн.: Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 114.

³² Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958.

он сочиняет «драматическое представление» на сюжет, заимствованный из народной песни. В 1804 году он создает либретто для комической оперы «Алеша Попович», несколько позднее начинается увлечение балладами, жанром, восходящим к фольклору, позднее — обращается к переводам сказок из сборника братьев Гримм, в 1810 году начинает работу над «Владимиром» и т. д.

В это время Жуковский не только сам использует фольклорные сюжеты, но высоко оценивает других поэтов, обращающихся к народной поэзии. Так, он очень высоко ценит А. Х. Востокова, в стихах которого «виден человек с мыслями, с чувством, с воображением и наполненный духом древних...»³³. Жуковский охотно переводит Гебеля и желает познакомиться своих друзей с творчеством поэта, который «писал на швабском диалекте и для поселян...»³⁴.

В конце 1816 года Жуковский пишет письмо А. П. Зонтаг, прося ее собирать для него «русские сказки и русские предания». «Я давно, — пишет он, — придумал для вас свою работу, которая может быть для меня со временем полезна. Не можете ли вы собирать для меня русские сказки и русские предания: это значит заставлять себе рассказывать деревенских наших рассказчиков и записывать их рассказы... Я бы желал, чтобы вы Анета, Дуняша и Като завели каждая по две белых книги: в одну записывать сказки (и, сколько можно, теми словами, какими они будут рассказаны), а в другую всякую всячину — суеверия, предания и тому подобное... Все это привести со временем — мое дело»³⁵. Позднее Жуковский с одобрением отнесется к идее Киреевского об издании сборника народных произведений. Не был чужд собиранию памятников народной поэзии и сам поэт. Так, в письме Александру Федоровне 17/29 июня 1821 года он сообщает о глубоко впечатлении, которое произвело на него исполнение стариком богемцем песни «Прощание Бонапарта с Францией». «Я списал эту песню; она, кажется, стала народной», — пишет Жуковский³⁶.

Поэт не только стремится к усвоению в литературе народной поэтической традиции, но и считает (совершенно в духе немецких штурмеров и Гердера, их идеолога) своей задачей оказывать влияние с помощью поэзии на «душу всего народа». Именно в годы первого знакомства и увлечения произведениями Гердера он пишет: «Поэзия час от часу становится для меня чем-то возвышенным... Не надобно думать, что она

³³ Жуковский В. А. Письмо к А. И. Тургеневу 15 сентября 1809 года. — В кн.: Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 50.

³⁴ Там же, с. 164.

³⁵ «Уткинский сборник», 1. М., 1904, с. 89.

³⁶ «Русская старина», 1901, XI, с. 237.

только забава воображения! Этим она может быть только для Петербургского света. Но она должна иметь влияние на душу всего народа, и она будет иметь это благотворное влияние, если поэт обратит свой дар к этой цели. Поэзия принадлежит к народному воспитанию. И дай бог в течение жизни сделать хоть шаг к этой прекрасной цели»³⁷.

Особенно внимательно, судя по пометкам, прочитана следующая статья Гердера из XIX тома «Сходство средневековой английской и немецкой поэзии», где речь идет о необходимости собирания и изучения народного поэтического творчества, которое не только обогатит современную литературу, но позволит лучше узнать *«об образе мысли и обычаях народа, о его знаниях и языке, об игре и пляске, музыке и мифологии. Об этом мы получили бы гораздо лучшее представление, чем нам дает сейчас болтовня путешественников или записанный на туземном наречии... «Отче наш...» (XIX, 63).*

Жуковский выделяет для себя в этой работе Гердера все те места, где речь идет о значении народного творчества для познания истории народа, его чаяний и надежд, о значении народного творчества для развития всей современной культуры, для литературы нового времени. И хотя Гердера все это волнует преимущественно с точки зрения идеи создания немецкой национальной культуры (главная задача, которую ставили перед собой просветители), вопросы, поднимаемые им в работе, имеют значение для всех европейских культур. Идея штурмерства (течения сугубо немецкого) потому и были столь популярны в России начала века³⁸, что сама историческая обстановка, сами условия, в которых развивалась русская культура в это время, имели много общих моментов, много точек соприкосновения с условиями, в которых складывалась и развивалась деятельность «бурных гениев». Интересно, что в упоминавшемся письме А. П. Зонтаг, относящемся к концу 1816 года, то есть к периоду, в который, как можно предполагать, Жуковский впервые подробно и конкретно знакомится с трудами Гердера, он разъясняет адресату письма причины, побудившие его просить о собирании произведений народной поэзии: «Это национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимания. В сказках заключаются народные мнения; суеверные предания дают понятие о нравах их и степени просвещения, и о старине»³⁹. Переключка с идеями, высказанными

³⁷ Жуковский В. А. Письмо к А. И. Тургеневу 21 октября 1816 года.— В кн.: Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 163.

³⁸ Подробнее об этом см.: Истрин В. Дружеское литературное общество 1801 г.— «Журнал Министерства народного просвещения». 1910, ч. 28, № 8 и 1919, ч. 49, № 3.

³⁹ «Уткинский сборник». 1. М., 1904, с. 89.

в гердеровском предисловии к народным песням, не вызывает сомнений. Не важно, возникли эти идеи самостоятельно или под влиянием непосредственного прочтения статьи, важно, что замечания в письме помогают нам лучше понять характер пометок, сделанных поэтом в статье немецкого просветителя.

Читая Гердера, Жуковский выделяет в его работе те части, те мысли и идеи автора, которые в значительной мере могут быть отнесены к культурной жизни России. И в этом отношении очень показательна «выборка» из гердеровского текста, которую делает с помощью своих пометок на полях XIX тома Жуковский. На трех страницах (57, 58, 59) содержится 7 пометок. Вот текст помеченных отрывков: «...ныне, когда мы дожили до такого счастья, что при дворах немецких государей начинают уже читать по складам по-немецки и называют одно — два немецких имени, — боже, что мы теперь за люди! Тот, кто вздумал бы сейчас поинтересоваться простым народом, его похлебкой из сказок, поверий, песен, грубого языка, — каким бы он показался варваром! На фоне нашей классической поэзии, считающей по пальцам слоги, он выглядел бы как сова среди красивых пестрых певчих птиц! ...Незыблемо и бесспорно, что если у нас не будет народа, то не будет ни публики, ни нации, ни языка, ни поэзии, которую мы могли бы назвать своей, которая бы жила и творила в нас самих... Наша классическая литература — это райская птичка, такая же пестрая, такая же благовоспитанная, она вся — полет, высота, она порхает, не касаясь нашей немецкой земли...» и так далее.

«Предисловие к народным песням» содержит пометки только на первых 6 страницах, то есть в той его части, где речь идет о песне как жанре «целиком народном». «Песня требует массы, созвучия многим: ей нужно ухо слушателя и хор голосов и душ», — пишет Гердер (XIX, 70). Наиболее ярким воплощением идеала народного певца, по мнению автора, является Гомер.

Очень интересно отметить, что один из отрывков гердеровского «Предисловия», отмеченный Жуковским, был без перевода включен им в 1-й номер «Собирателя»: «*Sie (Poesie — H. P.) lebt im Ohr des Volks, auf den Lippen und der Harfe lebendiger Sanger: sie sang Geschichte, Begebenheit, Geheimniss, Wunder und Zeichen; sie war die Blume der Eigenheit eines Volks, seiner Sprache und seines Landes, seiner Geschafte und Vorurtheile, seiner Leidenschaften und Anmassungen, seiner Musik und Seele*» (XIX, 71)⁴⁰.

Как уже упоминалось, есть все основания полагать, что большинство пометок в XIX томе гердеровского собрания со-

⁴⁰ «Собиратель», № 1, 1929.

чинений делалось одновременно и именно в период 1816—1817 годов, когда впервые в руках Жуковского оказалось достаточно полное издание трудов немецкого просветителя. Именно на эти годы приходится и увлечение Жуковского жанром народной песни как формой поэтического творчества. Так, именно в 1815 и 1816 годах им написаны такие стихотворения, как «Где фиалка мой цветок...», «Кольцо души девицы...», «Минувших дней очарование...», «Птицей певичею...», «Песня бедняка» (Из Уланда). Все они включались и включаются в собрания сочинений Жуковского как «Песни»⁴¹. То есть гердеровские высказывания о народной поэзии вообще и о народной песне в частности отвечали взглядам и поэтическим устремлениям самого Жуковского, а в какой-то мере, возможно, и определяли эти устремления. В высшей степени интересно и другое, что более чем через десятилетие, когда Жуковский создает «Собиратель», он не отказывается от своих прежних эстетических симпатий и вновь обращается к трудам Гердера.

Свое «Предисловие» Гердер писал не только ради прославления народной песни. Значительная часть его посвящена рассуждениям о причинах упадка немецкой литературы вследствие ее разрыва с народной поэтической традицией. Эта часть предисловия замечаний Жуковский при чтении не вызывает. То есть все работы Гердера Жуковский читает не под углом зрения изучения истории немецкой литературы и даже не с точки зрения ознакомления со взглядами немецкого просветителя, а с точки зрения постижения и усвоения каких-то общих, теоретических, применимых к русской литературе положений.

Как нам представляется, наиболее интересным моментом в осмыслении Жуковским гердеровского эстетического наследия является то, что поэт к началу 20-х годов приходит к мысли о необходимости изучения произведений народного поэтического творчества, являющихся не только выражением некоего «духа народа», но и ценными историко-культурными памятниками, которые нужно собирать и сохранять, а при переводе на другие языки передавать с максимально возможной близостью к подлиннику. Эта мысль будет достаточно определенно сформулирована поэтом несколько позднее в литературном обзоре за 1824 год, где он укажет, что вольно переводить такого рода произведения (имеется в виду «Слово о Полку Игореве») нельзя, что «в переводах такого рода нужно одно: буквальная верность, ибо мы хотим понимать

⁴¹ Из числа довольно многочисленных «Песен» Жуковского одна — «Кольцо души девицы...» — стала подлинно народной и, как указывает в примечаниях Ив. Розанов, входила в репертуар шарманок. (Песни русских поэтов. Библиотка поэта. «Советский писатель», Л., 1936).

с точностью оригинал, все, что его изменяет, не может иметь никакой для нас цены именно потому, что оно уже новое»⁴².

«Предисловие к народным песням» — последняя из теоретических работ Гердера, в которой поэт оставил свои заметки. Весь дальнейший материал библиотеки касается обращения Жуковского к художественному творчеству немецкого поэта. И здесь мы сталкиваемся с богатейшими и интереснейшими находками.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕРДЕРА В ЧТЕНИИ И ПЕРЕВОДАХ ЖУКОВСКОГО

Содержащие художественные произведения XIX, XX, XXI тома собрания сочинений Гердера буквально испещрены пометками Жуковского. Так, в XIX томе как в оглавлении, так и в самой книге в разных разделах различными значками отмечено более десятка народных песен в обработке Гердера. В XX томе подобных пометок более 40. Кроме того, здесь же на полях и свободных страницах книги сделан перевод двух произведений. В XXI томе — перевод пяти произведений.

Однако прежде чем сколько-нибудь подробно остановиться на переводах и их характере, следует попытаться определить хронологические рамки обращения Жуковского к произведениям Гердера-художника.

Как мы пытались указать вначале, само издание было приобретено поэтом не позднее 1816 года, однако обращается поэт к творчеству Гердера-художника неоднократно, и, судя по разного рода дополнительным материалам, вплоть до начала 40-х годов.

Так, в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в архиве Жуковского хранится листок, датированный рукой Жуковского 28 марта 1820 года, содержащий перебеленный (однако не канонический) текст перевода одной из песен «Сида» в обработке Гердера. В 1825 году Жуковский пишет Тургеневу: «Я пересмотрел всего Гете и Гердеру книгу «*Stimmen der Völker*». Нет этой песни»⁴³. Следовательно, в 1825 году Жуковский с какой-то целью вновь пересматривает XIX том собрания гердеровских сочинений. К 1829 году относятся все материалы «Собирателя», куда, как было указано, включены некоторые художественные произведения Гердера. Вне сомнения, большая часть использованных в «Собирателе» материалов была подготовлена значительно раньше, т. е.

⁴² ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 26, л. 111.

⁴³ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 199.

в журнал пошла не непосредственно из книг, а из сделанных ранее выписок (кстати, не отсюда ли и название раздела в журнале — «Выписки»). И, наконец, к 1837 году относят во всех изданиях стихотворения из альбома графини Ростопчиной. Между тем, как мы попытаемся показать в дальнейшем, большинство из них представляют собой переводы из XXI тома сочинений Гердера.

XX том сочинений Гердера имеет подзаголовок «Aus morgenländischen Dichtern» и состоит из 10 разделов, частью поэтических, частью составленных из рассуждений автора: «О восточной драме» («Über ein morgenländisches Drama»); «О значении восточных повестей...» («Über den Werth morgenländischer Erzählungen»); «О влиянии прекрасного на высшее познание», «Über den Einfluss den Schönen auf die Höhern Wissenschaften»); «О действии поэзии на обычаи народов в прошлом и настоящем» («Über die Wirkung der Dichtkunst auf die Sitten der Völker in alten un neuen Zeiten»).

Особое внимание Жуковского-читателя и переводчика привлекают здесь поэтические разделы. Как уже указывалось, Жуковский в свое время неоднократно пытался приобрести и ознакомиться с «Geist der Hebräyschen Poesie». И первый раздел XX тома из собрания сочинений Гердера составляет четырехчастное собрание еврейских сказаний и басен («Iudischen Dichtungen und Fabeln»). Все 4 части включают в себя 49 произведений, 17 из которых в оглавлении помечены карандашом, очень характерным для Жуковского значком (горизонтальной черточкой), которым он обычно отмечал произведения, предназначенные для использования в каком-либо сборнике. Кроме того, 3 произведения отмечены сделанной в другое время чернильной пометкой. В одном случае чернильная и карандашная пометки совпадают. Следовательно, в оглавлении I раздела оказались помеченными 19 произведений. Кроме того, в самом тексте у заглавия есть еще дополнительные пометки, часть из которых уже относится к отмеченным в оглавлении произведениям (таковых 4) и часть (еще 2) отмечена заново. Итого, из 49 произведений отмечено (то есть по тем или иным причинам выделено Жуковским) 21.

Но самое главное то, что в I разделе на 20, 31 и 33 страницах находится первоначальный вариант перевода легенды «Смерть Адама», вошедшего впоследствии в первый номер «Собирателя».

Ни в одно из собраний сочинений Жуковского «Смерть Адама» не входила, как не входило и переведенное из того же тома Гердера сказание «Свет и Любовь», рукопись которого, как и рукопись «Смерти Адама», хранится в архиве Жуковского.

Наличие двух вариантов позволяет нам остановить внимание на прозаическом переводе Жуковского, тем более что, как нам известно, работ о Жуковском-переводчике прозы не существует.

Перевод на страницах гердеровского тома выполнен карандашом и обрывается на первой строке предпоследнего абзаца, т. е. несколько не закончен. Перевод имеет правку, хотя и незначительную, состоящую, главным образом, в перестановке слов в пределах одного предложения⁴⁴.

Хранящийся в архиве Жуковского вариант не перебелен, имеет правки и отличается от сделанного на книжных страницах. Вне сомнения, вариант, данный на страницах книги (томский), более ранний. Возможно, он делался во время одной из поездок Жуковского, что заставило его использовать для рукописи чистые части книжных страниц. Как известно, карандаш был постоянным спутником поэта во время его многочисленных путешествий. Пользоваться пером в поездках не всегда было возможно.

Архивный вариант перевода выполнен чернилами на бумажных листах очень большого формата, преимущественно на правой половине листа, тогда как левая половина его в значительной мере занята набросками плана предполагаемого журнала.

Для удобства анализа приведем оба варианта параллельно, пронумеровав абзацы. Деление текста на абзацы в переводе точно совпадает с делением его в подлиннике. В квадратные скобки заключены слова, зачеркнутые в рукописи Жуковским, в ломаные — слова, прочтение которых дается предположительно.

Вариант, хранящийся
в научной библиотеке
ТГУ

1. Девятьсот тридцать лет <было> исполнилось Адаму, когда он почувствовал на себе слово судьбы: «Ты умрешь смертью».

2. «Собери сынов моих и внуков,— сказал Адам плачущей Еве.— Хочу еще их видеть и благословить». Число их было велико, они покорились призыванию отца; пришли к нему, стали перед ним, молились о его жизни.

3. «Кто из вас,— сказал Адам,— взойдет на святую гору Эдема? Быть может, найдет мило-

Вариант ГПБ
им. Салтыкова-Щедрина
ф. 286, оп. 1, ед. хр. 125,
л. 2 и 2 об

Девятьсот тридцать лет совершилось Адаму, когда он почувствовал над собой силу Божия слова: «Ты умрешь смертью».

«Собери сыновей и внуков моих,— сказал [Адам] он плачущему Сифу.— Хочу еще раз видеть и благословить их». Число их было велико, они покорились призыванию отца; пришли к нему и стояли перед ним и молили о его жизни.

«Кто из вас,— сказал [он] Адам.— <пой> взойдет на святую гору Эдема?»

⁴⁴ Для удобства пользования вариант, находящийся на страницах книги, будем называть «томским вариантом».

серд<ие> и принесет плод де-
рева жизни».

4. [Все] каждый из сынов предлагал, чтоб был он, но Сиф благочестивый им был избран самим Адамом.

5. Осыпав пеплом главу свою, поспешно прибли<зился> он ко входу Эдема. «Помилуй его, милосердный, — молил он, — Дай вкусить ему от плода жизни».

6. Быстро предстал перед ним блистающий Херувим Эдема. Вместо плода от дерева жизни в руке его была ветвь о трех листьях. «Отнеси ее к отцу, — так приветливо сказал он, — да будет она последним ему утешением. Вечной жизни нет на земле. Спе<ши> к Адаму — час его наступил».

7. И Сиф возвратился к Адаму. «Не принес я тебе плода с дерева жизни, — сказал он, — но ветвь его, дабы в последний раз утолить тебя, дал мне Херувим Эдема».

8. Умиравший радостно принял ветвь. Он почувствовал благовоение Рая; и душа его ободрилась. «Дети, — сказал он, — нет для нас на земле вечной жизни: вы все последуете за мной. Но листья сии <освежили> меня». Глаза его померкли, дух его отлетел.

9. Дети адамовы погребли отца своего и плакали над ним тридцать дней; но Сиф не плакал. Он посадил на могиле отца [в головах] над главою мертвого ветвь Эдема и назвал ее ветвью новой жизни, ветвью пробуждения от смерти.

10. Из малой ветви произросло <нрзб.> древо и многих сынов адамовых подкрепляло оно утешением новой жизни.

11. Так перешло оно к следующим поколениям.

Быть может, найдет он еще для меня милосердие и [принесет] возвратится ко мне он с плодами от дерева жизни».

И каждый из предстоявших готов был идти; но Адам избрал [благочестивого] благодушного Сифа.

Осыпав пеплом главу свою, поспешно приблизился он ко входу Эдема. И он воскликнул: «Милосердный, помилуй отца моего! Дай вкусить ему от плодов дерева жизни».

Быстро явился перед ним Херувим светозарный Эдема. И ветвь о трех листьях была в руке его вместо плодов от дерева жизни. «Отнеси ее отцу твоему, — приветливо сказал Херувим, — да будет она [ему] для него последним здесь утешением. [Нет]. Вечной жизни нет на земле. Спешите к Адаму. Час его наступил».

И Сиф возвратился к Адаму. «Не принес я тебе, — сказал он, — плодов от дерева жизни. Но ветвь ее дал мне сияющий Херувим Эдема, [чтобы] дабы в последний раз утешить тебя на земле».

[Умиравший]. И радостно принял Адам [эдемскую] священную ветвь; он почувствовал благовоение Рая, и душа его ободрилась. «Дети, — сказал он, — нет для нас на земле вечной жизни: вы все последуете за мной. Но листья сии [оживили] освежили меня! От них благоухает новым светом». [Глаза]. Очи его [померкли] [помутились] потемнели и дух его отлетел.

Дети адамовы погребли отца своего и плакали над ним тридцать дней; но Сиф не плакал. Он посадил на могиле отца над главою мертвого ветвь Эдема и назвал ее ветвью новой жизни, ветвью пробуждения от смертного сна.

Из малой ветви произросло великое древо и многих сынов адамовых подкрепляло оно утешением новой жизни.

Так перешло [а] оно [а] к другим поколениям и расцвело прекрасно [цвело оно] [пересаженное] в саду у Давида; когда же сын [Давида] его впал в заблуждение и усомнился

в бессмертии, оно увяло, но [цветы] семя его не погибло.

12. И когда на древе, из семени сею произращенного, кончил светлую жизнь свою [проповедник] [без] податель бессмертия искупитель, [благоухание новой жизни пролилось] на всю землю, на все народы пролилось от него благовоние новой жизни.

Томский вариант, как можно предполагать, более ранний. Не говоря уже о том, что маловероятно, чтобы при наличии полного, сделанного на отдельных листах перевода, Жуковский мог начать новый прямо на книжных страницах, в целом ряде случаев текст томского варианта, будучи первоначально повторен в архивном, при работе над рукописью был исправлен на новый. Так, например, в 3-м абзаце глагол *принесет* был первоначально использован в обоих вариантах, но потом, в архивном варианте, зачеркнут и заменен — *возвратиться*. То же самое в 4-м абзаце произошло с эпитетом *благочестивый*. В гердеровском тексте используется прилагательное *förmste*, первое значение которого именно *благочестивейший, набожнейший*. Однако он не удовлетворил Жуковского, и поэт заменяет его на *благодушный* (т. е. добрый, тихий, кроткий), используя второе значение прилагательного *förm*⁴⁵. Аналогичный характер носит правка в 8-м абзаце, где в окончательном варианте заменены по сравнению с томским существительные *умирающий, глаза*, глагол *померкли*.

Перевод гердеровского сказания Жуковским выполнен в достаточной степени точно. Явных отступлений от немецкого текста немного и все они относятся к началу (1, 2-й абзацы), так сказать, к «экспозиции» повествования, где не затрагивается основная идея, главная мысль легенды. Так, *слово судьи* (*das Wort des Richters*) превратилось в переводе в обоих вариантах в *силу Божия слова*. В следующем абзаце первоначально, в соответствии с немецким текстом, Адам обращается к *плачущей Еве*, а в окончательном ва-

⁴⁵ Вполне вероятно, что данная замена носила у Жуковского и принципиальный характер. «Благочестие» и «благодущие», как это хорошо знал поэт, могут не иметь ничего общего. «Холодное жестокосердие в монашеской рясе с кровавой надписью на лбу: должность (выправленную весьма нискусно из слова: суеверие) сидело против меня и страшно сверкало на меня глазами... Что это за религия, которая учит предательству и вымораживает из души всякое сострадание?... Режь во имя бога и будь спокоен!» — пишет Жуковский А. П. Киреевской 16 апреля 1814 года. («Русская старина», 1883, № 2, с. 435).

рианте Ева заменена *плачущим Сифом*. Вместо немецкого *meine Söhne* (моих сыновей) явились сыновья и внуки, а вместо немецкого *viele Hundert an der Zahl* (числом во много сотен) появилось мнение определенное: «Число их было велико».

Основная тенденция, которую можно проследить от варианта к варианту, состоит в стремлении придать повествованию несколько большую торжественность, возвышенность звучания. Этому служит и отбор значений отдельных слов при переводе, и замена некоторых из них на другие, принадлежащие к иному лексическому пласту.

Так, в первом абзаце в первоначальном варианте Жуковский записывает: «Девятьсот тридцать лет было Адаму...» Потом исправляет *было* на *исполнилось*, а в окончательном варианте является торжественное *совершилось*. В промежуточном варианте было: «Кто пойдет на святую гору Эдема», стало — *взойдет*, вместо «*блистающий* Херувим Эдема» в окончательном варианте появился эпитет *светозарный*. В 7-м абзаце к Херувиму появляется отсутствующий в оригинале и в первоначальном варианте перевода эпитет *сияющий*, нейтральный союз *чтобы* заменяется более торжественным *дабы*. То же и в следующем абзаце, где в первоначальном варианте в соответствии с оригиналом было просто: «принял ветвь». А в архивном варианте к слову *ветвь* первоначально был дан эпитет *Эдемская*, а потом и он заменен на *священная*. Нейтральное существительное *глаза* (8-й абзац) заменяется на возвышенное — *очи*.

Возвышенность, торжественность стиля нарастает от начала к концу переводимого произведения. Пока речь идет о *дереве жизни* в Эдеме, Жуковский везде употребляет русское — *дерево*. Когда же говорится о выросшем из посаженной Сифом ветви дереве «новой жизни», то переводчик употребляет старославянское — *древо* и т. д.

В томском варианте перевод не окончен. Полный перевод двух последних абзацев имеется только в архивном варианте. Интересно, что в этой части, сохраняющей общий торжественный тон повествования подлинника, Жуковский вносит некоторые изменения в понятия. В оригинале говорится, что после того, как сын Давидов усомнился в бессмертии, «*da verdorrete der Zweig, doch kamen seine Blüthen unter andere Völker*» («тогда завяла ветвь, но цветы ее распространились между другими народами»). Жуковский в соответствии с предыдущим текстом («из малой ветви произошло великое древо») и здесь говорит о дереве «перешло оно», хотя первоначально вариант соответствовал немецкому тексту — «перешла она», то есть ветвь. Заменяет Жуковский при переводе и имеющиеся в немецком тексте «цветы» на «семя», что, видимо, кажется ему более соответствующим истине. Ведь

цветы недолговечны и обычно гибнут даже раньше всего дерева. И переводчик дает свой вариант: «но семя его не погубло».

Некоторые изменения по сравнению с текстом подлинника внес Жуковский и в последний абзац. В оригинале между предпоследним и последним абзацами логическая связь несколько нарушена. Так, если в 11-м абзаце речь идет о ветви и цветах ее, то в 12-м — об «одном из стволов этого дерева» («an einem Stamm von diesem Baum») ⁴⁶.

Переводчик сглаживает этот переход. Он говорит о дереве, «из семени сего произращенного». Объединяет переводчик и дважды повторенную в последнем абзаце мысль о распространении между всеми народами цветов и благоухания от дерева новой жизни («...doch kamen seine Blüthen unter andere Völker» «streuete sich von ihm der Wohlgeruch des neuen Lebens umher, weit unter alle Völker»). Он сводит обе фразы в одну, перенося мысль в конец всего сказания, т. е. стремится к большей завершенности и целостности текста.

Как было упомянуто выше, томский вариант перевода неокончен. Но случайна ли эта незаконченность? Перевод завершается первой фразой предпоследнего абзаца: «Так перешло оно к следующим поколениям» («So kam er auf die folgenden Geschlechter»). По существу эта фраза вполне завершает легенду о смерти Адама. Вся остальная часть текста начинается как бы новый сюжет о сомнении в бессмертии сына Давидова и об искуплении его заблуждений Wunderbringer'ом, о чем сказано скороговоркой в двух неполных абзацах, имеющих между собой, как было отмечено, недостаточно прочную логическую связь.

Не намеревался ли автор первоначально окончить перевод именно там, где завершается томский вариант? Нам кажется такое предположение вполне вероятным. Однако без завершающих «Смерть Адама» последних абзацев легенда приобретает несколько более языческий оттенок, чем имеет она в своем цельном варианте. Ведь сама по себе идея обретения новой жизни не нова и не является привилегией христианской религии. Она была свойственна многим народам. И даже ветвь как символ другого, более прекрасного мира встречается во многих мифологиях.

Когда Жуковский впервые в 1816—1817 годах читал большую часть произведений немецкого просветителя, богословские проблемы его волновали мало. Ни в одной работе Гердера по богословию и теологии он не оставил своих заметок. Имя бога, хотя ему и случалось появляться на страницах, написанных рукою Жуковского, было для него полуэстетиче-

⁴⁶ Это та «прерывистость изложения», те «неожиданные переходы и скачки», которые Гердер считал неотъемлемой чертой безыскусной народной поэзии.

ской-полуэтической категорией. И в данном случае его заинтересовало ветхозаветное иудейское предание. А оно заканчивалось именно там, где он оборвал свой первый перевод. Однако перерабатывая перевод для «Собирателя» в начале 1829 года, Жуковский перевел гердеровское произведение целиком и включил его в издание.

Если обратиться к схематическому плану «Собирателя», набросанному на том же архивном листе, что и начало «Смерти Адама», то станет очевидно, что переведенное на том же листе произведение Гердера «Свет и Любовь» предназначалось для того же номера «Собирателя». Правда, поэт еще не решил точно, как он назовет это произведение. В плане оно значится как «Свет и Жизнь», первоначально в переводе оно было озаглавлено просто «Жизнь», а в окончательном варианте название приведено в соответствие с тем, каким оно было у Гердера — «Licht und Liebe» — «Свет и Любовь».

Эта легенда в известном нам варианте переведена в начале 1829 года. Произведение взято из XX тома сочинений Гердера, где оно напечатано на с. 13. В оглавлении оно отмечено Жуковским. Приводим текст перевода. Подчеркивания принадлежат Жуковскому.

СВЕТ И ЛЮБОВЬ

В начале все было безобразно и пусто — холодное дно морское. В беспорядке лежали неподвижные стихии. Но дыхание жизни повеяло от уст всемогущих; и цепь ледяная разрушилась, и жизнь, подобно голубице, гнездо свое согревающей, расправила теплые материнские крылья.

Все вострепнулось в глубине, все устремилось к рождению. Тогда явился первенец божий — тихо чарующий свет.

И сладостный свет и любовь, носившаяся над водами, взлетели к небесам и соткали лазурь золотую; они спустились в глубину и все наполнилось жизнью. Вышла земля, божий алтарь, и землю осыпали они вечно молодыми цветами, и жизнь поселилась в каждой земной пылинке.

И увидя, что море и глубина и воздух и земля были исполнены жизни, они погрузились в тихое размышление и потом сказали друг другу: «Сотворим человека; да будет он образом того, кто светом и любовью создал небо и землю». И жизнь пролилась в прах; и божественным светом блеснуло лицо человека. Любовь избрала жилищем своим его сердце.

И вечный отец благосклонно воззрел на созданное: все проникнуто было его вечнодействующим светом, его жизнедеятельною благодетельною любовью.

Почто же рощешь ты, праздный мудрец, и видишь повсюду в создании, хаос! Хаос устроен. Устрой самого себя. В деятельной жизни счастье человека: в свете и любви блаженство человеческое.

Этот перевод Жуковский в собрание своих сочинений не включал. Не вошел он и в «Собиратель», тогда как, судя по плану и по логике материала, он должен был стоять в журнале первым, раньше «Смерти Адама».

Не потому ли он не вошел, что носит по существу апокрифический характер и показался не подходящим для воспита-

тельных целей, для которых предназначался журнал? Ведь легенда о сотворении мира и человека, рассказанная здесь, не согласуется с канонической библейской легендой. И хотя в гердеровском пересказе легенды все совершается с согласия и благословения вечного отца (*der ewige Vater*), однако не он, а Свет и Материнская Любовь (*die Mutterliebe*) сотворили мир, дали ему жизнь. Не потому ли, что Свет и Любовь, творящие мир, близки по духу той, несколько неопределенной «Вечной Силе» (*eine ewige Kraft*), которая была отвергнута Жуковским из гердерова произведения «*Unsere Erde ist ein Stern unter...*» и заменена более приемлемой для 1829 года «волей Его»?

Это предположение в какой-то мере может быть подтверждено и анализом характера перевода. Большая часть его (18 строк из 28) переведена очень близко к тексту подлинника. Во всяком случае, некоторая «свобода» в переводе текста продиктована лишь стремлением найти немецкому тексту соответствующий смысловой и эмоциональный эквивалент: «... и цепь ледяная разрушилась, и жизнь, подобно голубице, гнездо свое согревающей, распростерла теплые материнские крылья» («...brach des Eises Ketten und regte wie eine brütende Taube die erwärmenden Mutterflügel sanft»). Однако в двух случаях изменения в тексте носят более существенный и принципиальный характер. Так, у Гердера: «*Der ewige Vater sah und nannte die Schöpfung gut: denn alles füllte, alles durchdrang sein immerwirkend Licht und seine holde Tochter, die belebende Liebe selbst*», то есть «всевышний отец взглянул и признал созданное хорошим, ибо все наполнили, все пронизали его вечно действующий свет и сама (*selbst*) его прекрасная (*holde*) дочь, жизнедеятельная любовь». Жуковский же переводит: «И вечный отец благосклонно воззрил на созданное: все проникнуто было его вечно действующим светом, его жизнедеятельною любовью». То есть у Гердера вечно действующий Свет и сама жизнедеятельная Любовь действуют, хотя и по допущению «Вечного», но самостоятельно. Они, Свет и Любовь, создают человека, они украшают божий алтарь цветами, они создают землю. В переводе эта «самость», независимость действий Света и Любви исчезли. Их вытеснил Его свет и Его благодетельная любовь. Интересно, что в тексте Гердера слова *Licht* и *Liebe* (в другом случае *Mutterliebe*) везде выделены курсивом, дабы подчеркнуть употребление их в качестве имен собственных, тогда как *ewige Vater* набрано обычным шрифтом. И только в резюме Свет и Любовь утрачивают свою самостоятельность и употребляются автором как имена нарицательные.

Жуковский, начиная перевод, также выделяет эти слова. В назании легенды он пишет их с заглавной буквы, при

первом упоминании подчеркивает эти слова, что, видимо, соответствует курсиву в печатном тексте. Но в остальной части текста это выделение не проведено.

Аналогичное изменение находим и в предыдущем абзаце. У Гердера читаем: «...da strahlte Licht des Menschen göttliches Antlitz an...», т. е. «тогда озарил Свет божественный лик человека». Жуковский так и переводит в первоначальном варианте: «и божественное лицо человека засияло светом». Однако этот вариант зачеркнут и вместо *божественного лица человека* явился божественный свет, вместо «озарилось» или «засияло», что более соответствует немецкому *anstrahlen*, появилось «блеснул», что имеет в немецком языке другой эквивалент и другой смысловой оттенок.

Несмотря на эти, как нам представляется, достаточно существенные смысловые изменения, направленные на сближение данной легенды с канонической библейской легендой о сотворении мира богом, Жуковский все же не счел возможным поместить это произведение в журнал дидактического характера. Но сам выбор текста для перевода Жуковским интересен. И вполне вероятно, что некоторое противоречие между выбором текста и характером перевода его обусловлено как раз двойственностью мировоззрения Жуковского в это время, когда в нем по-прежнему живут симпатии его молодости, когда он по-прежнему симпатизирует трудам «германского арзамаса» и во втором номере «Собирателя» выпишет из Гердера: «Учение о бессмертии души есть пирамида, воздвигнутая религиею на гробе народов». Но в то же время личные неудачи, неудовлетворенность окружающим подтачивают у поэта веру в жизнь, в торжество добра и справедливости, пробуждают интерес к богословским проблемам.

То, что эти годы были кризисными, подтверждается и тем, что Жуковский практически ничего не пишет ни в этом, 1829-м, ни в последующем 1830 году.

Второй раздел XX тома назван автором «Das Rosenthal» — «Долина роз». Как указывает Гердер в предисловии, такое название дано разделу потому, что большая часть собранных в нем поучений («Lehrsprüch») заимствована из «Долины роз» Саади или из других собраний, имеющих подобное название («...aus Saadis Blumengarten oder Rosenthal, und ähnlichen Sammlungen genommen ist»).

Как и первый, этот раздел состоит из четырех частей (книг), вбирающих в себя 122 поименованных произведения. В оглавлении этого раздела пометок нет, однако в самом тексте рукой Жуковского помечено 12 произведений (по 6 из 1-й и 2-й книги). Третья и четвертая книги пометок не содержат.

Первое же отмеченное «поучение» обращает на себя внимание. Оно носит ярко выраженный просветительский характер:

Кто из любви к богу отрекается от долга перед человечеством,
Подобен сидящему в темноте и держащему перед собой зеркало
(XX, 100).

(Wer aus Liebe zu Gott der Menschheit Pflichten entsaget,
Sitzt im Finstern und hält immer den Spiegel vor sich).

Аналогичный характер имеют и другие, отмеченные поэтом произведения. Во всех них выражена мысль об уважении человека к человеку, о необходимости самоусовершенствования и самоконтроля, без чего невозможна красота человеческих взаимоотношений. Вот некоторые из них:

Невежество есть смерть прежде смерти.

Невежды — заживо погребенные;

Кто не возбуждает свой ум учением.

Не знает пробуждения от мертвого сна (XX, 111).

Мудрые люди нуждаются в королевской дружбе меньше,

Чем короли нуждаются в совете мудрецов (XX, 114).

Храбрец не тот, кто в ярости бросается на разъяренного льва,

Но тот, кто в ярости хорошо владеет словом (XX, 106).

Ты не знаешь, как чувствует себя комар, находящийся под твоей
пятой?

Так же, как ты, будучи раздавлен слонем (XX, 114).

Все эти изречения носят общечеловеческий характер. В них выражена не некая экзотическая «восточная» мудрость, а многовековой опыт народа. И привлекает в них поэта, видимо, не экзотика или особая изысканность формы, а мудрая простота и ясность выраженных в нем мыслей.

Поэтическими являются и IV и V разделы XX тома. Пятый («Vermischte Stücke») пометок Жуковского не содержит. Зато в IV, имеющем название «Gedanken einiger Bramapen» («Мысли некоторых мудрецов»), имеются не только пометки, но и незавершенный перевод одного из стихотворений.

Всего в этом разделе 46 поименованных Гердером произведений. 10 из них имеют в тексте у заглавия пометки Жуковского, в том числе и переведенное стихотворение.

Собранные в этом разделе «Мысли» частью облечены в форму небольших поучений, подобных *Lehrsprüche* из II раздела, частью даются в виде небольших рассуждений о предмете. Большинство из помеченных Жуковским произведений (9 из 10) носит характер именно *рассуждений*. Среди отмеченных таковы, например, «Друг» (XX, 170), «Цель жизни» (XX, 173), «Цветок» (XX, 176), «Брошенный мяч» (XX, 177), «Религия» (XX, 181) и др. Исключение составляют только «Угли» (XX, 170), произведение, представляющее собой собственно поучение:

Flieh ein schwarzes Gemüth; wirf weg die garftige Kohle,
 Glühend brennet sie dich; Glutlos beschmüzt sie die Hand.
 <Избегай черной души; отбрось прочь мерзкие угли.
 Пылающие, они тебя обожгут, остывшие, они пачкают руку>.

Остальные же из отмеченных поэтом произведений носят характер своеобразных маленьких «рассуждений». Например:

Цель жизни

Для работы, любви и совершенствования
 Была дана нам жизнь. Разве этого недостаточно
 Человеку в жизни? Он имеет это.
 Чего же ему недостает, почему он жалуется? (XX, 173).

Стихотворение, перевод которого имеется на с. 169 XX тома, «Verschiedener Umgang», — тоже представляет собою нечто среднее между «поучением» и «рассуждением», подкрепленное несколькими примерами. Это отличает данное произведение от большинства других «поучений», включенных в раздел и строящихся, как правило, в виде единичного уподобления. Примером такого построения в виде единичного уподобления может служить следующая за «Verschiedener Umgang» «Дружба» («Freundshaft»), близкая первому по теме.

Вот стихотворение, переведенное Жуковским:

Verschiedener Umgang	<Различное общение
Sohn, die Freundschaft mit den Bösen, Mit Gleichgültigen und Guten Sei dir ja nicht einerlei!	Сын, да не буде тебе безразлично, Со злыми, равнодушными или добрыми
Ein Tropfe Regenwasser Fiel auf ein glühend Eisen, Und war nicht mehr.	Иметь дружбу! Капля дождевой воды Упала на раскаленное железо, И ее нет больше.
Er fiel auf eine Blume Und glänzt als eine Perle, Und blieb ein Tröpfen Thau.	Она упала на цветок И блестела, как перл, И осталась каплей росы.
Er sank in eine Muschel Zur segnenreichen Stunde, Und ward zur Perle selbst.	Она проникла в раковину В благодатный час И сама стала перлом.>

Перевод, который делает Жуковский, выполнен карандашом на свободном поле страницы. Некоторые слова написаны не только не полностью, как это часто бывает в рукописях поэта, но попросту заменены «знаками», о которых говорил Жуковский, как об одной из форм своих записей. Однако большая часть перевода читается довольно легко. По существу не полностью прочтены только первые четыре строки перевода, соответствующие первому трехстишию подлинника. Перевод, видимо, был набросан, что называется, «единым духом». Во всяком случае правка в нем незначительная и

сделана, судя по всему, сразу. Вторично к стихотворению поэт не обращался и нигде его не печатал:

Не одно, мой сы<н>, кто друж<ит>
С злой, бесчувствен<ной> <нрзб.>
Не одно, мой сын, <нрзб.>
<строка нрзб.>

На горячее железо
Пала капля и исчезла.

На цветок упала капля
Светлым перлом быть мечтала,
Но осталась той же каплей.

Пала в раковину капля
И сама в ней стала перлом.

Конечно, говорить о характере неоконченного перевода трудно. Но на некоторых моментах остановиться возможно.

В подлиннике стихотворение состоит из четырех трехстиший. Первое из них написано белым четырехстопным хореем с усеченной последней стопой в третьей строке. Второе, третье и четвертое трехстишия написаны трехстопным белым ямбом. Однако во втором трехстишии последняя строка усеченная, имеет всего 2 стопы («Und war nich mehr»). 1 и 2-я строки каждого трехстишия имеют женскую клаузулу, а третья — мужскую.

Ритмическое выделение первой строфы не случайно. Она является, так сказать, непосредственным «Lehrspruch» (поучением). Здесь есть и объект поучения (Sohn), и непосредственный призыв поступать соответствующим образом («Sei dir ja nicht einerlei»). Подобных поучений много во II и IV частях XX тома. Три последующие строфы есть своего рода иллюстрация к поучению. И именно она, как нам кажется, привлекла внимание поэта-переводчика.

2-е, 3-е и 4-е трехстишия немецкого оригинала отличаются четким ритмическим рисунком. Трехстопный хорей в них не имеет пиррихий, что придает стиху звучность и четкость. Все три строфы объединены анафорами. 4 строки из 9 начинаются с «und» (6, 8, 9, 12). Кроме лексической анафоры, в этих же случаях мы имеем и анафору синтаксическую («Und war..., Und glänzt' ..., Und blieb..., Und ward...»). Седьмая и десятая строки также объединены синтаксической анафорой («Er fiel..., Er sank...»). Наличие анафор способствует созданию четкого ритма, цементирует стихотворение, что особенно важно для белого стиха.

Несмотря на неполное прочтение перевода, можно говорить о том, что поэт точно передает смысл подлинника, стремясь в целом сохранить систему образов (5—11-я строки перевода), и это ему в какой-то степени удается. Но в целом перевод, судя по всему, не удовлетворил поэта, что, вероятно, и было причиной того, что он не был до конца отделан

и перебелен, а тем более напечатан. Как замечает М. Гофман, изучавший рукописи Жуковского, поэт обычно «набрасывает стихотворение, сейчас же исправляет и тут же переписывает его начисто...»⁴⁷. Здесь же перевод не давался и не удовлетворял с самого начала.

Отказавшись от ритмического обособления первой строфы, Жуковский при переводе во всем стихотворении использует 4-стопный хорей с женской клаузулой, то есть в какой-то мере отталкивается от размера, заданного первым трехстишием подлинника. Этот отказ не случаен. Не поучение, содержащееся в стихотворении, заинтересовало в данном случае поэта. Подобных поучений много в томе. Некоторые из них, как мы указывали, привлекали внимание Жуковского-читателя, но он не переводил их.

В данном случае в произведении помимо поучения содержится и глубоко поэтическая идея метаморфоз, совершаемых в природе под влиянием различных обстоятельств, идея, воплощенная в поэтическом образе сверкающей дождевой капли, превратившейся в перл. Видимо, эта поэтическая идея и вдохновила Жуковского-переводчика. Поэтому специально выделять поучение он не считал нужным, хотя оно и вошло в сам текст перевода.

Поэт не только отказался от ритмического обособления первой строфы, но и полностью изменил строфику. Вместо первого трехстишия у него — четверостишие, вместо последующих трех трехстиший у него соответственно: двустишие, трехстишие и вновь двустишие. То есть количество строк в стихотворении сократилось на одну, и они получили иное распределение по строфам.

В первой строфе перевода ритм выделен довольно четко. Отсутствие пиррихий и анафора в первой и третьей строках придают первой строфе необходимую целостность. Однако последующие 7 строк эту целостность и четкость утратили. В 6 строках на различных стопах появились пиррихии, что разрушило четкость ритмической организации. Исчезли анафоры. Стихотворение распалось на отдельные, недостаточно организованные стихотворные строки. Только 5 и 6-я строки составили законченное двустишие:

На горячее железо
Пала капля и исчезла.

Видимо, в значительной степени рационалистическое построение (хотя и не лишенное отдельных ярких образов) стихотворение не увлекло поэта, и он, несмотря на удачно найденные строки, оставил работу над ним.

⁴⁷ Гофман М. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Париж, 1926, с. 40.

Как известно, из Гердера Жуковский перевел 2 небольших стихотворения в антологическом духе—«Геродот» и «Гомер». Оба они в большинстве изданий поэта отнесены к 1829 году на том основании, что оба были помещены без перевода одно в 1-м, а другое— во 2-м номере «Собирателя». Впрочем, с неменьшим основанием, чем к 1829 году, перевод «Геродота» Ц. Вольпе относится к концу 1830 года.

Оба эти стихотворения взяты Жуковским из XXI тома собрания сочинений Гердера, где они помещены на с. 53 и 95.

XXI том сочинений Гердера представляет для нас огромный интерес. В отличие от большинства томов, к которым мы обращались ранее, этот том, озаглавленный «Schriften zur griechischen Literatur», в оглавлении никаких пометок Жуковского не содержит. Том состоит из 9 разделов, первый из которых «Blumen aus der griechischen Anthologie» включает 8 книг. В этом разделе на сс. 14, 16, 38, 52 и 54 находятся автографы Жуковского— переводы стихотворений из гердеровской греческой антологии. Переводы выполнены карандашом. Что же за произведения переводил Жуковский?

На с. 15 помещено стихотворение «Die Rose», а на с. 14 (свободной)— его перевод. На с. 38, также свободной от печатного текста, находится перевод стихотворения «Der Lorbeerbaum», напечатанного рядом, на с. 39. Перевод стихотворения «Auf Jupiters Bildsäule» находится на той же странице на нижнем ее поле и повторен на свободной с. 52. Вот эти стихотворения в переводе Жуковского, содержащиеся на страницах XXI тома:

Die Rose

Wenige Tage, so stirbt Rose. Vorübergegangen
Ist sie; du suchest nun Rosen und findest den Dorn (XXI, 15).

<Немного дней, и умирает роза. Она исчезла.
Ты ищешь теперь розу и находишь шип>.

Перевод Жуковского:

День протек и роза поблекла, напрасно <тогда>
Розы ищешь <нрзб.>. Иглы найдешь ты одни.

Der Lorbeerbaum

Schonet meiner, ihr Trunken, ihr brausenden Sanger der Liebe,
Schonet meiner, denn ich bin ein jungfraulicher Baum.
Daphne hieß ich im Leben; des keuschesten Junglings Armen
Wand ich ergrunend mich los; schonet mein heiliges Laub (XXI, 39).

<Пощадите меня, вы пьяницы, вы разгульные певцы любви.
Пощадите меня, ибо я девственное дерево.
Дафной называлось я при жизни: от рук целомудреннейшего юноши
Освободилась я, зазеленев; пощадите мою священную листву>.

Die Dichtung ist ein
 von mir selbst geschriebenes
 Gedicht, das ich
 im Jahre 1840
 in der Zeitschrift
 "Die Gartenlaube"
 veröffentlicht habe.
 Die Dichtung ist
 ein Gedicht, das
 ich im Jahre 1840
 in der Zeitschrift
 "Die Gartenlaube"
 veröffentlicht habe.

Das Singbichl.

Nimm dich keiner Meise an, o Pfeif, denn ich will dich an;
 Wenn ich dich auch nicht an, so will ich dich an.

Der Lorbeerbaum.

Gehst du nicht, ihr Zypressen, ihr traufenden Blätter der
 Eiche,
 Gehst du nicht, denn ich bin ein jungfräulicher Mann.
 Daphne dich ist im Leben; des Traufenden Traufendes Mann
 Mann ist erpöbnet mich ist; ich bin ein heiliges Land

Sophies Grab.

Schick dich nicht um's Grab, du innergründlicher Eifer,
 Es ist um Sophies Grab ich bin die Tochter nicht;
 Schick dich nicht um's Grab; du innergründlicher Eifer,
 Es ist um Sophies Grab ich bin die Tochter nicht;
 Schick dich nicht um's Grab; du innergründlicher Eifer,
 Es ist um Sophies Grab ich bin die Tochter nicht.

Die Rose.

Satte dich nicht, du willst bei Sophies Graben / Ich bin die
 Tochter, o Mann; du willst bei Sophies Graben nicht.

Рис. 2. Автограф Жуковского на свободной 39-й странице XVI тома сочинений Гёльдера. Перевод стихотворения «Певец»

Перевод Жуковского:

Вы обуяни<ые> Вакхом певцы Киприд<иных> орг<ий>,
Бойтесь косн<уться> меня, девственны ветви м<ои>.
Дафна я был, из жарких объят<ий> любяще<го> бо<га>
Лавр<два слова нрзб.>: чтите мою чистоту.

Auf Jupiters Bildsäule von Phidias

Dir entweder ist Zeus vom Himmel hernieder gestiegen;
Oder du stiegst hinauf, Künstler, und sahst den Gott (XXI, 54).

<Или Зевс с небес к тебе спускался, художник,

или ты сам восходил и созерцал бога>.

Перевод Жуковского:

Фидий, иль сам Громоверж<ец> к тебе нисходил от Олим<па>
Или взошел на Олимп ты сам, чтоб Зевеса узреть.

Нетрудно заметить, что все три стихотворения, несмотря на некоторые разночтения, входят в число тех девяти, которые во всех изданиях сочинений Жуковского помещены под общим заглавием: «Из альбома, подаренного гр. Ростопчиной» и каждое в отдельности носят там названия «Роза», «Лавр» и «Фидий».

Между тем ни в одном из известных нам изданий сочинений В. А. Жуковского не содержится указаний на то, что какие-либо стихотворения из альбома гр. Ростопчиной являются переводными и тем более нигде не указывается источник перевода или подражания.

У нас есть основания утверждать, что *все* стихотворения в антологическом духе, вписанные в альбом гр. Ростопчиной, за исключением «Судьбы» и последнего, условно называемого «А. С. Пушкин» (при первоначальном издании «Покойник»), являются переводами Жуковского, сделанными из греческой антологии Гердера, из XXI тома его сочинений. Это мы попытаемся показать несколько ниже.

В последнем четырехтомном собрании сочинений поэта по поводу всей этой группы стихотворений сказано следующее: «Написаны в 1837 году. Напечатаны впервые (с искажениями) в газете «Русский» (1867, № 11—12). 25 апреля 1838 года Жуковский послал в подарок салонной поэтессе гр. Ростопчиной Евдокии Петровне (1811—1858) альбом для стихов, принадлежавший Пушкину. На первых страницах этого альбома Жуковский написал посвящение к «Ундиине», 8 стихотворений в стиле греческой антологической поэзии и переложение стихами отрывка своего письма к С. Л. Пушкину о смерти А. С. Пушкина...»⁴⁸. В другом не менее авторитетном издании указывается, что местонахождение подлинника, то

⁴⁸ Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4-х томах. М.—Л., 1959—1960. Т. 1, с. 467. В дальнейшем при ссылке на это издание в тексте будут указываться том и страница.

есть альбома гр. Ростопчиной, неизвестно, что «текст, напечатанный в газете «Русский», вошел в CVII, т. III, с. 475—477. Исправления в него внесены Ефремовым в «Русской старине» (1880, т. XXVIII, июль, с. 135)»⁴⁹.

Прежде всего следует заметить, что альбом, подаренный Жуковским гр. Е. П. Ростопчиной, в настоящее время находится в ИРЛИ в «Онегинском собрании»⁵⁰. В этом альбоме, как было указано еще М. Гофманом, находятся 152 стихотворения гр. Ростопчиной. На 1, 2 и 3-м листах — записи самой Е. П. Ростопчиной и ее дочери Лидии, в которых содержится история альбома, его заполнения и передачи в ноябре 1904 года в музей А. Ф. Онегина «во имя Поэзии и Идеала».

На обороте л. 3 находится известное письмо Жуковского гр. Ростопчиной при посылке ей альбома. Запись датирована 25 апреля 1838 года, то есть сделана ровно за неделю до отъезда поэта в свое заграничное путешествие, в которое он отправился 3 мая 1838 г.

На л. 4, 4 об., 5 об. и 6 — авторская рукопись стихотворных произведений Жуковского: черновой вариант вступления к «Ундине» и девять стихотворений в антологическом духе.

По нашему глубокому убеждению, все стихотворные произведения, вписанные Жуковским в «Черновую книгу Александра Пушкина», должны быть рассматриваемы как единое целое. Однако прежде чем перейти к такому целостному анализу, остановимся на той части стихотворений в антологическом духе, которая, как было отмечено, несомненно, является переводом из греческой антологии Гердера.

Все девять стихотворений вписаны в альбом черными чернилами рукой Жуковского, но представляют собой не беловик, а черновой рабочий текст со значительным количеством исправлений и вариантов, большинство из которых хорошо прочитывается. Ознакомление с альбомом позволяет внести ряд корректив в существующие печатные тексты, явно не верно прочитанные М. П. Погодиным при первой публикации и до сих пор не исправленные.

Обнаруженные нами в библиотеке Жуковского на страницах гердеровского тома переводы также не являются окончательными вариантами, содержат правку и позволяют проследить ход работы поэта над переводами некоторых стихотворений.

По всей вероятности, переводы на страницах книг были сделаны прежде, чем поэт вписал стихотворения в альбом, но и значительного разрыва между карандашными автографами

⁴⁹ Жуковский В. А. Стихотворения. Изд. «Библ. поэта», Л., 1956, с. 805—806.

⁵⁰ ИРЛИ. Онегинское собрание. 28. 466. ССШ. б. 138.

на страницах книг Гердера и чернильными автографами из альбома, вероятно, не было. Скорее всего, поэт начал переводить на полях книги, не удовлетворился этим, тут же перенес работу над переводимым произведением в альбом, писал и вновь правил.

В альбоме стихотворения расположены в том же порядке, в каком они печатаются во всех изданиях, то есть I — «Роза», II — «Лавр», III — «Надгробие юноше» и т. д. Показательно, что первые два, имеющие предварительный карандашный автограф в книге Гердера, сразу вписаны в альбом чернилами, следующее же — «Надгробие юноше», не имеющее автографа на страницах гердеровского тома, в альбоме записано сначала карандашом, таким же толстым, плохо заточенным, каким сделаны переводы на страницах XXI тома сочинений Гердера. Потом, прямо по карандашному тексту, написан чернильный текст. Однако некоторые строки не совпадают, и можно прочесть как первые строки карандашного варианта, так и вариант, написанный чернилами. Тексты остальных стихотворений в альбом вписаны только чернилами.

Прежде всего обратимся к стихотворению «Роза», которое, начиная с первой публикации его М. П. Погодиным в газете «Русский», печатается без каких-либо изменений.

1. Роза

Утро одно — и роза поблекла; напрасно, о дева,
Ищешь се красоты; иглы одни ты найдешь (I, 392).

Этот окончательный текст несколько отличен от того, который имеется в нашем автографе. Небольшое двестишесте не сразу далось поэту. Прежде всего в переводе Жуковский не делает каких-либо существенных (принципиально изменяющих смысл) отступлений от подлинника. Мысль о скоротечности жизни, о ее увядании заложена в немецком оригинале и передана поэтом. Однако немецкое «wenige Tage» (*мало, немного дней*) он стремится передать словами, выражающими большую краткость, меньшую протяженность во времени. Эта заданность на передачу более краткого периода, чем «немного дней», видимо, имелась с самого начала. Во всяком случае, первое слово, которое Жуковский записывает при переводе, — «быстро». Но зачеркивает его и несколько ниже начинает новую строчку: «День пролетел». Снова зачеркивает, начинает новую: «День миновал». Но глагол «миновал» опять не нравится поэту и он еще раз изменяет фразу: «День протек». С этого последнего варианта начинается запись первой строки в альбоме. Но и этот вариант не удовлетворяет поэта. При окончательной доработке «день протек» еще раз было заменено на «утро одно». Этот последний вариант, с одной стороны, передавал краткость, мгновенность периода жизни цветка, с другой — по форме более соответствовал

немецкому оригиналу, где мысль была выражена в безглагольной форме «wenige Tage». Вторая часть фразы «и роза поблекла» вылилась на бумагу сразу, вместе с последним найденным глаголом, и хотя под этой, найденной строкой был записан еще один вариант — «розы не стало», он был отвергнут, несмотря на то, что более соответствовал по смыслу немецкому «Stirbt Rose. Vorübergangen ist sie». «Поблекла» в данном случае звучит более элегически, чем «розы не стало». Роза есть, но она уже не та, нет ее былой красоты, она есть, но в ней нет жизни. Некоторая элегичность привносится в текст и обращением «о дева», которого нет в оригинале (где значится: «du suchest nun Rose») и которое появляется только в окончательном варианте, заменив собой зачеркнутое местоимение «ты».

Почти без изменений легла с самого начала на бумагу вторая половина второй строки: «иглы найдешь ты одни». Она сохранилась и в окончательном варианте с незначительной перестановкой слов. Правда, в альбомном варианте поэт сделал попытку заменить глагол «найдемь» на более архаический — «обретешь», но сразу же его зачеркнул, вернувшись к порвональному варианту.

Однако в имеющемся в нашем распоряжении автографе, как и в первоначальном варианте альбомного текста, образовалось некоторое противоречие. Ведь роза только *поблекла*. Почему же «Напрасно тогда Розы ищешь»? Ведь она есть. Почему же «Иглы найдешь ты одни»? Видимо, именно по этой причине в окончательный вариант было внесено еще одно изменение, и фраза стала звучать: «Напрасно... ищешь ее красоты». Явилась необходимая законченность и гармония.

Стихотворение «Лавр» вплоть до последнего четырехтомного издания сочинений поэта печаталось в редакции, опубликованной еще в 1867 году Погодиным. Третья строка во всех изданиях до 1959 года читалась:

Дафной я был. От объятий безумно любящего бога...

Однако в последнем четырехтомном издании она была заменена. Причины замены и источники новой редакции в издании не указаны.

II. Лавр

Вы, обаянные Вакхом певцы Афродитиных оргий,

Бойтесь коснуться меня: девственны ветви мои.

Дафной я был. От объятий любящего бога

Лавром дева спаслась. Читайте мою чистоту (I, 392).

Прежде всего необходимо сказать, что и в первую публикацию Погодиным, а тем более в четырехтомное издание сочинений Жуковского вкрались неточности. В альбоме, который указывался и указывается в качестве первоисточника,

третья строка «Лавра» читается вполне четко и определенно:

Дафна я был От объятий безумно любящего бога...

Идущее еще от погодинской публикации написание «*Дафной я был*» — ошибочно. Этот первоначальный вариант был зачеркнут и исправлен самим поэтом. У Жуковского творительный падеж существительного в именной части составного сказуемого заменен на именительный *не случайно*. Именительный падеж существительного в именной части составного сказуемого со связкой в прошедшем или будущем времени указывает на постоянство отношений, на *постоянное свойство* подлежащего, определяемого сказуемым, в то время как употребление творительного падежа в том же случае привносит оттенок ограниченности во времени, частности характера отношений⁵¹. Превращение Дафны в Лавр это не очередная метаморфоза, подобная перевоплощениям Протея, это уникальное и навечно закрепленное превращение *Дафны*, а не просто одной из нимф, в лавр. Нет сомнения в том, что сделанная Жуковским замена падежа в именной части сказуемого не является случайной, а носит принципиальный характер, и не учитывать ее при публикации нет никаких оснований.

Общий тон стихотворения Жуковского при всей близости перевода к оригиналу отличен от гердеровского «Der Lorbeerbaum». В стихотворении Жуковского акцент с *моления* о пощаде, подчеркнутого в немецком оригинале трижды повторенным глаголом *schonen* (щадить), перенесен на прямо выраженное *требование*: «Чтите мою чистоту».

В немецком оригинале две первые строки начинаются анафорой: «*Schonet meiner, ihr Trunken... schonet meiner, denn...*». Эта анафора подкрепляется и в последней строке: «*Schonet mein*». В переводе Жуковского нет такого троичного повторения какого-либо глагола. Но наличествующие в нашем автографе варианты отдельных строк говорят, что первоначально поэт имел намерение в значительной степени точно передать строки гердеровского текста. Так, первую строку он начинает: «О пощадите меня, вы, певцы...». Однако сразу оставляет ее, зачеркнув глагол «пощадите». И вместо нее записывает: «Вы, обуянные Вакхом певцы Кипридных оргий». Так эта строка и была первоначально записана чернилами в альбом. Но потом определение оргий было заменено. Вместо «Кипридных» стало «Афродитиных», что семантически равнозначно.

Не трудно заметить, что эмоциональный тон этой строки принципиально отличен от первой строки гердеровского стихотворения. «Обуянные Вакхом певцы... оргий имеют несколько иную эмоциональную окраску, чем просто «*Trunken*»

⁵¹ См. об этом, например: Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965.

и «brausenden Sänger der Liebe». Строка Жуковского, несомненно, содержит некоторый отрицательный эмоциональный заряд по отношению к певцам любви и поклонникам Вакха.

Вторая строка перевода вновь по аналогии с немецким текстом должна была начинаться со слов «О пощадите». Но, написав их, поэт сразу же их и зачеркивает и записывает строку, вошедшую без изменений в окончательный вариант «Бойтесь коснуться меня: девственны ветви мои». Вместо робкого «О пощадите», вместо мольбы зазвучала своеобразная угроза, как бы подкрепляемая в последней строке фразой: «Чтите мою чистоту», которая родилась под пером поэта и ни разу не была изменена до конца работы над стихотворением. Эти требовательные «Бойтесь» и «Чтите» придают всему стихотворению даже несколько необычный для большинства произведений Жуковского мужественный и энергичский характер, вовсе не противоречащий языческому духу античного мифологического сюжета. Эту энергичскую ноту неверно рассматривать как некое исключение в поэзии Жуковского. В данном цикле стихотворений она еще раз очень ярко прозвучит в стихотворении «Судьба», где поэт скажет: «Человек, прямо и смело иди!».

Стоит обратить внимание и еще на один первоначально написанный поэтом, но в окончательном варианте вычеркнутый эпитет. В последней строке перевода лавру был придан эпитет «нетленный» («Лавром нетленным...»), который, хотя и придавал строке большую торжественность и возвышенность, но применительно к лавру звучал несколько необычно. В своем основном значении (не подверженный разложению, не сгнивший) он просто неприменим к лавру; второе, переносное, значение слова «нетленный» (вечный, никогда не исчезающий) чуждо античной традиции, где данному значению соответствует прилагательное «бессмертный» (*immortalis*). И в том, и в другом случае эпитет «нетленный» вызывал чуждые антологической теме ассоциации и был вычеркнут поэтом.

В высшей степени интересным представляется нам третий автограф в XXI томе Гердера — перевод стихотворения «Auf Jupiters Bildsäule von Phidias». В книге он с небольшими изменениями во второй строке повторен дважды. Первый раз (менее аккуратно и стесненно) перевод сделан на нижнем поле 54-й страницы. Вторично (более крупно, почти без сокращений слов) — переписан на свободной от печатного текста 53-й странице. Текст читается хорошо.

Фидий, иль сам Громовержец к тебе нисходил от Олимпа,
Иль взошел на Олимп ты сам; чтоб Зевеса узреть (XXI, 53).

Единственное отличие от немецкого оригинала состоит в том, что имя создателя статуи Зевса у Гердера вынесено в на-

звание стихотворения, а в самом тексте он назван просто художником (Kunstler), тогда как Жуковский в переводе вводит имя Фидия в текст стихотворения и строит его как обращение к ваятелю, в то время как немецкий оригинал обращен к творению художника, что отражено и в названии.

Расхождение с печатным текстом, который не изменился со времен публикации Погодиным, как нам кажется, носит принципиальный характер. В печатном варианте стихотворение читается так:

Фидий! иль сам громовержец в тебе нисходил от Олимпа,
Или взлетал на Олимп сам ты его посетить (I, 393).

Что значит «... в тебе нисходил от Олимпа»? В нашем автографе в обоих случаях совершенно *четко* выписан предлог «к». Так же четко и ясно выписан он в альбомном варианте, что полностью соответствует и немецкому тексту, где речь идет о том, что Зевс с неба (von Himmel) снизошел, спустился к... (hernieder gestiegen). И Жуковский так и переводит: «..к тебе нисходил..» Далее в печатном тексте: «...или взлетел на Олимп...» В немецком тексте в обоих случаях употреблен один и тот же глагол steigen с приставками, имеющими противоположное значение («du steigest hinauf»). В данном случае — поднялся вверх, взшел. В нашем автографе Жуковский так и переводит: «Иль взшел на Олимп...» Это не только более соответствует немецкому тексту, но согласуется с самим духом античной мифологии и поэзии, где смертные, в отличие от мифологии христианской, не «возносились» и не «взлетали» с помощью божественных сил, а *всходили* на Олимп или спускались в Тартар, ступая по матери-земле.

И наконец, в печатном тексте читаем: «Иль взлетел на Олимп сам ты его *посетить*». Глагол «*посетить*» в данном случае не только не соответствует немецкому оригиналу, где мы читаем: «du ... sahst den Gott», но и не согласуется с основной мыслью стихотворения, не работает на нее. Как в немецком оригинале, так и в переводе Жуковского речь идет о восхищении автора скульптурой, воплощающей облик Зевса. Где художник мог видеть свою модель? Она являлась к нему или он поднимался к ней, дабы *увидеть* и *запечатлеть* ее? *Увидеть*, а не просто *посетить*. Правда, существующий печатный вариант второй строки соответствует автографу Жуковского из альбома, который мы условились считать вариантом более поздним по сравнению с карандашным автографом, а следовательно, окончательным.

В пользу печатного варианта «Фидия» могут быть приведены и соображения, относящиеся к ритмической организации двустишия. Дело в том, что рассмотренные выше стихотворения («Роза», «Лавр» и печатный вариант «Фидия»),

переведенные из того же гердеровского тома «Геродот» и «Гомер», а также III, IV и V стихотворения из альбома гр. Ростопчиной (к рассмотрению которых мы обратимся несколько ниже) как в подлиннике, так и в переводе написаны элегическим дистихом, представляющим собой, как известно, сочетание гексаметра с пентаметром. Наш вариант «Фидия» от этой метрической системы отступает. Если первая строка двустопная — гекзамер, то вторая — пятистопный анапест с неполной третьей стопой. Это сочетание не соответствует ритмическому рисунку подлинника и несколько необычно для передачи античных стихов, но Жуковский прибегает к нему неоднократно. Так, например, в последнем стихотворении того же цикла («Покойник»), также написанном в антологическом духе преимущественно типичными элегическими двустопиями, строка пятистопного анапеста появляется дважды (I и II), заменяя собой на сей раз не пентаметр, а гекзамер.

То есть поэт достаточно свободно использует трехсложные размеры для создания произведений в антологическом духе, более заботясь о глубине передачи мысли, нежели о строгом соблюдении классического ритмического рисунка.

Несколько ближе к обычной форме элегического двустопия был первый вариант перевода, написанный на нижнем поле 54-й страницы гердеровского тома, где вторая строка читается:

Иль на Олимп ты всходил и Зевеса узрел,

то есть представляет собой пятистопный дактиль. Однако Жуковский изменяет строку, стремясь к более точной передаче мысли. Это изменение кажется нам вполне закономерным и логически оправданным. В альбомном же варианте ритмический рисунок дистиха выдержан, однако, как было отмечено, в нем имеются смысловые неточности и явные, но логически необоснованные отступления от оригинала, что совсем не характерно для Жуковского.

Вот почему мы берем на себя смелость утверждать, что автограф «Фидия», имеющийся в библиотеке Томского университета, не уступает принятому в качестве канонического тексту из альбома гр. Ростопчиной ни с точки зрения чисто художественной, ни с точки зрения передачи мысли подлинника и заслуживает быть включенным в будущие издания произведений поэта хотя бы в качестве равноправного варианта.

Кроме рассмотренных нами трех автографов Жуковского из XXI тома сочинений Гердера, на нижнем поле 16-й страницы находится еще один, но не окончанный перевод из Гердера. Это стихотворение «Der Schlaf».

Der Schlaf

Schläfst du, Zenophila? süßes Geschöpf! o würd'ich auf deinen
Holden Augen anjetzt selbst der ambrosische Schlaf.
Ab legt'ich die Flügel, und Jupiters schönster der Träume
Sollte nicht lieblicher sich dir, o Zenophila, nahen (XXI, 16).

Автограф Жуковского представляет собой 3 незаконченные и недостаточно четко написанные строки:

Спишь, Зенофила, млада<я> харита, о если б <нрзб.>
Сном благод<ным> я мог очи твои осени<ть>
Крылья свои от <нрзб.> бы и...

Не имея возможности анализировать перевод Жуковского по причине его неоконченности и неполного прочтения имеющих строк, ограничимся замечанием о том, что он есть еще одно свидетельство того, что Жуковский неоднократно делал переводы из высоко ценного им немецкого поэта-просветителя.

Как мы уже упоминали, стихотворения «Надгробие юноше», «Голос младенца из гроба», «Младость и старость» и «Завистник» также переведены Жуковским из гердеровской антологии. Для подтверждения этого приведем тексты соответствующих стихотворений Гердера с их подстрочными переводами и стихотворения из альбома гр. Ростопчиной в том варианте, в каком они входят во все современные издания:

Der junge Schiffer

Auch ich habe beschiffen des Lebens Weilen; Aganar
Ist mein Name; doch ich schiffer' auf ihnen nicht lang?
Wüthender Sturm entstand; ich wolle trotzen dem Sturme,
Unglückseliger! da rissen die Weilen mich hin (XXI, 31).

<Я тоже проплавал на волнах жизни,
Аганар мое имя; но я плавал на них недолго
Возник яростный шторм. Я хотел сопротивляться шторму,
Несчастный! Тут волны меня низвергли.>

III. Надгробие юноше

Плавал как все вы, и я по волнам ненадежных жизни.
Имя мое Аноним. Скоро мой кончился путь.
Буря внезапно восстала; хотел я противиться буре,
Юный, бессильный пловец; волны умчали меня (I, 392).

Grabesstimme eines Kindes, das nach der Geburt starb
Mutter Erd' und Mutter Lucina, ich grüss' euch beide!
Dies Half mir ans Licht: Jene bedeckt mich sanft.
Und sonst kenn'ich keinen; unwissend, woher ich gekommen?
Wessen ich war? und wer? Ailes verbarg mir die Nacht (XXI, 30).

<Мать Земля и мать Люцина, я приветствую вас обеих!
Эта помогла мне явиться на свет, та нежно укрыла меня.
И больше никого я не знаю; неизвестно, откуда пришел я?
Чей я и кто был? все скрыла от меня ночь.>

IV. Голос младенца из гроба

Матерь Илифа и матерь Земля одни благосклонны
Были минуту мне. Та помогла мне жизнь получить,
Тихо другая покрыла меня; ничего остального —
Кто я, откуда, куда — жизнь не поведала мне (I, 392).

Jugend und Alter

Ach der fröhlichen Jugend! und ach des traurigen Alters!
Jener, dass sie so flicht; Dieses, dass es so eilt. (XXI, 58).

<Ах веселая молодость! и ах печальная старость!
Та, что спешит прочь, эта, что так приближается>.

V. Младость и старость

О веселая младость! О печальная старость!
Та — поспешно от нас! эта — стремительно к нам! (I 392).

Der Neider

Der Neider hasset den, den Gott geliebt;
O Thor! er streitet mit den Göttern selbst,
Und sauget aus den schönsten Blumen Gift,
Den Gottgeliebten lieb'ich willig auch.

<Завистник ненавидит того, кого возлюбил бог;
О глупец, он спорит с самими богами
И всасывает яд из прекрасных цветов,
Любимого богом я также охотно люблю>.

VIII. Завистник

Завистник ненавидит
Любимое богами;
Безумец — он в раздоре
С любящими богами;
Из всех цветов прекрасных
Он пьет одну отраву.
О как любить мне сладко
Любимое богами! (I, 393).

Близость всех четырех стихотворений к немецкому оригиналу настолько очевидна, что здесь, конечно же, речь может идти только о переводе.

Стихотворение «Der junge Schiffer» озаглавлено у Жуковского «Надгробие юноше». В альбоме гр. Ростопчиной оно, как указывалось выше, было написано дважды: сначала карандашом, а потом по карандашу — чернилами. Карандашный автограф полностью прочесть невозможно, но первые строки, как и первоначальное заглавие, прочитываются хорошо. С самого начала работы над переводом Жуковский изменяет название. Так, в карандашном варианте стихотворение названо «Гроб рано умершего», в окончательном тексте — «Надгробие юноше».

Замена названия в данном случае не носит принципиального характера, ибо в стихотворении Гердера речь идет не о юном моряке в прямом смысле слова (Schiffer буквально

означает: моряк, шкипер, лодочник), а о юноше, утонувшем в волнах жизни (*des Lebens Wellen*), не выстоявшем в жизненном шторме.

Как существенное изменение можно, пожалуй, рассматривать только появление в первой строке эпитета «ненадежная» к слову «жизнь». Этого эпитета нет у Гердера. В то же время он в значительной мере характерен для Жуковского, особенно в поздний период его творчества. Использованный в последней строке эпитет «бессильный» — не просто «несчастный» (*Unglückseliger*), но «юный, бессильный пловец», соотносясь с первой строкой, как бы еще раз подчеркивает ненадежность жизни и бессилие человека перед ее бурями. То есть в данном случае мы можем говорить о несколько ином эмоциональном настрое в переводе Жуковского, при сохранении общего идейно-художественного целого немецкого оригинала.

В то же время в печатном варианте стихотворения изменено имя юноши. У Гердера он — Аганар, в печатном варианте — Аноним. Однако к данной замене Жуковский не причастен. И в карандашном, и в чернильном автографах из альбома гр. Ростопчиной четко написано сохраненное в соответствии с оригиналом имя Аганар.

Первая и вторая строки перевода, где названо имя юноши, никакой существенной правки не содержат. Без правок написана и последняя, четвертая строка. Третья же строка перевода в карандашном варианте начиналась словами: «Сильная буря настала». Так же она была первоначально записана и чернилами, но потом зачеркнута, и произведена замена этих слов на «Буря нежда <нно> восстала».

Не трудно заметить, что этот вариант отличен от того, который включается во все печатные издания, начиная с публикации Погодина, где строка вместо совершенно отчетливого, но, как часто бывает у Жуковского, не до конца выписанного слова «нежданно», содержит странное, русифицированное написание старославянского «вънезапу». Этот старославянизм, несмотря на свое русифицированное написание, в контексте поэзии Жуковского, а тем более в антологическом стихотворении, кажется каким-то ископаемым чудовищем, удивляющим взор и слух читателей. Слово же «нежда<нно>» настолько отчетливо написано в рукописи альбома, что никакое другое прочтение его просто невозможно. Следовательно, стихотворение Жуковского должно быть напечатано при дальнейших публикациях таким образом:

Плавал, как все вы, и я по волнам ненадежная жизни.
Имя мое Аганар. Скоро мой кончился путь.
Буря нежданно восстала; хотел я противиться буре,
Юный, бессильный пловец; волны умчали меня.

В гердеровском стихотворении «Grabesstimme eines Kindes, das nach der Geburt starb» («Замогильный голос младенца, который умер после рождения») мысль о мгновенности, краткости времени пребывания на земле младенца задана в самом названии. В тексте стихотворения она фактически не подчеркнута. Жуковский при переводе сокращает название, а мысль о краткости мгновения младенческой жизни переносится им в сам текст. «Минуту» были благосклонны к дитяте «матерь Земля и матерь Илифа». В связи с этим и немецкое «Alles verbarg mir die Nacht» («Все скрыла от меня ночь») передано как «Жизнь не поведала мне». Всей жизни была только минута, и не успела она ничего поведать младенцу. Замена имени Люцина в немецком тексте на Илифа в печатном варианте Жуковскому не принадлежит.

При первой публикации этого стихотворения М. Погодин, видимо не сумев прочесть отдельные слова в рукописи поэта, заменил некоторые из них многоточием. Первые две строки стихотворения при первой публикации и при перепечатке ее в III томе седьмого издания сочинений Жуковского под редакцией П. А. Ефремова выглядели так:

Матерь... и матерь здесь одни в близости
Были минуту мне. Та помогла мне...

При дальнейших публикациях в стихотворение были внесены уточнения и исправления. Однако часть неточностей и ошибок осталась. В рукописи альбома стихотворение читается:

Матерь Люцина и матерь Земля здесь одни благосклонны
Были минуту ко мне. Та помогла мне жизнь получить,
Тихо другая прикрыла меня; ничего остального.
Кто я, откуда, куда — жизнь не поведала мне.

Действительно, в первой строке имя Люцина написано недостаточно разборчиво, тем более, что первоначально поэт записал: «Матерь земля и матерь Люцина», следуя в переводе непосредственно за оригиналом. Но, сразу же зачеркнув слова «земля» и «Люцина», поэт вновь вписал их, поменяв при этом местами. Перемена могла быть вызвана стремлением упорядочить строку ритмически (после замены строка стала чистым гекзаметром). Вставленное публикаторами имя Илифа семантически равнозначно имени Люцина и, видимо, было вставлено по смыслу вместо многоточия в публикации Погодина. Это тем более объяснимо, что в греческом тексте, с которого были сделаны переводы Гердера и которыми пользовался при переводе этого же стихотворения Д. В. Дашков, стоит имя Илифа.

Кроме первой строки рукопись данного стихотворения читается почти без затруднений. Однако во второй строке

при первой и последующих публикациях исчез предлог «ко», ясно означенный в рукописи и требуемый правилами русской грамматики, а в третьей строке глагол «прикрыла» был заменен при публикации другим — «накрыла».

Таким образом, новое ознакомление с рукописью Онегинского собрания ИРЛИ и знание источника перевода помогают восстановить подлинный текст перевода Жуковского.

Двустиише «Jugend und Alter» переведено поэтом почти дословно. Переводчик сохраняет общее ритмическое движение стиха, определяемое не только размером, но и наличием цезуры в обеих строках как в оригинале, так и в переводе, и синтаксической и словесной анафорой в каждом образующем цезуры полустииши. Однако употребление переводчиком в первой строке высокого «младость» вместо обычного, разговорного «молодость» и замена междометия «Ах!» на более эмоционально насыщенное «О!» (в русском и немецком языках оба эти междометия соответственно близки по значению) придают переводу несколько большую приподнятость и торжественность. Большая эмоциональная напряженность двустииши в переводе создается и за счет изменения синтаксического строения второй строки. В немецком оригинале вторая строка представляет собой сложносочиненное бессоюзное предложение, состоящее из двух сложноподчиненных повествовательных предложений с союзом что (dass). В переводе строка образована двумя простыми неполными восклицательными предложениями, в которых опущены сказуемые. Отсутствие сказуемого, выраженного глаголом движения при сохранении определяющих его слов, придает обоим предложениям не только более живой, разговорный характер, но и сообщает строке большую динамичность.

В последнем, переведенном из Гердера стихотворении обращает на себя внимание несколько необычная ритмическая его структура. В отличие от всех других, рассмотренных выше стихотворений, написанных трехсложными размерами (преимущественно элегическим дистихом), «Der Neider» представляет собой четырехстишие, написанное пятистопным ямбом с цезурой после 3-й стопы в 1,2 и 4-й строках и мужской клаузулой. Жуковский переводит его как восьмистишие, состоящее из трехстопных ямбических строк с женской клаузулой. Но, изменив строфическую структуру, Жуковский сохраняет особенности синтаксического построения фразы подлинника. В немецком оригинале каждая строка представляет собой семантически и синтаксически законченное целое. У Жуковского такое семантическое и синтаксическое единство составляют каждые две соседствующие строки (1 и 2, 3 и 4, 5 и 6, 7 и 8), что при чтении приводит к слитному произнесению этих пар строк и на слух воспринимается как произнесение шестистопных ямбических строк с цезурой

после третьей стопы, то есть очень близко к немецкому оригиналу.

В то же время нельзя не отметить и одного, на наш взгляд, достаточно существенного отклонения от оригинала, допускаемого переводчиком в этом стихотворении. В первой строке оригинала читаем: «Завистник ненавидит *того, кого* возлюбил бог», то есть *объектом* божественной любви и ненависти завистника является если не конкретное лицо, то все-таки какой-то человек, что подкрепляется последней строкой, где речь вновь идет о любимце бога (*den Gottgeliebten*). Выражая своего рода «общую формулу» определенной общечеловеческой коллизии, стихотворение в то же время естественно проецируется и на конкретную жизненную ситуацию. При этом указательное местоимение *den* и существительное *den Gottgeliebten* как бы «замещаются» конкретным именем, конкретным лицом. В этом единстве общего и частного, универсального и конкретного во многом и состоит тайна и обаяние произведения искусства.

В переводе стихотворение утрачивает тот неопределенно-личный оттенок, который имеется в оригинале, и становится безличным: «Завистник ненавидит любимое богами» и «О как любить мне сладко *любимое* богами». Форма среднего рода, придавая причастию «любимый» более расширительное значение, лишила стихотворение какой бы то ни было конкретности, что, как нам представляется, в определенной степени ослабляет его идейно-художественное звучание.

Как и в ряде других произведений этого цикла, при первой публикации вкралась неточность, которая не была исправлена и при последующих перепечатках. Пятая строка перевода в альбоме графини Ростопчиной совершенно четко читается: «Из *их* цветов прекрасных...» Поскольку в переводе единственное существительное во множественном числе — боги, то, очевидно, местоимение «их» относится к богам, и, видимо, речь идет не обо *всех цветах*, а о цветах богов, то есть о человеке, лучшем божественном создании, венце творения. И хотя строка «Из их цветов прекрасных» в смысловом отношении ничуть не ближе к оригиналу, чем вошедшая в печатный вариант («Из всех цветов прекрасных»), она должна быть восстановлена в соответствии с автором поэта.

Итак, рассматривая данные стихотворения как памятник античной поэзии, поэзии прекрасной, сохраняющей вечно живую прелесть для читателей, и видя в Гердере достаточно авторитетный источник для знакомства с этой поэзией, Жуковский в отобранных им для перевода произведениях, как правило, стремится к сохранению смысла, образной системы и ритмической структуры подлинника.

Все вышесказанное относится к семи стихотворениям из альбома гр. Ростопчиной. Но в альбоме не 7, а 9 стихотворений, написанных в антологическом духе. Если обратиться к рукописи, то в глаза бросается следующее: все девять стихотворений написаны одним почерком, одними чернилами, характер правок во всех них одинаковый. Создается впечатление, что писались они если и не в «один присест», то одно за другим, как когда-то в течение пяти дней были переведены 9 басен Флориана, а потом также подряд 9 басен Лафонтена.

Наличие определенного единства в замысле этой группы стихотворений было замечено еще при первой публикации М. Погодиным, который пронумеровал стихотворения независимо от наличия или отсутствия заглавия в рукописи в том порядке, в каком они написаны в альбоме Жуковским. Седьмым по счету в альбоме вписана «Судьба», девятым — стихотворение, не озаглавленное в рукописи и названное при первой публикации Погодиным «Покойник». Ни «Судьба», ни «Покойник» (и это можно утверждать с полным основанием) переводами из Гердера не являются. В то же время оба стихотворения (несмотря на то, что по образной системе они как бы «выпадают» из антологической тематики) написаны элегическим дистихом, придающим определенное единство тона и настроения всем девяти произведениям. Вряд ли можно считать случайным, что «Судьба», стихотворение, главный образ которого лишен античной гармонии, оказалось вписанным между переводами из греческой антологии, а «Покойник», стихотворение, лишенное каких-либо сугубо античных образов, заключает всю группу стихотворений, придает ей особую завершенность. Поэтому понимание смысла и характера переводов из гердеровской антологии, как нам кажется, было бы неполным без рассмотрения всех произведений, объединяющихся в оригинальный маленький цикл «стихотворений в антологическом духе».

Между тем кроме кратких комментариев, даваемых к этой группе стихотворений, в литературе о Жуковском никогда не говорится о его антологической лирике. Даже в таких, казалось бы, специальных работах, как статья Л. И. Савельевой «Античность в творчестве Жуковского»⁵², стихотворения из альбома гр. Ростопчиной даже не упомянуты.

Действительно, стихотворений, написанных в духе античной лирики, а равно и переведенных из греческой антологии, у Жуковского очень немного. При жизни поэта большинство из них даже не было напечатано. Тем не менее это вовсе не значит, что поэт относился к ним как к чему-то второсте-

⁵² В кн.: Романтизм в русской и зарубежной литературе. Казань, 1974.

ценному, не заслуживающему внимания. Нет. Он вписал их в «Черновую книгу», принадлежавшую когда-то Пушкину и уже потому особенно дорогую для него. В книгу, которую он, уезжая надолго из России, не увез с собой, а подарил другому поэту, человеку, способному, как и он сам, по достоинству оценить (и оценившему!) полученную им реликвию.

Первым в альбом было вписано стихотворное вступление к «Ундине». Под рукописью аккуратно проставлена четкая дата — 27 февраля 1837 г. Это значит, что вступление написано после завершения всего произведения, после написания прозаического предисловия к нему (написано 26 июля 1836 г.), когда Цензурным Комитетом уже было подписано к печати первое отдельное издание «Ундины». В комментариях к вступлению всегда указывается, что обращено оно к великой княгине Александре Николаевне. Вероятно, по этой причине его не удостоивают не только анализа, но иногда не считают даже нужным включать в текст произведения при публикации «Ундины»⁵³, забывая, что каждая строка большого поэта несет в себе драгоценную частицу его души. А перед нами не строка, а восемь лирических, полных живого дыхания поэзии строк.

Да, во второй части вступления действительно говорится о том, что когда-то укрытый «царской багрянницей» младенец превратился в «живого, как вдохновенье», ребенка, встречая которого поэт порой «душу воскрешает» «и иногда, забывшись, вновь может петь. Этим ребенком действительно является в. к. Александра Николаевна, которой к моменту написания вступления едва исполнилось 11 лет.

Но отчего умерла душа поэта? Почему, лишь «забывшись», он может отдаваться творчеству? Об этом недвусмысленно сказано в начальных строках вступления:

Бывали дни восторженных видений;
Моя душа поэзией цвела;
Ко мне летал с вестями чудный гений;
Природа вся мне песнею была.

Оно прошло то время золотое;
С природы снят магический венец;
Свет узанный свое лицо земное
Разоблачил, и призракам конец⁵⁴.

Сквозь довольно обильные романтические символы («восторженные видения», «чудный гений» и т. д.) отчетливо проступает глубоко личное, трагическое мироощущение поэта. Дата, стоящая под стихотворением, как бы расшифровы-

⁵³ См., например: Жуковский В. А. Сочинения в одном томе. М., 1954.

⁵⁴ Рассмотрение правок, содержащихся в тексте рукописи не входит в нашу задачу. Но на одной из правок все-таки необходимо заострить внимание. Вторая строка второй строфы первоначально читалась так: «И с жизни снят магический венец» (курсив наш — Н. Р.).

вает, переводит поэтический текст в реальный план: 27 февраля 1837 г. Ровно месяц назад, 27 января, произошла роковая дуэль, на которой смертельно ранен Пушкин. Через два дня его не стало. Находящийся у постели умирающего, проводивший его в последний путь, Жуковский, потрясенный, «не имевший духу писать», 15 февраля все-таки написал письмо С. Л. Пушкину о последних минутах великого поэта. Жизнь, лишившись романтических призраков и «магического венца», дохнула на поэта своим леденящим дыханием. Она растоптала «тяжкой ногой» «любимого национального поэта» России. «Погибла сильная, крепкая жизнь, полная гения, светлая надеждами», — писал Жуковский.

Группа антологических стихотворений, несомненно, написана вскоре после этих трагических событий. У нас нет оснований оспаривать дату, которая указывается во всех комментариях — 1837 год⁵⁵. Если же учесть, что 2 мая 1837 года поэт выехал из Петербурга, отправившись в путешествие по России, которое продлилось до конца года, то можно предполагать, что стихотворения были созданы не ранее начала марта и не позднее середины апреля 1837 года, ибо с этого момента Жуковский уже целиком занят приготовлениями к отъезду, который был назначен на 27 апреля⁵⁶, но по каким-то причинам несколько задержался.

Почти все предшествующее отъезду время (до непосредственных сборов) Жуковский поглощен хлопотами о делах Пушкина, разбором его бумаг, подготовкой посмертного издания его произведений. Его буквально преследует мысль о том, что Пушкин погиб «в ту минуту, когда его созревание совершилось», погиб, «достигнув до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь с кипучею, иногда беспорядочною, силою молодости, тревожимой гением, предается более спокойной, более образовательной силе здравого мужества, столь же свежей, как и первая, может быть не столь порывистый, но более творческой» (IV, 602).

Оборвалась жизнь гениального поэта. Что это? Только ли трагическая случайность? Или, быть может, есть какие-то извечные, общечеловеческие законы, проявление которых неизбежно? Человек и судьба его в этом мире — вот тема, которая владеет поэтическим воображением Жуковского в это время и которая находит свое реальное художественное воплощение в группе стихотворений, написанных в антологическом духе. Она выражается не только в непосредственных переводах из гердеровской антологии, в характере

⁵⁵ Во всяком случае, посылая альбом гр. Ростопчиной в апреле 1838 г., Жуковский говорил о вошедших в него стихотворениях как о давно написанных, которые могли быть уже опубликованы, но «не напечатаны нигде».

⁵⁶ См. письмо Жуковского С. Л. Пушкину от 11 апреля 1837 года. — В кн.: Пушкин и его современники. Вып. VIII, 1908.

отбора переводимых произведений, но, что очень существенно, основная идейно-художественная нагрузка в этом плане ложится на *оригинальные* произведения поэта, включенные в этот цикл — «Судьба» и «Покойник».

Обратимся к стихотворению «Судьба». Заметим, что в том же томе Сочинений Гердера, откуда сделаны все, рассматривавшиеся выше переводы Жуковского, есть три стихотворения с тем же названием — «Das Schicksal» (XX, 22, 232, 249). Во всех них так или иначе выражена мысль о бессилии человека перед могуществом высших сил, о тщетности попыток сопротивляться судьбе. Вот одно из них:

Das Schicksal

Träget das Schicksal dich; so trage du wieder das Schicksal.
Folgt' ihm willig und froh; willst du nicht folgen, du musst (XX, 22).

Вне сомнения, поэт не мог не заметить этих стихотворений. Но он не только не переводит ни одно из них, но создает свое, главная мысль которого по существу противоположна мысли, выраженной в гердеровском произведении:

Судьба

С светлой главой, на тяжких свинцовых ногах между нами
Ходит судьба! Человек, прямо и смело иди!
Если, ее повстречав, не погупишь очей и спокойным
Оком ей взглянешь в лицо, сам просветлеешь лицом;
Если ж, испуганный ею, пред нею падешь ты, наступит
Тяжкой ногой на тебя, будешь затоптан в грязь.

Как указывает в комментариях Ц. Вольпе, сюжет стихотворения мог родиться из разговора В. А. Жуковского с поэтом И. И. Козловым, переданного в воспоминаниях А. Н. Муравьева, опубликованных им в 1871 году. У нас нет оснований сомневаться в самом факте разговора, происшедшего между двумя поэтами. Однако хотелось бы обратить внимание на два момента. Во-первых, факты, приводимые в воспоминаниях А. Н. Муравьева, не датированы. Судя по всему, воспоминания создавались автором лишь в конце жизни (А. Н. Муравьев умер в 1874 г.) как рассказы о былом и носят фрагментарный характер. Во-вторых, интересующий нас отрывок воспоминаний содержит явную неточность. Автор утверждает, что после слов Жуковского о судьбе «Козлов заплакал и потом переложил слова сии на стихи»⁵⁷. Стихотворения о судьбе у И. Козлова не известно. Стихотворение на эту тему было создано Жуковским. Разговор, о котором упоминает А. Н. Муравьев и которому он был свидетелем, не мог произойти ранее 1830 года, ибо, как он сам отмечает в воспоминаниях, знакомство с Жуковским

⁵⁷ Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 20.

состоялось «после моего возвращения из Иерусалима в 1830 году». Вполне возможно, что разговор происходил даже после создания стихотворения, то есть после 1837 года. К этому предположению нас склоняет тот факт, что в воспоминаниях Муравьева слова Жуковского приводятся как целостное поэтическое повествование, в котором нет каких-либо существенных отклонений в характере образов от известного нам стихотворения. Между тем в альбоме гр. Ростопчиной «Судьба» содержит правку (хотя и небольшую в количественном отношении), относящуюся к главному образу стихотворения. Первоначально первая фраза стихотворения читалась так:

С светлой главой на тяжелых свинцовых ногах между нами
Ходит несчастье...

Слово «несчастье», могущее быть синонимом к слову «судьба», но более узкое по значению, было сразу зачеркнуто и заменено. То есть к моменту начала работы над стихотворением главный образ его окончательно еще не оформился, не сложился.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы свидетельствуют о том, что сам образ судьбы-несчастья вынашивался в сознании поэта задолго до того, как нашел свое поэтическое воплощение в стихотворении. Так, в альбоме, подаренном Жуковскому великой княгиней Александрой Федоровной в 1821 году (ф. 286, оп. 2, ед. хр. 229), на л. 5 вслед за обширной (л. 2 об.— л. 4 об.) записью на немецком языке, сделанной рукой Жуковского и датированной 4(16) апреля 1821 года, им же по-русски записано:

Можно сравнить несчастье с величественным великаном, имеющим [светлый] прекрасное, светозарное лицо и ноги свинцовые; кто высок или кто может подняться, чтобы посмотреть ему в глаза и стать лицом к его лицу, тот озарится его блеском, и его собственное лицо просветлеет; но тот, кто низок, или, ужаснувшись его блеска, наклонит голову, чтобы его не видеть, тот попадет под его свинцовые ноги и будет или затоптан в грязи или раздавлен. Несчастий громогласный проповедник провидения и вечности. Горе имеющему слабый слух. Оглушенный звуками голоса, он не услышит вести великой.

Запись не датирована, но, судя по почерку и чернилам, сделана приблизительно в то же время, что и запись на немецком языке. Текст занимает около $\frac{1}{3}$ страницы, остальная часть листа чистая. В дальнейшем записи в альбоме возобновляются только на л. 11 и датируются 19 июля 1824 года. Запись сделана четким, мелким почерком, почти без помарок. Единственное исправление — зачеркнутое слово «светлый». Слово «подняться» выделено самим Жуковским.

Конец отрывка, начиная со слов «Несчастий громогласный проповедник...» как бы «выпадает» из общего тона изложения. В начале отрывка разговор шел о несчастье, а образ

великана был только развернутой метафорой к нему. Здесь же громогласный великан как бы сам становится субъектом действия, несет «весть великую». Ему придано новое качество — громогласность, о чем не было речи в начале. Появился и новый объект действия — некто, «имеющий слабый слух» и не способный «услышать весть великую». То есть по существу создается совершенно новый образ, новый сюжет, не совсем логично связанный с началом, хотя и несомненно восходящий к одному источнику — библейской мифологии.

Вторично аналогичную запись находим в альбоме 1821—1825 гг. Александры Воейковой, хранящемся в ИРЛИ (Архив Воейковой и Мойер. 22728. С VIII. б. 3А). На первом листе альбома запись рукой А. Воейковой: «Album de l'année 1821 — Petersbourg. Donnée par Mama, pour les extraits de mes lectures». Первоначально альбом, видимо, предназначался для учебных целей, но первая же запись в нем (л. 2) сделана Жуковским. Под датой 13 июля 1822 года вписано стихотворение «О милых спутниках...» и обширный авторский комментарий к нему.

Значительное количество записей в альбоме сделаны самой А. Воейковой. Многие из них носят, очевидно, учебный характер. Это выписки с указанием страниц из немецких и французских авторов. Ее же рукой вписано прозаическое переложение «Lalla Roukh», переписаны некоторые стихотворения Пушкина, Тютчева, Жуковского, Языкова. Кроме записей А. Воейковой и нескольких автографов Жуковского в альбоме содержатся автографы Языкова, Тютчева и некоторых других лиц.

На л. 79 после ряда выдержек о счастье, взятых «из альбома С. Карамзиной, из стихотворений Батюшкова и Жуковского рукой Воейковой вписано:

Жуковский

«Несчастье можно сравнить с величественным юношею великаном, имеющим прекрасное светозарное лицо, а ноги свинцовые. Кто велик или может подняться, чтобы посмотреть ему в глаза или стать лицом к его лицу, тот озарится его блеском, а его собственное лицо просветлеет; но тот, кто низок или, ужаснувшись его, наклонит голову, чтобы его не видеть, тот попадет под его свинцовые ноги и будет ими затоптан в прах или раздавлен».

Ни под одной из выписок дат нет. Ближайшая предшествующая дата (л. 76) — 19 июня 1824 г., ближайшая последующая — 1 апреля 1825 г. (л. 85). Можно предполагать, что приведенный отрывок из Жуковского вписан не ранее начала 1824 года.

Хотя запись не является автографом поэта, вряд ли можно допустить, что сделана она без его ведома, тем более, что в ней имеются достаточно существенные отклонения от приводившейся выше авторской записи. Вернее предполо-

жить, что запись сделана с какого-то выправленного самим автором текста, нам пока неизвестного.

Приведенный отрывок имеет более сжатый стилистически и образно более целостный характер, чем запись 1821 года. Прежде всего, текст сокращен. Исчезла вторая часть первоначальной записи, нарушавшая единство образа (со слов «Несчастий громогласный проповедник...»). Внесенная в отрывок стилистическая правка (перестановка слов, замена союзов) имеет глубоко содержательный характер. Но помимо этого в отрывке содержатся и более значительные семантические изменения.

Главная мысль отрывка в обоих случаях заключается в противопоставлении двух типов отношения к несчастью-великану. Но в первой редакции противопоставляется тот, «кто высок или кто может *подняться*, чтобы посмотреть ему в глаза и стать лицом к лицу...» и тот, «кто низок, или, ужаснувшись его блеска, наклонит голову, чтобы его не видеть...» Прилагательное «высокий» имеет множество значений. Причем основное, первое его значение — определение роста, размера предмета. Переносное значение «возвышенный, высокий духом» является одним из последних. То же следует сказать и о прилагательном «низкий». Его основное значение — малый по высоте. Поскольку соотношение «того, кто высок» и «того, кто низок» дается еще в их отношении к «величественному великану», то на первый план невольно выдвигаются именно первые, основные значения, хотя совершенно очевидно, что главная мысль поэта — в ином.

Во второй редакции прилагательное «высок» заменено на «велик». Причем оно графически выделено в тексте (подчеркнуто) так же, как и прилагательное «низок». То есть теперь в тексте оказались выделенными три несущих основную идейную нагрузку слова — *велик*, *подняться* и *низок*. Первое и основное значение прилагательного великий (в его краткой форме) — выдающийся, высокий духом. Естественно, что, будучи в тексте первым, оно, как бы по ассоциации, ведет за собой соответствующие значения последующих слов: подняться — возвыситься духом; низкий — подлый, бесчестный. Замена первого эпитета привела к более обобщенной, более «возвышенной» трактовке образа и его основной идеи. Очевидно, в соответствии с этим более простое и обыденное «грязь» заменяется во второй редакции на более высокое — «прах».

Во второй редакции исчезает существительное «блеск» во фразе: «но тот, кто низок, или, ужаснувшись его блеска, наклонит голову...» Ведь великан со светозарным лицом и свинцовыми ногами это лишь метафора, символ несчастья. А «блеск несчастья» — нечто не совсем понятное и ясное.

Таким образом, вторая редакция записи, отстоящая по времени от первой не менее чем на 2—3 года, отличается большей краткостью, ясностью и отточенностью главной идеи и несущего ее центрального образа.

Эта вторая редакция, как было отмечено, могла появиться не позднее 1825 года, то есть не менее чем за 12 лет до написания стихотворения «Судьба». Были ли еще промежуточные редакции, промежуточные варианты — пока неизвестно. Однако очевидно, что мировоззрение поэта за эти годы претерпело существенные изменения, что сказалось на характере воплощения центрального образа в стихотворении 1837 года.

В прозаических записях несчастье лишь «можно сравнить» с «величественным», «имеющим прекрасное светозарное лицо» великаном, во второй редакции даже с и «юношею-великаном» (выделено мною.— Н. Р.). Правда, у него «ноги свинцовые», но он величествен, а не страшен, ибо главное внимание в тексте обращено на лицо, прекрасное и светозарное. Содержащееся в прозаических отрывках противопоставление того, «кто высок», тому, «кто низок» (несмотря на дополнительное уточнение), предполагает определенную долю справедливости в распределении «даров судьбы»: «кто велик, тот «озарится блеском» и «его собственное лицо просветлеет», «кто низок» — «будет... затоптан в прахе или раздавлен».

Совершенно иную расстановку акцентов находим мы в стихотворении:

С светлой главой, на тяжких свинцовых ногах между нами
Ходит судьба!...

Перед нами уже не юноша-великан, а колосс. Мы не видим прекрасного и светозарного лица его, а эпитет «светлый» в данном контексте лишен какого бы то ни было оттенка возвышенности и духовности. Зато ноги колосса теперь не только «свинцовые», но еще и «тяжкие». Теперь не поэт сравнивает судьбу с великаном, а она сама, став субъектом действия, «ходит меж нами». Мерные, медлительные гекзаметры как бы передают ее тяжкую поступь. Внимание со «светлой главы» переносится на тяжкие ноги, о которых вновь говорится в последней строке. И если в прозаических записях речь шла о том, что испугавшийся сам «попадет» под ноги великана «или будет затоптан в грязи (прахе) или раздавлен», то в стихотворении подчеркивается, что судьба «наступит тяжелой ногой на тебя». Никаких «или» не будет, «будешь затоптан в грязи». В грязи, а не в прахе. Никакой возвышенности, никакой торжественности. Судьба жестока и неумолима.

Исчезло в стихотворении и имевшееся противопоставление «великого» и «низкого», исчез наметившийся было мотив

возможности справедливого воздаяния. Его место заступил другой: «Человек, прямо и смело иди!» Пугающей судьбе-колоссу противопоставлена человеческая стойкость и мужество, готовность «спокойным оком» глядеть в лицо судьбе.

Нам думается, что стихотворение «Судьба» явилось результатом своеобразного поэтического осмысления окружающих поэта событий, воспринимаемых им не как стечение отдельных трагических ситуаций или случайностей, а как проявление неизбежных общечеловеческих законов, как бы преломляющихся сквозь призму мирового искусства и вновь воспринимаемых поэтом. Отсюда и соединение в пределах одного стихотворения разнородных поэтических традиций. Мудрость древней Эллады и мудрость народов Востока, сопряженные с размышлениями о современности, породили в «Судьбе» совершенно оригинальный поэтический сплав, подобный тому, который нашел выражение в «Римских элегиях» Гете⁵⁸.

Сам образ колосса с золотой головой и тяжелыми свинцовыми ногами взят поэтом из Библии (Даниил, II, 31—34). Восходящее к этому же библейскому образу выражение «колосс на глиняных ногах» затмило в нашем сознании исходный образ, сузило возможности его истолкования. Сузило для нас, но не для Жуковского, хорошо знакомого с библейскими легендами.

В указанных строках Библии читаем:

«Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он перед тобою, и страшен был вид его.

У этого истукана голова была из чистого золота, прудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные».

Это видение колосса есть видение *судьбы*, будущего, того, что произойдет с царством Навуходоносора, а не просто символ его государства, как иногда истолковывается этот образ. В той же книге Библии (Даниил, III) повествуется о людях, отказавшихся поклониться золотому истукану, изваянному царем, отказавшихся и вышедших победителями из столкновения с тиранической волей правителя. Очевидно, обе эти легенды нашли отражение в образной системе стихотворения Жуковского. Но образ судьбы-колосса, будучи включенным в общую систему античных образов, содержащихся в других стихотворениях, приобрел чисто языческую, лишенную каких бы то ни было мистических мотивов трактовку.

Стихотворение «Судьба» с ярко выраженной в нем идеей стойкости, мужества, смелого шествия человека навстречу

⁵⁸ «Чувствую радостно я вдохновенье классической почвой, Прошлый и нынешний мир громче ко мне говорят», — писал Гете в «Римских элегиях». Гете. Собрание соч. в 10-ти т., т. I. М., 1975, с. 185.

судьбе не только определенным образом перекликается со стихотворением «Лавр», но подтверждает нашу мысль о далеко не случайном появлении в переводе «Lorbeerbaum» энергической ноты, изменившей общий тон гердеровского стихотворения.

Последнее стихотворение, завершающее собой цикл в антологическом духе, не имеет названия в рукописи. Посылая в апреле 1838 года альбом в подарок гр. Ростопчиной, написав посвящение и историю самого альбома, Жуковский не нашел нужным указать, к кому обращено стихотворение. Между тем в нем нет ни одной конкретной детали, ни одного конкретного образа, которые бы позволили назвать имя умершего:

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив; голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем — в жизни такого
Мы не видали в этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! но какую-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним; и спросить мне хотелось: «Что видишь?»
(I, 393).

Умер не младенец, не успевший научиться отличать свет от тьмы, не пылкий юноша, бездумно бросившийся в жизненное море и утонувший в бурных волнах его, не древний старец, до дна испивший чашу земного бытия. Умер зрелый муж, «в ту минуту, когда его созревание совершилось». Он умер, но смерть не властна над «мыслью, глубокой, высокою мыслью», которой продолжает светиться лицо отошедшего в иной мир. Как сказано в одном из стихотворений гердеровской антологии, «Das die Gestalten formt, ist unvergänglich und ewig»⁵⁹ (XXI, 72 «Die Verstorbenen»).

Стихотворений, которые так или иначе соприкасаются с данным произведением Жуковского по теме, по характеру отдельных образов в гердеровской антологии довольно много. Таково, например, двестише

Das Antlitz der Entschlafenen

Schau' das holde Gesicht der entschlaf'nen Chloe; der Seele
Schönheit glänzet auf noch in der Entschlafenen süß (XX, 86).

<Взгляни на прекрасное лицо усопшей Хлои,
Красота души еще сладостно сияет на усопшей>.

«Облик усопшего» — так можно было бы озаглавить стихотворение Жуковского. «Кто он, откуда, куда» — не известно. Да это и не существенно. Он человек, человек, проживший

⁵⁹ «То, что приемлет формы,— неистребимо и вечно».

сложную жизнь. Он знал «тяжкую работу», в нем когда-то «горел вдохновения пламень», «сиял острый ум», он мог, «не потушив очей», «спокойным оком» взирать в лицо судьбе. Но жизнь ушла, быть может, не без помощи того, кто «из всех цветов прекрасных» «пьет одну отраву». Ведь именно «Завистник» предшествует последнему стихотворению цикла.

В «Покойнике» нет ни одного специфически антологического образа, ни одного мифологического имени. Авторская позиция грустно-созерцательная, не ощущается ни тени протеста против жестокости или несправедливости судьбы или смерти. Увядает красота в природе, умирает, едва родившись на свет, младенец, в бурном жизненном море гибнет полный надежд юноша, уходит в иной мир зрелый муж — все властно одним общим законам.

Размышления о бесчисленных личных потерях, о трагической гибели Пушкина⁶⁰, разочарование в возможности воспитать достойного правителя, наступившее у Жуковского к концу 30-х годов, — все это в какой-то мере отразилось и воплотилось в оригинальной поэтической форме антологического цикла. Можно сказать, что гердеровские стихотворения послужили тем «кремнем», ударившись о который, замечательный поэтический талант Жуковского высек яркие искры. И наиболее тесно связанное с окружающими поэта событиями стихотворение «Покойник», преисполненное тихой, величественной скорби, звучит как торжественный реквием, завершающий содержащиеся в цикле размышления о красоте и ее быстротечности в этом мире («Роза»), о величии и святости искусства («Фидий», «Лавр»), о хрупкости и краткости человеческой жизни («Голос младенца из гроба», «Надгробие юноше», «Младость и старость»), о чело-

⁶⁰ После того, как была замечена текстуальная близость стихотворения «Покойник» и известного письма Жуковского к С. Л. Пушкину о смерти А. С. Пушкина, за условным названием, данным стихотворению Погодиным, стало появляться заключаемое в скобки уточнение: «А. С. Пушкин», которое в дальнейшем полностью перешло в заглавие. В последних изданиях стихотворение прямо названо «А. С. Пушкин».

Не отрицая существования непосредственной связи темы стихотворения с гибелью великого поэта и бесспорных текстуальных совпадений с письмом Жуковского С. Л. Пушкину, считаем нужным заметить, что самим поэтом стихотворение оставлено без названия и включено в группу антологических стихотворений. Поэтому более правомерно рассматривать его как часть цикла, а не как самостоятельное произведение или выпадающее из группы антологических пьес «переложение стихами отрывка своего письма к С. Л. Пушкину о смерти А. С. Пушкина» (1,466).

Указание на связь письма Жуковского и рассматриваемого нами стихотворения необходимо только в комментариях. В самом же тексте, как нам представляется, лучше сохранить название, данное Погодиным, как это делается в V и VI стихотворениях, не нарушающее стиля и композиции антологического цикла.

веческой судьбе, избежать которой нельзя, но которую нужно встретить достойно.

Таким образом, обратившись в конце 30-х годов к греческой антологии Гердера, Жуковский рассматривает ее не как источник разнообразных поэтических тем, образов или символов, равно пригодных для поэзии всех времен, но отбирает из античной лирики произведения, которые, будучи замечательными памятниками древней греческой поэзии, одновременно несут в себе отражение «вечных», общечеловеческих тем, проблем и законов бытия. Отсюда своеобразная «двойственность» в характере перевода. С одной стороны, стремление к максимальной точности в передаче основной мысли, системы образов, размера подлинника, с другой — включение этих переводов в свою собственную поэтическую систему через объединение их в оригинальный поэтический цикл, отражающий размышления автора над современными ему проблемами и содержащий как переводные, так и совершенно оригинальные произведения.

«СИД» ГЕРДЕРА В ПЕРЕВОДЕ ЖУКОВСКОГО

Неизвестный автограф

Обращение Жуковского к переводу испанских романсов о национальном герое испанского эпоса Родриго Диасе по прозвищу Сид было закономерным развитием его убеждения в необходимости знакомить читателей с лучшими произведениями народного творчества, представляющими собой памятники определенных историко-культурных эпох. В России романсы о Сиде впервые стали известны по пересказам Гердера. И самым интересным материалом при изучении поэтических переводов Жуковского из Гердера оказался автограф Жуковского в отдельном издании «Сиды» Гердера, автограф, принципиально отличающийся от печатного текста.

Известное произведение В. А. Жуковского «Сид» относится во всех изданиях к 1831 году. Дата эта, во-первых, зафиксирована самим поэтом⁶¹. Кроме того, именно в 1831 году произведение было опубликовано в «Муравейнике»⁶². Давая библиографическое описание «Муравейника» в 1867 году, П. Бартнев обратил внимание на то, что

⁶¹ Среди бумаг Жуковского (Ф. 286, оп. 1, ед. хр. 35, л. 8 об.) находится собственноручный список произведений поэта, с указанием времени их написания. Под датой 1831 г. значится: «Сид». Генварь».

⁶² «Муравейник». Литературные листы, издаваемые неизвестным обществом неученых людей», 1831, № 1, с. 9—12, № 2, с. 11—19.

в первом номере «Муравейника», где была опубликована I часть «Сиды», значилось: «Продолжение в следующих №». Однако продолжение появилось не в следующих, а в одном следующем, втором номере, хотя «Муравейник» вышел в количестве 5 номеров. «Из чего можно заключать, — пишет автор описания, — не было ли у Жуковского переведено из «Сиды» более того, что мы теперь имеем»⁶³.

С момента этого предположения прошло уже более 100 лет, но текст «Сиды» продолжает существовать все в том же объеме и виде, в каком он впервые увидел свет. Исключение составляет лишь написание имени главного героя, которое в первоначальной публикации, как и в рукописях Жуковского, имело несколько иной вид — Цид. Рукопись «Сиды», с которой сделана публикация в «Муравейнике», не сохранилась.

Насколько нам известно, специальных исследований о «Сиде» Жуковского не существует. Краткий текстологический комментарий к нему мы можем найти в работе С. П. Шестакова⁶⁴ и в значительной мере повторяющих его в более краткой форме примечаниях к 4-томному собранию сочинений поэта⁶⁵. Ни в одной из известных работ о Жуковском не поднимается вопрос о том, что имеющийся печатный текст — не единственный вариант перевода Жуковским испанских романсов о Сиде.

Между тем в библиотеке Томского университета среди книг, принадлежащих поэту, хранится, как уже упоминалось, отдельное издание «Сиды» в обработке Гердера⁶⁶, содержащее черновой вариант перевода 16 песен (со 2 по 17) первой части произведения («Der Cid unter Ferdinand dem Grossen») общим объемом 870 строк, в то время как известный печатный вариант этой же части составляет всего 339 строк.

К какому времени принадлежит вновь найденный перевод? Архивные материалы говорят о том, что работу над «Сидом» Гердера Жуковский начал в марте 1820 года. В архиве поэта находится рукопись⁶⁷, представляющая собой перебеленный чернилами текст. В верхней части листа в виде заглавия написано:

⁶³ П(авел) Б(артенев). Книжная редкость. — «Русский архив», 1867, № 2, с. 300.

⁶⁴ Шестаков С. П. Заметки к переводам В. А. Жуковского из немецких и английских поэтов. — «Чтения в обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при Казанском университете». Казань, 1903, т. 23, с. 60—65.

⁶⁵ Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4-х томах. М.—Л., 1960, т. 3, с. 548—549.

⁶⁶ J. G. Herder. Der Cid. Nach spanischen Romanzen... Stuttgart, 1820.

⁶⁷ Ф. 286, оп. 2, ед. хр. 20, л. 1.

«Сид в царствование Фердинанда (великого) ⁶⁸. Март, 28. 1820 г.».

Далее в левой половине листа поставлена цифра 1, и под ней четко вписан рукой поэта перевод первой песни гердерова «Сида» с разбивкой на строфы, соответствующие строфам подлинника. В правой половине листа поставлена цифра 2, что, видимо, должно было обозначать вторую главу. Однако ни одной строки текста в правой половине листа нет.

Как утверждают комментаторы (С. П. Шестаков, В. П. Петушков), первая глава гердеровского «Сида» стала в печатном варианте Жуковского третьей главой первой части. Однако текст рукописи, являясь, как и печатный текст, переводом произведения Гердера, от печатного текста существенно отличается. Собственно говоря, полностью совпадают в обоих вариантах только 9 из 52 строк рукописи (1-я, 2, 5—8, 22, 39 и 46-я).

Итак, 28 марта 1820 года был сделан перевод первой песни «Сида». Вторая песня, для записи которой на листе оставлено место, не написана или, по крайней мере, не перебелена, как первая. Почему?

Быть может, что-либо подскажут дневники? Переписка? Но ни в дневнике, ни в имеющейся в научном обороте переписке никаких непосредственных свидетельств о работе над данным переводом нет. Дневник за 1820 год сохранился только начиная с 3 октября. Запись гласит: 3 октября. Дерпт. Выехал 3 в 12 часов ⁶⁹. 3 октября Жуковский отправился в свое первое заграничное путешествие.

Не многим более сохранилось и от переписки Жуковского за 1820 год. Однако из писем Жуковского к А. П. Елагиной от 25 января — 3 февраля ⁷⁰, М. А. Протасовой от 14 и 24 марта, 16 и 18 июня и ее же писем к А. П. Елагиной от 3 августа и 30 сентября ⁷¹ ясно, что с февраля и до начала сентября 1820 года, когда Жуковский приехал в Дерпт, он жил в Петербурге, преимущественно в Аничковом дворце. Это было время подготовки и сборов к первому заграничному путешествию. «Приехал из Дерпта... Бедная моя поэзия!» — восклицает Жуковский в письме к А. П. Елагиной от 25 января — 3 февраля 1820 г. И действительно, пишет он в 1820 году крайне мало. «Песня» («Отымает наши радости...»), «Три путника» (из Уланда) да несколько стихотворных посланий к придворным дамам — вот вся художественная продукция этого года. Теперь к этим немногим произве-

⁶⁸ Так у Жуковского.

⁶⁹ Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1901, с. 72.

⁷⁰ Сб.: В. А. Жуковский. Изд. журн. «Русский библиофил». Бмг., с. 91.

⁷¹ «Уткинский сборник», 1. М., 1904, с. 235, 238—240, 243, 273.

дениям по праву можно присовокупить перевод 1-й песни Гердерова «Сида».

Накануне отъезда 2 октября 1820 года, Жуковский пишет А. П. Елагиной: «...Я теперь в Дерпте и отправляюсь в Берлин... Думаю, что это путешествие будет и физически и нравственно полезным: может быть вялость душевная побавится, и я опять освежусь и примусь за свою поэзию»⁷².

Вторую главу «Сида» Жуковский, видимо, просто не успел даже начать в сутолоке сборов. Но желание перевести одно из лучших гердеровских творений не оставляло поэта, и он, по всей вероятности, захватил с собой в дорогу небольшое, почти карманное издание «Сида», хранящееся сейчас в Томской библиотеке. Именно тем, что книга была в дороге, переводилась урывками, не всегда в благоприятных для работы условиях, можно объяснить тот факт, что Жуковский записывал перевод прямо между строк печатного текста, на полях и свободных частях страниц. Аккуратный, не любивший, чтобы его книги разбредались по рукам и не возвращались к владельцу (о чем он пишет в письмах А. И. Тургеневу), Жуковский переводил прямо на книгах только тогда, когда не было возможно работать за бюро или письменным столом.

В книге перевод начат со второй песни, той самой, для которой, видимо, было заготовлено место на листе рядом с перебеленной рукописью песни первой. В переведенной части томик часто перегибался. Переплет его испортился, и та часть, в которой сделан перевод, рассыпается на отдельные листы, тогда как остальная часть книги в хорошем состоянии.

В пользу предположения, что перевод в нашей книге делался в дороге, в необычных и неблагоприятных для работы условиях, говорит и тот факт, что некоторые переводимые строфы первоначально были написаны карандашом и лишь потом по карандашу обведены чернилами.

Перевод выполнен черными чернилами, но они то жидкие, то густые, то писан пером твердым, мелким аккуратным почерком, то пером мягким, буквы крупные, имеются кляксы, чернила растекаются. Иногда, правда довольно редко, перевод, что называется, «выливается» на бумагу. Это могут быть отдельные строки, иногда целые строфы или даже несколько строф. Они сделаны чисто и без помарок. Но это не значит, что они легче прочитываются. Такой «излившийся» единым духом перевод часто записывается поэтом не полностью, слова не заканчиваются, вместо слов оказываются настоящие иероглифы.

⁷² Сб.: В. А. Жуковский. Изд. журн. «Русский библиофил», Бмг., с. 93—94.

Порою строфа «не дается». Поэт вновь и вновь дает варианты отдельных слов, целых строк и даже строфы целиком. Иногда слова вычеркиваются и вновь восстанавливаются. Чаще всего поэту удается добиться желаемого, и на полях появляется перебеленный вариант. Но случается, что окончательный вариант так и не создается. И некоторые строфы так и остались незавершенными: отдельные строки в них не совсем увязались между собой, не совсем согласованы. Но таких строк единицы.

Как известно, Жуковский иногда по многу лет вынашивал идею перевода или создания того или иного произведения. Он многие годы мог собирать материалы, нужные, по его мнению, для написания произведения. Такова история «Владимира». Много лет вынашивал Жуковский и планы переделки «Ундины». Но, начав работать над произведением, Жуковский обычно доводил его до конца сразу. Если же по какой-то причине он оставлял работу над текстом, то к доработке его впоследствии возвращался редко. Быть может поэтому в бумагах и книгах Жуковского ждут нас неожиданные открытия, таятся не известные нам, неопубликованные произведения.

«Сид» в его первоначальном варианте (1820 год) Жуковский не окончил. Об этом говорит не то, что он перевел всего 17 песен (он мог перевести и больше и меньше), но наличие отдельных недоработанных строк. Можно предположить, что работу над гердеровским произведением он оставил уже в конце 1820 года.

За 1821 год дневники Жуковского сохранились довольно полно. Здесь есть записи, начиная с января и кончая последними числами декабря 1821 года. Больших перерывов в дневнике нет и причины их обычно объяснены последующими записями. В дневнике за этот год отражена работа над многими произведениями, но о «Сиде» упоминаний нет.

В 1821 году, хотя Жуковский по-прежнему путешествует по Европе и жалуется на нехватку времени, он много работает над другими произведениями. Не говоря уже о нескольких мелких стихотворениях и переводах, в этот год он пишет «Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук», переводит «Шильонского узника» Байрона, «Пери и Ангел» Томаса Мура, завершает перевод «Орлеанской девы» Шиллера. Трудно предположить, что при такой интенсивной работе он мог еще урывками (а именно так, судя по характеру текста рукописи, и переводился «Сид»), продолжать работу над произведением Гердера.

В нашем литературоведении довольно прочно утвердилось мнение, что первым переводчиком гердеровских романсов о Сиде в России был П. Катенин. На это указывает,

в частности, М. П. Алексеев⁷³. В другом исследовании даже утверждается, что именно Катенин явился создателем стиля, связанного со строфой испанского романсера, и что «... даже литературный недруг Катенина Жуковский в своих «Романсах о Сиде» зависит от этого стиля»⁷⁴.

С последним положением вообще невозможно согласиться, ибо даже известный нам печатный вариант «Сиды» Жуковского был опубликован, а следовательно, стал достоянием читателей в 1831 году, тогда как катенинский перевод появился в печати лишь через год, в 1832 году.

Если же утверждения издателя П. Катенина справедливы и перевод был завершён Катениным в 1823 году⁷⁵, то и тогда перевод Жуковского, имеющийся в нашем распоряжении, более ранний.

Ниже мы приводим текст перевода Жуковского, обнаруженный нами в бумагах В. А. Жуковского (I глава) и в книге Гердера, хранящейся в библиотеке Томского университета (II—XVII главы). Общий объём рукописи (I—XVII главы) — 923 стиха. Разбивка текста на строфы (без нумерации) принадлежит Жуковскому и соответствует гердеровскому тексту. Варианты, имеющиеся в томской рукописи, даются в конце основного текста.

Цид в царствование Фердинанда великого

I

- Мрачен, грустен Дон Диого!
Что сравнить с его печалью.
О своей погибшей славе
Он тоскует день и ночь.
- 5 Посрамлен навеки древний
Знаменитый дом Ленесов.
Не равнялись ни Иниги
Ни Аварки славой с ним.
- 10 Оскорбленный древний старец
Слезы льет, сходя в могилу.
А Дон Гормас торжествует
Без отмщения над ним.
- Сон забыв, не зная пищи,
Он очей не поднимает,

⁷³ Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Изд. ЛГУ, 1964, с. 153—154.

⁷⁴ Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973, с. 163.

⁷⁵ Н. Бахтин в примечаниях к изданию сочинений П. Катенина пишет: «Романсы о Сиде из Гердера переведены г. Катениным еще в 1822 году. Существование сего перевода было многим из наших литераторов в то время известно; наконец в 1830-м было о сем объявлено и в «Литературной газете»... Между тем г. Жуковский перевел также «Романсы о Сиде» и издал их в свет. Перевод г. Катенина потерял через то прелесть новости... Г. Катенин в переводе своем не сделал никаких перемен после того, как оный был окончен в 1823 г.» — Катенин П. Сочинения. 1831, ч. 2, с. 190.

Als ob er, vor Alter rothend,
Sichs Herren Tod vertrauet.
Ob er noch Ihn an sich gahret,
Wird er den Degen an:

„Der schlagt sey es, du ehler
Degen, das ein Arm Dich fasset,
Stech des Daphards Arm und fählest
Du, das ihm noch Stärke fehlet?“

„Nichts wirts wird er niemals weichen,
Wenn er Dich im Kampfe fähret;
Ehler, Du von gutem Stahle,
Doch von besserem ist sein Herz.“

„Wirth wird dessen, dem Du dienstest,
Der sey, dem (sthan Du dienstest);
Wird er jemals unperth Deinert,
Nun, so stehst Du keinem mehr.“

„Tief in seine Eingeweide
Pflanzt er dich: hinaus ins Freiel
(Wird er) denn die Stund' ist kommen
Der gerechtesten Noth Zeit.“

„Schnellich, das es niemand wuhte,
Ging er aus des Waters Hause;
Und noch war es keine Stunde,
Kam er seinen folgen Feind.“

3. Автограф Жуковского на 7-й странице отдельного издания «Сид» Гердера. Перевод П песни

- 15 За порог свой не выходит,
 Не отвечает друзьям,
 Не приемлет их приветов,
 Ни сердечных утешений;
 Посрамленного дыханье
- 20 (Мыслит он) срамит друзей!
 Наконец сложил он бремя
 Скорби мрачно-одинокой,
 Сыновей созвал, но с ними
 Слова он не говорит.
- 25 И в молчаньи грозном руки
 Крепко узами связал им,
 Все трепещут и рыдая
 Просят жизнь им сохранить.
- 30 Нет душе его надежды!
 Но отчаянному бодрость
 С упованьем возвращает
 Дон Родриго, младший сын.
- На отца блеснув очами,
 Отступил он и воскликнул:
- 35 «Иль забыл отец мой, кто ты?
 Иль не ведасшь, кто я?»
- «Если б ты своей рукою
 Сам меня не опоясал
 Боевым мечем на славу—
- 40 Был бы меч в твоей груди!»
 Слезы градом покатались
 По родительским ланитам;
 Он прижал ко груди сына:
 «Ты, Родриго, ты мой сын!
- 45 «Бодрый гнев твой мне услада!
 Скорбь твоя мне исцеленье!
 Не с отцом, мой сын Родриго,
 С посрамителем отца
- Ты изведай меч мой!» — «Где он?
 Кто обидчик?» — сын воскликнул.
- 50 Дал едва отцу и время
 Про обиду рассказать.

2

- Удаляется Родриго
 Полон гнева, полон думы
- 55 О враге своем могучем,
 О младых своих годах.
- Знает, в горной Астурии
 Дон Гормас богат друзьями,
 И в совете королевском,
- 60 И в сраженье первый он.
- Но лишь вспомнит, как обижен
 Был отец, и все иное
 Позабыто, и управы
 Ждет себе лишь от небес.

- 65 Храбрость — требованье чести,
Храбрым юность не <причина>,*
А за честь охотно гибнет
И младенец в пеленах.
- 70 Со стены он меч снимает,
Меч, испробованный в битвах,
Знаменитый меч Модарда!**
(Одинок на стене
Он висел, как бы горюя
О руке его носившей).
- 75 И Родриго, им любуясь,
Так приветствовал его:
«Ведай меч мой, что дождался
Ты руки такой отважной,
Как модардова, хоть силой
- 80 С ней она и не равна.
Новый витязь твой не дрогнет
В битве <ратуя> с тобою;
Пусть булат твой благороден,
Благородней сердцем я!
- 85 Чей ты был, тому победа.
Будет тот, чей ты, <отважен>.
Если будешь обесчещен,
Меч, не будь тогда ничей.
- 90 Глубоко врагу в утробу
Ты <проникнешь> обнаженный.
Обнажись же! Наступила
Мести праведной пора».
- И тайком, никем не видим,
Дом отцовский он покинул.
- 95 Не прошло еще и часа,
Как стоял он пред врагом.

3

- Там на площади дворцовой
Встретил витязь Дон Гормаса,
Одного, без провожатых,
100 И вступил с ним в разговор.
«Дон Гормас, ответствуй, знал ли
Ты о сыне Дон Диего,
Оскорбив рукою дерзкой
Святость старцева лица?
- 105 Знал ли ты, что Дон Диего
Есть потомок Лайна Калва,
Что породы нет славнее,
Нет славней его щита?
- 110 Знал ли, что пока дышу я,
Не дерзал еще ни смертный,
Ни бессмертный сам владыка
Ненаказан оскорбить?»

* В ломаные скобки заключены слова, прочтение которых дается предположительно.

** У Жуковского М о д а р д а, тогда как у Гердера M o d a r d a.

- Дон Гормас в ответ: «Младенец,
 Что и жизни половина
 115 Ты не знаешь». — «<Знаю> твер<до>», —
 Смелый витязь возразил.
 «Половина жизни — почесть
 Воздавать достойным чести,
 А другая половина —
 120 Горделивцев унижать
 И заглаживать обиды
 Кровью дерзких», — и умолкнув,
 Он упер в лицо Гормаса
 Раскаленные глаза.
 125 «Что ж? Чего ты ждешь, младенец?» —
 «Головы твоей надменной».
 «Розог ждешь ты!» — Царь небесный.
 Как от слов сих вспыхнул Цид!

4

- Горько слезы, тихо <слезы>
 130 По ланитам старца <льются>.
 За столом своим семейным
 Он сидит, все позабыв.
 О стыде своем он мыслит,
 О младом своем Родриго,
 135 О ужасном поединке,
 О могуществе врага,
 Обесчещен — все прискорбно,
 Недоверчив, безнадежен.
 Но душою млад и весел,
 140 Тот, кто честь свою сберег.
 И скорбящий не заметил,
 Как вошел к нему Родриго,
 Приложив ко груди руки***
 И под мышкой меч зажав.
 145 С состраданием глубоким
 На отца глядел Родриго;
 <нрзб.> подходит и пожавши
 Руку старца: «Ешь, отец», —
 Говорит, придвинув пищу.
 150 Но быстрее старца слезы
 Поилися! «Ты ль, Родриго,
 Мне даешь такой совет?»
 «Я родитель! Смело можешь
 Ты поднять священны очи».
 155 «Спасена ли наша слава,
 Отвечай мне». — «Он убит!»
 «Сядь со мной, мой сын Родриго,
 Поделись со мною пищей:
 Кто с врагом подобным сладил,
 160 Первый тот в своем роду».

*** В рукописи, видимо, по ошибке слова переставлены местами: «ко руки груди».

Со слезами на коленях
Сын лобзает руки старца,
И в слезах лобзает старец
Сына в очи и уста.

5

- 165 Крики, вопли, шумны крики,
Конский топот, стук оружия
Раздаются во Бургосе,
Королевский двор открыт,
И король на шум выходит
170 Из палат своих высоких,
С ним идут его вельможи
Ко дворцовым воротам
У ворот стоит Химена,
Распустив власы в печали
175 И слезами заливаясь,
Пала ниц пред королем.
И вблизи был Дон Диего,
Триста мужей благородных,
Позади его, и с ними
180 Гордый, смелый кастильянец
Дон Родриго; те на мулах —
Он один лишь на коне.
Те в перчатках с бахромою;
Он один в простых перчатках;
185 Те в парче, серебре и злате;
Он один в <стальной> броне.
И народ, и двор, завидя
Приближенье их, воскликнул:
«Вот дитя, которым славный
190 Дон Гормас был побежден».
Витязь твердо и сурово
Оглянулся и промолвил:
«Если кто обижен смертью
Дон Гормаса, друг, родня,
195 Кто бы ни был, конный, пеший
Выходи!» — Но все замолкли.
«Пусть с тобой дерется, шельма,
Если хочет, Сатана».
Тут все триста провожатых
200 Сходят с мулов, чтоб покорно
Подойти к руке монарха.
Дон Родриго лишь один
На коне. «Сойди, Родриго —
Говорит отец, — к монаршей
205 Подойти руке ты должен».
«Если требуешь, родитель,
То исполню для тебя».

6

- На коленях, умиленно
Короля Химена молит.
210 Орошенная слезами
И прекрасная в слезах,

- 215 Словно роза молодая
Под росой младой денницы,
На ланитах пламень скорби;
Лишь слова ее певец
- А не взоры и не вздохи
В песнях выразить способен.
«Государь,— она сказала,—
Правосудия молю.
- 220 Пал могучий мой родитель.
Как змея отра<вой> жалит,
Так мечом своим убийца.
Моего прон<зил> отца.
- 225 Моего отца, потом <ка>
Тех <блестящих> знамен<осцев>
Православного Пелага,
Высту<павших> с ним в бою,
- Моего отца, защиту
Чистой веры христианской;
230 Он был ужас Альмандзоров,
Он был первым <среди равных>,
Он жемчужина <короны>,
Драгоценная <медаль>.
- 235 Правосудия молю я!
Государь неправосудный —
Стыд престола, страх <бессильных>,
Ненавидим он <могучим>,
Нет ему от королевы
Ни привета, ни любви.
- 240 Иль ты дикий зверь, Родриго!
Грудь моя перед тобою:
Порази ж, чего ты медлишь!
Выл убийцею отца,
- 245 Будь и дочери убийцей!
Мы с тобой враги отныне.
Мести требую от неба,
Землю всю зову на ты!»
- 250 Не отвечает Родриго,
Шевелит уздою конской
И, спиной поворотившись
К полку<водцам>, поджидал он,
Что из <них> сразиться выйдет
По следам его противник.
Но ни с места ни один!
- 255 То увидевши, Химена
<нрзб.> и громко
<нрзб.>: «Мести, крови!
Я отмщения цена!»
- 260 За столом сидел Фернандо
Во дворце своем в Бургосе.
Там в слезах Химена пала
На колени перед ним.

- И промолвила стыдливо
 <Умоляющее> слово:
 265 «Государь, будь мне защитой.
 Милой матери меня
- Скорбь безвременно лишила;
 Незаглажена осталась
 Наша честь, пока убийца
 270 Ненаказанный живет.
- Каждодневно, как в насмешку,
 Необузданный Родриго
 Мимо наших окон скачет,
 Бойкий сокол на руке.
- 275 Им он травит белокрылых
 Голубей моих, ты видишь
 Кровь моей ручной голубки
 На косынке у меня.
- 280 Часто я то запрещала;
 Что ж его ответ<ом> было?
 Вот какие ныне строки
 Мне в обиду он прислал****.

8

- На Кастилию напали
 Мавры, пять их предводило
 285 Королей; опустошенье,
 Смерть и плен по их следам.
- Уж в окрестностях Бургоса,
 Монтедока, Бельдорадо,
 Сан Доминго и Нарары
 290 Вся страна расхищена..
- Похищают стада, жатву,
 Христиан влекут в неволю,
 Старцев, жен, девиц, младенцев;
 Старики безмолвно плачут,
 295 Робко спрашивают дети
 Матерей: «Куда идем?»
- Собрался с добычей мавры,
 Чтоб идти с ней восвояси.
 И пути не преграждали
 300 Им никто, ни сам король.
- Но в Биваре в крепком замке
 Сведal ту беду Родриго;
 Двадцать лет едва <считал он>,
 Но отважный был он муж.
- 305 Бабиека конь оседлан,
 На него Родриго прынул,
 Словно бог на громовую
 Колесницу; вслед за ним
- 310 Все отца его вассалы;
 Уж они близ Монтедока

**** Далее Жуковский опускает при переводе текст послания Родриго Химене (8 строк) и 9 заключительных строк песни.

И стоят стеною ратной
Дождаются врага!

- Царь небесный! Что за битва!
Мавры все легли на месте,
315 А <похищенные стада>,
Христиане, старцы, жены
Идут веселы и вольны
Во свояси; пять плененных
320 Королей послал в подарок
Победитель Дон Родриго
Дон Фернанду королю.

9

- На престоле Дон Фернандо
Внемля жалобам народа,
Заседал, определяя
325 Награжденья и награды*****.

Наказаньем и наградой
Управляется народ.

- Вдруг является Химена,
Триста мужей благородных
330 Вслед за ней, и ко престолу
Приближается она.

- В черной траурной одежде
Дочь могучего Гормаса
У последняя ступени
335 Пала ниц и говорит:

«Государь, уже полгода
С той поры прошло печальной,
Как убийственной рукою
Поражен родитель мой.

- 340 Я не раз тебя с <поклоном>
О <вмешательстве> молила
И не раз мне обещал ты
Правосудие и месть.

- Но обет свой не исполнил;
345 Юн и дерзко необуздан
Насмехается Родриго
Над законами людей.

- Ты же сам ему защита!
Кто дерзнул бы руку мести
350 Вознести на Дон Родриго,
Был бы худо награжден.

- Но владыка правосудный
Бог земной; неправосудный
Не любим; неблагодарен
355 Пред отчизной; засекает
Злобу, ненависть, раздоры
И гоненья семена.

***** Здесь у поэта, видимо, описка.

- Государь, о том подумай
И прости мне, что упреком
360 Стала горькая молитва
Беззащитной сироты».
- «Твой упрек тебе прощаю,—
Отвечал король Химене,—
Но запомни: для тебя же
365 Сохранил я Дон Родриго!
<Днесь его ты> смерть молила,
Скоро будешь о спасеньи
Мила друга ты <молить>».

10

- Чья бывала слава громче,
370 Громкой славы Дон Родриго?
Пятерых пленил он разом
Мавританских королей.
- Взявши с них обет под<данства>,
Обязавши их налогом,
375 Их без выкупа в отчизну
Дон Фернандо отпустил.
- Град Коимбра был в осаде
(Семь лет длилася осада),
Но свершилось — пали башни,
380 Пали стены городские
- К Дон Фернандовым стопам.
И мечеть преобразили
В светлый храм Пречистой Девы,
Там и рыцарское бденье
385 Дон Родриго совершил.
- Сам король на Дон Родриго
Меч навесил <на одежду>,
Королева <боевого>
Подвела ему коня.
- 390 Донна Урака, инфанта,
Подала златые шпоры
И подумала краснея:
«Где подобный рыцарь есть?
- Сколь счастлива поселанка!
395 Невозбранно, без укора
Может взор ее свободно
Любоваться, веселиться
Красотой его лица.
- Но счастливее супруга,
400 Обещающая богу
Жизнь, судьбу, любовь и душу
Несравненному отдать».
- Так инфанта говорила,
Говорила не устами,
405 А горячим, жарким сердцем,
Томно тлеющим в груди.

- «Благородный Дон Родриго,
Ты прекрасен, млад, разумен,
Но тебя да покарает
410 Бог за то, что, безрассудный,
На мое напал ты сердце,
Позабыл, кто я, кто ты.
- Град тобою завоеван,
Пятерых царей неверных
415 Ты пленил и Дон Гормаса
Победил молодой рукою.
Но, Родриго, чем гордишься!
Каждый рыцарь благородный
То ж и боле совершит.
- 420 Ты рожден для дел великих,
Ты потомок предков славных.
Но <прелестны ли> награды
Совершающему должность?
Если ж требуешь награды,
425 Жди ее от рук монарха,
Жди ее не от меня.
- Я сокровищ не имею!
Но не мысли ты, что бедность
Нас могла с тобою сблизить!
430 Я монархов славных дочь!
И для дочери монарха
Нужды нет в таком богатстве,
Нам приданое наш славный,
Наш великий царский род.
435 Не срамит, а возвышает
Бедность мой высокий сан.
- Дочь Гормасова богата!
Уж не золото ли ты <любишь>
Нет! К тебе несправедливой
440 Не хочу, Родриго, быть!
Ты любим, любовь свободна.
Для меня же не утрата,
Что Химену любит Цид.
- <Пряжа — нити для жемчужин>,
445 Для вассала — дочь вассала.
Я бедна — алмаз прекрасный,
<Или в злате> — все алмаз.
- Ты красавец — но красую
Уподобился Нарциссу.
450 Мудр — но что пред Соломоном?
Знатен — мало ли знатнее?
Храбр — но чем же величаться:
Нет испанцев трусов.
Ты богат — не честь богатство,
455 И глупец богат иной.
Славен — сколько было славных
Позабыто на земле.
- Рыцарь, в зеркало смотряся,
Ты любишь себя;

- 460 Чтоб свою умерить гордость,
Стань пред <зеркалом> моим,
Поглядись в <него> смирен<но>
И в толпу тебе подобных
Удались, благоговея
- 465 Перед дочерью царя».
- Так свою любовь скрывая,
Донна Урака инфанта
Говорила, и безмолвно
Перед ней стоял Родриго.
- 470 И умолкнув, удалилась
Вышивать в уединенье
Златом перевязь для Цида,
Им не требуемый дар.

12

- 475 Дни весенние настали,
И земля, как будто фея,
Из старушки поседлой
Обратилась в молодую,
Расцветающую нимфу.
- 480 Дон Фернандо из Бургоса
Из палат своих блестящих
В благодатную долину
Вышел; двор его за ним.
- Благосклонно давши руку
Дон Родриго, отошел он
- 485 С ним к ручью, который мчался
Серебристою струею
В изумрудных берегах.
Долго длилась беседа.
Все, участвуя очами,
- 490 Не участвовали слухом
В разговоре тайном их.
- И король сказал: «Родриго!
Я люблю тебя отважи<ым>,
Но без опытности света
- 495 Наименее обходится
Знаешь с женщинами ты.
- Всем владычество — <вот> страсть их,
И покорно все их воле;
Что мужчина их игрушка?
- 500 Наша мужеская воля
Никогда не устояла
Перед слабостью жен.
- Скажешь: женщину создавши,
В свой прекрасный дом создатель
- 505 Ввел за тем, чтоб все твори<лось>
Для нее и ею в свете,
Но чтоб было неприметно,
Что творится ею все.
- Женщин знать тебе б полезно,
510 И труднее нету <силы>,
Ей <учися, но за грани>
Опасайся перейти.

- Иль с тобою то ж случится,
 Что с философом старинным:
 519 В тайну бездны не проникнув,
 Он слетел в ее жерло.
- В чем, Родриго, тайна женщин?
 В силе их <над нашим сердцем>?
 Неразгаданная тайна!
 Сам всевидящий едва ль
 520 В глубину его проникнет!
 Лишь тогда, когда предстанем
 Мы на суд, явясь пред богом,
 Сокровеннейший и честный
 525 <Обнажится> сердце женщин:
 Будут все равны виною
 Или все равно безвинны,
 Столь запутано оно.
- Ведай, друг, мужчин от женщин
 530 <Отделяет расстоянье>
 Все ко выгоде последней!
 Хочешь ведать, в чем оно?
- Мы вперед — они за нами,
 Им видна дорога наша,
 535 Мыслим мы, а управляют
 Нашей мыслию оне.
- Видишь птичку? По деревьям
 С ветки прыгает на ветку,
 И стрелок, мнимый ею,
 540 Шаг за шагом вслед идет;
- И клюет в глазах владельца
 Лучший плод его дерев,
 Подсмотрев, что безоружен
 Перед нею он стоит.
 545 Так и мы — игрушки женщин.
 Мы пред ними безоружны,
 Нами властвуют они.
- Нет в сей правде исключений,
 Все одна с другою сходны.
 550 <Вывод> правилен рассудка:
 От супружества бежать».
- Так, испытывая Цида,
 Говорил с ним Дон Фернандо,
 Что же Цид ему в ответ?

- 555 У серебристого истока
 Речь монаршию дослушав,
 Дон Родриго отвечал:
 «Государь, еще я <молод>
 Для старинных мудрых правил,
 560 Но не молод я законы
 Чести верно понимать.
- Честь от доброй, чистой крови
 Славной школ<ою> <питаюсь>,
 Говорит мне: «Благородный
 565 Должен род свой <сохранять>».

- Должен он служить отчизне
 И монарху словом, делом,
 Должен быть им верен <сердцем>
 И могучею рукой.
- 570 И свое он должен имя
 Посадить высоким древом,
 Чтоб нашел под ним и странник
 И спасенье и привет.
- 575 Должен дать отчизне, церкви
 Чад с ним доблестию равных».

Вот закон мой; он велит мне
 Узы брака уважать.
- 580 Кто от брака устранился,
 Тот предатель и отступник,
 И отцов своих и веры
 Прочь презрительно бежит.
- 585 Он расторгнул узы чести,
 С человечеством в разрыве
 И с своим священным родом,
 И с чужими племенами,
 И наказан будет он.
- 590 Долг презревший, презираем
 Завсегда от благородных.
 Дни влачить свои без пользы
 Чуждо предкам и потомству!
 Тайна женщины мне известна,
 Властолюбие их тайна.
- 595 Но они владеют нами,
 Как безумными владеют
 Господами их рабы.
 Тот, кто слабостей постыдных
 Прикрывать не должен ими,
 Пред врагом <своим> не <ирзб.>.
- 600 Тот, хотя бы сговорились
 Все исчадия вселенной,
 И могуч и безопасен;
 Кто же спросит <их о чести>?
 Удовольствие их участь.
- 605 Им пускай и управляют.
 Управлять им — их искус<ство>.
 Преимущество здесь им,
 <Здесь> мужчина уступает.
- 610 Сходство их одной с другою,
 Государь, неоспоримо.
 Признаю: они <негодны>
 Все, когда негоден муж.
- 615 Но готов я, конный, пе<ший>
 Поддержать моим участием,
 Что мужчина их <ошибкам>
 <Попустительствует сам>.
- 620 И теперь к стопам монарха
 Приношу мою молитву:
 Дать супругой мне Химену,
 Дочь могучего Гормаса,
 Государь, благоволи.»

620 И свою беседу кончив,
Дон Фернанд и Дон Родриго
Разлучились на бреге
Серебристого ручья.

14

Родриго

625 В полночный тихий час,
Когда сомкнуть не может глаз,
Без утешенья и замены
Моя любовь и скорбь твоя,
Перед окном Химены
630 Вдыхаю я.

Химена

Когда печаль, неведомая прежде,
Мне не дает сомкнуть усталых глаз,
В полночный тихий час
Кто бродит под окном Химены?

Р<одриго>

635 Здесь может враг подслушать нас.
Прекрасная, услышь мое желанье.
Моей любви себя поверь
И отвори на час свиданья
<Ревнивую>, Химена, дверь.

Х<имена>

640 Для незнакомых,
Для безымянных
Ночных гостей
Не отворит
Никто дверей!

645 Туман скрывает
Твои черты!
Скажи, кто ты!

Р<одриго>

На что меня вопрошаешь,
Меня не скроет темнота,
650 Меня довольно знаешь,
Химена-сирота.

Х<имена>

Родриго, так, тебя я <знаю>,
Тебя, всех бед моих творца.
Вспомни<ная> смерть отца,
655 Я о тебе вспомни<наю>.

Р<одриго>

Не я, но честь его пролила кровь,
Но примеритель будь — любовь.

Х<имена>

Покинь меня! Я скорбь не исцелила.
Я скорб<ная> люб<лю>.

Р<одриго>

660 <Любовь> отдай свою мне,
И скорбь я исцелю!

Х<имена>

Меж вас двоих души не разделю!
Сей <жребий> не люблю.

Р<одриго>

Любовь велит <любить>. Ей <подчинись>!

Х<имена>

665 Родриго, удались!

- Дон Фернандо, убеждая
Дон Родриго и Химену
Примиришь вражду, велел им
Свой союз запечатлеть:
- 670 Лишь одна любовь прощает.
И епископ Луин Кальво
Должен был их сочетать.
Чтоб с Хименою богатой
Мог сравнимым быть Родриго,
- 675 Он Салдану, Фальдуэру
Де Кордону, Белфорадо
И Сан Педро дал ему.
Лучезарным в день венчанья
Встало солнце. Дон Родриго
- 680 Снял с себя убор военный.
На него надели братья
Платье — <свадебный убор>:
Обтяжные панталоны,
Башмаки его из кожи
- 685 С оторочкою узорной
Из пунцового сафьяна,
Заснурованные тесно,
Каждый с пряжкой.
На камзол в обтяжку сшитый
<Он надел кафтан широкий>
- 690 Цвету черного с обшивкой
Из атласа дорогого
С прорезными рукавами
Лишь поношенный отцом.
- 695 На атлас его блестящий,
<Изукрашенный зубцами>,
Падал кожаный колет.
Сеть, сплетенная из нитей
Золотых с зеленым шелком
- 700 На густых кудрях надета,
Жарко-пурпурно <сияя>
Петушиное перо
Веяло на тонкой шляпе
Из картрайского сукна.
- 705 Ящерина с бахромою
Опускалася до бедер,
По плечам переливаясь
Белоснежным горностаем.
И товарищ <настоящий>
- 710 Меч прозваньем Т<исонада>,
Ужас мавров, был навешен
На широкий крепкий пояс,
Черно-бархатные ножны
Серебром были теснены,
- 715 И на них, красиво сложен,
Носовой висел платок.
Так <нрзб.>
Скоро с братьями стоял он
На церковной площади.
- 720 Там король, архиепископ

- И придворные вельможи
С образами и с невестой
Ожидали жениха.
- 725 Был красив убор невесты:
На упругой белой ткани
Крылья легкие лежали;
Пышно убранное платье
<С украшением покрывало>
Стан величественно стройный.
- 730 Светлорозовые туфли
Были с пряжкой, и стояла,
Как владычица она.
И на шее ожерелье
Из восьми медалей <было>,
735 Равных городу ценой.
И одна из них являла
Лик святого Михаила;
В блеске жемчуга лежали
Лучезарные алмазы
740 На Химениной груди.
- Так пошли жених с невестой
К алтарю; и Дон Родриго
Покраснел, подав ей руку,
И в глаза ей устремивши
745 Очи полные любви,
Он стыдливо произносит:
«Благородная Химена,
Я лишил тебя, к несчастью,
Мужа правды, мужа чести;
750 Жертвы требовала честь.
Мужа правды, мужа чести
Отдаю тебе обратно.
Все, чего ты в нем лишилась --
Спутника, отца и друга,
755 И слугу — все возвращаю».
- Став пред божим престолом,
Смелый меч свой он исторгнул,
Острием возвысил к небу
И сказал смиренно твердо:
760 «Накажи меня, отец мой,
Если раз нарушу в жизни
Мой обет: тебя любить.
И за все воздай мне, боже,
Как теперь тебе пред богом
765 Обещаюсь и клянусь.
Ты ж, отец архиепископ,
Соверши обряд венчанья».
- Совершив обряд, из церкви
Все пошли, и <следом слуги>.
770 Дон Родриго вел Химену.
Как отец ее названный
Шел король с Хименой рядом,
С Дон Родриго шел епископ,
Вслед за ними двор и знать.

- 775 На пути к дворцу стояли
Триумфальные ворота,
Всюду вывешаны в окнах
Были ткани золотые,
Всю дорогу покрывали
- 780 Ветви, травы благовонны
И душистый розмарин.
И по улицам стояли
<Многочисленные> толпы,
Хоры пели им при звуках
- 780 Мандолин, гитар, кимвалов
Многолетие и славу.
И торжественные песни
Поздравляли молодых.
Всех заметнее у двери
- 790 Альвар Фанца, друг Родриго
(И любимец Дон Родриго),
Провождаемый толпою
Слуг в блистающих одеждах,
Он, <свой> лоб украсив рогом,
- 795 Ехал в образе быка.
Нарядив осла по-конски,
С величавою осанкой
Антолин скакал на нем.
Пузыри набив горохом,
- 800 Мартин Пелаз осыпает
Веселящийся народ.
От души король смеялся,
Вынув горстью мараведи,
Разбросать велел их пажу,
- 805 Нарядившемуся чертом,
Чтоб пугать детей и дам.
Так провел король Химену
<Нрзб.> и королева
<строка нрзб.>
- 810 <Накрыла> <нрзб.>
Веселились все кругом.
В окна сыпалась пшеница,
Много пало легких зерен
В <нрзб.> королевский.
- 815 У Химены за косынкой
Много легких зерен было.
И король при королеве
Сам рукою со стараньем
Из-за легкия косынки
- 820 Их с улыбкой выбирал.
То Альвар заметив,
Промычал, как бык: «Охотно
Королевскую бы руку
Предпочесть я согласился
- 825 Королевской голове».
«Дать ему мешок пшеницы!» —
И король сказал, смеясь.
«А насмешника, Химена,
За удачную насмешку
- 830 Поцелуешь во дворце».

Но душе Химены было
Чуждо шумное веселье,
В ней таилась печаль,
Чувство сладостного счастья.
835 И задумчивость молчанья
Выразительнее шумной
Говорливости была.

17

Пред наместника Петра,
840 Пред святейшего Виктора
Сам немецкий император
Генрих жалобу принес.

«Обвиняю Дон Фернандо!
Он в Кастилии, в Леоне
Государству, отрекся
845 Признавать меня главою
И не платит дани мне.

Повели отдать веленье,
Чтоб познал во славе церкви
Он могущество мое».

850 И святой отец угрозы
Посылает к Дон Фернанду
И велит, чтобы покорен
Императору он стал.
И грозитя крестоносцев
855 За ослушное упорство
На него вооружить.

Долго был король Кастильи
В нерешительном раздумье,
Зря восставшую опасность
860 На отечество его;
Все советовали силы
Превосходству уступить.

Был в отсутствии Родриго,
Наслаждаясь любовью
865 На груди молодой супруги.
Но услышав о посольстве,
Об угрозах и совете,
Он поспешно собирался
И предстал пред королем.

870 «На беду тебе рожденье,—
Он сказал,— когда потерпишь,
Что другой твоей державой
Самовластвовать дерзнет.

Никогда, доколе живы,
875 Ты и я, того не будет,
И твоя, и наша сила
Сохранит от посрамленья
Богом данную нам честь.

Кто ж советует иное,
880 Тот бессмысленно желает
Обесславить твой престол!
Сам их вызови, надменных!
Для грозящих сам будь грозным;
Сам их вызывай, а с ними
885 Переведаюся я!

- Государь, о том помысли:
Мы Кастилию достали
Честью, кровью и трудом!
Прежде жизнь отдам стократно,
890 Чем стерплю, чтобы пришельцы,
Захватив добычу нашу,
И победы плод сорвали!
Если что-нибудь отдашь им,
Скоро будешь сам ни с чем».
- 895 И Родриго десять тысяч
Смелых воинов собравши,
Через Альпы перешел.
- <С сильной> конницею встретил
Принц Раймон из Савой Циди,
900 Но он на голову Цидом
Был разбит и в плен достался,
И за волю дочь родную
Вместо выкупа отдал.
- И прельстился Дон Фернандо
905 Юной пленницей, и сына
Прижила с ним, и великим
Кардиналом был потом.
- Сам король французский выслал
Рать могучую на Циди,
910 Но ее рассыпал Цид.
И Италию занял он
Столь губительной войною,
Что и папа и немецкий
Император, ужаснувшись,
- 915 Отрекаются от дани,
Умоляют Дон Фернандо
Их от Циди защитить.
- И с победою в отчизну
Возвратился полководец,
920 И ему король в награду
Всенародно подал руку.
Сколь обрадовала Циди
Благодарность короля!

ВАРИАНТЫ

- Ст. 66
Не причина храбрым юность ! Не сидеть для храбрых ⁷⁶
- Ст. 73
Он висел, как бы в печали
- Ст. 85—86
Так кому служил ты прежде
... силой с ним сравниться
- Ст. 90—91
Ты вонзишься обнаженный
С Богом! |Для нас пришла
- Ст. 116
Дон Родриго возразил

⁷⁶ Иногда Жуковский записывает и вновь зачеркивает не один вариант той или иной строки. В таких случаях различные варианты одной строки даются последовательно и разделены вертикальной чертой.

- Ст. 121—122
И заглаживать их кровью
Оскорбленья
- Ст. 123
Он вперил в лицо Гормаса
- Ст. 128
Как от слов сих вспыхнул он
- Ст. 137
Честь утратить — все прискорбно
- Ст. 142
Как приблизился Родриго
- Ст. 152
Ты ль даешь такой совет
- Ст. 154
Ты поднять священный взор |чело
- Ст. 161—163
Со слезами лобызает
Сын родительские руки
И в слезах отец лобзает
- Ст. 165—166
Плач и крики, шутки
Конский топот, шум народа
- Ст. 169
И король, сам Дон Фернандо
- Ст. 171—172
И его Фернандо |И к дверям
Провожают до ворот
- Ст. 177
И напротив |Ей напротив
- Ст. 186
Он в одежде |В бранных латах он один
- Ст. 189—190
Вот могучего Гормаса
Победитель молодой
- Ст. 193—194
Если кто из вас обижен
Смертью графа
- Ст. 195—197
Конный, пеший, кто б он ни был,
Выходи! Но молчат |все молчат
Сатана лишь только может | Мысля: пусть с тобой дерется
- Ст. 199—201
С мулов триста провожатых
Сходят с мулов |К королевской| II целуют
Руку |Подойти к руке монарха
- Ст. 206—207
Если ты велишь, родитель,
Для тебя то выполняю
- Ст. 220
Пал родитель
- Ст. 267
Незаглажена осталась дома нашего
- Ст. 292
Христиан ведут в неволю
- Ст. 297—298
Уж с своей добычей мавры
Собралися
- Ст. 392
Тихо матери промолвив

- Ст. 395
На свободе, без укора
- Ст. 415
Заковал ты в цепь победы
- Ст. 418
Знай, испанец благородный
- Ст. 433—434
Их приданое в их славе,
В благородстве крови их
- Ст. 438
Не за толь ее ты любишь | Вот любви твоей причина
- Ст. 441—442
Ты любим, любим Хименой | Будь счастлив
Для меня не оскорбленье
- Ст. 448—449
Ты красавец — но с Нарциссом
Не равняйся красотой
- Ст. 454
Ты богат — но что богатство
- Ст. 465
Ты гляди на дочь царя
- Ст. 482
С ним весь двор | Вслед за ними
- Ст. 483—485
Благосклонно давши руку
Дон Родриго, удалился
С ним он на берег цветущий
- Ст. 488—489
Долго длился разговор их,
Все участвовали взором
- Ст. 493
Я люблю тебя за храбрость
- Ст. 506—509
Для нее и ею в свете,
Но чтоб было неприметно
Нам, что все творит она.
- Ст. 512
Перейти не торопись
- Ст. 522
И когда на суд предстанем
- Ст. 523
Где откроется пред богом
- Ст. 528
Столь коварно сердце
- Ст. 530—532
Расстоянье бесконечно | Необъятно расстоянье
Но для выгоды последней
В чем же выгода ея
- Ст. 533
Мы вперед идем —
- Ст. 540
И охотник
- Ст. 546
Безоружные и в силе
- Ст. 562
Честь от доброй, славной крови
- Ст. 572
Чтоб нашел под ним и чуждый
- Ст. 577
Брак с | Узы брачныя принять

- Ст. 592
 Всем владычество |нами
- Ст. 594—595
 Как владеют господином
 Безрасчетливым рабы
- Ст. 608
 Все одна с другою схожи
- Ст. 621
 Так беседа, Родриго
- Ст. 627
 Не ведая во тьме ночной покоя |Не открывая перемены
- Ст. 629
 Перед окном, печальная Химена
- Ст. 631—632
 Когда печаль неведомая > прежде
- Ст. 636—639
 Прекрасная, услышь, услышь желание
 И сердцу верному поверь,
 И отвори мне на свиданье
 Свою, Химена, дверь
- Ст. 648—651
 1) С утратой |печалью слиты
 Для сироты
 <Ужели знает>
 Давно слиты его черты
 Мои черты
 Давно слиты
- 2) Давно Химена
 Меня ты знаешь,
 В сердце спроси
 Мои черты
- 3) Напрасно вопрошаешь
 Меня не скроет темнота
 Меня ты знаешь,
 Химена-сирота
- Ст. 656—658
 Не мной
 Нам примиритель будь любовь
 Оставь меня!
- Ст. 664
 Любовь влечет... Ей гордись
- Ст. 722—723
 С образами ожидали
 Молодых
- Ст. 745
 Взоры полные любви
- Ст. 752—755
 И слугу я сам |Самого себя даю
 И себя тебе
 Безвозвратно |Навечно отдаю
 Отдаю тебе себя |Дать тебе| все заменю
- Ст. 762
 Дать тебе всего замену
- Ст. 766
 В добрый час, отец святой |И теперь отец святой
- Ст. 775
 На дороге их стояли
- Ст. 777
 Были вывешаны в окнах
- Ст. 788
 Прославляли молодых
- Ст. 794
 Ехал, лоб украсив рогом

- Ст. 819—820
 Сам своей рукою
 Из-за легкия косынки
 Улыбаясь выбирал
- Ст. 824
 Предпочесть теперь решуся
- Ст. 838
 Пред святейшего Петра
- Ст. 848
 Что признал во славе церкви
- Ст. 851—853
 И велит, чтобы покорно
 Грозно требует | Императора признал
 Императору предстал
- Ст. 855
 На ослушника послать
- Ст. 864
 Он любовью наслаждался
- Ст. 877
 Милость, данную нам богом
- Ст. 882
 Королю пошли сам вызов | Сам пошли к ним
- Ст. 904—905
 И король прельстился ею
 И с красавицей он прижил
- Ст. 910
 И в Италию
- Ст. 913—914
 Что сам император с папой
 И от дани отказались

Произведение Гердера, переводимое Жуковским, представляет собой литературную обработку народных романсов о национальном герое испанского эпоса Родриго Диасе по прозвищу Сид. Как известно⁷⁷, Гердер создал своего «Сиду» на основе французского прозаического пересказа испанских романсов в «Bibliothèque universelle des romans, ouvrage périodique» за июль 1783 г.

У Гердера романсы выстроены в такой последовательности, что каждая из частей («Der Cid unter Ferdinand dem Grossen», «Der Cid unter Don Sancho dem Starcken», «Der Cid unter Alfonso, dem Sechsten, dem Tapfern» «Der Cid zu Valencia und im Tod»⁷⁸ представляет собой законченный цикл. Первая часть, которая привлекла в данном случае внимание Жуковского-переводчика, завершается смертью короля Дона Фернандо и его завещанием по разделу страны между наследниками (21-я и 22-я песни).

Имеющийся в нашем распоряжении автограф Жуковского завершается переводом 17-й песни. Непереведенными

⁷⁷ Указания на этот источник имеются почти во всех работах о Гердере и в комментариях к переводу «Сиды» Катениным и «Сиду» Жуковского.

⁷⁸ Название частей приведено по изданию: Herder J. G. Der Cid. Nach spanischen Romanzen. Stuttgart, 1820, которым пользовался при переводе Жуковский.

остались последние 5 песен. Случайно ли это ограничение? Дело в том, что перевод доведен до последней строчки 17-й песни и никаких следов дальнейшего перевода в книге не содержится. Есть основание полагать, что в данном случае завершение перевода 17-й песней не было случайностью. Жуковский не просто прервал перевод, он его для себя на данном этапе завершил. Архивные материалы говорят о том, что, если по каким-то причинам поэт оставлял работу над переводом, он (и это было многократно) обрывал его на любой строфе или даже строке. Об этом же говорят и страницы многих книг из библиотеки Жуковского. В данном же случае перевод не оборван, а переведенная часть имеет свою внутреннюю логику и свою самостоятельную законченность.

Первые 16 песен перевода Жуковского знакомят нас со сложной историей первого подвига Родриго, с историей его любви к прекрасной Химене, дочери убитого Дона Гормаса, повествуют о вмешательстве короля в отношения молодых людей и счастливой свадьбе Родриго и Химены. Последняя 17-я песня является к этой истории своеобразным эпилогом: и «на груди молодой супруги» Родриго не забывает о своем рыцарском долге, он продолжает совершать победы над врагами, чем заслужил еще большую любовь короля и этим также был счастлив. Перед нами история подвигов Сиды, а не история царствования Дона Фернандо. В последующих 5 песнях (18—22) о подвигах Родриго не говорится, о его деяниях не повествуется. Так, в 18-й песне речь идет об отказе Родриго от почестей, оказываемых ему маврами, в пользу короля, вассалом которого он себя считает. 19-я песня представляет собой письмо Химены королю с жалобой на долгое отсутствие Сиды и на свое одиночество, на то, что

Dass, statt meines Ehemahles,
Mir nur seine alte Mutter
Blieb, die mir zur Seite schläft.

<<...вместо моего супруга со мной осталась только его старая мать, которая спит рядом со мной>>.

20-я песня — ответ короля Химене и обещание одарить наследника Сиды, который должен скоро явиться на свет; 21 и 22-я песни — завещание короля и смерть его. То есть, только в одной из пяти песен, в 18-й, речь идет о самом Сиде, однако ничего нового в понимание характера героя, по сравнению с предыдущими, эта песня не вносит.

Поэтому вполне вероятно, что с самого начала, не имея намерения переводить все 70 гердеровских романсов, Жуковский хотел ограничиться только описанием подвигов Родриго в царствование Дона Фернандо, а события, изложенные в 18—22 песнях, для данного сюжета оказывались, по меньшей мере, необязательными. Описанные в них события, по существу, являются подготовкой, переходом к следующей

части, изображающей деяния Сида в царствование Санхо Кастильского, где основу сюжета составляют не столько сами подвиги Родриго, сколько междоусобная распря, затеянная наследниками Дона Фернандо. То есть завершение перевода именно на 17-й песне, очевидно, отвечало первоначальному замыслу Жуковского.

В какой-то мере подтверждением этому может служить и заголовок, сделанный им на перебеленном листе из архива, где значится: «Цид в царствование короля Фердинанда великого», что отличается от заголовка, сделанного к произведению при публикации в «Муравейнике», где стояло: «Цид. Извлечения из древних романсов испанских». Далее следовало небольшое предисловие и лишь потом перевод их двух частей: «Цид в царствование короля Фердинанда» и «Цид в царствование короля Санха Кастильского», для чего события, изложенные в 18—22-й песнях, по Гердеру, оказались в какой-то мере необходимыми.

Нетрудно заметить, что перевод «Сида», хранящийся в томской библиотеке с присовокуплением перевода 1-й песни из архива Жуковского, в значительной степени точен, близок подлиннику, и в этом смысле существенно отличается от имеющегося печатного варианта, где, как справедливо отмечают комментаторы, часть песен из Гердера не переведена, а только пересказана, некоторые песни объединены в одну, порядок их, по сравнению с оригиналом, изменен.

В нашем варианте гердеровский текст переведен целиком. Исключение составляют три последние строфы из 7-й песни, представляющие собой одна — послание Родриго к Химене, две последующие — изображение реакции на это послание короля, строфы, сколько-нибудь существенной роли в развитии сюжета не играющие и по мысли не совсем ясные.

В переводе сохранены все действующие лица, их взаимоотношения и характеры. Расположение частей (песен), соответствует расположению их в подлиннике.

В данном варианте Жуковский стремится сохранить ритм и размер подлинника и его строфическое деление. Так, почти все произведение Гердера написано белым четырехстопным хореем с женскими и мужскими клаузулами. Исключение составляет одна строфа в 7-й песне (послание Родриго Химене) и 14-я песня, диалог Родриго и Химены при ночном свидании. Последняя написана разностопным ямбом. Этими же размерами в соответствующих случаях пользуется и переводчик.

Интересующая нас 1-я часть гердеровского произведения⁷⁹ состоит в большей своей части из четверостиший

⁷⁹ На четырнадцатой песне, написанной ямбическим стихом, мы остановимся особо несколько ниже.

(104 строфы). Однако Гердер пользуется не только четверостишиями. В первой части у него встречаются строфы с числом строк от 3 (5 случаев) до 11 (1 случай)⁸⁰. Причем интересно отметить, что первые 4 песни, повествующие о первом подвиге Родриго (победа над Доном Гормасом), написаны только четверостишиями. Хотя повествование здесь, как и в большей части произведения, ведется от автора, но сами передаваемые события развиваются стремительно, быстро сменяя друг друга: здесь и оскорбление Доном Гормасом Дона Диего, и скорбь последнего по поводу позора его дому, и испытание Родриго и его братьев отцом, и клятва Родриго, и беседа его с Гормасом, и возвращение с победой, и встреча с растроганным отцом. Само повествование драматически и лирически насыщено, стремительность действия хорошо передается в коротких и ритмически четко оформленных четверостишиях.

Количество стрóf с различным количеством стихов постепенно нарастает от песни к песне. Если в 5—10 песнях из общего числа стрóf их значительно меньше половины (15 из 55)⁸¹, то в 11—13 и 15—17 песнях их уже 57 из 80⁸². Наибольшее количество разнострочных стрóf появляется у Гердера там, где начинается повествование о чем-либо прошедшем, в данный момент во времени не развивающемся, или тогда, когда автор приводит какие-то размышления, рассуждения или описывает внешний вид героев. Так, разнострочными стрóфами (8 и 9) написана XI песня, представляющая собой мысленный разговор инфанты Донны Ураки с Доном Родриго. Здесь каждая стрóфа представляет собой как бы отдельную самостоятельную мысль, рассуждение, включает в себя иногда даже как бы целую систему доводов и контрдоводов:

Schön bist Du; wie ein Narzissus.
Weise; Saíomon war weiser.
Edel; deren gibt es viele.
Tapfer; Spanien erziehet
Keine Memme, Don Rodrigo,
Reich; das sind so viele Narren.
Weit berühmt; das waren Viele,
Mehr als Du, und starben dennoch
Eingehüllet in die Tücher
Menschlicher Vergessenheit (IX, 7).

⁸⁰ В количественном отношении остальные стрóфы распределяются следующим образом: пятистиший — 21, шестистиший — 14, семистиший — 11, восьмистиший — 9, девятистиший — 5, десятистиший — 5. Число многострочных стрóf (более четырех стихов) обратно пропорционально их величине: чем стрóфы длиннее, тем таких стрóf меньше.

⁸¹ По песням они распределяются следующим образом: в пятой — 2 из 9, в шестой — 4 из 11, в седьмой — 1 из 8, в восьмой — 2 из 8, в девятой — 3 из 10, в десятой — 3 из 8.

⁸² Распределение их по песням: в одиннадцатой — 9 из 9, в двенадцатой — 8 из 15, в тринадцатой — 6 из 16, в пятнадцатой — 13 из 15, в шестнадцатой — 10 из 10, в семнадцатой — 12 из 14.

Песня завершается авторским десятистишием, где дается пояснение душевному состоянию инфанта. Аналогичную картину мы находим в описании свадьбы и нарядов новобрачных (XV, XVI песни) и в XVII песне, где в сравнительно небольшом объеме перечисляются дальнейшие победы Сида.

Произведение Гердера написано четырехстопным белым хореем с преобладанием женской клаузулы. В тех случаях, когда Гердер пользуется трех-, четырех- или пятистишиями (то есть в $\frac{3}{4}$ случаев), мужское окончание имеет только последняя, заключительная строка. Это придает строфам особую четкость и ритмическую завершенность, например:

Und des Rosses Zaum ergreifend,
Kehret fangsam er den Rücken
Allen Feldherrn, allen Kriegern;
Wartend, ob ihm Einer folge;
Aber keiner folget ihm (VI, 10).

Но мужская клаузула в последнем стихе обязательна не только для трех-, четырех- и пятистиший, все последние строки во всех строфах⁸³ имеют мужские окончания. То есть о мужской клаузуле в последнем стихе строфы можно говорить как об одном из важных строфообразующих элементов в гердеровском произведении.

В строфах, состоящих более чем из пяти стихов, в ряде случаев встречаются дополнительные стихи с мужской клаузулой. В таких случаях многострочная строфа как бы распадается на две полустрофы, тем более, что мужская клаузула в этих случаях всегда находится в строке, логически и синтаксически завершенной и совпадает с концом фразы, заканчиваясь точкой или точкой с запятой. Но местоположение таких стихов в строфе непостоянно и вообще не обязательно. Так, из 15 шестистиший только 4 имеют по 2 мужских клаузулы и располагаются они одна в третьем и три в четвертом стихе строфы. Аналогичная картина и в 7-, 8- и 9-строчных строфах. Здесь мужская клаузула может находиться в 3-м или 4-м стихе при семистишии, в 3-м, 4-м или 5-м при 8-стишии, в 3-м или 7-м — в 9-стишии. В то же время среди этих многострочных строф (7—10 строк) более $\frac{1}{3}$ строф (10 из 29) не имеют второй мужской клаузулы. К числу их относится и единственная 11-строчная строфа и одна из трех 10-строчная. В трех случаях (1 раз — в 9-стишии и 1 раз — в 10-стишии) встречаются даже 3 мужские клаузулы.

Таким образом, вторая, а тем более 3-я мужская клаузула существенным строфообразующим элементом не является. Преобладание женских клаузул в стихе, вне сомнения, способствует более мягкому, более напевному его звучанию,

⁸³ Во всей первой части произведения есть только одно исключение: первая строфа XII песни.

хотя ни к характерным для испанских романсов ассонансам в конце строки, ни к специальной инструментовке в этой части произведения Гердер не прибегает.

При переводе гердеровского произведения в нашем рукописном варианте Жуковский стремится к максимально точному воспроизведению строфического и ритмического рисунка оригинала. Он переводит «Сида» тем же четырех-стопным хореем с сохранением всех строфообразующих мужских клаузул в последнем стихе каждой строфы. Как правило, Жуковский сохраняет не только обязательную мужскую клаузулу, но и количество их в многострочных строфах и их расположение по строкам. Например:

Wenn ein Mangel an Vermögen
Mich Dir anzunähern scheint,
Mich, die meine Königs Abkunft
Ueber Dich so hoch erhebt;
O so wisse Königstochter
Sind desswegen arm an Gütern,
Weil der Adel ihres Stammes
Ihnen mehr als Reichthum giit.
Armuth ist mir keine Flecke;
Sie ist meiner Hoheit Ruhm (XI, 4).

Я сокровищ не имею!
Но не мысли ты, что бедность
Нас могла с тобою сблизить!
Я монархов славных дочь!
И для дочери монарха
Нужды нет в таком богатстве,
Нам приданое — наш славный,
Наш великий царский род.
Не срамит, а возвышает
Бедность мой высокий сан.

То есть в этом десятистишии, как и во многих других случаях, при переводе Жуковский воспроизводит все (в данном случае — три) мужские клаузулы, имеющиеся в строфе. В том же единственном случае, в 1-й строфе 12-й песни, где Гердер отступает от общего своего правила в построении строфы и пишет пятистишие с одними женскими клаузулами, Жуковский воспроизводит это отступление. В его переводе эта строфа также единственная, не имеющая в последней строке мужского окончания:

In dem blühenden Ostermonat,
Da die Erde neu sich kleidet,
Da die weiss-behaarte Mutter
Sich wie eine Fee verwandelt,
In die schönste junge Nymphe (XII, 1)

Дни весенние настали,
И земля, как будто фея,
Из старушки поседелой
Обратилась в молодую,
Расцветающую нимфу.

Естественно возникает вопрос, почему во всей первой части «романсов» из 175 хорейческих строф одна оказалась отличной от остальных? Быть может, это чистая случайность? Допустим. Но тогда возникает второй вопрос: случайно ли, что Жуковский, переводя всю эту часть произведения, делает тоже только одно отступление от общего правила относительно заключающего строфу и цементирующего ее мужского окончания в том же случае, что и Гердер? В связи с этим нам представляется небезынтересным отметить, что эта строфа сама по себе, по содержанию, в ней заключенному, тоже составляет своего рода исключение. Она —

единственная строфа целиком, от первого и до последнего слова посвященная описанию картины природы.

Отдельные пейзажные детали, хотя и редко, но встречаются в других строфах. Однако во всех других случаях эти детали имеют чисто служебный характер. Это именно «детали», дополняющие или уточняющие какое-то основное действие или событие, изображаемое в строфе. Вот эти немногие строки:

Da lustwandelte der König

An dem Rand der Silberquelle

Vor Burgos im schönen Thal (XII, 2).

Nahm der Cid also das Wort... (XIII, 1)

Und von seinem ganzen Hofe

Nahm er keinen als Rodrigo

Hin zu einer Silberquelle,

Glänzend schöner als Krystall... (XII, 3).

Herrlich ging am Hochzeittage
Auf die Sonne... (XV, 4)

Первая же строфа 12-й песни небольшая, но поистине поэтическая зарисовка пейзажа. Поэтическая и лирическая. И хотя она тоже служит предварением, фоном, на котором разворачиваются дальнейшие события, тем не менее она не только изображает обстановку, в которой происходит беседа Родриго с королем, но и направлена на создание совершенно определенного лирического настроения. Это единственная лирическая нота в эпическом по своей сути произведении. Этот лирический настрой передается в данном случае не только с помощью несколько необычных (не характерных для всего произведения) мифологических образов, но и через несколько большую, чем в других случаях, музыкальность самой фразы, которая создается и за счет использования только женских клаузул, и за счет увеличения (как в оригинале, так и в переводе) количества пиррихий в стихе. Гердеровский образ преобразившейся, омолодившейся природы оказался, видимо, переводчику настолько удачным и оригинальным, что он при переводе даже сохраняет в строфе несколько необычное сочетание разнородных мифологических образов, заставив *фею* преобразиться в *нимфу*.

Примеров точного воспроизведения ритмического и строфического рисунка оригинала переводчиком можно было бы привести значительно больше. Позволим себе ограничиться уже приведенными и отметим дополнительно, что в большинстве случаев, когда переводчик меняет в строфе расположение строк с дополнительными, необязательными мужскими клаузулами, то, как правило, это связано со стремлением его найти для переводимой мысли соответствующий смысловой эквивалент, который, естественно, не всегда совпадает с оригиналом по количеству лексических единиц, а следовательно, смысловое и синтаксическое завершение фразы, которое всегда совпадает с мужской клаузулой в оригинале, в переводе может оказаться в другом стихе. С этим же чаще

всего связаны и изменения, вносимые переводчиком в количество стихов в отдельных строфах. Чаще всего эти изменения не носят какого-то принципиального характера. К допускаемым переводчиком в таких случаях изменениям величины строфы в определенной степени толкает и оригинал, в котором, как было указано, автор в высшей степени свободно пользуется строфами различной величины, руководствуясь в их оформлении прежде всего принципом смысловой законченности. Поэтому в переводе мы сталкиваемся как с уменьшением, так и с увеличением некоторых строф по сравнению с оригиналом при небольшом преобладании в строфу увеличения⁸⁴. Например:

«Eine Bitte noch, o König,
Vor dem Ende des Gespräches:
Zur Vermählung mit Ximenes,
Weise jetzt des Grafen Gormas;
Bitt' aus königlicher Gnade
Ich mir die Bewilligung» (XIII, 15).

Woh! durch einen Ehrenbogen
Ging der Zug hin zum Pallaste.
Ausgehängt aus allen Fenstern
Hingen goldgestickt Tapeten,
Und den Boden deckten Zweige,
Frische Kräuter, Rosmarin (XVI, 2).

«И теперь к стопам монарха
Приношу мою молитву:
Дать супругой мне Химену,
Дочь могучего Гормаса,
Государь, благоволи».

На пути к дворцу стояли
Триумфальные ворота,
Всюду вывешены в окнах
Были ткани золотые,
Всю дорогу покрывали
Ветви, травы благовонны
И душистый розмарин.

К такому же типу изменений можно отнести, например, и сокращение строф в третьей песне, где вместо 8-й и 9-й строф оригинала (8 стихов) в переводе является одно четверостишие, которое не вносит в характеристику действующих лиц и изображаемую ситуацию каких-либо принципиальных изменений. Сама же строфа оказывается, пожалуй, даже более экспрессивной и эмоциональной, чем в оригинале:

«Nun, was willst du, rascher Jüngling?» —

«Deinen Kopf will ich, Graf Gormaz»
(Sprach der Cid) «ich habst gelobet!»
«Streiche willst du, gutes Kind»,

(Graf Don Gormaz) «eines Pagen
Streiche hältst du verdient».
O ihr Heiligen des Himmels
Wie war Cid auf dises Wort! (III, 8, 9).

«Что ж? Чего ты ждешь,
младенец?» —
«Головы твоей надменной».

«Розог ждешь ты!» —
Царь небесный,
Как от слов сих вспыхнул Цид!

В то же время понятно, что далеко не все изменения, как вначале может показаться, носят чисто формальный характер. Во многих случаях отступления от оригинала имеют более глубокий и принципиальный смысл.

⁸⁴ За вычетом совершенно опущенных в переводе 16 строк в седьмой песне (послание Родриго Химене) переведенный Жуковским текст Гердера составляет 907 строк. Текст перевода — 923 стиха. Наибольшее количество «увеличений» приходится в переводе на четырнадцатую песню (речь о ней пойдет ниже), где на 32 строки оригинала — 41 строка перевода.

Обрабатывая испанские романсы, Гердер несколько облагораживает нравы, «причесывает» подчас грубоватых, как ему кажется, героев испанского народного эпоса⁸⁵. Жуковский в своем переводе идет еще дальше. Он стремится придать своим героям большую возвышенность, несколько опозитизировать их, а потому в ряде случаев убирает при переводе то, что кажется ему грубым или непристойным. Так, во второй песне, где речь идет о мече, которым пользовался Родриго в поединке с Гормасом и на котором он дал первую свою воинскую клятву, автор испанских романсов дважды упоминает, что первым владельцем меча был сильный и могучий Мударра (или Мударда, как называет его Гердер), внебрачный сын испанского графа Гонсало Густиса от прекрасной мавританки, ставший впоследствии мстителем за честь своего отца. У Гердера читаем:

Eilig fanget er den Degen
Sich herab, den einst Mudarda
Führte, jener tapfre Bastard... (II).

История Мударры рассказывается в ряде произведений испанской литературы, в том числе и в относящейся к X—XI веку песне о «Семи инфантах Ларры», в значительно более поздних испанских романсах, в пьесе Лопе де Вега «Бастард Мударра», в «Мавре подкидыше» де Риваса и т. д.

Упоминание того, что Мударра — бастард, для произведений испанского эпоса и не случайно, и весьма симптоматично. Оно связано с подчеркнuto демократическим характером этого эпоса, где мотив противопоставления Сиды испанским грандам играет очень важную роль и обусловлен демократическим характером реконквисты, героем которой был Родриго Диас. В некоторых испанских романсах о юности Родриго рассказывается даже, что и он сам также был бастардом, то есть незаконным сыном Дона Диго⁸⁶.

⁸⁵ На это указывал, в частности, в своем предисловии переводчик романсов о Сиде на немецкий язык Ф. М. Дуттенхофер, который отмечал, что образ главного героя у Гердера оказался настолько измененным, что «человеку почти непонятно, как мог он разбить мавров». — «Der gute Herder hat ihn «besungen», d. h. weggelassen und zugesetzt, wie es ihm gefiel, und vom charakter des Helden so wenig gelassen, dass kaum ein Mensch begriefft wie er die Mohren schlagen konnte». («Der Cid, ein Romanzen kranz. Erste vollständige Uebertragung F. M. Duttchenhofer. Leipzig, 1842, S. V).

⁸⁶ Так, например, в 28 романсе в «Antologia de poetas liricos castellanos, t. VII, Madrid, 1899 говорится:

Дон Диго де Ланнес
Убеленный сединами
Отобедав, слово молвил
Четырем своим сынам:

Трех в супружестве он прижил,
А четвертого вне брака;
Этим сыном незаконным
Был мой Сид, кастилец славный.

— См. в кн.: «Песнь о Сиде», староиспанский героический эпос. Литературные памятники. М.—Л., 1959, с. 150. Перев. Ю. Б. Корнеева.

Гердер в своем произведении использует другой вариант романсов о юности Сида. Однако его герой хочет не просто сравниться в храбрости с предшествующим владельцем меча Мудардой, он заявляет:

«Dir gesagt sey es, du edier
Degen, dass ein Arm Dich fasset
Gleich des Bastards Arm!» (II, 7).

В переводе Жуковский в обоих случаях не только убирает имеющее в русском языке пренебрежительный оттенок слово «бастард», но и вообще убирает какой-либо намек на демократическое происхождение Мударды, называя его лишь «знаменитым» и «отважным».

Не менее интересен в этом плане и перевод 4-й строфы в VI песне:

Er erstach mir meinen Vater,
Er erstach ihn, eine Schlange.
Meinen Vater, der, o König,
Denk' es Dir Dein Reich beschützt!»

«Пал могучий мой родитель.
Как змея отравой жалит,
Так мечом своим убийца
Моего пронзил отца».

(VI, 4).

По существу, строфа Жуковского представляет собой более подробно развернутые две первые строки оригинала. Две следующие, примыкающие по содержанию к последующим строкам опущены. «Он убил моего отца. Он убил его, змея», — начинает свою жалобу Химена у Гердера. Змеей называет она Родриго. Этот нелестный и даже грубый эпитет Жуковский при переводе заменяет развернутым сравнением. Смысл фразы сохраняется, однако тон, форма выражения, становится иной, тем более, что и самому сравнению предшествует строка, написанная в несколько более возвышенном стиле, чем вся речь Химены: «Пал могучий мой родитель», — начинает свою жалобу Химена у Жуковского.

Перевод последующих двух строф очень близок оригиналу, Трижды повторяет в 4, 5 и 6-й строфах Гердер «Meinen Vater, der...», трижды повторяет в этих же строфах, прославляющих Дона Гормаса, ту же анафору Жуковский. Сохраняет он и тройную анафору внутри 6-й строфы. И в этой возвышенной речи несколько резковатое сравнение Родриго со змеей и совсем приглушается.

Нечто аналогичное видим мы и при переводе 8-й и 9-й строф этой же песни:

«Und du wildes Thier, Rodrigo,
Auf! durchbohr' auch diesen Busen,
Den ich hier in tiefster Trauer,
Dir eröffne. Mord' auch mich!»

«Warum nicht die Tochter tödten,
Der du ihren Vater raubtest?
Warum nicht die Feindin mordен
Die dirs jetzt und ewig sein wird?

Rache fordert sie des Himmels,
Und der ganzen Erde Rache,
Gegen dich!» — Rodrigo schwieg (VI, 8, 9).

«Иль ты дикий зверь, Родриго!
Грудь моя перед тобою:
Порази ж, чего ты медлишь!
Был убийцею отца,
Будь и дочери убийцей!
Мы с тобой враги отныне.
Мести требую от неба,
Землю всю зову на ты!»

В оригинале Химена прямо обращается к Родриго, называя его «диким зверем»: «На, пробей также и эту грудь, Которую я здесь, будучи в глубочайшей печали, Тебе открываю. Умертви и меня!» За этим решительным «На!» явно следует жест, что подтверждается самим текстом: «Busen, den ich... dir eröffne». Это говорит темпераментная, экспансивная южанка. Скорбь свою она выражает бурно. Даже перед королем она предстает с изорванной в знак глубокой скорби траурной фатой.

«Mit zerrissem Trauerschleier
Sprach Ximene jetzt zum König», —

— начинает рассказ Гердер. Жуковский же в этой песне меняет облик и характер Химены.

На коленях, умиленно
Короля Химена молит», —

— начинает свой перевод Жуковский. Когда речь идет об описании красоты Химены, переводчик сохраняет те же детали и эпитеты, какими пользуется Гердер (VI, 1, 2). Но когда дело идет о чертах характера, проявляющихся в речи, в поступках героини, Жуковский умеряет ее темперамент, ее порывистость. И хотя в финале песни она, в соответствии с подлинником, требует мести, обещая свою руку в качестве награды отомстившему⁸⁷, характер ее в целом отличается от изображенного в немецком оригинале.

Нужно сказать, что наиболее близок, наиболее точен в переводе Жуковский там, где дается либо описание подвигов Родриго, изображение его деяний, либо приводится описание каких-либо спокойно развивающихся событий. Таковы 8-я, 12, 13, 15, 16, 17-я песни. Везде же, где появляется необходимость или возможность передать или воспроизвести душевное состояние героев, Жуковский стремится к большей эмоциональности в их передаче. Это достигается, например, за счет использования более экспрессивных, менее нейтральных по значению глаголов и более эмоционально насыщенных эпитетов. Вот несколько примеров из разных песен:

Gramvoll dacht' er Tag' und Nächte... (I, 1).	Он тоскует день и ночь. Слезы льет, сходя в могилу...
Fühl't er nahe sich dem Grabe... (I, 3).	Все трепещут и, рыдая, Просят жизнь им сохранить.
Alle, Thräne in den Augen, Flehen um Barmherzigkeit» (I, 7). Tritt er von dem Vater rückwärts; Vater, spricht er... (I, 9).	Отступил он и воскликнул...
Noch versenkt in tiefster Sorge Siet er nicht Rodrigo kommen... (IV, 4).	И скорбящий не приметил, Как вошел к нему Родриго.
«...Lang' ansicht den guten Vater...» (IV, 5).	С состраданием глубоким На отца глядел Родриго.

⁸⁷ «Rache, Kriger, Bluth Rachel!
Ich selbst bin des Rächers Preis!» (VI, 11).

«...Мести! Крови!
Я отмщения цена!»

В отдельных случаях в переводе вообще появляются эпитеты или эмоционально окрашенные детали, отсутствующие в оригинале:

«Und verzeihet einer Waise,
Der die klag' auf ihren Lippen
Schmerzlich Euch ein Vorwurf wird»

(IX, 9).

Bindet ihrer alter Hände
Ernst und fest mit starkem Band

(I, 7).

«...И прости мне, что упреком
Стала горькая молитва
Беззащитной сироты».

И в молчаньи грозном руки
Крепко узами связал им...

Однако следует сказать, что в рассматриваемых нами 16 песнях таких изменений немного. Фактически они исчерпываются уже приведенными нами примерами. И хотя внесены они переводчиком с целью несколько облагородить, несколько опозитизировать героев, к принципиальным изменениям в характере развития и движения сюжета это не приводит, ибо идейно-тематическую основу произведения составляют подвиги Родриго. Его же характер, мотивы его поступков в переводе изменений не претерпевают.

Мы уже упоминали, что перевод «Сида» делался Жуковским, по-видимому, в разное время, с перерывами и в более или менее благоприятных условиях, что сказалось на качестве рукописи. Но еще более, чем различия в условиях работы, сказалось, вероятно, то, как «давался» переводчику текст: легко или с трудом, волновал, вызывал лирическое сопереживание или требовал эпического спокойствия и точности в изображении деталей. Проследить за процессом перевода I главы мы не имели возможности, ибо перед нами только перебеленный текст. Зато остальные главы могут дать некоторый материал для наблюдений. Так, в 9 из 16 глав перевода в нашем автографе содержится лишь незначительная правка. Это II—IV и VI—X песни. Причем 9-я песня вообще не имеет ни одной правки, ни одного измененного слова. Она похожа на беловой автограф, писанный между строк печатного текста, не рассчитанный, однако, на прочтение кем-либо, кроме самого автора, который иногда вместо слова, поставив одну-две буквы, продолжает слово росчерком, в полной мере понятным только ему самому. В таких случаях прочтение облегчается только тем, что текст перевода в написанных таким образом частях, как правило, построен логически и грамматически четко, и автор, будучи очень близок к столь же четкому оригиналу, переводит обычно «строка в строку».

Несколько больше, однако тоже очень мало, правок содержится в 6-й, 7, 8 и 10-й песнях. Правки эти носят главным образом уточняющий характер. Часто это даже просто перестановка слов:

Первоначальный вариант

Окончательная запись

Ст. 297, 298

Уж с своей добычей мавры

Собрались

Собрались с добычей мавры

Чтоб идти с ней восвояси.

Ст. 267, 268

Незаглажена осталась

Дома нашего

Незаглажена осталась

Наша честь...

Ст. 290

Пал родитель мой

Пал могучий мой родитель.

Ст. 395

На свободе без укора

Невозбранно, без укора

Во второй, третьей и четвертой песнях правок, правда, несколько больше, но характер их в основном остается таковой же:

Ст. 73

Он висел, как бы в печали

Он висел, как бы горюя

Ст. 116

Дон Родриго возразил

Смелый витязь возразил

Ст. 161—163

Со слезами лобзает

Сын родительские руки.

И в слезах лобзает старец

Сына в очи и в уста.

Со слезами на коленях

Сын лобзает руки старца,

И в слезах лобзает старец

Сына в очи и в уста.

Ст. 189, 190

Вот могучего Гормаса

Победитель молодой.

Вот дитя, которым славный

Дон Гормас был побежден.

Следует заметить, что правка в этих песнях подчинена, прежде всего, идее более точной передачи немецкого оригинала, сохранения в переводе характерных для оригинального текста деталей. Так, в двух последних примерах немецкий текст таков:

Weinend knieete Rodrigo
Küssend seines Vaters Hände.

Weinend küsste Don Diego

Seines Sohnes Angesicht.

«...Schaut den Knaben,

Der den tapfern Gormaz schlug».

<Плача, склонил колени

Родриго,

Целуя руки своего отца.

Плача, целует Дон Диего

Лицо своего сына>.

<«Смотрите—мальчик, который
убил

Отважного Гормаса»>.

Как видно, окончательный вариант перевода лучше воспроизводит детали, весь строй и образную систему оригинала и, как правило, характер построения строфы.

Вне поля зрения до сих пор у нас оставалась XIV песня, изображающая сцену ночного свидания Родриго и Химены. Эта песня в немецком оригинале (как, впрочем, и в переводе) стоит несколько особняком. Она построена в виде диалога с краткими репликами беседующих. В отличие от всех других песен, это в высшей степени лирическая часть произведения, как бы неожиданно раскрывающая перед читателем инстинтивную суть взаимоотношений молодых людей, разделенных семейной распрей. На основании предшествующих 13 пе-

сен мы об этих отношениях могли только догадываться, как догадался о них на основании послания Родриго к Химене Дон Фернандо. Правда в XI песне о взаимной любви Родриго и Химены говорит Донна Урака Инфанта, но слова ее, сказанные скороговоркой, тонут в общем потоке ее собственного любовного излияния, мысленно ею произносимого и обращенного к Сиду. XIV же песня — это живая смена свидания, о котором мечтал в своем несколько дерзком послании Родриго.

В немногочисленных исследованиях, так или иначе затрагивающих гердеровское произведение, указывается, что некоторые романсы, обработанные Гердером, известны только по материалам «*Bibliothèque universelle des romans*», откуда и были им заимствованы. К числу таких романсов относят XII, XIII и XIV песни по нумерации, данной у Гердера. На это указывает, в частности, в примечаниях к своему переводу «Сида» В. А. Зоргенфрей⁸⁸.

Не пытаясь оспаривать этот факт, отметим в то же время, что если все три песни и были заимствованы из одного источника, то воплощение в гердеровском произведении они получили неадекватное, как неодинаково отнесся к переводу этих песен и Жуковский.

Действительно, XII и XIII песни в несколько завуалированной форме напоминают рыцарскую тенсону, прения, в данном случае на тему о женщине и супружестве. Правда, каждая из песен по форме монологична, а не диалогична, как обычно бывает в тенсоне, но обе вместе они образуют спор, «прения». Здесь нет никакого внешнего действия. Сначала свой взгляд на женскую природу и супружество излагает король, желая «испытать Сида» («*Also sprach zu Cid der König, Der dadurch ihn prüfen wollte*»), потом Сид отвечает королю, почтительно, но настойчиво опровергая каждый тезис, выдвинутый предшественником. Личное, интимное чувство Сида здесь никак не выражено. О браке говорится как о долге перед отчизной, монархом и церковью. Вся лексика, все образы заимствованы здесь, как это часто было и в рыцарской поэзии, из области феодальных отношений. Так, о женщинах, например, говорится, что «Они владеют нами. Как безумными владеют Господами их рабы» («*Sie regieren wie die Diener Ueber fehlerhafte Herren*»). И хотя XIII песня завершается просьбой Родриго к королю дать ему в супруги Химену, ни одного слова о любви, о взаимном чувстве героев здесь нет. Все рассуждения Родриго, как и Дон Фернандо, носят риторический характер. И даже просьба Сида о женитьбе на Химене в данном контексте есть не что иное, как

⁸⁸ Гердер И. Г. Сид. Перевод, предисловие и примечания В. А. Зоргенфрея. Редакция Н. С. Гумилева. ГИЗ, Петербург, 1922, с. 27.

антитезис к тезису Дон Фернандо: «Junger Mann, der Weisheit Regel Rāth, sich zu vermählen — nie». Не случайно и тезис, и антитезис расположены как композиционное и логическое заключение речей короля (XII песня) и Родриго (XIII песня).

Четырнадцатая песня, как указывает в своих примечаниях Зоргенфрей, «принадлежит почти всецело Гердеру. От испанского оригинала заимствован только самый дух его»⁸⁹. В отличие от двух предшествующих XIV песня построена как диалог. Родриго просит Химену отворить ему дверь на час свиданья. Химена отказывается, отговариваясь сначала тем, что не знает, кто просит о свидании, а потом тем, что в душе ее идет борьба между любовью и дочерним долгом⁹⁰.

Казалось бы, что по форме этот романс ближе к рыцарским «прениям». Однако по сути в этом диалоге звучат вовсе не два мнения, не два голоса, а один голос любви, что определяется единством эмоционального настроения всей песни, которое в свою очередь передается и подчеркивается внутренней переключкой реплик говорящих:

«In der stillen Mitternacht,
Wo nur Schmerz und Liebe wacht,
Nah ich mich hier,
Weinende Ximene
(Trockne deine Thräne!)
Zu dir». —

— Обращается к предмету своей любви Родриго.

«In der dunkeln Mitternacht,
Wo mein tiefster Schmerz erwacht,
Wer nahet mir?» —

Вторит ему Химена. И далее вновь звучит голос Родриго:

«Vielleicht belauscht uns hier Eröffne mir!»

Не трудно заметить, что уже эти три первые реплики представляют собой некое эмоционально-художественное единство, подчеркнутое проходящими через весь их текст общими рифмами (Mitternacht — Wacht — erwacht; hier — dir — mir — hier — mir).

⁸⁹ Там же, с. 32.

⁹⁰ Песня эта, как было указано, в отличие от остальных песен, написана преимущественно разностопным ямбом. Из 32 строк гердеровского текста только 4 представляют собой четырехстопный хорей с мужскими клаузулами, как во всех остальных песнях. Этими строками начинаются первые реплики Родриго и Химены. Жуковский при переводе этой особенности гердеровского текста не сохраняет и всю песню переводит ямбами. Поскольку в разностопном ямбе отсутствует постоянная повторяемость количества стоп в строке, определяющая четкость ритмического рисунка, и автор и переводчик широко используют здесь цементирующую стихотворный текст рифму. Четкого строфического деления в этой песне ни в оригинале, ни в переводе нет.

В то же время эти три реплики как бы распадаются на две строфы (по 6 стихов каждая), образуемые аналогичностью ритмического рисунка, лексической и синтаксической анафорой, которая в свою очередь усиливается ритмическим выделением образующих анафору первых двух строк в репликах Родриго и Химены.

Следующая реплика Химены, на первый взгляд, несколько обособлена. Это как бы маленькое лирическое шестистишие, начинающееся и завершающееся парными рифмами с мягко и музыкально звучащей анафорой в первых двух строках:

X i m e n e

Dem Ungenannten
Dem Unbekannten
Eröffnet sich zu Mitternacht
Kein Thor.
Enthülle Dich!
Wer bist du, sprich!

Но обособление это лишь кажущееся. К предыдущим репликам Родриго и Химены нас как бы возвращают третья и четвертая строки, которые, не рифмуясь ни между собой, ни со строками данного шестистишия, рифмуются с предыдущими репликами (Mitternacht — erwacht; Thor — Ohr). Эта своего рода «непрерывная связь» реплик Родриго и Химены с помощью рифмовки, когда реплика одного участника диалога непременно возвращает нас к реплике другого, придает всему диалогу удивительную эмоциональную целостность.

Своеобразную картину наблюдаем мы и тогда, когда обращаемся к переводу этой же песни, выполненному Жуковским. Привлекает наше внимание даже чисто техническая сторона: в этой части перевода поэт почти совсем не пишет между строк, не стремится перевести «строка в строку». Сначала поэт на свободном поле страницы пишет скорописью перевод со сравнительно небольшим количеством правок, но с обильным сокращением слов. Большую часть перевода он пишет не между строк, как в других случаях, а сразу на свободном поле, развивая, развертывая почти каждую реплику. Кажется, что с самого начала описание ночного свидания захватило поэта, привлекло его возможностью как бы окунуться в столь близкую ему и столь необычную для основного тона гердеровского произведения лирическую стихию. И не только окунуться, не только черпать из нее, но и самому добавить в нее несколько капель. И, вероятно, поэтому, переводчик с самого начала значительно расширяет текст. Небольшой диалог (32 строки) увеличивается им до 41 стиха, то есть на одну четверть. Но это не все. На 41 строку текста перевода в этой песне мы имеем 20 строк вариантов,

что более чем в три раза превосходит соотношение количества строк текста и вариантов в остальной части перевода.

Написав на полях 37-й страницы, где начинается XIV песня, перевод всех четырех реплик героев, поэт делает в нем правку, но не удовлетворяется этим и тут же переписывает текст более четко на свободную часть 36-й страницы и вновь правит. Аналогичную, хотя и несколько менее четко выраженную картину работы над текстом мы видим и в госледней части перевода этой же песни.

Характер перевода и правки в этой песне необычен и в том отношении, что поэт в ряде случаев, добавляя одну или две строки к той или иной реплике персонажа, большей частью стремится не только и не столько к адекватной передаче мысли или поэтического образа, сколько к созданию определенного эмоционального настроения фразы, а порой даже к усилению эмоциональной напряженности текста, к несколько большей поэтизации чувств своих персонажей.

Как уже упоминалось, попытка несколько облагородить, возвысить грубоватых героев испанских романсов была в отдельных случаях и в других песнях. Но там это достигалось за счет опущения некоторых деталей или смягчения форм выражения в репликах. Здесь же это достигается путем определенного развития, усиления того эмоционального заряда, который содержится в подлиннике.

Так, первая реплика Химены, состоящая у Гердера из трех строк, превращается под пером переводчика в четверостишие. У Гердера просто: «В темную полночь, когда мое глубокое страдание бодрствует, кто зовет меня?». У Жуковского несколько более возвышенно и патетично:

Когда печаль, неведомая прежде,
Мне не дает сомкнуть усталых глаз,
В полночный тихий час,
Кто бродит под окном Химены?

Эти строки, хотя и имеют варианты, но как можно судить по ним в целом, родились сразу. С первой записи немецкое *lifster Schmerz* (глубокое страдание, боль) превратилось в «печаль неведомую прежде», которая не просто бодрствует (*erwacht*), но «не дает сомкнуть усталых глаз».

Аналогичные изменения претерпевает и следующая реплика Родриго. Вместо трех стихов Гердера («Быть может, нас здесь подслушивает одно из вражеских ушей») в переводе Жуковского после ряда правок появляется пять строк:

Здесь может враг подслушать нас.
Прекрасная, услышь мое желанье,
Моей любви себя поверь
И отвори на час свиданья
<Ревнивую>, Химена, дверь.

Несколько изменяя гердеровский текст, расширяя, развертывая лирическую тему, Жуковский стремится передать ту же слиянность чувствования, то же единство душевных устремлений героев, что и немецкий поэт. И особую нагрузку здесь, как и у Гердера, несет рифма. Жуковский несколько упорядочивает рифмовку строк, увеличивает в данном отрывке (первые три реплики) количество использованных рифм, т. е. делает рифму более разнообразной, но при всем том стремится сохранить ту же музыкальную переключку реплик, которую мы можем наблюдать и в немецком оригинале. Как и у Гердера, в переводе Жуковского первые реплики героев объединены анафорой и общими рифмами (час — глаз — нас, замены — Химены).

Несколько развертывает переводчик и следующую реплику героини. В переводе в ней 8 строк вместо 6 строк оригинала. Поэт упорядочивает ритмику, делает течение речи Химены более плавным и музыкальным. Если у Гердера из 6 строк 4 — двухстопный ямб (с мужской и женской клаузулой), 1 — четырехстопный и 1 имеет всего одну стопу (Kein Thor), то у Жуковского все строки двухстопные, что, вне сомнения, придает восьмистишию большую напевность, плавность и задушевность:

Для незнакомых,
Для безмянных
Ночных гостей
Не отворит
Никто дверей!
Туман скрывает
Твои черты!
Скажи, кто ты?

Парная рифма в начале и в конце реплики, как и у Гердера, придает ей завершенность и несколько большую самостоятельность и изолированность, чем в немецком тексте, ибо ни с предыдущими, ни с последующими репликами она рифмой уже не связана. Кстати, и следующие 2 реплики (Родриго и Химены) в переводе (в отличие от оригинала) более изолированы друг от друга в смысле их звуковой организации. К «переключке» реплик с помощью рифм Жуковский вернет-ся только в последних строках песни.

Вдвое увеличивается по объему в переводе и ответ Родриго на вопрос Химены «Скажи, кто ты?». В немецком оригинале всего 2 строки:

«Verwaisete Ximene,
Du kennest mich».

В переводе это совершенно новое четверостишие, в котором от оригинала осталась только сама его идея, Жуковский трижды принимается за написание этой реплики, пишет, зачеркивает и вновь пишет, и каждый раз правит и вновь оставляет правленное. С самых первых вариантов ясно, что

~~Handwritten notes at the top of the page, including the name 'Rodrigo' and other illegible scribbles.~~

Kein Thor.
Entdülle Dich;
Wer bist Du, sprich!

~~Handwritten notes and corrections in the left margin, including the name 'Rodrigo' and 'Luzifer'.~~

Rodrigo. Ich bin ein
Vermisste Limene.
Du kennst mich.
Limene.
Rodrigo, ich ich kenne Dich.
Du Stifter meiner Thränen,
Der meinem Stamm sein' edles Haupt,
Der meinen Vater mir geraubt -

Rodrigo.
Die Ehre thats; nicht ich, Die Liebe
Herrschaften wills verführet

Limene.
Entferne Dich! unheilbar ist mein Schmerz.

Rodrigo.
So schenk, o schenke mir dein Herz;
Ich will es heilen.

Limene.
Wie? zwischen Dir und meinem Vater, Ihm?
Mein Herz zu theilen? -

~~Handwritten notes and corrections at the bottom of the page, including the name 'Rodrigo' and 'Limene'.~~

Рис. 5. Автограф Жуковского на 38-й странице отдельного издания «Сиды» Гердера. Перевод XIV песни

переводчик и не был намерен ограничиваться точной передачей текста Гердера, напротив, первоначальный вариант особенно далек от него:

С утратой/печалью слиты
Для сироты
<Ужели знает>
Давно слиты его черты
Мои черты
Давно слиты.

В этой первой записи вообще трудно узнать оригинал, здесь совсем иная образная система. Слова Родриго в этом варианте не имеют даже обращения к Химене. Они более напоминают «слова в сторону». Правда, в таком варианте реплика лексически и образно связана с предыдущими словами Химены в переводе, говорящей: «Туман скрывает твои черты». Ответом на них и является первый вариант. Но, во-первых, он далек от подлинника, во-вторых, сами слова Химены, с которыми непосредственно оказалась связанной реплика Родриго, представляют собой дополнение Жуковского, их нет в оригинале. Поэтому первый вариант стихов 647—650 как бы усугубляет отдаление от подлинника, и Жуковский его отвергает и пишет новый:

Давно, Химена,
Меня ты знаешь,
В сердце спроси
Мои черты.

Этот вариант уже ближе к немецкому тексту, он как бы «вбирает» в себя оригинал. В то же время здесь есть неопределенный намек на существование какой-то особой духовной связи героев: «В сердце спроси мои черты». Этот текст Жуковский вновь зачеркивает и на свободном верхнем поле страницы записывает:

Напрасно вопрошаешь:
Меня не скроет темнота,
Меня ты знаешь,
Химена-сирота.

Однако и этот вариант полностью его не удовлетворяет и он вносит еще изменения:

На что меня вопрошаешь;
Меня не скроет темнота.
Меня довольно знаешь,
Химена-сирота.

Безусловно, и этот текст также подчинен общей лирической стихии перевода, обнаружившей себя во всей XIV песне. Но в то же время, было бы ошибкой считать его только вольной вариацией на заданную оригиналом тему. Две последние строки четверостишия достаточно точно передают немецкий текст, а первые две полностью принадлежат переводчику, являются своего рода связующим звеном с предыдущей репликой. Рифмой эти реплики не связаны, и перекличка

между ними строится на другой — лексико-тематической основе. Собственно, такая связь была намечена с первых строк первого варианта этого четверостишия, хотя слова и использовались другие. Но, как было показано, первоначальные варианты в целом были слишком удалены от оригинала и не могли удовлетворить поэта, который даже в столь субъективно переводимой XIV песне, выпадающей в этом отношении из общего, достаточно строгого стиля перевода, стремится все-таки к воссозданию оригинала, а не к его вольному переложению.

Аналогичный характер носит и дальнейший перевод. Жуковский, с одной стороны, достаточно точно воспроизводит смысл оригинала, его, так сказать, сюжетную, эпическую основу, с другой — расширяет везде, где предоставляется возможность, описание душевного состояния героев, акцентирует внимание на изображении душевной близости Родриго и Химены. Так, слова Химены:

«Rodrigo, ja ich kenne Dich,
Du Stifter meiner Thränen
Der meinen Stamm sein edles Haupt,
Der meinen Vater mir geraubt —

Жуковский передает следующим образом:

Родриго, так, тебя я знаю,
Тебя, всех бед моих творца.
Вспоминая смерть отца,
Я о тебе воспоминаю.

Четверостишие написано без единой пометки. Но и здесь для Жуковского особенно важно оказалось подчеркнуть отношение Химены к Родриго. Поэтому, если первые две строки достаточно точно передают немецкий текст, то две последующие, в которых у Гердера речь идет об отце Химены, превращаются переводчиком в психологическое обоснование душевных терзаний героини: «Вспоминая смерть отца, я о тебе воспоминаю». Таким же дополнением переводчика к гердеровскому тексту является и вторая строка в следующей реплике Химены («Я скорбная люблю»), вносящая еще один штрих в изображение раздвоенности ее души.

Кстати, последние 10 строк песни, составляющие 6 заключительных реплик героев, близки к оригиналу. Как и в начале песни, Жуковский вслед за Гердером связывает реплики между собой с помощью рифмы, выделив лишь последние две в совершенно самостоятельную пару:

Rodrigo
Die Ehre thats; nicht ich. Die Liebe
wills versöhnen.

Родриго
Не я, но честь его
пролила кровь,
Но примиритель будь —
любовь.

Ximene
Enstferne Dich! unheilbar ist mein
Schmerz.

Rodrigo
So schenk' o schenke mir dein Herz;
Ich will es heilen.

Ximene
Wie? zwischen Dir und meinem Vater,
Ihm!
Mein Herz zutheilen?

Rodrigo
Unendlich ist der Liebe Macht

Ximene
Radrigo, gute Nacht.

Химена
Покинь меня! Я скорбь
не исцелила.
Я скорбная люблю.

Родриго
Любовь отдай свою мне,
И скорбь я исцелю.

Химена
Меж вас двоих души не
разделю,
Сей жребий не люблю.

Родриго
Любовь велит любить.
Ей подчинись!

Химена
Родриго, удались!

Таким образом, XIV песня есть единственная из 17 песен, переведенных Жуковским, в которой поэт позволяет себе во многом вольно и субъективно использовать текст гердеровского произведения, что, на наш взгляд, было в значительной степени предопределено характером материала этой части, несущим в себе большой лирический заряд. Но даже и здесь, в этой наиболее свободно переведенной части ощущимо стремление переводчика сохранить образность подлинника, передать, а не пересоздать, характеры героев, изображенные Гердером.

Все, что говорилось до сих пор, относится к тексту перевода, сохранившегося в библиотеке Томского университета.

Как уже подчеркивалось, Жуковский в целом здесь идет за Гердером, сохраняя всю сюжетно-композиционную основу произведения и характер взаимоотношения героев. Все 17 переведенных песен следуют одна за другой в той же последовательности, в какой они следуют у Гердера. Никакой решительной перестройки гердеровского текста мы здесь не найдем. Поэтому, чтобы слишком не утомлять внимания читателей сопоставлением рукописного и печатного вариантов «Сида», заметим, что о соотношении их можно сказать то же, что обычно говорят в комментариях о соотношении «Сида» Жуковского и «Сида» Гердера: печатный вариант по существу есть не перевод, а переделка гердеровского произведения.

Переделка. Но Гердера ли? И зачем при наличии почти готового перевода поэту более чем через 10 лет после его выполнения понадобилось создавать совершенно новый вариант? Почему Жуковский решил дополнить свое произведение предисловием, которого нет у Гердера? На основе каких материалов создавалось это предисловие? Эти и подоб-

ные им вопросы неизбежно встают при попытке соотнести рукописный и печатный варианты.

Повторное обращение Жуковского к одному и тому же произведению встречается в его переводческой практике. Таково, например, трехкратное обращение поэта к «Сельскому кладбищу» Грея или двукратное—к «Леноре» Бюргера. Однако в обоих случаях наблюдается движение от вольного, свободного перевода-пересказа к более точному, более близкому к оригиналу варианту. В случае же с «Сидом» мы имеем дело с явлением противоположным.

Если в рукописном варианте, относимом нами к 1820 году, имеет место достаточно близкая передача гердеровского текста, то в печатном варианте 1831 года— достаточно свободный пересказ. Переделке в сторону упрощения и изгнания лирических элементов подвергается даже с такой любовью переводившаяся XIV песня. В печатном варианте она значительно обеднена в смысле передачи лиризма и душевного состояния героев даже по сравнению с более сдержанным и скупым гердеровским текстом. Невольно рождается вопрос, а по Гердеру ли выполнен печатный вариант?

«СИД» ЖУКОВСКОГО И «СИД» ГЕРДЕРА К истории одной ошибки

Трудно сейчас точно сказать, кто первым высказал мысль о том, что «Сид» Жуковского представляет собой переработку именно гердеровских романсов. Во всяком случае сам поэт такого заявления *никогда и нигде* не делал. Ни в дневниках его, ни в других архивных материалах подобного утверждения не содержится. Напротив, при первой публикации в «Муравейнике» и в прижизненных изданиях сочинений, включая и 4-е издание 1835—1844 годов, он сопровождал своего «Сида» подзаголовком: «Извлечения из древних романсов испанских» или «Отрывки из испанских романсов о Сиде».

Указание Гердера впервые появилось в 1849 году в 5-м издании сочинений поэта, печатавшемся в Карлсруэ. Ссылка на Гердера сделана здесь только в оглавлении. В самом тексте подзаголовка нет. Указано просто: «Сид. Отрывок».

Оглавление к изданию, по всей видимости, составлялось не самим Жуковским. Из его переписки с П. А. Плетневым⁹¹ по поводу данного издания явствует, что поэт не придавал особого значения хронологическому расположению текстов и указанию на источники переводов, на чем очень настаивал Плетнев, который многократно пишет Жуковскому о необходимости сделать эти ссылки и указать даты написания произведений⁹².

⁹¹ Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. III, Бм, 1885.

⁹² См., например, его письма к Жуковскому. Там же.

Издание вышло с примечаниями самого поэта, с указанием дат и источников переводов в оглавлении. Однако между авторскими примечаниями и оглавлением существуют прямо-таки кричащие противоречия. Так, в примечаниях к стихотворению «Певец во стане русских воинов» поэт указывает: «Автор писал эти стихи после отдачи Москвы, перед сражением при Тарутине, находясь в Московском ополчении». В оглавлении же стихотворение отнесено к 1811 году. В примечаниях к «Сельскому кладбищу» сказано: «Находясь в мае 1839 года в Виндзоре, я посетил кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегию... и вздумал снова перевести ее как можно ближе к подлиннику». В оглавлении элегия отнесена к 1838 году. Только в оглавлении I тома содержится около 30 ошибок в указании дат написания произведений.

Совершенно очевидно, что сам поэт не мог приводить разные даты в примечаниях и в оглавлении. Оглавление составлялось последним, в то время, когда поэт в условиях революционных событий 1848 года находится не в Карлсруэ, а вместе с семьей живет в Эмсе, куда длинным и сложным путем ему переправлялись корректуры, о чем он также сообщает Плетневу. Возможно, что корректура оглавления вообще не была ему доставлена.

Итак, в оглавлении появилось: «Сид» (из Гердера). В дальнейшем указание на Гердера стало появляться в виде подзаголовка, заменявшего первоначальный его вариант, но заключалось в издательские (редакторские) скобки, а позднее перекочевало в примечания и комментарии и начало обрастать подробностями.

Вероятно, легенда о том, что перевод сделан именно из Гердера, ведет свое начало от примечаний Н. Бахтина к изданию сочинений П. Катенина, где, в частности, говорилось: «Романсы о Сиде из Гердера переведены г. Катениным еще в 1822 году... Между тем г. Жуковский перевел также «Романсы о Сиде» и издал их в свет. Перевод г. Катенина потерял через то прелесть новости»⁹³.

Хотя Н. Бахтин и не утверждал, что перевод Жуковского сделан из Гердера, но само сопоставление и утверждение того, что благодаря произведению Жуковского катенинский перевод утратил «прелесть новости», естественно породило мысль о «соперничестве», подобном тому, какое имело место при переводе «Леноры» Бюргера. Так уже сама собой рождалась мысль и об общем источнике перевода и о возможности сравнивать манеру переводчиков на материале данного произведения.

Собственно из этой же посылки исходили и мы, когда решили сопоставить имеющийся в архиве вариант перевода

⁹³ Катенин П. Сочинения. 1831, ч. 2, с. 190.

первого романа из гердеровского «Сиды» с романсом из первой части печатного варианта («Мрачен, грустен Дон Диего»). Сравнение этого романа у Жуковского и у Гердера уже делалось когда-то С. П. Шестаковым⁹⁴, который достаточно детально, но чисто текстологически анализирует перевод и отмечает значительные расхождения, существующие между переводом и «оригиналом».

С. П. Шестаков не знал, естественно, о существовании томского автографа «Сиды», не знал он и о существовании в архиве перебеленной рукописи первого романа, ибо она поступила в архив значительно позднее, чем была составлена первая опись бумаг Жуковского. Рукопись включена во вторую, дополнительную опись, которая отражает более поздние поступления в архив. Мы же попытались сравнить с печатным текстом именно этот перебеленный вариант перевода, полагая, что печатный вариант есть более поздняя переработка того же текста.

Помимо обнаруженного с первого взгляда общего значительного расхождения текстов (в них, как мы уже отмечали, оказалось всего 9 одинаковых стихов), помимо «опущенных» в печатном варианте двух четверостиший подлинника (что отмечал уже С. П. Шестаков), в нем появились весьма необычные вставки, необъяснимые ни с точки зрения наших наблюдений над переводческой манерой поэта при переводе гердеровского произведения в томской рукописи, ни с точки зрения общепринятых представлений о Жуковском-переводчике, неоднократно высказывавшихся в литературе Г. А. Гукским⁹⁵, М. П. Алексеевым⁹⁶ и другими исследователями.

Несколько выше мы уже пытались показать, что при общей точности перевода из Гердера в томском автографе можно отметить некоторое, идущее в значительной степени от самого Гердера, стремление поэта несколько облагородить, возвысить своих героев, умерить их южный темперамент. И вдруг в печатном варианте вместо «приглаженности, благозвучия, напевности»⁹⁷ мы видим, по сравнению с Гердером, «огрубление» характера героя, возвращение ему той «первобытной дикости», «цинической суровости» и «варварского бесстыдства», об утрате которых у Гердера и Жуковского при переводе «Сиды» так сожалел Ф. И. Буслаев⁹⁸.

Так в первой же песне при описании испытания сыновей Доном Диего читаем:

⁹⁴ Шестаков С. П. Заметки к переводам В. А. Жуковского из немецких и английских поэтов. Казань, 1903.

⁹⁵ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1963.

⁹⁶ Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964.

⁹⁷ Там же, с. 155.

⁹⁸ Буслаев Ф. И. Испанский народный эпос о Сиде.— В кн.: Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887.

Mit entflammten Tigeraugen
Tritt er von dem Vater rückwärts;
«Vater», spricht er, «Ihr vergesset,
Wer Ihr seid und wer ich bin».
«Hatt ich nicht aus Euren Händen
Meine Waffen wehr empfangen,
Ändet'ich mit einem Doiche
Die mir jetzt gebotne Schmach»⁹⁹.

Засверкав очами тигра,
Возопил молодой Родриго:
«Развяжи, отец, мне руки!
Развяжи! когда б ты не был
Мой отец, я не словами
Дал себе тогда б управу;
Я бы собственной рукою
Внутренность твою исторгнул;
Мне мечем или кинжалом
Были пальцы бы мои!»¹⁰⁰

Такая «замена» не вписывается в наши представления о поэте. Она не могла быть выдумана, «домыслена» Жуковским, ибо, если считать этот романс переводом из Гердера, речь идет уже не об изменении «стилистической системы», не об увеличении материальности и конкретности деталей или картин быта, не о появлении новых семантических оттенков у излюбленных эпитетов, что можно проследить в процессе изменения характера переводов от ранних к более поздним, а о каком-то совершенно непонятном искажении гердеровского текста. Причем в печатном варианте есть и другие, пусть менее существенные, но также трудно объяснимые изменения. Откуда они?

Естественно возникает мысль о возможности знания Жуковским каких-то иных, не гердеровских романсов об испанском национальном герое. Ведь при публикации «Сида» поэт сослался не на Гердера, а на «древние романсы испанские».

Известно немало случаев, когда поэты той эпохи не указывали источников, из которых переводили. Так было принято, считалось в порядке вещей. И здесь, сделав перевод из Гердера, Жуковский мог на него не ссылаться. Но назвать вместо одного источника другой? Это было бы мистификацией, которые случались в истории литературы, но у Жуковского до сих пор известны не были.

Возможно, проникнуть в творческую лабораторию поэта могли бы помочь архивные материалы, в частности, автограф печатного варианта? Но таковой не сохранился. Во всяком случае местонахождение его неизвестно. Зато в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде в архиве В. А. Жуковского находится рукопись, условно озаглавленная: «Прозаический перевод отрывков из гердера перевода «Сида», представляющий род весьма подробного конспекта

⁹⁹ Перевод: «С воспламененными, как у тигра, глазами отступил он от отца назад: «Отец,— сказал он,— Вы забываете, кто Вы и кто я. Если бы я не из Ваших рук получил мое оружие, покарал бы кинжалом того, кто приказал мне сейчас позор».

¹⁰⁰ Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4-х томах. М.—Л., 1959—1960, т. 3, с. 294.

для стихотворного переложения «Сида» (кончается третьей главою «Сида в царствование короля Дона Санхо Кастильского») ¹⁰¹. Этот прозаический перевод-конспект показался нам в высшей степени интересным, тем более, что в нем содержатся все сюжетно-тематические «отступления от Гердера» (имеющиеся и в печатном варианте), на которые указывают комментаторы «Сида», и, в частности, С. П. Шестаков.

Поскольку текст этой рукописи никогда не появлялся в печати, приводим его целиком. В рукописи некоторые слова зачеркнуты, но они прочитываются без труда. Мы заключаем их в обычные скобки. В угловые скобки, как и везде, заключены слова, прочтение которых дается предположительно.

Победа над пятью царями мавров

л. 2 об.

Они именуют Родрига своим Цидом и признают себя его вассалами.

Их послы являются к Родригу Биварскому и так смиренно его приветствуют.

«Добрый Цид, мы посланы пятью царями твоими вассалами, чтобы заплатить тебе дань их».

Тогда отвечает Цид. «Друзья, вы ошибаетесь. Не ко мне ваше посольство. Я не господин там, где присутствует король Фердинанд мой государь. Все его, ничто не мое».

И король, довольный смирением Цида, говорит посланникам:

«Скажите вашим царям, что господин их, хотя и не король, но сидит на ряду с королем, что все, чем я владею, завоевано мне Цидом».

И с той поры не было Родригу другого имени у мавров, кроме Цида.

Цид получил рыцарство в Коимбре

Семь лет осаждал король Фердинанд город Коимбру. И никогда бы ему не одолеть ее: ибо она была крепка башнями, неприступными стенами.

л. 3. Тогда явился Сан-Яго, рыцарь Христа, на прекрасном белом коне, с ног до головы покрытый доспехами, свежими, чистыми, блестящими. Он говорил: «Этим ключем, который в руках у меня, отворю завтра на рассвете королю Фердинанду крепость Коимбру».

И король вступил в Коимбру, и мечеть ее названа церковью Богоматери.

Там вооружен был рыцарем знаменитый Дон Родриг Биварский. Король опоясал его мечем и дал ему целование мира; но он не дал ему акколады, ибо то сделал уже для другого; чтобы оказать больше чести Родригу, королева подвела ему коня, а инфанта надела на него шпоры.

¹⁰¹ Бычков И. Бумаги В. А. Жуковского. СПб., 1887, с. 199. Рукопись находится в ГПБ, ф. 286, оп. 1, сд. хр. 33, л. 1—14.

В архиве рукопись датирована 1831 годом. Дата эта в какой-то мере может быть подвергнута сомнению. Дело в том, что еще И. Бычков обратил внимание на то, что рукопись находится в точно такой же тетради, как тетрадь № 6, где помещен дневник поэта с 30 апреля по 11 июля 1829 года. Если считать, а к этому есть достаточные основания, пересказ первоосновой печатного варианта, то справедливо было бы отнести этот пересказ если не к 1829, то, по крайней мере, к 1830 году, ибо «Сид», по собственноручному свидетельству поэта был написан уже в январе 1831 года.

Первое приключение

В глубокой печали сидит Дон Диего; подобной скорби никто на свете не испытал подобного горя*. Ночь и день помышляет он о бесчестии своего дома, о посрамлении древнего, храброго города Ланецов, с которыми не равнялись смелостью ни Иниги, ни Аварки, Расслабленный болезнью и летами, он чувствует себя близким ко гробу, тогда как враг его Дон Гормас без страха и суда гуляет на площади народной.

- л. 3 об. Он не спит ночь, не касается к пище, не поднимает глаз от земли, не смеет и выйти из своего замка, не говорит с друзьями, не позволяет и им говорить с собою, ибо страшится, что дыхание посрамленного оскорбит их.

Наконец, желая сбросить бремя печали <безмерной> он приглашает к себе сыновей и, не сказав им ни слова, повелевает связать их нежные благородные руки. И сыновья его спрашивают в страхе: «Какое намерение твое, родитель? Не хочешь ли умертвить нас?»

И надежда в нем умирала уже, когда обратился он к Родригу. Но Родриг с глазами, сверкающими, подобный грозному тигру, произнес слова сии: «Развяжи мои руки, отец. Беда мне. Развяжи скорее! Когда бы ты не был отец мой, не словами, а делами я дал бы себе управу! Я собственною рукою вырвал бы все твои внутренности, и пальцы мои были бы для меня вместо меча или кинжала...»

И старец, плача от радости, говорит ему: «Сын души моей! Скорьбь твоя мне приятна! Исступленья твое меня радует. Яви, мой Родриг, такую же смелость в заступленьи за честь мою, которая погибла, если ты мне ее не выкупишь».

- л. 4. И он рассказал ему о своей обиде и благословил его, и дал ему тот меч, которым он положил <лишить жизни> Гормаса и начало славным делам своим.

Цид перед боем

Родриг стоит в размышлении; он думает <о> молодых своих летах; он думает о сильном враге, который <многих> друзей астрийских в горах повелевал, первый при дворе короля Леонского, первый во брани.

Но все это (его не смущает) кажется ему мало(важным): родясь, он обязался умереть за честь свою, он сын гидалга.

...От неба он просит правосудия, от земли поля битвы, от чести могущества руке своей.

И он снимает со стены старый меч, покрытый ржавчиной, как будто <одетый> траур<ом> <по господине> своем. «Я знаю, добрый меч, — говорит он, — что тебе стыдно видеть себя в молодой руке моей! Но <нрзб.> обещаю не посрамить тебя, биться не отступя ни шагу! пойдём!»

Встреча Цида с Д. Гормасом

- л. 4 об.

На площади дворцовой встречается Родриг с Гормасом. Он один; пуста дворцовая площадь. Так говорит Родриг Гормасу:

«Знал ли ты, меня, высокий Гормас, меня Д. Диегова сына, когда ты поднял руку на благородное лицо отца моего? Знал ли ты, что Дон Диего потомок Луина Калва, что нет ничего, нет ничего* благороднее крови и щита его?»

Знаешь ли ты, что пока я жив, я, его сын, никто ни чем, кроме разве единого Бога всевышнего, не может сделать того, что сделано было тобою».

- л. 5. «А ты, младенец, — отвечает надменный Гормас, — знаешь ли хотя половину жизни!» — «Знаю твердо! Одна половина ее в том,

* Так у Жуковского.

чтобы почитать благородных; другая в том, чтобы наказывать гордых и омывть последней каплей крови своей полученную обиду». Сказав это, вперил он глаза на гордого графа; а сей отвечив: «Чего же ты хочешь, дерзкий младенец!» — «Хочу головы твоей, Дон Гормас!» — «Ты хочешь розог, дитя! Поди! тебя накажут, как ветренного пажая!» Царь небесный! Что почувствовал Цид при этом слове!

Возвращение Цида

л. 5. об.

Слезы катились, безмолвные слезы по ланитам старца, который сидел за столом, все позабыв, что его окружало. Он думал о посрамлении своего дома, он думал о радости своего сына, он думал о ждущей его опасности и о силе врага своего. Веселье бежит посрамленного, а вместе с весельем и уверенность и надежда; но юные, радостные сопутники чести, с нею они возвращаются.

Погруженный в уныние, не видит он подходящего Родрига; с мечем под мышкою, прижавши ко груди руки, он долго, до глубины сердца пораженный жалостью, смотрит на доброго старца; наконец приближается и, схватив его за руку: «Ешь, мой добрый родитель», — говорит он. Но पुще плачет Дон Диего. «Ты ли говоришь со мною, сын мой! Ты ли мне это советуешь!» — «Я, родитель! Подыми благородное, почтенное лицо твое!» — «Спасена ли честь наша?» — «Родитель! Он убит!» — «Сядь же со мною, сын мой, Родриго! Охотно я разделю с тобою пищу! Кто смог сразить подобную голову, тот будет главой моего дома».

л. 6 об. В слезах преклонил колена Родриго, целует руки отца своего; в слезах Дон Диего целует лицо своего сына.

Химена и король

Владыка король сидит на престоле своем, дабы внимать жалобам народным и каждому давать управу. Великодушный и <врзб.> награждает награждает* он добрых, наказывает злых: ибо наказание и милость творят добрых подданных.

В длинной одежде печальной, провожаемая тремьями пажей благородных, входит Химена, дочь графа Гормаса. Дворец безмолвствует в изумлении; преклонив колена свои на последней ступени трона, так начинает она свою жалобу.

л. 7 «Государь, шесть месяцев прошло уже с той минуты, как погиб мой родитель под ударами воина младого. И я уже падала уже* ко стопам твоим; даны мне были обещания; но правосудие дано не было. Дерзкий и гордый Родриго смеется над твоими законами, а ты потворствуешь его надменности. Если добрые государи суть подобие бога на земле, то государь, не дающий правосудия и поощряющий буйства, не может быть ни любим, ни страшен. Если ты это ху-
л. 7 об. до видишь, то худо будешь и слушать; прости же мне, если выражаюсь перед тобою худо: для женщины обида превращается подчас в досаду».

«Ни слова более, моя Химена, — отвечает Фердинанд первый. — Жалоба твоя не встретит здесь ни мрамора, ни железа. Если я сохранил Дон Родрига, то сохранил его для твоего доброго сердца; время придет, и ты сама будешь проливать от него радостные слезы».

Свидание Родрига с Хименою

Была спокойная полночь.

Химена. Откройся! Говори, кто ты?

Родриго. Химена, сирота! ты меня знаешь.

* Так у Жуковского.

- л. 8. Химена. Так, я знаю тебя! тебя, лишившего дом мой благородной главы его!
Родриго. Честь-то сделала! не я!

Брак Родрига и Химены

Перед алтарем говорит Родриго Химене: «Химена! Я убил отца твоего, но не изменю, а меч против меча, дабы отомстить обиду!... Мужа я убил! Мужа и даю тебе! Здесь я в твоей воле! И вместо мертвого отца получаешь ты честью украшенного супруга».

С сим словом он обнажает свой крепкий меч и, обративши конец его к небу, произносит клятву верности неизменной. Так совершился брак Родрига Кастильского.

- Цид одерживал победы во всех войнах короля Фердинанда. На-
л. 8 об. конец король Фердинанд приближается к концу своему. Он лежит на одре болезни, ноги его обращены к востоку, в руке (он держит) свеча; у изголовья стоят архиепископы и прелаты; по правую руку сыновья его. Он разделил уже между ними свои земли, когда инфанта Донна Урака, покрытая черным трауром, льющая слезы*. Она говорит ему:

«Родитель! Между законами божественными и человеческими есть хотя один, повелевающий все отдавать сыновьям, а дочерей лишать наследства».

- л. 9. Король отвечает ей: «Оставляю тебе Замору, богатую, крепкую башнями, со всеми вассалами для защиты и услуг твоих. Мое проклятие тому, кто помыслит ее у тебя похитить!» — Все говорят: «Аминь!» Один Д. Санхо безмолвствует.

Цид в царствование Д. Санха Кастильского

Цид с королем Санхом едет на богомольство в Рим.

- Они входят в церковь святого Петра. Там видит он семь седалищ для семи царей христианских; и седалище короля французско-
л. 9 об. го близ самого светлейшего отца; а седалище государя его ступеней ниже.

Ударом ноги он опрокинул сие седалище из кости слоновой и оно разбилось на четыре части; потом он взял седалище короля своего и поставил его выше. То узнавши, папа отрешил Циду от церкви. Цид простирается перед палой и говорит ему: «Разрши меня святейший отец! Иначе беда приключится тебе!» — И с кротостию отвечает папа: «Разршаю тебя, Родриго, доброю волею, но с тем, чтобы ты вел себя учтивее при дворе моем!»

Междоусобие сыновей Фердинанда

- л. 10.

Едва успел Дон Санхо проводить со своими братьями гробницу короля Фердинанда в могилу, и уже он сел на коня и велит греметь трубе военной, и готовит* в бой против братьев. Он сзывает вассалов. Первое сражение было с королем Галиции. Малочисленная дружина кастильцев окружает еще короля своего. Тогда является Цид.

- «В добрый час, благородный Цид! Ты вовремя поспел сюда». На то отвечает Цид: «Но ты, государь, здесь не вовремя! Было бы лучше, когда бы, сложив в молитве руки, стоял ты над гробом отца твоего! Я исполняю должность вассала, но стыд — одному тебе!» — Он берет в плен короля Галиции. — «Что делашь, Цид благородный?» — «Государь, я то же бы сделал и для тебя, когда бы служил тебе вассалом».
- л. 10 об.

Один из братьев заключен Дон Санхом в крепкую башню. Тогда король Лионский, второй брат, обнажил меч; он посылает вызов Циду, мужу чести, подающему руку на злое дело.

* Так у Жуковского.

«Из тех и других!» — И Цид сперва задумчивый, потом улыбающийся, бросает спокойный взгляд кругом себя и садится на Бабиску. — Цид удалился!

...и гробовое молчание царствует в стане.

Что прежде всего обращает на себя внимание в этом конспекте? Он, как и печатный вариант «Сида», лишен той внутренней логики и стройности, которая хорошо прослеживается в романсах Гердера, где изображается жизнь Родриго от его юношеских подвигов до самой смерти, а все события развиваются последовательно и логично. И конспект (будем так условно именовать эту рукопись), и печатный вариант начинаются с части, именуемой в рукописи «Победа над пятью царями мавров», но повествующей не о победе юного Родриго над маврами, а о более позднем эпизоде — о приходе послов с дарами от побежденных Сидом королей, то есть о событии более позднем, чем победа над графом Гормасом, о чем будет рассказано значительно позже.

Комментируя «Сида», С. П. Шестаков пишет: «Эта первая строфа представляет перевод 18-й строфы первой части поэмы Гердера с пропуском описания даров посольства. Заключительные три строфы — прибавка переводчика¹⁰². Позволим себе заметить, что переводом указанной песни Гердера эту часть назвать можно лишь с очень большой натяжкой. Если исходить из Гердера, то первая часть печатного текста вбирает в себя мотивы и 18-й и частично 10-й песни, где как раз рассказывается о победе над мавританскими царями и указывается их число. Что касается последних трех строк, то следует отметить, что если они и являются «прибавкой переводчика», то эта «прибавка» в то же время заменяет совершенно иное трехстишие у Гердера, и придает всей части иной смысл:

У Гердера

Also kehrten die Gesandten
Rückwärts, ohne recht zu wissen,
Wer Vasall und König sey¹⁰³.

У Жуковского

С той поры не называли
Знаменитого Родрига
Мавры иначе, как Сидом.

Правда, эта «прибавка» в какой-то мере мотивирует композиционное перемещение данного романа на первое место: здесь дано объяснение происхождению прозвища Родриго — Сид.

Столь же странно в композиционном отношении выглядит и постановка на второе место части, повествующей о взятии Коимбры, о чем у Гердера повествуется в 10-й песне, тем более, что последующие части и «конспекта», и поэтического произведения Жуковского расположены, если так можно выразиться, «в хронологической последовательности»

¹⁰² Шестаков С. П. Заметки к переводам..., с. 61.

¹⁰³ Перевод: «Так и вернулись после назад, не разобравшись, кто вассал и кто король».

с точки зрения «биографии» героя и в значительной степени соответствуют композиции гердеровского произведения.

Ту же картину (логически последовательное развитие сюжета) мы видим и во второй части («Сид в царствование Дона Санха Кастильского»). И здесь, как справедливо замечают комментаторы, каждая часть произведения Жуковского лишь «соответствует» той или иной части гердеровского произведения¹⁰⁴.

В то же время, если мы обратимся к «конспекту», то не трудно заметить, что печатный вариант «Сиды» в I части строго следует за «конспектом» во всех деталях, и все «добавления переводчика», отмечаемые при сравнении с Гердером, в нем тоже содержатся. Разбивка I части на главы совпадает с подзаголовками, имеющимися в «конспекте».

Во второй части рукописи подзаголовки не выделены. Здесь после общего заголовка следует текст, начинающийся словами: «Сид с королем Санхом едет на богомольство в Рим». Однако после краткого изложения поведения Дон Родриго при папском дворе дается заголовок: «Междоусобие сыновей Фердинанда», и далее следует текст, включающий содержание 1, 2 и 3-й глав II части печатного текста «Сиды». Содержание 4-й главы в конспекте не изложено. Комментаторы не без основания утверждают, что в ней развиваются мотивы 31, 32 и 33-й песен по Гердеру. Пусть так. Как мы могли убедиться, поэт вполне мог воспользоваться гердеровским текстом и не составляя «конспекта».

Однако в конспекте оказалась «лишняя» часть: описание пребывания Сиды при папском дворе. Поэтического воплощения эта часть не получила, и в этом нет ничего удивительного или необычного. Удивительно другое — подобного романса или группы романсов, по которым мог быть составлен подобный конспект, у Гердера нет. А что, если обратиться к испанским романсам, не «перепетым» Гердером («besungen durch Herder»), а переведенным тем или иным автором?¹⁰⁵ Ведь известно, что общее число романсов о Сиде в Испании более 200, что среди них, как всегда в народном творчестве, существует множество вариантов обработки одного и того же сюжета или мотива. На наличие таких вариантов, с привлечением в качестве примера трех вариан-

¹⁰⁴ Так, в комментариях к последнему 4-томному собранию сочинений Жуковского указывается: «I глава содержит материалы 23, 24 и 25 глав Гердера, II глава является переводом 26-й главы Гердера, III содержит материалы 27, 28, 29 глав, IV — 31, 32, 33 глав Гердера». Т. III, с. 549.

¹⁰⁵ Обратиться к переводам, а не к оригинальным испанским романсам нас побуждает тот факт, что никакими сведениями о знании поэтом испанского языка мы не располагаем. Книг на испанском языке, что могло служить косвенным свидетельством интереса поэта к испанским текстам, в библиотеке Жуковского пока не обнаружено.

тов романса о кончине Дон Фернандо и о жалобах Донны Ураки указывает, например, Ф. И. Буслаев¹⁰⁶.

Действительно, романс с таким именно сюжетом под № 28 находится, в частности, в упоминавшемся нами издании романсов о Сиде из библиотеки Жуковского, включающем уже не 70, как у Гердера, а 154 романса¹⁰⁷. Этим изданием для составления своего «конспекта» Жуковский, конечно, не мог воспользоваться уже в силу того, что оно вышло в свет более чем через 10 лет после его переводов.

Как указано в самом титуле издания, оно выполнено на основании испанских романсов, опубликованных А. Дураном, первое издание которых появилось, как известно, в 1828—1832 годах. Вероятнее всего, что это мадридское издание также не было известно Жуковскому. Однако для нас сейчас крайне важно отметить, что среди испанских романсов был именно тот романс, который в деталях, вплоть до несколько комического финала, когда папа прощает Родриго с тем, «чтобы он вел себя учтивее при дворе моем» («Aber höflich und bescheiden Musst du sein an meinem Hofe»), совпадает с «конспектом» поэта.

Вот, например, отрывки одного из вариантов этого же романса в переводе В. Левика:

На собор, собор вселенский
В Рим святой отец сзывает.

Вот в собор Петра святого
Молча входит Дон Родриго,
Видит семь высоких тронов
Для семи высокочтимых
Христианских королей.
Трон французского монарха
Наравне с престолом папы,
Трон испанского монарха
Целою ступенью ниже.
Пнул ногою Сид во гневе
Золотословокостный
Трон французского монарха,—
По ступеням он скатился¹⁰⁸.

Сид же, взяв испанский трон,
Выше всех его поставил.

И узнав про это, папа
Отлучил от церкви Сиде.
Но смиренно Дон Родриго
Перед папой распростерся:
«Отпусти мне грех мой, папа,
Не отпустишь — пропадешь:
Из твоей богатой ризы
Я коню скрою попопу».
И отец наш милосердный
Так ему ответил папа:
«Дон Родриго, Сид, охотно
Отпускаю грех твой ныне,
Только при дворе моем
Соблюдай вперед учтивость»¹⁰⁹

¹⁰⁶ Буслаев Ф. И. Указанное сочинение, с. 407—410.

¹⁰⁷ Der Cid, ein Romanzenkranz. Erste vollständige Übertragung, welche ausser den bisher in Deutschland bekannten achtundsiebzig, nach der Duranschen Sammlung, nur sämtliche vorhandene Cid-Romanzen gibt, von F. M. Duttonhofer. Leipzig, 1842. Книга эта, хранящаяся в библиотеке Томского университета, включающая 416 страниц, разрезана только до 88-й страницы, до 35-го романса включительно, завершающего романсы о Сиде в царствование Дона Фернандо.

¹⁰⁸ В варианте, приводимом в немецком переводе Дуттенхофера, брошенный Сидом трон разбивается на 4 части (In vier Stücke wird zerbrochen), в конспекте Жуковского — на 3.

¹⁰⁹ Романсеро. Перевод с испанского. М., изд. «Худ. лит.», 1970, с. 109—111. К сожалению, в издании не указан источник, по которому делались переводы, включенные в сборник.

Сходство многих деталей и сюжетно-композиционное построение данного перевода с соответствующей частью конспекта Жуковского (л. 9—9 об.) несомненно. Как нам представляется, этот факт может уже служить одним из доказательств знакомства Жуковского, если не непосредственно с испанскими романсами, то, по крайней мере, с иным, не гердеровским их переводом.

Дальнейшие поиски привели к тому, что было со всей отчетливостью установлено: все «отступления» от гердеровского текста, на которые указывают комментаторы и прежде всего С. П. Шестаков, не есть домыслы поэта-переводчика. Все «отступления» заимствованы им из различных вариантов испанских романсов.

Попробуем не быть голословными. Попытаемся отыскать в переведенных (а не «перепетых») с испанского романсах источник тех «отступлений от Гердера», которые сделаны Жуковским в печатном варианте «Сида» и которые во всех случаях совпадают с текстом «конспекта». Для этого приведем параллельно те части текста «Сида», которые причисляются к отступлениям, и соответствующие им отрывки из немецкого перевода из Dugan'a, сделанного Дуттенхофером. Отрывки текста («отступления») будем приводить в том порядке, в каком они отмечаются в работах комментаторов, то есть следуя прямо по тексту печатного варианта «Сида»:

С той поры не называли
Знаменитого Родриго
Мавры иначе, как Сидом
(III, 293)¹¹⁰.

Но является Сан-Яго
Рыцарь господа Христа:
На коне он скачет белом,
С головы до ног в доспехах
Свежих, чистых и блестящих.
«Сим ключем, который блещет
У меня в руках (сказал он),
Завтра утром на рассвете
Отопру я Фердинанду
Неприступную Коимбру».
И король вступил в Коимбру...
(III, 293)¹¹²

Cid Ruy Diaz von der Stunde
Ward von diesen er geheissen,
Das in jener Mohrensprache
Helden kühn und stark bezeichnet
(N 26, c. 63)¹¹¹.

Und ein Pferd wird ihm gebracht,
Als er dieses Wort gesprochen,
Weiss von Haaren, schön gestaltet
Und Sant Jago steigt zu Rosse.
Ihn umschliest die volle Rüstung,
Weiss und strahlend gleich der Sonne,
Und zu König Don Fernando
Sprengt er hin auf schnellem Rosse
Als Coimbra sieben Jahre
Sein belagernd Heer umschlossen.
Und er spricht: «Mit diesen

Schlüsseln,

¹¹⁰ Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4-х томах. М.—Л., 1959—1960. Т. III, с. 293. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в скобках.

¹¹¹ В скобках указывается № романса и страница по книге: «Der Cid... Uebertragung von F. M. Duttonhofer», Leipzig, 1842.

¹¹² По поводу этого и последующего отрывка С. П. Шестаков пишет: «Явление Сан-Яго, рыцаря господа Христа, стихи: «Только не дал акколады»... принадлежат Жуковскому». Шестаков С. П. Указанное сочинение, с. 61.

Die ich trage hier, den gold'nen
Will erschlissen ich die Feste.
Morgen, wenn der Tag erglommen,
Sinkt Coimbra vor den König,
Der es hieß so lang umschlossen». —
Und genau zu dieser Stunde
Oeffnen sich der Festung Thore...

(N 25, c. 60).

Gürtet ihm das Schwert der König,
Heisst als Ritter ihn willkommen,
Gibt ihm nicht den Backenstreich,
Den manch, ander Wohl bekommen
(N 25, c. 60).

Сам король своей рукою
Меч к бедру его привесил,
Дал ему лобзание мира;
Только не дал акколады,
Ибо то уж для другого
Было сделано им прежде...
(III, 293)

Засверкав очами тигра,
Возопил молодой Родриго:
«Развяжи, отец, мне руки!
Развяжи! когда б ты не был
Мой отец, я не словами
Дал себе тогда б управу;
Я бы собственной рукою
Внутренность твою исторгнул;
Мне мечем или кинжалом
Были пальцы бы мои!»
(III, 294)

Bluthroth werden dem die Augen
Gleich Hierkaniens wildem Panther,
Und er spricht voll Wuth und Trotzen
Diese Wort zu seinem Vater:
«Lässt uns, ha! zur schlimmen Stunde
Ja zur schlimmen Stunde fahren!
Wärfst du nicht der Vater, Worte
Wären mir zu schwach zur Rache!
Wühite dir im Eingeweide
Mit der Hand hier mit der nacken,
Würgte dich mit meinen Fingern
Statt mit edler Ritterswaife!»

(N 2, c. 4)

Von dem Himme! fleht er Recht,
Einen Kampfplatz von der Erde,
Von dem Vater die Erlaubniss,
Kraft und Stärke von der Ehre
(N 3, c. 5).

И в душе своей он молит
От небес — одной управы,
От земли — простора битве¹¹³.
А от чести подкрепленья
молодой своей руке (III, 295)

И король на то Химене
Так отвечает без гнева:
«Здесь твоя печаль не встретит
Ни железа ни гранита...»¹¹⁴
(III, 299)

«Sprecht nicht weiter, hoide Dame»,
Spricht Fernando nun der Erste,
«Denn ein Herz von Stahl und Marmor
Würden eure Klagen schmelzen»
(N 12, c. 27).

На своей постели смертной
Он лежит лицом к Востоку;
Он в руках уже холодных
Держит свечу гробовую;
В головах стоят прелаты,
Одесную сыновья¹¹⁵ (III, 300).

...Mit dem Haupt liegt er den Abend
Und es stehn zu seinen Häupten
Erzbischöfe und Präiaten;
Streckt die rechte Hand entgegen
Den vier Söhnen die dort harren.
(N 34, c. 85).

Пожалуй, достаточно примеров. Их можно было бы продолжить, особенно же в том случае, если бы перед нами оказался тот подлинник, тот источник, с которого Жуковский

¹¹³ В указанной работе С. П. Шестаков пишет: «Стих: «От земли — простора битве» прибавлен переводчиком к тексту подлинника» (с. 62).

¹¹⁴ «Образные стихи в конце строфы: «Здесь твоя печаль не встретит ни железа, ни гранита»... заменяют простой стих подлинника: «Довольно, однако, сказано, Химена; ни слова более». Там же, с. 62—63.

¹¹⁵ Данные строки — «вставка в текст подлинника». Там же, с. 63.

делал свой перевод-конспект, послуживший в дальнейшем непосредственным планом и источником создания произведения. Книга Дуттенхофера не могла быть таким подлинником не только по времени издания, но и по характеру большинства текстов. Это относится как к композиции книги, так и к характеру отдельных романсов, при сопоставлении которых с произведением Жуковского мы могли бы обнаружить не меньше «отступлений», чем мы находим при сравнении с Гердером.

Но здесь возникает еще один очень интригующий вопрос. Зачем поэт, который всегда переводил «с листа», *никогда* не составлял подобных конспектов, вдруг в 1829 или 1830 году прежде чем создать поэтического «Сида» написал для него столь своеобразную прозаическую программу, да еще и несколько необычным для себя стилем? Дело в том, что «конспект» может в некоторых случаях показаться ученической работой, стилистически далеко не совершенной. В то же время в тексте заметно стремление поэта внести некоторую правку (л. 4, л. 8 об.). Однако трудно положительно утверждать, что и то и другое подчинено стремлению к художественному совершенству: слишком много в тексте тяжеловесно построенных фраз, контрастирующих с известной нам живой и легкой прозой Жуковского, тем более Жуковского зрелой поры. Конспект производит впечатление перевода, причем перевода чернового, еще не получившего литературной обработки.

Можно было бы предположить, что конспект-перевод делался не с поэтического текста, а с прозаического. Источником конспекта могла быть, в частности, и «Bibliothèque universelle des Romans, ouvrage périodique» за 1775—1789 годы¹¹⁶, где печатался прозаический пересказ испанских романсов, на основе которого создал своего «Сида» Гердер.

Детальное сопоставление французского пересказа, испанских романсов и гердеровского произведения проведено в фундаментальном труде А. S. Vögelin'a «Французские и испанские источники «Сида» Гердера»¹¹⁷.

¹¹⁶ В дальнейшем просто: «Bibliothèque universelle...».

В сохранившейся части библиотеки В. А. Жуковского это издание не обнаружено. Полный комплект его сохранился в библиотеке А. С. Пушкина. (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, № 640—654). Вряд ли можно сомневаться в том, что это издание было известно и Жуковскому, и другим поэтам и писателям, так или иначе интересовавшимся французской литературой.

¹¹⁷ Herders Cid. Die französische und spanische Quelle. Zusammenestellt von A. S. Vögelin. Heilbronn, 1879. В книге дается сопоставление четырех текстов: испанских народных романсов, их перевода на немецкий язык, выполненного А. Келлером (Keller A. Romancero del Cid. 1840), соответствующих отрывков текста из «Bibliothèque universelle...» и гердеровского «Сида».

Проведенное нами сравнение конспекта Жуковского с французским текстом из «Bibliothèque universelle...» не позволяет с полной уверенностью утверждать, что конспект делался именно по этому изданию, ибо между соответствующим французским текстом и конспектом-переводом Жуковского нет полного совпадения.

В то же время следует отметить определенную близость французского текста и конспекта, наличие в том и другом некоторых мотивов, отсутствующих у Гердера. Таким мотивом является, в частности, заявление Родриго (во время испытания) о том, что, будь на месте отца другой человек, он, Родриго, собственными руками вырвал бы его внутренности, дабы отомстить за обиду¹¹⁸.

Bibliothèque universelle

«...je me souviens que c'est vous qui m'avez fait. Sans cela cette main qui vous voyez tendue me serviroit de polgnard pour aller chercher au fond de vos entrailles» (с. 37).

Конспект Жуковского

«Когда бы ты не был отец мой, не словами, а делами я дал бы себе управу! Я собственною рукою вырвал бы все твои внутренности, и пальцы мои были бы для меня вместо меча или кинжала...» (л. 3 об.).

Обращает на себя внимание и общий характер построения сравниваемых текстов. Так, французский текст, соответствующий части, озаглавленной у Жуковского «Первое приключение», состоит из пяти абзацев. Из пяти абзацев состоит и соответствующий раздел конспекта Жуковского. Их последовательность и общее содержание совпадают. Более того, они даже начинаются почти одинаково:

«Jamais homme ne fut plus tris te que l'etoit Don Diégo» (с. 36).

«Enfin, Don Diégo secoue la charge de tant d'idées cruelle et fit venir ses fils» (с. 37).

«L'espérance qu'il avoit conçue s'écouloit de sa pensée, lorsque venant pour lier aussi Rodrigue...»

«Des larmes de jole conlèrent alors des yeux du vieillard:... (с. 37).

«В глубокой печали сидит Дон Диэго; подобной скорби никто на свете не испытал...»

«Наконец, желая сбросить бремя печали безмерной, он приглашает к себе сыновей своих...»

«И надежда в нем умирала уже, когда обратился он к Родригу...»

«И старец, плача от радости, говорит ему...»

В последующих частях («Цид перед боем», «Встреча Цида с Д. Гормасом», «Возвращение Цида») картина похожая. Правда, здесь Жуковский иногда как бы сливает две части абзаца французского текста в один или, наоборот, разъединяет одну часть на две. Но при этом всегда сохраняется не только содержание, но и начало обеих французских частей.

¹¹⁸ Французский текст приводится по «Bibliothèque universelle, ouvrage periodique», Juillet, 1783, IIe Volume с указанием в тексте страниц в скобках.

В аналогичном соотношении с французским текстом находятся части конспекта Жуковского, расположенные на л. 5, л. 5 (об.), л. 6, л. 6 (об.). Интересно отметить, что такая деталь, как встреча врагов «на площади дворцовой», не встречается ни в немецком переводе испанских романсов Дуттенхофера или Келлера, ни в известных нам испанских романсах, изданных Эскобаром, Дураном или Деппингом¹¹⁹. Но она есть в «Bibliothèque universelle...» и, естественно, появляется у Гердера, делавшего свой перевод с французского. Есть она, как мы видим, и у Жуковского.

В то же время нельзя не отметить и того факта, что в конспекте Жуковского есть детали и образы, не обнаруженные нами во французском тексте «Bibliothèque universelle» и встречающиеся только в испанских романсах и их переводах. Так, в части конспекта, озаглавленной «Первое приключение», Дон Диего обращается к Родриго, называя его «сын души моей». В испанских романсах (Escobar, Duran, Depping) это обращение звучит как «fijo de mi alma» и Келлер, например, передает его при переводе на немецкий язык как «Sohn meiner Seele». Но ни во французском пересказе, ни у Гердера ему нет прямого соответствия.

Чем детальнее проводилось сравнение конспекта Жуковского с французским прозаическим пересказом, тем больше (несмотря на значительную близость сравниваемых частей) выявлялось частных, но в то же время очень принципиальных расхождений между ними, и чем большее количество точек соприкосновения у конспекта Жуковского оказывалось с подлинными, а не переведенными на немецкий язык испанскими романсами. Поэтому, несмотря на то, что у нас, как и прежде, не прибавилось фактов в пользу знания поэтом испанского языка, возникает необходимость провести сравнение конспекта Жуковского как первоосновы печатного варианта с подлинными испанскими романсами.

В ходе этого сравнения перед нами открывается интересная картина. Все части конспекта, близкие к тексту французского пересказа, в равной мере близки и к испанским романсам, хотя и не всегда представляют собой их точный перевод. Но все «отступления» от Гердера неизбежно обнаруживаются в романсах и на проверку оказываются очень близким испанскому оригиналу переводом, сохраняющим основные стилистические особенности подлинника. Обратимся к фактам.

¹¹⁹ Juan de Escobar. Historia del muy valeroso el Cid Ruy Diaz de Vibar en lenguaje antiquo. Cadix, 1702; Escobar J. Romancero e historia del muy valeroso caballero el Cid Ruy Diaz de Vibar. Francoforto, 1828; Duran A. Romancero General... Madrid, 1854; Depping Ch. B. Sammlung der besten alten Spanischen... Romanzen. Altenburg und Leipzig, 1817; Depping Ch. B. Coleccion de los mas célebres romances antiquos Españoles, históricos y caballerescos, publicada por Ch. B. Depping, y ahora considerablemente enmendada por un Español Refugiado. London, 1825.

Последний абзац части конспекта, озаглавленной «Первое приключение», несомненно, представляет собой перевод четырех заключительных строк романса «Guydando Diego Laynez...», в чем нетрудно убедиться при сравнении:

Depping

Controle su agravio y diole
Su bendicion y la espada,
Con que la muerte al Conde
Y principio á sus fazañas¹²⁰.

Конспект Жуковского

И он рассказал ему о своей
обиде и дал ему меч, которым
он положил лишить жизни Гор-
маса и начало славным делам
своим (л. 4).

Во французском тексте «Bibliothèque universelle» эта часть передана совершенно иначе: «*Où est-il?*» — *Ce fut toute la réponse de Rodrigue; et il ne donna pas le temps à son père de lui raconter son aventure* (38).

Такого же рода случай имеем мы и в следующей части конспекта «Цид перед боем», где Родриго у Жуковского говорит: «Родясь, он обязался умереть за честь свою; он сын Гидальга» (л. 4). В испанских романсах, хотя и существуют некоторые различия, однако сохраняется специфически испанское определение социального положения Родриго — *идальго*, что воспроизведено и в конспекте Жуковского, тогда как ни в немецких переводах, ни во французском пересказе этой детали нет. В качестве доказательства приведем соответствующие отрывки из двух вариантов испанских романсов, немецкого перевода Дуттенхофера и французского пересказа:

No cura de su ñeñez,
Que en naciendo está obligado
A murir por casos de honra
El hijo del hijodalgo
(N 39).

Non cuida de su ñeñez,
Que en naciendo es costumbrado
A murir por casos de honra
El valiente Fijodalgo¹²¹.

Sorgt nicht wegen seiner Jugend
Denn für Ehrensachen sterben
Decht ihm von Geburt an herr-
lich
Diesen tapiern Sohn von Helden.
(N 3)

«L'enfant de noble race fait
mourir pour l'honneur aussi-tôt
qu'il est né. (c. 38)

Совершенно очевидно, что испанское «el hijo del hijodalgo» или «el valiente fijodalgo» заменяется в немецком на «Sohn von Helden», а во французском на «l'enfant de noble race».

Большую часть раздела конспекта, озаглавленного «Химена и король», можно было бы рассматривать как довольно точный перевод французского пересказа романсов. Но и здесь

¹²⁰ Depping Ch. B. Sammlung der besten alten Spanischen... Romanzen. Указанное издание, романс № 38, с. 59. В подавляющем большинстве случаев тексты соответствующих романсов в изданиях Деппинга и Эскобара отличаются друг от друга лишь характером орфографии. Поэтому в дальнейшем, кроме случаев специально оговоренных, испанские романсы приводятся по изданию Деппинга с указанием № романса в тексте.

¹²¹ Juan de Escobar. Historia del muy valeroso el Cid Ruy Diaz de Vibar. Cadix, 1702. № 2.

мы находим образы, отсутствующие во французском тексте и наличествующие в испанских романсах. Таков, например, ответ короля на жалобу Химены. В конспекте читаем: «Ни слова более, моя Химена,— отвечает Фернанд первый,— *жалоба твоя не встретит здесь ни мрамора, ни железа*» (л. 7 об.). Данный отрывок есть не что иное, как перевод следующих строк испанского романа «Sentado estaba señor Rey...».

No aya mas, la mi Ximena!
Responde el primer Fernando,
Que no veran vuestras cuytas,
Entrenas azero y marmol...

(N 45)

Во французском пересказе этого романа мы встречаемся с иным, по стилю гораздо более отдаленным от испанского оригинала текстом, чем конспект Жуковского:

«Le premier Ferdinand le Castille lui repondit: «Vos paroles ne m'offensent point; mai vous en avez dit assez, aimable Chimène». (53).

Аналогичную картину видим мы и в разделе конспекта «Брак Родриго и Химены». После первой фразы («Перед алтарем говорит Родриго Химене»), меняющей по сравнению с оригиналом место действия, поэт дает близкий к тексту перевод отрывка из испанского романа «A Ximena y a Rodrigo...»:

В романсе

Maté á tu padre, Ximena,
Pero no á desaguisado:
Matéle de hombre á hombre
Para vengar cierto agravio.
Maté hombre y hombre doi,
Aquí estoy á tu mandado,
Y en lugar del muerto padre,
Cobráste marido honrado.
A todos pareció bien,
Su discrecion alabaron,
Y así se hicieron las bodas
De Rodrigo el Castellano ¹²².

В конспекте
Жуковского

«Химена! Я убил отца твоего, но не изменяю, а меч против меча, дабы отмстить обиду!... Мужа я убил! Мужа и даю тебе! Здесь я в твоей воле! И вместо мертвого отца получаешь ты честью украшенного супруга.

С сим словом он обнажает свой крепкий меч и, обративши конец его к небу, произносит клятву верности неизменной. Так совершился брак Родрига Кастильского» (л. 8, об.)

Соответствующая часть французского пересказа, сохраняя событийную канву эпизода, отличается многими деталями (в том числе и стилистического характера) от приведенного испанского текста:

¹²² Там же. Романс № 9. В издании Делпинга вместо этого романа включен другой (№ 47), более новый и не вошедший в большинство других изданий. Эта замена специально оговорена составителем в примечаниях к романсу.

«...le Cid lui dit, avec un peu de rougeur et en la regardant avec amour: «J'ai tué votre père, Madame; je l'ai tué en homme d'honneur, et par la plus honorable raison du monde. Je vous ai privée d'un homme, je vous en donne un autre. Vous n'aviez qu'un père; vous aurez en moi parent, ami, serviteur; vous aurez tout, avec un époux honoré».

Et tirant ensuite son épée dont il éleva la pointe au Ciel devant l'Autel: «Qu'elle serve à me punir, dit-il, si je viole, dans toute ma vie, de serment que je fais, non-seulement de vous aimer, mais de vous tenir lieu de tout, Chimène! Et vous, mon oncle, dépêchez-vous de nous bénir» (69).

В данном отрывке много отступлений от соответствующего описания в испанском романсе. Это и чисто французское обращение Madame вместо простого и естественного в данной ситуации — *Ximena*, и значительно более напыщенное перечисление «vous aurez en moi parens, ami, serviteurs; vous aurez tout, avec un époux honoré» вместо более строгого и естественного «у en lugar del muerto padre, cobraste marido honrado». Французский текст был достаточно полно использован Гердером в его романсах о Сиде и воспроизведен Жуковским в приводившемся нами выше томском автографе. Печатный вариант IX романса первой части «Сиды» Жуковского, выполненный в соответствии с ранее составленным конспектом, естественно, представляет собой поэтическую обработку именно испанского романса, а не переделку гердеровского произведения, как указывается во всех существующих комментариях.

Казалось бы, очень близка к французскому пересказу, даваемому на с. 74—75 «Bibliothèque universelle...», первая часть конспекта, озаглавленная «Победа над пятью царями мавров». Однако это только близость, но ни в коей мере не перевод, ибо во французском тексте отсутствуют многие, использованные Жуковским детали. Во французском тексте нет и последнего абзаца, заключающего первую часть конспекта. Быть может, это — «добавки переводчика»? Но при ближайшем рассмотрении все «внесенные переводчиком» детали без особого труда обнаруживаются в соответствующих испанских романсах. Для подтверждения сказанного приведем параллельно отсутствующие в «Bibliothèque universelle...», но использованные Жуковским в конспекте детали и соответствующие им отрывки из романса «En Zamore este Rodrigo...»:

«Buen Cid, ati nos embian
Siete Reyes tuas vassalos,
A te pagar el tributo,
Que'quedaron obligados»¹²³.

«Добрый Цид, мы посланы
пятью царями твоими вассалами,
чтобы заплатить тебе дань их».

¹²³ В данном варианте романса в отличие от большинства других вариантов указано несколько необычное число мавританских королей, покоренных Сидом — семь (*siete*), тогда как обычно это число равно пяти (*cinco*). Таков, например, романс № 15 в издании Эскобара, отличающийся от цитируемого нами только одной этой деталью. Жуковский использует в своем конспекте более распространенный вариант, согласующийся с другими романсами, где также упоминается пять, а не семь королей.

El Cid les dixo: «Amigos!
El mensaje aveys errado.

Тогда отвечает Цид:
«Друзья, вы ошибаетесь...

Todo es suyo, nada es mio».

Все его, ничто не мое»...

Siendo des de alli adelante
El Cid Ruy Diaz llemado,
Apellido entre los Moros
De hombre de valor y estado (N 53).

И с той поры не было Родригу другого имени у мавров, кроме Цида (л. 2, об.)

Если мы обратимся к соответствующим частям французского текста, то легко увидим, что первому из приведенных отрывков в нем вообще нет соответствия, второму — соответствует несколько иной оборот (Le Cid leur répondit: «Amis, vous adressez mal vos présents ... Tout lui appartient, et je ne fuis que son moindre vassal»), а заключительный абзац имеет совершенно иной смысл: «Les Maures s'en retournèrent, ne sachant lequel admirer du vassal ou du Roi». Именно этот финал воспроизведен в гердеровской обработке и в приведенном нами переводе Жуковского, сделанном в книге Гердера.

Уже на основании рассмотренных примеров можно было бы говорить о том, что Жуковский, вероятно, используя в работе по составлению своего конспекта «Сида» французский прозаический пересказ, несомненно, привлекал тексты подлинных испанских романсов, стремясь к более точному воспроизведению испанского национального колорита и к передаче более строгой и безыскусственной манеры повествования, свойственной произведениям народной поэзии.

Количество примеров подобной «корректировки» французского текста в соответствии с древними испанскими романсами в конспекте Жуковского можно было бы значительно увеличить. Но дело не только в отдельных образах и фразах, которых нет во французском тексте. Гораздо более существенно то, что в публикации «Bibliothèque universelle...» совершенно отсутствуют некоторые сюжеты, разрабатываемые Жуковским. К числу таковых относится явление Сант-Яго при осаде Коимбры (вошло в конспект и в поэтический текст) и сцена при папском дворе (в печатном тексте отсутствует).

Часть конспекта Жуковского, озаглавленная «Цид получил рыцарство в Коимбре», представляет собой сокращенный перевод романса «Cercada tiene à Coimbra...», включающий в себя и эпизод с явлением Сант-Яго. Этот очень длинный романс состоит из 88 строк. Жуковский в конспекте дает перевод только 35 из них. Приведем параллельно соответствующие части романса и вышеназванный раздел конспекта:

Cercada tiene à Coimbra
Aquesse buen Rey Fernando;
Siete años duro el cerco

Семь лет осаждал король
Фердинанд город Коимбру. И
никогда бы ему не одолеть ее,

Que jamas lo uvo quitado.
Porque el lugar es muy fuerte,
De muros bien torreado...
Estanos oyo dezir,
Quo el Apostol Sanctiago
Entrava...

.....
Cavallero soy de Cristo,
Ayudador de Cristianos...

.....
Blanco era y muy hermoso,
Sanctiago ha cavalgado,
Guarnido de todas armas
Frescas, blancas, relumbrando;

.....
Dixo, que llevo en mis manos,
Abriria yo el lugar
Manana el dia llegado.
Darlelo ho yo al Rey
Que lo ha tenido cercado,
Y en aquesta propia hora
Al Rey se avia entregado
Nombrose Sancta Maria
La mesquita que han hallado
Consagrandola en su nombre
Y en ella se avia armado
Cavallero Don Rodrigo
De Bivar, el afamado,
El Rey le cino la espada
Paz en la boca le ha dado
No le diera pescocada,
Como á otro avia dado,
Y por fazelle mas honra
La Reyna le dió el cavallo;
Y Doña Urraca la Infanta
Las espuias le ha calçado... (N 50)

ибо она была крепка башнями,
неприступными стенами.

Тогда явился Сан-Яго, рыцарь Христа, на прекрасном белом коне, с ног до головы покрытый доспехами, свежими, чистыми, блестящими. Он говорил: «Этим ключем, который в руках у меня, отворю завтра на рассвете дня королю Фернанду крепость Коимбру».

И король вступил в Коимбру, и мечеть ее назвали церковью Богоматери.

Там вооружен был рыцарем знаменитый Дон Родриг Биварский. Король опоясал его мечом и дал ему целование мира; но он не дал ему акколады, ибо то сделал уже для другого; чтобы оказать больше чести Родриго, королева подвела ему коня, а инфанта надела на него шпоры (л. 3).

.....
Эта часть конспекта Жуковского, как и II романс первой части печатного варианта, интересна во многих отношениях. Можно отметить, что поэт, составляя конспект на основе испанского романса, делает не обычный подстрочник, не имеющий какой-либо ценности без соответствующей поэтической обработки, но создает близкий к оригиналу поэтический пересказ, более сжатый, чем оригинал, но сохраняющий его основные образы и детали. Сокращение достигается за счет опущения всех мотивов, осложняющих развитие основного сюжета, связанного с деяниями главного героя.

Так, в данном случае сокращено описание причин, по которым король не мог взять Коимбру и почему все-таки не снял осады (кончилось продовольствие, но монахи крупного монастыря обеспечили войско короля провиантом, который король с благодарностью принял), опущено описание событий, предшествующих появлению Сант-Яго (прибытие епископа, его

молитва, обращенная к апостолу, уверения Сант-Яго в том, что он помощник христиан и враг мавров), и повторное упоминание об оказанной королем чести Родриго, чести, которая была воздана ему по его заслугам.

Таким образом, пересказ, а следовательно, и соответствующий поэтический текст печатного варианта романса Жуковского оказался более кратким и, если так можно выразиться, более «целенаправленным», чем испанский романс. Такое «сокращение» не противоречит духу испанских романсов, которые, являясь произведениями народного творчества, бытовали в различных вариантах. Сохраняя основной сюжетный стержень, эти варианты отличались друг от друга и по отдельным образам, и по композиции, и по объему. В ряде случаев в пределах одного романса повествуется о нескольких эпизодах из жизни героя, тогда как в других — каждый из этих эпизодов разрабатывается как самостоятельный сюжет. Примеры такого рода можно найти даже в известных нам изданиях романсов, в основном дублирующих друг друга. Так, в издании Эскобара (1702 г.) есть романс «Entrado ha el Cid en Zamoga...» (№ 27), состоящий из 104 строк. В издании Демпинга этот же романс чисто механически разделен на две части и представлен как два романса «Entrado ha el Cid en Zamoga...» (№ 69, 68 строк) и «El Cid fue para su tierra...» (№ 70, 34 строки).

Легко заметить, что в процессе деления общее количество стихов сократилось на 2. Утрата двух строк произошла во втором романсе в издании Демпинга, где после десятой строки отсутствуют два стиха, имеющиеся в издании Эскобара. В них дается дополнительная мотивация поступку короля: «Король увидел, что очень хорошо сделать то, что говорят». Скольнибудь существенной роли в развитии сюжета эти строки, естественно, не играют. То есть уменьшение объема романса за счет сокращения описательных, побочных мотивов встречается и в самих народных произведениях.

Первый раздел второй части конспекта Жуковского, начинающийся словами: «Цид с Дон Санхом едет на богомольство в Рим», не получивший поэтической обработки и не вошедший в печатный текст, так же, как и рассмотренный выше раздел, есть не что иное, как несколько сокращенный перевод романса «A Consilio dentro en Roma...».

Приведем параллельно ту часть этого романса, которая привлекла внимание Жуковского, и соответствующий раздел его конспекта:

A Concilio dentro en Roma
El Padre sancto ha llamado,
Por obedescer al Papa,
Esse noble Rey Don Sancho.
Para Roma fue derecho
Con el Cid acompañado;

Цид с королем Дон Санхом
едет на богомольство в Рим.

En la yglesia de Sant Pedro
Don Rodrigo se avia entrado;
A do vido siete sillias
De siete Reyes Cristianos
Y vió la del rey de Francia,
Junto á la del Padre Sancto,
Y la del Rey su señor
Un estado mas abaxo.
Fuese á la del Rey de Francia
Con el pié la ha derribado;
La silla era de marfil
Fecho se ha guatro pedaços
Tomara la de su Rey
Y sibiose en lo mas alto

El Papa quando le supo
Al Cid ha descomulgado
En saberlo luego el Cid
Ante el Papa se ha postrado
«Absolvedeme, dixo, Papa!
Sino, seraos mal contado».
El Papa de piadoso:
«Yo te absuelvo, Don Rodrigo!
Yo te absuelvo de buen grado;
Con que seas en mi Corte
Muy cortes y mesurado!» (N 62)

Они входят в церковь святого Петра. Там видит он семь седалищ для семи царей христианских; и седалище короля Французского близ самого светлейшего отца; а седалище государя его ступеней ниже.

Ударом ноги он опрокинул сие седалище из кости слоновой, и оно разбилось на четыре части; потом он взял седалище короля своего и поставил его выше.

То узнавши, папа отрешил Цида от церкви. Цид простирается перед папой и говорит ему: «Разреши меня, святейший отец! Иначе беда приключится тебе!» — И с кротостью отвечает папа: «Разрешаю тебя, Родриго, доброю волею, но с тем, чтобы ты вел себя учтивее при дворе моем!» (л. 9, об.).

Первая фраза конспекта ни в коей мере не является переводом. Она может быть соотнесена с испанским оригиналом как своеобразная экспозиция действия. Как и в издании Эскобара, в данном испанском романсе действие приурочено ко времени царствования дона Санхо (в издании Дурана — ко времени дона Фернандо) и к моменту созыва папой Совета в Риме. Жуковский лишь частично сохраняет экспозицию, указывая иную цель поездки Сида в папскую резиденцию. Вполне вероятно, что замена эта вызвана (как и в разделе «Брак Родриго и Химены») стремлением сделать описываемые события более близкими и понятными русскому читателю. Упоминание Священного Совета, на который к тому же едет не духовное лицо, а простой рыцарь, могло вызвать определенное недоумение у русского читателя. В дальний путь к святым местам светские лица обычно отправлялись на поклонение мощам или чудотворным иконам. Это было уже понятнее. Но в католическом мире такие путешествия назывались паломничеством. Жуковский же употребляет чисто русское выражение — «едет на богомольство», то есть совершенно сознательно идет на русификацию, которой в других случаях старательно избегает.

По каким причинам Жуковский, составив эту часть конспекта, не перерабатывает ее в поэтический текст, можно только предполагать. Возможно, что эпизод, о котором повествуется в романсе, показался поэту слишком нереальным, стоящим в отношении исторической достоверности в стороне

от остальных произведений, связанных с именем испанского национального героя. На несомненную фантастичность ситуации, рассказанной в романсе, указывается и в примечаниях Деппинга¹²⁴, с изданием которого, как мы предполагаем, Жуковский был хорошо знаком. К тому же, описанный в романсе эпизод из жизни Сида, очень льстивший, как отмечает Деппинг национальной гордости кастильцев, а потому упоминавшийся и в других произведениях испанской литературы, вряд ли мог понравиться русской цензуре, особенно в период первой публикации «Сида» в 1831 г.

Как видно из приводившегося выше текста, конспект Жуковского имеет ряд подзаголовков, каждый из которых, особенно в первой части, соответствует содержанию одного из романсов печатного варианта «Сида» («Победа над пятью царями мавров» — I, «Первое приключение» — II, «Цид перед боем» — III и т. д.). Но не все разделы имеют подзаголовки. Так, после раздела «Брак Родриго и Химены» (IX романс первой части) безо всякого выделения дается описание последнего часа дона Фернандо и жалобы инфанты на несправедливый раздел наследства, что соответствует уже содержанию X романса. Отсутствуют подзаголовки и во всей второй части конспекта, где единственный подзаголовок «Междоусобие сыновей Фердинанда» объединяет материал, получивший поэтическое воплощение в I, II и III романсах второй части «Сида».

Скажем сразу, ни та, ни другая, лишенная отдельного подзаголовка часть конспекта, не имеет прямого соответствия в «Bibliothèque universelle...». Не является каждая из них и переводом какого-то одного испанского романса. Так, часть конспекта, начинающаяся словами «Цид одерживал победы во всех войнах короля Фердинанда», является переводом-экстрактом из романсов № 58, 59, 60. «Междоусобие сыновей Фердинанда» — перевод-экстракт 63, 64, 65, 68 и 69-го романсов. Не исключено, что во втором случае Жуковский в равной мере использовал как испанские романсы, так и прозаический французский пересказ тех же событий, даваемый в «Bibliothèque universelle...» на страницах 89—101. Это подтверждается тем, что в разделе «Междоусобие сыновей Фердинанда» при сохранении общего духа испанских народных романсов встречаются выражения и целые фразы, заимствованные из французского текста.

Не имея возможности детально проследить все параллели, существующие между конспектом и указанными его источниками, так как это потребовало бы перепечатки и сопоставления очень большого количества текстов, что не входит в задачу нашего исследования, остановимся еще только на послед-

¹²⁴ Деппинг. Указанное издание, с. 92.

нем романсе печатного варианта «Сида», заключающем собой все произведение Жуковского.

Как известно, в конспекте Жуковского нет раздела, который соответствовал бы IV романсу второй части. Быть может эта часть конспекта оказалась утраченной, так как не была вписана в тетрадь, хранящуюся в архиве поэта под № 33. А может быть поэт, проделав уже столь большую работу по осмыслению и поэтической обработке испанских романсов, решил обойтись без прозаического перевода-конспекта.

Однозначно ответить на этот вопрос пока невозможно. Но с уверенностью можно сказать, что последний, заключительный романс создавался подобно предыдущим четырем как своеобразный поэтический «экстракт» из нескольких испанских романсов.

Чтобы не быть голословными, приведем текст последнего романса «Сида» параллельно с отрывками тех испанских романсов, из которых был сделан этот своеобразный экстракт:

IV

Les condes y ricos homes
Al Rey Don Sancho dezian,
No perdiessse tal vassalo
Y de tanta valentia,
Camo es Ruy Diaz el Cid,
Ques muy grande su valia.
El Rey fablo á Diego Ordóñez,
Mandole que al Cid le diga...

El Cid se avia aconsejado:
Con los suyos que ay tenia,
Si haria lo que el Rey manda,
Su parecer les pedia,
Que se buelva al Reydixeron;
Pues su desculpa le embia.
El Cid con ellos se buelve
El Rey, quando lo sabia
Dos leguas salio à el,
Quinientos van en suguia
El Cid quando vido al Rey
De Bavioca descendia,
Besole luego las manos... (N 70)

De Zamora sale Dolfos
Corriendo y apresurado...

En la tienda del buen Rey

Длится трудная осада,
Много было поединков;
Много рыцарей кастильских,
К утешенью дам Заморы,
Было сброшено с седла.
Не возьмут они Заморы.
Тут являются к Дон Санху
Графы, знатные вельможи.
«Государь, отдай нам Сида!
(Говорят они); без Сида
Не бывать ни в чем удачи». И
король послал за Сидом;

Но с домашними своими
Наперед о том, что делать,
Посоветовался Сид.
Возвратиться, был совет их,
Если сам король Дон Санхо
Признает себя виновным.
Сид покорствует призванью:
Сам король к нему навстречу
Выезжат; с Бабиеки
Сходит Сид, его увидя,
И его целует руку.

С той поры на поединки
Вызывать гораздо реже
Стали рыцари Заморы
Смелых рыцарей кастильских:
Каждый был готов сразиться
Хоть с пятью один, хоть
с чертом,

Лишь бы только не с Родригом.
Вдруг из города Заморы
Вышел витязь неизвестный.
К пышной ставке королевской
Подошедши, так сказал он:

En ella se avia amparado.
Y yo por aconsejarle
A aquel viejo Arias Gonzalo
Que te entregasse à Zamora
Pues se te avia quitado,
Ha me querido matar
Y del me soy escapado.

Yo te entregaré Zamora...

El buen Arias de leal
Al Rey avia avisado,
Desde el muro del adarve,
Estas palabras hablando:
«A ti lo digo, el Buen Rey,
Y à todos tus Castellanos,
Que si traycion te fiziere
Vellido un traydor malvado,
Que si trayciin te fiziere
A nos no sea imputado».

El Rey se avia apartado
Con fuerzase lo ha tirado,
Lo que à nadie es escusado.
El venablo que llevaba
A Vellido se lo ha dado,
El qual desque ansi lo vido
Despaldas y descuydado.
Enhestose en los estrivos
Con fuerzase lo tirado,
Dierale por las espaldas
Y à los pechos ha passado.
Alli cayo luego el Rey
Muy mortalmente llegado...

Todos van à ver al Rey
Que mortal estava echado,
Todos le dizen lisonjas,
Nádie verdad le ha hablado;
Sine fue el Conde de Cabra,
Un buen cavallero anciano:

«...Que del anima curedes,
Del cuerpo non fagays caso.
A Dios vos encomendad,
Pues fue este dia aziago» (N 72).

Llorando estava sobre el
Toda la flor de Castilla,
Don Rodrigo de Bivar
Es el que mas lo sentia.

«Rey Don Sancho! Señor mio!
Aziago fue aquel dia,
Que tu cercaste Zamora,
Contra la voluntad mia;
Quien te lo consejo, Rey!

«За совет мой: **покориться**,
Чуть меня не умертвили.
Государь, я знаю верный
Способ сдать тебе Замору».
Но с высокия ограды
В то же время старый рыцарь
Прокричал: «Король Дон Санхо,
Знай, и вы, кастильцы, знайте,
Что из города Заморы
Вышел к вам предатель.

хитрый:
Если сбудется злодейство,
Нас ни в чем не обвиняйте».
Но с предателем Дон Санхо
Уж пошел к стенам Заморы.
Там пред входом потаенным
Неприступныя ограды,
Видя, что король Дон Санхо
С ним один и безоружен,
Острый свой кинжал предатели.
Весь вонзил в него—и скрылся.
И король смертельно ранен.

Вкруг него толпятся слуги;
И никто из них не молвил
Слова правды, лишь единый
Добрый, старый, верный рыцарь
Так сказал ему: «Помысли

О душе своей и боре;
Остальное все забудь».
И уже король Дон Санхо
Предал в руки бога душу.
Много рыцарей кастильских
Вкруг него стоят и плачут;
Боле всех стоит и плачет
Благородный Дон Родриго.
«О король мой, о Дон Санхо!
(Воскликает он), да будет
Проклят день тот ненавистный,
День в который ты замыслил
Приступить к стенам Заморы
Не боялся тот ни бога,
Ни людей, кто беззаконно

A Dios ni al mundo temia,
Pues te hizo quebrantar
La ley de Cavalleria» (N 74).

Дал тебе совет нарушить
Честный рыцарства закон»
(III, 306—308)

Итак, последний, четвертый романс второй части «Сида» создан Жуковским на основе трех испанских романсов — 70, 72 и 74 (по изданию Деппинга). Первые 6 строк романса Жуковского (общая экспозиция к романсу) и 24—30-я строки (своеобразное заключение к развитию первой сюжетной линии), по всей видимости, принадлежат самому поэту. Нам уже случалось упоминать о том, что поэт, как правило, считает нужным даже в конспекте, даже при непосредственном переводе одного какого-то романса давать *свою* экспозицию. Такая сугубо авторская экспозиция есть практически в каждом разделе конспекта, в каждом романсе печатного варианта. Кроме уже упомянутых, приведем некоторые из них:

«Цид одерживал победы во всех войнах короля Фердинанда. Наконец Король Фердинанд приближается к концу своему» (л. 8).

Едва успел Дон Санхо проводить со своими братьями гробницу короля Фердинанда в могилу, и уже он сел на коня, и велит греметь трубе военной и готовит в бой против братьев» (л. 10).

На наш взгляд, введение таких экспозиций было необходимо поэту, поскольку он ориентировался на широкого русского читателя, почти незнакомого с испанскими романсами и с их исторической основой. Дело в том, что испанские романсы очень часто начинаются прямо с упоминания какого-либо хорошо известного испанским слушателям и читателям события или героя, прямо с описания его действия, вытекающего из какого-то известного по другим романсам или поэмам события. Например: «De Zamora sale Dolfos...», «Entrado ha el Cid en Zamora...», «Llorando Diego Lainez...». Испанскому читателю не надо объяснять, кто такой Вельидо Дольфос, зачем Сид вступил в Коимбру и почему плачет Диего Лайнес. Каждый испанец знал не только имена этих героев, но и их родовые, знал все эпизоды с их участием, воспетые в романсах.

Русскому читателю требовалось пояснение. Таким своеобразным пояснением у Жуковского и являются экспозиции, определяющие место действия и основные обстоятельства его. Этой же цели служит и экспозиция IV романса второй части и строки, объясняющие, что дало кастильцам возвращение в их стан Сида.

Взятые автором для перевода три романса (№ 70, 72, 74), составляют общим объемом 190 строк. Поэт использует для своей поэтической обработки только 77 из них, то есть меньше половины. В 70-м романсе из 34 строк переводится 21, в 72 из 96 — 44, в 74 из 60 — всего 12. Что же отбирает для своего произведения и что опускает при переводе Жуковский?

Поэт включает в свой романс лишь то, что непосредственно относится к двум главным событиям, связанным с заключительным эпизодом уже известной читателю по предыдущим романсам осады Заморы: возвращение Сиды и смерть короля Дона Санхо. Жуковский опускает при переводе все детали, осложняющие развитие этих двух сюжетных линий и могущие быть непонятными русскому читателю, которому мало что дает упоминание о том, что к моменту, когда король решил вернуть Сиду, последний находился в своих владениях около Толедо, завоеванного когда-то королем Альфонсом, что посланником короля к Сиде был Диего Ордоньес. Не столь существенно для понимания сюжета о гибели короля Санхо и то, что вышедшего из Заморы рыцаря звали Вельдиго Дольфос и что он притворно убегал от сыновей Ариаса Гонсалеса и т. д. и т. п.

Наименьшее число стихов переведено из 74-го романса. Здесь поэта привлекает только начало: плач Сиды о короле. Вся же остальная часть (требование кастильцев отомстить за смерть Дона Санхо и поручение этой мести Диего Ордоньесу, что является по существу завязкой нового сюжета) оставляется им без внимания.

Интересно, что плач Сиды о короле составляет содержание значительной части предыдущего, 73-го романса, где Родриго говорит о доблести короля и о том, что король пренебрег разумными доводами Сиды. Однако в жалобе Сиды поэта, по всей вероятности, менее всего привлекало прославление королевских доблестей. Видимо, более интересной показалась ему мысль о том, что гибель короля была своего рода возмездием за нарушение им законов чести и человечности. Зло не прощается даже сильным мира сего. Зло может породить только зло. Эта мысль все чаще проскальзывает у Жуковского в произведениях, письмах, в заметках на полях книг, относящихся к 30-м годам. И если в 1820 году, переводя «Сиду» Гердера, поэт обрывает перевод на изображении военных побед героя и благосклонного к нему доброго короля Фернандо, выражающего благодарность своему мужественному и мудрому подданному, то при обработке испанских романсов история Сиды прослеживается и в царствование короля Санхо, правителя жестокого, несправедливого, отвергающего мудрые советы Дона Родриго, поощряющего шпионство и предательство и погибающего от руки предателя.

Итак, можно утверждать, что конспект Жуковского, а следовательно, созданный на его основе печатный вариант «Сиды», как это и указывалось в первых прижизненных изданиях (до издания 1849 г.), есть именно «извлечения» или «отрывки из древних романсов испанских». Композиция конспекта, расположение частей в нем, как и в печатном варианте, принадлежит самому поэту. Первый и второй разделы конспекта (и соответственно I и II романсы) первой части печатного ва-

рианта, нарушающие «хронологию» в изображении деяний героя, представляют своего рода экспозицию ко всему произведению, знакомящую читателя с героем и объясняющую происхождение несколько необычного его прозвания — Сид. Дальнейшее повествование ведется поэтом последовательно, без резких временных смещений, в соответствии с привычным расположением событий, о которых рассказывается в испанских романсах.

Определенная свобода при компоновке материала, которую позволяет себе Жуковский при создании «Сиды», принципиально отлична от той свободы, которую исповедывал поэт в ранний период своего творчества. Собственная компоновка частей в «Сиде» направлена не на пересоздание испанских романсов, не на объединение их посредством единства авторского переживания, а на возможно более полное *воссоздание* на русском языке художественного своеобразия произведений, созданных на определенном этапе исторического развития испанского народа.

Еще в 1820 году, когда поэт переводил гердеровское произведение, он, очевидно, рассматривал его как достаточно верное воспроизведение испанских романсов, а потому в основных моментах строго следовал за оригиналом, каковым для него был текст Гердера.

Теперь, познакомившись с подлинными испанскими романсами, на новом этапе своей поэтической деятельности, Жуковский стремится заострить внимание не на внешней экзотичности быта испанского народа, не на изображении «нравов» другой страны, а на раскрытии определенных черт *характера* народа, воплощенного в образе Сиды, героя национального эпоса. Поэтому, если при переводе гердеровского произведения поэт детально воспроизводил описание необычных нарядов Родриго и Химены, сам свадебный обряд, подчеркивал отличия в одежде Родриго от остальных рыцарей и т. д., то теперь он отказывается от подобных описаний, хотя они и содержатся в ряде испанских романсов. Очевидно, с новым пониманием целей и задач перевода связан и отказ от строго «хронологического» порядка в описании эпизодов из жизни Сиды, ибо для поэта теперь главное — изображение характера, раскрывающегося в конкретных исторических обстоятельствах: борьба с маврами (реконкиста), междоусобные войны, феодальные распри. Поэт позволяет себе отбрасывать некоторые подробности в тех или иных эпизодах, опускает многочисленные имена, упоминаемые в испанских романсах, так как для русского читателя, не знающего всей истории Родриго и большинства испанских песен и романсов о Сиде, эти имена и подробности могли быть лишь своего рода экзотическими украшениями, а не необходимыми историческими деталями.

В то же время, свободно komponуя части произведения, прибегая как к целостной обработке того или иного романа, так и к объединению в пределах одной части нескольких сюжетных линий, поэт как бы стремится зафиксировать некоторые частные детали оригинала, характерные особенности его образности и стилистики. Это относится ко всем уровням работы поэта, начиная с составления конспекта. Так, мы упоминали, что в конспекте есть небольшая, но очень интересная правка. Поэт, первоначально записав фразу, зачеркивает ее и, сохранив общий смысл, создает новый стилистический вариант, отнюдь не безупречный с точки зрения русского языка (л. 4 и л. 8 об.).

Как оказалось, в этих случаях правка служит, чтобы точнее передать форму, в которой выражена мысль в испанском романсе. Так, на л. 4 Жуковский первоначально записывает: «Но все это его не смущает». Потом последние три слова зачеркивает и продолжает фразу: «Но все это кажется ему маловажным». Вторую часть последнего слова вновь зачеркивает, и в окончательном варианте фраза получает вид: «Но все это кажется ему мало», что в полной мере соответствует переводимому стиху романса: «*Todo le parece poco*». На л. 8 об., повествуя о смерти короля Фернандо, Жуковский пишет: «... в руке он держит...». Сразу же зачеркивает последние два слова и заканчивает фразу: «... в руке свеча», что точно соответствует безглагольной конструкции, имеющейся в этом случае в переводимом стихе испанского романса: «*Y la candela en la mano*».

Количество примеров такого буквального перевода испанского текста в конспекте Жуковского можно увеличить, что, как нам кажется, свидетельствует и о некоторой неуверенности поэта при переводе с испанского оригинала. Косвенным подтверждением нашего предположения может служить характер транскрипции некоторых испанских слов и имен как в конспекте, так и в печатном варианте произведения. Так, в конспекте и при первой публикации «Сиды» имя главного героя дается поэтом в несколько необычной форме — Цид, хотя звук «ц» в испанском языке вообще отсутствует. Испанское *Zatoga* передается автором в конспекте двояко: как *Замора* и как *Цамора* (л. 12 об.). Написание *Замора* сохраняется даже во всех современных изданиях «Сиды», хотя, если стремиться к воспроизведению испанского произношения, следовало бы печатать *Самора*, как это делается, например, в современном издании «Песни о Сиде»¹²⁵.

Испанское имя короля *Sancho* (Санчо) поэт передает как *Санхо*, *hidalgo* — как *гидальго*¹²⁶, хотя и в испанском, и во

¹²⁵ Песнь о Сиде. Староиспанский героический эпос. М.—Л., 1959.

¹²⁶ В текстах испанских романсов пишется *hijosdalgo*, но уже в комментариях к этим текстам Деппинг дает более современную транскрипцию этого слова — *hidalgo*.

французском языке буква *h* существует только на письме и не произносится. В написании *гидальго*, *Цид*, *Цамора*, *Санхо* можно предположить влияние немецкого языка, немецкого происхождения.

Кстати, одним из наиболее вероятных непосредственных источников испанских текстов для Жуковского могло быть как раз неоднократно цитировавшееся нами издание Девпинга (Лейпциг, 1817), в котором не только название издания, но достаточно обширное (50 страниц) предисловие и комментарии к романсам даются на немецком языке, которым поэт, в отличие от испанского, владел совершенно свободно.

В немецких заголовках к романсам, которые дает в своем издании Девпинг, в немецком предисловии к изданию и в комментариях во всех указанных случаях написано: *hidalgo*. *Cid*, *Zamora*, *Sancho*. Никаких указаний на особенности испанской фонетики или испанского произношения ни в предисловии, ни в комментариях нет, и, естественно, в немецком контексте все эти слова могли быть прочитаны в соответствии с немецкой фонетикой, то есть так, как они прочтены и воспроизведены в конспекте и в произведении Жуковского. В более поздних изданиях «Сиды» имя главного героя было исправлено, очевидно, самим поэтом. Но *Замора*, *гидальго*, *Санхо*—остались.

Взяв за основу конспекта сами испанские романсы, поэт в то же время, как было отмечено, пользовался и французским прозаическим пересказом. Однако французский текст был для него не первоисточником, как для Гердера, а своеобразным посредником, могущим оказать помощь в переводе древних испанских романсов, произведений, создававшихся на протяжении почти двух веков. Даже самые поздние из романсов отстояли от времени перевода их Жуковским более, чем на три столетия, и, естественно, изобиловали архаическими формами. Нужно заметить, что в собрании Девпинга некоторые устаревшие формы написания слов заменены более современными. И в этом отношении данное издание было, несомненно, более доступным для перевода, чем, например, издание Эскобара. Но и в издании Девпинга сохранены старые грамматические формы, архаическая лексика, древние, уже не всегда ясные человеку XIX века понятия и выражения. И здесь французский пересказ призван был помочь и помогать поэту.

То, что Жуковский прибегал к французскому языку в случаях, когда ему не удавалось до конца понять испанский текст или найти тому или иному испанскому понятию русский эквивалент, ярко проявилось при переводе романса «*Cercada tiene à Coimbra...*», пересказа которого нет в «*Bibliothèque universelle...*». В этом романсе при описании посвящения Родриго в рыцари говорится:

El Rey le cino la espada,
Paz en la boca le ha dado,
No le diera pescozada...

Слово *pescozada* встречается не только в испанских романах. Оно употребляется при описании ритуала посвящения в рыцари и другими авторами. Так, например, Сервантес в «Дон Кихоте» пишет: «*Dijole cómo ya le había dicho... que todo el toque de quedar armado caballero consistía en la pescozada y en el espaldarazo, según él tenía noticia del ceremonial de la orden y que aquello en mitad de un campo se podía hacer...*»¹²⁷. И в том и в другом случае *pescozada* означает одно и то же — подзатыльник. В переводе Сервантеса на немецкий язык, имеющемся в библиотеке Жуковского, испанскому *pescozada* соответствует *der Nackenschlag*¹²⁸. Жуковский же, переводя романс, пишет в конспекте: «Король опоясал его мечом и дал ему целование мира; но не дал ему акколады...» (л. 3). Вместо испанского *pescozada* и в конспекте, и в поэтическом тексте появилось даваемое без перевода французское слово акколада (*Accolade*), которое как в современном французском языке, так и в языке времен Жуковского значит «обнимание, объятие, облобызание, целование»¹²⁹.

Не говоря уже о том, что слово *acolade* ни в коем случае не соответствует по значению испанскому *pescozada*, одно из значений его — целование, облобызание (то есть поцелуй в торжественных случаях) — совпадает по смыслу со вторым действием короля («дал ему целование мира»), что привносит в текст перевода некоторую неясность.

Откуда же явилась «акколада»? По всей видимости, из флориановского перевода «Дон Кихота». При переводе соответствующей сцены Сервантеса у Флориана читаем: «*Il vint lui demander excuse de la grossièreté de ses rustres qu'il avait sie bien châtiés, l'assurant que tout s'était passé à son insu, et ajouta qu'au surplus, ayant satisfait à l'obligation de la veille des armes, qui n'exigeait que dex heures, il pouvait, au défaut ae chapelle, recevoir dans tout autte lieu l'acolade et le coup de plat d'épée sur le dos, seules choses né cessaires suivant les riters de l'ordre*»¹³⁰.

Как известно, Жуковский в 1803 году переводил на русский язык «Дон Кихота», но не с испанского, а с французского перевода Флориана. Правда, Жуковский в своем переводе вообще обходится без «акколады». Он пишет, что трактирщик «уверял... что, кончив свое бдение, которому не должно более двух часов продолжаться, он может, за неимением церкви, во

¹²⁷ Cervantes M. de. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. La Habana, 1972, s. 29.

¹²⁸ Cervantes M. de. Leben und Thaten des scharfsinnigen edeln Don Quixote von la Mancha. V. 1—4. Berlin, 1810—1816. V. 1, S. 32.

¹²⁹ См., например: Французский подробный лексикон. СПб., 1778, т. 1; Полный французско-русский словарь. СПб., 1824, т. 1.

¹³⁰ Florian J. Ouvrage postume. T. 12. Don Quichotte de la Manche. Paris, 1820, s. 35—36.

всяком другом месте получить удар меча по спине — единственный обряд, употребляемый при посвящении»¹³¹.

Пропущенное при переводе Жуковским слово «акколада» тем не менее с легкой руки Флориана и других французских писателей стало появляться в литературе о рыцарстве, постепенно расширяя свое значение¹³². Запало, оно, видимо, и в сознание Жуковского, воспользовавшегося им для замены слова *rescozada*, которое выражало не совсем понятное для торжественного обряда посвящения действие и, будучи буквально переведенным, могло вызвать комический эффект.

Видимо, в ряде случаев, затруднившись при составлении конспекта найти лучшую форму для выражения мысли оригинала, чем то было сделано во французском пересказе, поэт берет его за основу. Отсюда и определенная близость некоторых частей конспекта и французского текста, которая распространяется только на те случаи, когда между французским и испанским текстом нет принципиальных отличий, когда во французском тексте не сглажены специфически испанские национальные черты в изображении характеров героев и их поступков. Такова, например, сцена испытания сыновей Доном Диого.

Французский анонимный автор из «*Bibliothèque universelle...*» был человеком своего, XVIII века. У него, как и у русского поэта, также было стремление в определенной степени приблизить испанские романы к представлениям современных ему читателей. Отсюда явилась, очевидно, и «дворцовая площадь», охотно позаимствованная нашим поэтом, тем более, что здесь мы видим тот же прием изменения экспозиции действия, к которому не раз будет прибегать и Жуковский.

Единственная часть конспекта, которая, безусловно, заимствована Жуковским из французского пересказа, — это свидание Родриго и Химены. Но и переводом какой-либо части французского текста этот раздел конспекта также не является. Действительно, правомерно ли четыре короткие реплики главных героев и одну авторскую фразу — экспозицию («Была спокойная полночь») считать переводом обширнейшего диалога в 52 стиха рифмованного шестистопного ямба?

Как отмечали еще авторы, писавшие о Гердере и его испанских романах, сцена свидания Родриго и Химены — плод вымысла автора французского пересказа. В испанских народных романах ничего подобного этой сцене нет. Можно пред-

¹³¹ Жуковский В. А. Дон Кихот Ла Манхский. Сочинение Сервантеса. Переведено с французского флорианова перевода. Изд. 2. М., 1815, с. 91—92.

¹³² В энциклопедическом словаре изд-ва «Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон» читаем: «Акколада (фр. значение — объятие). Так называлась церемония, бывшая прежде в употреблении при приеме в рыцарский орден... Позднее это слово стало употребляться для обозначения всего акта рыцарского посвящения или принятия в рыцарский орден». (Т. 1, с. 287).

полагать, что этот диалог родился не без влияния французской драматургии XVII века, ибо основная тема его теснейшим образом связана с типичным классицистическим конфликтом, конфликтом между долгом и чувством. В испанских народных романах подобной темы не было и быть не могло. Напротив, среди наиболее древних романсов есть такие, в которых Химена обращается к королю Дону Фернандо с просьбой дать Сиду ей в мужа (заставить его жениться на Химене), ибо он лишил дом Химены его главы, убил Дона Гормаса, и должен заступить его место. Но если Эскобар включает в свое издание такой романс (№ 8), то Деппинг сознательно заменяет его другим (№ 46), утверждая, что более древний романс «De Rodrigo de Vivar...» «противен правдоподобности»¹³³.

Когда Жуковский в 1820 году переводил Гердера, он, вероятно, с самими испанскими романами не был знаком. Поэтому сцена ночного свидания Родриго и Химены, опозитивированная Гердером, привлекла его своей лиричностью и одновременно внутренним драматизмом, и он, дав волю своему лирическому дару, усилил при переводе лирическое звучание отрывка. Знакомство с подлинными испанскими романами показало поэту, что для народных произведений XV—XVI веков противоестествен и тот конфликт между семейным долгом и личным чувством, который отразился во французском пересказе, и тот лирический накал, который приобрела под его пером эта сцена 10 лет назад. Вот почему, на наш взгляд, поэт фактически отказался от перевода сцены, таившей в себе богатые лирические и драматические возможности.

Включенная в конспект и обработанная в одиннадцать поэтических строк сцена свидания, в отличие от всех других частей «Сиды» Жуковского, лишена действия, деяния, составляющего основу всех испанских романсов. Фактически это (в поэтическом варианте в большей степени) — лирическая интермедия, облегчающая, подобно авторским экспозициям, неподготовленному читателю переход от романа, изображающего жалобу Химены королю на дерзость Сиды, к романсу о браке Родриго и Химены. То есть французский пересказ послужил здесь поэту не только в качестве посредника при переводе наиболее трудных частей древнего испанского текста, но в какой-то мере в качестве своеобразного звена, связующего между собой действия древних героев, действия, которые с точки зрения людей более поздних эпох были трудно или даже совсем несовместимы.

Своеобразием конспекта Жуковского является наличие заголовков к отдельным его разделам, особенно в первой части, где речь идет о деяниях Сиды в царствовании короля

¹³³ Деппинг. Указанное издание, с. 69.

Дона Фернандо. Как уже было замечено, некоторые части конспекта являются переводом или очень близким к оригиналу пересказом либо непосредственно испанских романсов, либо (в крайнем случае) французского прозаического текста из «Bibliothèque universelle...». Но ни испанские романсы в изданиях Эскобара, ни прозаический французский пересказ, ни отдельные романсы гердеровского «Сида» не имеют названий. Единственным известным нам изданием, в котором каждому романсу дается особый заголовок, является собрание романсов Деппинга.

Нам представляется вполне вероятным, что мысль озаглавить каждую часть конспекта родилась у Жуковского именно под влиянием этого издания. Не случайно отдельные заголовки конспекта являют собой явные параллели названиям соответствующих романсов из собрания Деппинга, который каждому испанскому тексту предпосылает заглавие-аннотацию на немецком языке. Например:

У Деппинга	У Жуковского
«Der junge Cid nimmt fünf Maurenkö-nige mit ihrer Beute gefangen» (N 44).	«Победа над пятью царями мавров» (л. 2, об.).
«König Ferdinand schlägt nach der Einnahme Coimbra's Cid Bivar zum Ritter» (N 50)	«Цид получил рыцарство в Коимбре» (л. 2, б.).
«Feste bei des Cid's Hochzeit» (N 48).	«Брак Родриго и Химены» (л. 8).

Заголовки в конспекте Жуковского более кратки и менее описательны, чем соответствующие названия у Деппинга, но главная мысль той или иной части конспекта в них выражена ясно.

Следует заметить, что все три приведенных выше заголовка относятся к разделам, о которых с полным правом можно говорить как о переводах отдельных испанских романсов. В тех же случаях, когда поэт в большей степени опирается на французский пересказ, лишь корректируя его в соответствии с испанским текстом, или дает самостоятельную компоновку событий, опираясь на ряд близких по теме романсов, он делает свой заголовок, не имеющий параллелей в издании Деппинга. Таковы, например, заголовки «Химена и король» (л. 6 об.), «Свидание Родриго с Хименою» (л. 7 об.), «Междоусобие сыновей Фердинанда» (л. 10).

Очевидно, пользуясь изданием Деппинга, давая в своем конспекте рабочие заголовки к отдельным частям его, Жуковский знал и другие издания романсов, знал, что испанские романсы не имеют названий и разбивки на строфы, которая также имеется у Деппинга и которой поэт сам когда-то следовал, делая перевод из гердеровского «Сида». Во всяком случае, в поэтической обработке романсов поэт не дает заголовков и разбивки на строфы, следуя традиции подлинно народных произведений.

Необходимо отметить, что некоторые сведения о национально-историческом и поэтическом своеобразии испанских романсов, о их популярности и поэтической переработке поэтами разных стран Жуковский мог почерпнуть из сравнительно обширного и достаточно обстоятельного предисловия Делпинга, имеющего для своего времени очень неплохой ссылочный аппарат, которого нет ни в одном другом издании испанских романсов XVIII—XIX веков.

Среди очень немногих, что-либо писавших об испанских романсах авторов, на которых ссылается Делпинг, есть указание на третий том книги Сисмонди «Литература средневековой Европы»¹³⁴. Эта ссылка для нас в высшей степени интересна, тем более, что ссылок на работу Сисмонди в связи с испанскими романсами нигде больше нам обнаружить не удалось. И хотя труд французского исследователя был достаточно популярен в России¹³⁵, именно Делпинг своим предисловием мог натолкнуть поэта на мысль специально обратиться к нему при работе над испанскими романсами.

Дело в том, что публикуя в 1831 году «Сида» в «Муравейнике», Жуковский предположил ему небольшое предисловие¹³⁶, которое с тех пор перепечатывается во всех изданиях поэта вместе с «Сидом» без каких-либо указаний на источник, откуда это предисловие заимствовано. Между тем оно представляет собой перевод-«экстракт» отдельных отрывков из XXIII главы книги Сисмонди¹³⁷.

Предисловие построено по принципу «экстрактов», которые поэт неоднократно делал из различных авторов. Он не просто переводит отдельные куски работы, а выбирает из нужных ему частей главное, наиболее необходимый, с его точки зрения, для данного вопроса материал и компоует его по своему усмотрению, опуская в то же время все, что представляется ему лишним или второстепенным. Причем опускаются иногда целые страницы, иногда абзацы или фразы, иногда их части или даже отдельные слова.

Так, в данном случае небольшое предисловие составлено из переведенных поэтом отдельных отрывков, взятых со 108 по 118-ю страницу указанного сочинения Сисмонди. Причем компоновка их, как можно заметить из приведенного ниже текста,

¹³⁴ Делпинг. Указанное издание, с. XXXIII.

¹³⁵ Известно, что 4-е издание книги Сисмонди имелось в библиотеке А. С. Пушкина (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, № 1391), штудированием его трудов занимался П. А. Вяземский (Вяземский П. А. Записные книжки, М., 1963, с. 204), мечтал приобрести книгу французского исследователя М. П. Погодин. (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. XIV, с. 171).

¹³⁶ «Муравейник», № 1, 1831, с. 9—10.

¹³⁷ Simonde de Sismondi. De la littérature du midi de l'Europe. Paris, 1829. V. I—IV. V. III, Ch. XXIII. Naissance de Langue et la Poésie espagnole. Poëme du Cid.

достаточно свободная. Как свидетельствуют материалы библиотеки, Жуковский обычно, делая такие «экстракты», подчеркивал в тексте те части, которые он собирался выписать или перевести. В случае предполагавшегося нарушения последовательности «экстрагируемого» текста на полях появлялась нумерация отрывков.

Ниже мы приводим параллельно текст из книги Сисмонди (с указанием страниц в скобках), выделив те его части, которые непосредственно вошли в предисловие, а также текст самого предисловия, помещенного в свое время в «Муравейнике» и перепечатываемого при последующих публикациях «Сид» с заменой имени Цид на принятое в настоящее время — Сид:

Ses montagnards, qui avaient conservé la religion, le lois, l'honneur et la liberté des Visigoths, avec l'usage de la langue romane, ne parlaient point tous le même dialecte de cette langue (с. 108).

Les chrétiens avaient maintenu leur indépendance dans les montagnes, étaient des hommes illettrés, d'un caractère sauvage, mais fier, courageux, et incapable de se plier sous le joug. Chaque vallée se considéra comme un petit Etat, chacune essaya, par ses seules forces, de se faire respecter au-dehors, de maintenir au dedans l'empire des moers et des lois. Ces vallées avaient reçu des rois visigoths, des comtes pour y administrer la justice, et conduire les milices à la guerre; leur autorité subsista après que la monarchie fut détruite; mais on les considéra comme les capitaines et les protecteurs du peuple, et non come ses maîtres (с. 109).

Une nation composée, en grande partie, d'emigrés, qui avaient préféré leur liberté à la richesse, et qui avaient abandonné leur patrimoine pour sauver, sur d'arides roches, leur religion et leurs lois, ne pouvait accorder de grandes distinctions à la fortune. Des habits déchirés couvraient souvent le fils d'un commandant de province; et dans une chaumière, on pouvait trouver le héros qui avait gagné une bataille. La dignité castillane qu'on remarque jusque dans le mendiant, les égards pour l'homme, quelle que soit sa fortune, datent sans doute dans le moeurs espagnole, quelle que soit sa fortune, dation (с. 110).

Горные испанцы, вместе с религиею, законами, честью и свободою предков своих визиготфов, сохранили и употребленные языка романского.

То были необразованные люди, характера дикого, гордые, отважные, неспособные покорствовать рабскому игу.

Каждая долина была особенно малою областью.

В сих долинах властвовали графы, коим короли визиготфские вверяли наблюдение правосудия в мирные дни и предводительство народного войска во дни военные.

Когда пала монархия, сии графы были почитаемы военачальниками и покровителями народа.

Народ сей был составлен большею частью из переселенцев, покинувших свою родину, дабы среди бесплодных утесов спасти религию и законы отцов своих. Там не было отдаваемо никаких отличных почестей фортуне: под кровлею бедной хижины часто находили человека, победившего в сражении. Вероятно, что в сии времена вошла в испанские нравы сия кастильская спесь, замечаемая ныне в самых низших.

Sanche III, roi de Navarre, qui mourut en 1034, avait réuni presque tous les États chrétiens de cette péninsule sous sa domination; il avait épousé l'héritière du comté de Castille; il fit épouser, à son second fils Ferdinand, la soeur de Bermude III, dernier roi de Leon. Les Asturies, la Navarre, l'Aragon, dépendaient de lui; le premier, il prit le titre du roi de Castille, et c'est à lui que se rattachent, comme à leur souche, les maisons souveraines d'Espagne; car la ligne masculine des noirs goths finissait dans Bermude III. Ce fut sous ce Sanche, surnommé le Grand, que naquit D. Rodrigo Laynez, fils de Diego, que par abréviation les Castillans appelèrent Ruy Diaz, tandis que cinq capitaines maures qu'il avait vaincus, le surnommèrent es Sayd (le Seigneur), d'où le nom de Cid est resté (c. 115—116).

Le Cid s'attacha, par les liens d'une intime amitié, au fils aîné de Ferdinand, D. Sanche, surnommé le Fort;... et lorsque Sanche succéda à son père, en 1065 il fut mis par ce jeune roi à la tête de toutes ses armées, d'où sans doute lui vint son surnom de Campeador (c. 118).

Muller fixe, par conjecture, la naissance du Cid à l'année 1026. Le château de Bivar, à deux lieus de Burgos, dont il prenait le nom, était peut-être le lieu de sa naissance, peut-être une conquête de son père. Par les femmes, il descendait des anciens comtes de Castille; mais quoique sa naissance fût illustre, il n'était pas riche avant que sa valeur lui eût acquis l'opulence comme la gloire (c. 116).

Как видим, принцип отбора материала для прозаического предисловия по существу тот же, каким пользовался поэт при создании самих романсов. Это вольный, допускающий пропуски и перестановки отдельных частей оригинала, перевод, сохраняющий в то же время главные мысли и характерные детали подлинника.

В сохранившейся части библиотеки Жуковского «Литературы средневековой Европы» Сисмонди нет. Поскольку у нас нет никаких данных и о том, что книга эта была у Жуковского, или что он с ней специально и подробно знакомился¹³⁸,

Санхо Великий, король кастильский, в начале XI века соединил под державу свою почти все христианские области полуострова; от него зависели Астурия, Наварра и Арагония; он первый принял титул короля Кастилии и может быть почитаем родоначальником королевских домов Испании.

При сем короле родился Дон Родриго Диас (сын Диега), прозванный Цандом или Цидом (господином) от побежденных им мавров. Наименованный главным военачальником армии от короля кастильского, он получил еще прозвание Кампеадора (вонителя).

Замок Бивар, недалеко от Бургоса, завоеванный отцом его Дон Диего, был местом его рождения. С женской стороны происходил он от древних графов кастильских. Знаменитый порою, он приобрел богатство мужеством и оружием. Подвиги его сохранились в народных песнях и романсах, из коих здесь предлагается извлечение.

¹³⁸ Иногда такие сведения находятся в письмах, дневниках, некоторых хранящихся в архивах выписках. Часто при чтении заинтересовавшей его книги Жуковский в дневнике на протяжении нескольких дней или даже недель фиксирует этапы своего чтения или, во всяком случае, сам факт чтения.

можно думать, что обращение Жуковского к ней было связано с конкретной целью — углубить свои знания об испанских романах, об их исторической основе. Непосредственным толчком, побудившим поэта обратиться к труду французского исследователя, могло быть предисловие к изданию испанских романов Деппинга.

Таким образом, печатный вариант «Сида» Жуковского, который во всех изданиях комментируется как переложение гердеровского произведения того же названия, на самом деле является самостоятельным произведением русского поэта, созданным на основе подлинных испанских романсов.

Как свидетельствует характер предисловия, публикуя своего «Сида», Жуковский хотел познакомить русского читателя с еще очень малоизвестной в России культурой и бытом испанского народа, памятником которых являются, в частности, песни и романсы о Сиде. К произведениям такого рода у поэта в зрелый период творчества сложилось особое отношение. Еще в 1824 году в литературном обзоре в разделе «Изящная литературная смесь» Жуковский высказал интересную мысль о том, что не всякий подлинник допускает вольное обращение с ним в переводе. Есть случаи, когда переводчик обязан, по словам Жуковского, переводить буквально, должен бояться исказить оригинал. «В переводах такого рода,— пишет он,— нужно одно: буквальная верность, ибо мы хотим понимать с точностью оригинал; все, что его изменяет, не может иметь никакой для нас цены именно потому, что оно уже новое¹³⁹. В данном, конкретном случае поэт говорит о «Слове о Полку Игореве». То есть Жуковский считает, что при переводе произведений, представляющих для нас большую историко-культурную ценность, отражающих определенную историческую и культурную эпоху, переводчик обязан стремиться к максимальной точности в передаче оригинала.

И мы видим, как поэт при обработке испанских романсов стремится сохранить не только основную сюжетную канву произведений, но, в отличие, например, от гердеровской обработки, пытается воссоздать в облике главного героя некоторые черты «характера дикого», свойственного испанцу XI века, «гордого, отважного, неспособного покорствоваться рабскому игу». Поэт стремится воспроизвести в своей обработке и некоторые национальные черты, чисто бытовые детали, характерные для эпохи, к которой относятся описанные в романах события¹⁴⁰.

Это стремление к большей достоверности в передаче подлинника могло быть одной из причин того, что поэт, не опубли-

¹³⁹ ПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 26, л. III.

¹⁴⁰ Детальный анализ произведения Жуковского «Сид» в соотношении с подлинными испанскими текстами не входит в нашу задачу и должен стать предметом самостоятельного большого исследования.

ликовав своевременно свой перевод из Гердера¹⁴¹, в 1829—1830 годах уже не мог вернуться к старому варианту, который вследствие трехкратной обработки (французский пересказ, гердеровский перевод, перевод Жуковского) содержал много отступлений от древних испанских романсов и, главное, был несколько модернизирован.

Нет сомнения, что в процессе формирования взглядов Жуковского на памятники народного поэтического творчества как на непреходящую ценность, достойную всеобщего внимания и изучения, не последнюю роль сыграло знакомство поэта с трудами Гердера, его работа над переводами гердеровских произведений. Уже сам переход от перевода «Сида» Гердера к созданию одноименного произведения на основе подлинного испанского фольклора свидетельствует о глубоком творческом восприятии русским поэтом идей немецкого просветителя. Этот переход, как нам представляется, был закономерным этапом на пути движения Жуковского-переводчика, движения от первых вольных переводов Грея к воссозданию на русском языке гомеровского эпоса, при переводе которого поэт стремился, по его собственным словам, к сохранению «древней физиогномии оригинала», «старался переводить слово в слово, сколько это возможно без насилия языку» (IV, 659).

¹⁴¹ Как мы уже отмечали, в начале 1820-х годов выполненный Жуковским перевод из Гердера опубликован не был. Первоначально публикация его могла быть задержана, так сказать, по техническим причинам: книга с рукописью могла задержаться в дороге и даже временно затеряться. Второй причиной могло быть и то, что Жуковский узнал о переводе гердеровского «Сида», выполняемого или уже выполненного Катениным. (Н. Бахтин утверждает, что перевод был завершен им уже в 1822—1823 годах, о чем, якобы, «знали в то время многие литераторы»). Не желая повторения бурных споров вокруг собственного имени и имени Катенина, которые произошли по поводу переводов из Бюргера, Жуковский мог отказаться от публикации.

Сделав в 1831 году перевод «Из древних романсов испанских», поэт не считал себя более ничем связанным и опубликовал свой перевод прежде, чем появился в печати «Сид» Гердера в переводе Катенина.

Глава вторая

ПЕРЕВОД В. А. ЖУКОВСКИМ ОТРЫВКА ИЗ ТРАГЕДИИ З. ВЕРНЕРА «ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ФЕВРАЛЯ»

I

В библиотеке Жуковского некоторые книги особенно интересны для характеристики художественных исканий поэта. Это книги, содержащие следы поэтической работы: переводы, наброски, планы призведений. Книга F. L. Z. Werner «Der vier- undzwanzigste Februar», 1815 принадлежит к их числу. Перевод, который сделан прямо на ее страницах, дает интересный материал для характеристики поисков Жуковского в области драматургических жанров, приоткрывает еще одну страницу в многогранном творчестве поэта.

В дневниковых записях Жуковского, сделанных во время заграничных путешествий 1820, 1826—1827, 1830—1833, 1838—1839 годов, большое место занимают театральные впечатления. Поэт внимательно следит за репертуаром, оценивает игру актеров, дает краткие, но достаточно емкие характеристики пьес и спектаклей. Вот несколько примеров: «3/XI 1820 г. Игра Девриена есть совершенство: он учит роли свои, как человек, глубоко разбирающий человеческое сердце; разбор его игры был бы разбор человеческой природы; сравнивая оригинал и список, много можно найти истин нравственных <...> он не мыслит о партере и его рукоплесканиях и никогда истинною не пожертвует успеху».

«Май 1827 г. Во Французском театре. Радомист и Зенобия. Трагедия теперь в упадке <...> Да, в трагедиях французских нельзя быть актером. Все дело состоит в декламации стихов, а не в изображении всего характера с его нюансами, ибо таких характеров нет в трагедиях французских. Их лица суть не что иное, как представители какой-нибудь страсти. Как в баснях лев представляет мужество, тигр жестокость, лисица хитрость, так, например, Оросман, Ипполит, Орест представляют любовь в разных выражениях; но характер человека тут не виден. От этого великое однообразие в пьесах и в игре ак-

теров»¹. Все эти записи — свидетельство заинтересованного отношения Жуковского к состоянию европейского театра.

Интерес к театру, его истории и современному состоянию отражен и в материалах библиотеки поэта. В ее составе находятся произведения русской и мировой драматургии, начиная от античности и кончая произведениями XIX века. Широко представлена античная драматургия: произведения Эсхила, Софокла, Еврипида имеются в различных изданиях, с многочисленными пометами поэта. Разнообразны издания произведений Шекспира, есть собрания сочинений Кальдерона, Расина, Мольера. Жуковский приобретал и русские переводы мировой классики, ревностно следя за их качеством. В его библиотеке можно найти «Короля Лира» и «Венецианского купца» Шекспира в переводе В. Якимова, «Федру» Расина в переводе М. Лобанова, вольтеровского «Танкреда» в переводе Н. Гнедича, «Геца фон Берлихингена» Гёте в переводе М. Погодина, «Мессинскую невесту» Шиллера в переводе А. Ротчева, «Избранный немецкий театр» А. Шишкова 2-го.

Обширна часть библиотеки, составленная из произведений современной Жуковскому драматургии. Драмы Мюльнера, Раупаха, Констана, Виньи, Гюго, Дюма, Уланда, Ветцеля, Цедлица, «Театр Клары Газуль» Мериме — вот далеко не полный список драматургической части библиотеки. И, конечно, широко представлены в библиотеке пьесы Шиллера. Некоторые из этих произведений содержат небольшие пометки, которые в совокупности могли бы открыть определенные моменты эстетического развития Жуковского. Но особый интерес представляет материал, связанный с переводом Жуковским трагедии З. Вернера «Двадцать четвертое февраля», обнаруженным в Томской части библиотеки. Этот материал позволяет более основательно поставить вопрос о драматургических интересах Жуковского вообще и их эволюции в частности. Чтобы определить место этого перевода в творчестве Жуковского, сделаем предварительные замечания о характере драматургических опытов Жуковского.

В исследованиях, посвященных творчеству В. А. Жуковского, его рассматривают почти исключительно как автора и переводчика лирики и баллад. И это не случайно, именно в области лирического и балладного творчества выявилось прогрессивное значение поэзии Жуковского для развития русской литературы. Но есть еще один литературный род, проблемы которого занимали поэта на протяжении всей его творческой деятельности и преимущественно в отдельные ее периоды — это драма. До сих пор в исследовательской литературе не ставился вопрос о теории и практике Жуковского-драматурга и переводчика драмы, несмотря на то, что его крупные

¹ Жуковский В. А. Полное собр. соч. в 12-ти т., т. 12, СПб., 1902, с. 156, 159—160.

драматургические переводы из западноевропейских поэтов (например, «Орлеанская дева» Шиллера)² неоднократно служили материалом для анализа при выявлении специфики романтического метода поэта и его переводческих принципов.

Отсутствие какой-либо систематизации драматургических опытов Жуковского объясняется еще и тем, что его интерес к драме плохо просматривается по существующим изданиям его произведений. Из всех опытов поэта в драматургическом роде опубликованы два его оригинальных произведения: комическая опера «Алёша Попович» (1805—1808) и «Коловратно-куриозная сцена между господином Леандром, Палиасом и важным господином доктором» (1811), а также пять крупных законченных переводов: «Ложный стыд» Коцебу (1802), «Орлеанская дева» Шиллера (1821), «Валерия, или слепая» Скриба (1823), «Нормандский обычай» Уланда (1832), «Камозэнс» Гальма (1839)³. Не все эти опубликованные драмы одинаково эстетически значимы для понимания драматургических поисков Жуковского, однако их уже достаточно для мотивировки интересующей нас проблемы. Если же учесть все драматургические опыты поэта, сохранившиеся в архивах и библиотеке, необходимость постановки ее станет очевидной. Незаконченные переводы из Софокла, Лагарпа, связанные с историей Эдипа, целый ряд отрывков переводов из Шиллера («Дон Карлос», «Дмитрий Самозванец», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна»), два плана оригинальной драмы из времен Бориса Годунова, перевод начала трагедии Вернера, правка в трагедии Озерова «Димитрий Донской» и в трагедиях Е. Розена, конспект по теории драмы — вот тот материал, который позволяет нам дать краткий очерк эволюции драматургического творчества Жуковского, охватывающей его литературную деятельность 10—40-х годов XIX века.

Характерной чертой опытов Жуковского, остающихся неопубликованными, является их экспериментальность и эстетическая насыщенность. Это определяет, на наш взгляд, следующие проблемы исследования:

1. Изучение драмы в творчестве Жуковского проливает новый свет на характер его творческого метода и суть его эволюции.

2. Драматургические поиски поэта позволяют рассмотреть его теорию и практику в этом роде как один из этапов общего генезиса русской драмы и в частности русской романтической драмы и исторической трагедии.

² См., например, Чешихин-Ветринский В. Е. В. А. Жуковский как переводчик Шиллера. Рига, 1895; Данилевский Р. Ю. Шиллер и становление русского романтизма. — В кн.: Ранние романтические веяния. Л., 1972.

³ Все эти переводы представлены в наиболее полном собрании сочинений поэта под ред. А. С. Архангельского, СПб., 1902.

3. Наконец, история драматургических поисков Жуковского дает материал для характеристики современного ему историко-литературного процесса.

Первостепенной задачей представляется периодизация опытов Жуковского в драматургическом роде и определение критерия этой периодизации. Трудно говорить о самостоятельной ценности набросков, отрывков, планов, как это возможно применительно к его лирике и эпосу (оригинальным и переводным), и тем не менее несомненна их эстетическая значимость. В качестве критерия было избрано соотношение драматургических опытов поэта с ведущими формами его творчества: лирикой и эпосом. По этому принципу можно выделить 3 периода в развитии драматургических интересов поэта: 10—20-е годы, начало 30-х, конец 30-х — 40-е годы.

Первый этап является своеобразным циклом, с определенной эволюцией, присущей только этому периоду. В начале цикла мы видим первое эстетически значимое свидетельство интереса Жуковского к драме — конспект по теории литературы и критики (1805—1811)⁴, треть которого отведена проблемам драмы и который представляет собой обширные выписки из «Лицея» Лагарпа, трактатов Арно и «Письма к Д'Аламберу о театре» Руссо. Основной смысл конспекта заключается в соотношении объективного содержания конспектируемой поэтом классицистической теории драмы с содержанием примечаний Жуковского, отмеченных NB, в которых он высказывает собственные мысли. Сравнение конспекта с примечаниями демонстрирует принципиальное отличие эстетики поэта от классицистической эстетики драмы. Оно проявляется в сугубом внимании Жуковского к проблеме воспитательной функции драмы, действия ее на душу зрителя. Это, на наш взгляд, является следствием новых методологических принципов поэта, идущего к романтизму. В противоречии классицистической сущности теории драмы (которую Жуковский осмысляет в процессе конспектирования) с его собственными формирующимися принципами — источник возникновения и развития интереса поэта к драме.

В 1811 году в «Коловратно-куриозной сцене» происходит отталкивание от принципов сентиментальной драмы, которая не была чужда Жуковскому в начале его творческой деятельности⁵, и завершается осознание поэтом основ романтической драмы. Не состоявшаяся в том же 1811 году попытка перевести трагедию Лагарпа «Филоктет»⁶ демонстрирует отход поэта от канонов классицистической драмы.

⁴ ГПБ, ф. 286, оп. 2, ед. хр. 46.

⁵ В этом смысле показательны его переводы из Коцебу, в частности, комедии «Ложный стыд» (1802).

⁶ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 23.

В осмыслении законов романтической драматургии перво-степенное значение приобретают переводы отрывков из трагедий Шиллера «Дон Карлос» (1815 г.), «Дмитрий Самозванец» (1817 г.), «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна» (1820). Объем переводов — самый различный, но во всех видно стремление Жуковского уловить особенности поэтики романтической трагедии. Стремление найти образец, наиболее соответствующий особенностям его романтизма, в большей степени сказалось на переводе отрывка трагедии «Дон Карлос», где Жуковский пытался максимально элегизировать текст трагедии, приближая ее к основной тональности своего творчества 10-х годов.

Но во всех четырех случаях обращения к драматургии Шиллера сопротивление материала прерывало работу поэта уже в самом начале. Единственной трагедией Шиллера, удовлетворяющей необходимому для Жуковского условию, оказалась «Орлеанская дева»⁷, и именно она была полностью переведена в 1821 году. Совершенство этого перевода позволяет думать, что опыты по овладению поэтикой драматургии Шиллера не прошли бесследно. Это была лабораторная, но необходимая работа.

В своем творчестве Жуковский часто шел от перевода к оригинальному произведению. Таким оказался и его путь к оригинальной драме на сюжет из русской истории. 14 апреля 1824 года датирован план драмы из времен Бориса Годунова, существующий в двух вариантах. Он в определенной степени является итогом драматургических опытов Жуковского 10—20-х годов, замыкая собой первый этап развития интереса Жуковского к драме. В этом — смысл его публикации.

План находится в архиве поэта. Нумерация листов рукописи идет в обратном порядке, так как план написан с обратной стороны записной книжки, имеющей сплошную нумерацию. Он сделан чернилами, но сбоку даны карандашом указания типа И., Р., С., которые являются, вероятно, обозначением формы повествования: исповедь, рассказ, сцена. Это предположение подтверждается наличием рядом с этими сокращениями полных форм. Приводим план целиком. Все подчеркивания в тексте принадлежат Жуковскому.

л. 8

1. Что прочитать?
2. Общий ход.
3. Каждую часть отдельно. Форма.
4. Характеры.
5. Обычай того времени.

⁷ По мнению Н. Я. Берковского, «Орлеанская дева» занимает в системе драматургии Шиллера место, аналогичное месту баллады в системе лирики. (См.: Берковский Н. Я. Театр Шиллера.— В кн.: Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М.—Л., 1962, с. 191).

История о мятежах.

<Нрзб.>

Бер

Курбский

Маржерет

Немцевич

Авраамий <нрзб.>

Летопись Соловецкая

Жития некоторые

О Москве Манилова

Прибавление к <нрзб.>

Грамоты

Вальтер Скотт

Бейрон

Фауст

л. 7 об.

Group. idee. Избрание избранника. Почему? Судьбу оправдывает и происхождение, и характер, и жизнь.

Х а р а к т е р. Одиночество от превосходства. Мятежные естества, усиленные первыми годами жизни (опала семейства). Нечто сверхъестественное, раздражающее душу! Меланхолия и страх чего-то или ожидание предчувствия (Segend sight). Непреклонность. Ненависть ко всякой власти. Чувство мести на царя, на его род и <нрзб.>. Высокость дел. Гордость скрытная. Сильные страсти с привычкою все в себе скрывать. Нежность. — Унылость в лучшие минуты жизни: от мятежности — от неделанного преступления. Сон преследующий. Размягчение души только в минуту раскаяния и при виде Ксении. Он Эдип, но с тою разницею, что он не невинный, а только невольный злодей.— 1) Он не убийца, но причина убийства. План похищения. Убийство на руках его и от него. — 2) Сон преследующий, сливающийся с видением Гермогена. 3) Происхождение.

С в я з ь с Б а с м а н о в ы м. Причина и победы и измены Басманова. Возвращение в Москву после убийства в смутной нерешимости, что делать. — Вечер и встреча с Ксениею решат. Он ясно постигает преступление и бежит к отшельнику.

Жизнь на берегу Белого моря.— Слухи о Москве.— Он слышит и молчит. — Смерть отшельника. — Возвращение в Москву.

л. 7.

Пролог. Христианск. <ая>Немезида.

Все, что происшествие — рамки пьесы, сцена, монолог.

Все, что об нем — исповедь.

Эпилог. Христианская Немезида.

Р а м к и п ь е с ы

Сцена Гермог<сна>

Волхование

<Нрзб.> к Бор<ису>

Сцена любви

Жизнь <нрзб.>

Слухи о смерти Дим<итрия> <нрзб.>

Воцарение Бориса

О Ксении

Смерть отшельника

Его завещание

Возвращение в Москву

Встреча с Отрепьевым — с Ксениею

Сражение под Москвою

Бегство. Слухи об Отрепьеве

Ревность

Добрунская битва

Сцена с Марфою и Борисом

Сцена в разоренном доме Бориса

<Прокаженничество>

Бунт в Москве

Убийство и Марфы

Исповедь <перед> сраж<ением>

Москва <нрзб.>

Борис

Убийство <нрзб.>

л. 6 об.

Жизнь

Сын Иоанна, никому, ни себе самому не известный, воспитан в ссылке. В Рассказе. И<споведь>.

Первые связи с Басмановым и Отрепьевым.— Черты жизни ссыльной его. И<споведь>.

Смерть семейства. Возвращение из ссылки в Москву. Р<ассказ>.

И<споведь>.

Влечение к Борису от мятежной страсти, похожее на ненависть. Р. И.

Встреча в минуту волхвования с Борисом. Тут же и Отрепьев.

Рассказ и сцена.

Приближение к Борису, любовь к Ксении и взаимная любовь, нежная.

Черты этой любви. Рассказ, сцена, монолог.

Убийство Дмитрия. Он его невольная, но не невинная причина.

Рассказ. И<споведь>.

Бегство после встречи. Рас<сказ>. И<споведь>.

Жизнь <нрзб.> и слухи о убийстве.

Завещание отшельника Расск<аз> и сцена.

Скрытность. Раскаяние без покаяния.

Завещание отшельника. Чувство любви влекущей и преступления отталкивающего.

Завещание отшельника. Монолог.

Возвращение в Москву. Рассказ.

Встреча с Отрепьевым монахом и соперником. Раз<говор>.

Видит Ксению в странственном ходе к Троице перед его возом.

Унылость Ксении.

Бежит к Хлопку. Отрепьев в Польшу.

2. Битва у Москвы — старший Басманов убит.

1. Жизнь разбойничья. Северная земля. <Прокаженничество>. Были слухи на Севере об Отрепьеве.

Ревность вооружает за отечество.

Новгород Северский—

Добрунская битва.

Приход в Москву. Сцена с Марфою и Борисом.

Смерть Бориса.

л. 6

Невольная причина измены Басманова.

Торжество Отрепьева.

Гибель Борисова семейства от него же.

<Прокаженничество> и возмущение Москвы.

Убийство преждевременное Дмитрия.

Исповедь, свидание с Ксениею, примир<ение>.

Смерть в решительной битве⁸.

⁸ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 123, лл. 8—6. В архиве поэта имеется еще один вариант плана с небольшими разночтениями. Приводим его начало:

1. Патриарх Герм<оген> и <нрзб.> Ужас<ные> врем<ена> бесцарственные. Десятки самозванцев. Предсказания.

2. Колдовство. Встреча. Волхвы. Wallenstein.

Связи незнаемого с Отрепьевым. Вдали два Басманова и т. д. (ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 30).

Некоторые особенности этого плана (характер главного героя, переключки с трагедией Шиллера «Дмитрий Самозванец») убеждают в том, что трагедия Жуковского, если бы она была написана, возможно, совместила бы в себе западноевропейскую традицию с особенностями романтизма Жуковского и, таким образом, могла бы явиться образцом русской романтической драмы. Но трагедия Жуковского написана не была и разделила судьбу русской романтической драмы 20-х годов, оставшейся в стадии брульонов.

Весь путь Жуковского к созданию оригинальной драмы убеждает в том, что в 20-е годы он создать ее не мог, вернее, в это время поэту было недоступно специфически драматургическое качество, которого требовала русская драматургия — сценичность, драматическое действие. Статичность драмы Жуковского 20-х годов, жанр которой можно условно определить как «драма для чтения» — это следствие сращенности драматургической поэтики с лирикой и прежде всего с балладой. Характерно, что поэт меняет шиллеровское жанровое определение «Орлеанской девы» — «романтическая трагедия» на «драматическая поэма», а в дневнике называет ее даже «лирической поэмой»⁹. Не случайно 1814—1818 годы являются годами наиболее интенсивного балладного творчества и одновременно богаты незавершенными опытами в драматургическом роде. По выражению Г. А. Гуковского, Жуковский до 30-х годов — «лирик по преимуществу»¹⁰.

Постижение поэтики драмы в 10—20-е годы закономерно шло через посредство лирики — того рода, который наиболее близок поэту. «Орлеанская дева» в переводе Жуковского — вершинное достижение «лирической драматургии для чтения». Планы оригинальной пьесы показывают стремление поэта разнообразить формы драматического повествования, но психологическая характеристика героя была самоцельна и вела к статичности действия. Планы слабо выявляют драматический конфликт. Поэтому первый этап драматургических интересов Жуковского закономерно завершается несостоявшейся драмой из времен Бориса Годунова. Эта драма (будь она закончена) в силу указанных причин не могла сыграть роль пушкинского «Бориса Годунова», открывшего перед русской драматургией принципиально новый путь развития. Но сам факт одновременной работы над трагедией — свидетельство понимания Жуковским потребностей литературного развития.

Второй этап эволюции драматургических интересов Жуковского (первая половина 30-х годов) представлен переводом «Нормандского обычая» Уланда (1832), второй редакцией

⁹ Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1903, с. 523.

¹⁰ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.

«Филоктета» Лагарпа¹¹, редактированием русской исторической трагедии, а также переводом отрывка трагедии немецкого романтика Э. Вернера «Двадцать четвертое февраля». Поскольку нас в дальнейшем будет интересовать исключительно этот период, представляется возможным ограничиться здесь общим замечанием об особенностях этапа.

Начало 30-х годов — переломный момент в творчестве Жуковского. В нем, как в фокусе, собраны все предыдущие достижения поэта и намечена перспектива его дальнейшего развития. Прежде всего это сказывается на балладе 30-х годов. Переделки баллад Саути и Шиллера («Суд божий» и «Сражение со змеем») в стихотворные повести, написанные гекзаметром (1831 г.); создание «драматической повести» «Нормандский обычай» (1832 г.), написанной белым пятистопным ямбом — отражение принципиальных сдвигов в жанровом мышлении Жуковского. Думается, что названные произведения носят экспериментальный характер и наглядно демонстрируют процесс своеобразного «вырастания» драмы и эпоса Жуковского из его лирики. Поэтому его драматургические опыты во второй период приобретают особый интерес в силу своеобразной кристаллизации чисто драматургического качества в общем процессе творчества. В начале 30-х годов драматические опыты Жуковского на короткий период оказываются в определенной степени самостоятельными по отношению к лирике и эпосу.

На третьем этапе развития драматургических интересов поэта в его сознании эстетика и поэтика драмы связаны с эпосом. С конца 30-х годов «лирик по преимуществу» Жуковский все настойчивее обращается к крупной эпической форме. Драматургия Жуковского в этот период обогащается переводами «Камюэнса» Гальма (1839 г.) и большого отрывка софокловского «Царя Эдипа». Драматическая поэма «Камюэнс» — принципиально антисценична. Ее жанр генетически связан с жанром диалога, но преобладает в ней эпическое начало — «история души», «история одной жизни». «Орлеанская дева» также имела жанровое определение — «драматическая поэма», но несомненно качественное различие этих двух произведений. Если в «Орлеанской деве» на первый план выдвинута Жуковским лирическая стихия, то «Камюэнс» ближе к повести. Сам характер повествования, тяготение к вечным проблемам, определенная объективизация стиля, характер конфликта — все это позволяет говорить об «эпизации» драматической поэмы.

Творческий путь Жуковского увенчан переводом гомеровской «Одиссеи». Эволюция романтического метода поэта при-

¹¹ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 24

вела его к античному искусству. Характерно, что аналогичным оказывается финал его драматургических поисков. Последним его опытом является перевод отрывка софокловского «Царя Эдипа» (1842). В его незаконченности — судьба почти всей драматургии поэта. Думается, что фрагментарность драматургических опытов можно объяснить прежде всего тем, что для поэта драма была своего рода «пробным камнем». Исследование драматургических поисков Жуковского, как нам кажется, позволяет в ряде случаев уточнить и углубить наше представление об эволюции его романтизма, более основательно разобраться в многообразном поэтическом наследии поэта.

II

Библиотека поэта дает интересный и неизвестный еще материал для исследования этих поисков Жуковского. И среди этих материалов особый интерес представляет перевод отрывка из трагедии З. Вернера, обнаруженный на страницах книги: F. L. Z. Werner. Der vierundzwanzigste Februar, Leipzig und Altenburg, 1815.

В этом одномыслике напечатаны 2 трагедии Вернера: «Der vierundzwanzigste Februar» и «Kunigunde». На 14 страницах книги (25—39) Жуковским был начат перевод первой трагедии, а на титульном листе набросан эскиз декорации к пьесе. Перевод выполнен карандашом на полях книги и между строк печатного текста, мелким и крайне неразборчивым почерком. Перевод Жуковского в книге из его библиотеки — важнейшее доказательство авторства Жуковского-переводчика, которое до сих пор не было точно установлено. Прежде чем говорить об особенностях этого перевода, приведем полный его текст:

Одиннадцать часов, а Кунца нет,
Пошел он в Лейк еще до петухов.
Чтоб нам беды не сделалось! Какая
Кура? Так все и ломит ветер; скажешь,
Что враг нечистый с Геильгорна свищет
И хочет прямо в Гемми им швырнуть.
Как Кунц швырнул в отца ножом. Прости
Мне, Господи! Что вздумалось мне
Об этом поминать? А ведь оно
Случилось в ту пору, в год проклятый.
Отец... Мне кажется, не в феврале ли
Он умер? Уж давно, давно то было.
А как подумаю, то подерет
Мороз по коже! Где так долго муж
Запропастился? Боже мой! Лавины
Так и гремят... Мне страшно... А огня
Разжечь мне нечем; нет лучинки в доме,
Нет крошки хлеба; горе да беда.
Последнюю рубашку с тела сняли
Злодей... Как мне нынче тяжело!

Отцовское проклятие на нас
Лежит горой; беда, беда нарушить
Четвертую здесь заповедь. Если дети
У матерей других. А наш еще ребенком
Отцом проклятым проклятый и кровью
Сестры обрызганный, бежал, куда
Бог знает? Слух прошел, что он погиб.
Зачем не мне досталось с ним погибнуть?
Жизнь эта кровли гробовой тяжеле.
И скушно мне, и страшно! Спеть хочу...
Авось с души свалится злая дума.

Твой меч в крови! Скажи, в какой...
Эдвард, Эдвард!
Наш сокол был зарезан мной...
В его крови меч острый мой!
Ух! Что за песня, и конец ее

Так смутен!... Что за звуки... в окно стучат.
Посмотрим уж! Не муж ли... Нет, сова
Вцепилась в оконницу. От бури
И ей приюта нет. Как на меня
Она смотрит и хлопает глазами страшно!
Прочь, прочь! Оторвалась и полетела.
Ух! Как кричит! Подумаешь, что кличет
Уж не меня ль! Давно б была пора.
Слышала я, что совы чуют мертвых.
И впрямь могилой кажется запахлю
И ужас давит душу так что <нрзб.>
Хоть бы задохнуться. И в самом деле,
На Гемми здесь так пусто; так далеко
От всякого жилья наш дом; на три
Часа кругом пустыня. Мы одни
Живые люди здесь. Против зимы
Все ищет верного себе приюта
В долине. Мы ж, как будто злые духи
Здесь оковали нас, одни гнездимся
На высоте, между сугробов снежных
И льдов. Теперь же мне страшнее вдвое.
Сижу одна и мне <нрзб.> горе!
Споем-ка песенку повеселее.

Светлые, вешние
Дни возвратились
К нам, пастухи,
Пажити зелены,
На горы, на горы
Коз и коров!

Да что ж такое, Господи помилуй! Уж
Не эту ль песню пел мой муж в то время,
Когда точил он косу! Чу! Стучат...
Он. Наконец ты воротился! Где ты
Так долго был?
— Промок насквозь. Огня
Скорее развести.

— А чем?

— Да, правда, нет

У нас ни шепки в доме, ну да ладно.

Ну, веселись же, Анна!

— Веселиться?

— Да, веселись! Конеч, все решено.

Вот дал какой мне письменный приказ

Наш фохт, когда я у него в ногах
 Валялся и просил мне дать
 Отсрочки хоть на месяц. На, читай.
 — Что ж? Согласился?
 — Вот! Возьми, читай.
 — Ах, господи! Да для чего же ты
 Сам не сходил к скупому Югеру и сам
 Не попросил отсрочки?
 — Да! Таков
 Он человек; скорей смягчится камень,
 Чем этот старый скряга; мало ль
 Его просил я; он был глух как мертвый.
 Мне <места> нет от ваших слез и плача —
 Он отвечал; когда не принесешь
 Мне денег завтра, быть тебе в тюрьме.
 — Да мало ли у нас родных, знакомых!
 Чего-нибудь у них бы попросил.
 — У всех дверь на замке.
 — И вот родные.
 — Родным зовут того, кто нам помог
 Последним, а кусает первым.
 — Правда!
 А сколько раз и как радушно их
 Мы угощали.
 — Тот, кто сыт, тот может
 Все позабыть.
 — И что ж? Ты не принес
 С собою ничего?
 — Принес вот эту
 Краюшку хлеба; бедный Гейни дал:
 Последним поделился. Не по слухам
 О голоде он знает. Нынче нам,
 Благодаря ему, не умереть
 Еще от голода.
 — А завтра?
 — Завтра
 Нас поведут в тюрьму... но»¹²

Прежде всего встает вопрос о времени создания перевода. К сожалению, более или менее точно датировать его трудно, но есть некоторые косвенные данные, позволяющие приблизительно отнести перевод к началу 1830-х годов. В архиве Жуковского хранится копия части перевода, сделанная переписчиком, с карандашными правками Жуковского. Бумага, на которой написана копия, имеет вытисненный вензель Николая I, следовательно, перевод мог быть предпринят не ранее 1826 года. Копия перевода находится в папке, озаглавленной Жуковским «Сочинения», среди бумаг, одна из которых точно

¹² В архиве Жуковского (ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 26) имеется копия части перевода, о котором Н. А. Бычков заметил: «Начатая комедия, писана рукой писца с собственноручными поправками руки Жуковского (его ли это произведение?).— См.: «Отчет ИПБ за 1884 год». СПб., 1887. с. 79. Об этой же копии говорит и А. Н. Веселовский в своей книге «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения», СПб., 1918, с. 14.

датируется 1833—1834 гг.¹³ Наконец, известно три русских перевода трагедии Вернера «Двадцать четвертое февраля». Самый ранний — перевод I явления трагедии, принадлежит Мих. Погодину, опубликован в «Вестнике Европы», ч. 133, № 23—24 за 1823 год. Следующий перевод — А. Шишкова 2-го, полный, вышел отдельным изданием в 1832 году (цензурное разрешение от 17/VI 1831 г.). И третий перевод всей трагедии, сделанный А. Н. Струговщиковым, был опубликован в «Пантеоне русского и всех европейских театров» (№ 2 за 1840 год).

Итак, известные переводы вернеровской трагедии появились в 1823, 1832 и 1840 году и были напечатаны. Между тем в «Телескопе» (№ 8 за 1831 год) примечание издателя к статье о творчестве Вернера гласит: «Произведение сие («Двадцать четвертое февраля». — О. Л.) переведено на русский язык одним из известнейших наших писателей и будет помещено в «Телескопе»¹⁴. Очевидно, что речь здесь не могла идти о переводах М. Погодина и Струговщикова. Более вероятно это сообщение было бы связать с выходом перевода Шишкова 2-го. Но возникает вопрос: почему не назван автор перевода, тем более, что через несколько страниц А. Шишков 2-й прямо назван как переводчик Вернера: «И это произведение Вернера («Аттила». — О. Л.) переведено на наш язык А. Шишковым 2-м и войдет в состав «Избранного немецкого театра», который печатается. Отрывки из него будут помещены в «Телескопе»¹⁵. И действительно, отрывки из трагедии «Аттила» в переводе А. Шишкова помещены в одном из номеров «Телескопа» за 1832 год, после выхода в свет отдельного издания шишковского перевода «Двадцать четвертое февраля». Ничего похожего на обещанный «одного из известнейших» писателей перевод в «Телескопе» никогда не публиковалось.

В примечании издателя «Телескопа» чувствуется хорошая осведомленность автора о делах Шишкова, поэтому трудно предположить, что он не знал о существовании уже готового перевода «Двадцать четвертое февраля», получившего разрешение цензурного комитета. Если в примечании речь идет именно о нем, то почему автор не назван прямо, как во втором примечании? И вообще, мог ли Шишков быть назван «одним из известнейших наших писателей»? Все это позволяет думать, что издателю «Телескопа» был известен (может быть, по слухам) какой-то другой перевод, и этим переводом мог быть

¹³ Речь идет об отрывке из трагедии Е. Ф. Розена «Россия и Баторий» с редакторской правкой Жуковского. (Подробнее об этом см. раздел «Правка Жуковского в трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской»).

¹⁴ «Телескоп», 1831, № 8, с. 456.

¹⁵ Там же, с. 465.

перевод В. А. Жуковского¹⁶. Причина же того, что указанный и обещанный перевод вернеровской трагедии так и не появился в «Телескопе», вполне в этом случае понятна: перевод не был закончен Жуковским. Наличие перебеленной копии дает основание думать, что Жуковский готовился к его напечатанию. Все изложенные факты позволяют предположить, что перевод «Двадцать четвертое февраля» на страницах книги мог быть предпринят Жуковским в начале 30-х годов, скорее всего в 1831 году. Возможно, выход в свет перевода Шишкова прервал эту работу.

Чтобы объяснить обращение поэта на втором этапе развития его драматургических поисков именно к трагедии Вернера, необходимо несколько слов сказать о личности и творчестве поэта, о его восприятии в России.

Фридрих-Людвиг-Захарнас Вернер (1768—1823) — немецкий поэт и драматург, по своему литературному окружению и личным связям близко стоявший к романтикам (Э.-Т.-А. Гофману и А.-В. Шлегелю). Наиболее известные его трагедии «Крест на Балтийском море», «Аттила», «Сыны долины» воссоздают атмосферу средневековья, проникнуты мистикой, фатализмом и мрачной фантастикой. Но эти наиболее характерные для поэтической манеры Вернера трагедии, как считают исследователи его творчества Минор и Штукерт¹⁷, не оказали существенного влияния на литературный процесс.

Трагедию «Двадцать четвертое февраля» исследователи драматургии Вернера единодушно признают лучшим его произведением и столь же единодушно — произведением, выпадающим из контекста его творчества. «Двадцать четвертое февраля» до последнего времени считалась образцом романтической «трагедии рока», а Вернер — основоположником этого жанра¹⁸. В качестве его ближайших последователей

¹⁶ Издатель «Телескопа» (Н. И. Надеждин) всегда высоко ценил Жуковского-переводчика, называя его переводы «прекрасными», «точными и равносильными». Так, в рецензии на вторую часть «Новоселья» (1834), говоря о переводе «Эльзвинского праздника», он замечает: «Этот перевод из Шиллера, прекрасный, как и все переводы Жуковского. Есть ропщущие на поэта, что он издает только переводы. Впрочем, он так много сделал уже для слова русского, что публика вправе лишь сожалеть, а не жаловаться не слыша поэтических аккордов души своего любимца, бесспорно первенствующего в языке, безусловно ему покорном, который под пером Жуковского не перестает быть чудно звучным, сильным, выразительным» (Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972, с. 384).

¹⁷ Minor J. Die Schicksalstragödie in ihren Hauptvertretern. Frankfurt-am-Mein, 1933; Stuckert F. Das Drama Z. Werners, 1926.

¹⁸ В 1963 и 1967 гг. появились посвященные творчеству Вернера две монографии польского литературоведа Герарда Кошляка «F. L. Z. Werner. Sein Weg zu Romantik». Wrocław, 1963; «Das dramatische Werk Zacharias Werners». Wrocław, 1967. В них он довольно аргументированно опровергает взгляд на «Двадцать четвертое февраля» как на «трагедию рока»

называли Грильпарцера и Мюльнера¹⁹. В истории литературы Германии творчество Вернера оставило определенный след. Об этом говорит довольно обширная исследовательская литература²⁰ и споры по поводу его драматургии.

Его трагедия «Двадцать четвертое февраля» серьезно интересовала таких поэтов, как Гейне, Бюхнер, Геббель²¹. Но влияние этой драматургии на литературный процесс, так же, как и интерес к его произведениям, ограничено рамками определенной эпохи, а именно первой третьей XIX века. К этому же времени относится интерес к Вернеру в России.

Как уже было отмечено, известны три перевода трагедии «Двадцать четвертое февраля» на русский язык: М. Погодина, А. Шишкова 2-го и Струговщикова. К ним нужно прибавить и перевод Жуковского. Сам факт появления за небольшой отрезок времени (1823—1840) четырех переводов трагедии — свидетельство серьезного внимания к ней. Попытаемся объяснить это.

Содержание трагедии Вернера сводится к следующему. 24 февраля — страшный день в семье крестьянина Кунца Курута. В этот день произошла ссора его с отцом, ненавидящим его жену. Кунц бросил в отца нож, и старик умер от испуга. Перед смертью он успел проклясть сына, сказав, что он станет убийцей убийцы. Через несколько лет, 24 февраля, семилетний сын Кунца, играя, зарезал сестру и бежал из дома. На семью Курута обрушилось множество несчастий, они разорены. 24 февраля Кунц узнает, что он будет посажен в долговую тюрьму и хочет кончить жизнь самоубийством, чтобы оградить себя от позора. В этот же день, вечером, после долгих лет скитаний возвращается его разбогатевший сын. Он хочет спасти семью от разорения, но Кунц, не узнав его, убивает, чтобы воспользоваться деньгами. Это происходит 24 февраля. Проклятие отца исполнилось. Раз избрав своей жертвой

и считает его «большим недоразумением, утвердившимся в истории литературы» (Kozilek G. Das dramatische Werk Zacharias Werners, S. 307).

Видимо, эта точка зрения имеет право на существование, но с позиций историко-литературного процесса 20—30-х годов XIX века Вернер — основоположник «трагедии рока», а его трагедия «Двадцать четвертое февраля» — классический образец этого жанра. Именно так она воспринималась во Франции, Англии, Италии, России. (См., например, статью Дж. Маннини. О роке как элементе драмы (1838). — Маннини Дж. Эстетика и критика. М., 1976, с. 265—290). О восприятии «трагедии рока» в России см.: Маннини Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976, ч. 2, гл. 4.

¹⁹ В библиотеке Жуковского есть одномыслик произведений Мюльнера на немецком языке (Müller A. G. A. Die Schuld. König Ungurd. Leipzig, 1816—17), а также Мюльнер А. Преступление. Трагедия в 4-х действиях. Перевод Екатерины Хотяинцовой. СПб., 1833.

²⁰ Библиография, составленная Г. Кошилеком, содержит более ста названий.

²¹ Kozilek G. Das dramatische Werk Zacharias Werners, S. 312.

семью, рок преследует ее, превращая даже кажущееся счастье в источник несчастья — таков вывод Вернера.

Трагедия Вернера привлекла прежде всего внимание своей концепцией личности. Она выразила кризис просветительских взглядов на человека, просветительской веры в разум. Человек в трагедиях Вернера во власти иррациональных сил, управляющих его судьбою. В «Двадцать четвертом февраля» противоположное разуму начало персонифицировано в роке. Человек становится игрушкой непонятных сил, существующих независимо от него и влияющих на его мысли и поступки, которые определяются уже не его разумом, а чем-то непостижимым. Таким образом, человек перестает быть четкой рациональной схемой с predetermined логикой действиями. Такое понимание личности во многом было реакцией на каноны классицистической драмы и способствовало психологизации действия и характеров. Эта особенность вернеровского понимания личности, свойственная не только ему, но и другим романтикам (Гофману, Тику), могла в определенной мере обусловить внимание и интерес к нему русской литературы.

Процесс переосмысления рационалистической концепции личности, пристальное внимание к вечным проблемам человеческого духа обусловили интерес в России 1830-х годов к немецкой идеалистической философии, немецкому романтизму. В этот же процесс вписывается и Вернер со своей «трагедией рока». Кроме того, основная проблема трагедии «Двадцать четвертое февраля» — проблема внешней силы, играющей человеком и губящей его (будь то абстрактный, отвлеченный рок или же конкретная власть человека над другими людьми) не могла не восприниматься как актуальная в России после 1825 года²².

Трагедия Вернера оказалась созвучной духу и характеру эпохи. Этим можно объяснить интерес к ней и к творчеству Вернера в России 20—30-х годов XIX века. Кроме переводов «Двадцать четвертое февраля» появляется перевод трагедии «Аттила», опубликованный в 1831 г. в «Избранном немецком театре», отрывки из нее печатаются в «Телескопе». Переводу М. Погодина в «Вестнике Европы» предшествует отрывок из книги г-жи де Сталь «О Германии», в котором содержится анализ «Двадцать четвертое февраля». Появляется перевод стихотворения «Ночные духи» (из Вернера), опубликованный

²² Об этом см.: Рожков Н. Тридцатые годы. — «Современный мир», 1916, № 12; Рубинштейн М. Философия и общественная мысль. М., 1910; Тойбин И. М. К проблематике новеллы Лермонтова «Фаталист». — «Ученые записки Курского гос. пединститута», вып. 9, 1959; Канунова Ф. Эстетика русской романтической повести. Томск, 1973 (гл. 3, раздел 3); Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976.

в «Телескопе» (№ 8 за 1831 г.) после статьи о творчестве Вернера, перепечатанной из английского журнала «Foreign review». Кстати, этот перевод принадлежит Н. Станкевичу, как известно, много сделавшему для осмысления немецкой идеалистической философии и немецкого романтизма в России.

Но популярность трагедии Вернера в России оказалась не продолжительной. Она утверждала неизбежность рока и не ставила вопроса о необходимости противоборства, который в русской литературе явился органичным следствием важнейшей для нее проблемы активности личности. Этим можно объяснить тот факт, что интерес к творчеству Вернера охладел и в дальнейшем не возродился.

Представляется, что и обращение В. А. Жуковского к переводу трагедии Вернера не было случайным. «Идея романтической личности» — одна из центральных в его творчестве²³ — остро была поставлена в трагедии, основной конфликт которой также был близок и понятен поэту. Неслучайно проблема рока в «эдиповом варианте» будет привлекать внимание поэта на протяжении всего творчества. Вероятно, близкой поэту оказалась и поэтика романтической трагедии, прежде всего принципы психологического анализа.

Одноактная трагедия Вернера разделена на три явления. Все первое явление занимает собой монолог Труды, жены Кунца. Жуковский перевел все первое явление и 28 стихов второго — диалог Труды и Кунца. Монолог Труды, сравнительно небольшой по объему, обособлен в отдельное явление, что говорит об его исключительно важной композиционной функции. Действительно, это — экспозиция, содержащая в себе намеки на предысторию, обстановку действия и в какой-то мере перспективу развязки. Монолог Труды дает тон всей трагедии, в нем постепенно нарастает предчувствие беды. Кроме того, это, пожалуй, единственное место в трагедии Вернера, которое могло привлечь Жуковского динамикой психологического развития. Наметившаяся еще в 20-е годы, при переводах драматургии Шиллера, тенденция Жуковского к переводу преимущественно драматических монологов получает здесь дальнейшее развитие.

Перевод Жуковского интересен в двух планах. Во-первых, с точки зрения его работы над совершенствованием текста перевода: материал для этого дают разночтения, существующие между первоначальным вариантом на полях книги и копией. Во-вторых, перевод интересен как воплощение и отчасти развитие переводческих принципов поэта в их приложении к драме.

Работа над текстом перевода идет у Жуковского в следующих направлениях: он изменяет порядок слов, заменяет отдельные слова и стихи, добиваясь наиболее совершенной

²³ Жуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965, с. 42.

неопределенное в эмоциональном отношении «смутен» на более конкретное и выразительное «ужасный»: «Ух! Что за песня! И конец ее такой *ужасный*» (л. 150 об.). Еще один пример аналогичной замены: в стихе. «И *скушно* мне, и страшно! Спеть хочу...» (с. 30) Жуковский заменяет неуместное в данном случае «скушно» (страх и скука понятия несовместимые) наречием «тяжко», более психологически точным: «Как *тяжко* мне и страшно» (л. 150 об.). Этими заменами Жуковский добивается нагнетения определенного настроения, с одной стороны, а с другой — воссоздает психологически более точно состояние героини. Этой же цели служит и замена знаков препинания: вместо многочисленных вернеровских восклицательных знаков Жуковский чаще употребляет многоточие, тем самым меняя интонацию. Возникает атмосфера своеобразного прислушивания к движениям души, психологической тайны.

Своеобразие перевода Жуковского особенно становится очевидно при сравнении с другими русскими переводами трагедии. Из трех известных переводов наиболее интересным является перевод Шишкова 2-го — как с точки зрения его художественных качеств, так и как материал для сопоставления.

Перевод Жуковского демонстрирует определенное лексическое сходство с переводом Шишкова. Это становится ясно из следующего сравнения. В переводах Жуковского и Шишкова одинаково звучит первый стих: «Одиннадцать часов, а Кунца нет»²⁷, тогда как у Погодина: «Одиннадцать уж бьет, а Кунца нету»²⁸, а у Струговщикова: «Одиннадцать. Из Лейка муж нейдет»²⁹. Далее текст трагедии Вернера выглядит следующим образом: «*Als ob der Böse Vom Gellihorne pfeift, es zu zerreißen, Und es dem Gemmi nach dem Kopf zu schmeissen, Wie Kunz das Messer schmiss*)»³⁰.

Жуковский передает его так: «...Скажешь,

Что враг нечистый с Геильгорна свищет
И хочет прямо в Гемми им швырнуть
Как Кунц швырнул в отца ножом»³¹.

Шишков:

«Как будто демон с Геильгорна дует,
Чтобы его на чисти разорвать
И Гемми в голову швырнуть им — точно,
Как Кунц швырнул ножом» (л. 150).

Для сравнения приведем перевод М. Погодина (у Стру-

²⁷ Вернер З. Двадцать четвертое февраля, трагедия в одном действии, пер. с немецкого А. Шишкова 2-го. М., 1832, с. 5. В дальнейшем просто: Шишков А., с. 5.

²⁸ «Вестник Европы». 1823, ч. 133, № 23—24, с. 286.

²⁹ «Пантеон русского и всех европейских театров». 1840, № 2, с. 69. В дальнейшем: «Пантеон», с. 69.

³⁰ *Wagner Z.* 24 Februar, S. 26.

³¹ Шишков А., с. 5—6.

говщикова этот фрагмент не переведен):

«Нечистый будто хочет сдвинуть гору
И бросить в наш утес напротив,
Как Кунц мой бросил нож»³².

И Шишков, и Жуковский, как видим, употребили названия альпийских гор; более точно, чем у Погодина, переведён у них и глагол «schmeissen» — «швырнуть», лучше передающий динамику действия. Дальнейшее сравнение тоже показывает определенную лексическую близость переводов Шишкова и Жуковского. Вот наиболее характерные примеры этой близости:

Вернер: «Andre Mütter haben einen Sohn» (с. 27); Шишков: «Другая мать любит сынами»³³; Жуковский (вариант в копии): «На сына другая радуется мать» (л. 150); Погодин: «Другие матери детей имеют»³⁴.

Вернер: «... got vom Schwesterblut» (с. 28); Шишков: «... и кровию сестры своей обрызган»³⁵; Жуковский: «...и кровью сестры обрызганый» (л. 150); Погодин: «...и кровь сестры на нем»³⁶; Струговщиков: «... родной сестры убийца»³⁷.

Еще один пример. Вернер: «Die Angst will nimmer weichen...» (с. 29); Шишков: «... Страх сердце жмёт!»³⁸; Жуковский: «... и ужас давит душу» (л. 150 об.); Погодин: «... и сердце щемит»³⁹; Струговщиков: «Предчувствие мою стеснило душу»⁴⁰.

Из сопоставления переводов Шишкова и Жуковского можно сделать вывод об их определенной художественной общности. На фоне этой общности гораздо отчетливее видно своеобразие перевода Жуковского. Это своеобразие обусловлено прежде всего особенностями романтизма Жуковского, развитием его драматургических исканий.

Хотя оба перевода довольно точно передают текст подлинника, программные отклонения от него есть в обоих переводах. Они соответствуют одним и тем же местам монолога Труды, отвечая творческой индивидуальности каждого из поэтов. Трагедия «Двадцать четвертое февраля» в сущности довольно противоречива, потому что наряду и наравне с темой рока в ней присутствует четко выраженный социальный аспект. Герои трагедии — Кунц и Труда — разорены не только стихийным бедствием, но и жестокостью кредиторов. Принципиальные расхождения Шишкова и Жуковского касаются как раз

³² «Вестник Европы», с. 287.

³³ Шишков А., с. 6.

³⁴ «Вестник Европы», с. 287.

³⁵ Шишков А., с. 6.

³⁶ «Вестник Европы», с. 287.

³⁷ «Пантеон», с. 69.

³⁸ Шишков А., с. 8.

³⁹ «Вестник Европы», с. 288.

⁴⁰ «Пантеон», с. 70.

тех мест монолога Труды, где она говорит о постигшем их семью несчастье и совершенно ясно называет его причину: не только отцовское проклятие, но и жестокость заимодавцев. Жуковский настойчиво заглушеывает этот земной мотив. Для него важнее выявить тему рока, судьбы. Наоборот, Шишков всячески подчеркивает социальный аспект. Переводя Вернера почти дословно, он выделяет главенство социального над фатальным. Это во многом определяется общей позицией Шишкова. Следующее сравнение переводов подтверждает нашу мысль: Вернер: «Im ganzen Haus — und Jammer nur und Not...» (с. 27); Шишков: «Нет хлеба в доме — нищета и горе»⁴¹; Жуковский: «Нет крошки хлеба — горе да беда» (л. 150). Вернер: «Sie haben uns ja fast das letzte Hemd genommen, die harten Gläubiger» (с. 27); Шишков: «Почти последнюю рубашку с плеч жестокие заимодавцы сняли...»⁴²; Жуковский: «...последнюю рубашку с тела сняли злодеи» ... (л. 150). Вернер: «Ich will eins singen: ein Gesang soll frommen, als mit dem Schuldbuch uns der böse Feind bedroht» (с. 28); Шишков: «Дай запую! Когда нечистый нам грозить приходит долговою книгой, спасают часто песни от него»⁴³; Жуковский: «Как тяжело мне и страшно! Спеть бы песню. Авось с души свалится злая дума» (л. 150 об.).

Из этих сравнений видим, что «нужда» Вернера и «нищета» Шишкова у Жуковского превращаются в «беду», конкретные «заимодавцы» в абстрактных «злодеев». А стих, в котором совершенно определенно говорится о характере ожидаемого несчастья: «Als mit dem Schuldbuch uns der böse Feind bedroht», Жуковский вообще не переводит. Он заменяет его для концентрации настроения словами: «Авось с души свалится злая дума».

Жуковский даже нарушает логику вернеровского повествования. В монологе Труды, являющемся экспозицией драмы, все происшествя во внешнем мире, а также обе песни, важны не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они рождают у Труды ассоциации с прошлым и, таким образом, намеками дают предысторию. Недоговоренность у Вернера — важнейшее средство создания настроения. Песня Труды, которой она хочет смягчить неумолимость кредиторов, неизбежно возвращает ее к событиям прошлого: в конце песни говорится об убийстве отца. Жуковский же заранее объясняет песню Труды ее желанием отвлечься от тяжелых мыслей. Он углубляет психологический контраст настроений, пытаясь передать песней переход от страшной тоски к другому состоянию («Спеть хочу», «Авось с души свалится злая дума»; «Споем-ка песенку повеселее») и невозможность уйти от самой себя («Ух! Что за

⁴¹ Шишков А., с. 6.

⁴² Там же, с. 6.

⁴³ Там же, с. 7.

песня и конец ее Так смутен»; «Да что ж такое. Господи помилуй! Уж не эту ль песню пел мой муж в то время, Когда точил он косу!»). В переводе Жуковского текст песни вступает в противоречие с мотивировкой Вернера, но поэт пытается создать более сложное и динамичное состояние героини, в котором переплетаются муки сегодняшнего дня и память о прошлом. Создается ситуация, когда песня как бы помогает героине уйти в другой мир, забыть о происходящем. Жуковскому удается передать сдвиги состояний: его многоточия — это смятение души, перебивы настроений. За счет этого возникает большая эмоциональная напряженность. Тема рока приобретает философское значение и большую психологическую окраску.

Дальнейшее сравнение переводов Жуковского и Шишкова между собой и с текстом подлинника доказывает, что Жуковский последовательно убирал из своего перевода все то, что хоть сколько-нибудь конкретно могло указать на иную причину несчастья семьи, кроме отцовского проклятья. Особенно ярко это различие индивидуальностей двух переводчиков Вернера проявилось при передаче второй песни Труды:

Und wenn der Bau'r ein Bauer ist,
So führt er einen Pflug,
Und wenn er ein Hütli und Hemdli hat,
So hat er Kleider g'nug.
Hütli auf,
Federli drauf
Hirthemdli an,
Bunt Bänderli dran
Der Bauer ist kein Edeimann,
Der Bauer ist ein Bau'r.
Das Leben wird ihm sau'r (с. 30—31).

Перевод Шишкова

Соха и борона
Крестьянину дана,
Сохой и бороною
Доволен будь и сыт,
Хоть с ними он порою
И голодом сидит.
Тра-ла-ти-ла-ти-ти,
А за землю плати!⁴⁴

Перевод Жуковского

Светлые, вешние
Дни возвратились
К нам, пастухи!
Пажити зелены,
На горы, на горы
Коз и коров! (с. 30—31).

А если сравнить эти переводы с переводом Струговщикова, то отличие всех трех интерпретаций от текста подлинника станет еще разительнее:

Ах! Как хорош крестьянский быт!
Одна соха его забота,
Он счастлив, он одет и сыт,
Награждена его работа.
Наденет шляпу набекрень,
Украсит лентой голубую,
Поет и весел целый день,
Спокоен телом и душою⁴⁵.

⁴⁴ Там же, с. 8.

⁴⁵ «Пантеон», с. 70.

Каждый из трех поэтов перевёл песню соответственно своему пониманию трагедии Вернера. Шишков явственно подчеркнул в песне мысль «Das Leben wird ihm sau'g», передав ее в более заостренной форме: «А за землю плати!» Струговщиков очень последовательно и явно игнорирует социальность, превращая ее подчас в «официальную народность». Он построил перевод соответственно словам Труды «Ein munter Liedel scheucht vielleicht ...» usw, акцентируя момент идилличности крестьянской жизни. Жуковский тоже снимает социальность, но делает это по-другому и в других целях. В переводе второй песни Труды он просто ушел от предложенной подлинником темы, перевел песню абсолютно свободно, но сохранил вернеровский контраст между мажорной тональностью песни и трагически-безысходным настроением всего предыдущего монолога. Свободный перевод песни в данном случае продиктован осмысленным стремлением Жуковского-романтика к акцентированию общечеловеческого начала. У Шишкова песня подчеркнута противоречит эпитету «бодрая», несмотря на несколько легкомысленно звучащую предпоследнюю строчку. Противоречие, сохраненное Жуковским, более художественно, так как находится в системе настроения всего монолога, но вновь перенесено из плана социального в план общечеловеческий. Таким образом, в переводе песни, как и всего монолога, проявилось стремление Жуковского передать психологию личности, находящейся во власти рока, судьбы. Нюансировка настроений, особый характер интонации, выявление общечеловеческого содержания темы рока — все это обусловило поэтику перевода Жуковского, который несмотря на значительные отступления от текста вернеровской трагедии, ближе всех, на наш взгляд, подошел к пониманию ее сущности.

Наиболее характерной для Жуковского-переводчика представляется та часть монолога Труды, где говорится о внешней обстановке действия. Картина затерянной в Альпах хижины рисуется Вернером в соответствии с его основной установкой — постольку, поскольку она напоминает Труде о ее постоянных мучениях:

«S'ist auch so einsam auf der Gemmi hier
Dies Häuschen steht allein. Drei Stunden in der Runde
Kein menschlich Wesen, als nur wir
Wird's Winter — siedelt alles sich im sichern Grunde,
Nur wir, wie von den Geistern der Alp gefesselt schier,
Sind hier, und heut' nur ich und meine Quaal mit mir» (с. 30).

Шишков переводит этот отрывок очень близко к подлиннику, но его настроение передает невыразительно:

И как на этой Гемми
Пустынно, глухо! Хижина, как перст
Одна на ней. Живого человека
Окроме нас часа на три езды
Не видно. Все зимой приюта ищет.
Одни лишь мы, как будто духи Альп

Нас к месту крепко целью приковали,
Здесь остаемся. А сегодня я
Одна, и только грусть со мной моя.⁴⁶

Совсем иначе звучит перевод Жуковского:

На Гемми здесь так пусто; так далско
От всякого жилья наш дом; на три
Часа кругом пустыня. Мы одни
Живые люди здесь. Против зимы
Все ищет верного себе приюта
В долине. Мы ж, как будто злые духи
Здесь оковали нас, одни гнездимся
На высоте, между сугробов снежных
И льдов. Теперь же мне страшнее вдвое
Одной, в такую бурю, с черной думой (л. 150, об.).

Этот отрывок монолога Труды переведен Жуковским наиболее свободно, видимо, потому, что сама тема его дает материал для создания психологизированного пейзажа. В переводе поэта отчетливо проступает стихия природы, холодной и равнодушной к человеку. Достигается это введением стихов, отсутствующих в подлиннике (объем этого отрывка у Вернера — шесть стихов, в переводе Жуковского им соответствуют десять). Картина холодной зимы как бы предвещает в монологе Труды тему холодности и враждебности человека человеку, которая будет развита в дальнейшем ходе трагедии. Жуковский в переводе уже самого начала монолога, этой своеобразной экспозиции действия, пытается передать единое настроенное путем психологизации повествования. Последние два стиха в переводе Жуковского — квинтэссенция настроения всего монолога. Поэт прежде всего пытается передать движение чувства, его нарастание. Последние два стиха — это три ступени настроения: «Теперь же мне страшнее вдвое

Одной,

в такую бурю,

с чёрной думой»...

В целом перевод Жуковского более точен по настроению, чем все переводы трагедии. Конкретно-социальные обстоятельства действия трагедии Шишков передает значительно точнее, чем Жуковский, но общую психологическую атмосферу произведения, его драматизм более углубленно передает Жуковский.

В трагедии «Двадцать четвертое февраля» поэта привлекала та новая возможность проникновения во внутренний мир человека, которую давала «трагедия рока», с ее обостренным вниманием к внутреннему миру человека и ярко выраженным драматизмом действия. Перевод «Двадцать четвертое февраля» не был для поэта первым знакомством с «трагедией рока». Он знал ее еще в 20-е годы, что подтверждается следующими дневниковыми записями: «19 октября 1820 года.

⁴⁶ Шишков А., с. 8.

«Ahnfrau» (трагедия Грильпарцера); «28 ноября 1820 года. В театре — «Sappho» (тоже трагедия Грильпарцера). Дважды — 7 декабря 1820 г. и 10 января 1821 г. — упоминается «Fluch und Segen» von Houwald. О драме Мюльнера «König Ungurd» 9 ноября 1820 года Жуковский записывает: «... великолепная бессмыслица». 27 октября 1820 г. ещё одна запись: «В театре новая трагедия «Der Leuchtturm» von Houwald. Много поэзии, есть сцены разительные. Но род этих трагедий есть уродство. Цель её для меня ещё не очень понятна»⁴⁷.

Это непонимание и отчасти неприятие Жуковским «трагедий рока» представляется объяснимым, поскольку он впервые познакомился с ними в 1820—1821 годах, то есть в то время, когда драма была для него равноценна «драматической поэме». Специфика драматургии как литературного рода (сценичность, драматургическое действие) еще ждала своего осмысления поэтом. В 20-х годах утонченный психологизм и определенная мрачность «трагедии рока», продиктованные фаталистической концепцией действительности, могли оттолкнуть Жуковского. Но именно названные качества трагедии рока, а также ее несомненная сценичность и драматургическая полноценность оказались наиболее важными для решения задач, продиктованных исканиями Жуковского, его общей эволюцией.

Анализ перевода убеждает в том, что конкретно-социальные условия действия «Двадцать четвертое февраля» Жуковский последовательно переносит в общефилософский план. Но снятие социальности не было для поэта самоцелью. Он пытается придать конфликту обобщенность, понять характер столкновения человека и судьбы не как конкретный факт, а как явление человеческой жизни вообще. Углубление и драматизация конфликта в переводе Жуковского — в русле общих тенденций литературного развития первой половины 30-х годов, когда драматизм, неотъемлемо присущий романтизму, ставится ведущей категорией русского романтизма, настойчиво прорываясь и в область формы. 30-е годы в русской литературе характеризуются всплеском интереса к одной из самых драматичных эпох русской истории — «смутному времени». Сама атмосфера загадок, роковых случайностей, таинственная фигура Самозванца — все это становится материалом для размышлений и вызывает к жизни историческую драму, своеобразную модификацию «трагедии рока»⁴⁸. Особенности исторической эпохи 30-х годов опреде-

⁴⁷ Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1903, с. 78, 94, 95, 92, 86.

⁴⁸ Драматургия Розена, Погодина, Кукольника, Хомякова первой половины 30-х годов целиком посвящена «смутному времени». Эта драматургия широко представлена в библиотеке Жуковского. О взаимосвязи этой драматургии с «трагедией рока» см.: М а н н Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976.

лили и особенности литературных форм, и в этом смысле новое качество драматургических интересов Жуковского, проявившееся в переводе «Двадцать четвертое февраля», является закономерным следствием изменения эстетических задач русской драматургии.

Драматизация конфликта трагедии «Двадцать четвертое февраля» в переводе Жуковского повлекла за собой углубление психологизма. Оно нашло отражение в той специфике отступлений поэта от текста подлинника, которая при анализе перевода была названа психологизацией текста. Если сравнить перевод «Двадцать четвертое февраля» с переводом «Дон Карлоса» (конец десятих годов), то становится очевидна эволюция переводческих принципов Жуковского в их применении к драме. Переводы драм Шиллера и Вернера имеют общую черту — это присущая им относительная близость к подлиннику (что отличает переводы драм от переводов лирики, которые часто настолько свободны, что Жуковский называет их подражаниями). Наряду с этой общей чертой, перевод Вернера характеризуется не только изменением или усилением настроения (как это было в переводе «Дон Карлоса» и явилось следствием элегизации текста трагедии), но и значительным изменением самой сути вернеровской мысли, что проявилось в снятии социальной линии действия. Элегизация текста в переводе «Дон Карлоса» была связана с общим процессом развития Жуковского, со спецификой его балладного творчества. Это связано также с задачей создания русской романтической драмы, во многом определившей эстетику драмы Жуковского в конце 10 — начале 20-х годов. Новая эпоха — эпоха 30-х годов — поставила и перед драмой новые эстетические задачи, что отразилось в переводе Жуковского. Драматизация конфликта, углубление психологизации текста, философская обобщенность — все это делает незаконченный перевод Жуковского характерным явлением эпохи.

Принципиальной антирационалистичностью и усложненностью конфликта личности с миром объясняется определенный успех «трагедии рока» в русской литературе 30-х годов, когда отсутствие ясных социально-исторических перспектив и «переходное состояние духа» вызывали в творчестве романтиков фантастические образы, символизирующие бессилие человека в борьбе с судьбой. Но предлагаемое «трагедией рока» фаталистическое решение проблемы действия не могло удовлетворить русскую литературу. И в этом обстоятельстве — ответ на вопрос, закономерно возникающий в ходе исследования: почему Жуковский не закончил перевода вернеровской трагедии? Вспомним, что для него эстетическая ценность драмы заключалась в ее воздействии на душу зрителя, а целью трагедии он считал нравственное воспитание. Поэтому понятно, что Жуковский не завершил перевод: и в 30-е годы он не

увидел цели этого рода, а фатализм вернеровской драмы расходился с установкой на нравственное воспитание зрителя. Причина незаконченности перевода носит общий историко-литературный характер и неразрывно связана с тем фактом, что, начиная с середины 40-х годов, трагедия Вернера потеряла популярность в России и была забыта. Перевод Струговщикова в определенной степени уже выглядел анахронизмом. Но с точки зрения развития русской психологической драмы, выработки ее поэтики, переводы «Двадцать четвертое февраля» не прошли бесследно. Важен был перевод вернеровской трагедии и для обогащения поэтической палитры Жуковского, для развития его художественного мышления.

Таким образом, драматургические опыты Жуковского начала 30-х годов, в особенности перевод трагедии Вернера «Двадцать четвертое февраля», открывают сдвиги в общей эволюции его драматургических интересов. Если его драматические опыты 10—20-х годов были статичны и по своим жанровым признакам стояли ближе к балладе и элегии, что делало их «драмами для чтения», «драматическими поэмами», то драма первой половины 30-х годов, как в этом убеждает анализ перевода вернеровской драмы, несет на себе отпечаток родовой специфики — сценическое действие, психологизированный текст и драматизированный конфликт.

Библиотека Жуковского дает новый и интересный материал для уяснения эволюции драматических исканий поэта. Пометы, записи, построчные переводы, редакторская правка в произведениях Софокла, Вернера, Озерова, Розена в совокупности с богатым архивным материалом — такова конкретная основа для постановки этой проблемы.

Часть III

ВОПРОСЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
В. А. ЖУКОВСКОГО

*(Чтение философской, исторической,
общественно-политической
литературы)*

О ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДАХ ЖУКОВСКОГО

ЖУКОВСКИЙ — ЧИТАТЕЛЬ ШАРЛЯ БОННЕ

I

Библиотека Жуковского содержит обширную философскую литературу. Жуковский внимательно прочел Гердера, Бонне, Кондильяка, Руссо, Бидерманна, Юма, Снелля. Период наиболее интенсивного изучения философии — 10—20-е годы XIX века.

Вслед за Карамзиным, который наряду с А. И. Тургеневым в определенной мере руководил его философским, так же как и историческим образованием, Жуковский с большим вниманием отнесся к Шарлю Бонне, фигуре весьма значительной и важной для понимания генезиса философских воззрений молодого Жуковского. В «Росписи во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты» (1805 г.) произведения Ш. Бонне названы в качестве образцовых в двух разделах: «Натуральная история» и «Метафизика и логика»¹.

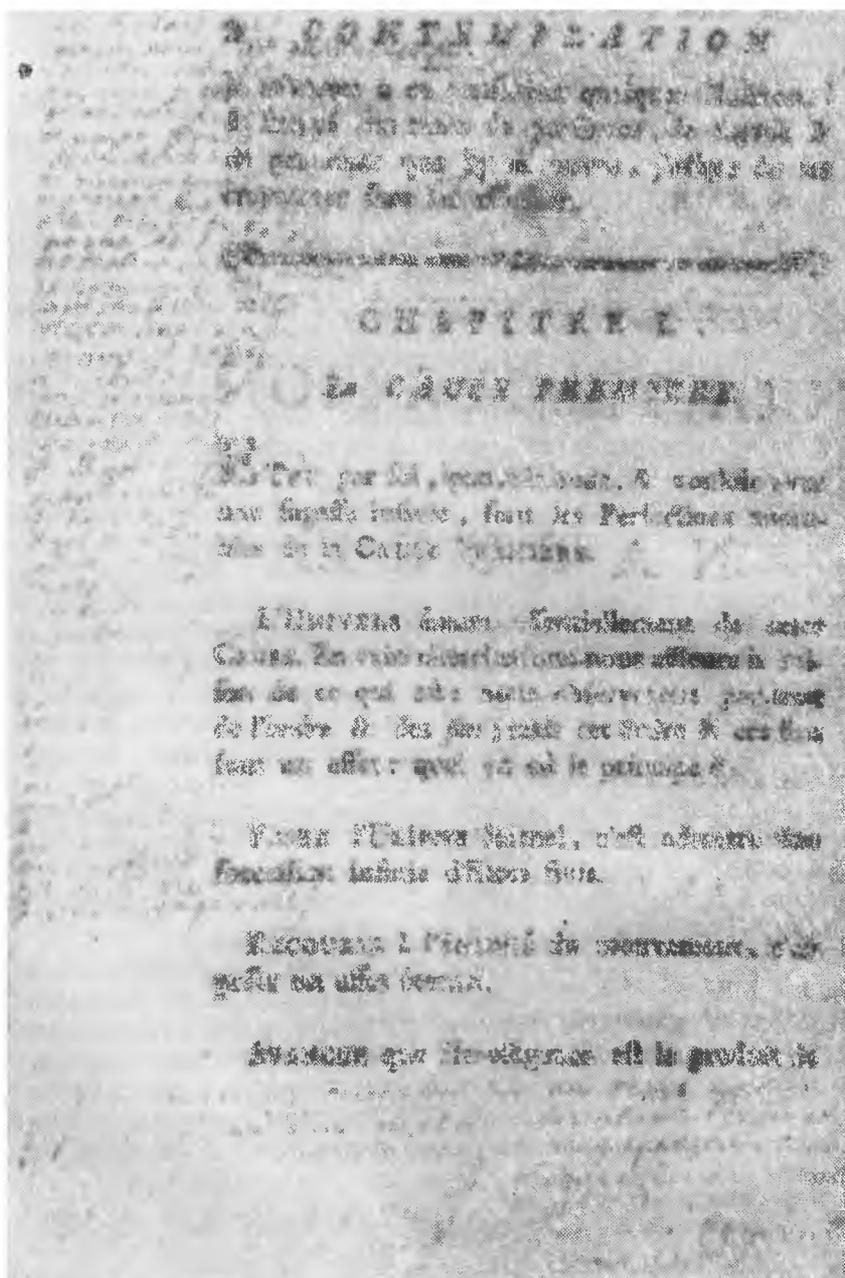
В библиотеке Жуковского имеется полное собрание сочинений Бонне в 18 томах² — собрание его естественнонаучных и философских трудов. Наиболее внимательно прочитан Жуковским VII том, содержащий знаменитые «Созерцания природы» («Contemplations de la nature»).

С этим трудом, так же как и с личностью женевского философа, впервые русских людей познакомил Н. М. Карамзин. В 1789 г. в «Детском чтении» он перевел две существенные части «Созерцания»³, а затем после путешествия и встречи с самим философом в «Московском журнале» рассказал об этой встрече достаточно подробно, проявив хорошую осведомленность в трудах знаменитого философа и естествоиспытателя.

¹ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. II. Пг., 1916. с. 243.

² Bonnet Charles. Oeuvres d'histoire naturelle et de Philosophie de Charles Bonnet, t. 1—18. 1779—1783. В дальнейшем все ссылки на VII т. этого издания даются в тексте.

³ «Детское чтение для сердца и разума». 1789, ч. 18, с. 3—69; ч. 19, с. 165—198.

CONTINUATION

Il est évident que ces principes ont une grande importance. Ils sont la base de toute philosophie. Ils sont la source de toute science. Ils sont la racine de toute vérité.

CHAPITRE I

LA CAUSE PREMIERE

La Cause Première est celle qui est à l'origine de tout. Elle est la source de toute vie, de toute intelligence, de toute beauté. Elle est la cause de tout ce qui est.

L'Univers éternel est celui qui est au-delà de tout. Il est la manifestation de la Cause Première. Il est la source de toute existence. Il est la racine de toute vérité.

Yves de Chartres dit que la Cause Première est la source de toute sagesse. Elle est la cause de toute science. Elle est la racine de toute vérité.

Reconnais la Cause Première de tout ce qui est. Elle est la source de toute vie, de toute intelligence, de toute beauté. Elle est la cause de tout ce qui est.

Avant tout, que la Cause Première est la source de toute sagesse. Elle est la cause de toute science. Elle est la racine de toute vérité.

Рис. 7. Записи Жуковского на «Созерцании природы» Ш. Бонне

«Боннет позволил мне,— пишет Карамзин,— переводить его сочинения на русский язык.

— С чего вы думаете начать? — спросил он.

— С «Созерцания природы» («Contemplations de la nature»), — отвечал я, — которое по справедливости может быть названо магазином любопытнейших знаний для человека»⁴.

О большой своей заинтересованности в названном труде Бонне Карамзин пишет ему специально. «С величайшим вниманием читал я снова Ваше «Созерцание природы» и могу сказать без тщеславия, что надеюсь перевести его с довольною точностью. Я намерен перевести и Вашу Палингенезию. Один приятель мой, живущий в Москве, так же, как и я, любит читать Ваши сочинения и будет моим сотрудником, может быть, и в самую сию минуту ... он переводит главу из «Созерцания» или «Палингенезии»⁵. Карамзин, очевидно, имел в виду своего лучшего друга А. А. Петрова. В посвященном его памяти очерке «Цветок на гроб моего Агатона» Карамзин писал о том, как они вместе с ним <...> «за Оссианом, Шекспиром, Боннетом просиживали половину зимних ночей» (VII, 3). Очевидно, в философии Бонне Карамзина привлекала прежде всего попытка объяснить происхождение чувства. Сенсуалистскую теорию познания Бонне стремился обосновать физиологически, исследуя нервную систему человека. Опираясь на физиологическую психологию, Бонне активно защищал материалистическую гносеологию. Большое место в его труде занимает вопрос о взаимоотношении между двумя основными субстанциями человека — телом и душой.

Проблема эта была главной в философских раздумьях редактора «Московского журнала». Еще в своих юношеских письмах к Лафатеру он спрашивал: «каким образом душа наша соединена с телом, тогда как они из совершенно различных стихий...! Вопросу этому можно дать еще такую форму: каким способом душа действует на тело посредственно или непосредственно»⁶.

Эти вопросы, по всей видимости, привели Карамзина и к Бонне: «Я прилежно читаю Боннета», — говорит Карамзин уже в следующем письме к Лафатеру. Утверждая, что «великий философ нашего времени» открыл ему «много новых взглядов», он специально останавливается на его гносеологической теории.

Философия Бонне наносила удар по рационалистическому пониманию человека, утверждала сложность и в определен-

⁴ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — В кн.: Карамзин Н. М. Избранные сочинения. М.—Л., 1964, с. 302.

⁵ Там же, с. 304—305.

⁶ Сборник отделения русского языка и словесности Академии Наук, 1893, т. 54, с. 37.

ной мере неподвластность научному познанию души человека. Это могло привлечь Карамзина — сенсуалиста и агностика. Что же касается материалистического объяснения происхождения чувств, в основе которого у Бонне лежит исследование нервных волокон, то эта теория, по всей вероятности, не встретила глубокого сочувствия у Карамзина, в творчестве которого преобладают субъективно-идеалистические представления о человеке. Об этом свидетельствует то же письмо к Лафатеру от 10 июня 1788 г.: «... все это очень философично, глубоко-мысленно, хорошо согласуемо и могло бы так быть и на самом деле, если б господь бог при сотворении мира руководствовался философией достопочтенного Боннета; но чтобы было это так на самом деле, я этому не верю, пока верю, что мудрость господня далеко превосходит мудрость всех наших философов и, следовательно, может найти другие более удобные способы к созданию и сохранению своих творений чем те, которые ей приписываются нашими Лейбницами и Боннетами»⁷.

Из всего вышензложенного очевиден факт заинтересованности Карамзина в философии Бонне, популяризации им трудов знаменитого философа и сложного к ним отношения.

Жуковский обратился к Бонне, по крайней мере, на 18—20 лет позже Карамзина. И естественно, что каким бы ни было влияние Карамзина на чтение Жуковского, начинающий поэт-романтик в изучении Бонне проявил значительную самостоятельность, расставил нужные именно ему акценты:

Сколько-нибудь точно датировать чтение Жуковским «Созерцания природы» Ш. Бонне представляется весьма трудным. В письмах и дневниках Жуковского нет упоминания о швейцарском философе-естествоиспытателе, хотя мы располагаем фактами несомненного признания Жуковским Бонне — натурфилософа. Не только в упомянутой выше «Росписи» (1805 г.) Бонне выделен как образцовый писатель в своем роде, но и в «Вестнике Европы», издаваемом Жуковским, можно встретить имя Шарля Бонне в неизменно положительном контексте. Так, Жуковский, высоко ценя письма швейцарского историка И. Миллера, в которых дана оценка наиболее авторитетных ученых, определивших направление «философского века», переводит сам для «Вестника Европы» именно те из них, где наряду с Руссо и Монтескье говорится о Шарле Бонне. Восторженно отзываясь автор о его новейших трудах в области естествознания, считая чтение их неизменно «возвышающим душу»⁸.

⁷ Там же, с. 38—39.

⁸ «Вестник Европы», 1810, № 16, с. 263—285.— «Несколько писем Иоанна Миллера, историка Швейцарии, к Карлу Бонстеттену». См. также: Переводы в прозе В. Жуковского. Ч. V. Повести и смесь. М., 1817.

Судя по почерку, Жуковский первый раз прочитал «Созерцание природы» очень молодым, до начала его переписки с А. И. Тургеневым, которому он сообщает систематически и очень подробно о прочитанном. Очевидно, Бонне прочитан впервые Жуковским около 1803 г. Если это так, то Жуковскому было тогда столько же лет, сколько было Карамзину, когда он писал свои письма Лафатеру.

Нашумевший и очень популярный в свое время труд Бонне «Созерцание природы» состоял из двух томов. В первом томе после первых четырех глав, которые являются своего рода «введением в суть мироздания», дается натурфилософское исследование так называемой «лестницы существ». Природа, по мнению Ш. Бонне, представляет собою целый ряд восходящих ступеней от неорганического мира к растительному и животному и, наконец, к человеку.

Теория единого органического развития природы, в которой человек занимает свое особое место, была внутренне близка концепции «универсальной закономерности» Гердера в его популярном труде «Идеи к истории человечества». (Об отношении Жуковского к Гердеру см. в специальной главе настоящей книги).

Будучи страстным поклонником эмпирического знания Локка и опираясь на собственный опыт естествоиспытателя, обогативший науку массой новых фактов, Бонне стремится осмыслить связь между растительным и животным миром. Женевский гражданин, почитатель Лейбница и Руссо, Бонне восторженно поклоняется природе, он глубоко изучает ее явления, обогащает науку новыми данными и исследованиями. Это было чрезвычайно важно для того времени, «когда впервые загоралась заря естественноисторического мышления»⁹. Нет ничего удивительного в том, что Карамзин назвал «Созерцание природы» «магазином любопытнейших знаний для человека». Вместе с тем труд Бонне, как указывалось выше, нанес удар по рационализму, заявляя о сложности человека.

По всей видимости, Жуковского привлекали в Бонне оба указанных качества его труда, превосходное знание природы, поэтизация ее конкретно-чувственных явлений, с одной стороны, и сенсуализм Бонне, глубоко уверовавшего в гносеологическую силу чувств человека и попытавшегося объяснить их — с другой.

II

«Созерцание природы» прочитано Жуковским с равномерным, тщательным вниманием. Пометы, отчеркивания и подчас обширные маргиналии Жуковского могут быть сгруппированы по двум основным рубрикам.

Первая, большая часть многочисленных помет Жуковского имеет характер подчеркиваний отдельных слов и перевода

⁹ См. об этом: Лункевич В. В. От Гераклита до Дарвина. М., 1960, с. 65—70.

их на полях, преимущественно названий, относящихся к миру растений, живой и неживой природы, или к отдельным явлениям природы. Большая часть таких помет носит главным образом познавательный характер.

Много помет такого характера во II части труда «Об относительном совершенстве существ» («De la perfection relative des etres»). Длинный ряд слов-терминов Жуковский подчеркивает и на полях дает их перевод.

la famille des Champignons des Agarics — губки (с. 86)

la Moule — ракушка (с. 66)

de petites capsules — «коробочка» (семянница)

pistils — пестики (с. 95)

siliques — шелуха

Помет такого рода множество (с. 114, 119, 121, 124, 127, 128, 132, 133, 134, 135, 137, 140, 146, 147, 148, 152, 154, 155, 156, 157, 162, 165, 167, 168, 188, 208 и т. д.).

Удивительно, что будущий поэт-романтик, «оторванный от мира реальной природы», с жадностью изучает эту природу, каждую ее клетку, стремится осмыслить место каждого, даже самого примитивного явления в системе мира.

Огромный интерес проявляет Жуковский и к неживой природе. В третьей главе «Всеобщее начертание постепенного развития существ» («Une generale de la progression graduelle des etres») в IV разделе «О некоторых твердых грубых <...> телах» также много помет Жуковского. Там, где автор в связи с характером различных металлов говорит о способах превращения ртути в твердое вещество при сильном охлаждении, Жуковский пишет на полях: «de 186 degres du thermometre de Reaumur» (с. 72).

Уже Карамзин, беседуя с Бонне, говорил, что ему придется при переводе «Созерцания природы» «составлять или выдумывать новые слова», потому что «еще весьма не многие философские книги переведены на русский»¹⁰. Жуковский на полях «Созерцания природы» иногда предлагал такие слова, иногда их объяснял. Так, на с. 196 к слову climat он пишет на полях пояснение: «et des causes locales». О внимательном чтении Жуковского говорят и тщательно исправленные опечатки (например, с. 20, 164, 175, 189, 288). Многие пометы Жуковского сделаны черными чернилами. Причем очень часто видны следы двойного написания, сначала карандашом, затем (поверх) — чернилами. Это — свидетельство не только внимательного чтения, но и какой-то повышенной заинтересованности читателя, которая может быть объяснена по-разному. Возможно эта тщательность перевода (иногда подыскивание русских слов), специальных терминов свидетельствовала о намерении Жуковского в будущем сделать перевод Бонне.

¹⁰ «Письма русского путешественника». Указ. издание, с. 310.

Однако более вероятным представляется другое объяснение. В познавательных целях Жуковский обращается к Бонне не однажды. По мере идейно-творческого самоопределения поэта у него возрастала потребность в конкретных знаниях о природе и ее многочисленных проявлениях, и «Созерцание природы» могло явиться одним из источников такого познания.

Следует отметить, что горячая заинтересованность Жуковского в эмпирическом знании природы проявилась очень рано и в самом процессе его художественного творчества. Так, задумав около 1803 г. поэму «Весна»¹¹, Жуковский внимательно читает Томсона, Клейста и других «певцов природы». В библиотеке поэта сохранились сочинения Клейста¹² с обильными пометами молодого Жуковского. Особенно много таких помет на стихотворении «Der Frühling»¹³, большинство из которых представляют собою вдумчивое осмысление явлений природы. Создается впечатление, что стихотворение читается как учебник ботаники или зоологии. Жуковский подчеркивает и переводит на полях слова, характеризующие растительный и животный мир в период пробуждения природы. Приведем примеры такого чтения (слова, подчеркнутые Жуковским и переведенные им на полях)

Schlehdorn — терн (с. 8)
Espen — осина (с. 9)
Maiblume — ландыш (с. 17)
Stauden — кусты (с. 19)
Der Fink — яблик
Erlen — ольха
Raupе — гусеница¹⁴ (с. 33)
Wachholder — можжевельник
Amsel — дрозд
Distel — волчец
Stieglitze — шегленок (с. 29)

Мы узнаем не только почерк, но и характер чтения «Созерцания природы» Ш. Бонне.

Как утверждал еще В. И. Резанов, в связи с замыслом поэмы «Весна» Жуковский внимательно читает не только поэтов, но и натуралистов — Бюффона¹⁵, Ласепада. Очень воз-

¹¹ См. об этом: Резанов В. И. Указ. соч., с. 498.

¹² Kleist. Sämtliche Werke (B. 1—2). Vierte Auflage. Berlin, 1782.

¹³ Там же, с. 3—44.

¹⁴ В архиве В. А. Жуковского сохранился конспект «Весны» Клейста, который датируется 1804 г. Большое место в конспекте занимают «реальные приметы» весны. «Разлив, ночные морозы, зелень. Леса одеваются листьями... Пруд. Курица на пруду. Гуси, отгоняющие собаку...» (См.: Резанов В. И. Указ. соч., с. 499).

¹⁵ В НБ ТГУ имеется 56 томов «Натуральной истории» Бюффона («Histoire naturelle par Buffon», Paris, 1799—1809). Многие тома содержат пометы и записи Жуковского. Так, в 1, 3, 4, 5 томах (Quadrupèdes) много помет, в том числе и записей Жуковского. В пятом томе — закладки с написанными на них названиями животных (против соответствующих изображений), с. 110, 114, 129, 131, 155, 268, 280.

можно, что Бонне явился одним из таких источников, не известных В. И. Резанову.

III

Вторая группа маргиналий, отчеркиваний и подчеркиваний Жуковского носит уже не только познавательный, но и принципиальный мировоззренческий характер. При этом следует сказать, что наибольшее количество таких помет сделано в тех главах «Созерцания природы», которые были переведены в свое время Карамзиным. Речь идет о вводной главе «О боге и вселенной», где ставятся общие вопросы происхождения человека и вселенной, и о второй части книги «Разное соотношение земных существ», где в качестве главного выделяется вопрос о сущности человека.

Жуковского, по-видимому, так же, как и Карамзина, привлекает сенсуализм Бонне, утверждение им чувственной основы человеческого сознания и познания. Внимательно прочитав главу «Разное соотношение земных существ», он отчеркивает и отмечает особым знаком — параграф о «соединении душ с телами организованными». Здесь он выделяет главное гносеологическое положение Бонне: «Нервы, разным образом потрясаясь от предметов, сообщают свои потрясения мозгу и по этим впечатлениям производят в душе представления и ощущения»¹⁶. Отчеркивает Жуковский и следующую за этим мысль: «Представления и ощущения имеют одинаковое происхождение, а различаются только степенью потрясения. Лучи, выходящие из предмета, трогают мой оптический нерв. Я получаю представления (*perception*), которые уведомляют меня о присутствии предмета. Они потрясают весьма сильно этот нерв, у меня делается (происходит) ощущение (*sensatim*), которое я изъясняю словом *боль* или *неудовольствие*» (с. 174). В дальнейшем Жуковский подчеркивает конкретизацию этого положения: «Разность чувств, через которые душа получает впечатления от предметов, производит в ее представлениях и ощущениях подобную разность» (с. 184). Жуковского привлекает, по всей видимости, попытка Бонне подкрепить сенсуализм Локка глубокими физиологическими наблюдениями. «Чувствования (*sentimens*), причиняемые потрясением нервов зрения, совершенно отличаются от тех, которые производит потрясение нерв слуха. Чувствование осязания не имеет ника-

¹⁶ Несколько позднее (примерно 1805—1810 годы) Жуковский читает «Философские сочинения» Д. Юма, содержащие ряд помет, свидетельствующих об устойчивом интересе Жуковского к сенсуалистской гносеологии. Там мы находим следующую запись, характерную в этом отношении: «Под словом впечатление разумеем ощущения более сильные, производимые в нас зрением, слухом, осязанием, состоянием любви, ненависти, желания <нрзб.>. Идеи суть менее сильные ощущения, которые находим в себе, когда размышляем <нрзб.>». *Oeuvres philosophiques de M. D. Hume. A Londres, 1788, 1—2.*

кого сходства с чувствованием вкуса. Оне суть разные изменения (modificationus) души, которые соответствуют разным свойствам предметов».

О горячей заинтересованности Жуковского в проблеме происхождения чувств говорят его многочисленные маргиналии на «Трактате об ощущениях» Кондилляка, где убедительно доказывалось, что все человеческие чувства и вся вообще духовная деятельность человека рождаются из ощущений.

В качестве одного из важнейших естественных побуждений души человека (instinct) Бонне называет нравственное чувство, которое и определяет темперамент той или иной личности. Жуковский отчеркивает эту мысль двумя чертами и ставит два восклицательных знака. Эта активная и явно положительная реакция читателя-Жуковского полностью проявляется несколько ниже, при анализе его развернутых маргиналий к вводной части «Созерцания природы».

Здесь же, во втором разделе, Жуковский подчеркивает еще одну, очень важную для него мысль о неповторимой индивидуальности человеческой личности, обоснованной сенсуализмом Бонне. Сравнивая сознание человека с зеркалом, в котором отражается «вкратце внешний мир», Бонне говорит о поразительной несхожести этих зеркал: *«какая соразмерность между зеркалом крота и зеркалом Ньютона или Лейбница? Какие образы являются в мозгу у Гомера, Вергилия или Мильтона!»*. Жуковский выделяет эту мысль, подчеркивая ее различные вариации у Бонне еще несколько раз. Так, на с. 186 Жуковский отчеркиванием и NB выделяет рассуждение Бонне о различии душ человеческих, о том, что «в целой вселенной нет двух существ совершенно подобных».

IV

Введение к «Созерцанию природы» «О боге и вселенной» Жуковский снабжает подробными маргиналиями, имеющими, как нам представляется, принципиальное значение для понимания концепции личности у Жуковского и шире — природы его просветительства (см. ниже). Относясь, по-видимому, с сочувствием и интересом к гносеологической теории Бонне, дававшей многое для материалистического понимания личности, Жуковский вместе с тем в решении ряда общих философских проблем горячо разделял идеализм швейцарского философа.

Приведем текст Бонне и соответствующие ему маргиналии и пометы Жуковского. Ему же принадлежат все подчеркивания.

Текст Бонне

Замечания Жуковского

Введение

с. 2

Я возвышаюсь до Вечного разума, изучаю его законы и

Если бы природа была произведена материею и движением, тогда бы она беспрестанно изменялась, но она

преклоняюсь перед ним. Я созерцаю Мир как философ. Я исследую отношения, образующие из безграничной цепи явлений единое Целое. Я останавливаюсь на некоторых звеньях ее и пораженный открывающимися в них чертами мощи, Величия и Мудрости пытаюсь набросать их, не умаляя их значения...»

Глава I

Первопричина

Существовать (*être par soi*), все мочь и желать с бесконечной мудростью — вот восхитительные совершенства Первопричины. Вселенная происходит главным образом из этой Причины. Напрасно мы бы искали в другом причину того, что есть. Повсюду мы будем наблюдать порядок и конечное состояние (конец — *des fins*); но этот порядок и эти конечные состояния являются результатом: что же есть их начало? Почитать Вселенную Вечной — есть то же, что полагать бесконечный порядок конечных существ. Прибегать к вечности движения — есть то же, что полагать вечное следствие.

с. 3

Предполагать, что ум является продуктом материи и движения — значит предполагать, что Оптика Ньютона — творение слепорожденного человека. Итак скажем: когда Вселенная существует, то есть вне Вселенной вечная причина ее существования.

Глава II

Сотворение

с. 3

Какой Разум измерит глубины этой Бездны? Какая мысль может изъяснить могущество, превратившее в бытие несуществующие вещи как будто бы они существовали.

Бог хочет, чтобы вселенная была, Вселенная есть.

Это божественное свойство, эта непостижимая Сила, может

всегда одинакова, беспрестанное последствие одних и тех же явлений. Мир не мог бы существовать всегда таким, каков он от рождения, ибо в нем все начинается и кончается, следовательно, материя, прежде неподвижная, пришла вдруг в движение и постепенно приняла видимый ныне образ. Но она бы не должна была сохранить его, ибо движение есть перемена и, следовательно, <если> материя прежде изменилась, то и теперь также точно должна была бы измениться. И кто привел ее в движение и как мог простой механизм произвести что-нибудь умное, мыслящее. И если материя могла до такой степени усовершенствоваться, то почему она <на этом> остановилась. Движение не могло прекратиться.

Как скорость последствие, то есть уже перемена или переход из одного состояния в другое, следовательно, прекращение одного и начало другого. Это свойственно одним только конечным вещам. Следовательно, не можем быть безначальным. Вечность или безначальность природы непонятны.

Ум не может быть произведением случая. Человек есть сотворение. Он имеет ум, следовательно, творец его должен быть существом верховно премудрым, ибо оно не только произвело ум человеческий, но само по себе непостижимо, недостигаемо для ума сего.

NB

Творение видимо, но непостижимо, как <возникло> —, когда, — на это нет ответа. Я здесь и для чего я здесь — это может быть мне известно. Куда

ли она передаваться. И если может, то каковы законы этой связи (communication).

Глава III

Единство и доброта (bonte)
Вселенной

Единство замысла Вселенной ведет нас к единству разума, изобретшего его. Гармония Вселенной, или связи, в которые вступают между собою различные части этого обширного здания, доказывают, что Причина Одна. Следствие этой причины тоже одно. Вселенная (l'Univers) является этим следствием.

Она заключает в себе все то, что существует, и все, что могло существовать...

с. 4—5.

Разум, охвативший одновременно все связи возможностей, увидел искони Истинное Добро и никогда не задумывался (delibère). Он действовал (а agi). Он проявил свою высшую Волю (sa souveraine Liberté), и Вселенная получила бытие.

Таким образом, вселенная имеет всю законченность (все совершенство) (toute la perfection), какое она смогла получить от Причины, одной из первых принадлежностей которой является Мудрость.

Поэтому во Вселенной совсем нет абсолютного зла, так как она не содержит ничего, что не могло бы быть следствием или причиной какого-либо блага (bien), которое не могло бы существовать без того, что мы называем злом. Если бы все было одно от другого изолированным, не было бы гармонии. Когда бы что-нибудь было упущено, тогда бы в цепи осталась пустота, а от всеобщего сцепления произошла подчиненность существ и отношение их к пространству и времени.

с 6

Вы, конечно, хотите сказать, почему человек не Ангел? Спро-

пойду — это могу предчувствовать, но что было, что еще (быть может)...

Если бы могла быть не одна причина, а несколько, тогда бы в природе было видимое несогласие, ибо несогласные, разные и равносильные причины были бы не согласны и <разны> в своих действиях.

Верховная причина одна. Все другие причины, какие они ни есть, суть ее орудия. Двух равно мощных и неограниченных причин быть не может, ибо не может быть двух <нрзб.> Точно в себе заключает единственная l'Univers.

De'ibère — а agi — это два слова противоречат одно другому — если верховное существо никогда не делало умственных <нрзб.>. Несомненно то, что оно не могло однократно действовать, то есть произвести то, чего оно несколько времени не производило.

Но неужели действие <согласно> причине или <бытию> верховного существа есть беспрестанное творение, беспрестанно возобновляющееся и непрерывное. Мне кажется, эта материя не должна занимать ум человеческий, ибо она неразрешима и заведет в одно сомнение. Действие очевидно. Причины не быть не может.

NB

Почему? Всего изъяснить не можно.

сите также, почему Олень не человек...

Сознайтесь в вашей ошибке и признайте, что каждое существо имеет совершенство, соответствующее его цели (намерению) (fin). Оно перестало бы выполнять свое назначение, если бы перестало быть тем, что есть. Изменяя свою природу, оно изменило бы свое место, и то место, которое оно занимало бы в Иерархии вселенной. В противном случае Гармония была бы утрачена. Не будем же судить о Существах самих по себе, а оценим их в связи с местом, которое они должны были занимать в Системе.

(Подчеркнуто всюду Жуковским.—
Ф. К.).

V

Вслед за Бонне Жуковский в решении общих вопросов происхождения мира и человека остается идеалистом. На полях «Созерцания природы» Жуковский не полемизирует с автором, как это часто бывает в его чтении, а скорее всего отстаивает его взгляды, уточняет их рядом собственных соображений. Нужно полагать, что Жуковский чутко уловил полемичность Бонне (в решении общих философских вопросов) по отношению к таким материалистам XVIII в., как Гольбах и Гельвеций, полностью детерминировавшими личность материальными условиями бытия и склонными отрицать свободу воли, инициативу действия отдельного индивида. Во введении Бонне даже сталистически подчеркивается эта полемичность, несогласие с невидимым оппонентом.

«Считать вселенную вечной,— утверждает Бонне,— значит допустить бесконечную последовательность конечных существ». «Прибегнуть к вечности движения,— значит утвердить вечное следствие». И далее см. приведенный выше текст Бонне (с. 2—3).

Жуковский, идя от Бонне, заостряет полемичность тона. Многие его замечания представляют собою как бы прямые контраргументы по отношению, например, к Гольбаху. Чтобы убедиться в этом, сравним некоторые программные мысли Гольбаха в его «Системе природы» с маргиналиями Жуковского.

Гольбах

Природа — это колоссальное соединение всего существующего, представляющего нам повсюду лишь материю и движение.

Жуковский

Если бы природа была произведена материей и движением, тогда бы она беспрестанно изменялась, но она всегда оди-

Но спросят у нас, откуда эта природа получила свое движение? Мы ответим, что от себя самой, ибо она есть великое целое, вне которого ничто не может существовать¹⁷.

наково беспрестанное последствие одних и тех же явлений... Вечность, или безначальность природы непонятна.

В очевидной полемике Жуковского (вслед за Бонне) с материалистами XVIII в. и, в частности, с «Системой природы» Гольбаха, которую современники считали библией материализма, бесспорно, проявилась идеалистическая ограниченность русского писателя-романтика. Так, Жуковский не принимал важнейшего положения материализма о движении как форме существования материи, так же, как и краеугольного тезиса материализма о вечности и безначальности природы.

Вместе с тем необходимо сделать следующую оговорку. Не принимая тезиса Гольбаха о движении как форме существования материи, Жуковский возражает против понимания движения как механического перемещения. *«Как скорость последствие, то есть уже перемена или переход из одного состояния в другое, следовательно, прекращение одного и начало другого»* (подчеркнуто нами — Ф. К.). То есть Жуковский движение понимает как *качественное изменение*. Определенная диалектичность мышления чрезвычайно важна для открывателя психологического метода в русской литературе. Жуковский неоднократно подчеркивает мысль Бонне о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений, о сложном диалектическом взаимодействии добра и зла в природе (см. с. 4, 5).

Пolemика Жуковского с материалистами XVIII века усиливается, как только речь заходит о человеке, которого Гольбах и Гельвеций объявили частью природы, полностью подчиненной ее законам.

Бонне как бы возражает Гельвецию, который в своем программном труде «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» рассматривал сознание как свойство материи, возникшее на определенном этапе ее развития. *«Предполагать, что ум является продуктом материи и движения, — пишет Бонне, — значит предполагать, что оптика Ньютона — творение слепого от рождения».* Жуковский в унисон этому записывает: *«Как мог простой механизм произвести что-нибудь умное, мыслящее?»* и далее. *«Человек есть творение. Он имеет ум, следовательно, творец его должен быть существо верховно премудрое, ибо оно не только произвело ум человеческий, но само по себе непостижимо, недостижимо для ума сего».*

Как показывает чтение «Лицея» Лагарпа¹⁸ (раздела о философии XVIII в.), Жуковский весьма положительно воспри-

¹⁷ Гольбах П. Система природы или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940, с. 171.

¹⁸ Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne par J. F. Laharpe, t. 15, 1798.

нял резкую критику Гельвеция с его абсолютизацией детерминизма (см. отчеркивания на с. 320, 322, 327, 328, 331, 336, 339 и др.). Так, поэт отчеркивает и ставит NB к следующим словам Лагарпа, относящимся к Гельвецию. «Если все необходимо, не было бы ничего безразличного (*indifferent*): все должно быть взаимно причиной и следствием. Однако было бы смешно отрицать, что в обычном порядке вещей есть огромное количество вещей абсолютно индифферентных, то есть таких, которые могут быть или не быть без того, чтобы из них непременно что-нибудь следовало» (с. 401).

Слова автора «Лицея» о том, что свобода выбора существует и что «она < свобода > — состоит в возможности действовать согласно моему суждению <...>», Жуковский подчеркивает двойной чертой.

Далее Жуковский подчеркивает конкретизацию этого положения. «Никаких сомнений не вызывает то, что здесь моральное побуждение, моя воля является свободной во мне, как я сам, поскольку Она есть не что иное, как суждение, выбор мотивов, которым мне нравится следовать, и конечно же все это зависит от меня и от моего разума, выбрала ли я хорошо или плохо» (с. 411).

Характерно в этом же плане и следующее за этим отчеркивание с тремя восклицательными знаками: «Вместе со свободой человека, подорванной софистами, упадет вся нравственность его поступков, добродетель будет лишена своей чести, порок поднят из своего позора, ничто в мире больше не будет заслуживать ни наказания, ни поощрения: все будет делом (произведением) неизбежного и непостижимого сочетания и все творение сократится до сборки автоматов» (с. 415).

Полемика Жуковского с материалистами XVIII в. имела, как нам представляется, значительный нравственно-философский смысл. Созерцательный и во многом механистический материализм XVIII в. абсолютизировал детерминизм личности, метафизически трактовал проблему свободы воли и необходимости. «Метафизический материализм XVIII века не давал научной основы для решения вопроса об оценке человеческого поведения»¹⁹. Однако нравственный фатализм философов XVIII века противоречил требованиям прогрессивного развития истории. Уже Руссо пытался найти новое обоснование нравственной свободы человека, не связанной непосредственно с материальными условиями общества. Свобода «естественного» нравственного чувства — важнейший для Руссо стимул общественной деятельности человека. «Общественный договор» Руссо формулирует в основе «гражданской свободы неустрашимую в человеке естественную свободу». Это тот нравственно-этический аспект руссоизма, который был в зна-

¹⁹ Шишкин А. Ф. Из истории этических учений. М., 1954, с. 154.

чительной мере близок и Карамзину²⁰ и Жуковскому. Проблема «Жуковский и Руссо» на основании интересных материалов библиотеки является предметом специального рассмотрения. Здесь же необходимо напомнить о Руссо, чтобы лучше понять суть отношения Жуковского к Бонне. Первооткрыватель романтизма в русской литературе, Жуковский, как показывают его письма, дневники, художественное творчество, ненавидел нравственный фатализм, считая вслед за Руссо первоочередной обязанностью любого человека сознательную и активную нравственную направленность в его жизнедеятельности. В этом Жуковский был близок Карамзину, его активной просветительской позиции. Еще в письме к Лафатеру, стремясь разгадать загадку человека, его деятельности, Карамзин ставит вопрос о свободе воли и необходимости. «Я захочу и воля моя исполнится, но как она исполнится»²¹. Пройдет некоторое время и Карамзин по-своему придет к Руссо, во многом определившем характер его просветительства²².

Еще в большей мере это свойственно Жуковскому. Не случайно мысль Бонне о том, что важнейшим естественным побуждением души человека является нравственное чувство, определяющее темперамент человека, Жуковский подчеркивает двумя чертами и ставит два восклицательных знака. Эта, как указывалось выше, его положительная реакция в большей мере проясняется именно в плане его полемики с нравственным фатализмом и во многом определяет собою нравственно-философскую основу его просветительства. Критикуя таким образом механистическое понимание личности французскими материалистами с идеалистических позиций, Жуковский в ряде вопросов приближается к диалектическому пониманию человека как существа не только материального, но и духовного, не только детерминированного, но и активного, обладающего свободой нравственного выбора, а тем самым и способного к нравственной саморегуляции и усовершенствованию и, следовательно, нравственно ответственного перед собою и другими людьми, но в то же время и внутренне противоречивого.

Говоря о близости философских взглядов Карамзина и Жуковского, целесообразно отметить, как нам представляется, и определенное отличие. Если Карамзин, как он сам утверждал, не мог променять «ясного Локка и Кондильяка» на «тонкоумного Канта», то Жуковский как романтик XIX века, испытал на себе значительное влияние немецкой идеалистической философии. Так, уже в письме от 8 января 1806 года он просит А. И. Тургенева: «Ради бога пришли мне что-нибудь хо-

²⁰ См. об этом: Канунова Ф. З. Из истории русской повести (историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967.

²¹ Письма Н. М. Карамзина к Лафатеру. См. указ. изд., с. 1.

²² См.: Канунова Ф. З. Из истории русской повести. Томск, 1967.

рошее в немецкой философии. Она возвышает душу, делая ее деятельнее, она больше возбуждает энтузиазм». И далее интересное сравнение немецкой и французской философии с явным предпочтением первой. При этом единственным из французов, для кого Жуковский делал исключение, был Жан Жак Руссо²³.

Показательно, что, характеризуя немецкую идеалистическую философию в цитированном выше письме, Жуковский отмечает в ней деятельное начало («Она больше возбуждает энтузиазм»). Жуковский настойчиво просит Тургенева, снабжавшего его философской и исторической литературой, рекомендовать ему немецкого философа. «Пришли мне какого-нибудь немца-энтузиаста. Мне теперь нужнее такой помощник, *нужна философия, которая бы оживила, побудила мою душу*»²⁴. Библиотека сохранила следы этого увлечения (или во всяком случае внимательного отношения) Жуковского к немецкой философии. Он вдумчиво штудирует труд известного философа и популяризатора немецкой философии Карла Бидерманна «Немецкая философия от Канта до нашего времени»²⁵. Книга содержит любопытные пометы и записи Жуковского.

Говоря о том, что немецкая философия «возбуждает» энтузиазм, Жуковский тем самым указал на важнейшую черту немецкой идеалистической философии. Утратив политическую остроту французского материализма XVIII века, она давала вместе с тем наиболее последовательное теоретическое обоснование проблемы личности и, что было особенно важным, ее деятельной активности и «практического разума». Эта активность усматривалась прежде всего в высшей духовной деятельности личности, что не только импонировало Жуковскому, но и во многом определяло пафос его просветительства.

«ТРАКТАТ ОБ ОЩУЩЕНИЯХ» Э.-Б. КОНДИЛЬЯКА В ВОСПРИЯТИИ ЖУКОВСКОГО

I

В библиотеке Жуковского (коллекция А. Ф. Онегина) находится трехтомное собрание сочинений Э.-Б. Кондильяка²⁶. Следы внимательного чтения и глубоких раздумий поэта мы

²³ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. Изд. «Русского Архива», М., 1895, с. 22.

²⁴ Там же.

²⁵ Bieder mann, Karl. «Die deutsche Philosophie von Kant bis auf unsere Zeit, ihre wissenschaftliche Entwicklung, und ihre Stellung zu den politischen und socialen Verhältnissen der Gegenwart. Leipzig, 1842.

²⁶ Condillac, Etienne. Oeuvres de M. l'abbé de Condillac, v. 1—3, Paris, 1777: v. 1. Essai sur l'origine des connaissances humaines, 283 p., v. 2. Traité des Systèmes, 334 p., v. 3. Traité des Sensations, 521 p.

находим в третьем томе, содержащем основное произведение философа, его «Трактат об ощущениях».

Обширными записями Жуковский снабжает вторую главу трактата — «Об операциях разума у человека, ограниченного чувством обоняния, и о том, как различные степени удовольствия и страдания становятся принципом этих операций». Маргиналии Жуковского на полях этой главы составляют около 20 страниц французского текста.

Датировать это чтение Жуковского очень трудно. Судя по почерку, оно относится к середине 20-х годов, хотя уже молодой Жуковский, начинающий литератор, был заинтересован Кондильяком, имел представление о значительности этого философа. Так, в «Росписи» 1805 г., в разделе «Метафизика и Логика» есть указание на Кондильяка: названы три его труда: «Логика», «Искусство рассуждать и мыслить» и «Трактат об ощущениях»²⁷. О явной заинтересованности Жуковского философией Кондильяка говорит и внимательное чтение раздела о Кондильяке в «Лицее» Лагарпа²⁸. Жуковский вообще очень внимательно прочел 15-й и 16-й тома «Лицея» Лагарпа, посвященные французской философии XVIII века. V глава 15-го тома «Лицея», где речь идет о философских трудах Кондильяка, содержит многочисленные пометы Жуковского.

Чтение Лагарпа носит прежде всего познавательный характер. Жуковский отмечает особым знаком²⁹ (—) на полях обобщающие характеристики Кондильяка как крупнейшего французского философа XVIII в., развившего на французской почве идеи Локка. Приведем несколько примеров такого выделения.

«Каждое из его (Кондильяка.— Ф. К.) произведений успешно развивало и ставило на рассмотрение философию почти новую, по меньшей мере для французов, у которых она была почти совсем или неизвестна, или не признана: это была философия Локка, и слава Кондильяка — быть первым учеником этого знаменитого англичанина...» (15, 136) «Он даже пролил новый свет на открытия английской философии; он сделал их так сказать ощутимыми, и благодаря ему они стали всеобщими и понятными. Одним словом, разумная метафизика начинается с трудов Кондильяка, и в этом смысле он должен быть причислен к небольшому числу людей, которые двинули вперед науку»... (15, 137).

²⁷ «Logique de Condillac». «Art de raisonner, art de penser», par Condillac, «Traité des Sensations».

²⁸ Lycée, ou cours de l'ittérature par J. F. Laharpe, t. 15, 1703. (Чтение 1805—1806 годов см. в спец. разделе «Жуковский — читатель «Лицея» Лагарпа»).

²⁹ На обложке каждого из двух томов «Философских сочинений» Д. Юма Жуковский дает систему своих читательских знаков и их объяснение:

? — сомн.<ительно>

— — — распротр. ид.

NB гл. идея

(Oeuvres philosophiques de M. D. Hume. Traduites de l'Anglais A. Jondres, 1788, v. 1—2). Чтение примерно 1806—1810 годов. Используемый часто при чтении Лагарпа знак — — — означает, таким образом, главную идею.

Далее, читая Лагарпа, Жуковский обращал преимущественное внимание на те вопросы философии, которые непосредственно пересекались с нравственными проблемами. С этой точки зрения особенное внимание он уделял труду Кондильяка «Очерк происхождения человеческих знаний», где вопросы нравственного развития человека в связи с развитием просвещения ставятся особенно остро. Так, Жуковский прямой вертикальной отчеркивает характерные в этом отно-

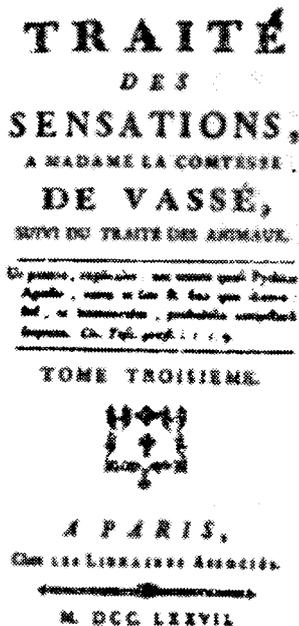

Рис. 8. Титульный лист «Трактата об ощущениях» Э.-Б. Кондильяка

шении слова Кондильяка: «*Мы можем с помощью размышления или просвещенности другого человека исправить наши идеи... в основе наших недостатков и пороков лежат неверные суждения*». (15, 142). Далее подчеркивается и следующая за этим мысль Кондильяка об органической сопряженности просвещения и нравственности. «*Средство стать лучше — быть более просвещенным*» (15, 143)³⁰. Подобных помет много (с. 144, 145, 152 и др.).

³⁰ Жуковский подчеркивает слова Кондильяка о «точке пересечения метафизики и морали» («Лицей», 15, 139).

Другой труд Кондильяка, ставший предметом внимания Лагарпа,— это его знаменитый «Язык исчислений». Жуковский очеркивает ряд мыслей Кондильяка о происхождении языка, о связи языка и национальных особенностей народа, о соотношении языка и мысли, языка и идеи (с. 189, 191, 195, 197, 198, 199, 201).

Ни одной пометы Жуковского, относящейся непосредственно к «Трактату об ощущениях» в «Лицее» Лагарпа, мы не находим. Потребность в целенаправленном чтении программного труда Кондильяка пришла, по всей вероятности, позднее, во второй половине 20-х годов, когда и эстетические, и общественные искания Жуковского приводят его к настоящему изучению психологии. Об этом говорят и записи Жуковского в дневнике, и наброски его статей, и его педагогическая деятельность.

В бумагах поэта имеется план задуманной статьи, очень близкой по проблематике и затронутым в ней вопросам к «Трактату об ощущениях» Кондильяка и относящейся к середине 20-х годов. Достаточно прочитать уже начало статьи: *«Органы чувств — двери, открытые внешнему. Впечатления чувственное. Действие внешнее на органы чувств. Смутное ощущение души и т. д.»*³¹. Здесь — те же вопросы деятельности чувств и знаний и вообще природы душевной деятельности человека, которые были в центре внимания автора «Трактата об ощущениях». Это могло волновать Жуковского-поэта 20-х годов в связи с глубокой эволюцией его психологизма и новыми жанровыми исканиями.

Однако «Трактат об ощущениях» Кондильяка мог заинтересовать не только Жуковского-поэта, но и Жуковского-педагога. К 1826 г. относится его «План учения наследника цесаревича»³², в котором главную роль играют «антропологические науки» — история, география, политика, философия, «то есть науки, — поясняет Жуковский, — имеющие предметом человека» (с. 136). И далее, говоря в плане о втором периоде образования — юношеском, Жуковский в качестве главных выделяет те вопросы о человеке, постижение которых требует глубокого изучения психологии. Характеризуя некоторые из таких вопросов, он пишет:

«1. Человек отдельно.

Физический. Общее понятие о строении человеческого тела.

Нравственный. Общие понятия психологии» (с. 138).

Глубокая заинтересованность Жуковского вопросами философии, психологии, нравственности характеризует круг его

³¹ Бычков И. Бумаги В. А. Жуковского. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887, с. 149.

³² Жуковский В. А. Полн. собр. соч. в 12-ти томах. Под ред. А. С. Архангельского. Т. IX, СПб., 1902, с. 135—147.

DES SENSATIONS. 35

deux me paroit devoit être un même
pour ces deux états.

C'est la connaissance des corps ado-
rissimes, comme dans le verrouillage, et
qui nous a appris à reconnaître deux
objets dans une troisième. Après avoir
vu deux corps de bois ensemble et non jointifs
de, ceux les avons senties ensemble; Et
par là nous avons appris que la Sente-
nce des deux corps ensemble sont sur nous
et d'un seul de deux corps. On ne peut
avoir de la même, nous ne distinguons
pas entre eux qui dominent; Et même nous
avons appris par le distinguement, à
savoir que l'un est avec l'autre d'un, pour
savoir que nous ne pouvons. Et par là nous avons
appris de reconnaître à peu près, que
les deux objets ensemble sont ensemble; et
par là nous avons appris, Et la même il nous
apprennent d'être en nous en nous
deux; Et plusieurs il a en réalité
un seul.

Il nous semble donc dans certains cas
particuliers d'un de son existence, elle
ne suppose donc pas qu'elle est tout le
deux en deux moments. Mais lorsqu'on
appréhendé après à son existence à part
seule, elle lui semble insensible; Et nous
savons qu'elle est. Cela ne nous parait pas
multitudinal. Car ignorons quelles les
sensations de deux corps différents, nous
ne pour lui faire supposer que ce sont
deux qu'elle éprouve, et même

*Il nous semble donc dans certains cas
particuliers d'un de son existence, elle
ne suppose donc pas qu'elle est tout le
deux en deux moments. Mais lorsqu'on
appréhendé après à son existence à part
seule, elle lui semble insensible; Et nous
savons qu'elle est. Cela ne nous parait pas
multitudinal. Car ignorons quelles les
sensations de deux corps différents, nous
ne pour lui faire supposer que ce sont
deux qu'elle éprouve, et même*

Рис. 9. Записи Жуковского при чтении «Трактата об ощущениях» Э.Б. Кондильяка

чтения второй половины 20-х годов. В это время им внимательно изучен начальный курс философии проф. Снелля, изданный в 1821 г.³³ и написанный под несомненным влиянием «Трактата об ощущениях» Кондильяка.

Все это так же, как и почерк Жуковского, позволяет отнести его чтение «Трактата об ощущениях» Кондильяка примерно ко второй половине 20-х годов. Приведем полный текст замечаний Жуковского, сделанных им на полях второй главы трактата на французском языке.

II

Текст Кондильяка *

Гл. II. Об операциях разума у человека, ограниченного чувством обоняния и о том, как различные степени становятся принципом этих операций. с. 11, § 1

При первом же ощущении запаха способность ощущения нашей статуи находится вся под впечатлением, испытываемым ее органами. Это я называю вниманием.

§ 2

С этого момента она начинает наслаждаться или страдать; действительно, если способность ощущения вся заполнена приятным запахом, то мы имеем наслаждение; если же — неприятным, то мы имеем страдание. § 3

Но у нашей статуи нет еще никакого представления о различных изменениях, которые она может испытать. Поэтому она чувствует себя хорошо, не желая ничего лучшего, или чувствует себя плохо, не желая чувствовать себя хорошо. Страдание не может заставить ее желать блага, которого она не знает, точно так, как наслаждение ее не может заставить ее бояться неприятностей, которых она тоже не знает. Следовательно, как бы неприятно ни было первое ощущение, даже если бы оно вызывало острое страдание в органе обоняния, оно не может дать место желанию. с. 12, § 3

Если у нас страдание всегда сопровождается желанием не страдать, то о статуе мы это не можем сказать. Страдание вызывает в нас это жела-

Замечания
В. А. Жуковского

Si cette odeur a commencé avec l'existence du sens de l'odorat, elle ne peut donner lieu au désir: mais si la statue peut se ressouvenir d'un état où elle n'avait pas aucune odeur, alors, elle peut désirer qu'elle cesse, d'après la sensation agréable ou désagréable, qu'elle produit et ce sera un désir. L'état où la statue n'a aucune sensation n'est pas un état de héant, mais un état de vie non développée.

La statue n'est pas une statue ordinaire si il ne lui manque que l'existence extérieure et la capa-

³³ Shell, Friedrich Wilhelm Daniel. Lehrbuch für den ersten Unterricht in der Philosophie. Gissen, 1821.

* Перевод О. Б. Кафановой, сверено с перев. П. С. Юшкевича в кн. Э. Б. Кондильяк. Трактат об ощущениях. М., 1953.

ние лишь потому, что указанное состояние нам уже известно...

Но статуя... не знает, что она может перестать страдать. У нее нет еще никакого представления об изменении, последовательности, длительности...

Когда она заметит, что может перестать быть тем, что она есть., у нее зародятся желания. Такова та уловка, благодаря которой удовольствие и страдание становятся единственным принципом, обуславливающим операции ее души и подготавливающим ее постепенно ко всем тем познаниям, к которым она способна;

с. 15, § 12

Но статуя, не будучи в состоянии догадаться о действии на нее внешних предметов, не может провести различия между причиной, находящейся в ней, и причиной, находящейся вне ее. Все эти изменения найдутся по отношению к ней в таком положении, как если бы она была обязана ими самой себе, и независимо от того, испытывает ли она ощущение или о нем только вспоминает, она не замечает никогда ничего другого, кроме того, что она была или есть такая. Она не сумела бы, следовательно, заметить никакой разницы между состоянием, в котором она активна, и состоянием, в котором она совсем пассивна.

§ 13

Однако, чем больше память сможет упражняться, тем с большей легкостью она будет действовать. Именно благодаря этому статуя приобретет привычку вспоминать без усилия изменения, через которые она прошла и распределять свое внимание между тем, что она есть, и тем, чем она была. Ибо привычка есть не что иное, как легкость повторения того, что сделали, и эта легкость приобретается повторением действий.

§ 14

Если, понюхав несколько раз розу и гвоздику, она еще раз понюхает розу, то пассивное внимание, производимое обонянием, все будет принадлежать настоящему запаху розы, а активное внимание, производимое памятью, будет разделено между воспоминаниями, которые остаются от запахов розы и гвоздики.

cité d'acquérir des sensations. Mais elle a une existence intérieure car elle a une âme, propre à se modifier par les sensations, sitôt qu'elle aura des organes.

Nous n'existons et ne sentons pas qu'autant que nous recevons les sensations du dehors, donc la statue n'aura aucune existence, si elle n'éprouve aucune sensation.

L'organisation n'est qu'un moyen d'existence, mais n'est pas l'existence même*.

Но она может чувствовать и осознавать только тогда, когда она получит новое ощущение; она получает его не по своему желанию и не вспоминая уже испытанное ею ощущение. Она может себе сказать: я такая, потому что я этого захотела. И я такая, не желая этого.

Первый случай относился бы уже к полученному ощущению, которое она воспроизводит в памяти, а второй — к совершенно новому ощущению.

То есть, чем больше <будут> повторяться, тем глубже будут ощущения. Слабое ощущение, не замененное другим, со временем перестает действовать на нее с помощью памяти, затухает, а вместе с ним и память.

...Иначе модификации были бы каждая особым, изолированным ощущением или способом существования, и память не существовала бы.

* В дальнейшем текст замечаний Жуковского дается в русском переводе.

Впрочем, модификации не могут разделить способность чувствовать, так как сравнивать — не что иное, как одновременно распределить внимание между двумя идеями.

с. 17, § 15

Как только появляется сравнение, так появляется и суждение. Наша статуя не может быть одновременно внимательной к запаху розы и запаху гвоздики, не замечая, что они не адекватны: она не может быть внимательной к запаху розы, которую она нюхает и которую она уже понюхала, не замечая, что они являются одной и той же модификацией. Суждение, таким образом, есть не что иное, как восприятие отношения между двумя сравниваемыми идеями.

§ 17

Она (статуя) совсем не удивлена первому ощущению, которое испытывает, так как она еще не привыкла к какому-либо виду суждений...

Таким образом, она не дорожит ни одним из суждений, которыми обладает, и чем больше она меняется, тем больше должна чувствовать естественную склонность к изменению.

с. 19, § 19

Но если среди ощущений будут такие, которые мало участвовали во внимании, они не оставят после себя никакого впечатления и будут забыты тотчас же. Наконец те, которые поразили ее больше, воспроизведутся в памяти с большей живостью и займут ее настолько, что смогут заставить ее забыть другие ощущения.

§ 20

Таким образом, память есть не что иное, как вереница идей, которые образуют нечто вроде цепи. Это та связь, которая дает средства переходить от одной идеи к другой и вспоминать самые отдаленные. Следовательно, вспоминая идею, которую имели недавно только потому, что воспроизводят в памяти более или менее быстро все промежуточные идеи.

с. 20, § 22

Удовольствия и огорчения бывают двух видов. Одни принадлежат особенно телу, они являются чувственными. Другие заключены в памяти и во всех свойствах души. Они явля-

И что модификации являются последовательными. Потому что ее существование становится ощутимым, начиная с этого первого ощущения, и потому что мы способны удивляться только тогда, когда чувствуем, что существуем.

Она переймет привычку меняться.

Или вскоре слабые ощущения, которые займут интервалы между сильными, не помешают им связаться вместе, они словно не будут существовать.

Разве мы вспоминаем отдаленную идею, только пробегая ряд промежуточных идей? Разве наше желание не может ее выхватить изолированно? Мысли, как мне кажется, классифицируются в нашей голове, мысли одинакового рода связываются теснее и поэтому нельзя вспомнить мысль, не пробежав быстро цепь всех мыслей той же природы, пропуская умышленно промежуточные идеи другой природы.

То есть состояние удовольствия или горя, в котором мы

югся интеллектуальными и духовными. Но это различие, которое статуя не может заметить. Это незнание гарантирует ее от ошибки, которую мы с трудом можем избежать; действительно, эти ощущения не отличаются друг от друга так резко, как мы это думаем. По существу они все интеллектуальны или духовны, потому что ведь ощущает собственно только душа. Но, с другой стороны, они все, если угодно, в известном смысле чувственны и телесны.

§ 23

Удовольствие постепенно может уменьшаться или увеличиваться; уменьшаясь, оно стремится к исчезновению и исчезает вместе с ощущением; наоборот, увеличиваясь, оно может дойти до страдания, ибо раздражение становится слишком сильным для органа чувств.

с. 21, § 23

Таким образом, есть два предмета в удовольствии. Самый слабый — когда ощущение начинается с наименьшей силой, самый сильный — когда ощущение не может увеличиваться, не переставая быть приятным; это состояние страдания.

Впечатление от слабого удовольствия концентрируется, кажется в органе чувств, который передаст ее душе. Но если оно (удовольствие) имеет определенную степень яркости, то сопровождается волнением, которое распространяет его по всему телу. Это волнение является фактом, который нам опыт не позволяет подвергать сомнению.

Страдание может также увеличиваться или уменьшаться; увеличиваясь, оно стремится к полному разрушению животного. Но, уменьшаясь, оно не стремится как удовольствие, к отсутствию всякого ощущения; момент прекращения его, наоборот, всегда приятен.

§ 24

Среди различных степеней ощущения невозможно найти безразличное состояние, как бы слабо ни было первое ощущение, статуя при нем чувствует себя неизбежно хорошо или плохо. Но, испытав последовательно друг за другом самые острые страдания и самые яркие удовольствия, она перестает считать приятными или не-

пассивны, являются таким состоянием, когда наши удовольствия чувственны или телесны, а в активном состоянии они интеллектуальны, духовны.

Когда удовольствие уменьшается, оно постепенно забывается, но оно увеличивается только тогда, когда ощущение, производящее его, увеличивается.

Жуковский зачеркнул слова «le plus violent» и подписал на полях «voisig», т. е. фраза звучит так: это состояние, соседнее со страданием. Оно выражается дрожанием, жеманом, движением.

Страдание, таким образом, не есть отсутствие всякого удовольствия. Это такое состояние, когда душа мучится неприятным ощущением, от которого она желала бы освободиться и которое она хотела бы заменить удовольствием.

Есть срединное состояние между удовольствием и страданием, но оно не может существовать только после сильных волнений.

приятными более слабые ощущения, которые она сравнит с более сильными.

с. 23, § 26

Так, во время тяжелых болезней мы перестаем желать удовольствий, которых мы искали рьяно, и мы думаем только о том, чтобы возвратить здоровье.

Если потребность вызывается менее приятными ощущениями, то надо различать два случая: либо удовольствия, с которыми его сравнивает статуя, были ярки и сопровождались очень сильными эмоциями, либо же они не были столь ярки и не вызывали почти никаких ощущений.

с. 24, § 26.

(Кондильяк различает два случая: первый, когда прошлые удовольствия были яркими и связанными с волнением, и второй — когда волнения почти не было).

В первом случае прошедшее счастье пробуждается с тем большей силой, чем более оно отличается от настоящего ощущения. Волнение, сопровождавшее его, частично воспроизводится и, определяя по отношению к нему почти всю способность чувствовать, оно не позволяет заметить приятные чувства, предшествовавшие ему или следовавшие за ним. Статуя, не будучи рассеянной, лучше сравнивает это счастье с тем состоянием, в котором она находится; она лучше судит о том, насколько оно от него отличается <...>, отсутствие его вызывает самую большую потребность, а обладание им становится самым необходимым благом.

Во втором случае, наоборот, оно воспроизводится с меньшей яркостью: другие удовольствия разделяют внимание <...> Статуя таким образом, не так заинтересована в его возвращении, и она не прилагает к этому все свои способности.

Наконец, если потребность имеет своей причиной одно из тех ощущений, которые она привыкла считать безразличными, то она живет вначале, не ощущая ни горя, ни удовольствия. Но это состояние приравнивается со счастливыми ситуациями, в которых она находилась, становится ей вскоре неприятным.

...Мы сравним наше состояние болезни с состоянием здоровья. Но в состоянии страдания мы также хотим только прекращения мучений, как и здоровья, таким образом прекращение сильного страдания для нас важнее, чем удовольствие, которое может его заменить. Дело в том, что страдание слишком <нрзб.>...

Итак, она (статуя) хочет не только избавиться от неприятного состояния: она хочет заменить его другим, которое сделает ее счастливой. Это совершенно противоречит тому, что было сказано выше. Раньше статуя хотела только перестать страдать, теперь она хочет приобрести только счастье, которое занимает ее всю целиком. Она быстро пробегает промежуточные мысли об удовольствии, не останавливается ни на какой, и привязывается к этой единственной и привлекательной мысли о счастье, которое она желает.

Она не так заинтересована, потому что не уверена в выборе, но она всегда склонна желать изменения, так как <нрзб.> страдание всегда сопровождается желанием <нрзб.> не иметь его.

Иногда статуя в своем состоянии безразличия, не имея никакого желания, любит представлять себе свое прошлое счастье и наслаждается им, когда ее не торопят изменить состояние,

с. 25, § 26

Состояние, которое переживает статуя — то, которое мы называем огорчением. Огорчение увеличивается, оно становится невыносимым, и оно предопределяет все способности к счастью, потерю которого она чувствует. Это огорчение может быть столь же тягостным, как и страдание; в этом случае статуя думает лишь о том, чтобы избавиться от него, и она хватается за все ощущения, способные рассеять его. Но если мы уменьшим тяжесть огорчения, ее состояние будет менее несчастным, для нее будет не так важно выйти из этого состояния, она сможет распределить свое внимание между всеми приятными чувствами, о которых она сохраняет какое-то воспоминание; и тогда удовольствие, с которым она примет самую яркую идею, привлечет к себе все способности.

§ 27

...Когда эти два принципа объединяются, она делает больше усилий для того, чтобы вспомнить, чем она перестала быть, и она менее ощущает то, что она есть в данный момент.

Так как ее способность ощущения обязательно имеет границы, то чем большую часть ее привлекает к себе память, тем меньше ее остается для чувства обоняния.

Если даже действие этой способности довольно сильно для того, чтобы овладеть всей способностью ощущения, статуя больше не заметит впечатления, действующего на ее орган чувства, ... и она представит столь ярко то, чем она была раньше, что ей покажется, будто она продолжает быть им.

Таким образом, постепенно безразличные ощущения могут превратиться в страдание и вызывать настоящее желание изменения.

Опорчение имеет, таким образом, при степени: безразличную, неприятную, невыносимую. В первом состоянии она не высказывает никакого желания, во втором она имеет возможность выбирать, в последнем она только стремится выйти из состояния, ставшего для нее невыносимым.

И может быть оложено <нрзб.> или неудовольствием <нрзб.>, так как контраст того, что она есть, заставляет ее сильнее почувствовать лишнее желание, и она мучится и хотела бы поскорее выйти из этого состояния. Она все больше и больше отвращается от него,

Настоящее ощущение не уменьшится, но внимание разделится между настоящим и прошедшим, это будет способствовать тому, что настоящее не будет столь ошутимым: <нрзб.>, но в нашей статуе внимание и ощущение одинакового выбора.

Воспоминание снимет ее <способность> на некоторое время из настоящего впечатления, это правда, но за воспоминанием <нрзб.> будет следовать близко желание, и статуя больше почувствует цену страдания, тщетно стараясь избавиться от него.

Но если прошлое страдание было бы живее настоящего удовольствия, воспоминание абсолютно поглотило бы настоящее ощущение или значительно бы его ослабило. Если бы это вос-

поминание было отдалено, его впечатление было бы соответственно слабее и в значительном отдалении само стало бы удовольствием, придавая больше силы настоящему удовольствию.

с. 26, § 28

Но если ее настоящее состояние — самое счастливое из всех ей известных, то удовольствие побуждает ее наслаждаться преимущественно им. В этом случае нет причины, способной заставить память действовать с такой энергией в ущерб чувству обоняния, что последнее перестанет испытывать ощущения.

§ 29

Вот два продукта памяти: один — это ощущение, которое воспроизводится так ярко, как если бы оно действовало на сам орган чувства, другой — это ощущение, от которого остается только слабое воспоминание. Таким образом, в действии этой способности есть две степени: низшая, когда она едва дает наслаждаться пережитым раньше, и высшая, когда она дает наслаждаться им с такой силой, как если бы оно переживалось в данный момент.

Существует два рода удовольствия. Один род есть результат приятного ощущения самого по себе, другой является выполнением настоящего желания, возникшего в нас в результате отсутствия удовольствия или мучительного ощущения. Первый род удовольствия яркий, но ему недостает контрастной окраски. Второй род яркий, потому что мы <нрзб.> были лишены его и потому, что чувствовали лишение. Если удовольствием предшествовало страдание, то оно нас удовлетворит тем более, что выиграет в сравнении. Если оно не направит нас во всех отношениях за то, что мы пострадали, оно будет менее ощутимо в сравнении со страданием.

с. 27, § 29

Способность сохраняет название памяти тогда, когда представляет вещи лишь как прошедшие, и она принимает название воображения, когда воспроизводит их с такой силой, что они кажутся настоящими. Т. Е. наша статуя обладает наряду с памятью еще и воображением, причем обе эти способности отличаются друг от друга лишь по степени. Память есть начало воображения, в котором еще мало силы, воображение есть сама память, достигшая всей яркости, на какую она только способна.

Т. к. мы различили два вида внимания, которые происходят в статуе: одно — через обоняние, другое — через память, то теперь мы можем выде-

Воображение есть не что иное, как память во всей ее силе. Но <нрзб.> они отличаются друг от друга, т. е. память представляет нам вещи такими, каковы они есть. Воображение способно представлять их в той форме, которую оно само им придает: оно сравнимо, если можно так выразиться, с <нрзб.> множеством отдельных памятей, из чего оно создает целое, существующее в природе только раздельно и которое память может нам представить лишь частями. Память есть не что иное, как ряд полученных ощущений, а воображе-

лить третий тип внимания, которое осуществляется через воображение и свойством которого является способность задерживать впечатления чувств, чтобы заменить их ощущением, не зависящим от действия внешних объектов.

§ 30

Однако, когда наша статуя воображает себе ощущение, которого она больше не имеет и представляет его себе с такой силой, как если бы она им обладала в данный момент, то она не знает, что в ней имеется причина, вызывающая такие же результаты, как и пахучее тело, которое стало бы действовать на ее органы чувств. Она не может сделать различия между тем, чтобы воображать ощущение, и тем, чтобы иметь его.

Но есть основание предположить, что ее воображение активнее нашего. Ее способность чувствовать полностью отдана одному виду ощущений. Вся сила ее способностей прилагается исключительно к запахам, ничто не может ее отвлечь от этого. Что касается нас, то мы разрываемся между множеством ощущений и мыслей, беспреестанно осаждающих нас; и, оставляя для нашего воображения лишь часть наших сил, мы оказываемся способными воображать только слабым образом.

с. 29, § 31

Впрочем, наши чувства, будучи все время начеку по отношению к нашему воображению, постоянно предупреждают нас об отсутствии объектов, которые мы хотим вообразить. Наоборот, все дает нашей статуе полную волю воображения. Она воспроизводит запах, которым наслаждалась, и она им наслаждается действительно, как будто ее орган обоняния испытывает его воздействие.

Но так как наша статуя может избежать неприятного чувства, только воображая ярко способ существования, который ей нравится, ее воображение более в этом искушено, и оно должно давать результаты, которых бессилино достичь наше воображение.

Как бы ни были удивительны эти результаты воображения, достаточно, чтобы в этом не сомневаться, поду-

ние есть их сумма или результатов.

Третий тип внимания есть, таким образом, второй, достигший такой силы, что первый становится ничем (теряет значение).

Она не заметит только причины чувствования, так как у нее не будет никакого представления о том, что на нее действует: воображение, чувство, воспоминание — для нее только способы существования. Но, получая ощущение, она заметит, что получает его не по собственному желанию, и, представляя его себе, она увидит все это различие. Таким образом, она сможет найти различие между «воображать» и «чувствовать».

Статуя воображает с большей силой, чем мы, потому что в ней воображение является самим существованием, она занимает ее всю целиком. Но мы воображая, предупреждены, что предмет, который мы хотим достичь, находится вне нас, что он не составляет часть нашего существа, и мы менее испытываем его воздействие.

Статуя более заинтересована в том, чтобы воображать: воображение для нее является единственным средством избавиться от неприятного ощущения.

Когда мы погружены в сон, все <нрзб.> к внешним предметам закрыты в нашем индивидууме. Органы расслаблены. Ду-

мать о том, что происходит с нами во сне. Мы видим, слышим, прикасаемся к телам, которые совсем не действуют на наши органы чувств, и имеют все основания считать, что воображение обладает такой силой только потому, что мы совсем не отвлечены во сне множеством идей и ощущений, которые занимают нас наяву.

с. 30, § 32

Однако имеется случай, когда воображение обнаруживает бездеятельность и когда бездеятельна даже память. Это происходит тогда, когда какое-нибудь ощущение достаточно ярко, чтобы поглотить целиком способность ощущения. В этом случае статуя совершенно пассивна. Удовольствие представляет для нее тогда какое-то опьянение, которым она еле-еле наслаждается, а боль — состояние подавленности, при котором она почти не страдает.

§ 33

Но пусть только интенсивность ощущения несколько ослабнет, как немедленно начинают действовать способности души, и потребность становится снова обуславливающей их причиной.

§ 34

Изменения, которые должны больше нравиться статуе, не всегда являются последними из тех, что она получила. Они могут находиться как в начале или в середине цепи ее познаний, так и в конце. Таким образом, воображение должно быстро пробежать весь ряд промежуточных мыслей. Оно сближает самые отдаленные идеи, изменяет порядок, который они имеют в памяти, и образует из них совершенно новую цепь.

с. 30, § 34

Связь идей не следует, таким образом, такому же порядку в этих свойствах. Чем более простым станет тот порядок, который она заимствует у воображения, тем менее она будет сохранять порядок, данный ей памятью. Тем самым, идеи связываются самыми различными способами, и статуя реже будет вспоминать тот поряд-

ок с ее способностями бодрствует и во время передышки от настоящих ощущений. Она занимается лишь воспоминанием о прошлых ощущениях, которое столь ярко, что она воспринимает их как действительные.

Какова же разница между памятью и воображением? Мы получаем ощущения, внимание запечатлевает их в душе; они там сохраняются; память — то, что их хранит. Но когда мы хотим воспроизвести прошедшее ощущение, что его воспроизводит в нас: память или воображение? — Воображение, которое есть не что иное, как память в действии. Оно вызывается потребностью и желанием. Оно выбирает в цепи прошлых ощущений, сравнивает их вновь и создает из них новую последовательность.

Таким образом, мы не можем сохранить в себе естественный порядок связи идей, так как те идеи, которые воспроизвели воображение, остаются, запечатлеваются глубже; те же, которыми оно пренебрегло, ослабляются и <нрзб.> стираются.

Таким образом, существует два порядка связи идей. Один — порядок памяти, другой — воображения. Но воображение образует цепь, преобразуя цепь памяти. При каждом ощущении, заставляющем его действовать, воображение образует новую цепь. То есть оно пробе-

док, в котором она испытала ощущения, чем тот, в котором она их себе воображает.

с. 31, § 35

Но все эти цепи идей образуются лишь благодаря сравнениям, произведенным между каждым звеном цепи и предшествующим и следующим за ним звеньями и благодаря суждениям об их отношениях. Эта связь усиливается параллельно тому, как под влиянием упражнения способностей укрепляются привычки вспоминать и воображать, и здесь кроется источник чудесной способности узнавать ощущения, которые мы уже имели раньше.

§ 36

Действительно, если мы дадим нашей статуе понюхать знакомый запах, то он представляет собой модификацию, которую она сравнивала, о которой она составила свое суждение и которую она связывала с некоторыми звеньями цепи, пробегаемой ее памятью по привычке. Вот почему она думает, что состояние, в котором она находится, тождественно с тем состоянием, в котором она находилась. Другое дело запах, которого она еще не ощущала: он должен казаться ей совершенно новым.

§ 37

Бесполезно указывать на то, что статуя, узнавая какую-нибудь модификацию, неспособна объяснить себе этого. Причину этого явления так трудно вскрыть, что она ускользает от всех людей, не способных наблюдать и анализировать то, что происходит в них.

с. 32, § 38

Но допустим, что наша статуя в течение долгого времени не думает о какой-нибудь модификации. Что станет за это время с приобретенной ею о ней идеей? Откуда появляется эта идея, когда она затем всплывает в па-

гает цепь идей, накопленных памятью, сравнивает их с настоящим ощущением и образует новую цепь. Связи памяти образуются естественно, без участия статуи. Связи воображения произвольны. Статуя делает выбор идей и связывает их вместе.

Что означает цепь, образованная воображением, и почему ей нужно образовать новую связь? Как только статуя испытывает какое-либо неприятное ощущение, она стремится уравновесить его другим приятным удовольствием. Ее воображение воспроизводит для нее те ощущения, которые она уже испытала...

...и образует новую цепь идей, которые больше всего ее интересуют. Это действие имеет место всякий раз, когда статуя чувствует в этом необходимость, и, т. о., воображение не пробегает больше порядка вещей. Оно извлекает из порядка самые необходимые идеи и меняет <нрзб.> порядок в связи или оставляет его таким, как он есть.

Это должно быть также по отношению к запаху, который стерся в памяти или который должен входить в порядок связи, образованной воображением.

Душа, будучи простым существом, не может получить никакого телесного впечатления. Она возвышается, если можно так выразиться, над телесными впечатлениями. Телесное ощущение вовсе не остается в душе.

мяти? Сохранилась ли она в душе или теле? Нет.

Она не сохранилась в душе, ибо достаточно какого-нибудь расстройства мозга, чтобы стало невозможным вспомнить ее. Она не сохранилась в теле: в нем могла бы сохраниться лишь физическая причина ее, а для этого надо было бы предположить, что мозг остается абсолютно в том самом состоянии, в которое его привело воспоминаемое статуей ощущение. Но как согласовать эту гипотезу с непрерывным движением жизненных духов, особенно при паличии множества идей, которыми обогащается память. Явление это можно объяснить гораздо проще.

Я получаю ощущение, когда в одном из моих органов происходит движение, сообщаемое затем мозгу. Если то же самое движение начинается в мозгу и доходит до органа чувств, то мне кажется, будто я испытываю ощущение, которого я в действительности не имею. Это иллюзия: но если это движение начинается и кончается в мозгу, то я вспоминаю об ощущении, которое я имел раньше.

Таким образом, если какая-нибудь идея воспроизводится в памяти, то это не значит, что она сохранилась в теле или душе.

с. 33, § 38

Цело объясняется тем, что движение, являющееся физическим поводом ее, воспроизводится в мозгу. Но здесь не место для гипотез о механизме памяти. Мы сохраняем воспоминание о своих ощущениях, мы вспоминаем их, даже если мы долго не думали о них: для этого достаточно, чтобы они произвели сильное ощущение или чтобы они произвели их несколько раз. Эти факты дают мне думать, что наша статуя, будучи организована подобно нам, способна, как и мы, обладать памятью.

§ 40

Те же самые причины, которые породили привычки, одни только и способны сохранить их. Я имею в виду то, что привычки утрачиваются, если они не возобновляются время от времени, благодаря повторным актам. Не будь последних, наша статуя не сумела

Но мысль об ощущении, не будучи телесной, остается в ней. Это действие объясняет, если смогут объяснить вещество души. Но эта мысль может восприниматься только вместе с ощущением. Нужно, чтобы мы приблизительно находились в том же состоянии, в каком его получили. Итак, само ощущение не воспроизведется, но воспроизведется его идея или его воспоминание. Если душа уже вынесла свое суждение об одном или нескольких ощущениях, суждение воспроизведется только с ощущениями, которые его произвели. Но так как суждение уже сделано, создается впечатление, будто воспроизводится само суждение, и вот таким образом суждения возобновляются и сохраняются.

Что же означает слово «re souvenir» (вновь вспоминать) об ощущении [или движении]? Это означает воспроизводить в уме движение, произведенное ощущением, т. е. приводить душу в то же самое состояние, в котором она вынесла выше упомянутое суждение. Память есть, таким образом, не что иное, как способность вновь вспоминать.

Как объяснить эту операцию, это действие возобновления идеи, которую узнает статуя? Она имеет множество привычек, без которых эта операция была бы невозможна. Нужно <прзб.> легко вспоминать, сравнивать, судить для того, чтобы узнать; ибо, узнавая ощущение, статуя лишь обращает свое внимание на новое ощущение, которое она сравнивает с другим, представленным ей памятью и которое она относит к тому же роду.

Привычки могут быть только произвольными. Нельзя приобрести привычки, получать ощущения, так как ощущения являются <прзб.> результатом причин, действующих на нас. Мы можем лишь приобрести

вспомнить ни сравнений, произведенных ею по поводу какой-нибудь модификации, ни своих суждений о ней, и она испытает ее в третий или четвертый раз, не будучи в состоянии узнать ее.

с. 34, § 41

Но мы в состоянии заставить упражняться ее память и все прочие ее способности. Для этого достаточно заинтересовать ее различными степенями удовольствия или страдания в том, чтобы сохранить свои модификации или избавиться от них. Поэтому искусство, с каким мы станем регулировать ее ощущение, дает возможность укреплять и все более расширять ее привычки. Можно даже предположить, что она сумеет найти в ряду запахов такие различия, которые ускользают от нас. Так как она вынуждена прилагать все свои способности только к одному виду ощущений, то она сумеет обнаружить более тонкую способность различения, чем мы.

с. 34, § 42

Но сумеет ли она отличить несколько запахов, ощущаемых одновременно? Даже мы приобретаем такую способность различения лишь в результате частых упражнений; да и то она заключена в довольно тесных границах; действительно, не найдется человека, который бы мог узнать по запаху содержимое какого-нибудь сосуда с духами.

с. 35, § 42

Только знакомство с телами, издающими запах, научило нас, как мы попытаемся показать в другом месте, распознавать два запаха в третьем. Понохав по очереди розу и нарцисс, мы затем имели возможность понюхать их одновременно. Благодаря этому мы узнали, что ощущение, вызываемое у нас обоими этими цветками вместе, состоит из двух других ощущений. Если взять множество запа-

привычку направлять внимание, сравнивать, судить, воображать, вспоминать, узнавать.

Нужно <знать> свои ощущения. Нужно, чтобы контраст между приятными и неприятными заставлял ее делать сравнения, вносить суждения, воображать. Но если последовательность ощущений будет слабой, <нрзб.> те, которые последуют, будут всегда более приятными, потребность вспоминать, воображать отпадет, статуя возвратится в свое настоящее состояние. Она будет делать сравнения, выносить суждения; но, будучи счастливой, она не будет такой в действиях. Привычки станут слабее. Нужно желать, чтобы ощущения были таковыми, что заставляли бы душу приобретать привычки.

Сложение запахов будет для нее новым ощущением, которое она узнает, но которое не сможет вспомнить, так как многие из ее прошедших ощущений будут к нему примешаны, и ни одно ощущение не будет таким, каким статуя его получила. Она не узнает этого ощущения, так как она сможет узнавать только то, о чем она вспоминает и что прямо действовало на нее, но она будет иметь смутное и неопределенное воспоминание, так как в этом новом ощущении будет нечто от тех ощущений, которые она последовательно получала.

Видя два тела, издающие запах, мы можем поочередно их понюхать и одновременно вынести свое суждение об ощущении. Это является невозможным для статуи, но я считаю, что статуя может, обращая большое внимание на <нрзб.> ощущение, открыть в нем множество ощущений, которыми она обладала только отдельно.

хов, то мы различим в них только доминирующее, и мы даже не сумеем различить их, если смесь сделана так искусно, что ни один из запахов не преобладает над другими.

В этом случае они как будто сливаются вместе, подобно растертым вместе краскам, они соединяются и смешиваются так основательно, что ни один из них не останется тем, чем он был раньше, и из нескольких запахов получается только один.

Таким образом, если наша статуя в первый момент своего существования ощущает два запаха, то она не станет думать, что ощущает одновременно две модификации. Но допустим, что, испытав их первоначально порознь, она затем станет ощущать их вместе, узнает ли она их? Это кажется мне маловероятным. Действительно, так как она не знает, что они получаются от двух различных тел, то ничто не может заставить ее предположить, что испытываемое ею ощущение состоит из двух других ощущений.

с. 36, § 42

В самом деле, если ни одно из этих ощущений не сильнее другого, то они сольются даже для нас; если же одно слабее, то оно лишь слегка изменит более сильное ощущение, и взятые вместе они станут казаться какой-то простой модификацией. Чтобы убедиться в этом, было бы достаточно понюхать запахи, которые мы не привыкли относить к различным телам; я убежден, что в этом случае мы не решились бы утверждать определенным образом, имеем ли мы дело с одним запахом или несколькими. Но в таком именно положении находится наша статуя.

Т. о., она приобретает способность различения лишь благодаря вниманию, оказываемому ею в одно и то же время некоторой модификации, которую она испытывает в данный

Ощущение, состоящее из многих, будет одновременно известно и неизвестно статуе. Известно, потому что в нем нет ничего, чего бы статуя не испытала один или много раз, — неизвестно, потому, что она никогда не испытывала ничего, что бы не походило на эту смесь. Но если в ней, в этой смеси, будут и известные статуе запахи, они выделятся из известных и заставят статую узнать их. Мы <далее нрзб.>

.....

.....

так как мы одновременно знаем и причины, и результаты. Статуя же знает только результаты и даже не предполагает, что они могут иметь какую-нибудь причину.

Статуя будет иметь две модификации, существующие одновременно, она еще будет вспоминать о многих других. Если одна из настоящих модификаций сильнее других, статуя узнает ее, если она испытала ее ранее; но она увидит, что модификация осталась прежней. Сравнивая, статуя увидит разницу, и, если самую слабую модификацию она тоже когда-нибудь испытала, она ее также узнает; если же не испытала, то с большей легкостью узнает другую модификацию.

момент, и другой модификации, которую она уже испытала ранее.

Следовательно, ее суждения не относятся к двум запахам, ощущаемым одновременно; их предметом являются лишь следующие друг за другом ощущения.

Много ощущений одновременно воспринимаются ею как одно. Она может, таким образом, сравнивать только настоящее ощущение с прошлым, но никогда несколько настоящих ощущений между собой.

III

«Трактат об ощущениях» — основной труд Кондильяка (1754), в котором он, как и в других своих трудах, выступил горячим сторонником и последователем сенсуализма Локка. Маркс в «Святом семействе» дает следующую характеристику автора «Трактата об ощущениях»: «Непосредственный ученик и французский истолкователь Локка, Кондильяк немедленно направил локковский сенсуализм против метафизики XVII века. Он доказал, что французы с полным правом отвергли эту метафизику как неудачный плод воображения и теологических предрассудков. Он опубликовал опровержение систем Декарта, Спинозы, Лейбница и Мальбранша»³⁴.

В «Трактате об ощущениях» Кондильяк стремится исследовать в отдельности каждое человеческое чувство (обоняние, зрение, слух, вкус, осязание) с гносеологической точки зрения.

Кондильяк отвергает наличие какого бы то ни было источника познания помимо ощущений, выводя из них всю интеллектуальную и нравственную деятельность человека. Этот главный тезис Кондильяка последовательно раскрывается и исследуется в «Трактате об ощущениях». Героем этого произведения является статуя, которая постепенно наделяется различными чувствами (обоняния, слуха, вкуса, зрения, осязания). Обогащение статуи каждым новым чувством рассматривается как этап в ее духовном развитии, этап развития ее духовных способностей, превращающих постепенно статую в человека.

В первой части «Трактата об ощущениях» Кондильяк рассматривает чувства обоняния, слуха, зрения, которые не способны сами по себе судить о внешних предметах. Ощущения, получаемые посредством всех этих органов чувств, воспринимаются статуей как модификации ее внутреннего состояния, они не способны дать выход во внешний мир. Однако уже самое примитивное из чувств — обоняние дает представление, хотя и в ограниченном виде, обо всех основных свойствах человеческого познания.

Кондильяк во II главе I-й части «Об операциях разума у человека, ограниченного чувством обоняния, и о том, как различные степени удовольствия и страдания становятся принципом этих операций», внимательно прокомментированной Жуковским, показывает, что статуя начинает испытывать удо-

³⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. II, с. 144.

вольствия и неудовольствия, связанные с ощущением запаха, она начинает различать приятные и неприятные запахи, у нее развивается внимание, память, она приобретает навык сравнивать, судить, различать, воображать и т. д.

Вторая часть «Трактата об ощущениях» посвящена анализу основного, с точки зрения Кондильяка, чувства осязания, благодаря которому статуя выходит за пределы своего сознания и открывает для себя внешний мир. Она начинает постепенно понимать связь своих ощущений с внешними предметами. Свои надежды, желанья, страхи, статуя сейчас понимает как определенное влияние внешнего мира.

В третьей части «Трактата об ощущениях» Кондильяк показывает как величайшее открытие статуей внешнего мира, объективирует и другие чувства, связывает их с внешним миром. Вспоминая в заключении обо всех последовательно пройденных статуей ступенях развития, Кондильяк делает следующие выводы: *«В естественном порядке вещей все происходит из ощущений. Из этого источника черпают все люди... в человеке нет ничего врожденного»*³⁵.

Несмотря на агностицизм Кондильяка, отрицавшего возможность познания внешних предметов, влияющих на органы чувств человека, его трактат содействовал развитию материалистической гносеологии. Вместе с тем по своим философским взглядам Кондильяк был деист. Он признавал наличие первопричины, бога. Этим, так же как и своим сенсуализмом, он был близок Бонне и Жуковскому.

IV

Заинтересованность Жуковского основным трудом Кондильяка не была случайной. Сама проблема происхождения и природы чувств волновала поэта-романтика на протяжении всего его творчества. Если в начале 10-х годов во время внимательного чтения «Созерцания природы» Бонне изучение европейской философии сенсуализма явилось своеобразной предпосылкой поэтического творчества Жуковского, то сейчас, в 20-е годы (скорее всего вторая половина 20-х годов), у него появилась необходимость обобщения своих философских представлений, сведения их в определенную эстетическую систему. Не случайно, как указывалось выше, к концу 20-х годов относится очень интересный замысел его психологической статьи, программа которой сохранилась в бумагах Жуковского.

Возможно между замыслом статьи и чтением Кондильяка есть прямая связь. Вполне вероятно, что чтение Кондильяка

³⁵ Кондильяк Э. Б. Трактат об ощущениях. М., Соцэкгиз, 1935, с. 168.

явилось толчком к написанию такой статьи. Маргиналии Жуковского в определенной мере дают основание для такого предположения.

Жуковский принимает главную гносеологическую посылку Кондильяка: *«Мы существуем и чувствуем только постольку, поскольку мы получаем ощущения извне, следовательно, статуя не будет иметь никакого существования, если она не испытала никакого ощущения»*, — записывает Жуковский в начале II главы «Трактата об ощущениях» (с. 12). Эта мысль многократно варьируется Жуковским в связи с комментированием того или иного положения Кондильяка. Считая душу субъектом психической деятельности человека, или, как он говорит, источником «внутреннего существования», Жуковский вслед за автором «Трактата об ощущениях» признает возможным любое изменение, движение души лишь под влиянием ощущений. *«У нее (статуи. — Ф. К.) есть внутреннее существование, ибо она имеет душу, способную измениться под действием ощущений, как только она приобретет органы чувств»* (с. 12) (выделено везде мною. — Ф. К.). Или: *«Но она может чувствовать и осознать только тогда, когда она получит новое ощущение»* (с. 16).

Признавая главным и единственным источником познаний ощущения, Кондильяк, как известно в своей гносеологической теории был последовательнее Локка, противопоставлявшего чувственные познания рефлекторным. В «Трактате об ощущениях» так же, как и в предшествующих ему трудах, Кондильяк решительно снимает это противопоставление. Так, в § 22, говоря о двух видах удовольствия и страданий — телесных (чувственных) и интеллектуальных — Кондильяк уточняет это следующим образом: *«Действительно, эти ощущения не отличаются друг от друга так резко, как мы это думаем. По сущности они все интеллектуальны, или духовны, потому что ощущает ведь собственно только душа. Но с другой стороны, они все в известном смысле чувственны и телесны»* (с. 20). Жуковский, соглашаясь с этим совершенно, дает этой мысли психологическое развитие: «Состояние удовольствия или горя, в котором мы *пассивны*, является таким состоянием, когда наши удовольствия чувственны (*sensibles*) или телесны (*corporels*), а в активном состоянии они интеллектуальны, духовны». Отсюда следует еще одно очень важное гносеологическое положение Кондильяка, принятое Жуковским. В отличие от Локка, приписывавшего воле самостоятельную, независимую от чувств и рассудка силу, Кондильяк утверждает сенсуалистскую природу воли, которая подчиняется и управляется разумом и чувствами. Жуковскому это чрезвычайно важно. В своей концепции личности он исходит из понимания человека как существа активного, способного к нравственной саморегулировке и усовершенствованию.

В дневнике 20-х годов он много раз говорит о разумном и деятельном целевом воспитании воли человека. Так, запись 1821 г.: «Гулял в Thi'ergarten. Прекрасное утро, которое подействовало на душу <...> Отчего этот прилив и отлив? И это возвращение хорошего без твоего ведома не есть ли доказательство, что оно в тебе и требует только для тебя понуждения, чтобы пробудиться и быть всегда пробужденным. Если утро ясное может дать душе более нравственного достоинства, как будто против ее воли, то почему не может того же *свободная воля*. Но воля живет деятельностью»³⁶.

Как уже указывалось в главе о Бонне, Жуковский считает первоочередной обязанностью любого человека сознательную и активную направленность его жизнедеятельности. «Вы можете быть деятельны с пользой...,— пишет он в 1823 г. Кюхельбекеру,— Составьте себе характер, составьте себе твердые правила, понятия ясные; если вы несчастны, боритесь твердо с несчастьем, не падайте,— вот в чем достоинство человека!»³⁷. Как никогда остро отстаивает Жуковский в 20-е годы активность и свободу нравственного выбора человека.

Таким образом, последовательная сенсуалистская гносеология Кондильяка, просветителя, друга Дидро, могла привлечь Жуковского своей активной нравственно-этической направленностью.

Большая часть замечаний Жуковского — своеобразный конспект «Трактата об ощущениях», выполненный с хорошим пониманием исследуемого предмета. Мысли Жуковского как бы варьируют, уточняют, углубляют мысли Кондильяка, очень часто психологически развертывают их. Прослеживая вслед за Кондильяком, каким образом на основании обоняния у статуи вырастают все основные человеческие свойства — удовольствие, неудовольствие, внимание, память, последовательность ощущений и т. д., Жуковский делает акцент не столько на философско-гносеологическом, сколько на психологическом аспектах восприятия. Так, например, к рассуждению Кондильяка о том, как статуя приобретает способность *вспоминать*, то есть распределять свое внимание между тем, *что есть* и тем, *что было*, Жуковский делает запись: «*То-есть, чем больше будут повторяться, тем глубже будут ощущения. Слабое ощущение, не замененное другим, со временем перестает действовать на нее с помощью памяти, затухает, а вместе с ним и память*» (С. 16). В этом же плане дается комментарий Жуковского с. 17, 20, 23 и др.

В стиле записей Жуковского можно выделить несколько характерных черт. Как правило, он на основании подробных

³⁶ Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1901, с. 98.

³⁷ «Русская старина», 1902, № 4, с. 179.

рассуждений Кондильяка дает резюмирующий психологический комментарий. Даже стилистически это звучит как вывод, резюме.

«Итак, она хочет не только избавиться от неприятного состояния, она хочет заменить его другим». (с. 24).

«Таким образом, постепенно безразличные ощущения могут превратиться в страдания и вызвать живое желание перемен» (с. 25).

«Огорчение имеет, таким образом, три ступени» (с. 25).

(См. также с. 12, 16, 19, 21, 24, 25, 26 и т. д.).

Принимая основные гносеологические положения Кондильяка и развертывая их в психологическом аспекте, Жуковский, как нам представляется, обнаруживает большую гибкость и диалектичность в понимании психологической жизни человека. Рационализму в рассуждениях Кондильяка, метафизической разобщенности в его анализе ощущений человека и их взаимодействиях Жуковский противопоставляет элементы диалектичности, сложности, смешанности в понимании и выражении душевного мира человека. Приведем примеры.

Кондильяк

Следовательно, вспоминают идею, которую имели недавно, только потому, что воспроизводят в памяти более или менее быстро все промежуточные идеи...

Страдание может также увеличиваться или уменьшаться, увеличиваясь, оно стремится к полному разрушению животного (l'animal). Но уменьшаясь, оно не стремится как удовольствие к лишению всякого чувства, момент прекращения его, наоборот, всегда приятен.

Жуковский

Разве мы вспоминаем отдаленную идею, мысль, только пробегая ряд промежуточных идей? Разве наше желание не может ее выхватить изолированно?

Страдание, таким образом, не есть отсутствие всякого удовольствия. Это такое состояние, когда душа мучится неприятным ощущением, от которого она желала бы освободиться и которое она хотела бы заменить удовольствием.

То есть, подчеркивая сложность данного психологического состояния, Жуковский далее акцентирует на этом свое внимание: это состояние

«есть серединное... между удовольствием и страданием, но оно может существовать только после сильных ощущений, которые делают безразличными менее сильные ощущения».

Стремление Жуковского отказаться от рационалистического понимания чувств, придать им сложный характер смешанности, полутонов, отличает многие его замечания. Так, комментируя Кондильяка и смягчая его категоричность, в § 23 Жуковский записывает на полях: «Это состояние *sosede*»

нее со страданием. Оно выражается дрожанием, жестами, движением». Последнее замечание весьма существенно для поэта-романтика, для которого сам характер выражения (жесты, телесные движения) подчеркивает неповторимую сложность данного психологического состояния человека. Не случайно в задуманной статье на психологическую тему Жуковский выделяет в качестве отдельного пункта плана «смутное ощущение души». Это имело принципиальное значение для эстетики «невыразимого».

Диалектичность мышления Жуковского в его психологических комментариях проступает неоднократно. Очень интересно в этом отношении размышление Кондильяка о «двух продуктах памяти» (§ 29) и развитие этой мысли Жуковским.

Кондильяк

Вот два продукта памяти: один — это ощущение, которое воспроизводится так ярко, как если бы оно действовало на сам орган чувства, другой—это ощущение, от которого остается только слабое воспоминание.

Жуковский

Существует два рода удовольствия. Один род есть результат приятного ощущения самого по себе, другой является выполнением настоящего желания, возникшего у нас в результате отсутствия удовольствия или мучительного ощущения.

Далее это психологическое развитие мысли Кондильяка получает у Жуковского диалектическую мотивировку: «Первый род удовольствия, яркий, но ему не *доставает контрастной окраски*». В своем стремлении к психологической мотивировке чувства Жуковский приходит к требованию контраста как побудительной основы в движении эмоции.

Развитие чувства возникает из внутренней конфликтной психологической ситуации. «Если *удовольствию предшествовало страдание, то оно нас удовлетворит тем более, что выигрывает в сравнении. Если оно не вознаградит нас во всех отношениях за то, что мы выстрадали, оно будет менее ощущимо в сравнении со страданием*».

Интересные мысли, важные для понимания эстетических представлений Жуковского, высказывает он в своих замечаниях к тем параграфам «Трактата об ощущениях», где речь идет о характере воображения статуи и отличии его от воображения человека и где ставятся вопросы о соотношении памяти и воображения, ощущения и суждения (идеи).

Не претендуя на всесторонний анализ маргиналий Жуковского, требующих специального философского и психологического исследования, укажем лишь на некоторые мысли наиболее важные, с нашей точки зрения, для понимания эстетики Жуковского. Значительный интерес представляет замечание Жуковского о характере воображения человека к § 31 «Трактата об ощущениях», где Кондильяк говорит

о большей активности воображения статуи, в силу того, что, во-первых, ее способность чувствовать полностью отдана *одному виду ощущений*. В то время как человек наполнен *множеством ощущений*. И, во-вторых, в силу субъективности ощущений статуи, которая не догадывается о существовании внешних предметов — источника ощущения. Жуковский, комментируя это, как бы приткрывает свое понимание природы воображения человека, подчеркивая его объективное начало. *«Статуя воображает с большей силой, чем мы, потому что в ней воображение является самим существованием, оно занимает ее всю целиком. Но мы, воображая, предупреждены, что предмет, который мы хотим достичь, находится вне нас, что он не является частью нашего существа»* (с. 29).

Этот элемент объективности (мы, естественно, говорим об объективности идеалиста) в суждениях Жуковского отчетливо проявляется в его характеристике сновидений, в которой связь с ощущениями объективного мира играет значительную роль. *«Когда мы погружены в сон, — пишет Жуковский, — душа с ее способностями бодрствует и во время передышки от реальных ощущений она занимается лишь воспоминанием о прошлых ощущениях, которые столь ярки, что она воспринимает их, как действительные»*. То есть аналогом ощущений души в сновидениях являются реальные ощущения в действительности. И это несмотря на идеалистическое представление о душе как о явлении надматериальном.

Существенны комментарии Жуковского к рассуждениям Кондильяка о соотношении памяти и воображения, которые углубляют его понимание последнего и дают представление о гносеологической природе воображения. Определяя *«воображение как память в действии»*, Жуковский пишет о том, как оно *«выбирает в цепи прошлых ощущений нужные для него в данный момент, сравнивает и вновь создает из них новую последовательность»* (с. 36). Воображение, по мнению Жуковского, создает новую связь идей, преобразуя связь памяти. *«То есть, — пишет Жуковский, — оно (воображение. — Ф. К.) пробегает цепь идей, накопленных памятью, сравнивает их с настоящим ощущением и образует новую связь»*. Следовательно, в основе сложной диалектической связи опыта, накопленного памятью, и воображения лежат те же ощущения, образующие в данном случае опосредованно связь с жизнью. Мысль о новой связи идей, преобразующей представления памяти и отвечающей новому характеру ощущений, кажется чрезвычайно важной для понимания психологии художественного творчества.

Почти во всех суждениях Жуковского просматриваются два плана. С одной стороны, в понимании Жуковским природы чувства, «ощущений» человека все время присутствует объективный план. С другой стороны, комментируя Кондильяка.

поэт-романтик делает акцент на имманентном существовании души с ее сложной и непознаваемой жизнью. Лучше всего оба указанных плана проявляются в тех записях Жуковского, где речь идет непосредственно о душе и ее модификациях. *«Душа,— пишет Жуковский,— будучи простым существом, не может получить никакого телесного впечатления. Она возвышается, если можно так выразиться, над телесными впечатлениями. Телесное ощущение вовсе не остается в душе». Этот идеализм и агностицизм Жуковского осложняются, как только речь заходит о самом процессе душевной жизни человека, в котором ощущения играют большую, хотя и опосредованную роль. Вслед за только что приведенными строками о душе Жуковский пишет: «Но мысль об ощущении, не будучи телесной, остается в ней... Та мысль может вспомниться только вместе с ощущением... Итак, если само ощущение не воспроизводится, то воспроизводится его идея или его воспоминание. Если душа уже вынесла свое суждение об одном или нескольких ощущениях, суждения воспроизводятся только с ощущениями, которые его произвели».* (с. 32).

Примерно в то же время, что и «Трактат об ощущениях», Жуковский очень внимательно читает книгу профессора Снелля *«Начальный курс философии»*, в которой особенно тщательно изучает раздел «Эмпирическая психология». В главе «Всеобщие наблюдения над душой и ее связью с телом» очень много подчerkиваний Жуковского. Так, им подчеркнут весь § 16 о «душе»: *«Человек состоит из плоти и духа (души — seele). Душа — это то существо, которое получает представления и впечатления о внешних предметах посредством глаз, ушей и других чувств, и через некоторое время может их вспоминать, которое в нас думает, судит, размышляет и сравнивает, движется приятными и неприятными чувствами, принимает и отвергает в зависимости от того, приятно это или неприятно, полезно или вредно, хорошо или плохо для нее. Все это формирует самосознание».* Жуковский подчеркивает весь этот абзац, а под ним пишет «самочувствие», «самопознание». Он подыскивает, очевидно, ряд слов, близких по смыслу к слову «самосознание». И далее, в каждом следующем параграфе он тщательно выделяет мысли о связи души с внешним миром, о том, как она получает представления о «вещах мира» и как она связана с телом (с. 13—21). Написанная под несомненным влиянием Кондильяка «Эмпирическая психология» Снелля популяризирует вместе с тем и новейшие немецкие философско-психологические открытия. Этим, очевидно, объясняется особенное внимание поэта к труду Снелля. Во всяком случае чтение Жуковского еще раз подтверждает мысль о необычай-

но возросшем его интересе к проблемам нравственной философии и психологии именно в 20-е годы.

Таким образом, делая краткие выводы из всего сказанного выше о чтении Жуковским Кондильяка, можно отметить следующее.

1. Жуковский принимает главный тезис гносеологической теории Кондильяка об ощущениях как единственном источнике духовной деятельности человека.

2. Активная нравственно-этическая направленность философии Кондильяка импонировала Жуковскому и приобретала в его осмыслении последовательно просветительскую интерпретацию.

3. Развертывая философские гносеологические положения Кондильяка преимущественно в психологическом аспекте, поэт-романтик обнаруживает большую диалектичность в понимании душевного мира человека, что приобретает важный смысл для изучения характера его психологизма.

4. Размышление Жуковского по различным вопросам психологии восприятия человека, его мысли о характере воображения статуи и человека, о соотношении памяти и воображения, ощущения и суждения имеют большое значение для понимания романтической эстетики поэта, ее эволюции в 20-е годы.

Приложение. Чтение Жуковским начального курса философии проф. Ф. В. Д. Снелля

В библиотеке Жуковского, как указывалось выше, имеется экземпляр «Начального курса философии» Фридриха Вильгельма Даниеля Снелля¹. Книга состоит из двух частей.

I часть (190 с.) содержит четыре раздела: «Эмпирическая психология», «Логика», «Метафизика» и «Эстетика».

II часть (90 с.) — три небольших раздела: «Мораль», «Естественное право», «Моральное учение о религии». В книге много помет, в том числе и небольших записей на полях.

Наиболее внимательно прочитаны разделы об эмпирической психологии (наибольшее число помет), логике и морали. Совсем не содержит помет раздел об эстетике, всего несколько помет в разделе о «Метафизике». Чтение Снелля относится, по всей видимости, ко второй половине 20-х годов и имеет целенаправленный учебный характер в связи с педагогической деятельностью Жуковского. Воспроизведем достаточно полно пометы Жуковского в разделах по эмпирической психологии и метафизике как наиболее интересный материал, характеризующий его философское образование.

¹ Snell, F. W. D. Lehrbuch für den ersten Unterricht in der Philosophie. Gissen, 1821.

За отсутствием места комментариев к чтению Жуковским Снелля переносится во II том «Библиотеки Жуковского в Томске». Здесь же мы даем только сам материал, непосредственно связанный с указанными выше трудами Кондильяка и Бонне.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

1. Всеобщие наблюдения над душой и ее связью с телом

§ 16

с. 13. Человек состоит из плоти и духа (души—Seele). Душа—это то существо, которое получает представления и впечатления о внешних предметах посредством глаз, ушей и других чувств, и через некоторое время может их вспомнить; которое в нас думает, судит, размышляет и сравнивает, движется приятными и неприятными чувствами, принимает и отвергает, в зависимости от того, приятно это или неприятно, полезно или вредно, хорошо или плохо для нее. Все это учит самосознанию.

§ 17

Душа в этой жизни связана с телом, которое должно рассматривать как ее орган. Потому что посредством органов чувств (Sinnesverknzeuge) и нервов человека душа получает представления о вещах мира, а когда душа хочет повлиять на предметы мира чувств, она приводит в движение тело, его мускулы, кости, суставы и члены, как того требует ее намерение.

§ 18

Человеческое тело состоит из частей, которые целесообразно соединены. Это — органическое тело (organischer Körper). В органическом продукте природы, например в растении, человеческом теле или теле животного нет ничего лишнего или бесцельного, все его части точно так же в себе целесообразны, как являются средством для сохранения других частей...

с. 14

Рост органического тела — не механическое увеличение; процесс не аналогичный движению песчаных дюн ветром гор, водой, вулканов подземным огнем...

...Так человеческое тело, как органическое существо вырастает из себя по этим законам и при помощи материи, которую себе присваивает, становится той своеобразной формой, которая является наиболее целесообразной для его назначения.

§ 19

с. 15

Нервы — это орудия, с помощью которых душа частично получает впечатления и представления, частично приводит тело в движение. Они имеют своим источником или мозг, или спинной мозг, который связан с мозгом. Отсюда они (нервы) распространяются на все части тела и делятся на большое количество нитей, которые доходят до самых внешних оконечностей членов... Все части тела, в которых находятся нервы, имеют ощущения, например, болевые чувства, когда их ударяют, колот или обжигают.

§ 20

Жизнь, а следовательно, произвольные движения тела имеют свою причину в душе. Потому что материя сама по себе безжизненна. Принцип

жизни поэтому должен находиться в существе, связанном с материей, которое чувствует, имеет представления и стремления.

§ 21

То, что душа и тело состоят в некоторой общности (соединении) и оказывают друг на друга взаимное влияние, становится очевидно из многочисленных опытов; так, например, когда зрительные нервы раздражаются лучами света, а слуховые звуком, душа получает представления о внешних вещах, об их образе, краске, токе и т. д.

Точно так же веселость души благотворна для тела.

с. 16

Пока мы живем в этом чувственном мире, душа может быть действительной только посредством своего органа — тела.

§ 22

Истинный способ, которым тело и душа действует друг на друга, мы не можем объяснить, потому что не знаем, что это за вещи (Dinge an sich — вещи в себе).

Душа не является чувственным существом и не заключена в каком-либо объеме (пространстве — Raum); поэтому нельзя указать на определенное место в теле как на ее местопребывание.

с. 17

II. О чувственности

§ 23

Человек имеет способность посредством впечатлений получать представления о предметах: эта способность называется чувственностью. Изменения, которые производятся в нашей душе объектами, могут быть или впечатлениями о внешних предметах, которые отличны (verschieden) от нас (м. б. вне нас); или ощущениями нашего внутреннего состояния. Поэтому чувственность делится на внешнюю и внутреннюю. Непосредственные представления, которые душа получает при помощи внешней или внутренней чувственности об объекте, называются чувственными воззрениями (Anschauungen).

То, что может восприниматься чувствами, должно быть настоящим (текущим — gegenwärtig), то есть оно должно или само непосредственно действовать на орган, как например пища на язык, или опосредованно, при помощи промежуточной (Dazwischen liegende) материи, как воздух на ухо, световая материя на глаз.

В этом отрывке сначала, следовательно, говорится об обеих этих способностях воспринимать мир вне нас и изменения в нас; далее будут рассмотрены некоторые другие силы (способности — Kräfte) души, которые относятся к чувственности — такие, как воображение, память, чувственное внимание (sinnliche Aufmerksamkeit) и способность делать различия (Unterscheidungsvermögen).

§ 24

Внешние чувства дают нам некоторые представления о свойствах предметов, существующих в пространстве; к таким предметам относится и наше тело...

§ 25

Осязание или ощущение, которое, однако, надо отличать от других состояний души (которые тоже называются ощущениями и будут исследованы).

дованы в дальнейшем) происходит в результате любого, тихого или более сильного давления, которое непосредственно производится предметом (телом — Körper) на какую-либо часть нашего тела (Leib), в которой находятся нервы...

Самое тонкое и самое изощренное (schärfste) осязание осуществляется кончиками пальцев, поскольку там находится множество нервов; это показывает опыт, когда осязается мягкость и тонкость платка или гладкость зеркальной поверхности. Но разности впечатлений, внешние ощущения получают имена, например: нежный, мягкий, твердый, грубый, горящий (brennend), режущий, колющий, щекочущий и т. д. Посредством осязания мы получаем многие понятия о свойствах вещей, например о протяженности, форме твердости, жидкости, гладкости, грубости, движении, покое и т. п.

§ 26

с. 19

Вкус осуществляется нервами языка и неба, которые оканчиваются в сосочках (Wärzchen)...

§ 27

В носу расположено множество тонких (feine) нервов, при помощи которых обоняют. Маленькие частички некоторых испаряющихся тел заносятся воздухом и касаются обонятельных нервов... в результате чего возникают приятные или неприятные запахи.

Чувства вкуса и обоняния во многих отношениях родственны. Потому что оба возбуждаются некоторыми предметами одинаковым образом и поддерживают друг друга при различении противного и вредного от приятного и полезного в блюдах и напитках.

§ 28

Орудия слуха — уши. Звук передается колеблющимся движением воздуха. Внешнее ухо, имеющее форму раковины, улавливает звук и направляет его к барабанной перепонке, которой многие нервы приводятся в движение... Слух — одно из самых изощренных чувств, например, в некоторых обмороках человек слышит, даже когда не ощущает толчков и движений.

§ 29

Глаза — орган зрения. Лучи света, попадающие в глаз от предметов, проходят в нем через различные прозрачные оболочки и жидкости.

§ 30

Некоторые замечания о внешних чувствах

1. Каждый человек имеет свой круг восприятия (Wahrnehmungskreis), который больше или меньше в зависимости от того, хороши, тонки, остры или слабы его чувства...

с. 21

2. а) Истинность внешних ощущений зависит от свойства органа. У кого с ранней юности (детства) нет глаз, ушей (имеется в виду зрение, слух) и т. д., у того нет и представлений, которые создаются посредством этих органов... К этому относится и то, что средства, которыми возбуждаются чувства (при слухе — воздух, при зрении — свет), могут предопределять многие иллюзии; как например, перемена ветра, отражение звука, преломление лучей и т. д.

б) Впечатление не должно быть слишком сильным, потому что возникнет оглушение (шок), и не должно быть слишком слабым, потому что не будет замечено.

с) Душа должна осознавать впечатление и возникающее из него представление: следовательно, она должна употребить на это надлежащее внимание.

3. Каждое чувство можно обострить (изодрить) посредством упражнения.

с. 22

4. У маленьких детей сначала действительно осязание, потом осязание и вкус и под конец зрение и слух. Последние два называются благородными чувствами, потому что их сфера действия наиболее широка; потому что они воспринимают тоньше и яснее; поскольку их ощущения легче всего восстанавливаются воображением, и потому, что они доставляют душе самые обширные и важные воззрения и, следовательно, служат для расширения познания.

Внутреннее чувство — это способность души представлять себе свои собственные изменения;...

Человек имеет сознание, пока он имеет представления, чувства, стремления. В глубоком сне, в обмороке это сознание прекращается (теряется — *hört auf*). Оно делится на 1) Сознание внешних вещей, которые находятся в пространстве.—2) Самочувствие, или сознание изменений состояний души во времени.—3) Самосознание, отчетливое отграничение нашего мыслящего Я от других вещей: представление о том, что мы мыслим, чувствуем, хотим.

с. 23

§ 33

Воображение — это возможность (способность — *Vermögen*) души представлять себе вещи, которые она прежде воспринимала, но которые теперь отсутствуют, например, занятия вчерашнего дня;... эти вызванные воображением представления называются воззрениями воображения (*Anschauungen der Einbildungskraft*). Материал для них всегда должен быть взят из чувственных воззрений.

§ 34

Сюда же относится и способность к поэзии (*Dichtungsvermögen* — возможность творчества) или способность произвольно соединять картины воображения так, что получается целое: представление о Пегасе — продукт творческой возможности, результат отдельного представления отдельных частей лошади и птицы и последующего совмещения этих обособленных частей в совершенно новое целое.

с. 24

§ 35

Не все впечатления могут быть одинаково легко оживлены воображением. Легче всего могут быть возобновлены зрительные представления, труднее — слуховые и осязательные и труднее всего — представления обонятельные и вкусовые;...

с. 25

§ 38

Воззрения воображения пробуждаются по некоторым законам, которые называются законами ассоциации (*Ideenverbindung*).

..Все связи идей объясняются по одному из следующих законов:
1. Закон одновременности и следования; 2. Закон аналогии и противоположности.

1. Чувственные воззрения, которые мы прежде имели одновременно или одно вскоре за другим, пробуждают друг друга.. Одно представление часто рождает целый ряд других представлений. Одно предложение, одно понятие поставляет душе обширный материал для размышлений посредством их связи с другими.

2. Представления, имеющие что-либо общее, пробуждают друг друга: но часто это происходит и с такими, которые противоположны друг другу.

с. 26

...В разговорах по этому закону переходят от одной материи к другой.

с. 27

§ 40

Ассоциациями объясняется также приверженность многих людей к некоторым ошибочным мнениям и суждениям, например, суждение о деньгах, титулах, за или против отдельных наций, религиозных сект, страха перед привидениями и т. д. Потому что часто эти суждения с ранней юности вносятся в душу людьми, которых ценят и любят, эти суждения связываются со многими другими представлениями и тем самым достигают значительной силы: поэтому они могут быть преодолены вполне только более зрелым разумом. Более отдаленно, но этим же (ассоциациями) объясняются симпатия и антипатия, влечение и отталкивание по отношению к некоторым людям, животным, неодушевленным предметам, даже если причины этой склонности или отвращения неизвестны.

§ 42

Польза (Nutzen) от этой способности души (воображения) многосторонняя. Воображение необходимо для открытий (изобретений — Erfindung) в искусствах и науках, в познавательной деятельности. Посредством его приятные и неприятные представления определяют волю к действию...

с. 28

§ 42

Действие воображения простирается гораздо дальше действия чувств; то, что чувства воспринимаются постепенно, воображение представляет (раскрывает — darstellt) душе в одно мгновение.

§ 43

Воображение упражнениями может быть доведено до большого совершенства. Но оно не должно становиться слишком сильным, и всегда должно оставаться подчиненным разуму (рассудку — Vernunft).

§ 44

Деятельностью воображения и законами ассоциаций можно частично объяснить некоторые особые состояния души. Сюда относятся: сновидения (мечты — Träumen), лунатизм (Nachtwandeln), сумасшествие и фанатизм (Schwärmerei).

(мечтательность, экзальтация)

Фанатизм — это состояние, в котором из-за сильных чувств и аффектов принимают воображаемое за действительное... Фанатизм (мечтательность) может быть разделен на теоретический, который упорно настаивает на вере в вещи, рассматриваемые здоровым рассудком как невозможные и вздорные; и практический, который настаивает на выполнении планов, являющихся, на основе спокойного рассуждения, невыполнимыми или незаконными.

Фанатизм — это долго длящееся состояние. От него следует отличать энтузиазм, который является преходящим аффектом, при котором рассудок может быть очень деятельным; например, энтузиазм в больших предприятиях, где нужна большая сила для преодоления трудностей. Восторг (в более высокой степени — восхищение) — это живое ощущение удовольствия во время представления Истинного, Прекрасного и Благого.

с. 32

§ 51

Эстетический фанатик дает себя захватить преувеличенно сильными чувствами при созерцании прекрасных и возвышенных предметов. Он судит произведения изящных искусств не по правилам. Часто мелочные предметы или повседневные происшествия трогают или восторгают его. Эта ошибка называется также сентиментальностью. Кроме этого, существует также метафизический, политический и т. д. фанатизм.

§ 58

с. 34. Память—это способность осознавать, что некоторое представление уже однажды или многократно имелось. Например, когда мы видим, слышим, или воспринимаем другими чувствами -- то, что мы воспринимали когда-либо прежде, или когда пробуждается воззрение воображения, которое мы себе уже много раз представляли, то благодаря способности памяти мы можем осознавать это повторение и вспоминать, где, когда и при каких обстоятельствах мы получали эти представления при помощи чувств или составляли посредством фантазии.

От памяти следует отличать силу воспоминания (Erinnerungskraft) — способность вновь вызывать в душе забытое представление при помощи преднамеренного усилия; при этом проходит целый ряд представлений, связанных с забытым, пока не удастся сделать темное представление вновь отчетливым. Сохранять что-нибудь в памяти — не значит постоянно осознавать это, но значит легко вспоминать это при малейшем поводе.

§ 59

Воспоминание или узнавание вновь уже имевшегося представления может быть отчетливым или смутным в зависимости от количества признаков, по которым я его узнаю;...

§ 60

Память можно разделить на отличную (vorzüglich gute), обыкновенную и плохую...

§ 61

с. 36

Свойства мозга имеют огромное влияние на эту способность души.

§ 62

Хотя хорошая память предполагает многие естественные предрасположения (Anlagen), менее хорошую можно исправить упражнениями, при условии, что естественные или обусловленные случайностью недостатки невелики...

§ 63

с. 37

Способность души осознанно получать впечатления при помощи внешних и внутренних чувств называется силой ее восприятия (Wahrnehmungskraft)... Например, когда я наблюдаю (рассматриваю — betrachte) дом, я замечаю его различные части, а когда я представляю себе их вместе, в моей душе возникает представление о доме.

В большинстве случаев наблюдение и восприятие (Auffassen und Wahrnehmen) происходят почти одновременно, в крайнем случае очень быстро друг за другом.

§ 64

Душа может направить способность восприятия преимущественно на одно или несколько чувственных воззрений (sinnliche Anschauungen) и как бы выделить их из комплекса одновременно действующих на нее впечатлений, чтобы представить их себе отчетливее и живее; эта способность называется чувственным вниманием...

с. 38

Она (т. е. способность) легко утомляет, если велико количество сильных представлений или если они однообразны или являются повторением давно известных представлений.

§ 66

<О различии души человека и животных. У животных нет высшей способности познания>. Поэтому они (т. е. животные) имеют только отдельные познания, а человек — всеобщие. Чувства и воображения или чувственность вообще поставляют разуму отдельные представления как материал, перерабатывая который, разум создает всеобщие понятия, судит о них, делает из суждений выводы. Чувственность — это способность смотреть, разум — способность мыслить.

§ 67

с. 39

Разум — это способность создавать всеобщие понятия из отдельных представлений;... Способность суждения связывает между собой многие понятия;... Рассудок (ум — Vernunft) выводит из многих суждений новое, в результате чего возникают умозаключения.

§ 68

При посредстве опыта разум создает некоторое количество всеобщих понятий, сравнивая многие вещи между собой и выделяя признаки, в которых они согласны (которые им общи — übereinstimmen).

Способность суждения связывает многие понятия: она или придает субъекту предикат, или отказывает ему (субъекту) в нем (предикате), например, Земля — круглое тело; Луна не так велика как Земля... Способность суждения имеет различные степени совершенства. 1) Принимая во внимание охват (Umfang). Некоторые люди, например те, которые знают мир и людей, могут верно судить о гораздо большем количестве вещей, чем другие. 2) Принимая во внимание тонкость. Сюда относится способность усматривать скрытые свойства и мельчайшие различия вещей. 3) Принимая во внимание определенность. Суждение совершенно верно и подходяще, аргументов не слишком мало и не слишком много. 4) Принимая во внимание легкость — когда без большого усилия быстро могут судить о самых запутанных случаях.

§ 70

Делать вывод (заключать—schliessen) — это дело рассудка (Vernunft). Это высшая способность (возможность) познания. Умозаключение содержит три суждения; первое выражает всеобщее предложение (тезис—Satz) или правило; второе утверждает, что некоторый предмет или особый случай подходят под это всеобщее правило; третье, или заключительное предложение, выводится из двух предшествующих суждений.

§ 71

Для всех отправлений (исполнений — Verrichtungen) высшей познавательной способности (возможности) необходимо внимание, которое называется интеллектуальным вниманием, в противоположность чисто чувственному (§ 64). Оно состоит в том, что душа применяет необходимую силу, чтобы удержать ее понятия и чтобы ничто не могло заставить ее ошибиться в сравнении, развитии и обработке этих понятий.

§ 72

с. 41

Поскольку разум имеет дело со всеобщими понятиями, ему нужны известные знаки для этих понятий, для чего применяются слова, поскольку всеобщие понятия мы получаем путем абстракции из многих отдельных вещей. Следовательно, эти абстрактные понятия существуют только в нашем разуме или являются только представлениями, а не реальными (wirkliche) вещами, например, всеобщее понятие о человеке, растении, животном.

Поскольку пронизательность разума связана со знаками, она называется символическим знанием, тогда как чувственная (пронизательность), напротив называется интуитивным знанием...

Когда он (человек) научается обозначать некоторые представления словами, они (представления и слова) связываются между собой, так что при помощи ассоциации (Ideenverbindung) ему вновь вспоминается язык, когда он встречает обозначенное им представление, и наоборот... Язык — это не только помощник для разума и памяти, но и одно из превосходнейших средств для связи людей, поскольку благодаря ему становится возможным взаимный обмен впечатлениями и мыслями.

§ 73

с. 42

Выражать и передавать мысли можно не только словами, но и некоторыми другими способами. Знаки могут быть естественными и искусствен-

ными. (Естественные — смех, слезы, мимика, жесты; искусственные — рисунки, характеры, слова).

Язык слов все же самый удобный для определенного выражения многих мыслей. Он состоит из некоторого количества артикулируемых тонов, которые сами по себе ничего не значат, но применяются как произвольные знаки известных впечатлений и понятий.

Большое количество и разнообразие артикулированных звуков лучше всего приспособлено для того, чтобы различать (обозначать) бесконечное множество мыслей и обозначать определенным образом. Посредством их (слов) мы можем указать не только на настоящее, но и на прошедшее, и на будущее, потому что, напротив, естественные знаки, которые мы применяем (например, телодвижения, мимика, нечленораздельные звуки и т. д.) выражают почти всегда только настоящее чувство, желание, надежду. Они могут быть легко выучены, их легко запомнить и воспроизвести при помощи подражания. Повышением или понижением и многими другими изменениями голоса люди могут указать на различие (разнообразие) их чувств, страстей, темпераментов, характеров и т. д., на бесконечное количество образов этого различия. Во многих обстоятельствах тело может лежать, стоять, сидеть, оно может быть светлым или темным — и эти средства можно применять для передачи своих мыслей. Таковы преимущества словесного языка перед всеми другими способами обозначения мыслей.

с. 43

§ 75

<Многие народы изобрели письменность для обозначения слов. Ее развитие было ступенчатым>. Древнейшим было рисунчатое письмо (Bilderschrift). ...У других <народов> было слоговое письмо, как у китайцев. Самым совершенным является буквенное письмо, одно из прекраснейших изобретений человеческого духа.

с. 44

§ 77

Проницательность (Scharfsinn) — это способность открывать различие вещей.

с. 44

§ 78

Остроумие (Witz) — это способность легко открывать сходство вещей. Совершенно остроумным называется тот, который способен открыть скрытое сходство, которое большинство людей воспринимает не сразу.

с. 45

§ 79

<Из наблюдения современного положения вещей и связи их, из сравнения их с предыдущим опытом человек способен делать выводы, предусматривающие часто будущие события>... Это называется силой предвидения. К ней относится некоторое количество обобщенных познаний, знакомство с историей прошедших времен, счастливая память, для того, чтобы в нужное время вспомнить прошедшие обстоятельства, тонкая наблюдательность, проницательность, остроумие и зрелая способность суждений...

с. 47

§ 82

Гораздо более редкими, чем превосходный гений, но тем более ценными являются: здоровый рассудок, здоровая способность суждения и рассудок или способность понимать (признавать — einsehen) истину, верно судить об отдельных случаях и делать из них правильные заключения. Располо-

жение к этому дает природа, но серьезное, добросовестное, постоянное уп-
ражнение способствует дальнейшему развитию этих душевных сил.

IV. О способности чувствовать

Человек имеет способность чувствовать (Gefühlsvermögen) или способ-
ность ощущать удовольствие или неудовольствие...

с. 48

Выше уже было сказано, что следует отличать внутреннюю способность
чувствовать от внешних чувств, так же, как и внутренние чувства удоволь-
ствия и неудовольствия от внешних ощущений, даваемых внешними чув-
ствами.

§ 84

Свойства любого чувства суть следующие:

1. Оно существует в самой душе (Gemüt) не во вне ее; субъективно,
а не объективно...

2. Оно само по себе не является представлением, но связано с ним,
например, представление о морально хорошем действии связано с чувством
уважения к деятелю...

3. Чувство связано со стремлением сохранить приятное состояние души
или устранить неприятное...

§ 86

с. 49

Кажется неоспоримым только то, что ни одно чувство не является чи-
сто духовным, но каждый раз связано с известными изменениями в телес-
ных органах.

§ 87

Чувства могут быть классифицированы следующим образом:

1. Чувства, возникающие из известных состояний и изменений тела; телесное удовлетворение и боль...

с. 50

2. Чувства, сопровождающие представления воображения, например, приятное чувство при представлении чего-то ожидаемого хорошего.

3. Сочувствие или симпатия, например, радость при виде счастья другого человека.

4. Эстетические чувства, например, удовольствие или неудовольствие при виде прекрасного или безобразного.

5. Чувства, пробуждаемые познаниями разума и рассудка, например, удовольствие при узнавании вновь открытой истины.

6. Моральные чувства, возникающие при суждении о моральном качестве наших собственных и чужих максим и действий.

§ 88

Телесные чувства (ощущения — Gefühle)

Чувство хорошего или плохого вкуса блюд и напитков—приятного и неприятного запаха,—зрения, например, яркий мерцающий свет неприятен для глаз,—слуха, например, нежная, веселая, журчащая музыка производит различные впечатления,—чувства голода и жажды и следующего за ними насыщения,—смена и однообразие пищи,—нежное прикосновение к чувствительным нервам, например, почесывание, равномерное поглаживание, поцелуй. Противоположностью является слишком энергичное сотрясение

или ранение частей тела, например, боль в голове, желудке и т. д., укол, ожог, порез и т. д.

Чувство здоровья, тонус, благополучие, чувство физической силы, мощи и т. д. возникает из равномерного занятия жизненных сил, легкого кровообращения, хорошего пищеварения и т. д. Им противоположны чувства слабости, усталости, пришибленности, меланхолии, робости и т. д. Чувство усталости и следующего за ними отдохновения, освежения, выздоровления после болезни — вследствие сильного нагревания или охлаждения тела — чувства тепла и холода.

с. 51

§ 89

Воображение может трояким образом быть причиной возбуждения чувств:

1. Когда представляют себе прошедшее;
2. Когда думают о будущем;
3. Когда выдумывают состояния, положения, случаи и т. д.

§ 90

Сочувствие или симпатия

Когда мы представляем себе приятное или неприятное состояние другого человека, то посредством воображения мы можем перенестись в это состояние... Из этого возникают чувства совместной радости или сострадания.

с. 52

Антипатия, отвращение по отношению к человеку, беспричинное отвращение к некоторым зверям и неодушевленным предметам являются неприятными чувствами и часто основываются на скрытой ассоциации.

с. 52

§ 91

Эстетические чувства возникают в результате созерцания прекрасного или безобразного предмета, безотносительно к чувственной склонности или к суждению о том, что полезно или же вредно.

Возникает бескорыстное расположение или нерасположение.

с. 53

§ 92

Чувства, возникающие при познавательной деятельности ума и рассудка (*Verstand und Vernunft*)

Познание истины, согласие наших представлений между собой и с объектами приятны. Причины этого приятного чувства суть следующие: занятие мыслительной способности, сознание нашего совершенствования...; Представление о пользе..., и т. д.—Но то, что препятствует рассудку в его деятельности, неприятно, например, неточность (неясность — *Ungewißheit*), сомнение, ошибки.

с. 54

§ 93

Мы ощущаем бескорыстное расположение к нравственно хорошему и чистое уважение к добродетели; напротив, отвращение и презрение к пороку. Но это чувство не является основой в определении того, что правильно и неправильно, хорошо или плохо, потому что только рассудок, а ни в коем случае не чувство может это решить. Но последнее сопровож-

дает приговор рассудка и воздействует как побудительная сила на волю к совершению морально хороших поступков.

с. 54

Когда мы сами в состоянии дать свидетельство добродетельного поведения, мы чувствуем умиротворяющее довольство собой, в противоположном случае нас беспокоит совесть...

с. 55

§ 94

(некоторые замечания о чувствах)

1) ...Чувства телесных органов обычно гораздо сильнее чувств воображения, а последние сильнее чувств, пробуждаемых разумными знаниями (Vernunftskennntnisse) или мыслительной деятельностью (Vernunftshandlung)...

В отношении длительности приятные или неприятные чувства, которые являются более слабыми, продолжительнее живых и сильных...

2) Когда объединяются несколько чувств, их воздействие на волю усиливается: например, благое дело по отношению к человеку, нуждающемуся в помощи, может иметь побудительной причиной не только моральные чувства, но и симпатию, приятное ожидание могущей возникнуть из этого пользы и т. д.

3) В то время, когда познавательная способность занята, сильные чувства не возникают.

V. О способности желать

с. 56

§ 95

Человек имеет способность желать — способность побудить себя самого к действию, чтобы осуществить то, что уже содержится в представлении. Все устремления этой способности суть или желания, или отвержения.

Стремление (Bestreben) не является ни представлением, ни чувством. Но оно связано с чувствами и представлениями. Представление приятно или неприятно для чувства, а это рождает желание или отвращение...

§ 96

Способность желать (Begehungsvermögen) разделяется на низшую и высшую, соответственно чувственную и интеллектуальную (vernünftige). Первая относится к удержанию приятного и полезного и устранению неприятного и вредного. Это — конечная цель чувственной способности желания. Интеллектуальная в основном относится к морально хорошим настроениям и действиям и устраняет (изгоняет — verabscheut) морально плохое.

§ 97

Чувства и разум суть две существенные способности человеческого духа. Следовательно, приятные и полезные предметы также принадлежат к целям его стремлений, как и абсолютное добро <в зависимости от того, приятные или полезные предметы становятся конечной целью стремлений, чувство или разум начинают преобладать в их достижении>. Соответственно возникают 1) чувственно-разумные и 2) разумно-чувственные желания.
с. 57 Стремления первых называются собственно желанием и отвращением, стремления вторых — хотением и нехотением.

§ 98

Побудительные причины (Triebedern), которые определяют человеческую волю, многообразны. Во-первых инстинкты, естественные побуждения (Naturtriebe), которые больше происходят от чувств, нежели от отчетливых и определенных представлений о предмете;... Во-вторых, приятные и неприятные чувства, связанные с представлениями;...

Когда эти стремления к предмету часто удовлетворяются, возникают склонности (Neigungen), продолжающиеся желания... Третий вид побудительных причин для воли суть представления морального разума о том, что само по себе хорошо, что должно и что не должно, правильно (справедливо — recht) и неправильно (несправедливо — unrecht).

§ 100

с. 58

Страсти бывают двоякого рода:

1. Многие состоят в том, что с сильными чувствами связывается горячее стремление удержать что-либо приятное и устранить что-либо неприятное.

2. Привлекающие а) Любовь, живое стремление души вступить в более тесную общность с предметом, совершенства которого ей приятны.

§ 101

с. 60

II. Второй род страстей суть горячие чувства без сильных стремлений и без непосредственной деятельности воли. (Радость — грусть, удивление, зависть, раскаяние).

§ 102

с. 60

Разумная способность желанья относится прежде всего к предметам морального одобрения и неодобрения..

§ 103

с. 61

Отчетливое и живое сознание обязанностей, ранняя и продолжительная (устойчивая — anhaltende) привычка к соблюдению моральных максим, оживление и усиление морального чувства и всех склонностей, которые объединяются им (т. е. моральным чувством) для сохранения морального достоинства человека, внимание к себе и осторожность, необходимая для того, чтобы не поддаться безнравственным склонностям и страстям — таковы средства, которыми сохраняется деятельность и свобода разумной способности желанья...

§ 104

В заключение еще немного о многообразных различиях людей и причинах этого. Эти причины можно разделить на естественные (natürliche) и нравственные (sittliche). Первое частично совсем, частично немного зависят от воли человека; последние же могут произвольно устанавливаться и изменяться человеком...

с. 63

II. Нравственные причины

...Бедные языки содержат почти только выражения для обычных нравственных предметов. Чем более развит язык народа, тем более развитыми являются в целом способности разума и тонкость чувств.

с. 2

Состояние падения
Чувство
Ум
Воля
Благодать

с. 3

МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Введение

§ 1

Моральная философия — наука о законах разума, которые устанавливают, что человек должен делать и позволять (lassen), чтобы достичь своей высшей цели, которую он может иметь как разумное нравственное существо; или чтобы исполнить свой долг.

§ 2

Разум — это способность человека, предписывающая законы, по которым он должен ориентироваться при познании того, что есть, и желании (воли — Wollen) того, что он должен делать. Разум, следовательно, частью теоретичен, частью практичен...

Первый (теоретический разум) изучает логика, второй (практический) — моральная философия.

§ 3

Человеческая способность желать делится на низшую и высшую. Низшая состоит в чувственных склонностях и желаниях, которые имеют своей целью достижение приятных чувств... Высшая, или воля (Willen), определяется к действию понятиями разума (Verstand) и рассудка (Vernunft) (к чему часто присоединяются приятные и неприятные чувства).

§ 4

<Когда волю человека определяют представления о приятном, полезном и т. д., заставляющие ее стремиться к этому и избегать неприятного и вредного>, речь идет об эгоистических стремлениях... Из опыта научаясь, чего требует цель достижения благосостояния, наши средства будут наилучшими... и т. д. В процессе познания используют разум, чтобы должным образом определить объекты привлекательные и отвратительные и выработать себе правила и максимы, согласно которым надо действовать, если хочешь быть счастливым.

Познания человека ограничены и часто обманчивы; даже умнейший человек никогда не может предвидеть точно и определенно следствия своих действий... поэтому эти правила не являются общезначительными и необходимыми.

§ 5

Когда представления разума о том, что справедливо и несправедливо, сообразно долгу и противно долгу, определяют волю, это называется чисто разумным желанием, которое является бескорыстным (uneigennützig). Это бескорыстное побуждение человека относится к нравственному совершенству, как высшей цели человечества, или к уважению и исполнению разумных законов (Vernunftsgesetze).

§ 6

с. 5. Рассудок (Vernunft) учит, что справедливо и несправедливо, сообразно долгу и противно ему и дает чистый нравственный закон делать справедливость и избегать несправедливости, как высшую заповедь любого разумного существа... Моральная философия — это наука, объясняющая не только высший закон, но и производные из него, упорядочивает их и показывает их применение в человеческой жизни, дает средства для добродетели. Источник моральной философии — сам практический разум, а не познание (опыт — Erfahrung). Поэтому ее законы являются абсолютно необходимыми и общезначимыми...

§ 7

...Удовлетворенность собой, почитание бога и людей, надежда на будущее основываются на образовании нравственного разума (Sittliche Vernunft).

§ 8

с. 6

Мы делим эту науку на три отдела. Первый содержит необходимые основные понятия (Grundbegriffe), второй — наши обязанности по отношению к нам самим, другим людям и богу, третий — средства добродетели. (Метафизика нравов, этика, эстетика)...

I. Основные понятия моральной философии

§ 9

Что должны мы делать, если хотим действовать только умно? что должны мы делать, если хотим действовать еще и справедливо?.. Благоразумие (Klugheit) — это соображение следствий действия относительно благодати (Glückseligkeit).

Благоразумие само по себе не противоречит нравственности. Можно быть морально хорошим и при этом благоразумным человеком, если не применять для достижения благодати запрещенных законами разума средств. Но ценность действий из благоразумия и из обязанности (долга) очень различна

§ 10

Действия имеют внешнюю ценность, в зависимости от того, насколько они определены следствиями цели достижения благодати деятелем.

...Если он при всем своем благоразумии и размышлениях тем не менее не достигает своей цели, пропадает и вся внешняя ценность его действия.

Если он (человек) действует не как животное, бездумно, но сравнивает ближайшие и более отдаленные следствия, и пытается достичь наиболее удобно (vorzüglich) те, которые обещают ему более продолжительное счастье; если он выводит законы (правила — Regel) благоразумия из опыта и размышления: причина его действий — только его благо, его польза — и если он достигает своего блага, это придает его действиям все же только внешнюю ценность.

§ 11

Действия имеют и внутреннюю ценность, которая определяется тем, являются ли они сами по себе добрыми или злыми, справедливыми или несправедливыми...

с. 8

...Нужно рассмотреть само действие и его источники, чтобы судить о том, обладает ли оно большей или меньшей ценностью или вообще не обладает таковой.

§ 12

Итак, каждое действие имеет внешнюю или внутреннюю ценность или не имеет никакой. Внутренняя и внешняя ценность могут быть часто объединены. Многие действия имеют внутреннюю, но почти совсем не имеют внешней ценности... многие действия обладают только внешней и совсем не обладают внутренней ценностью, или даже вообще не имеют никакой... наконец, есть действия, не имеющие ни внешней, ни внутренней ценности...

§ 13

Действия, обладающие внешней ценностью... всегда корыстны...

с. 9

§ 14

Действия, обладающие внутренней ценностью, бескорыстны... Внутренняя ценность бескорыстных (uneigennützig) убеждений и действий остается неизменной, успех же может быть таким, какой желателен; например, когда некто хочет достичь блага из бескорыстного расположения, но при этом остановлен непреодолимыми препятствиями, это не умаляет внутренней ценности его убеждений.

с. 9

§ 15

Среди людей всеобщим является чувство почтения к таким людям, которые бескорыстны в своих максимах и действиях и главным образом смотрят на то, что справедливо (gerecht). По отношению к корыстным людям или гораздо более по отношению к их образу мыслей испытывают обычно чувство презрения.

То, что дает нам только внешнюю ценность, льстит нашему самолюбию, мы можем лишь любить, но не уважать... То, что причиняет ущерб нашему самолюбию, но является согласным нравственному закону, мы уважаем, не любя...

Кое-что мы уважаем и любим одновременно, но по различным причинам, например, людей справедливых, которые в то же время являются нашими благодетелями; убеждения, которые делают нас морально более совершенными и одновременно более счастливыми.

§ 16

То, что имеет лишь внешнюю ценность, является только вещью, например, животное, красивый дом; то, что имеет внутреннюю ценность, более ценно, чем все вещи, например, люди как разумно-нравственные существа. Человек не только вещь, но личность. Вещи можно использовать как чистое средство достижения цели, если они для этого нужны; но личность нельзя использовать как чистое средство достижения известной цели, например, нельзя человека продать как животное, дом, сад и т. п.

с. 10

§ 17

Чем больше человек старается сохранить и возвысить ценность, которую придает ему его личность, тем более он достоин уважения... Но стрем-

ление к внешней ценности не приносит собственно уважения, даже если этот человек умен, умеет достигать многих полезных и приятных вещей и не противоречит своим обязанностям, долгу (Pflicht).

Недостаток уважения (Mangel der Achtung) следует отличать от действительного презрения...

§ 18

Добрая воля человека или вообще добродетель — это господствующее убеждение в необходимости действовать бескорыстно, по законам нравственности. Каждое отдельное убеждение и действие, в которых полезное и приятное стремится (nachgesetzt wird) к тому, что имеет внутреннее достоинство, является добродетельным — действия же, имеющие своей целью только достижение собственной выгоды, не являются добродетельными (даже если они и не являются порочными). Они происходят не из долга, но из благоразумия.

с. 11

§ 19

Требование разума ко всем людям состоит в следующем: чтобы они имели добрую волю или были добродетельны... Все остальные свойства духа (воображение, память, остроумие и т. п.) не имеют всеобщей неограниченной ценности. Мы должны ценить эти свойства и стараться их частично добиваться, частично возвышать: но с такой необходимостью, как добрую волю, мы не можем их ценить...

Отсюда следует, что все остальные характеристики (Vorzüge) — здоровье, сила, богатство — так называемые добродетели темперамента (Temperamentstugenden), которые вытекают не из уважения к нравственным законам, а из расположения духа и тела, воспитания и т. д., например, мужество, уверенность, решительность, склонность к состраданию, хорошее настроение и т. п. хотя и являются ценными благами, но не заслуживают такого уважения, как добродетель.

Соответственно тому, что склонности и образ мыслей разных людей различны, они (люди) ценят выше по внешней ценности то одно, то другое благо... Мы не можем требовать, чтобы все люди одинаковым образом признавали эту внешнюю ценность вещей; но разум правомерно требует, чтобы все люди вне зависимости от различия их склонности, признавали внутреннюю ценность добродетели...

с. 12

§ 20

Требование разума, чтобы люди жили добродетельно, называется законом чистого разума, или нравственностью. Потому что она состоит не в предписаниях, подобно тому, как мы лучше всего удовлетворяем наши чувственные склонности и желания по представлениям о том, что нам приятно, но в том, что каждый человек как нравственно разумное существо обязан делать, не допуская детерминированности своих действий представлениями о приятных или неприятных следствиях. Чистый разум в человеке — это законодательная способность для воли, а воля способна повиноваться чувственности. Добродетель — это обуздание чувственности на основах нравственности.

§ 21

Действия, которые производятся только по естественному стремлению, без правил и каких-либо размышлений, не являются ни морально плохими, ни морально хорошими...

с. 13

§ 22

Но если разум человека может действовать, он вырабатывает себе практические правила, по которым он действует. Таковые являются либо правилами благоразумия, либо моральными законами...

Моральные законы и правила благоразумия в известных отношениях различны. Первые являются общезначительными, во все времена необходимо хорошими, потому что они способствуют достижению высших целей человечества; их преступление наказуемо; последние же пригодны только в том или ином случае, содержат некие исключения; следование им или пренебрежение ими может быть полезно или вредно; их исполнение необязательно, и сожаления, а не презрения заслуживает честный человек, если он, чтобы исполнить свой долг, был вынужден преступить какие-нибудь правила благоразумия и тем навлек на себя неприятности.

§ 24

Все морально хорошие действия должны быть производными из моральных законов, а сами законы выводимы из высшего положения нравственности.

§ 25

I. Действуй по таким правилам, или максимам, которые ты хочешь, чтобы были всеобщими законами для тебя и для других...

с. 14

II. Обращайтесь со всеми разумными существами как с самим собой, с другими — не как только со средствами для какой-либо цели, но как с целью самой по себе.

III. Действуй по таким максимам, которые ты мог бы дать государству в разумных существах как законы, если бы был всеобщим законодателем.

с. 15

§ 25

I. Причина самолюбия. Добивайся собственного благополучия: делай то, чтоб обеспечить тебе наибольшее и живейшее удовольствие во всем объеме и на всем протяжении твоего существования. N

...Нужно бы, чтобы было разрешено из каждого закона, например, справедливости, благодетельности и т. д. исключения делать так часто, в какой мере от этого можно с основанием ожидать роста для своего благополучия. Но это не вполне разрешено; следовательно, моральные заповеди должны иметь более высокий принцип, нежели самолюбие.

Человек должен сначала исследовать, что есть его долг согласно законам чистого разума, прежде чем он подумает о своем благополучии.

с. 16

§ 28

II. Причина (основа) собственного совершенства. Сделай самого себя настолько совершенным, насколько это возможно. Первый твой закон — сохранить и образовать все твои силы для достижения твоих целей. N

Мы необходимо должны развивать все наши силы, но не только для того, чтобы сделать счастливыми. Высшая цель человека, которую уста-

навливает один разум без помощи склонностей, есть нравственное совершенство...

Поэтому эта причина (основа — Grundsatz), если она должна быть выражена верно, должна быть сформулирована следующим образом. Действуй так, как этого требует нравственное совершенство — высшая цель человека.

§ 29

III. Основа нравственного чувства. Действуй так, чтобы стать причастным к приятным нравственным ощущениям.

с. 17

...Уважение к самому себе человек может достичь только если он будет действовать по общезначимым нравственным законам, которые должны лежать в его основе. Действие хорошо не потому, что оно делает нас довольными собой, но потому, что оно может быть признано хорошим по всеобщим законам разума, следовательно, оно награждает нас удовольствием собой, если мы их (законы) исполняем.

§ 30

IV. Основа божественной воли. Делай то, что сообразно воле божества... Бог как морально совершенное существо не может желать ничего иного, кроме того, что желает само нравственное чувство каждого человека. Ма не считаем что-то хорошим только потому, что бог хочет, но верим, что бог этого хочет, потому что он сам добр.

с. 18

§ 31

V. Основа гражданского состояния (Verfassung). Соблюдай высший интерес государства. Добродетель — то, чего требует общественное благо; порок — то, чего оно не требует или чему оно препятствует...

Различие между благами и злыми действиями и здесь определяется следствиями для блага человека, и эти действия имеют внешнюю ценность. Нравственное действие же, которое должно заслуживать уважения, имеет в себе внутреннюю ценность.

с. 19.

§ 32

<IV. Основа воспитания. Делай то, к чему ты воспитан и привык>.

...По правилам чистого разума нужно судить, являются ли какой-либо метод воспитания, привычка, господствующий обычай ошибочными или нет, разумными или неразумными...

§ 33

Практический закон, гласящий, что мы должны действовать по общезначимым максима́м, есть, следовательно, единственный закон, который существует для себя (für sich besteht) и не зависит от нравственных впечатлений полезного, вредного, приятного и неприятного, воспитания и государственной конституции и т. д., но основывается только на разумной воле.

с. 20

§ 34

Нравственное обязательство есть долг делать то, что сообразно разумным законам и избегать того, что им противно. Совершенный долг — это если я точно и определенно к чему-то обязан, например, каждому остав-

лять его; несовершенный долг, если разумный закон кое-что препоручает моему произволу;...

...3) К исполнению первого я могу быть принужден всевышним и другими людьми в любом случае; но не всегда к исполнению последнего. — Поэтому первый называется также принудительной обязанностью (Zwangspflicht), последний — долгом совести (Gewissenspflicht).

§ 35

Человеческий разум создает себе идеал совершенной нравственности и признает своим долгом все время приближаться к нему (становиться все время морально лучше)...

с. 21

§ 36

Требование нравственного закона к человеку не может быть исполнено, если человек не обладает возможностью выбирать, хочет ли он действовать по основам морального разума или по склонностям чувственности. Мы очень хорошо осознаем эту свободу нашей воли... То, что человек должен делать, он должен мочь сделать. Следовательно, у него есть возможность решаться на действия по своей свободной воле.

Наши суждения о заслуге и вине, вознаграждении и наказании наших собственных действий и действий других людей также показывают, что человек обладает свободой воли.

...Для конечного существа, каким является человек, в котором никогда не прекращается борьба разума и чувственности, моральная свобода ограничена и имеет тенденцию к возрастанию. Чем больше воля человека определяется чувствами, представлениями полезного и вредного и т. д., тем менее морально-свободно он действует и тем меньше уважения он заслуживает. Но чем больше он увеличивает господство разума над склонностями, тем свободнее он в моральном отношении и тем больше достоин уважения.

с. 22

§ 38

Это чувство уважения к закону есть единственный чисто нравственный побудительный повод к добродетельным действиям, потому что он (повод) зависит только от знания самого нравственного закона и не подвергается посторонним воздействиям, например, влиянию представлений о пользе и вреде...

с. 23

...Кроме чисто нравственных побуждений существуют некоторые не нравственные, которыми человек побуждается к действиям (в основном чувства, побуждаемые представлениями о приятных или неприятных следствиях какого-либо действия). Добродетель тем больше будет терять в своей внутренней ценности, чем больше человек будет руководствоваться такими причинами и чем меньше он будет действовать из собственно уважения к закону...

с. 24

§ 39

Легальными действиями называются такие, которые согласны с законами, но производятся не из уважения к законам;... Моральные действия происходят из уважения к закону, это действия по долгу (aus Pflicht).

§ 40

Святость — это бесконечная легальность и моральность...

Нравственную ценность действий другого человека люди не могут точно определить, потому что им не известно, что в этих действиях от долга, а что — от других причин.

§ 41

Грех, аморальное убеждение или действие есть преступление признанного долга из недостатка уважения к закону и из перевеса чувственных склонностей. Отсюда, а не из следствий должно судить о величине греха...

Злостный грех совершает тот, кто знает, что есть долг и при решении грешить делает это осознанно, но имеет слишком мало уважения к закону для того, чтобы ему следовать.

Грех слабости возникает из небрежности, неуважения или торопливости.

с. 25

§ 42

Порочность — это господствующая склонность следовать побуждениям чувственности и не уважать закон, из-за частого повторения одного греха скоро возникает готовность преступить нравственные заповеди...

Тот, кто не может пользоваться разумом, например, сумасшедший, очень маленький ребенок, не может грешить, но не может также действовать добродетельно. Существо, которое только разумно, без чувственности, например, бог, грешить не может.

§ 43

Поскольку каждое разумное существо само должно рассматриваться как причина своего нравственного или безнравственного значения, разум приписывает его действиям моральную заслугу или моральную вину... Разум осознает, что согласно моральному закону определяется мера блага или зла, которую разумное существо заслуживает в качестве награды или наказания. Ничем иным, как нравственным поведением, которое одно только имеет непреходящую внутреннюю ценность, оно (разумное существо) может более или менее сделаться достойным благодати.

Моральные законы исходят 1) от бога, 2) от других людей, 3) от собственной совести...

с. 26 (поскольку люди не могут точно определить нравственную ценность другого человека), гражданское уложение (Zurechnung) касается только вознаграждения или наказания, пользы или вреда, которые вносятся в мир людьми по их собственной воле...

§ 44

Совесь — это сознание того, что своими действиями заслуживаем уважение или презрение, поощрение или наказание;... этого судьи в сердце не может избежать никто, даже если не будет наказан судом людей.

с. 26

§ 45

Суждение об отличии доброго и злого характера человека зависит от ответа на вопрос, имеет ли в нем перевес нравственный разум или чувст-

венность, испытывает ли он уважение к закону долга и следует ли он соответственно ему или нет. Обязанность каждого человека — узнать свой собственный нравственный характер.

Если человек признает свой долг и принимает решение жить согласно ему, но искушениями, склонностями других людей или собственными склонностями, бывает обращен часто к противоположному, это называется слабостью его нравственного характера. Недобросовестность — это приверженность делать добро не из обязанности, а из склонности к собственному благополучию. Превратность и порочность — высочайшая степень моральной испорченности. Добродетельный характер постепенно создается упражнением. Он выражается в постоянном господстве разума, силе духа, добросовестности убеждений.

с. 27

§ 46

...Если воля превратна, если человек выберет скорее то, что льстит его самолюбию, чем то, что разумно, возникает порочность. Следовательно, человек обязан одному себе своей злобностью если он не сделает нравственность в себе господствующей над чувственными склонностями, а перевернет этот порядок.

§ 47

Всеобщий нравственный закон (§ 25) является частично запретом, частично заповедью (негативный и позитивный).

1) Не действуй по таким принципам, которые будут противоречить сами себе, если они станут всеобщими законами для всех людей...

с. 28

2) Действуй по таким принципам, которые ты хочешь, чтобы стали всеобщими законами...

§ 48

Все обязанности человека сами по себе одинаковы, но если рассматривать действительные отношения человеческой жизни и сравнивать обязанности между собой по их важности, то окажется, что некоторые выше, некоторые более низменны, некоторые равны (координированны), и мы имеем выбор, каким из них следовать...

с. 29

§ 49

1) Чистый нравственный закон постоянно требует возможно более совершенного исполнения. Нельзя решать только из склонности там, где говорит чувство долга:

2) Принципы благоразумия из склонности могут решать только там, где закон долга оставил для нас что-нибудь неопределенное

3) Справедливость предшествует доброте. Первая есть совершенная, вторая несовершенная заповедь...

4) Справедливость, относящаяся к целому, предшествует справедливости, относящейся к части...

с. 30 ...Чтобы сохранить (поддержать — erhalten) свою жизнь, я могу взять у другого невинного, не его жизнь, но немного важных благ, например, когда я подвергаюсь опасности умереть от голода, у меня нет иного средства, чем взять у другого часть его не нужных ему (лишних — entbehrg-

lich) жизненных средств, это не запрещено, но потом я должен возместить ущерб (den Schaden vergüten).

5) Благо, относящееся к целому, предшествует благу (Güte), относящемуся к части (...)

с. 31

II. Учение о долге (Lehre von den Pflichten)

а) обязанности человека по отношению к самому себе.

§ 50

1. Мы должны стараться сохранить и возвысить человеческое достоинство. Человек, как разумное существо, определен для нравственности. Основной всех его обязанностей является серьезное стремление жить соответственно этому достоинству.

...Пусть лучше человек пожертвует здоровьем, силой, властью, жизнью, чем станет действовать против закона...

Добродетели, которые рождаются из этой благородной гордости, суть умеренность, трезвость, целомудрие, добропорядочность, смирение и т. д.

Кроме внутренней ценности добродетели имеют некоторые приятные следствия. Ими мы завоевываем отзыв нашей собственной совести, уважение других людей, здоровье, бодрость и силу духа. Через них возвышаются и услаждаются все радости жизни.

Противопоставленные пороки суть: подлое поведение по отношению к другим и самому себе, самоуничтожение, лживое смирение и ханжество, самомнение, презрение к другим людям, недовольство, мягкотелость, неумеренность, разврат, сибаритство и т. д...

с. 32 ...Кроме основной движущей причины уважения к закону разума моральное учение о благообразии дает еще некоторые правила, чтобы облегчить выполнение обязанностей, например, живое представление добрых и злых следствий добродетели и порока, работоспособность, строгую диету, частое размышление о боге, стремление избегать плохих мероприятий.

§ 51

2. Мы должны поддерживать свою жизнь.

Сохранение своей жизни является обязанностью потому, что иначе мы не смогли бы сделать в этом мире столько добра, сколько должны... Считай свою жизнь сокровищем и никогда не желай смерти от пресыщения жизнью...

с. 33 ...Только обязанность сохранения своего достоинства предшествует обязанности сохранения жизни...

Многие самоубийцы лишают себя жизни из трусости и пресыщения жизнью... <Подчеркнуты слова «разрушить жизнь другого» и «сумасшедшая храбрость» в перечислении греховных действий>...

с. 34 ...Некоторые презирают жизнь вообще, поскольку не верят в бессмертие души: другие — поскольку ошибочно считают, что освободятся самоубийством от мучений этой жизни и поэтому станут счастливы на небесах...

Чтобы уберечь себя от пресыщения жизнью, привыкай к регулярной деятельности, наслаждайся жизнью дозволенным образом. Избегай азартных (gewinnsüchtig) игр и всего, что препятствует удовлетворению самим собой. Часто думай о награде для несчастной добродетели в будущей жизни. Представляй себе, как низменно ты бы поступил, захотев самовольно покинуть пост, доверенный тебе богом в этой жизни. Помни, что и в самые несчастные дни жизни имеешь возможность возвысить свою ценность

добродетелями, чтобы быть полезными миру. В опасностях укрепляй себя мыслью о том, что божье проведение повсюду охраняет тебя и спасет тебя, если это будет тебе во благо.

§ 52

3. Мы должны сохранять и возвышать совершенство нашего духа.

Чем большим совершенством, особенно духовым, обладает человек, тем лучше он может исполнить свое предназначение.

Мы должны упражнять чувства, память, воображение, внимание, разум и рассудок, усиливать влияние разума на волю, воспитывать нравственное чувство, вкус к благородному, возвышенному, прекрасному, воспитывать умеренность и вообще возвышать и приводить к гармонии посредством регулярной деятельности каждую духовную силу...

...Самообладание, непоколебимое прилежание, воздержание, стойкость, терпение суть плоды этого убеждения, если оно будет господствующим.

Награда ему в этом мире — честь, влияние на мир, счастье жизни...

Но многие пренебрегают образованием сердца и духа из-за господства грубой чувственности над разумом: многие предаются бесцельным занятиям... Другие считают культуру духовных сил второстепенной вещью... Еще хуже, когда честью считается недостаток знаний, унижение разума, брань просвещения и его подвижников. Корысть, слишком много рассеяния, приверженность к удовольствиям, стяжательство, гордость, грубость, малодушие, нелюбовь к работе, педантичность, приверженность только к старому или только к новому, суждение о вреде наук и т. д., суть препятствия добродетели.

<Подчеркнуты способы умножения знаний — общение с учителями, чтение, размышление, любознательность>.

...Давай своему разуму время покоя между серьезными занятиями, время рассеянности и дозволенного удовольствия, чтобы вновь собрать силы на будущее.

с. 36

§ 53

4. Мы должны сохранять свое здоровье.

Потому что разрушение телесного здоровья препятствует нам в исполнении наших обязанностей. Мы должны стараться сохранить и улучшить работу наших чувств и всех остальных членов при помощи осторожности, хорошей диеты, умеренности, предохранения от излишеств, закаливания тела.

Этой обязанности противостоят: вялый образ жизни, склонность к покою и удобству, невоздержанность к пище, предрассудки, недостаток опыта вообще... Средства к исполнению этой обязанности суть ранняя привычка к работе, порядок, экономность, следование тому принципу, что нужно иметь так мало потребностей, как это возможно...

с. 37

с. 36

§ 54

5. ...Мы должны сохранять и умножать наше благополучие.

...Мы можем и даже должны искать благодати в той мере и таким образом, чтобы разум ничего не мог возразить против них, если каждый человек станет искать своей также. Но достижение благодати не должно быть первой и важнейшей причиной наших действий;... Наши действия должны исходить из истинного уважения к себе не из корыстного себялюбия.

К благам, которых мы должны стремиться достичь и сохранить, в первую очередь относятся: 1) внешняя свобода, неограниченная власть действовать по собственному намерению и размышлению, 2) состояние, питание, одежда, жилище, деньги, 3) внешняя честь, доброе имя, 4) общественные связи, кредит, дружба, круг влияния между людьми.

Только добродетельный сможет праведно наслаждаться этими благами. Он смотрит на них как на средства к более высоким целям.

с. 38

§ 55 (Отдельные замечания)

1) Уважение и честь в мире — это важное благо...

Чтобы стать любимым другими, старайся достигнуть истинного совершенства и показывай это скромно...

2) Благой образ жизни из того, кто чувствует себя удобно в общественных отношениях...

3) Будь скромн, но не застенчив. Не будь хвастуном, не имей слишком больших претензий...

5) В выборе друзей будь осторожен: потому что по характеру твоего окружения будут судить о твоем собственном... По отношению к другу будь вежлив и предупредителен. Не делай ничего злого по желанию друга
с. 39. 15) Чаще наслаждайся радостями природы...

с. 41. 16) Наслаждайся удовольствиями благородных чувств. этим ты воспитаешь свой вкус...

18) Создай себе правильные понятия о человеческом благополучии, чтобы должным образом его ценить. Привыкай к мыслям о потерях и разрушению твоих самых прочных надежд...

19) В беде не будь нетерпелив и не отчаивайся...

Записи Жуковского на нижнем форзаце книги

Цель	}	
Неспособность		
	Taucher	твор<ец> под<обие> цель неспособность пособие средства образец учение следствие
Что было неизвестно <нрзб.> цель возобновления		падение человека физ <ическое> нравств<енное> чего недостает пути благого ясный образец что дается <нрзб.> надежда вера любовь смерть

Нижний форзац оборот
<прзб.>

Цель учения

Порядок учения

Язык. — Мыслит <ельное> соотношение

Знания — Бытие божье

Усовершенствование внутр <еннее>

Удовольствие —

Достоинство —

Цель жизни <ная> —

Глава вторая

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ЧТЕНИИ И ИССЛЕДОВАНИЯХ В. А. ЖУКОВСКОГО

I

В чтении и напряженном самообразовании Жуковского с самого начала 10-х годов XIX века исключительно большое место занимает история, русская и всемирная. Библиотека Жуковского содержит значительную историческую литературу¹, которую поэт собирал на протяжении всей жизни.

Пробуждение интереса к истории относится к самому началу творческого пути Жуковского. А. И. Тургенев в письмах из Геттингена 1802—1804 гг. часто говорит о Жуковском как о человеке, горячо заинтересованном проблемами истории. Уже 7 ноября 1802 г. он пишет из Геттингена: «Какое бы удовольствие было бы для тебя слушать у Бутервека эстетику или историю Шлецера²».

Если начало интереса к истории пробудилось вместе с первыми шагами Жуковского-поэта, то конца этому интересу, в сущности говоря, не было никогда. В НБ ТГУ имеется поздняя книжка Гизо «Демократия во Франции»³, изданная в 1849 г. в Париже. Она прочитана Жуковским в конце жизни. Дрожащей рукой постаревший поэт делал свои замечания на десятках страниц, сопереживая или решительно расходясь с автором, но горячо реагируя на все, о чем идет речь в книге.

Однако наиболее интенсивный период исторических занятий Жуковского относится к самому началу 10-х годов и затем простирается на 20—30-е годы. Активная переписка по проблемам истории, исторического образования в период 1810—1815 годов, исторические книги из библиотеки Жуковского со следами его внимательного чтения, конспекты прочитанного и его собственные статьи на исторические темы — наиболее ценные реальные источники, раскрывающие сам процесс формирования исторических взглядов поэта.

¹ См.: Лобанов В. В. Библиотека В. А. Жуковского. Каталог. М., 1957. В печати.

² Архив братьев Тургеневых. Вып. II, СПб., 1911, с. 265.

³ Guizot M. De la Democratie en France. (Janvier 1849). Paris. 1849.

**Allgemeine
Wirdische Encyclopädie.**

Was den
Handel und besten Reichthum betrifft
 und
 nach eignen Untersuchungen beiderden,
 von dem
Geographische und Historische Einleitung
 der geographischen, historischen,
 aller Wissenschaften, Künste, Gewerben, Handel,
 und Schifffahrt betrifft,
 verfasst in allen sechs teutschen Reichen,
 herausgegeben

JOHANN ADAM OELZE,

1777

**ИСТОРИЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.**

Сочинилъ
БЕНЯМИНЪ БЕРГМАНЪ.

Издана въ Петербургѣ въ Академіи Наукъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ,
 ВЪ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1833.

**РУСКАЯ
ЛЪТОПИСЬ**

ПО
**НИКОНОВУ
СПИСКУ**

ВЪЗДАНЪ
 ПОДЪ СМОТРЕНІЕМЪ
**ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДО 1837 ГОДА

ВЪ САНКТЪ ПЕТЕРБУРГѢ
 При Императорской Академіи Наукъ
 1758 года

Рис. 10. Титульные листы некоторых исторических книг из библиотеки Жуковского

Большую роль в воспитании и направлении исторических интересов Жуковского сыграли два человека — А. И. Тургенев и Н. М. Карамзин. У Карамзина, о котором речь пойдет ниже, Жуковский часто бывает, беседует с ним по различным проблемам русской истории, задумывает под его влиянием историческую поэму «Владимир», пользуется его книгами и библиографическими источниками. Но, пожалуй, наибольшее влияние на исторические занятия Жуковского в начале 10-х годов оказал А. И. Тургенев, его близкий друг на протяжении всей жизни, человек, духовно и идейно родственный Жуковскому. А. И. Тургенев обладал прекрасной для своего времени исторической подготовкой, полученной в Геттингенском университете под руководством Шлецера, Герена, Эйхгорна и других выдающихся историков того времени. Говоря о них с восторгом в целом ряде своих писем из Геттингена, Тургенев видел значение их трудов прежде всего в широкой источниковедческой культуре и *методологической смелости*, в стремлении этих ученых не описывать события истории, а философски осмысливать ее закономерности — причины и следствия этих событий.

О сопряженности истории и философии Тургенев постоянно говорил своему брату Николаю, об этом же он писал Жуковскому, настойчиво противопоставляя историков-ремесленников (*einen Brodtgelehrten*) историкам-философам (*einem philosophischen Kopfe*).

В Геттингене Тургенев почерпнул у таких историков, как Шлецер и Герен критический историзм⁴ и убежденный просветительский взгляд на историю как на политический, нравственный опыт человечества, служащий прогрессивному развитию общества.

Споря со Шлецером в частных вопросах, касающихся русской истории или русской летописной литературы⁵, А. И. Тургенев разделял не только сильные, но и слабые стороны его исторической концепции: провиденциализм, отрицание революционного пути исторического развития, норманские теории происхождения русского государства и т. д. Говоря об этой ограниченности, нужно вместе с тем помнить, что методологическое и источниковедческое значение трудов геттингенских историков сыграло, бесспорно, прогрессивную роль в развитии исторической науки вообще и исследовании русской истории — в частности.

По возвращении в Россию после Геттингена, начиная с 1805 г., Тургенев не оставляет своих исторических трудов,

⁴ См. об этом: Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство. В кн.: Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. М., «Наука», 1964.

⁵ Архив братьев Тургеневых. Вып. II, с. 225.

а, напротив, всячески углубляет их. Как показывают его письма этой поры, в нем бродят «стихии истории»; он избирается членом Российского исторического общества, он в курсе богатой европейской исторической жизни, состоит в деятельной переписке со Шлецером. Сбывается его геттингенская мечта по возвращении на родину «собирать сколько можно совершенную библиотеку для Русской истории, источников ее (Urkunden)»⁶.

II

Сказанное во многом объясняет активную переписку Жуковского и Тургенева по проблемам истории, многочисленные вопросы Жуковского к Тургеневу, связанные с русской историей и историографией. Доверяя авторитету Тургенева-историка, Жуковский с любовью называет его Миллером (в честь известного швейцарского историка Иоганна Мюллера), с благодарностью принимает его советы. В свою очередь Тургенев, высоко ценя поэтический дар Жуковского, радовался явно возросшему интересу поэта к истории. В письме к братьям в Геттинген в 1810 году он сообщает: «С Жуковским мы теперь довольно часто переписываемся, и я хочу обратиться ему и себе в привычку писать друг к другу и давать отчет в своих упражнениях, проектах etc. Он теперь занимается русской историей, и я снабжаю его книгами отсюда по сей части». Действительно, Жуковский, начиная с 1810 г., настойчиво просит Тургенева присылать ему одну за другой исторические книги⁷, читает пятитомный труд летописей Нестора под редакцией Шлецера. Тургенев посылает Жуковскому труды Иоганна Мюллера. Письма Мюллера к другу Бонстеттену настолько заинтересовали Жуковского своей нравственно-исторической проблематикой, что он частично переводит их и печатает в «Вестнике Европы»⁸. В письме от сентября 1810 г. он говорит, что «читал уже Гереново сочинение о Мюллере»⁹ (69), а 11 октября 1810 г. Жуковский просит Тургенева прислать поскорее Геренову «Handbuch der neuesten Geschichte» и тут же добавляет: «Нет ли у тебя хороших книг, трактующих о вспомогательных науках истории: о государственном хозяйстве, о правилах политики, статистики и пр.» (71).

Желая составить себе «общий план» по всеобщей истории, Жуковский в ноябре 1810 г. сообщает Тургеневу: «Теперь читаю Гаттерера¹⁰; в нем удивительно хорошо предложена вся

⁶ Там же, с. 429.

⁷ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 52—57. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

⁸ Перевод Жуковского напечатан в «Вестнике Европы», 1810, № 16.

⁹ Речь идет о сочинении Герена «Johann Müller der Historiker», Leipzig, 1809.

¹⁰ Gatterer U. X. Versuch einer allgemeinen Geschichte bis zur Entdeckung von Amerika. 1792.

система всеобщей истории, но он дошел только до открытия Америки. Герен изобразил времена новейшие. Промежуток между Гаттерером и Гереном займет Ремер (Handbuch der neuesten Geschichte), которого выписываю из Москвы» (73—74). Именно в это время Жуковский очень внимательно и интенсивно собирал свою историческую библиотеку.

В письмах к А. И. Тургеневу, особенно в период 1810—1815 гг., Жуковский настойчиво говорит об огромном значении истории для литератора и о своем решительном стремлении заниматься ею систематично и глубоко. «Для литератора и поэта история необходимее всякой другой науки, потому прежде всего, что она помогает *«приобрести философический взгляд на происшествия в связи»*¹¹. «История из всех наук самая важная; важнее философии, ибо в ней заключена лучшая философия, то есть практическая, следовательно, полезная» (75).

Подобных признаний в письмах Жуковского немало, из них можно сделать по крайней мере два вывода. История важна Жуковскому для постижения сущности связи явлений, философии этой связи. Отсюда стремление поэта приобрести *«общую идею об истории»*. Не случайно Жуковский очень любил составлять *общий* план истории русской и всеобщей. В письме от 7 ноября 1810 г. он так и пишет: «Я хочу прочитать всех классиков-историков, но для того, чтобы извлечь из них всю возможную пользу и чтобы *идея об истории была не смутная, а ясная, хочу предварительно составить себе общий план всех происшествий в связи»* (75). С этой целью Жуковский погружается в изучение всемирной и русской истории. С вдохновением читает Шлецера и Мюллера, Эверса и Гаттерера, Герена и Ремера, Ломоносова и Карамзина, Устрялова и Берха, составляет таблицы на форзацах прочитанных им исторических сочинений, делает множество хронологических сводок (например, пометы в книгах Эверса «Geschichte der Russen» или «Nordische Geschichte» Шлецера).

С другой стороны, история, по мнению Жуковского, не только «поясняет связи» и расширяет понятия, но и «предохраняет от излишней мечтательности, *обращая ум на существенное»*. Подобные мысли, неоднократно повторенные¹², чрезвычайно важны для понимания самого процесса формирования метода *познания жизни* у Жуковского, а вместе с этим для понимания эволюции его мировоззрения. Это, между прочим, отлично осознал А. И. Тургенев. Говоря о серьезном изучении

¹¹ Здесь и далее, кроме случаев специально оговоренных, выделено нами.— Ф. К.

¹² Так, в письме от 7 ноября 1810 г. Жуковский пишет: «Если романтическая любовь может спасти душу от порчи, зато она уничтожает в ней и деятельность, привлекая ее к одному предмету, который удаляет ее от всех других» (76).

5097.

БРОКЕРСКОЕ
1888 г.

Kritische

V o r a r b e i t e n

—

Geschichte der Russen.

Herrn Shukorskiy
von
dem Verfasser.

Рис. 11. Дарственная надпись Эверса на его книге «Критические заметки к истории руссов»

Жуковским истории, Тургенев писал, «если он при своих талантах будет соединять глубокие познания, то со временем он перещеголяет всех наших литераторов, ибо и теперь уже во многом перещеголял»¹³.

В процессе изучения истории Жуковский преодолевал крайности его субъективно-романтического отношения к человеку, расширялись его представления о связи человека с миром, изменялась нравственная философия личности, в которой пассивной созерцательной мечтательности противопоставлялась *деятельность*. Не случайно именно в период 1810—1815 гг., когда Жуковский изучал десятки книг по всемирной и русской истории, в его представлении определилась общественная роль писателя-литератора. «Я *деятельность писателя* теперь поставляю единственным своим благом, зависящим от меня, и хочу к этому благу стремиться, отказавшись от всех *других*». (59. Выделено Жуковским.— Ф. К.). А несколько позднее, в августе 1815 г., он пишет: «Смею думать, что писатель, уважающий свое звание, есть так же полезный слуга своего отечества, как и воин его защищающий, как и судья, блюститель закона» (86).

По мере творческого самоопределения Жуковского углубляется его представление о познавательной и нравственной функции искусства, связи его с жизнью, историей и философией, укрепляется в Жуковском убеждение в огромной общественной роли художественного творчества.

III

Можно говорить о двух периодах преимущественного интереса Жуковского к истории. Если в 10-е годы эпицентром его исторических занятий явился замысел поэмы «Владимир», то в 20-е годы — педагогическая деятельность. Однако необходимо сделать очень важную оговорку. И замысел «Владимира», и педагогическая деятельность явились лишь толчком, активизирующим исторические занятия. Смысл же их философский, общественный, нравственный, был, как указывалось выше, неизмеримо шире. Письма и дневники 10-х годов показывают, как постепенно углубляются исторические интересы Жуковского от, казалось бы, утилитарного повода собрать материал для поэмы «Владимир» к стремлению осмыслить общую идею исторического развития, к нравственным и философским проблемам истории. Так, в письме от августа 1810 г. Жуковский пишет: «Я не хочу быть историком, но хочу иметь основательное понятие о древности славянской и русской. Не получив его, и за дело приниматься не должно» (56). То есть вначале изучение русской истории волнует Жуковского в связи с *его делом* (предполагаемой поэмой «Владимир»).

¹³ Архив братьев Тургеневых. Вып. II, с. 429.

Но постепенно интерес к истории обретает более широкий смысл: «читая русскую историю, буду иметь в виду не одну мою поэму, но и самую русскую историю; но в истории особенно буду следовать за образованием русского характера, буду искать в ней объяснения настоящего морального образования русских» (59). Здесь уже проявляется своеобразный характер исторического мышления Жуковского и определенная просветительская окраска его исторических взглядов. В духе либеральных французских просветителей он считает историю своеобразной «школой морали» (Мабли). Вот почему Жуковский, говоря о том, что исследование истории поможет ему полнее объяснить «настоящее моральное образование русских», тут же добавляет: «это мне кажется прекрасною точкою зрения, и со временем может выйти из моих замечаний что-нибудь весьма полезное» (59).

Уже с начала 10-х годов Жуковского с его романтическим мышлением и своеобразным просветительством в истории волновал прежде всего моральный смысл происходящих и внутренне связанных между собою (волею творца, провидения) событий. «Читая историю в этом отношении ... увидишь и средства, каким образом можно исправить то, что испорчено воспитанием, дополнить недоконченное, воспользоваться выгодным, уничтожить вредное» (59). И далее очень характерное для Жуковского резюме: «Эта мысль (которая может служить точкою соединения всех наблюдений), признаюсь, восхищает меня» (59).

Примерно в это же время, в августе — сентябре 1810 г., Жуковский с восторгом говорит А. И. Тургеневу о прочитанных им письмах швейцарского историка Иоганна Мюллера к его другу Бонстеттену. Считая, что эти письма «должны быть катехезисом того человека, который хочет посвятить себя наукам», он пишет: «Я почти дочитал их, но увидел, что буду еще перечитывать и что никогда перечитывать не устану» (69). А в другом письме еще более ясная оценка: «Прекрасная, единственная в своем роде книга» (68). В «Вестнике Европы»¹⁴ Жуковский напечатал свой перевод нескольких писем Мюллера, показавшихся ему особенно замечательными. Об этом он сообщает Тургеневу 12 сентября 1810 года: «... письма Миллеровы, и именно те, которые посвящены тебе в моих мыслях, переведены мною... Они переведены хорошо, ибо я переводил их с истинным удовольствием» ... (57—58). Здесь поднимался целый ряд нравственно-исторических, историко-политических проблем, которые были очень близки Жуковскому. Говоря о преимущественно просветительском назначении XVIII века, о том, что XVIII веку «много осталось прибавить

¹⁴ «Вестник Европы», 1810, № 16, с. 263—285 под загл.: «Несколько писем Иоанна Миллера, историка Швейцарии, к Карлу Бонстеттену, другу его».

к будущему усовершенствованию человека», Мюллер отводит исключительную нравственно-воспитательную, общественно-политическую роль истории, полагая, что «язык ее имеет силу непобедимую». Эта сила — в драгоценном опыте веков, который нужно умело использовать применительно к современным требованиям народа, государства, человека. «Сколько опытов, которым надлежало бы просвещать государства на счет их истинных выгод, исцелить людей от пороков, предохранить народы от тиранства, а государей от деспотизма».

Одним из важнейших общественно-политических вопросов, поставленных историей, и чрезвычайно актуальных с точки зрения Мюллера, является вопрос о характере и системе правления, а в связи с этим и о формах государственного устройства. Мюллер не принимает радикального демократизма Руссо, считает его мечты о равенстве и республиканском правлении утопичными. Он горячо сочувствует обоснованному Монтескье идеалу просвещенного монарха. Книгу Монтескье «Дух законов» Мюллер считает «прекрасной», «основанной на глубоком и всестороннем исследовании обширной науки правления»¹⁵.

Жуковский, нужно полагать, не случайно перевел именно эти письма Мюллера, считая их «превосходными». Стержневая их идея об истории как «драгоценном опыте веков» и программа Монтескье о просвещенном монархе, о святости и неприкосновенности законов, являющихся общественной совестью народа, весьма импонировали Жуковскому. Еще в 1805 г. Жуковский принимает Монтескье за образец политического автора¹⁶. Дальнейшее свое развитие мысли Мюллера о Монтескье и просветительской миссии истории получают у Жуковского в 20-е годы, в связи с его педагогической деятельностью.

Примерно с 1811 г. исторические интересы Жуковского органично сочетаются с настойчивым его стремлением в область нравственной философии и морали. Обращаясь к А. И. Тургеневу с просьбой «сыскать в своей библиотеке» этику Аристотеля, несколько сочинений об основах и системе моральной философии Фергюсона и др., Жуковский объясняет: «Две науки: моральная философия и история будут идти у меня рядом, но последняя только для первой. При них изящная словесность» (94). То есть Жуковский объясняет свою заинтересованность нравственным смыслом исторических событий, и для него история оказывается «школой морали».

IV

В первый период интенсивных занятий историей (1810—1815 годы) Жуковский конкретизирует свое понимание нравст-

¹⁵ Там же, с. 119.

¹⁶ Резанов В. И. Из разысканий о сочинении В. А. Жуковского. Вып. II, 1916, с. 251.

венно-воспитательной функции истории. С этой точки зрения представляет интерес находящаяся в библиотеке Жуковского брошюра «О преподавании истории относительно к народному воспитанию»¹⁷. На титульном листе ее рукой Жуковского написано: «Соч. С. Уварова». Это своего рода методическое пособие для преподавания истории в народных училищах и университетах. Нет ничего удивительного в том, что Жуковский очень внимательно прочитал брошюру Уварова, сделал на ней несколько надписей, подчеркиваний, NB.

Приведем полностью те места из текста Уварова, к которым относятся пометы Жуковского.

Текст Уварова
с. 1, § 1

Замечания
Жуковского

История, говорил Цицерон, есть свидетельница времени, свет истины, жизнь памяти, наставница жизни, глагол древности. Обширность и важность сей науки всеми признаны, но найти способ отделить истину от лжи, божественное от человеческого, событие от догадок, найти нить происшествий, и проложить дорогу верную, которая бы каждого гражданина вела к лучшему познанию и должностей своих — вот что везде и всегда почитаемо было большою трудностью в изучении истории.

NB

с. 2—3

Хорошая система народного воспитания есть богатое древо, в котором с самого корня до последующих листьев все одним благотворным соком оживляется. Искусство основателя таковой системы состоит в мудром расположении всех частей <...> до общего образования касающихся. Ему известно, что учреждение хорошего народного училища труднее, нежели основание хорошего университета.

Две половины — нравственный и политический путь истории.

Цель народного училища — приготовление одних к дальнейшему пути; другим — доставление всех понятий, им нужных

поселянин
ремесленник
слуга
мещанин
купец

§ 2

<автор предлагает преподавание исторических наук расположить следующим образом>: 1-е в Народных училищах Священная история и история России.

{ Общий взгляд на всеобщую историю

с. 6, § 3

Не нужно мешать с Священною Историею, историю веры или догматов; сие при-

история
<прзб.>

¹⁷ Уваров С. С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813.

надлежит к изучению закона божия, а не к истории; но можно бы присоединить историю нашей Церкви, которая обыкновенно остается в забвении.

с. 12, § 5

Не надобно думать однако ж, чтоб одно слушанье лекции преподающего достаточно было к изучению истории. Учащиеся должны оным заниматься не на одних лекциях, но и дома, по плану, начертанному преподающим. Еще весьма полезно требовать от учащихся письменного отчета в лекциях, сей способ учения давно уже признан успешным.

Карты!

§ 6

В университетах и высших училищах преподается окончательный курс всеобщей истории.

с. 15

Приступим теперь к образу преподавания. Здесь преподающий, означив в древности средоточие, из которого изобильно истекали лучи света, покажет в богатом, таинственном востоке колыбель человеческого рода и первого свидетеля его падения. Представив слушателям картину Священной Истории, показав им Моисея в виде вдохновенного историка, законодателя, прита, обратится преподающий к Египту, где законы были сильны, а народ слаб, где он трепетал под игом рабства и суеверия в то время, когда в храмах сокрыты были истинное просвещение и глубокая мудрость.

с. 16

Потом представится глазам его народ всеми умственными способностями одаренный, первый на ратном поле, первый в поэзии, первый в философии — греки.

<...> Изъяснив политическое состояние Греции, должен преподающий вникнуть в причину ее силы, блеска и падения, показать ее влияние на весь политический мир... <и далее Жуковский отчеркнул полностью абзац, в котором предлагается преподавателю> «углубиться в изыскание истинных пружин, силою которых Рим вошел на первую ступень в Историю»<...>

с. 17

С падающим Римом мы видим и падающий мир. Под игом деспотов, под мечом завоевателей, сильный народный характер изглаживается, луч наук гаснет, слава воинская исчезает, занавес опускается — и мы видим конец древней Истории.

«Жуковский отчеркивает требование автора к «преподающему» — представить общую картину Истории во всем ее пространстве и проливать на «сей огромный хаос благодетельный луч Религии и философии». И другое требование:» «Распространяя между согражданами луч наук и просвещения, должно возбуждать и сохранять, сколько можно, народный дух и тот изящный характер, на который ныне Европа смотрит, как изнеможенный старец на бодрость и силу цветущего юноши».

Пометы Жуковского уточняют, как нам представляется, его взгляд на характер изучения и преподавания истории. Прежде всего, Жуковский, безусловно, разделяет мысль о чрезвычайной важности системы народного образования, он отчеркивает мысль автора о том, что «учреждение хорошего народного училища еще труднее, нежели основание хорошего университета». На полях Жуковский конкретизирует целевую направленность исторического образования в народном училище. В скрытой полемике с Уваровым он предлагает более широкую образовательную программу. «Цель народного училища, — пишет он, — *приготовление одних к дальнейшему пути, другим доставление понятий, нужных им*». Жуковский исходит из широкой демократической направленности народного образования — «поселянин, ремесленник, слуга, мещанин, купец» (с. 5). Вместе с тем, в дополнение к тому, о чем говорит Уваров, Жуковский предлагает более широкую образовательную историческую программу для народных училищ, рекомендуя ввести «Общий взгляд на всеобщую историю» (с. 3). Этим подчеркивалось не только глубокое понимание важности народного образования, но и большая воспитательная роль истории. Разделяя мысль древних, что «*история свидетельница времени, свет истины, ... наставница жизни...*», Жуковский записывает на полях очень важные для понимания его взгляда на историю слова: «*две половины — нравственный и политический путь истории*» (с. 3). То есть воспитательная сила истории, ее просветительский смысл и современное значение, по Жуковскому, в огромной важности выраженных и осмысленных ею *нравственных и политических* идей.

Мысль о сопряженности истории с политикой, характерная для просветителей XVIII в., глубоко разделялась А. И. Тургеневым, которого в преподавании таких геттингенских профессоров, как Шлецер, привлекала политическая острота и актуальность¹⁸. Сам Тургенев, собираясь посвятить себя глубоко-

¹⁸ Истрин В. М. Русские студенты в Геттингене в 1802—1804 гг. (по материалам Архива братьев Тургеневых). «Журнал Министерства Народного Просвещения, СПб., 1910, ч. XXVIII. Ср.: Гиллельсон М. И. Указ. исслед.

му и всестороннему исследованию русской истории, видел в этом актуальный общественно-политический смысл. Решив по приезде из Геттингена погрузиться в критическое исследование рукописных исторических материалов, хранящихся в московских архивах, Тургенев писал, что там «еще по сю пору множество лежит неизвестных сокровищ для русской истории, особливо для новой. Например, условие, которое поднесли бояре Михаилу Федоровичу при возложении на него бремя правления. Оно может решить вопрос: к какому образу правления отнести русское — к неограниченной ли монархии или к ограниченной? Назначено ли там род совета или сената, с которым государь разделять должен законодательную власть, или нет? И надобно ли почитать неограниченное правление русских государей, как похищение не принадлежащей им власти, или, в самом деле, и условие сие дает праву государю на неограниченное правление? Последнее сомнительно: иначе для чего бы по сю пору не публиковать сей интересной и важной древности»¹⁹.

Пометы на брошюре С. Уварова уточняют и собственно исторические взгляды Жуковского. Жуковский выделяет мысль С. Уварова о необходимости критической истории, в которой «истина отделялась бы от лжи ... событие от догадок». В нескольких случаях (с. 12, 17, 24) Жуковский выделяет мысль о важности философского, аналитического подхода к историческому материалу. Так, по всей вероятности, значительной ему показалась мысль автора о необходимости с философским, взглядом подойти к изложению древнего периода истории, объяснить причины могущества Греции и греков и показать причины ее падения (с. 16). То же о Риме.

Подчеркивая мысль автора брошюры о целесообразности «синхронистического» изложения хода истории, Жуковский связывает это со своей любимой мыслью о необходимости в процессе преподавания «представить общую картину истории во всем ее пространстве», увидеть в ней внутренне связанный процесс исторического движения.

Таким образом, пометы Жуковского на брошюре С. Уварова «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» позволяют сделать следующие выводы.

Жуковский подчеркивает нравственный и политический опыт истории, говорит о важности критического, философского, аналитического ее осмысления. Считает широкое историческое образование необходимым условием народного просвещения.

¹⁹ Архив братьев Тургеневых. Вып. II, с. 225—226

Как уже указывалось выше, замысел поэмы «Владимир» явился для Жуковского очень важным толчком к глубокому изучению древнерусской истории. «Что же касается до моего плана*, — пишет Жуковский о поэме «Владимир», — то он только посеян в моем воображении, а созреет тогда только, когда семена будут напитаны теми материалами, которых я от тебя теперь требую». 4 ноября 1810 г. он пишет: «Вдали передо мною Владимир. Поближе Владимира русская история» (73). «Владимир» будет моим фаросом; но чтобы плыть прямо и безопасно при свете этого фароса, *надобно научиться искусству мореплавания*» (76). Этому искусству Жуковский и учится, погружаясь все глубже и основательнее в историю древней Руси.

По мере ознакомления с историческим материалом Жуковский приходит к убеждению о разных методах в изучении всеобщей и русской литературы. Если в первом случае можно было опереться на фундаментальные исследования, которые давали, как говорит он, хорошие понятия об истории всеобщей, то с изучением отечественной истории дело обстояло по-иному. «Русская история однако будет другого рода занятием, — говорит Жуковский. — Тут уже нечего думать о классиках, а надобно добираться самому до источников» (76). Для этого поэт и намеревался погрузиться в «океан летописей».

Следует отметить, что во взгляде на летопись как на основную источник русской истории Жуковский был близок русской историографии XVIII в. (Ломоносов, Татищев).

Интерес его к летописи проявился очень рано. Уже в письме к А. И. Тургеневу в феврале 1807 г. Жуковский сообщает о том, что читает последний выпуск «Новгородского летописца» (речь идет, по всей вероятности, о новгородских летописях). А 12 сентября 1810 г. поэт с гордостью сообщает о наличии в его библиотеке ряда летописных и исторических сочинений. «Из русских старинных летописей имею: Нестора по Радзивилловскому списку (это, думаю, тот, которого бранит Шлёцер); Никонову Летопись; Софийский список Нестора; величественный Синописис, старый и новый; есть у меня и Русская правда, и Духовная Владимира Мономаха, и Болтин, и Щербатов, и Хилков и Штриттер, и песнь Игорю» (60).

Если Шлёцера Нестора он изучал, как мы видели, по книгам, принадлежащим А. И. Тургеневу, то другие летописные своды (Никоновский, Радзивилловский, Софийский) принадлежали самому Жуковскому. Все они находятся сейчас в библиотеке Томского университета и представляют для нас значительный интерес.

* Курсив Жуковского. — Ф. К.

Следы не только внимательного, но и творческого, исследовательского чтения содержит прежде всего Радзивилловский список Несторовой летописи²⁰. Возможно в процессе этого своеобразного чтения летописи Жуковский использовал критические замечания Шлёцера. Сообщая в цитированном письме к Тургеневу о наличии у него Нестора по Радзивилловскому списку, Жуковский добавляет: «Это думаю тот, которого бранит Шлёцер». Большое внимание уделяет Жуковский «Повести временных лет». Первые 65 страниц, повествующие «от самого начала», от разделения земли между сыновьями Ноя и смещения языков после вавилонского столпотворения и до княжения Владимира Святославовича, Жуковский внимательно прочитывает, делит на части и главы, руководствуясь Никоновым списком. Так, первая часть, содержащая XXI главу, повествует о времени от разделения земли между сыновьями Ноя и до «Первого Великого князя Рюриха». Здесь наибольшее количество уточнений, вписываний Жуковского. Он или изменяет малопонятные слова или вносит уточнения в отдельные фразы, добываясь большей последовательности и ясности изложения. При этом он использует другие летописные списки. То есть Радзивилловский список он уточняет, дополняет иногда по Никоновскому (тогда перед вписанным словом стоит знак «ник.»), или по софийскому (соответственно знак «соф.»). Эта своеобразная обработка летописного материала делается тщательно, черными чернилами, очень мелким почерком.

Жуковский, как правило, использует три типа правки. В-первых, это историко-географические комментарии. Например, к приведенному летописцем перечню народностей, принадлежащих к так называемой афетовой части земли (*Варязе, Свеи, Урмане, Агляне, Немцы, Корлязи, Венецицы, Фрягове* и прочие), Жуковский (после названия Агляне) в самом тексте вписывает *Тоти, Русь, Галичане, Волохи, Римляне, Нормане* (с. 5). Уточняет Жуковский предание о столпотворении, указывая на полях, когда и где был возведен «столп до небеси» (с. 5). Или несколько ниже к повествованию летописца о славянских народах и о просхождении Новгорода («Словене же сеедоша около озера Ильмене, и прозвашась своимъ имянемъ, и содылаша городъ и нарекоша Новъ Городъ...»). Жуковский в самом тексте уточняет «*Пришедшие с Дуная словяне ... и посадиша себе старейшину Гостомысла*» (с. 6). В заключении этой главки к словам летописца «и тако разыдеса словеский языкъ, тем же и прозвася грамота», Жуковский вписывает «*Словенская грамота*» (с. 7).

²⁰ Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российских древних и средних времен. Ч. 1, СПб., при имп. Академии наук, 767. Ч. 1. Летопись Несторова... до 1206 года.

Такого же рода «уточняющие» вписывания Жуковского сделаны и в главе, где излагается легенда о посещении апостолом Андреем Киева и его пророчестве. Здесь Жуковский дает вариант по Никонову списку. Приведем этот вариант, вписанный Жуковским.

Радзивилловский список
Летописи Нестора

с. 8

И вшедь на горы сия, и благослави я, и постави крестъ, и помолишь богу, и слезе с горы сея, идеже после бысть Кіевъ...

с. 8

и живяху кождо съ родомъ своім на своих мѣстехъ, и володея родомъ и быша три братья

с. 9

И седяше Кій на горе, где ныне Зборичевъ а Шекъ сеедяше на горе, идеже ныне Щековица

Аще бо бы перевозник Кіи, то не бы ходилъ ко Царю граду.

Но сей княжаше, въ роду своемъ, и приходившу ему ко Царю...

Вписано рукою
Жуковского

Ник. И по мнозе времени на техъ горахъ, созданъ бысть Кіевъ <...>

и володея кождо родом своим и быша въ нихъ три братья

с. 9

Где ныне увозе зборичевъ

другой стране на горе... с силою ратью

и ратоваше многи страны, тако же с константиноградскимъ царемъ миромъ и братски живяше и велию честь принимаше от него, и от всехъ

В следующей, IX главе к словам летописца о Смоленске и народах, населяющих верховье Волги, Двины и Оки, Жуковский вносит уточнения.

с. 10

А по Оце рече. гдѣ втечетъ въ Волгу, языкъ свои Муромъ; Черемиса свой языкъ; Мордва свой языкъ

и черемиса свой языкъ; и мордва матеря свой, а въ Руси свой языкъ

К названному летописцем «данникам» Руси — Чюдь, Весь, Меря, Муромъ, Черемиса и др. Жуковский добавляет Пермь (с. 10).

Наряду с историко-географическими комментариями поэт вносит целый ряд уточнений, носящих бытовой, этнографический характер.

Собирая материал для предполагаемой поэмы «Владимир», он стремился полнее (иногда в деталях) изучить быт и нравы древней Руси. Об этом своем намерении он неоднократно говорит своим друзьям, настойчиво требуя от них исторических книг, летописей, исследований на историческую тему. Так, Жуковский отмечает VII главу, в которой летописец рассказывает о посещении апостолом Андреем Киева и Новгорода, в частности, о славянских банях, поразивших Андрея. Он не понимал, для чего люди в натопленных докрас-

на деревянных банях раздеваются донага, избивают себя прутьями, сами себя мучают и считают это «не мученьем, а омовеньем». Жуковского настолько заинтересовала эта часть рассказа, что он уточнил его еще по двум летописным спискам — Никоновскому и Софийскому.

с. 8

Дивно видехъ землю словенскую, идушу ми семо, и видехъ бани древяны, и пережгутъ ихъ вельми, и сволокутся, и будутъ нази, и оболются мытелью и возьмут ветвие, и начнутъ ся бити и того добыють, едва вылезуть живы суши...

и тако творятъ не мытву себе, но мученіе, и слышавше дивляхуся

Ник. в них же пещи каменны въ цих много каменя

Ник. и оболются квасом кислымъ... и возьмут въники и начнутъ хвоститься

Соф. омовеніе себе, а не мученіе и слышавше дивляхуся Римляне таковому обычаю.

Третья категория вписываний Жуковского носит характер логического уточнения. Он стремится сделать повествование более последовательным и логически связанным. Так, в отмеченной Жуковским III главе, где речь идет о разделении земли между тремя сыновьями Ноя, Жуковский вносит ряд дополнений. Например:

с. 5

Снмъ же, Хамъ и АФеть разделивше землю, и жребьи метавше и никомужь преступати въ жребіи братень

Сим же Хам и Афеть раздѣливше землю, и жребьи метавше, урок положиша никомужь преступати въ жребіи братень

А несколько ниже к словам летописца о том, что смешав языки, бог великим ветром повелел разрушить столп,— Жуковский уточняет:

И есть останокъ его межи Асира и Вавилона
В лета многа хранимъ останокъ

И есть останокъ его и донныне
В лета многа хранимъ останокъ той

Таких «уточнений» Жуковского много в IV главке, где речь идет о «начале словенского языка» и о происшедших от славян народах. Приведем наиболее характерные:

с. 6

Сели суть Словеце по Дунаеви, где есть

Угорская земля

А от тех ляховъ прозвашась Поляне, Ляхове, друзіи Лутичи...

где ныне есть Угорская земля

и нини от техъ ляховъ прозвашась поляне и ляхове (я?) друзи и Лутичи...

Читая очень внимательно, Жуковский тщательно выправляет многие опечатки. И в результате создается представление о вдумчивой и кропотливой работе над русской летописью.

в которой поэт выглядит и серьезным читателем, и придирчивым историком.

Примерно в это же время, около 1810 года, Жуковский внимательно читает русскую летопись по Никонову списку. В библиотеке Жуковского сохранилось 8 частей этой летописи²¹, в четырех кожаных переплетах. Пометки Жуковского содержатся во всех частях. На верхней крышке переплета и на верхнем форзаце первого тома содержатся очень подробные списки исторических источников, в том числе обширной летописной литературы на русском, немецком и французском языках.

В письмах 1810 г., как указывалось выше, Жуковский настойчиво просит А. И. Тургенева прислать ему ... «полную роспись всех книг русских, немецких, латинских и др., принадлежащих к русской и славянской истории» (60). Как показывает письмо Жуковского от 11 октября 1810 г., такую роспись он получил. Возможно именно она легла в основу составленных на форзацах Никоновой летописи списков книг по русской истории. У Жуковского-читателя вообще была привычка составлять подробную библиографию на форзацах и обложках книги. Так, читая Лагарпа, он дает на обложках его «Лицея» подробный список по вопросам эстетики. Такие списки Жуковский постоянно составляет и в конспектах тех или иных книг. Это было очень важным элементом его глубокого исследования предмета.

На верхнем форзаце I тома Никоновой летописи находим следующий список русских исторических сочинений, вписанный рукой Жуковского:

Нестор по Софийскому списку
Нестор по Никоновскому списку
Штритгер
Болтин
Щербатов
Хилков
Ломоносов
Снопсис
Песнь Игорю
Дух. Влад. Мономаха
Разговоры о Новгороде
Новгородский летописец 1786
Примечания по истории Щербатова
О тьмутар. Цар.
Татищев
Новгородский летописец 1781, 1786
Степенная книга
Известия визант. историка
Летописец архангелоградский 1781

²¹ Русская летопись по Никонову списку. Издана под смотрением императорской Академии наук. Ч. 1—8, СПб., 1767—1792.

Летописец 1784
Ядро российской Истории Хилкова
Древняя российская <нрзб.>
Описание народов...
Путешествие Палласа и Лепехина
История и кр. летописец Ломоносова
Царственная книга
Царственный летописец
Радзивилловский Нестор
Повседневникъ дворцовых времен 1760
Записки кас. российск. истории
Древний летописец
Летопись о многих мятежахъ

На верхней крышке переплета расположен список иностранных источников по русской истории, состоящий из 13 названий, среди которых

Nordische Geschichte
Nestors Annalen
Anton über die Slaven
Die Deutschen in Siebenbürgen
Herberstein
Probe russischer Annalen
Olearius
Sammlung Russischer Geschichten

Подчеркнул Жуковский, по всей видимости, книги, которые у него были, или, может быть, прочитанные им. Во всяком случае целый ряд подчеркнутых названий совпадает с тем, на что он указывает в цитированном письме к Тургеневу.

Летопись по Никонову списку также очень внимательно прочитана Жуковским. Как и в Радзивилловском варианте Жуковский более всего интересовался вводной частью летописи, повествующей о том, «Откуда пошла земля русская», «О разделении земли между 3-мя сыновьями Ноя». На полях Жуковский дает варианты названий земель, местности, очевидно, по другим источникам (с. 3, 4).

Первая часть Никоновой летописи особенно тщательно прочитана, но подчеркивания и отчеркивания имеются и в других частях (II, IV). Внимательно читая о походах и делах древнерусских князей Игоря, Святослава, Владимира Святославовича, о княжении Святослава II, Святополка Изяславовича, Жуковский подчеркивает прежде всего то, что относится к быту древней Руси, к характеру выражения чувств людей того времени. Так, во II части, где речь идет о Святополке Изяславовиче, о набегах половцев и убийстве Ростислава, брата Вл. Мономаха, Жуковский обращает внимание на картину всеобщей скорби, нарисованную летописцем. «*И плакаша по нем мати его. И вси людие пожалиша си много по немъ юности ради его...*» (ч. II, с. 5). Эти слова подчеркнуты Жуковским. Он выделяет и те места в летописи, где рассказывается о великих страданиях народа русского от беско-

Handwritten text at the top left of the page, possibly a page number or reference.

Handwritten text in the left column, including names like "M. Schlegel" and "M. Schlegel".

Handwritten text at the top right of the page, possibly a page number or reference.

Main body of handwritten text in the right column, containing names and dates, such as "M. Schlegel" and "1791".

Рис. 12. Библиографический список, составленный Жуковским на форзаце «Русской летописи»

интересна для Жуковского фигура Дмитрия Донского, им внимательно прочитаны разделы, повествующие о длительной феодальной войне между великим князем Дмитрием Ивановичем и князем Тверским Михаилом Александровичем (отчеркивания ч. IV, с. 4—7, 10—12, 15, 18—25, 27—33).

Таким образом, изучение русской летописи дает Жуковскому большой материал о древней Руси, ее народностях, формировании национального характера, быте, нравах. Представляется, что работа над русскими летописями сыграет свою роль в дальнейшей эволюции творчества Жуковского в 20-е годы, в очевидном нарастании его интереса к эпосу.

VI

Наряду с летописью Жуковский основательно изучает историков, русских и иностранных, давших наиболее полные сведения о Древней Руси.

Под несомненным влиянием А. И. Тургенева пробуждается большой интерес Жуковского к историческим трудам Шлёцера. Тургенев, как указывалось выше, ценил в трудах Шлёцера широкую источниковедческую культуру, критический историзм, направленный на решение общественно важных политических проблем. Преувеличивая политический радикализм Шлёцера, Тургенев называл его «другом правды» и «наставником человечности». «Он,— пишет Тургенев о Шлёцере,— школит немецких властительных князей, сих маленьких тиранов... Даже во время революции проповедует он публично с кафедры то, чего другие и на ухо друг другу говорить здесь не смели»²².

Несмотря на умеренный характер политического либерализма Шлёцера, который решительно не принимал революционных методов в переустройстве действительности, считал мятежи пагубным бедствием для народа, его лекции, исторические труды будили в слушателях оппозиционную, свободолобивую мысль, независимость и раскованность суждений. Заявления Шлёцера о том, что страждущие от тирана подданные имеют право на «революцию и право ссадить своего тирана» или напоминание о том, что «не известно ни одного народа в истории... который бы не ссаждал когда-нибудь своих государей, несмотря ни на ослепление, ни на предрассудки, ни на мнения, которые старались рассеять и вкоренить венценосцы в сердца своих подданных» (Архив братьев Тургеневых, с. 240), воспитывали в русских студентах свободолобие, смелость суждений и главное, острый критический ум²³. Так, Тургенев уже в августе 1803 г. записывает в своем дневнике:

²² Архив братьев Тургеневых. Вып. II, СПб, с. 302. Следующие ссылки на этот выпуск в тексте.

²³ См.: Истрин В. М. Указ. соч., с. 130—132.

«Когда у меня будет весь журнал Шлёцеров, то со временем в Москве надеюсь я выбрать из него лучшее и напечатать несколько книжек. Это может послужить распространению в России политических новых идей, которые не могли родиться при прежнем правлении» (Архив бр. Тург., с. 225).

Несмотря на определенную идеализацию Шлёцера, многое в оценке Тургеневым научной его методологии оказалось справедливым, выдержало испытание временем. Современный исследователь русской историографии видит значение Шлёцера (несмотря на метафизическую ограниченность и антинаучность его норманских теорий) в том, что он проявил редкостную для своего времени историко-филологическую подготовку, продемонстрировал значение исторического источника, «дал русской науке критический метод в изучении истории»²⁴.

А. И. Тургенев с его приверженностью к Шлёцеру оказал большое влияние на Жуковского, который раньше, по его собственному признанию, недооценивал «этого Нестора»²⁵. В письмах Жуковского 10-х годов имя Шлёцера повторяется множество раз. Прежде всего Тургенев посылает Жуковскому известный пятитомный труд Августа Шлёцера о Несторе, вышедший в Геттингене в 1802—1809 гг. Жуковский получил его в августе 1810 г. и сразу же прочитал «с жадностью первую часть, служащую введением»... (с. 58). Он настойчиво просит Тургенева дать ему каталог Шлёцеровых сочинений. «Я желал бы иметь все или по крайней мере избраннейшие сочинения Шлёцера; например, я с большим удовольствием прочитал бы его «Selbstbiographie». «Есть ли у тебя,—спрашивает Жуковский у Тургенева,—его Probe Russischer Annalen? Он часто ссылается на эту книгу в своем Несторе». Может быть, именно под влиянием трудов Шлёцера представление у Жуковского об историческом источнике расширяется. В цитированном уже письме к А. И. Тургеневу он просит написать ему «полную роспись всех книг русских, немецких, latinskusch и других, принадлежащих к русской и славянской истории»... (60).

Характеризуя Шлёцера как историка, Жуковский пишет: «Этот человек имеет дар оживотворять самую сухую науку исторических древностей (а северные древности не римские и не греческие)» (59). Поэта восхищает именно блестящая историко-филологическая культура Шлёцера, его умение всесторонне проанализировать исторический документ. «Его (Шлёцера.— Ф. К.) можно назвать Лессингом, Лагарпом истории; он привлекательно говорит и о скучных ошибках переписчиков Нестора. Слог его приятен не искусством писателя, но тою твердою логикою и тою экономическою крат-

²⁴ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. II. Л., 1965.

²⁵ «Теперь смотрю на него (Шлёцера.— Ф. К.) с таким же точно удовольствием, с каким во время оно смотрел на него отвращением» (с. 59).

костию, благодаря, которым *мысли его представляются* вдруг, ярко и в связи рассудку читателя» (59).

Восхищаясь как литератор слогом Шлёцера, Жуковский видит достоинства этого слога в четком и логичном анализе источника, в замечательном умении историка, идя от отдельных, очень конкретных фактов, представить «вдруг» логику связи исторических явлений. Вместе с тем Жуковский критически воспринимал некоторые мысли и утверждения Шлёцера²⁶.

Конечно, на формирование исторических взглядов Жуковского оказал серьезное влияние не только Шлёцер. В это же время он глубоко изучает Миллера, Герена, Эверса и ряд других историков, среди которых Шлёцер, бесспорно, занимал одно из первых мест.

В НБ ТГУ под № 6253 сохранилась «Всеобщая Северная история Шлёцера»²⁷. Книга прочитана Жуковским очень внимательно, содержит многочисленные пометы, в том числе и записи.

Так, на нижнем форзаце находим составленный Жуковским список авторов и их трудов, из которых можно почерпнуть сведения по всеобщей Северной истории.

Nordische Geschichte
Anton. Versuch über der alten Slaven Ursprung
Nestor von Schlözer
Летопись Никонова
Штриттер
Русская история
Римск<ая> и греч<сская> древн<ость>
Лифляндия
Польша
Швеция
Татары

Чтение «Всеобщей Северной истории» А. Л. Шлёцера относится к началу 10-х годов в связи с устойчивым интересом Жуковского к древней русской истории.

Летом 1810 года в ряде писем, как мы видели, Жуковский просит А. И. Тургенева прислать ему один за другим труды Шлёцера. В это время он начинает читать его Нестора, просит прислать ему «Die Deutschen in Siebenbürgen», в которой есть что-то о печенегях» (58). В августе 1810 г. он пишет А. И. Тургеневу: Schlözer's Nordische Geschichte у меня есть» (57). Нужно полагать, что именно в это время Жуковский и начал читать «Всеобщую Северную историю» Шлёцера.

²⁶ «... Особливо странно то, — пишет Жуковский, — что он (Шлёцер — Ф. К.) сомневается в существовании песни Игоревым воинам» (с. 59).

²⁷ Schlözer August Ludvig. Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771.

Уже в оглавлении Жуковский характерными для него значками * выделяет главы и параграфы, наиболее интересные для него. Это части, в которых идет речь об истории, этнографии, языке славянских народов. Жуковский выделяет из II части специальным знаком * и цифрой 1 четвертую главу о славянских наречиях — русском, польском, богемском, сербском, хорватском, боснийском, болгарском (с. 4). Подчеркнутое внимание Жуковского привлекает III глава «История славян с 495 по 1222 г., полностью описанная по византийцам господином Штриттером». Известия о славянах, живших по северному берегу Дуная до 602 г. «Известия о славянах того времени, когда они заселили южный берег Дуная до 1222 г.». Эта глава отмечена Жуковским цифрой 2 и обычной звездочкой* Подчеркивает Жуковский и название главы V («Подробное описание финского севера, особенно в отношении к Скандинавии, сделанное Шенингом»). Цифрой 3 и знаком * он выделяет главу VI («Подробное описание русского севера в X веке из Байерна» (5), а также очеркивает главу VII «О путешествиях скандинавов в Константинополь и другие страны 9 века».

Далее, как обычно в чтении Жуковского, его внимание концентрируется именно на отмеченных главах и параграфах.

С большим вниманием Жуковский следит за историографическими обзорами Шлёцера, выделяя подчас те стороны метода ученого, которые обусловили его вклад в историографию. Это, во-первых, исторический критицизм. Проявился он в отношении Шлёцера к древним историкам, знания которых о Севере были, по мнению автора, ограничены, а порою примитивны и неверны (с. 10). Об этом особенно убедительно говорит предпринятый Шлёцером историографический анализ трудов Герхарда Шенинга в главе «Представления древних греков и римлян о северных странах». Жуковского весьма заинтересовывают, как явствует из его чтения, мысли Шенинга о Скандинавии. История последней излагается на основании критического осмысления самых различных источников. Жуковский внимательно следит за системой доказательств, основанных на анализе этнографического материала, быта и нравов народа, хозяйственных склонностей, торговли. Он очеркивает все места, где характеризуются именно эти стороны жизни северных народов (с. 15, 29, 30, 31).

Сильнейшей стороной Шлёцера как историка был его очень прогрессивный для своего времени историко-филологический метод исследования. Поэт очеркивает, например, абзацы, в которых исследуется название «Балтийское море» (с. 37, 40). Казалось бы, чисто лингвистический анализ служил в полной мере историческому познанию. И подобных примеров в течении Жуковского очень много.

Как показывают многочисленные отчеркивания и подчеркивания Жуковского, в труде Шлёцера его больше всего привлекает сквозная мысль историка о древнейшем происхождении славян, его взгляд на прошлое России, которая, как пишет Шлёцер, уже 900 лет «непрерывно играет большую роль на арене народов».

Все места в Nordische Geschichte, где речь идет о древнейшем происхождении славян, их истории, военных походах, общественном устройстве, культуре, языке, быте, тщательно выделены Жуковским (подчеркивания, NB, отчеркивания). Много говорит Шлёцер о свободолюбии славян и особенно русских. Жуковский, как правило, подчеркивает и отмечает знаком NB все эти места. «Русь раньше была раздроблена на маленькие княжества,— пишет Шлёцер во II главе своей истории,— некоторые из них, такие как Новгород и Псков со временем завоевали свободу, другими управляли удельные князья из рода Рюрика— Чернигов, Полоцк, Тьмутаракань, Ростов, Суздаль и др. Все они до своего объединения двумя Иванами Васильевичами имели собственные истории, частично и собственные летописи. Это относится и к казакам, как украинским, так донским» (225).

На с. 351 он выделяет знаком * следующее: «Славяне и анты не подчинялись монарху, с древности они имели демократический образ правления. Поэтому о своих интересах они советовались сообща. Всё остальное у обоих народов было определено некоторыми законами» (351).

На странице 388 знаком NB выделено:

«Славянские племена, платящие оброк руссам... зимой валялись в своих горах деревья, из которых делали свои лодки, каждую из одного дерева. Когда таял лед, они по ближним озерам перегоняли их в Днепр до Киева... С началом ноября русские князья со своим народом уезжали из Киева, и направлялись в другие города или местности, где жили другубиты, кривичи, сервы и прочие подвластные русским славяне.— Там они зимовали, а в апреле вновь возвращались в Киев».

Выделяет Жуковский также историю отдельных городов и народностей, внимательно следит за взаимоотношением неславянских народов Севера со славянскими. Приведем еще несколько характерных примеров (подчеркнуто Жуковским):

«Петер фон Дуйсбург, писавший около 1326 года, считает Мемель общей границей трех стран: на северном берегу его жили куры (курлянды)... дальше к востоку, ...по реке жили руссы, а к югу от истоков Мемеля — литовцы... Литовцы же были еще независимы до Владимира Великого, который присоединил их к русскому государству (с. 495 и далее)... Финны и эсты — один народ и говорят на одном языке, как верхние и нижние саксы... Древние руссы по праву объединяли оба народа — под одним именем Чудь... Они называли себя людьми, живущими на болотах и озерах (с. 497).

Или, в другом месте:

У Белозера живут Wetzen, у Ростовского озера и у озера Клешино живет народ мера, у Оки, где она впадает в Волгу, живут муромцы, говоря-

щие на своем собственном языке, так же как и народности мещера, мордва и черемисы (с. 509).

Волотова называется по летописцу в 862 году место, где был погребен Гостомысл... город Смоленск упоминается в 879 году (с. 510 и дальше)... Дулебов летописец помещает на Буге лютичей и тиверцев... на Дунае (с. 511).

Плесков упоминается... в 903 году (рус. Псков). Чернигов в 907... У истоков Двины стоит Любич на Днепре выше Киева Любеч: в последнем правил дед Владимира.

В 912 году Олег был погребен на горе Щековице, которая должна быть недалеко от Киева. В этом же году Синопсис называет Коросты, столицу древлян, недалеко от Старой Руссы (с. 511, 512, 514, 519).

Отстаивая древнейшее происхождение славян, Шлёцер утверждал также наличие у них древней культуры. Опровергая мнения иностранных ученых о беспросветном варварстве русских, Шлёцер указывает, что уже в XI—XII вв., когда *вся Европа знала только Римскую монашескую ученость, а в России процветали греческие науки и искусства. Уже в 988 г. Владимир Великий учреждает публичные школы. Ярослав утверждает писанные законы. Россия имела своего замечательного летописца. Никогда,— по мнению Шлёцера, со времени принятия христианства, даже в мрачнейшие времена средневековья Россия не оставалась без наук*. И далее Жуковский выделяет ряд мест, подобных следующему:

«Вместе с религией на Русь пришли греческие монахи, искусства и науки, и уже в 1056 году родился первый русский летописец Нестор, который писал на исходе XI века и умер монахом в Печорском монастыре в Киеве. Его хроника была продолжена... переяславским аббатом Сильвестром (умер в 1123 г.), потом суздальским епископом Симеоном, который писал около 1206 г., а потом целым рядом большей частью безымянных летописцев, вплоть до XVII века. Отсюда возникла непрерывность русской истории; ни одна другая нация не может похвалиться подобным сокровищем длинного и непрерывного описания такого количества лет. Наряду с летописью богатыми и пригодными к использованию источниками русской истории являются степенные, родословные и разрядные книги. В Московском государственном архиве есть также и грамоты: древнейшая из них пор найденных принадлежит великому князю Андрею, который умер в 1158 году» (с. 223).

Многие пометы Жуковского относятся к характеристике обычаев и нравов славянских народов, их привычек, одежды, жилища, душевного склада, верований (с. 351, 252). Так он отчеркивает и подчеркивает следующее место о славянах и антах:

«Они жили в плохих разрушенных хижинах и часто кочевали с одних мест на другое. Они воевали в основном пешими, носили небольшую щиты и копья. У них никогда не было лат. Некоторые выходили на бой без рубахи или какой-либо другой одежды, но только в шлемах

Они были довольно высоки и крепкого сложения, их кожа не была совсем светлой, а волосы — белокурыми, но они не были и черными, но у всех рыжеватые. Их пища — груба и плохо приготовлена. Они не коварны и не злы, но напротив, честны — и в этом остаток гуннских обычаев (с. 351).

Таким образом, «Всеобщая Северная история» Шлёцера убедительно свидетельствовала о факте древнейшего происхождения славян, о свободолюбии, воинской доблести славянских народов и особенно русских; характеризовала их культуру как древнейшую и значительную, давала огромный материал для характеристики их общественного устройства, обычаев, быта, нравов и верований славянских народов. Все это, как показывает книга, очень интересовало Жуковского-читателя «Allgemeine Nordische Geschichte».

Кроме «Всеобщей Северной истории» в библиотеке Жуковского находится маленькая книжечка Шлёцера—Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder²⁸. Это известная книга Л. Шлёцера «Предуготовление к истории для детей», принадлежавшая А. И. Тургеневу (на обороте заглавного листа оттиск штемпеля «A. Tourgenew»). По всей вероятности, она также была прочитана Жуковским по рекомендации Тургенева. Последний считал эту книжечку, предназначенную для детского образования, чуть ли не лучшим произведением Шлёцера. Да и самому автору, как следует из введения, его книга представлялась значительной. «Как долго сидел я за этой книжечкою, стыжусь почти и признаться. По целым дням думал я как иной достойный духовный проповедник за проповедью, что я хотел сказать; по другим исследовал, чего я не хотел сказать, и, наконец, как должен сказать» (с. XVIII).

Книга Шлёцера представляет собою своего рода экстракт его историко-просветительской концепции, изложенной предельно популярно, для детей. Идеи просвещенного монарха, внесловного равенства людей, огромная роль воспитания в жизни человека и общества — все это находит очень интересную форму изложения у Шлёцера. Естественно, что Жуковского, которого глубоко интересовали проблемы исторического образования на всех возрастных и сословных уровнях, не могла не заинтересовать брошюра Шлёцера, представляющая собой квинтэссенцию его исторической педагогики²⁹.

VII

Среди исторических книг в библиотеке Жуковского содержится несколько сочинений Эверса — двухтомная «История руссов»³⁰ и «Предварительные критические исследования для российской истории»³¹.

²⁸ Schlözer, A. L. Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder. Göttingen, 1800.

²⁹ См. об этом: Привалова Е. П. А. Л. Шлёцер — автор исторической книги для детей. — В кн.: XVIII в. Сб. 10. «Русская литература и ее международные связи». Л., 1975.

³⁰ Ewers, Johann Philipp Gustav. Geschichte der Russen. Versuch eines Handbuchs. Dorpat, 1816.

³¹ Ewers, J. P. G. Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. Dorpat, 1814. С дарственной надписью: «Herrn Shukovskij von dem Verfasser».

И. Ф. Г. Эверс также прошел геттингенскую историческую школу, он был учеником Шлёцера и Герена. Жуковский познакомился и в определенной мере сблизился с ним в 1816 г. Так, 31 октября 1816 г. он пишет Тургеневу из Дерпта: «Здесь есть прекрасные люди. Назову <...> Эверса, не старика Эверса <...>, а молодого историка — это честный и прямодушный человек, уважающий свое звание». В центре исторических интересов Эверса была древняя русская история, исследования которой горячо поощрял Карамзин. Все это объясняет интерес Жуковского к трудам популярного историка. Внимательно следит за произведениями Эверса и А. И. Тургенев. Уже в сентябре 1808 г. в письме к брату он с удивлением пишет о Шлёцере: «Неужели он не имеет еще Эверсовой книги *Vom Ursprunge des Russischen Staats* (Арх. бр. Тург., с. 369).

Сочинение Эверса «История руссов» несет на себе следы внимательного чтения Жуковского, которое, по-видимому, относится ко второй половине 10-х годов, сразу же после выхода книги из печати. На вшитых в книгу больших белых листах Жуковский собирался, очевидно, составить подробный конспект сочинения Эверса, и, возможно, сделать свои замечания. Следы такого конспекта мы встречаем на ряде страниц, хотя очень много белых листов остались чистыми. В процессе такого чтения внимание Жуковского было сосредоточено на двух эпохах из русской истории. Это, во-первых, древняя Русь, и, во-вторых, начало царствования Романовых. Читая разделы о древней Руси, Жуковский делает пометы, начиная с 1000 г., со смерти Владимира. Приведем полностью текст Жуковского к соответствующим страницам «Истории» Эверса.

Эверс	Жуковский
<p>с. 45 <Святополк I Владимирович 1015—1019. После смерти Владимира началась междоусобица среди его сыновей. Следуя примеру Ярослава, многие желали присвоить себе права большие, чем заслуживали, или Святополк боялся этого, неизвестно, но он велел убить трех младших братьев... Святополк дал первый предлог к тому, чтобы чуждая власть — (поляки, ляхи) вмешалась во внутренние дела государства. Святополк³² бежал к герцогу Болеславу I Храброму, который был отцом его жены.</p>	<p>с. 45 15. Смерть Влад[имира] убийство Бориса и Глеба.</p>
<p>с. 46 Святополку удалось с его (Болеслава) помощью еще раз овладеть Киевом (1018)></p>	<p>16. Яросл[ав] отн[имает] трон у Святоп[олка].</p> <p>18. Святоп[олк] с Б[о]л[е]с[лавом] в Киевс.</p>

³² В книге, видимо, опечатка: вместо Святополк — Святослав.

Святополк был разбит на Альте, преследуем злой совестью до пустыни <стопа> между Польшей и Богемией, 1019.

Ярослав I <Юрий> Владимирович. 1020—1054.

с. 47

<Чем больше развивалась торговля, чем многообразнее и сложнее становились общественные отношения, тем настоятельнее становилась потребность в усовершенствованном (полном) своде законов, которому у Ярослава соответствовала «Русская правда»>. В 1020 году он дал сначала Новгороду собрание смешанных предписаний...

Умножающееся богатство Новгорода побудило одного из племянников великого князя, Брячислава Изяславича, который имел резиденцию в Полоцке, в 1021 г. совершить побег.

Государственная мудрость внушала Ярославу великодушие, потому что ему скоро потребовалась сила. Против него восстал соперник по власти, его собственный брат Мстислав... (48), появившийся вооруженный под Киевом и после неудачного нападения бросившийся на Чернигов (1023).

Попытка Ярослава удалить его оттуда совершенно не удалась из-за битвы под Лиственном (1021).

Договор, заключенный братьями, ...положил конец гражданской войне, разделив государство (1026).

Жителей ливонского берега Ярослав должен был покорить вновь. Чтобы обеспечить их покорность на будущее, он построил на Эмбахе крепость Юрьев (Дерпт), 1030.

Западная Русь продолжала отвоевание области Вольнии, которая из-за связей Святополка с Болеславом отошла к Польше. Это удалось объединенным силам обоих братьев тем легче, чем больше разрушалась вражеская власть (1031).

с. 49

Смелые путешественники из Новгорода под предводительством Улеба, которые спустились по Двине до Белого моря, через железные врата Северного океана, мимо Новой земли, достигли устья Оби, хотя и не закрепили своего достижения. Достаточно того, что они нашли дорогу (1032).

Смерть Мстислава, не имевшего наследника, вновь дала единой державне пережившему его брату (1036). Его занимали войны

19. Битва на Альте.

20. Русская правда.

21. Брячисл[ав] в Полоцке.

23. Мстислав в Чернигове.

24. Лиственская битва.

26. Раздел государства.

30. Построение Дерпта

31. Присоединение Вольнии.

32. Улеб у устья Двины до Оби.

36. Смерть Мстислава единой державне? войны.

с литовцами (1040), мазовшанами (1041) и Ямом в Тавастланде (Финляндии), 1042, причину и следствия которых не узнали потомки.

с. 49

Хорошим отношениям с Гредней помешало убийство знатного россиянина в Константинополе. Сын Ярослава, Владимир, ввел флот в Черное море (1043). Ни один не победил, но мир тоже не был восстановлен. Это обусловило то, что великий князь по свободному выбору русских епископов сам занял кресло митрополита в Киеве, и уничтожил право выбора константинопольского патриарха... Иларион (1050). Первый русский, получивший высшее духовное достоинство в отечестве... (1051).

Но предрассудки, облачавшие христианство, распространились сразу же и сказались даже на правителе (Ярославе), когда он велел вырыть кости Ярополка и Олега, крестить их и похоронить в церкви.

с. 63

Ярополк II Владимирович (1132—1139).

Не только отдельные люди боролись за большую власть, но обе основные ветви царствующего дома вступили в борьбу, чтобы меч рассудил их. Потомки Святослава II вознегодовали на то, что они, как старшая линия со времен Мономаха, имеющие наследственные права на трон, не обладают им.

Всеобщая смута показалась выгодной жителям ливонского берега, желавшим избавиться от подати Новгороду, но счастье недолго было с ними, и они быстро были вынуждены возвратить завоеванный Юрьев (1134). Сами же новгородцы, подстрекаемые их князем, Всеволодом Владимировичем, приняли участие в войне против великого князя, который, не доверяя своим войскам, применил против новгородцев духовное оружие. Он заставил митрополита Михаила II наложить интердикт (запрещение) на бунтующий город (1135).

с. 151

Святослав III Всеволодович (1246—1249).

(Александр, вытребованный в Орду, был утвержден князем новгородским и пожалован Киевом). До сих пор правил хитрый Даниил... рассчитывавший на защиту от хана принятием католичества.

40. с Литвой.

41. с мазов[шанами].

42. с Ямом [финнами].

1043. Разрыв с Грецией. Флот в Черном море — Постановление русского епископа.

1051. Иларион первый епископ. Крещение костей Ярополка и Олега.

<нрзб.> Междоусобие

Новгородцы против великого князя. Запрещение и изгнание князя.

Даниилово покушение принять католическую веру.

1249. Андрей Ярославич с ним в соглас[ии].

с. 152

Андрей II Ярославич (1249—1252).

Уже одно то, что Андрей II Ярославич, едва вступив на трон (1249), присоединился к Даниилу, было достаточно для того, чтобы навлечь на него гнев монголов, даже если бы он не навлек его непослушанием. Мощное войско (монголов) вскоре принудило великого князя к бегству (1252).

Александр I Ярославич, Невский, занял место брата на троне и мудро увидел свое назначение в том, чтобы в качестве посредника между победителями и побежденными дать своему народу возможность отдохнуть и спокойно собрать силы, чтобы он мог завоевать себе лучшее будущее.

с. 153

Но он (Александр Невский) не хотел быть обязан им (лучшим будущим) папе, и предложение Иннокентия IV (23 янв. 1248 г.) решительно отклонил, хотя последний обещал возвысить его над всеми христианскими князьями.

Враждебные настроения западных соседей... стали очевидны Александру в нападении немецких рыцарей и литовцев на Псков и новгородскую область (1253). Он успешно противостоял и отразил, не поднимая меча, шведов, которые хотели у Наровы построить епископскую резиденцию для всех язычников Ватланда, Ингрии и Карелии (1256). Последовавший за этим поход против Яма не возвратил его под русское господство.

Внутренние беспокойства исходили от новгородцев и были быстро подавлены великим князем, который легче мирился с раскаянием, чем с виной (1255).

с. 154

Монгольские завоеватели постепенно смешались со значительно превосходящими их по количеству побежденными татарами, среди которых они жили. Тем самым они постепенно отмежевались от Великого Ханства Монгольского, от которого они больше всего были отчуждены Береке-ханом, последовавшим своему брату Батыю (1256), поскольку он ввел ислам как государственную религию, так как под властью Гаюка монголы (ранее шаманы) перешли к почитанию ламы.

с. 152

1252. Вооружение хана. Бегство [великого] князя] Алекс[андр] Невский [Посредник между победителями] и побежденными].

1251. Отклоняет предложение папы Иннокентия.

1252. Нападение ливонских рыцарей и литовцев на Псков и Новгород.

1256. Отражение шведов, хотевших укрепиться на Нарове. Поход против Яма неудачный.

1255. Усмирение возмущения новгородцев.

1256. Береке-хан — наследник Батыя, вводит исламизм учреждает подать татарский собирает подати над 10, 100, 1000, 10000. Утеснение личной свободы

Он (Береке) (у Карамзина — Берки) учредил всеобщее исчисление подданных (с целью взимания подати). Это произошло вначале в Суздальском, Рязанском и Муромском княжествах (1257). Какой бы умеренной ни была подать, не касавшаяся только духовных лиц и служителей церкви, она была пагубна тем, что ограничивала личную свободу, поскольку татарские сборщики податей стояли над 10, 100, 1000 и 10000 управляемых и не разрешали им произвольно менять место жительства.

с. 155

Новгородцы возмутились против применения таких мер и убили посадника и многих горожан, советовавших покориться. Появление самого великого князя среди них едва установило спокойствие, но действовало только на то, что горожане согласились дать татарам добровольный подарок, который князь щедро увеличил (1258). Но поскольку татары предприняли опустошительный поход против литовцев, вследствие чего новгородская область была освобождена от этой стаи грабителей, жители Новгорода предупредили близкую месть и подчинились подати и плате (1259).

После этого татарские численники... сделались повсюду ненавистны из-за грабежей, жестокости и безнаказанного высокомерия. Жители Ярославля, Ростова, Переяславля, Суздаля и Владимира взбунтовались против своих мучителей и убили их, кроме немногих, пощажённых за их личные качества; некоторых изгнали, некоторых же крестили по их желанию (1201?)

Смущенный Александр поспешил к Хану, чтобы ценой собственной опасности попытаться отвлечь его гнев. Ему посчастливилось, и он даже оправдался в том, что ослушался приказа привести свое войско, а послал против Ливонии.

с. 156

Недавно происшедшее отпадение великолепного полководца Ногая, который основал собственное государство северо-западнее Азовского моря, должно было склонить Береке-хана к такому большому снисхождению.

Александр I умер на обратном пути из Орды, 23 ноября 1263 г.

с. 156

Ярослав III Ярославич 1264—1271.

Его (Александра) брату, Ярославу III

Запрещение переходить с места на место.

возмущение новгородцев.

1258. Добровольный дар. Войско татарское грозит Новгороду.

1259. Принятие подати. Грабительство татарских численников. Александр Невский в Орде.

1261. Убий[ство] их в Ярославле, Ростове, Переяславле, Суздале и Владимире.

Александр Невский в Орде.

Отпадение Ногая.

1263. Смерть Александра по возвращении из Орды].

Ярослав III Ярославич.

Ярославичу, который наследовал ему с согласия хана, непосредственно подчинились новгородцы, когда он заключил двусторонний выборный договор, который обеспечивал их привилегии.

с. 157

Все это произошло с Ярославом Ярославичем потому, что хан Мангутимур, с 1266 года глава Золотой Орды, не хотел оказать ему помощи, поскольку узнал, чему она должна была служить.

Но Ярослав, упорно не желавший добиваться благосклонности татар и возгордившийся победой над датчанами при Везенберге (Раковоре), хотя и бесплодной, не сдержал своего слова (1268). Новгородское недовольство, как обычно, разразилось кровавым мятежом, ему (князю) было предъявлено множество упреков; в том числе и в изгнании иноземцев из Новгорода... Его угрозы были тщетны. Только митрополиту удалось смягчить возмущенных мятежников. Они примирились с великим князем только тогда, когда он новой грамотой подтвердил свои обещания и прибавил, что на немецком дворе в Новгороде он хочет, чтобы торговлей занимались новгородские купцы (1270).

с. 158

Новгородцы... не захотели признать своим князем брата умершего (1271) Василия Ярославича.

Нападение немецких рыцарей на Псков (1272, 1273) не подействовало на новгородцев, потому что нападающим противостоял храбрый князь Домант.

Страх перед татарами наконец привел их (новгор.) к послушанию (1273). Татары послали великому князю несколько войск подкрепления, от него же потребовали, чтобы он с другими князьями помог им в их войне против литовцев.

Может быть это было только предложением для того, чтобы удалить князя с вооруженными людьми из государства, где хан велел предпринять новую перепись (1275). После того, как она спокойно закончилась, русскому князю было разрешено вернуться (1276).

с. 158

Дмитрий I Александрович (1276—1294). Ни один соперник не поднялся против Дмитрия I, старшего сына Александра Невского, когда он велел уведомить хана, что занял свободный трон во Владимире (1276).

1265. Договор с Новым городом.

1266. Мангутимур — глава Золотой Орды.

1268. Победа при Раковоре (Везенберге) и поражение датчан.

Новгородское возмущение.

1270. Примирение.

с. 158

1271. Василий Ярославич. Новгородцы отказываются покориться.

1272-3. Рыцари нападают на Псков.

1273. Татары помогают [великому] князю покорить новгородцев, требуют помощи против литовцев.

1275. Новая поголовная перепись.

1276. Войско русское возвращается.

Дмитрий Александрович 1276. На троне Владимирском

Новгородцы выбрали его, который ранее уже домогался этого, по свободному решению своим князем.

с. 159

Он нашел сразу же возможность оправдать их выбор, вновь покорив (возможно подстрекаемых шведами?) возмущившихся карелов (1277). Но всю остальную жизнь его изводила борьба с завистливым братом Андреем III Александровичем, домогавшимся власти. Он добился, очернив Дмитрия, благосклонности татар, и деятельно поддерживаемый ими, захватил власть (1281). Через некоторое время законный правитель отнял у него захваченное с помощью ногайцев.

Но когда ногайцы потеряли своего вождя и заодно половину войска в битве с кончаками (1292), они не могли дольше поддерживать опекаемого. Он вновь отступил (1293). Но тут братская любовь вступила в свои права. Андрей возвратил беспомощному, просившему только убежище, трон, завоеванный ценою крови (1294).

Повсюду царили ужас и нищета, особенно на юго-западных границах. Лев Данилович, как и его отец, правил в Киеве и Галиче (1266), где по очереди татары, литовцы, поляки старались произвести разрушение. Но князь нашел время восстановить сожженный Лемберг (Львов) (1270) и попытался освободить из-под польского ига Краков и Сендомир.

...из голодающего краковского герцогства в Червоную Россию переселилось много поляков (1282).

К тому времени, когда татарские орды бродили по великому княжеству и дошли до окрестностей новгородского Волоколамска, появился шведский государственный муж Торкель Кнутсон и основал на карельском берегу крепость Выборг, которую перед своим отъездом снабдил сильным гарнизоном (1293).

Как показывает приведенный хронологический перечень многих исторических событий в период с 1000 по 1293 годы, а также и многочисленные конспекты «Истории Государства Российского», хранящиеся в архиве, Жуковского преимущественно интересовала история Древней Руси, допетровская Русь, и связано это не только с замыслами художественных произведений на сюжеты из древнерусской истории. Именно в этот период, по убеждению Жуковского, складывалась русская на-

<произвольное? покорение> новгородцев.

с. 159

1277. В <еликий> к <князь> покоряет возмущившихся карелов.

1281. Андрей Александрович с помощью татар захватывает престол.

Ногайцы помогают Дмитрию.

1293. Владимир лишен престола, который (1294) произвольно возвращен Андреем.

опустошение юго-западной <Руси?>

1266. Лев Данилович в Галиче и Киеве.

1270. <Нападения> от литовцев, поляков и татар, восстановление Лемберга.

<нрзб.> покушение освободить Сендомир и Краков польские переселенцы в Червоной России.

1293. Татары до Волоколамска.

Торкель Кнутсон основывает Выборг.

родность, формировался национальный характер. Глубокое изучение истории этого времени давало многое, по мнению Жуковского, для понимания ряда острых общественно-политических проблем времени, таких, например, как природа правления и характер взаимодействия власти и народа.

Следы пристального внимания видны и на 4-й части «Истории руссов» (1534—1689), где говорится о начале правления династии Романовых. Жуковский на белых листах бумаги воспроизводит подробный план главы о правлении Михаила Федоровича. Вот его записи.

Мих<аил> Федорович

1613. Послы в Кострому. Прибытие царя в Москву.

1614. Война со Швецией. Броннишкое сражение, утрата Гдова.

1615. Осада Пскова.

1617. Столбовск<ий> мир. Утрата Ивангорода, Яма Коперья, Кексгольма. 20000 руб<лей>, возвращ<ение> Новгор<ода>. Победа Тязвинская <1595> и Выборгский мир (1669).

1615. Усмирение мятежников близ Олонца и Москвы. Марин<а> у яиц<их> козаков, ее плен и смерть в тюрьме. Заруц<ий> и сын ее казнены.

1618. Покушение Владислава на Москву. Деулинский мир. Утрата Смол<енска>, Бел<ой>, Россл<авля>, Дорогоб<ужа>, Серпей<ска>, Трубч<евска>, Н. Новгорода, Се<ерского>, Черн<итова>, Монастыр<евской>, Моравск<а>, Стародуб<а>, Почеп<а>, Погара, Невеля, Велижа, возвращение Борисова, Козельска, Можайска, Мешевска, Вязьмы

1619.

1620. Построен Енисейск.

1630. Построен Якутск.

1638. Русские доходят до Индигирки.

1639. Иван Москвитин в Камчатке.

1643. Поярков до Амура. Русск<ие> на Байкале.

1617. Торговый договор с Англией.

1629. «—» с Францией.

1627. Разбой козаков.

1632. Смерть Сигизмун<да>. Война с Владиславом.

1634. Мир вяземский.

1637. Козаки берут Азов. Набег татар Крымски<х>.

1643. Утрата Азова.

1639. Терки <нрзб.> укрепляют по образцу Европы.

1640. Учреждение о крестьянах. Исключение духовных лиц из службы.

1639. Отменение откупов на пиво, мыло и деготь.

1634. Запрещение табаку.

1620. Аптекарский указ.

1640. Взятие мер против падежа.

1613. Виноград в Астрахани.

1640. Виноделие.

1643. Греколатинская школа в Москве. Арсений — ученый грек.

1645. Кончина царя.

Становление династии Романовых, приход их к власти и основные перипетии их царствования интересовали Жуковского. Об этом свидетельствует его чтение ряда книг по русской истории. Так, им внимательно прочитана книга Берха об Алексее Михайловиче³³. О важности изучения начала цар-

³³ Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. Ч. 1—2, СПб., 1831.

ствования Романовых неоднократно писал Карамзин, об этом же говорил Жуковскому, как указывалось выше, и А. И. Тургенев.

VIII

Большое место в историческом чтении и самообразовании Жуковского занимает «История Государства Российского» Карамзина. Внимательное чтение и изучение последней относится к концу 10-х и затем распространяется на 20-е годы, преимущественно на вторую половину, и связано, главным образом, с педагогической деятельностью Жуковского в качестве воспитателя наследника престола. Понять принцип отношения Жуковского в это время к русской истории и, в частности, к «Истории Государства Российского», можно прежде всего под углом зрения его наставничества, принципы которого изложены в «Плане учения <...> великого князя наследника цесаревича Александра Николаевича», относящемся к 1826 г. Здесь он излагает свою программу образования и воспитания будущего царя.

Просвещение Жуковский понимает как *«многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью»* и строгой законностью³⁴.

В духе умеренно-либерального крыла французских просветителей Жуковский в просвещении государя, человека, народа видел главный смысл исторического развития. При этом важнейший фактор научного понимания исторического развития, фактор классовой борьбы не принимался во внимание Жуковским.

Просвещенная монархия, основанная на разумном законе, отвечающем интересам народа и государства, на самом деле была ни чем иным, как социальной утопией. Но Жуковский искренне верил в эту утопию и поэтому на свою роль наставника, будущего правителя России, смотрел как на высокую общественную миссию.

Разделяя науки на антропологические и онтологические, Жуковский придавал огромное значение первым (история, география, политика, философия), а среди них он, не колеблясь, на первое место ставит историю. Последняя, по утверждению Жуковского, — «сокровищница просвещения царского, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит государя с нуждами его страны и его века» (IX, 146). И далее — целая программа в изучении истории как нравственного и политического опыта веков. Впоследствии («Собиратель»,

³⁴ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. в 12-ти томах, под ред. А. С. Архангельского. Т. IX, с. 146. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы. Выделено мной. — Ф. К.

1829 г.) Жуковский печатает статью «*Польза истории для государей*», в которой углубляет и заостряет некоторые положения своей программы исторического образования. В ней акцентируется весь комплекс идей либерального французского Просвещения, начиная от Монтескье.

В библиотеке Жуковского, как это ни странно, не сохранилось ранних изданий сочинений Карамзина, его журналов, альманахов, всего того, что, бесспорно, очень внимательно читал Жуковский, на чем в значительной мере он вырос как литератор и поэт. Об этом свидетельствует и начало творческого пути самого Жуковского, и круг нравственно-эстетических, философских проблем, над которыми он размышляет в своих статьях, письмах, дневниках, и, наконец, многочисленные признания поэта о колоссальном влиянии на него Карамзина. «У меня в душе есть особенно хорошее свойство, которое называется *Карамзиным*: тут соединилось все, что есть во мне доброго и лучшего...». Это признание Жуковского относится к 1816 г., но раньше, и позднее отношение Жуковского к Карамзину было отношением благодарного ученика, который осознал большое влияние своего учителя не только на собственный жизненный и творческий путь, но и на русскую литературу в целом.

Нам представляется, что можно говорить о трех важнейших гранях воздействия Карамзина на Жуковского. Во-первых, влияние личности Карамзина, общественное, нравственное, эстетическое. Для Жуковского Карамзин был примером писателя-патриота, просветителя. Во-вторых, влияние карамзинского сентиментализма, его идей и образов преимущественно на раннего Жуковского. Причем здесь необходимо выделить и такую грань, которая будет для Жуковского непреходящей, глубокой заинтересованностью на всю жизнь — это заботливое отношение Жуковского к развитию русской художественной прозы. Третий аспект влияния Карамзина на Жуковского — это воздействие Карамзина-историка на формирование исторических взглядов Жуковского. «История Государства Российского», отрывки из которой Жуковский читал еще до опубликования первых восьми томов в 1816 г., вызвала его восторженное отношение. «Я провел несколько сладостных дней, читая его «Историю» (143). Он даже позволил мне делать выписки», — пишет Жуковский в марте 1815 г. Иногда сам Карамзин читал Жуковскому отдельные части своей «Истории». «Он читал нам описание взятия Казани, — пишет Жуковский Дмитриеву в феврале 1816 г. — Какое совершенство! И какая эпоха для русских появление этой «Истории»! Какое сокровище для языка, для поэзии, не говоря уже о той деятельности, которая должна была родиться в умах. Эту историю можно назвать *воскресителем прошедших веков бытия нашего народа* (... они были только...

мумиями). ... Я желаю быть подобным в стремлении к хорошему».

Для Жуковского «История» Карамзина — это не только значительное явление русской литературы, но и факт большого нравственного, общественно-политического влияния на умы, целая эпоха в развитии русской истории.

И в самом деле, несмотря на реакционную политическую доктрину Карамзина, выход его «Истории» имел большое не только литературное, но и историографическое значение. Это заключалось в самом методе исторического исследования Карамзина. Преодолевая в ряде важнейших случаев свойственный ему рационалистический взгляд на историю, в основе которого лежит борьба «разума» с «заблуждениями», «просвещения и невежества», Карамзин использовал прагматический историко-сравнительный метод исследования, характерный для тогдашней передовой исторической мысли. Это был важнейший этап исторического познания, требующий от ученого не просто описания исторических событий, а их объяснения. Хотя в основе этого объяснения были просветительские волюнтаристские взгляды на историю как на результат побуждения отдельных людей, а основной целью исторического познания считалось «извлечение уроков на будущее». Карамзин широко использовал опыт передовой исторической науки, овладел современными ему приемами критики источника.

Новейшие исследователи «Истории Государства Российского» указывают на внутреннюю противоречивость мировоззрения Карамзина-историка, видя сложное сплетение в его истории консерватизма и четких просветительских тенденций. Как указывалось, внутреннюю противоречивость монументального сочинения Карамзина понимал Пушкин, неоднократно повторяя, что «История Государства Российского» «есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека» (т. VIII, с. 68). Передовые русские люди 20-х годов Пушкин, Вяземский, Тургенев и многие другие очень хорошо чувствовали, что сам принцип самодержавия в «Истории» приходит в столкновение с решительным отрицанием тирании и варварства. Действительно, очень часто реакционные политические декларации Карамзина противоречили объективному художественному и историческому материалу «Истории Государства Российского», на котором подчас убедительно показано губительное воздействие деспотизма на нравственность.

Эту противоречивость осознавал Пушкин. Не принимая нигилистических реплик в адрес «Истории Государства Российского» крайне левой декабристской критики, он писал: «Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво отвергнутые *вер-*

ным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения» (т. VIII, с. 68).

Определенные просветительские тенденции в «Истории» Карамзина, ее достаточно высокий для своего времени историографический уровень и незаурядную художественную форму очень хорошо почувствовал А. И. Тургенев. В письмах 1808—1816 гг. он неизменно положительно и даже восторженно отзывается об «Истории» Карамзина. При этом следует отметить, что в своем отношении к Карамзину Тургенев претерпевает определенную эволюцию. В геттингенский период он резко критически воспринял статью Карамзина «О случаях и характерах Российской истории, которые могут быть предметом художеств». Восприняв от геттингенских историков критический историзм, Тургенев увидел в статье Карамзина ориентацию на вымысел, историческую басню, отсутствие критически проверенных фактов. В этом эпизоде столкнулись не только различные исторические позиции, но и различные эстетические представления. Карамзин видел значительную разницу в подходе к историческому материалу между историком и поэтом-художником. Тургенев принципиально такой разницы не допускал.

Впоследствии, изменив свой взгляд на Карамзина, Тургенев и сам указывал на свое прежнее холодно-критическое к нему отношение. «Я совсем не был пристрастен к Карамзину. Это и ты, и Шлёцер знает». (Арх. бр. Тург., с. 396).

Встретившись с Карамзиным-историком, познакомившись с методами его исследования, А. И. Тургенев, начиная с 1808 г., множество раз в письмах к братьям, в разговорах с Жуковским высказывает горячее одобрение труду Карамзина. В письме от 23 июля 1808, говоря о своей большой дружбе с Жуковским, которую он считает «даром промысла», Тургенев тут же сообщает: «Вчера был у Карамзина в деревне. Восхищался его ...историей. Я еще ни на русском, ни на других языках ничего подобного не читал тем отрывкам, которые он прочел мне из своей книги. Какая критика, какие исследования, какой исторический ум и какой простой, но сильный и часто красноречивый слог! Он превзошел себя. Скажи это Шлёцеру. Открытия его в русской истории, собрания его редких и совсем неизвестных рукописей удивит его. ...Какой порядок в расположении и как он умел воспользоваться летописями. В этом отношении его можно сравнить только с швейцаром Миллером...

...Карамзин не забывает ничего в примечаниях и помещает в них целые тирады и примечательные пиесы, которые без того могли бы потеряться для любителей истории. От сего... течение в слоге и самое повествование ни мало не терпят». (Арх. бр. Тург., с. 390). Через месяц в письме к брату эти мысли повторятся. Подобное мнение об «Истории Государ-

ства Российского» у Тургенева устойчиво. Через год, 29 августа 1809 г., он снова пишет брату: «Скажите ему (Шлёцеру.— Ф. К.), что я снова читал историю Карамзина и восхищался ею. Радовался, что, наконец, русские имеют или, по крайней мере, скоро будут иметь историю, достойную русского народа... Карамзин один из лучших историков этого столетия, которое прославили Шлёцеры, Миллеры, Робертсоны и Гиббоны. Он смело может быть наряду с ними» (с. 396). «Скажи Шлёцеру,— пишет А. И. Тургенев брату через месяц,— что Карамзин нашел новую полную Волынскую летопись, доведенную до 1297 года, богатую подробностями, вовсе неизвестными. Список прекрасный, XIV века, слог для знатоков любопытный, одним словом — сокровище, как пишет ко мне Карамзин. Он несколько ночей не спал от радости... Карамзин пишет свою историю; я с ним часто переписываюсь, и связь наша утверждается более и более» (с. 402).

Нужно полагать, что подобное отношение А. И. Тургенева к «Истории» Карамзина оказало значительное воздействие на формирование исторических взглядов Жуковского.

IX

В своем отношении к «Истории Государства Российского» Жуковский, как нам представляется, претерпевает определенную эволюцию. 10-е — начало 20-х годов — безоговорочное приятие; и вторая половина 20-х—30-е годы, когда складывалась собственная историческая концепция Жуковского и когда отношение к Карамзину становится сложнее по мере нарастания критического отношения поэта к русскому самодержавию в лице Николая I. Следы определенной эволюции содержит уже статья Жуковского «Польза истории для государей».

В НБ ТГУ два экземпляра «Истории Государства Российского». Первое издание 1816 г., принадлежащее, судя по почерку, А. И. Тургеневу, и издание 1818 г., лично принадлежащее Жуковскому³⁵. Здесь много помет в 1-м и 5-м томах. Чаще всего — отчеркивания и подчеркивания. Надписи имеются лишь во введении. Так, ко 2-му абзацу на полях введения написан ряд слов:

Правители, законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременная. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласив выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье (т. I, с. IX).

Правители
Государи
Мудрость
Ум
Нужда
Необходим
Должно
Нужно
Благотворная

³⁵ Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. I, СПб., 1818. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

Ниже в предисловии отчеркнуты абзацы, в которых говорится о высокой патриотической и гражданской миссии отечественной истории. *«Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем (I, IX).* Далее Жуковский отчеркивает перечисление наиболее ярких и славных дел, характеров, картин в русской истории. *«...Смело можем сказать, что некоторые случаи, картины характеры нашей истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время междоцарствования, великаны сумрака, Олег и сын Игорев»* < далее говорится о слепце Василько, Мономахе, Михаиле Тверском, Александре Невском, выделены имена Ивана III, Ивана Грозного, Годунова, Алексея Михайловича, Петра >.

«Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю монарха, достойного жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастья и несчастья... и царь Алексей, мудрый отец императора, коего назвала великим Европа. Или вся Новая История должна безмолвствовать, или Российская имеет право на внимание» (т. I, с. XIV).

Жуковский отчеркивает абзацы, в которых дается мотивировка предлагаемой Карамзиным периодизации русской истории. Внимательно прочитан Жуковским раздел «Об источниках Российской истории до XVII века». Много помет в разделе о летописных источниках. Подчеркнуты имена всех указанных летописцев, особенно много подчеркиваний в разделе о Несторе. *«... Одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторически сказки, видел памятники, могилы князей... сделался первым летописцем нашего отечества»* (т. I, с. XXVII). И далее: *«Сия почти непрерывная цепь хроник идет до государства Алексея Михайловича»* (т. I, с. XXX).

Очень много помет Жуковского в главе «О народах, издревле обитавших в России, о славянах вообще» (т. I, с. 3—50). Жуковский фиксирует свое внимание на названных Карамзиным древнейших обитателях Причерноморья, как они даны у Геродота (скифы, геты, вежды, гунны). Его привлекает вопрос о расселении восточных славян, который освещается Карамзиным по летописи. *«Многие славяне, единоплеменные с ляхами, обитавшими на берегу Вислы, посели-*

лись на Днепре в Киевской губернии и назвались полянами — от чистых полей своих» (т. I, с. 32). (Это отчеркнуто Жуковским). Его интересуют и другие восточнославянские племена и иноплеменные народы — меря, мурома, мордва, чудь и др. Выше уже указывалось, что, еще читая летописи, Жуковский обращал внимание именно на вопросы древнейшего происхождения славян. В архиве Жуковского сохранились многочисленные конспекты и выписки из «Истории Государства Российского» и других исторических источников. Так, в обширной рукописи Жуковского, озаглавленной «Древняя история славян», приводятся извлечения из Нестора, Шлёцера о народностях, обитавших в России — «чудь», «весь», «пермь», «ямь», «емь» «югра» — и дается объяснение имен:

Древляне (от лесов) в Волынской губернии.
Думбы и Бушане по Бугу, впадающему в Вислу.
Лутичи и Тиверцы по Днестру до Моря и Дуная.
Северяне, соседи поляков по Десне.
Дреговичи в Минске и Витебске.
Кривичи.
Полочане.
Славяне на Ильмене.

Приводится также длинный ряд неславянских народов в России³⁶.

Жуковский-читателя «Истории Государства Российского» интересовали разделы, в которых рассказывается о религии славян. Он отчеркнул следующий большой абзац: *«В России, до введения христианской веры, первую степень между идолами занимал Перун, бог молнии, которому славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного мореплавателя. Кумир его стоял в Киеве на холме, вне двора Владимирова, а в Новгороде над рекою Волховом: был деревянный, с серебряною головою и с золотыми усами»* (и далее, I, с. 88—89). Тщательно отчеркивает Жуковский все, что относится к народной этнографии, поверьям, народным обычаям (Купала, Коляды, Русалки, домовые, кикиморы), отмечает разделы, где говорится о грамоте древних славян, об азбуке (I, с. 110—111).

Так же, как летопись и Шлёцер, Карамзин начало русской истории отодвигает в седую древность. Однако это не мешало Карамзину отстаивать норманнскую теорию происхождения русского государства, что воспринимается и Жуковским. Очень много отчеркиваний в главе IV о Рюрике, Синеусе и Труворе, об основании монархии (т. I, с. 116 и далее).

Тем не менее вопреки утверждениям многих норманистов, Карамзин признает древнерусское государство не царством варварства и темноты, а «могущественным и славным». Жуковский подчеркивает (так же, как при чтении Шлёцера) все

³⁶ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 90, л. 4, 4 об., 5 об., 6.

признаки этого величия. Он предельно внимательно читает главу X «О состоянии древней России», особенно о правлении, гражданских законах, о состоянии городов, успехах разума, механических и свободных художествах. Очень много отчеркиваний в примечаниях к I тому, где Карамзин наиболее явно обнаруживает свой критико-сравнительно-филологический метод исследования. Много подчеркиваний Жуковского в оглавлении I тома:

Гл. V. *Нашествие угров.*

Гл. VI. *Явление Печенегов.*

Гл. VII. *Нашествие Печенегов.*

Наружность Святослава, кончина его.

Из гл. VIII. Междоусобие кн. *Ярополка* и *Олега*.

Из гл. IX. Камская *Болгария*, *Горки ... Война с Хорватами* и *Печенегами ... Набег Печенегов ...* Кончина *Владимира. Свойства его.*

Наибольшее количество помет Жуковского в I томе (862—1015).

Много их и в V томе «Истории Государства Российского». I глава о Дмитрии Донском содержит более 60 больших отчеркиваний (иногда на целую страницу), характеризующих внутреннюю и внешнюю политику Дм. Донского (1363—1389). Очень много отчеркиваний Жуковского и во II главе «Великий князь Василий Дмитриевич» и в III — посвященной Василию Темному. В IV разделе «Состояние России от нашествия татар до Иоанна III» в примечаниях (VI), в отличие от I тома, отмечено лишь одно место, где приводятся данные из различных летописных сводов, по-разному объясняющих уход Тамерлана из Ельца и нежелание «азиатского деспота» идти на Москву в 1395 г. В летописях, в частности, говорится о знаменитой владимирской иконе, которую народ якобы встретил на Кучкове поле и с которой предание связывает уход татар. Жуковский отчеркивает следующее место: «В Троицк. лет.: *«Место то было тогда на Кучкове поле, близ града Москвы на самой на «велицей дорозе Володимерской».* В Никон. и Древн. лет. рассказывается, что в тот самый день и час, когда жители московские встречали икону Марии, Тамерлан дремал в шатре своем и видел сон ужасный: *«Высокую гору и с ее вершины идущих к нему многих святителей с золотыми жезлами; над ними, в сиянии лучезарном, явилась жена благолепия и величия неопisanного, окруженная тьмами молниеобразных воинов, которые все грозно устремились на Тамерлана. Он затрепетал, проснулся и, созвав вельмож, спрашивал о смысле такого сновидения. «Сия величественная жена — ответствовали мудрецы — есть Богоматерь, защитница христиан. Итак мы не одолеем их, — сказал монарх Чагатайский, и велел полкам своим ити об-*

ратно» (V., с. 150). Карамзин объясняет этот факт отнюдь не мистическими причинами, а трезвым расчетом татар, не желающих застать в России «зиму со всеми ее жестокостями» и вступать в бой с хорошо выученным и мужественным противником, который «умел победить Мамай». «Завоевание Индии, Сирии, Египта, — пишет Карамзин, — богатых природою и торговлею, славных в истории мира, пленяло воображение Тамерлана: Россия, к счастью, не имела для него сей прелести. Он спешил удалиться от непогод осенних, и по течению Дона спустился к его устью» (т. V, с. 151). Жуковский подчеркивает это объяснение Карамзина, однако в примечаниях он выделяет и летописные свидетельства, в которых заключались всегда волновавшие поэта поперья и предания народа.

О внимательном изучении Жуковским «Истории Государства Российского» свидетельствуют не только книги, но и подробные конспекты со ссылкой на Карамзина, относящиеся к 20-м годам³⁷. На основании этих конспектов и многочисленных других источников (летописи, Шлёцер, Эверс и др.) Жуковский пишет две статьи: «Введение в Историю Государства Российского» и «Черты Истории Государства Российского»³⁸. Сравнение этих трудов Жуковского с «Историей» Карамзина позволяет увидеть не только несомненную близость, но и определенное расхождение, которое особенно заметно к концу 20-х годов.

Принимая периодизацию Карамзина и отстаивая ее³⁹, Жуковский выделяет в русской истории три периода: древний, средний и новый. Объясняет это он следующим образом: *«В древней истории видим начало государства, его просвещение христианскою верою, его раздробление на уделы, произошедшие от этого междоусобия и наконец порабощенные иноземными варварами, борьбу с сими двумя бедствиями государственными, уничтожение уделов и утверждение единовластия. Характер сего длинного периода есть деспотизм удельных властителей...*

В средней истории видим владычество государей единовластных, Рюрикова племени, прекращение сего племени, произошедшие от того мятежи и новое порабощение ино-

³⁷ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 105.

³⁸ Обе эти статьи Жуковского относятся, по всей вероятности, к концу 20-х годов. См.: ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 90, 107, 105, 103. И. Бычков относит эти рукописи к 20-м годам. Представляется, что датировка А. С. Архангельского 1834-м годом неправильна. Жуковский, как указывалось выше, изучает русскую историю уже с 1810 года. С выходом «Истории Государства Российского» (1816) и трудов Эверса это изучение приобретает уже определенную систему, которая четко определяется в период его педагогической работы (см. план 1826 г.).

³⁹ См. пометы Жуковского на книге Н. Устрялова «О системе прагматической русской истории». СПб., 1836 (см. ниже).

земцами, наконец, уничтожение сего порабощения и возрождение России с воцарением дома Романовых. Характер сего периода есть деспотизм единовластия».

В третьем периоде видим преобразование России введением европейского просвещения, распространение границ ее, давшее ей почетное место между державами Европы и, наконец, ее сильное влияние на судьбу государств европейских. Характер сего периода есть самодержавие, утратившее необузданность восточного деспотизма умеренною образованностью европейскою»⁴⁰ (подчеркнуто нами — Ф. К.).

Разделяя карамзинское рационалистическое представление о ходе общественного развития, в основе которого мыслится борьба разума и заблуждения, просвещения и невежества, Жуковский движущей силой прогресса считает просвещение, развитие которого он связывает с деятельностью отдельных личностей, с характером правления.

Под этим углом зрения Жуковский рассматривает деятельность российских князей 862—1237 гг. Уже при характеристике первых правителей российских у Жуковского по сравнению с Карамзиным проявился более отчетливо «учительный» взгляд на историю. Опуская многие события в жизни и деятельности Олега, Игоря, Святослава, Владимира, Жуковский акцентирует свое внимание лишь на том, что может служить историческим уроком.

Вот почему подход у Жуковского более критический, а его характеристики русских правителей более определенные и четкие. Приведем примеры.

Жуковский

Олег, старший в роде после Рюрика, наследует престол его вместо малолетнего Игоря и тем подает бедственный пример наследования для времен грядущих. Его воинственное мужество полагает твердое основание мужеству России. Присвоив кровавым предательством южную Киевскую область, он рядом быстрых завоеваний соединил ее с северной областью Новгородскою и Балтийское море с Черным;... и пригвоздив ко вратам Царяграда огромный северный щит свой, со славою возвращается в Россию с именем вешего и мудрого.

Карамзин

Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своею отважностью, победами, благоразумием и самою любовью поданных (и далее о героизме и победах Олега). (1, 123—124).

Жуковский в большей мере, чем Карамзин, смотрит на Олега через призму будущего, поэтому в отличие от автора «Истории Государства Российского» говорит о том, что Олег «подает бедственный пример наследования» (слова подчеркнуты Жуковским) для времен грядущих. Более Карамзина

⁴⁰ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 103, л. 1, 1 об.

Жуковский говорит о кровавом предательстве Олега, хотя при этом и не отрицает его воинского мужества и исторических заслуг (несравненно лаконичнее и строже, чем Карамзин, который раскрывает героизм и военные доблести и государственную мудрость Олега со всей обстоятельностью историка). Сравним далее характеристики Игоря.

Жуковский

Игорь, преемник Олега, не сходный с ним ни умом, ни мужеством, двукратно покушается против Царяграда; в первый раз он побежден греческим огнем и бурей, во второй преклонен к миру дарами испуганного императора. Возмущив жестоким хищничеством свирепых древлян, он погибает в земле их без славы. (X, с. 32, подч. нами. — Ф. К.)

Карамзин

Игорь в зрелом возрасте мужа принял власть опасную; ибо современники и потомство требуют величия от наследников царя великого или презирают недостойных (далее у Карамзина — о неудачных походах Игоря. Стремление оправдать князя, с. 155—156). Он действительно хотел мира для своей старости, но корыстолюбие собственной дружины его не позволило ему насладиться спокойствием... (и далее о заслугах Игоря, т. 1, с. 157; и некоторых упреках его памяти — с. 158).

То есть у Карамзина более спокойный, эпический тон, необходимый историку, который повествует о былом. Жуковский острее судит о прошлом, со строгостью своего современника, человека 20-х годов XIX в. С горечью говорит Жуковский «об отсутствии» у правителя «ума и мужества», с осуждением — «о жестоком хищничестве», которое обрекает его умереть без славы.

Вынашивая в своем сознании идеал просвещенного монарха, Жуковский оценивает историческое прошлое России с позиций этого идеала. В духе либерального французского просвещения (Монтескье) Жуковский в качестве важнейшего условия просвещенной монархии считал безусловное подчинение властителя строгому закону.

В разделе «О состоянии России в первом периоде» Жуковский большое внимание уделяет характеру правления, как он складывался генетически в момент зарождения государства. Первый устав вновь образованного государства в России предоставлял верховную власть князю в строгом подчинении закону. Уже слова новгородцев, переданные летописцем, подчеркивают, по мнению Жуковского, эту важнейшую мысль: «Хотим князя да владеть и править нами по закону». Но такое правление (Жуковский называет его монархическим) было очень скоро нарушено тем, что наряду с князем неограниченной властью пользовалась варяжская дружина. «Признавая высшую власть княжескую, — пишет Жуковский, — они <независимые варяжские дружинники> властвовали неограниченно».

раниченно данными им областями»⁴¹. «Таким образом,— заключает автор,— вместо монархического правления, основанного на законе, образовалось правление феодальное, основанное на одной силе»⁴². Большая заслуга Владимира Святославовича (980—1015 гг.), его первые важные дела состояли, по мнению Жуковского, в «уничтожении деспотизма феодального» (т. е. деспотизма варяжской дружины). «Владимир принуждает варяжскую дружину, столь опасную как для князя, так и для государства, покинуть Россию»⁴³. Не менее значительным делом Владимира является объединение под его эгидой раздробленной России, «и власть единодержавная,— утверждает Жуковский,— достается руке, ее достойной» (т. X, с. 34). Крупной же ошибкой Владимира явился раздел России между сыновьями. «Владимир, < ... > положив основание истинному могуществу России, сам потрясает сие могущество разделением государства между сыновьями»... (т. X, с. 34). Образование уделов, по мнению Жуковского, немедленно приводит к ослаблению централизованного управления и усилению деспотизма удельных правителей. Образовались правление «наследственное, поместное, <...> основанное на одной силе». Жуковский более остро, чем Карамзин, осуждает деспотизм удельных князей, не знавших над собой никакого закона и приведших к пагубной междоусобице. «Россия,— пишет он,— была собственностью князей: по праву одной власти, которой ничто не могло ограничивать в те времена, они могли, кому хотели, раздавать города и волости. Целью власти могла быть только власть»⁴⁴. При таком правлении попирались самые элементарные права подданных, а это лишало государство самого главного, по мнению Жуковского, нравственной силы, которая мыслится последним только как единство правителей и народа.

Говоря о длительном и пагубном для России периоде междоусобных войн, Жуковский делает следующий вывод: «Что же, одним словом, низвергло отечество наше в сие долговременное бедствие? С одной стороны, раздробление государства, которым уничтожалась его сила материальная; с другой — несчастное отношение государей к подданным, которым в самом зародыше умерщвлена была его нравственная сила...» (т. X, с. 50).

Нравственная сила государства, с точки зрения Жуковского, определяется характером отношения правителя и подданных, правителя и народа. Огромную роль в регулировании этих отношений играют два важнейших фактора, по Жуковскому — гражданское законодательство и просвещение России. Послед-

⁴¹ Там же, л. 9.

⁴² Там же. Под феодальным правлением Жуковский, очевидно, понимал деспотизм варяжской дружины.

⁴³ Там же, л. 9.

⁴⁴ Там же, л. 10.

нее, как мы видели, явилось важнейшим критерием периодизации Жуковского. Жуковский высоко ценит Владимира Святославовича и в большей мере, чем Карамзин (см. «Историю Государства Российского», т. I, с. 201—233) акцентирует внимание на просветительской деятельности великого князя: «За дела государственные как первый просветитель и образователь России он заслужил имя великого»⁴⁵. И распространение христианства Жуковский истолковывает также в просветительском плане, явно идеализируя Владимира. «Сие великое событие,— пишет Жуковский,— навсегда решит судьбу нашего отечества: с христианством начинается в России образование гражданское, просвещение ума, укрощение диких нравов...» (и далее) (т. X, с. 34).

Достойный наследник Владимира Ярослав продолжает его просветительскую деятельность. «Продолжая, по примеру Владимира, действовать для распространения веры христианской, заведением училищ, созданием храмов и монастырей, переводом священных книг с греческого и размножением их списков для пользы общей, Ярослав первый дарует России «письменные законы» (подчеркнуто Жуковским). Жуковский подробно рассматривает «Русскую Правду» Ярослава уже при характеристике «Состояния России при первом периоде». (У Карамзина «законы гражданские» рассматриваются позднее — см. т. II, с. 236 и далее). С позиций своей идеализированной программы просвещенной монархии Жуковский считает невозможным не коснуться сути государственных законов в период генезиса государства, так как именно они для Жуковского, как и для многих просветителей XVIII века, определяют характер правления. Причем, опираясь на соответствующий материал, приведенный в «Истории Государства Российского», Жуковский берет из законов прошлого только то, что представляет собою современный интерес — например, «охранение личной безопасности», «охранение собственности»; очень много внимания уделяется суду и судопроизводству. Двойной чертой выделяет Жуковский мысль о том, что «древние свободные Россияне не терпели никаких телесных наказаний и не было никакого различия между россиянами варяжского племени и славянами» (21 об.). Следует указать еще на одну характерную черту в логике исторического повествования Жуковского. Обращая пристальное внимание на развитие в древней Руси просвещения, выделяя в этом отношении деятельность Владимира и Ярослава, Жуковский счел необходимым напомнить в «Чертах истории государства Российского», предназначенных для воспитания наследника престола, что именно Ярослав дает новгородцам льготные грамоты, породившие «самобытность великого города, ту буйную свободу, которая

⁴⁵ Там же, л. 12. Подчеркнуто нами.— Ф. К.

около пяти веков возвеличивает и волнует Новгород...» (т. X, с. 35). То есть, по мнению Жуковского (и здесь он был близок Пушкину), свобода — неминуемое следствие просвещения. Так, все более четко определяется историческая концепция Жуковского, в основе которой в качестве движущей силы прогресса называется просвещение народа и государства. По мере развития просвещения, думает Жуковский, умеряется произвол деспотизма, создаются предпосылки для подлинно просвещенной монархии.

Именно поэтому как историк и просветитель либерального направления Жуковский уже при изучении первого периода русской истории сосредоточивает в поле своего зрения целый комплекс вопросов, связанных с просвещением России («вера, закон, язык, грамота, искусства»). Как указывалось выше, преимущественное внимание к древнему периоду российской истории (862—1237) объясняется тем, что именно в это время проявляются характернейшие черты русского государства и народа, определяется импульс его дальнейшего развития.

Таким образом, будучи в своих исторических опытах во многом зависимым от Карамзина, Жуковский в истории древней Руси акцентирует внимание на том, что помогает с особенной наглядностью высветить его просветительскую концепцию, как она сложилась к 30-м годам XIX века.

Вместе с тем следует отметить, что исторические взгляды Жуковского не выходят за рамки либеральной дворянской историографии 20—30-х годов, несут на себе черты ее ограниченности и одновременно свидетельствуют об ее кризисе. Иллюзорная теория просвещенной монархии приходила в столкновение как с историей российского самодержавия, так и с реальной практикой Жуковского, воспитателя будущего царя.

Однако просветительская программа Жуковского обнаруживала несостоятельность николаевского самодержавного деспотизма, обнажала пропасть между царем и народом, то есть со всей очевидностью демонстрировала отсутствие той высокой нравственной силы, о которой так горячо писал Жуковский в своих «Чертах русской истории» как об единственно правильной основе государства. Просветительская программа Жуковского, таким образом, служила обличению самодержавного деспотизма и крепостничества. И в этом прежде всего ее прогрессивный общественный смысл. Не случайно «Черты русской истории» Жуковского, тщательно подготовленные поэтом к печати, как известно, были запрещены цензурой.

Х

Среди книг по русской истории и историографии в библиотеке Жуковского обращает на себя внимание брошюра

Н. Устрялова «О системе прагматической русской истории»⁴⁶. Работа состоит из 2-х частей: 1) историографический очерк (с. 1—40); 2) система прагматической истории, предложенная автором (с. 40—82) и краткие выводы (с. 83—84). Пометы Жуковского — отчеркивания, подчеркивания, знаки вопроса и восклицания содержатся преимущественно в историографической части, посвященной оценке «Истории Государства Российского» Карамзина и содержащей много критических замечаний автора. Приведем наиболее характерные пометы Жуковского⁴⁷.

На первых двух страницах Устрялов говорит о стремлении современной исторической науки к раскрытию «истинных научных начал», в которых бы «теория сочеталась с практикою». Говоря об «Истории Государства Российского» как о лучшем русском историческом сочинении, «главном источнике наших сведений и понятий о древнейшей судьбе нашего отечества», Устрялов указывает на определенную устарелость метода Карамзина-историка, которая проявилась особенно четко в результате новых исторических материалов, найденных и опубликованных за последние 10 лет.

с. 2

Прежде всего образовалось всеобщее убеждение в том, что едва ли есть народ, который мог бы с такими утешительными мыслями оглянуться на прошедшее и получить от него столько пользы в настоящем, как мы, Русские. С одной стороны, мы с справедливою гордостью можем сказать, что предки наши, застигаемые неоднократно беспримерными бедствиями, каких не вынес бы ни один народ, спасали себя не случаем, не чужеземною помощью, а собственными силами; что они умели выпутываться с честью и славою из самых трудных обстоятельств; что страницы нашей истории ознаменованы более делами доблести, нежели порока, и что, наконец, только она описывает деяния Петра Великого.

с. 3

С другой стороны, после решительного влияния на нас Европейского образования, когда пробудилась мысль о народности, обещающая столь возделенные плоды в будущем (...) Наконец, русская История должна решить самым положительным

⁴⁶ Устрялов Н. О. О системе прагматической русской истории. Рассуждение, написанное на степень доктора философии. СПб., 1836.

⁴⁷ Подчеркивания, отчеркивания и все пометы на полях (NB, !, ?) принадлежат Жуковскому.

образом великий современный вопрос о Польше и о повластной ей некогда Западной России. Между тем с постепенным развитием идеи о высоком значении отечественной Истории (...) образовалось убеждение в том, что большей части наших бытописателей не достает правильного критического воззрения; что они оставили без ответа многие важные вопросы, и что целые периоды нашего государственного существования покрыты нестижимою темнотою(...) Лучшее, полнейшее из сочинений, объясняющих древнюю судьбу нашу, «История Государства Российского», многим даже невзыскательным читателям стало казаться не удовлетворительным: говорят, что при всей красоте повествования, оно наполняет ум какими-то несвязными картинами, (...) что в нем напрасно будет искать развития жизни общественной, успехов законодательства, промышленности. Одним словом, все постигают высокое значение исторического знания и все говорят в один голос, что Россия не имеет своей Истории. Виною столь ощутительного в наше время недостатка могут быть два главных обстоятельства: 1. недостаток материалов; 2. неудачный выбор плана, или неуспешное исполнение его.

с. 4.

Эта мысль <о недостатке материалов. -- Ф. К.> столь распространилась, что многие из наших писателей впадают в забавные ошибки; например, автор книги под заглавием «Царствование Алексея Михайловича», говорит (...), что все акты, относящиеся ко времени сего Государя, истреблены, забыв, что в полном собрании законов напечатано 618 одних узаконений царя Алексея Михайловича, и что в архивах хранятся целые кипы Дворцовых записок его времени.

...Возразят, что не каждому удастся быть в тех обстоятельствах, в коих находились Карамзин и Голиков; отвечаю: во-первых (...) у нас архивы доступны так же, как и в других странах; во-вторых, от бытописателя требуется не только искусство изложения, но и труд приискания и обработки материалов. Скажу более: даже печатные материалы наши так обильны, что Гиббон, наверное, не имел в руках такого сокровища, описывая упадок и разрушение Римской империи.

...Систему же русской истории должны мы создавать сами, не придерживаясь ни Юма, ни Миллера: ибо у нас развитие государственной жизни совершалось по иным началам, под влиянием иных обстоятельств (...) мы не имеем прагматической Истории, основанной на истинных началах Науки

и соответствующей потребностям времени. В доказательство этого доложения, я считаю нужным: 1) изложить главные условия отечественной Истории в смысле науки;

с. 5

История Российского государства в смысле науки (...) должна объяснить постепенное развитие гражданской жизни нашей, от первого начала ее до позднейшего времени с тем, чтобы, разлив свет на главные условия быта общественного и раскрыв, почему они существуют так, а не иначе, указать, какое место занимает Россия в системе прочих государств, какие правила политики внутренней и внешней наиболее были сообразны с ее выгодами; какие причины как плоды времени и обстоятельств ускоряли и замедляли успехи промышленности и образованности.

с. 6

...История должна обнимать все, что имело влияние на судьбу государства, что оставило по себе следы заметные. Вследствие того она изображает: достопамятные действия людей, управляющих внутреннею и внешнею политикою России; успехи законодательства, промышленности, наук и художеств; влияние религии, нравов и обычаев.

В таком смысле, отечественная история займет великое место в кругу Наук общественного образования. Как верная повесть всего родного, как завет предков к потомству, объясняя рядом картин гений народа, плоды семян добрых и злых, озаряя в неразрывной цепи веков все отечественное, она разовьет идею России во всем объеме ее, покажет истинные свойства народа и потребности государства, подтвердит умозрительные исследования всего, что относится до России, и послужит лучшим пособием к применению всякого рода уставов: ибо все улучшается опытом.

с. 7

Два условия необходимы для достижения высокой цели истории: прежде всего, самое подробное, верное и отчетливое знание фактов.

...Для соединения же фактов в одно стройное целое (...) необходимо: а) вникнуть в общий смысл истории и найти нить, связывающую все явления непрерывною цепью (...); б) определить точки, где общий ход событий получает иной характер, вследствие стремительного переворота дел, или быстрого развития гражданственности, и сообразно этому изменению разделить все факты на несколько разрядов для лучшего обзора и уразумения их; в) приравливаясь к общему историческому ходу, разместить все явления по мере важности, так, чтобы в изображении их соблюдена была точность и соразмерность

История должна показать верно то, что было — что бы могло быть — это не ее дело.

с правильной связью причин и следствий. Перспектива, в особенности правильное освещение, необходимо как в живописи, так и в Истории. Вот главные условия прагматического изложения. Теперь взглянем, в какой степени выполняли их наши бытописатели.

с. 8

Первоначальной формой нашей истории была Летопись — хронологическая повесть событий, без всякой прагматической связи.

<Далее отчеркнут весь большой абзац о летописях, их характеристика>

Летописи наши прекратились около того времени, когда быстро исчезли почти все формы древнего русского мира, при Петре Великом. Между тем уже давно пробудилась мысль о своде старинных хроник в одно целое: в этом духе составлены были Степные книги, Летопись Никона: с той же целью, в первой половине XVIII века трудился и Татищев...

с. 9

...Труд его был бы чрезвычайно важен для последующих бытописателей, как собрание материалов, если бы автор выполнил свое предприятие отчетливо и добросовестно (...)

с. 10

Татищев был последним представителем второй системы нашей историографии, т. е. свода Летописей. Незадолго до него князь Хилков попытался создать прагматический рассказ, т. е. с объяснением влияния одного события на другое, с указанием причин и следствий (...)

С той же целью, с теми же притязаниями, в первой и особенно во второй половине XVIII в. писали Ломоносов, Щербатов, Елагин, Эмин, Стриттер, Левек и некоторые другие (...) Не взирая на все хлопоты, до времен Карамзина не было и тени прагматической Русской Истории (...)

с. 11

После таких писателей Карамзин явился истинным гигантом (...) Литератор просвещенный, художник по призванию, по влечению души (...) Ему надлежало бороться с неимоверными затруднениями: не имея ни одного надежного путешественника, исключая Шлёцера (и то только до Владимира), он должен был собирать материалы, о существовании коих никто даже не предполагал; соглашать беспрестанные противоречия в числах, именах лиц (...) бороться с укоренившимися предрассудками; одним словом разрабатывать руду не оцененную, но почти не тронутую; он, говорю, исполнил свой долг с честью и славою. Самые строгие судьи его могут говорить, рассуждать и спорить только о том, что

!!

описал Карамзин; далее предела, где пресеклась его история, они не восходят.

...Заботливость его о сохранении всех преданий минувшего простиралась до такой степени, что самые ничтожные случаи, даже сказки нашли место в его сочинении, если не в тексте, то в примечаниях. Кроме того, ни одно сколько-нибудь важное показание не осталось без подтверждения ссылками на первые источники. Этого мало: автор не довольствовался одним набором фактов; держась строго хронологии, он старался дать значение каждому событию, угадывая характер действовавших лиц, вникал в дух времени, собирал черты жизни гражданской и семейной, следил за промышленностью, законодательством, словесностью, хуожествами, ремеслами;...

с. 12

Главным средством к достижению этой цели он признавал искусство рассказа, говоря, что «знание всех грав на свете, ученость немецкая, остроумие Вольтерово, ни самое глубокомыслие Макиавеля, в историке не заменят таланта изображать действие».

Многие упрекали Карамзина за предпочтение рассказа всем другим достоинствам бытописателя: ибо в таком случае История будет повестью, сказкою, а не наукою, имеющей предметом развитие идеи о человечестве. Упрек несправедливый. Карамзин смотрел на искусство повествования как на умение автора выражать ясно, верно, изящным слогом не безотчетные идеи, а результат предвзятых критических соображений. Он не хотел затемнять текст исследованием противоречий других историков, помещая свои разыскания в примечаниях, и стараясь представить только то, что после многих исследований считал результатом. <Далее автор излагает взгляд Карамзина на проблему периодизации русской истории, критическое отношение Карамзина к периодизации Шлёцера, выделившего пять этапов в истории России:

- 1) от 862 до Святополка — рождающаяся,
- 2) от Ярослава до Монголов — разделенная,
- 3) от Батыея до Иоанна III — угнетенная,
- 4) от Иоанна до Петра — победоносная,
- 5) от Петра до Екатерины — процветающая >.

с. 13

«Гораздо лучше, истиннее, скромнее, — заключает историограф. — История наша делится на древнейшую от Рюрика до Иоанна III, на среднюю от Иоанна до Петра, и новую от Петра до Александра. Система уделов была характером первой эпохи, единовластие второй, изменение гражданских обычаев третьей».

С первого взгляда доводы Карамзина кажутся основательными, и читатель изумляется, как мог такой ученый и отчетливый систематик, как Шлёцер, впасть в столь грубую ошибку. Но вникая

в основные начала того и другого писателя, мы находим, что разделение Шлёцера, имеющее свои неудобства, правильнее разделения Карамзина.

Удельная система, согласно с мнением Шлёцера, была господствующею, главною пружиною, только от Ярослава до Монголов. Она обнаруживалась и прежде Ярослава, но тогда уступала внешнему расширению норманнов или стремлению их к завоеванию земли славянской; обнаруживалась и после нашествия монголов, но тогда ее подавляло господство Золотой Орды, дававшее направление всем событиям.

с. 14—15

Сказав: «Русская история лучше, истиннее, скромнее делится на Древнюю, Среднюю и Новую», он, очевидно, принимал эти слова в том значении, в каком понимают их Европейские ученые при рассмотрении Всемирной Истории; т. е. Древняя История представляет мир исчезнувший, Средняя служит переходом от Древнего к Новому; Новая объясняет начало и развитие тех элементов, из коих образовалась современная жизнь. Если допустить эти основания, идея о древнем Русском мире поведет к ложным умозаключениям. В таком случае надобно будет предположить, что со времени Иоанна III, после крутого переворота, начался новый порядок вещей, изменились отношения внутренние и внешние.

с. 16

...и разделять временем Иоанна III все пространство от начала Руси до Петра Великого на две отличные половины, мне кажется ошибкою, тем более важную, что от этого зависит неправильное воззрение как на общий ход событий, так и на частные подробности: ибо автор должен был придерживаться главной идеи, принятой им за основание.

Отличительным характером Древней Истории, говорит Карамзин, была система уделов. Я согласен, что право удельное определяло порядок престолонаследия и взаимные отношения членов господствующей фамилии. Но, 1) справедливо ли принимать одно право престолонаследия основанием исторического деления? Не следует ли обращать внимание на другие обстоятельства, особенно когда видим, что удельная система была господствующим явлением, источником событий только от Ярослава до Монголов, до Ярослава же главным явлением было быстрое расширение Норманского господства над славянами и основание Руси...

с. 17

2) право удельное господствовало у нас до самого прекращения Рюриковой династии в лице царевича Дмитрия Углицкого, последнего удельного князя.

?

[нет]

Автор утверждает сперва ложь, потом себя же опровергает

?

?

?

[нет]

Следовательно, в таком случае удельная система будет служить отличительным характером нашей истории не до половины XV, а (...) до конца XVI в.

Касательно идеи Карамзина о средней истории, или о пространстве времени от Иоанна III до Петра Великого, мы уже выше заметили, что это название нельзя допустить в смысле перехода от древнего порядка вещей к новому, тем более, что здесь не было аналогичных явлений с папизмом и феодализмом. Неправильно будет название средней истории и в том смысле, какой дает ей Карамзин, сказав, что отличительной чертой ее было стремление к самодержавию. Это стремление родилось в уме Иоанна Калиты, живо обнаружилось и при Дмитрии Донском и достигло своей цели при Иоанне III. С тех пор самодержавие было принято за неперемнное условие бытия Русской Державы, так точно, как христианская вера греческого исповедания. Напрасно будем приводить в пример Иоанна IV: Иоанн допустил на несколько лет управлять собою Сильвестру и Адашеву (...) но как скоро он изъявил намерение править сам, никто с ним не спорил. Если же Иоанн губил вельмож, истреблял княжеские поколения, то он же губил слабых женщин, служителей своих, иноков, родных, наконец, умертвил и собственного сына. Следовательно, в действиях его обнаруживается не потребность века, а причудливость нрава. Сам автор видел невозможность держаться принятой им идеи: ибо чем наполнил он рассказ от начала XVI, даже от половины XV века, до начала XVII столетия? Войнами с монголами, с Польшею, Ливонским орденом, с Швециею, отчасти действиями внутреннего управления.

Он изменил своей идее однако только в Средней Истории; в Древней хотел быть верен принятым началам и впал в другую, не менее важную ошибку.

Автор принимает за истину, что норманны положили в земле славянской начало Руси; следовательно, как виновники бытия Русской Державы, они заслуживали самого тщательного внимания бытописателя.

с. 19

Вместо того, в «Истории Государства Российского» хитрости Ольгины описаны со всеми подробностями сказки (...) О норманнах мы находим несколько слов.

Эверс, рассматривая тот же предмет только в одном отношении к развитию права, нашел средства дать ясную идею о господстве норманнов.

<Далее Устрялов упрекает Карамзина в том, что

«мало развито понятие о следствиях введения христианской веры греческого исповедования»>.

Автор слегка намекает на означенные нами предметы; но этого мало. По самому свойству подобные явления должны стоять на первом плане, а не в тени.

<Далее, по мнению Устрялова, недостаточно показано и объяснено «владычество монголов над Русскою землею»...>

Здесь упущены два обстоятельства: первое, как властвовали монголы, почему оставили Русских Князей на престолах, отчего сами не поселились в нашем отечестве, в каких отношениях были с князьями, до какой степени вмешивались во внутреннее управление; второе, какие были следствия монгольского ига, как долго они сохранялись, когда исчезли или заметны и донныне. В его сочинении нет даже связной истории Золотой Орды, между тем как она властвовала над нами и была главною причиною важнейших явлений. Нельзя оправдываться недостатками материалов: из записок одних латиноких миссионеров можно сделать многие выводы, не говоря об источниках восточных.

Но если мы не в праве требовать от Карамзина огромных ученых разысканий (...) то, с другой стороны, вправе желать более отчетливости, более системы в изложении самых фактов. Не забудем, что искусство изображать события считал сам историограф главным достоинством бытописателя, выше всякой учености. В какой же степени красоты изложения выкупают недостатки общего плана?

с. 21

Слог его в полном смысле заслуживает название образцового, по чистоте, ясности, точности языка и по сообразности с предметом (...). Звучные, стройные периоды Карамзина, где каждое слово на своем месте, где нет ничего лишнего, ничего неуместного, тем более неправильного, доселе служат образцом Русского слога и превосходнейшею школой для молодых писателей...

Но, рассматривая порядок изложения, я встречаю весьма важные недостатки. Автор ведет не нить событий, постепенно обнаруживающихся в нашем отечестве, а ряд великих князей и царей. Сообразно принятому им плану, каждая глава его истории заключает не общее какое-нибудь явление, что-нибудь целое (...) а биографию Великого Князя или Государя. Он рассказывает, например, о Владимире Мономахе: говорит, как Владимир вступил на престол, как он княжил в своих уделах, что в то же время происходило в других княжествах, хотя Владимир там и не господствовал; какие издал законы, как умер и что наконец, еще заметили летописцы об его времени (...) потом начинает главу о сыне его. Мстиславе Великом, и рассказывает об нем в том

же порядке, подводя события разных удельных княжеств под один известный год. Такой план изложения утомителен и для автора и для читателя. Автор встречает величайшее затруднение соединить разнообразные случаи в одну раму, особенно, если хочет показать еще взаимную связь их. Ему остается держаться тона летописного; иначе он впадет в погрешности, если захочет связать факты не хронологией, а прагматизмом.

Неудобства этого плана в особенности ощутительны при описании событий XI, XII и XIII столетий: никакая память не в силах объять того, что рассказывает историограф об удельных князьях (...) Между тем не надобно думать, чтобы удельный период был так запутан и непонятен: должно только следить общее направление событий и не привязывать их к одному лицу князей Суздальских (...) <Автор далее говорит, что разделение «Истории» на главы по царствованиям государей можно допустить со времен с. 23 Ивана Калиты, когда все становится делом отдельного лица»... По мнению Устрялова, Карамзин не в той последовательности и не в том порядке говорит о событиях русской истории при Иоанне III>.

(...) Прежде всего остается мысль о разделении отечества на многие уделы, далее вы видите постепенное уничтожение этих уделов; потом решительный удар, нанесенный Новгороду; после того постепенное свержение ига; борьбу с родом Гедимины за Русь западную (...) и так далее.

Раскрытие этих явлений надлежало, по моему мнению, представить как нечто целое, в отдельных картинах, именно потому, что они большею частью не сцеплялись одно с другим и развивались в своей сфере. Все они происходили из одной мысли Иоанна — о необходимости сосредоточить Русскую землю в одно самостоятельное, независимое государство. (...)

с. 24 Следовательно, беспрестанно разрывать их единственно для того, что в таком-то году случилось то-то и то-то, значит писать не прагматическую историю, а летопись, чего не желал, однако, автор (...) большое различие, пишет ли он летопись, или прагматическую историю. В первом случае он обязан следить день за днем и обращать внимание на порядок времени, не думая о разнородности событий; во втором он размещает факты на известные разряды и показывает взаимное влияние одного на другой. <И далее Устрялов приводит примеры>. В числе событий времени Василия Темного описан Флорентийский собор весьма подробно. <По мнению Устрялова, этот случай был чрезвычайно важен, но> «не с. 25 в отношении к Василию Темному, а к судьбе западной России. как зародыш Унии, кото-

рая так же рассказана не у места в истории Федора Иоанныча, между тем как она имела решительное, прямое влияние на судьбу не Московского Государства, а Литовского княжества.

<При этом Устрялов говорит, что все его замечания относятся к частям, «лучше других отделанным». В слабейших местах, например, в удельном периоде очень много «несообразностей». Устрялов не согласен с тем, что автор, описывая XII и XIII столетия, выставляет на первом плане обыкновенно князей Суздальских, «как будто они властвовали над всею Русскою землей». И в заключении 1-й части Устрялов делает общий вывод о Карамзине>. Труд его будет всегда украшать нашу словесность как богатейший запас исторических сведений, изложенных самым изящным слогом.

с. 26

Но прагматический бытописатель должен искать в нем одних фактов, и каждую догадку или предположение его подвергать строгой исторической критике (...)

с. 48.

Выше замечено мною, что История государства есть не собрание биографии, а картина постепенного развития жизни общественной или правильное изображение переходов гражданского общества из одного состояния в другое. Это развитие (...) бывает следствием преимущественно (...) действия людей, коим судьба вверяет кормило правления. Главные действующие, с яркими, выразительными чертами, должны стоять на первом плане картины минувшего; окрест их обрисовывается в приличной перспективе все, что выражает век, что окружает исполнителей вельний судьбы и так сказать составляет их сферу, от коей они не могут отделиться, и сообразно с коей действуют. Бытописатель обязан вникнуть во все свойства главных героев, узнать их характер, страсти, душу, ум, подробности семейной жизни, отношения, связи; но на все сие он смотрит как на пружину событий (...) предметом же его сочинения, содержащем его повести, должен быть ряд событий, или то, что его усиливало, ослабляло, возвышало, унижало, и в особенности то, что оставляло по себе глубокие следы (...)

с. 49

При изложении каждого периода, или известного пространства времени, (...) прежде всего я указываю смысл его, или в общих чертах объясняю, какая настала перемена в судьбе государства, отчего и почему? (...) и подводя под главные общие явления, все частности; наконец ловлю моменты пред началом новой перемены или новой решительной эпохи и означаю, в каком состоянии находилась Россия, какую имела она сферу пред наступлением нового переворота дел...

При начертании общего плана прагматической Русской истории необходимо вникнуть в главный ход событий и вывести начало из господствовавших явлений, в коих отражалась судьба всего государства; не увлекаясь односторонними соображениями хода дел Западной Европы, ибо у нас развитие государственной и народной жизни до Петра Великого совершалось под влиянием иных обстоятельств.

В диссертации Устрялова отразились некоторые новые принципы русской историографии. Здесь предпринята попытка обобщить многочисленные критические выступления ряда русских ученых 20—30-х годов по отношению к «Истории» Карамзина и сформулировать некоторые новые методологические принципы, своеобразно отразившие проникновение буржуазных тенденций в развитие русской исторической науки⁴⁸.

Признавая бесспорные заслуги Н. М. Карамзина, Устрялов предъявляет к нему ряд претензий методологического характера. Прежде всего он не принимает «летописный» метод «Истории» Карамзина как собрания биографий отдельных князей и царей, между тем как история должна быть «картиною постепенного развития жизни общественной и народной» (с. 5). В «Истории Государства Российского» не показано, по мнению Устрялова, «развитие жизни общественной, успехов законодательства, промышленности» (с. 6). Автор формулирует свои принципы прагматической истории, в которой главное — понимание общего смысла происходящих событий, переходов «гражданского общества из одного состояния в другое». Современный историк должен «найти нить, связывающую все явления непрерывной цепью», осмыслить глубокие причинно-следственные связи исторических явлений (с. 7).

Жуковский, будучи в целом последователем карамзинской историографии, не разделяет главного критического пафоса Устрялова (см. два вопросительных знака на с. 23). Не может он согласиться и с общим скептическим выводом автора о том, что «Россия еще не имеет своей истории» (Жуковский это подчеркивает и ставит знак вопроса (с. 3)). Тем не менее труд Н. Устрялова явно заинтересовывает Жуковского. Он внимательно вчитывается в историографический очерк, отмечает некоторые интересные для него сведения фактического характера (с. 4), с интересом следит за тем, как характеризует автор летописный период русской истории, предшествующих Карамзину историков и место Карамзина в русской историографии (см. множество отчеркиваний и подчеркиваний на с. 8—12).

Бесспорна положительная реакция читателя-Жуковского в тех местах книги, где о труде Карамзина говорится как

⁴⁸ См.: «Из историографии истории СССР». М., Изд. «Высшая школа», 1971, с. 8—9.

о «великом подвиге», где характеризуется высокая историко-ведческая культура Карамзина-историка, его историко-критический метод, его беспримерное искусство рассказа. Слова Устрялова: «Самые строгие судьи его могут говорить, рассуждать и спорить только о том, что описал Карамзин; далее предела, где пресекалась его «История», они не восходят», Жуковский отчеркивает и снабжает двумя восклицательными знаками.

Однако интерес Жуковского, его положительную реакцию вызывает не только высокая похвала Устрялова в адрес Карамзина, но и некоторые критические замечания в адрес его «Истории» (см. с. 20, где НВ Жуковский по-видимому разделяет упрек Карамзину, не давшему «связной истории «Золотой Орды», несмотря на наличие материалов).

Но главный интерес для нас представляет вдумчивое отношение Жуковского к самой системе прагматической русской истории, изложенной Устряловым в его диссертации. Жуковский отчеркивает главные требования к прагматической истории: «а) вникнуть в общий смысл истории и найти нить, связывающую все явления непрерывной цепью; б) определить точки, где общий ход событий получает иной характер...» (и далее с. 7), «в) приноравливаясь к общему историческому ходу, разместить все явления по мере важности так, чтобы в изображении их соблюдена была точность и соразмерность» (с. 7). Весь этот большой период с одной стороны отчеркнут, с другой — на правом поле книги Жуковский чертит две маленьких вертикальных черточки и вдоль них обозначает ряд точек. Он как бы графически изображает третье условие прагматической системы Устрялова: умение соблюсти соразмерность и точность в изображении отдельных явлений в соответствии с общим ходом исторического развития. Требуя от истории не собрания биографий, а «картину постепенного развития жизни общественной» (с. 48), Устрялов в программной части своего труда подробно разъясняет свое понимание характера отношения личности «главного действующего лица» и государства в целом. Жуковский внимательно читает и отчеркивает с двух сторон эти рассуждения (с. 48—49). Насколько рассуждения автора о системе прагматической русской истории заинтересовывают Жуковского, говорит его отчеркивание второго, центрального положения книги в выводах Устрялова (см. с. 83).

Важный вопрос, по которому скрестились шпаги Жуковского и Устрялова,— периодизация русской истории. В полемике Карамзина со Шлёцером по этому вопросу Устрялов на стороне Шлёцера (с. 13—14). Судя по замечаниям, Жуковский не разделяет точки зрения Устрялова (13 вопросительных знаков и отрицательные заметки на полях красноречиво свидетельствуют об этом). Не вдаваясь сейчас в суть этого спора, требую-

щего специального изучения, укажем лишь, что главное недовольство Жуковского вызывает сам принцип подхода Устрялова к периодизации Карамзина, а в связи с этим его взгляд на древний период русской истории. В основе периодизации Карамзина — характер правления, система политической власти в тот или иной период. Жуковский, как указывалось выше, в главном принимает этот принцип, обогащая его своим просветительскими воззрениями, как они сложились ко второй половине 20—30 гг. XIX века. Поэтому критерием периодизации для Жуковского является, наряду с характером правления, характер просвещения, во многом определяющий нравственную силу государства (см. выше). Проблема исторического развития теснейшим образом связана для Жуковского с проблемой преемственности. С этой точки зрения поистине огромное значение имеет древний период. По мнению Жуковского, это важнейший период русской истории, заложивший основу ее дальнейшего развития, национального, общественного, политического (бедствие «удельной» политики, важность единой державной власти, спасительность просвещения, исконные и доминантные черты национального характера). Преимущественный и постоянный интерес Жуковского к истории древней Руси объясняется его убеждением в значительности этого периода для последующего исторического развития России. Он вполне соглашался с Карамзиным, возражавшим Шлёцеру в том, что «век св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не рождения». Поэтому для Жуковского древняя история — не просто «мир исчезнувший», как пишет Устрялов. Многие, определившееся в век Владимира, было для Жуковского решающим для будущего исторического развития России. Вот почему Жуковский ставит на полях свое решительное «нет» (с. 15). Устрялов не понял сути периодизации Карамзина, в основе, которой лежит глубокая преемственность периодов (с точки зрения Жуковского!). Отсюда запись на полях: «Автор утверждает сперва ложь, а потом себя же опровергает» (с. 15). Этим же вызваны вопросительные знаки Жуковского на с. 16 и 17. Не согласен Жуковский с Устряловым и в ряде других вопросов.

К числу очень важных и спорных проблем, в понимании которых Жуковский, по всей видимости, разошелся с Устряловым, является норманская теория, как она трактуется в книге «О системе прагматической русской истории». Дважды Устрялов в историографической части своего труда касается этого вопроса, и дважды Жуковский ставит на полях знак вопроса (с. 16 и 18).

Первый раз, полемизируя с Карамзиным о характере древней русской истории, Устрялов говорит, что «удельная система была господствующим явлением <...> только от Ярослава до монголов, до Ярослава же главным явлением было быстрое

расширение норманского господства над славянами и основание Руси». (Жуковский подчеркивает и ставит знак «?») (с. 16). И второй раз, в связи с критикой общих методологических принципов Карамзина, Устрялов пишет: «Автор принимает за истину, что норманны положили в земле славянской начало Руси; следовательно, как виновники бытия Русской державы, они заслуживали самого тщательного внимания бытописателя (Жуковский подчеркивает и ставит вопросительный знак). В обоих случаях поэт, по всей видимости, не склонен преувеличивать роли норманнов в русской истории. Между тем Жуковский так же, как и Карамзин разделяет норманскую теорию происхождения российского государства, хотя понимает ее своеобразно, очевидно, не так, как ее понимает Устрялов. В связи с вопросом о происхождении российского государства, Жуковский вслед за Карамзиным говорит «о вероятности Нестерова сказания, что князья варяжские не завоевали нашего отечества, но были избраны славянами управлять государством». Именно поэтому «законы Ярослава не полагают никакого различия между Россиянами варяжского племени и славянами»⁴⁹.

Несмотря на то, что Жуковский вовсе не представляет себе отношения варягов и славян (русских) как идиллические, эта мысль была чрезвычайно важна, так как придавала норманской теории своеобразную трактовку. Речь шла не об иноземном происхождении российского государства, а об иноземных правителях. Предпосылки же для возникновения русского государства возникли у самих славян. Вот почему Жуковский, читая Устрялова, не может согласиться с явным преувеличением роли норманского господства и тем более видеть в норманнах «виновников бытия русской державы».

Для Жуковского история России — это история ее государства. Прочитав внимательно «Древнюю Российскую Историю» Ломоносова⁵⁰ и, в частности, гл. 3 «О дальней древности славянского народа», Жуковский пишет на полях:

Ломоносов

Имя славянское поздно достигло слуха внешних писателей, и едва прежде царства Юстиниана великого; однако же сам народ и язык простираются в глубокую древность...

Жуковский

К чему стремиться рассказывать древность славян?... важно знать древность их величия, их государства. В первое время они могли быть ничем иным, как странствующими ордами, страшными своими набегами своей природной неустрашимостью, а не своей политической силой, которая становится более <продолжительной>. соединяясь с доблестью и храбростью.

⁴⁹ История Государства Российского. Т. II, с. 63.

⁵⁰ Ломоносов М. В. Собрание сочинений. Ч. V. СПб., 1783, с. 88—90. (Собрание А. Ф. Онегина).

Жуковский здесь проявляет определенную методологическую слабость, признавая движущей силой истории не народ, а государство, «политическую власть». Спор с Ломоносовым, зачинателем демократической концепции в русской историографии, тем более показателен, что сам Жуковский, как отмечалось выше, внимательно изучает историю славянских народов в догосударственный период их развития. Признавая факт древнейшего происхождения народа, Жуковский не это, а образование государства считает точкой отсчета российской истории.

Таким образом, исторические взгляды Жуковского представляют собою сложное и противоречивое явление, в котором характерные черты русской дворянской историографии глубоко переплелись с последовательным отстаиванием идей европейского просвещения.

КРУГ ЧТЕНИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО 1820—30-х ГОДОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ

I

До последнего времени об общественной позиции Жуковского говорили крайне недостаточно. Определения, которыми награждался поэт: «прекраснодушный мечтатель», «бесстрастный наблюдатель», «общественно индифферентный» и др., превращались в своего рода клише. Исследования последних лет (работы М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, М. Я. Бессараб)¹ со всей остротой поставили вопрос о пересмотре такого отношения к поэту и призвали «восстановить истинный общественный облик Жуковского».

Такая постановка вопроса в этих работах была подготовлена самим характером изучения личности и творчества поэта, наметившимся в последние десятилетия. Обнаружение и изучение материалов, приоткрывающих новые аспекты отношения Жуковского к декабристам, его взаимоотношений с Пушкиным, его позиции в вопросе о запрещении «Европейца», позволило более четко определить место Жуковского в историко-литературном процессе 10—40-х годов, выявить его связь с общественным движением эпохи². Необходимость более объективного, углубленного освещения роли Жуковского в литературно-общественном движении первой трети XIX века настойчиво подчеркивалась во всех этих исследованиях.

Само возникновение различных штампов в определении общественной позиции Жуковского, как нам кажется, имело две причины: 1) недостаточное привлечение фактического, кон-

¹ Гиллельсон М. И. О друзьях Пушкина.— «Звезда», 1975, № 2; Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976; Бессараб М. Я. Жуковский. М., 1975.

² Об этом см.: Гиллельсон М. И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца». — «Русская литература», 1965, № 4; Иезуитова Р. В. К истории ссылки Ф. Н. Глинки (1826—1834). По архивным материалам. — В кн.: «Литературное наследие декабристов». Л., 1975; Она же. Жуковский и Пушкин. (Из истории личных и творческих отношений). Доклад на XXIV Пушкинской конференции. — «Русская литература», 1976, № 4 с. 260—261.

кретного материала; 2) настойчивое стремление противопоставить его позицию программе прогрессивного романтизма. Активное изучение богатейшего наследия поэта, более диалектическое понимание течений русского романтизма наметило новый подход к изучению личности поэта, его места и значения в истории русской поэзии. На пути к созданию научной биографии Жуковского указанные работы со всей очевидностью выявили, сколь богато и недостаточно изучено его наследие, какие «разительные примеры содержит оно для опровержения общественной индифферентности поэта». Наконец, конкретный материал убеждает в том, что «тезис о неизменности общественной позиции Жуковского не подтверждается фактами его биографии»³.

В этом отношении материалы библиотеки Жуковского заслуживают самого пристального внимания. В круг чтения Жуковского, особенно в 20—30-е годы, входят многочисленные произведения общественно-политической литературы. Десятки книг виднейших русских и европейских авторов тщательно изучены поэтом. Политическая экономия и статистика, государственное право и «политическая педагогика», теория государства и история политических учений — такова проблематика его чтения. Н. Тургенев и М. Орлов, Н. Мордвинов и Е. Зябловский, Монтескье и г-жа Сталь, Минье и Гизо, Франклин и Руссо, Ансильон и Жомини, Дарю и Монлозье, Макиавелли и Пеллико, Сей и Сисмонди, Фергюсон и Смит, Фенелон и Энгель, Бёрк и Галлер — вот далеко не полный список авторов книг, прочитанных и осмысленных поэтом. Различен характер чтения этих авторов: одним произведениям Жуковский дает развернутый отзыв в письмах и дневниках, другие тщательно изучает, фиксируя свои впечатления прямо на страницах и форзацах, в третьих подчеркиванием и подчеркиванием отбирает конкретный материал, в четвертых ведет спор с автором, делая развернутые надписи, или пытается уточнить его мысли.

В некоторых книгах имеются дарственные надписи авторов, что позволяет выявить контактные связи Жуковского и некоторых общественных деятелей эпохи. Так, например, в библиотеке поэта имеются почти все произведения знаменитого генерала Жомини, в том числе многотомное сочинение «Политическая и военная жизнь Наполеона»⁴. На обложке первого тома автор оставил свою дарственную надпись: «Souvenir de l'auteur à Mr Joukofsky. General Jomini». Сам этот факт интересен для уточнения некоторых дневниковых записей Жуковского о встречах с Жомини, чтение сочинений

³ Гиллельсон М. И. О друзьях Пушкина. — «Звезда», 1975, № 2, с. 213.

⁴ Jomini Henry. Vie politique et militaire de Napoleon, v. 1—4, Paris, 1827.

которого свидетельствует об интересе Жуковского к личности и деятельности Наполеона.

Даже список и проблематика прочитанного могли бы сказать о многом, но датировка чтения, его связь с фактами биографии, расшифровка и осмысление читательских помет, их взаимосвязь с архивным материалом обогащают наше представление о Жуковском, помогают в определенной степени увидеть его связь с идеями своего века. Попытаемся из всего этого разнообразного и обширного материала выделить то, что определяло проблематику чтения поэта, и как нам кажется, способствовало формированию его общественной позиции 20—30-х годов.

II

Сам тот факт, что Жуковский на протяжении более чем 20 лет был на службе при дворе и являлся наставником наследника русского престола, нуждается в более глубоком осмыслении. Главное — не торопиться с однозначными определениями, ибо для Жуковского — это был не путь к карьере: «он не стал ни придворным поэтом, ни преуспевающим царским чиновником»⁵, не уединение от мирской суеты, а «благородная миссия», путь к реализации идеи просвещенного монарха. И прежде всего встает вопрос: есть ли основания говорить об изменении в позиции Жуковского за эти годы?

Факты со всей очевидностью свидетельствуют, что идиллии в отношениях царя и поэта не было. Уже к 1827 году у Жуковского начинают проскальзывать нотки несогласия, а то и недовольства действиями царя. В многочисленных посланных и непсланных записках 1827—1830 годов он не только просит о чем-то, за кого-то, но дает советы и предупреждает. В письмах возникает картина шпионства, низкоклонства, несправедливости. И как следствие этого звучат горькие слова: «Между царем и Россиею будет бездна, огороженная забором из наушников»⁶. Письма Жуковского об амнистии декабристов («пришла пора залечить те раны, которые в стольких сердцах болят и вечно болеть не перестанут», ибо «в других обстоятельствах они были бы гражданами полезными; многими даже могло бы гордиться отечество»⁷), его письма к царю по поводу запрещения «Европейца» — свидетельство тех изменений в позиции Жуковского, которые дали основание царю считать его даже «вождем оппозиции».

⁵ Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976, с. 7.

⁶ Цит. по статье Н. Дубровина. В. А. Жуковский и его отношение к декабристам. — «Русская старина», 1902, № 4, с. 81.

⁷ Там же, с. 77.

Эти настроения поэта отразились и в записях на обложках и страницах некоторых книг. В этом смысле книги были немymi собеседниками, свидетелями горестных размышлений поэта. «Пространная русская грамматика» Н. Греча, конечно, не толкала на такие размышления. Жуковский ее внимательно читал как один из соавторов, оставляя пометки

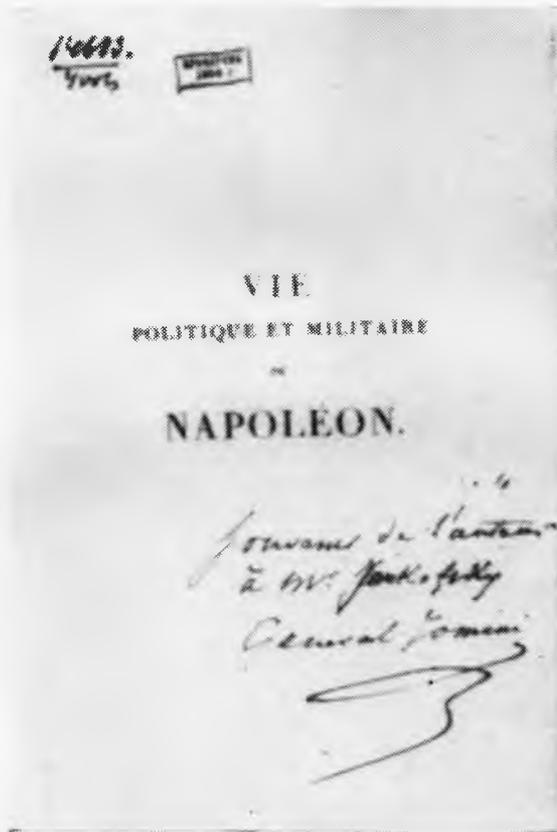

Рис. 15. Автограф генерала Жомини на обложке его книги «Политическая и военная жизнь Наполеона», подаренной Жуковскому

вполне определенного характера. На нижнем форзаце он составляет грамматические таблицы, делает упражнения по спряжению глаголов и образованию причастий. Но неожиданно среди этих аккуратных эксерсисов появляется нечто совсем другое, написанное нервно и крайне неразборчиво. Буквы скачут и постоянно меняются в размерах. Возникает следующая запись: «Я бы сказал государю: если те-

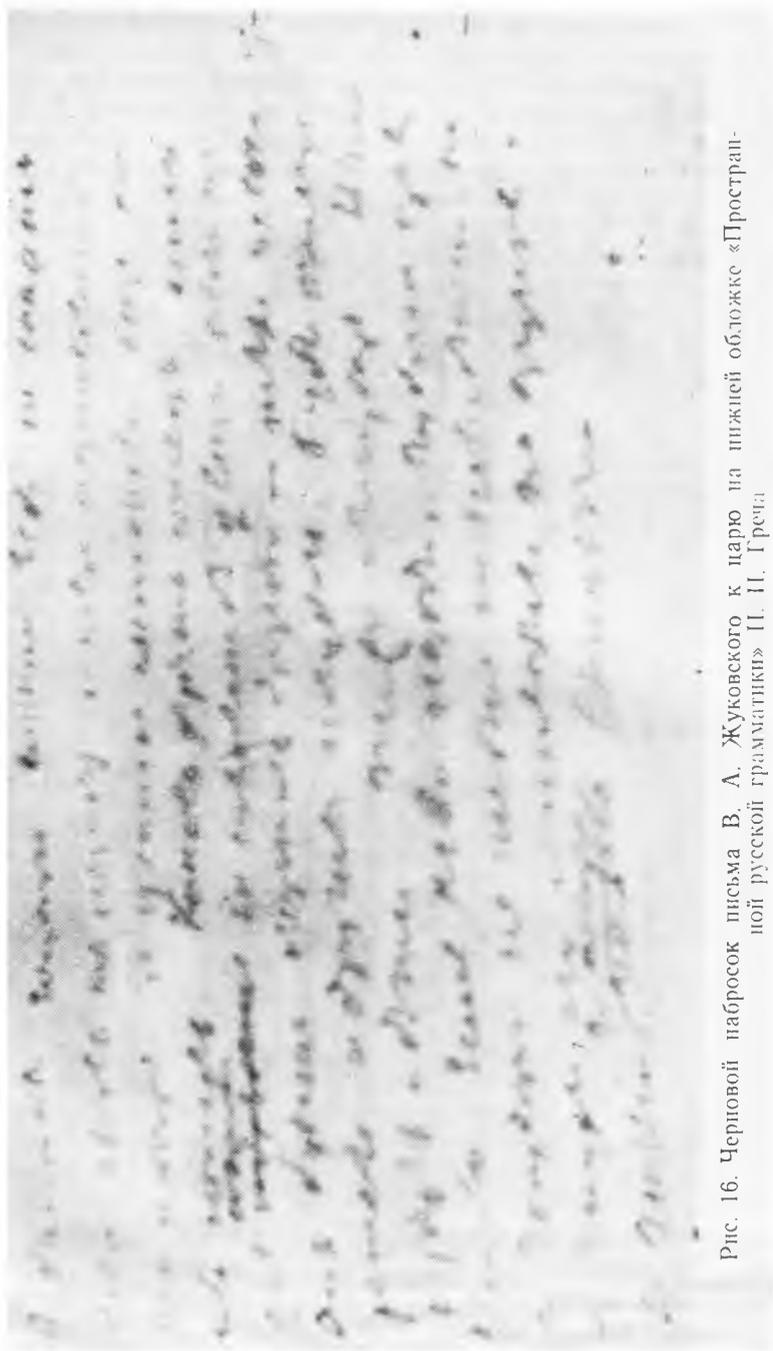

Рис. 16. Черновой набросок письма В. А. Жуковского к царю на нижней обложке «Пространной русской грамматике» П. П. Греча

бя не спасет твоя любовь к народу и твое царствование, то надзор и усиленное шпионство еще менее спасут. Каков будет отец, если для созерцания за <истовостью> детей своих он будет портить другого — тех не сбережёт, а других погубит. Будь отец, будут и дети. Ты же государь. Шпионство есть язва народа, губящая право. А государю не <честит> и не льстит, но волнует его и наводит на думы. В Англии за открытие письма вешают»⁸.

Сам тон письма, характер его написания выражали степень крайнего недовольства и раздражения поэта. Настроения этого, видимо, так и не посланного письма к царю отозвались в письме к А. И. Тургеневу от 4 (17) декабря 1827 года. Переключка целого ряда мотивов, буквальные совпадения позволяют считать запись на форзаце «Пространной русской грамматики» и письмо к А. И. Тургеневу вариантами одной эпистолярной темы, а вместе с тем и достаточно определенно датировать запись концом ноября — началом декабря 1827 года. «Проклятое шпионство», «законные беззакония», «нравственность, обращенная в правило», «это бесит», «как же хотят уважения к законам в частных людях, когда правительства все незаконное себе позволяют»⁹ — так конкретизировались настроения Жуковского в письме, о котором А. И. Тургенев заметил: «... а это письмо хоть бы в статью Constitutionnel или Дебатов»¹⁰. Заслуживает внимания тот факт, что он пересылает это письмо брату, Н. И. Тургеневу, вероятно, для подтверждения либерализма Жуковского.

Такие записи в книгах редки, чаще всего они более тесно связаны с чтением, но само это соотношение чтения и рассуждений по поводу — характернейшая особенность Жуковского-читателя. За всеми этими письмами, записями, конспектами и построчными переводами возникает обаятельный облик честного и смелого человека, для которого главное — беспокойство о судьбе России, о нравственности государя и его подданных. Свидания с царем после таких писем были малоутешительны: «это свидание было не объяснение, а род головомойки, в которой мне нельзя было поместить почти ни одного слова»¹¹. Тем мужественнее звучат слова поэта, написанные после одной из таких головомоек: «Я с своей стороны буду продолжать жить, как я жил. Не могу покорить себя ни Булгариним, ни даже Бенкендорфу: у меня есть другой

⁸ Греч Н. И. Пространная русская грамматика. СПб., 1827. Эта книга хранится в НБ ТГУ.

⁹ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 232—233.

¹⁰ Тургенев А. И. Письма к Н. И. Тургеневу, Лейпциг, 1872, с. 341.

¹¹ Цит. по указ. работе Н. Дубровина, с. 79.

вожатый — моя совесть, моя верность к государю»¹². Круг чтения Жуковского и дает наглядное представление о том, как складывались эти принципы поэта, что было их питательной почвой, приоткрывает в некоторой степени сам процесс его размышлений.

III

Важную роль в формировании общественной позиции Жуковского 20-х годов сыграло его знакомство с основами политической экономии, увлечение которой — «характерная черта для передовой молодежи тех лет»¹³. В библиотеке поэта имеется целый ряд трудов по политической экономии, в том числе произведения Сисмонди, Сея, Смита, Шторха и др.¹⁴.

Чтение и изучение этих трудов не было самоцелью. Проблемы внутренней политики России, ее экономики, положение крепостного крестьянства заставляли передовое русское дворянство внимательнее относиться к этой науке, используя ее завоевания для решения конкретных задач политического развития России. В предисловии к «Опыту теории налогов», характернейшему образцу декабристской мысли, Н. И. Тургенев так определил значение этой науки в жизни общества: «она благотворна в действиях на нравственность политическую», занимающийся политической экономией «... невольно привыкает ненавидеть всякое насилие, самовольство и в особенности методы делать людей счастливыми вопреки им самим»¹⁵. Общение Жуковского с будущими декабристами, в особенности с Н. И. Тургеневым, в определенной степени способствовало пониманию значения этой науки. Но что еще важнее: чтение произведений известных экономистов и общение с русскими поклонниками политической экономии подготавливало интерес Жуковского к коренным проблемам общественного развития России. Любопытный материал для конкретизации этих интересов дает чтение Жуковским «Опыта теории налогов» Н. И. Тургенева.

В библиотеке Жуковского (собрание А. Ф. Онегина) находится «Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева, издания 1818 года. На титульном листе черными чернилами написано: «Его Высокоблагородию Василию Андреевичу Жуковскому

¹² Там же, с. 81.

¹³ Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов. — «Ученые записки Тартуского университета», вып. 98, 1960, с. 43—44.

¹⁴ Sismondi J. Ch. Nouveaux principes d'économie politique, v. 1—2, Paris, 1827; Say J. B. Catechisme d'économie politique, Bruxelles, 1832; Smith A. Essais philosophiques, v. 1—2, Paris, 1797; Storch H. Cours d'économie politique, v. 1—5, Paris, 1823—1824.

¹⁵ Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. СПб., 1818 (предисловие). Экземпляр этого издания с пометами Жуковского находится в Пушкинском доме.

от Автора». Если учесть, что «после поражения декабристов 14 декабря 1825 г. книга Тургенева была изъята из библиотек, ее разыскивали и уничтожали найденные экземпляры»¹⁶, то становится очевидным важное ее значение в идейном развитии поэта. Он не только сохранил эту книгу с дарственной надписью, но и оставил свои пометки в ней.

История взаимоотношений Н. И. Тургенева и В. А. Жуковского исследована пока недостаточно. Более подробно говорится о их связях в 40-е годы¹⁷, в то время как их контакты арзамасской поры почти не раскрыты. Прежде всего необходимо заметить, что сам процесс напечатания «Опыта теории налогов» неразрывно связан с «Арзамасом». Начиная с 1817 года, Н. И. Тургенев в дневнике и письмах постоянно говорит о чтении рукописи «Опыта» арзамасцами:

«1 февраля 1817 г.: «Мои налоги брат прочел. Теперь отдаются на прочтение Блудову и Дашкову; если и они скажут да, то буду печатать».

12 февраля 1817 г.: «Книгу мою отдал Блудову. Если скажет, что годится, то напечатаю».

1 апреля 1817 г.: «Книгу мою Блудов прочел. Я исправил некоторые места по его замечаниям. Но теперь еще совершенно не решился. Десять раз примерь да один отрежь»¹⁸.

Несомненно, что выбор читателей у Тургенева был строг: это были арзамасцы с выраженным интересом к политике. Тем показательнее, что к середине 1817 года в их числе оказался и В. А. Жуковский. Тургенев уже давно обратил внимание на него. Еще в конце 1816 года он заметил: «Литературу российскую обогащает только Жуковский»¹⁹, а позднее, посещая заседания «Арзамаса», отмечал: «Жуковский и Блудов всегда читают речи и очень забавные. Литературные хамы на них всегда сердятся, а они над ними смеются, и дело делают»²⁰. Видимо, и рекомендации брата, и собственные наблюдения определили симпатии Н. И. Тургенева к Жуковскому. И вот в приписке к письму С. И. Тургеневу от 5 августа 1817 года автор «Опыта» замечает: «Сегодня повечеру написал я одну статью, которую тебе, м. б., сообщу. Книгу мою читаю я с Жуковским и думаю, что решусь печатать»²¹.

Постепенно контакты с Жуковским приобретают не просто дружеский, но и идейный характер. В дневнике от 27 мая

¹⁶ Блюмин И. Предисловие к кн.: Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. М., 1937, с. IX.

¹⁷ Об этом см.: Ланский Л. Из эпистолярного наследия декабристов. Письма Н. И. Тургенева к Жуковскому.— «Вопросы литературы», 1975, № 11.

¹⁸ «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу». М.— Л., 1936, с. 211, 212, 219.

¹⁹ Там же, с. 205.

²⁰ Там же, с. 209.

²¹ Там же, с. 229.

1817 г. Тургенев записывает: «Вчера после библ-го общ-ва сидел я с Жук.[овским] долго у Мих. Орлова. Много говорили, много болтали...»²². Трудно говорить о позиции Жуковского в этих разговорах, но, вероятно, эти беседы не прошли бесследно. Ведь не случайно одним из участников задуманного политического журнала, «главная цель» которого «состоит в том, чтобы распространить у нас здравые идеи политические», он хотел видеть Жуковского. Если учесть, что этот замысел относился уже к 1819 году (т. е. после выхода «Опыта» и прекращения деятельности «Арзамаса»), то очевидным становится доверие Н. И. Тургенева к политической позиции поэта.

Как уже было сказано, в библиотеке Жуковского имеется экземпляр первого издания «Опыта теории налогов», дарственная надпись на обложке которого — отражение симпатии его автора к одному из читателей рукописи. Это произведение, в весьма искусственной форме пропагандирующее необходимость борьбы с рабством, было тщательно прочитано Жуковским, о чем свидетельствует исправление даже всех опечаток в тексте. Однако наибольшее внимание привлекла первая глава — «Происхождение налогов». Именно в ней на с. 4—13 сосредоточены пометки, которые заключаются в подчеркиваниях, подчеркиваниях и записях. Для наглядности точно воспроизводим эти пометки:

Текст книги

Замечания
Жуковского

с. 4—5

В новейшие времена многие порицатели восставали против системы феодального правления; но сии строгие судьи забывают, что она была соответственна тогдашнему духу времени, тогдашней образованности народов. Вследствие сей соответственности надлежит, напротив того, отдать всю справедливость благоразумию законодателей веков средних: они умели смотреть на вещи с надлежащей точки зрения. Должно даже признаться, что в сем отношении они заслуживают предпочтение пред законодателями времен новейших, когда почти во всей Европе, с исключением двух или трех государств, законодатели или не хотят идти вместе с духом времени, придерживаясь старых и теперь неудобных правил, и чрез то воспрепятствуют народу наслаждаться плодами распространившейся образованности; или же, напротив того, как сие было во Франции и в Гишпании, упредив народ в просвещении, влекут его против воли за собою и за призраком гражданского благополучия и, вознося народ не по его силам слыш-

А Николай Иванович!
Вы ли это?

А друзей свободы и Просвещения убеждает в вышесказанной истине, что всего опаснее влечь

²² Тургенев Н. И. Дневники и письма, т. 3, Пг., 1921, с. 37.

ком высоко, вместе с ним упадают в бездну старого мрака, из коего вторичное освобождение делается тем труднее. В сем последнем случае народ, сделавшись жертвою таких происшествий, не только что сам страдает от оных, но вместе своим примером чрезмерно устрашает других, и представляет новые, благовидные, хотя и несправедливые доводы защитникам неволи и врагам просвещения.

с. 7

Таким образом, налоги, доявившись вместе с образованностью, сделались и признаком успехов оной. Вследствие сего можно судить о состоянии образованности каждого особенного Государства по состоянию налогов.

Сей признак сделался в новейшие времена тем вернее, что по мере того, как государственные нужды требовали от каждого пожертвований необыкновенных, внимание целого народа, весь народный ум, все сведения устремлялись к усовершенствованию соразмерного распределения общественных повинностей и к улучшению способов собирания оных. По способу назначения, распределения и собирания налогов можно судить о сведениях, распространенных в народе; по количеству собираемых налогов о богатстве его: две главнейшие черты, начинающие образованность и просвещение.

с. 8

Многие Политики и Статистики искали признаков благосостояния народного в других предметах. Но что лучше системы налогов может означить истинное благосостояние народа, благосостояние, основанное на законах. ненарушаемых, на свободе гражданской?

с. 8—9

Итак, если мы видим, что собирание налогов в одном Государстве более согласуется с выгодами народа, нежели в другом; то мы смело можем сказать, что в первом Государстве народ пользуется лучшими законами, большею свободою и, следовательно, большим благосостоянием, нежели в последнем.

народ против воли к тому, что будучи благодарительно и прекрасно само по себе, есть еще призрак, будучи несвойственно на то время народу. Народ ничего не принимает, он берет; и искусство состоит в том, чтобы увидеть в пору ту минуту, в которую у него рука готова для приятия, и в том, чтобы заставить его подать руку. В сжатый кулак денег не вложишь.

с. 10

Требовать ныне уничтожения налогов значило бы требовать уничтожения самого общества.

с. 11

Положив за правило, что налоги необходимы, определение оных может быть сделано следующим образом: налоги суть средства к достижению цели общества или Государства, т. е. той цели, которую люди себе предполагают при соединении своем в общество или при составлении Государства. На сем основывается и право Правительства требовать податей от народа. Люди, соединившись в общество и вручив Правительству власть верховную, вручили ему вместе с сим и право требовать налогов. Но не должно смешивать права требовать податей с правом налагать оныя. Если первое везде неоспоримо принадлежит Правительству, то в последнем оно бывает иногда ограничено.

с. 13

Впрочем можно заметить, что Правительство должно брать столько, сколько нужно для удовлетворения истинных потребностей государственных, а не столько, сколько народ дать в состоянии²³.

а цель: благоденствие
общее и частное.

Сочинение Н. И. Тургенева, на первый взгляд, посвящено достаточно специальной теме — теории налогов. Но широкая популярность книги (все шестьсот экземпляров первого издания разошлись в течение трех месяцев, и сразу же появилось второе издание), полемика вокруг книги — свидетельствовали о том, что проблема, затронутая в ней, оказалась всеобщей.

Действительно, книга Тургенева появилась в период, когда назревали острые проблемы экономического развития России. Налоговая система России в определенной степени была отражением ее экономического неблагополучия. Не случайно многие декабристы, в частности Пестель, Каховский, Штейнгель, Батеньков, обращались к теории налогов. С ней они тесно связывали проблему положения народных масс. Вопросы о подушной подати, о государственной казне, присваивающей все выгоды, о злоупотреблениях правительства получали в свете этой теории новое освещение. Необходимость облегчения налоговой тяжести крестьян остро ощущалась представителями передового дворянства. И Манифест Северного общества, и «Русская Правда» Пестеля

²³ Все отчеркивания и подчеркивания в тексте принадлежат Жуковскому.

рассматривали теорию налогов прежде всего как неразрывную часть своей антикрепостнической программы²⁴.

Книга Н. И. Тургенева и была ярчайшим выражением этой программы. Более чем через 20 лет в первом томе своего сочинения «*La Russie et les Russes*» сам Тургенев так оценивал свое исследование о налогах: «... излагая теорию налогов, я позволил себе целый ряд экскурсов в более высокие области политики. Подушная подать дала мне случай говорить о рабстве, и я не упустил его. Эти побочные пункты (*ses accessoiries*) имели в моих глазах гораздо больше значения, чем основное содержание моей работы. Заклеймив позорное рабство, я сделал это в достаточно четких и сильных выражениях, и я думаю, что никогда еще не было напечатано на русском языке нечто столь ясное и положительное о рабстве»²⁵. Одним словом, «Опыт теории налогов» Тургенева явился документом большой обличительной силы, антикрепостническим произведением.

Пометы Жуковского в этой книге позволяют говорить, что пафос этого сочинения был в основном понят поэтом. Не случайно он сосредоточил их в первой главе «Происхождение налогов», которая особенно остро ставила вопрос о взаимосвязи налогов со степенью образованности общества, с положением народа. Не вдаваясь в экономическую сущность теории, Жуковский чутко улавливает ее методологическое значение. Все три отчеркивания, сделанные в книге (с. 7, 8, 13), касаются вопроса о благосостоянии народа. Жуковский выделяет в книге Тургенева мысль о том, что система налогов — показатель истинного благосостояния народа. То, что эта идея была близка Жуковскому, подтверждает следующий факт: при чтении «Лицея» Лагарпа он тщательно отмечает все размышления Дюге, касающиеся этого вопроса²⁶. Вот некоторые из отчеркиваний Жуковского в русском переводе:

«Самое важное условие — быть верным слову отменить налоги как только минует необходимость. Народ не будет, как Государь, настолько верить в интерес, чтобы не искать в этом ни уловки, ни предлога. Он (Государь) пользуется всяческим доверием своих подданных, если он искренен, но он теряет доверие народа вместе со своей репу-

²⁴ Об этом подробнее см.: Морозов Ф. М. Общая характеристика экономических взглядов декабристов.— В кн.: История русской экономической мысли. Т. 1, ч. 2, М., 1958.

²⁵ Tourgueneff N. *La Russie et les Russes*, v. 1, Paris, 1847, p. 97.

²⁶ Дюге (Duguet, Jaques Joseph, 1649—1733) — французский теолог и философ, автор 39-томного толкования различных частей Священного писания и 10 томов популярных писем. Известно было также его сочинение «*L'Institution d'un prince*» (1715), написанное как наставление для воспитания старшего сына герцога Савойского. Мысли из этого сочинения и отчеркнул Жуковский при чтении «Лицея» Лагарпа. В библиотеке поэта имеется также 3-й том переписки Дюге: Duguet J. J. *Collection de lettres chrétiennes* (Notice sur Duguet). Paris, 1836.

таций, если он не точен до скрупулезности. Нет такого налога, на который народ не согласился бы, если он на определенное время и не част, но самый легкий налог справедливо отпугнет, если народ рассматривает его как вечный».

«Несправедливо было бы отказаться от экстраординарной помощи в условиях тяжелой нужды, но справедливо сокрушаться, если экстраординарный налог становится постоянным гнетом после того, как нужда миновала».

«Какая разница между ресурсами тягостными, неполными, ненадежными, которые можно вытянуть из народа, изнуренного с давних пор привычным лихоимством, и ресурсами, которые можно получить, когда они нужны, податью легкой, добровольной, быстрой, которую представляет вам признательность народа, чья естественная и законная собственность оставлена ему до момента острой нужды?»²⁷.

Жуковский прежде всего пытается понять, как политика государа в области налогов отражается на благосостоянии общества. Как мы покажем ниже, и при чтении Энгеля, и в статье для «Собирателя» он будет продолжать думать об этом же. Более того, он попытается показать, как злоупотребления в налоговой политике могут привести к возмущению народа, к мятежу.

Такое осмысление этого вопроса непосредственно связано с пониманием антикрепостнической направленности книги. Думается, что подчеркиванием на с. 8 Жуковский акцентирует внимание именно на этом: благосостояние народа, «основанное на законах ненарушаемых, на свободе гражданской», — это истинное благосостояние. На с. 11 Жуковский внимательно вдумывается в определение налогов, данное Тургеневым, подчеркивая слова о том, что *«не должно смешивать права требовать податей с правом налагать оныя»*. Вообще он пытается вслед за Тургеневым как бы выявить права и обязанности правительства в налоговой политике, что оно «должно» и что «не должно». Характерно и примечание, которое Жуковский делает к тургеневскому определению налогов. Комментируя слова Тургенева: «налоги суть средства к достижению цели общества или Государства», он записывает на свободном поле: *«а цель: благоденствие общее и частное»*. Выделяя эту мысль особенно, читатель «Опыта» подчеркивает свою запись. Такое определение цели общества соприкасается с терминологией ранних декабристских организаций, в частности «Союза благоденствия». Само понятие «благоденствие» является определяющим в книге Тургенева буквально с первой страницы: «богатство ведет к *благоденствию*; но средства, избираемые для достижения сей важной цели, редко были верны», «... свобода новейших народов рождалась и укреплялась вместе с их *благоденствием*», «...истинные правила, на

²⁷ Laharq J. Fr. Lycée, ou cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1798, v. 7, p. 244. 245, 247.

коих зиждется, которыми сохраняется *благоденствие народов*». Примечательно, что П. И. Пестель в «Русской Правде» записывает следующее: «Цель гражданского общества состоит в благоденствии всего общества и каждого члена онаго в особенности»²⁸. Конечно, содержание этого понятия, как и определение цели общества, было различно у Жуковского и декабристов, но сам факт близости их терминологии весьма примечателен.

Говоря о восприятии Жуковским антикрепостнической направленности книги Тургенева, хотелось бы обратить внимание на один факт их дальнейших взаимоотношений. Жуковский в «Записке о Н. И. Тургеневе» (1827), главная цель которой была облегчить участь Тургенева и оправдать его, настойчиво подчеркивает, что «главным его (Тургенева.— А. Я.) желанием, которое направляло все его действия, было уничтожение рабства помещичьих крестьян». Автор «Записки» далее замечает: «Но в чем же состояли сии свободные мысли? Все более или менее относились к главной, то есть к освобождению крестьян»²⁹. Снимая с Тургенева обвинения в якобинстве, Жуковский вновь пишет: «... весьма легко смешать с понятием о свободе крестьян понятие о любви к неогубданности, о республике и назвать якобинцем того, кто говорит, что людей продавать не должно» (подчеркнуто мною.— А. Я.)³⁰. Всем ходом своих рассуждений Жуковский пытается убедить судей Тургенева в том, что борьба последнего за освобождение крестьян является законным делом и полезным для общества. Сочувствие поэта антикрепостническим идеям Тургенева подтверждается и историей их дальнейших отношений, в частности, участием Жуковского в освобождении Шевченко и Швецова. Несомненно одно: «Опыт теории налогов» был прочитан Жуковским под определенным углом зрения. В центре его внимания была проблема зависимости положения народа от налоговой политики правительства. Жуковский вслед за Тургеневым фиксирует все, что касается вопроса о благосостоянии народа и благоденствии общества.

Но если все отчеркивания и подчеркивания в книге лишь немое согласие с автором, то обширная запись на с. 5 — центр размышлений поэта. Уже начало этой записи носит полемический оттенок и словно продолжает незаконченный спор. Словами «А Николай Иванович! Вы ли это?» Жуковский констатирует какие-то изменения в позиции Тургенева, возможно связанные со спорами вокруг вопроса о взаимоотношении «друзей свободы и Просвещения» и народа. Видимо, Тургенев

²⁸ Пестель П. И. Русская Правда. М., 1958, с. 113.

²⁹ Жуковский В. А. Полное собр. соч. в 12 томах. Т. 10, СПб., 1902, с. 18.

³⁰ Там же, с. 19.

стал более трезво оценивать возможности «друзей свободы». Жуковский своей обширной надписью пытается наметить диалектику этих взаимоотношений. Он, с одной стороны, не отрицает необходимости воздействовать на народ, а с другой, подчеркивает важное значение своевременности этого воздействия: «искусство состоит в том, чтобы увидеть в пору ту минуту, в которую у него рука готова для приятия, и в том, чтобы заставить его подать руку». Подчеркивая в тексте своей записи опорные слова, поэт еще раз заостряет момент подготовленности народа для восприятия тех или иных идей: «что будучи благотворительно и прекрасно само по себе, есть еще *призрак*, будучи несвойственно *на то время* народу».

Спор о воздействии на народ идей просвещения у Жуковского обретает своеобразный характер: он видит в народе важную силу. Выделяя слова: «народ ничего не *принимает*, он *берет*», он одновременно отмечает и силу народа, и важность его подготовленности. Не принимая на веру идей «друзей свободы», народ, по мнению Жуковского, берет то, что отвечает его коренным интересам и к чему он готов. Таким образом, запись Жуковского в книге Н. И. Тургенева — свидетельство его серьезного интереса к декабристской идеологии, в частности, к вопросу о воздействии их идей на народ. И чтение Жуковским «Опыта теории налогов», и его дружеские отношения с братьями Тургеневыми, Н. Муравьевым, М. Орловым определяют общую атмосферу духовного развития Жуковского 20-х годов. Не принимая революционность декабристов, сурово осуждая их выступление против самодержавия, Жуковский соприкасался с ними в своем неприязни крепостничества и произвола. Его помощь ссыльным и осужденным декабристам, его утопический проект их амнистии — свидетельство глубокого уважения ко многим из них, сложного отношения к их деятельности.

На вопрос о датировке помет Жуковского в «Опыте теории налогов» точно ответить пока нельзя. Прямых указаний поэта на это чтение обнаружить не удалось. Но думается, что чтение и пометы относятся к концу 1818—1819 годам, т. е. сразу же после выхода книги в свет (ноябрь 1818 года). Можно предположить, что Жуковский, получив книгу с дарственной надписью сразу же после выхода ее в свет, захотел сравнить свои впечатления от чтения рукописи с впечатлением от книги. Почерк записей в книге — это почерк Жуковского именно этого периода. Заслуживает внимания и такой факт: на нижней обложке «Опыта» есть запись Жуковского, не имеющие прямого отношения к чтению, но позволяющие уточнить время чтения. Вот они:

История — зелен<ая>
всеобщая
древняя
средняя

новая	
биография духовная
записки	
Философия — красн<ая>	
Логика	
Метафизика	
Нравственность	
Эстетика	
Теология	
Воспитание — голуб<ая>	
Педагогика	
Дидактика	
Учебные книги для учителя для учеников	

Эти записи, вероятно, связаны с подготовительными работами Жуковского-учителя русской словесности великой княгини. Именно в 1818—1819 гг. он серьезно ведет эти занятия. В архиве поэта³¹ сохранились многочисленные тетради с заметками и выписками Жуковского по этим вопросам, совпадающие по цвету, хотя точного соответствия записей и цвета тетрадью обнаружить не удалось. Возможно новые публикации писем и дневников Жуковского позволят датировать чтение «Опыта» более точно. Но сам факт чтения и осмысления Жуковским этой книги представляет несомненный интерес.

Дальнейшая история отношений Жуковского и Н. И. Тургенева также показательна для понимания общественной позиции Жуковского. Он не только выступает в роли адвоката Н. И. Тургенева в «Записке о Н. И. Тургеневе», где выражает свое понимание антикрепостнической позиции автора «Опыта теории налогов». Во время пребывания вместе с А. И. Тургеневым в Париже он постоянно размышляет о крепостном праве, о положении крепостных и авторитетом в этих вопросах считает Н. И. Тургенева. Из писем А. И. Тургенева к брату мы узнаем об этих размышлениях поэта. Вот несколько примеров.

26 июня 1827 г.: «Жуковский несколько раз прежде думал, и сегодня, вспомнив об участии бедного демидовского Швецова, о котором вчера со слезами говорил мне, хотел просить тебя записать мысли твои о рабстве в России, если не для близкого, то для отдаленного будущего».

16 августа 1827 г.: «Я забыл сказать тебе, что вчера в 1-й раз после Петербурга прочел я статью твою: «Нечто о крепостном состоянии в России», и нашел в ней столько примечательного, полезного по нашему делу, что намерен переписать здесь или в Лейпциге копию и дать Жук<овскому>, означив год сочинения: 819, в Дек<абре>».

³¹ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 86—98.

8 сентября 1827 г.: «Я прочел Жуковскому несколько строк из твоего сочинения об освоб. кр. в Р. Он хочет иметь оригинал твой и я даю ему». Именно после этого сообщения А. И. Тургенев приводит признание Жуковского в том, что он обязан Н. И. Тургеневу «самыми высокими минутами в жизни»³².

Все эти записи позволяют понять направление раздумий поэта. Его волнуют мысли о крепостном праве, он пытается практически облегчить судьбу талантливого крепостного Швецова³³, он думает (пусть «в отдаленном будущем») об освобождении крестьян. Несомненно, что его достаточно продолжительные контакты с Н. И. Тургеневым, идеологом декабризма, способствовали идейной эволюции поэта, о чем свидетельствует и круг его чтения конца 20-х годов. Так, несомненно значение «дрезденских штудий» вместе с братьями Тургеневыми (Александром и Сергеем) произведений Гизо и Минье по истории французской и английской революций, которые «оказали воздействие на эволюцию исторических взглядов Жуковского»³⁴. И круг чтения, и круг общения Жуковского способствовал обострению его внимания к проблемам общественно-политической жизни.

IV

Интерес к некоторым проблемам политической экономии не прошел для Жуковского бесследно. Подготавливая себя к «благородной миссии» воспитателя наследника престола, Жуковский пытается привить ему интерес к этой науке. В «Проекте плана учения» он записывает: «3. История и политические науки. Государственная экономия. Статистика»³⁵.

В этом отношении представляется любопытным материал к издаваемому Жуковским журналу «Собиратель». Сам этот журнал по своему характеру и типу был близок распространению в просветительской литературе журналу одного

³² Тургенев А. И. Письма к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872, с. 38, 74, 84, 115.

³³ Швецов Фотий Ильич (1805—1855) — талантливый механик, принимавший активное участие в строительстве первой русской рельсовой дороги. (Подробнее см.: Виргинский В. «Демидовская премия» инженеру Швецову. — «Наука и жизнь», 1976, № 12, с. 127—129). Крепостной Демидова, он только в 1830 г. был освобожден от крепостной зависимости. Трудно сказать, какова была роль Жуковского в этом освобождении, но во время путешествия с наследником по России он встречался с Швецовым, о чем свидетельствует запись в дневнике от 28 мая 1837 г.: «Фотий Ильич Швецов... Жаль очень, что я не записал многих выражений Швецова» (Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1903, с. 318—319).

³⁴ Подробнее об этом см.: Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. М.—Л., 1964 (статья и комментарии М. И. Гиллельсона), с. 431, 457, 459.

³⁵ Жуковский В. А. Полное собр. соч. в 12-ти томах, т. 10, СПб., 1902, с. 12.

автора, своеобразному «зеркалу мудрости». «Собиратель» — оригинальное отражение интересов Жуковского, его читательских привязанностей и общественной ориентации. Многие статьи «Собирателя» — причудливое переплетение выписок, переводов и собственных размышлений. В этой цепи чтение оказывается катализатором духовной работы поэта. В архиве Жуковского, среди материалов к «Собирателю», нами обнаружена следующая статья, не вошедшая в журнал:

«Бывают смутные времена, в которые необходимо требовать великих пожертвований от народа — и народ, о котором правитель его пекуся, как добрый отец, во дни покоя, произвольно и радостно принесет на жертву последнее, ибо он будет любить и верить.

Но если, во дни спокойствия и изобилия, народ обременен всеми бедствиями войны, если тот самый, кто обязан сохранять его от хищного врага, расхищает, как враг, его имущество, если бедный народ, посреди мирного отеческого края, не только отказывает себе во всех радостях жизни, но и сносит все ее бедствия, как будто в осажденной неприятелем крепости, для того только, чтобы его государь удовлетворял своей расточительности, обогащая своих любимцев, и тратил не для народа, а на свои прихоти те сокровища, которые собраны народом в кровавом поте труда: то каких ожидать последствий? они очевидны: народ мало-помалу делается равнодушен к общему благу, в сердце его заронится искра мятежа, которая, при первом удобном случае, произведет ужасное пламя, и любовь его к государю, столь же ему естественная, как детям любовь к отцу, уступит место ненависти. Кого тогда обвинять, если чувство ненависти обратится в дело ненависти, то есть в мятеж, народ ли, доведенный до сего чувства притеснительным правительством, или правительство, которое своими притеснениями произвело в народе сие чувство?

Народ возмущается — и всегда бывают беспокойные люди, которые доводят его до сей крайности.—

Но настоящая причина всякого возмущения есть почти всегда само правительство. Будь оно благоразумно, пекусь оно с прямодушием о благе народном, и в народе не будет расположения к возмущению, и никакой возмутитель не подумает волновать его, ибо он не будет надеяться на успех своего замысла, напротив, будет бояться привязанности народа к правителю. Где правитель любит народное благо: там народ любит власть правителя, там власть есть благо.—»³⁶

Эта статья, перебеленная для напечатания, имеет характерную разбивку, сделанную красными чернилами. Не исключена возможность, что Жуковский предназначал ее для произведения вступок как своеобразное наставление наследнику. Проблематика статьи имеет непосредственную перекличку с размышлениями Дюге, с теорией Тургенева и является в какой-то степени итогом политического образования Жуковского 20-х годов, резюме к чтению литературы о налогах. Но внимательное изучение круга чтения Жуковского позволяет назвать и более точный источник его статьи. Ее первая часть — вольный перевод отрывка из статьи немецкого писателя-просветителя Иоганна Якоба Энгеля «Fürsten-

³⁶ ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 1256, лл. 12—12 об.

Wollust», являющийся составной частью его книги «Fürstenspiegel» («Зеркало для князей»). Вот немецкий текст, послуживший основой для первой части статьи:

«Kommen Zeiten, in welchen grössere Aufopferungen für den Staat nothwendig werden; so wird das geschonte, väterlich behandelte Volk nicht allein fähiger, sondern auch bereitwilliger und freudiger sein, sie zu machen. <...>

Aber freilich: wenn mitten im Frieden und im Überflusse ein Volk das Elend des Krieges und des Mangels tragen; wenn es sich von demjenigen selbst, der es gegen fremden Raub zu schützen verbunden wäre, soll ausrauben lassen, und zwar zu Absichten, die auf öffentliches, allgemeines Wohl schlechterdings keine Beziehung haben; wenn es nicht allein jede Freude, sondern selbst die Nothdurft des Lebens, wie in einer belagerten Festung, entbehren soll, damit der Fürst seine sinnlosen Verschwendungen, vielleicht ausserhalb Landes, bestreiten eine Schaar verächtlicher Ausschweislinge und Schmeichler besolden, oder in den Schooss lasterhafter Wollust ganze Haufen des so schwer gewonnenen und noch schwerer entbehrten Goldes hinschütten könne; da muss nach und nach Kälte, Unzufriedenheit, Erbitterung, Lust zur Empörung; alle Gemüther erfüllen, und Vaterland und Fürst, zu welchen die Liebe sonst so natürlich ist, müssen es endlich kaum mehr werth scheinen, dass man sich ihrer annehme und sie beschütze».³⁷

Источник второй части, остро ставящей вопрос о взаимоотношении народа и правительства, найти не удалось, хотя целый ряд мыслей Энгеля в статьях «Rache», «Sicherheit», «Denkfreiheit» перекликается со статьей Жуковского. Но, вероятнее всего, что эта часть явилась плодом собственных размышлений поэта.

Фигура немецкого просветителя, последователя Лессинга, И.-Я. Энгеля (1741—1802) не случайно привлекла внимание Жуковского. Воспитатель Фридриха-Вильгельма III, он стал для Жуковского учителем в деле воспитания просвещенного монарха. Энгель уже в конце XVIII века был открыт для русского читателя: его переводит, о нем пишет Карамзин; к 1810 году уже насчитывается более 20 переводов из Энгеля³⁸. Более всего Энгель в России был известен как автор сборника философских бесед с этической и эстетической направленностью — «Der Philosoph für die Welt» («Философ для света» или «Светский философ»). Именно к этому произведению в 1808—1810 годах обращается и Жуковский. Он переводит целый ряд статей из этого сборника и публикует их в «Вестнике Европы». В 20-е годы в поле его зрения другое произведение Энгеля — «Fürstenspiegel».

В библиотеке Жуковского сохранились 3—10-й тома из собрания сочинений Энгеля, содержащие множество помет

³⁷ Engel I. J. Schriften, Bd. 3, Berlin, 1801—1805, S. 11—13.

³⁸ Кроме переводов, принадлежавших Жуковскому и Карамзину, интерес представляют переводы Каченовского. Наиболее часто переводились повести из «Светского философа», в том числе «Улей», «Разговор о смерти», «Антипаросская пещера», «Этна или о счастье человеческого» и др.

поэта³⁹. Третий том этого собрания и включает в себя «Зеркало для князей». По своему типу все 35 статей сборника являются наставлениями князю по различным вопросам моральной философии и политики. Уже на верхнем форзаце тома Жуковский делает следующую запись: «Fürstenspiegel. Pohвальное слово Марку Аврелию. О Фридрихе». Видимо, эти три произведения привлекли внимание Жуковского в его размышлениях о воспитании наследника. Кстати, «О Фридрихе» — произведение Энгеля «Lobrede auf den König Friedrich den Grossen». Оно находится в 4-м томе сочинений под одним переплетом с «Fürstenspiegel» и имеет небольшие пометы. «Похвальное слово Марку Аврелию» принадлежит французскому писателю А. Тома и также имеется в библиотеке Жуковского с интересными пометами⁴⁰. Одним словом, с верхнего форзаца сочинения Энгеля уже начинается путь в читательскую лабораторию Жуковского.

В оглавлении, открывающем сборник, поэт подчеркивает названия 26 статей, в том числе столь важных, как «Freundschaft», «Wahrheit», «Denkfreiheit», «Rache», «Sicherheit» и др. Титульный лист тоже не остался без внимания. Прежде всего двумя вертикальными чертами Жуковский отчеркивает эпиграф:

Drei Lehren fass' ein Herrscher wohl in's Herz.
Die erste: dass er über Menschen herrscht;
Die andre: dass er nach Gesetzen herrscht;
Die dritte: dass er nicht auf immer herrscht.
Agathon nach Voss.

Под эпиграфом он записывает следующее: «Три истины знать должен каждый: ЗАКОН, ЧЕЛОВЕК, ВРЕМЯ, БОГ».

Этой лаконичной записью Жуковский дает комментарий к вопросу о правах и обязанностях государя и переходит к чтению книги. Все статьи буквально испещрены пометками Жуковского. Текст некоторых глав (Fürsten-Wollust, Der Mann von Ross, Verschwendung, Freundschaft, Wahrheit, Anstand) почти целиком отчеркнут. Возможно Жуковский отбирал их для перевода в «Собирателе», возможно намечал для работы с наследником. Открывающая сборник статья «Krieger-Ehre» подвергнута правке. Чернилами (все остальные пометки и записи сделаны карандашом) Жуковский вносит поправки в немецкий текст, меняя предложения, стиль, но оставляя неизменным смысл. Во второй статье «Fürsten-Wol-

³⁹ Engel I. J. Schriften, Bd. 3, Berlin, 1801—1805, S. 128—130. Наибольший интерес в этом смысле представляют пометки Жуковского в «Мимике» Энгеля.

⁴⁰ Thomas A.-L. Oeuvres posthumes, v. 1—2, Paris. 1802.

lust», послужившей источником для статьи в «Собиратель», Жуковский отчеркивает несколько абзацев, в том числе и переведенные. Причем на с. 11 отрывок отчеркнут не просто вертикальной чертой, но заключен в скобку, на с. 12 тоже скобкой заключен конец переведенного предложения. Далее идет текст без отчеркивания (он и не переведён), а затем абзац, начинающийся словами «Aber freilich» и кончающийся «... und sie beschütze», снова отчеркнут и заключен скобкой. Всё это и позволяет предполагать, что Жуковский пользовался этим экземпляром «Зеркала для князей» во время перевода статьи, а потому чтение этого произведения Энгеля можно датировать 1828—1829 гг.

Не ставя своей задачей прокомментировать и описать все пометы Жуковского⁴¹, мы сосредоточим внимание на тех, которые приоткрывают его общественную позицию. На с. 54—55 в главе «Wahrheit» Жуковский делает большие отчеркивания, касающиеся вопроса о роли и месте советников в государстве, выделяет конкретные примеры, взятые из истории отношений Генриха IV и его знаменитого советника Сюдли. Итогом этих размышлений является составленный Жуковским внизу с. 54 вопросник:

От чего государи не любят советов?

От ложного стыда?

От лени?

От невыг<одного> мнен<ия> о себе?

От <испуга> <нрзб.> признать свои слабые свойства?

Нужно сказать, что такого типа вопросники — одна из излюбленных форм читательского восприятия Жуковского. Причем, как правило, эти вопросы — уже итог размышлений и как бы приглашение к дальнейшей работе мысли. Характерная запись сделана и на нижнем поле с. 232 в главе «Jugendfleiss». Отчеркнув большой абзац, где Энгель говорит о пути юного принца к славе, и подчеркнув в этом абзаце следующие слова:

Aber leider müssen wir fürchten, dass der jetzt noch unthätige, auf nichts als Vergnügen erhitzte Jüngling den ganzen Weg nie betreten, dass er die Ausführung seiner Vorsätze von einem Tage, Monate, Jahre zum andern auf schieben, und so am Ende entschiednen Hang für jenes selige Far niente gewinnen werde, worin schon so mancher grosse, edle Gedanke zum ewigen Vergessen entschlief»⁴²,

⁴¹ Вопросу об отношении Жуковского к наследию Энгеля будет посвящен специальный раздел «Жуковский — читатель и переводчик Энгеля» в следующем выпуске книги.

⁴² Перевод: Но, увы! Мы должны опасаться, что бездействующий еще и сейчас и неутомимый только в удовольствиях юноша никогда не вступит на этот путь (путь истинной славы. — А. Я.), что он будет откладывать исполнение своих намерений со дня на день, с месяца на месяц и с года на год и, таким образом, в конце концов его блаженное Far niente окажется в пропасти, в которой умерла навсегда позабытой не одна большая благородная мысль.

Жуковский замечает: «Слава государя, не им, а его современниками для него приобретенная, может сравниться с титулом книги: по титулу знают книгу, но он ее не составляет». Эта запись носит резюмирующий характер и по своей афористичности близка к стилю самого Энгеля. Она заключает в себе раздумья о славе государей, требование от них «дел хороших».

Но если указанные пометы — это скорее итог, результат чтения отдельных глав, то пометы в главе «Denkfreiheit» («Свобода мысли») приоткрывают сам процесс чтения. Эта статья, остро ставящая проблему свободы мысли и выявляющая причины гонений на инакомыслящих, следствия этих гонений, видимо, привлекла особое внимание Жуковского, взволновала его. Прямо в тексте статьи, между строк, он начинает делать ее перевод. Но перевод лишь начат. Для наглядности приводим параллельно немецкий текст и соответствующий ему перевод Жуковского:

Ein Gewässer, das nicht freien Abfluss und nicht immer frische Zuflüsse hat, wird zum faulen stehenden Sumpf, unter dessen grüner Decke nur Fröschen und Unken wohl ist. Einen solchen Sumpf wollte aus der Menschheit die Hierarchie, und wollen noch jetzt gewisse Eiferer daraus machen, die ihr das laute gemeinsame Denken gar zu gerne verwehren mögten.

Das stille, einsame Denken zu verwehren sind diese Herren, wie man rühmen muss, allzu billig. Auf seinem Kopfkissen, und im Verborgenen seines Herzens, mag ein jeder die Lehrsätze des eingeführten Glaubenssystems oder die Verordnungen einer hohen Landesregierung mit den verwegensten bittersten Zweifeln angreifen: sie werden das nie, auch nicht mit einem Gedanken, zu ahnden suchen.

Weil sie leider nicht können: wird man hier sagen; aber wenn nur sonst jene Herren einige Einsicht besitzen, so darf man ihnen zutrauen, dass sie auch wirklich nicht wollen. Darum nicht: weil zuerst jenes leise einsame Denken immer unwirksam und also unschädlich bleibt; und weil zweitens es auch hiemit ein Ende nehmen muss, sobald nur erst die heilsame Absicht, das laute gemeinsame Denken zu verwehren, erreicht ist.

Jener Seemann, der auf eine wüste Insel des Südmeeres ausgesetzt und beim Absegeln des Schiffs zurückgeblieben war, hatte als man nach einer Reihe von Jahren ihn endlich wiederfand, seine Sprache verloren. Warum weil er in so langer Zeit Niemanden gehabt hatte, mit dem er laut hätte reden

Воды, не имеющие течения, обращаются в болото, <нечистое> <усеянное> ядовитых жаб и производящее одно вредное течение. В такое же состояние хотя бы обратил народ правители, умершвляющие в нем лучшие достоинства чести, свободы мысли.

Каждый думай про себя, что хочешь; свободно предлагай подушке своей все, что спит в душе твоей: это <му> никто не захочет поставить препятствия. Не захочет ругать: захотел бы, но не может. Но думать и выразить свои мысли это другое дело.

Один мореплаватель, выброшенный бурей на пустой остров и проживший на нем много лет, медленно забыл язык свой. Он не умел гово-

können. — Lasst die Menschen nur ein Menschenhalter hindurch, nicht mehr laut mit einander denken dürfen; und seid gewiss, sie haben ihre Denkkraft verloren.⁴³

рять, когда нашли его. То же стало бы и с людьми, если бы они хотя в течение одного поколения не могли сразу думать вместе с другими: они бы разучились думать.

Уже при беглом сравнении нетрудно убедиться, что Жуковский в основном следует за мыслью Энгеля, делая лишь небольшие сокращения. Пожалуй, интерес представляет перевод второго предложения: Жуковский здесь заостряет мысль автора. Вместо довольно абстрактных понятий «Hierarchie» и «Eiferer» появляется более социально конкретное — «правители», вместо «Menschheit» — «народ». Но Жуковский не просто делает перевод, но выносит свои мысли на поля книги, своеобразно поверяя прочитанное жизнью. Он отчеркивает первый абзац и напротив своего перевода «В такое же состояние хотят обратить народ правители...», на полях записывает: «Что сказ<ать> нового.— N. человек подозрительный. Он в обществе говорит льстиво, он позволяет себе резкие замечания в письмах; он заводит <полицию>». Затем Жуковский зачеркивает эту явно не законченную мысль, видимо, даже самому себе боясь сказать лишнее. Трудно доказать, кто именно скрывается за этим N, но в контексте размышлений о правителях не исключено, что речь идет о Николае I или об одном из его фаворитов. Такие выходы Жуковского-читателя в жизнь нередки. Чтение у него становится творческим процессом, подготовительной работой для будущих статей, заметок, дневниковых записей. Можно говорить об удивительном синтезе чтения и его осмысления прямо на страницах книг. Книга часто запечатлевает пульсацию мысли читателя во время чтения.

Характерно, что и при чтении этой главы возникает вопросник:

Что такое свобода мысли?
В чем ее выгода и в чем невыгода?
Как достигает правда до государя?
Кому вредит правда?
Когда вредит правда?
Предупреждение.

Этот вопросник, как и предыдущий, в главе «Wahrheit» является одновременно конспектом прочитанного и программой для дальнейших размышлений, но еще более это то, что Жуковский назовет «вопросами для совести». Показательно, что вопросник заканчивается словом «Предупреждение». Речь, как и у Энгеля, вероятно, идет о предупреждении государю, выступающему против свободы мысли.

⁴³ Engel I. J. Schriften, Bd. 3, Berlin, 1801—1805, S. 128—130.

Таким образом, чтение Жуковским «Fürstenspiegel» Энгеля интересно с двух точек зрения: во-первых, оно дает возможность увидеть обостренное внимание поэта к общественным вопросам, в частности, к вопросу о правлении; во-вторых, оно приоткрывает сам процесс чтения, его неразрывную связь с процессом выработки собственной позиции.

Если путь в читательскую лабораторию Жуковского начинался с записи на верхнем форзаце, то заканчивается он на обороте нижнего форзаца. Именно здесь он делает последнюю надпись:

Насмешки.
Награды.
Смертная казнь.
Эгоизм —
все для меня.

Что скрывается за этой зашифрованной надписью? Есть основания предполагать, учитывая все пометы Жуковского в книге и его настроения периода чтения «Зеркала для князей», что данная надпись еще раз приоткрывает непростые взаимоотношения поэта и царя. В ней запрятано отношение к деспотизму, к царящему произволу. «Хочу казнь, хочу милую» — так можно выразить смысл этой лаконичной записи.

Проблема тирании особенно остро воспринималась поэтом. Вероятно, чтение накладывалось на его личные впечатления. Так, в библиотеке Жуковского находится утопический роман Гейнзе «Ардингелло и блаженные острова»⁴⁴. Его автор Вильгельм Гейнзе (1746—1803) вошел в историю немецкой литературы и романтизма вообще как выразитель индивидуалистической морали «бурных гениев» и философии наслаждения. В своих романах «Ардингелло и блаженные острова» (1787), «Хильдегард фон Хоенталь» (1795) он в причудливой форме ставит важнейшие философские, эстетические, социальные проблемы, и с этой точки зрения его идеи «являются одним из крайних и односторонних выражений той мечты об освобождении личности и всестороннем гармоническом развитии на базе античности и Ренессанса, которые характерны для немецкого просветительского гуманизма конца XVIII века»⁴⁵.

⁴⁴ Heinse W. Ardinghello, und die glücklichseeligen Inseln.. Bd. 1—2, 3. Ausgabe, Lemgo, 1820 (как и первое издание романа, третье вышло без имени автора). Мы цитируем этот роман по русскому переводу: Гейнзе В. Ардингелло или блаженные острова. Л., «Academia», 1935. Автор перевода, вступительной статьи и комментариев М. Петровский. Приводя отчеркивания и отрывки из текста, мы называем вначале том и страницу немецкого издания романа из библиотеки Жуковского, а затем страницу русского перевода (Bd. 1, S. 245. — с. 276).

⁴⁵ Ж и р м у н с к и й В. М. Очерки по истории классической немецкой литературы. Л., 1972, с. 362.

Жуковский весьма любопытно читает роман Гейнзе. Все свои пометы он сосредоточивает в одном месте, отчеркивая следующие отрывки:

Vd. I, S. 219—220 (с. 258)

Но прочь эту комариную мудрость! Дух наш гораздо глубже. Только та сила приносит счастье, которая преодолевает соразмерное тебе препятствие и устрояет его сообразно своему имуществу. Капли пота, струившиеся по челу Геркулеса, когда он поборол Антея, были ему сладоостнее всяких объятий какой-либо слабой податливой девицы; и лишь Омфала, заставившая его вертеть веретено, достойна была любви героя.

Vd. I, S. 245 (с. 276)

Теперь, когда над нашей разрозненной пестрой толпой, которая уже неспособна объединиться, протянулась железная рука палача, нам ничего другого не остается, как осторожно и потаенно пробуждать друг в друге внутренние силы и ощутительнейшим образом распространять повсюду великий принцип, что наилучшим государственным строем является тот, где все вообще, и лучшие люди и самый совершенный человек, имеют возможность пользоваться своими правами (подч. Жуковским. — А. Я.) и что-то при этом пусть не надеются на лучшие времена, но сами создают их. При Козимо деспотизм пустил уже слишком глубокие корни, и, как ни слаб его сын, сразу его теперь не искоренить.

Оба отчеркивания связаны с впечатлением Жуковского от картины жестокого деспотизма тосканского тирана Козимо. На более чем 100 страницах Гейнзе рисует жестокие нравы при дворе Козимо, почти «как при императорах Клавдии и Нероне». И как пророчество звучат слова, мимо которых Жуковский тоже не мог пройти: *«Ни один высокий дух, дорожащий своей свободой, не станет связываться с двором тирана; он предпочтет лучше хлеб и воду. Никому не удастся избежать неприятностей при дворе дурного государя, и человеку благородному, который желает спастись, решительно ничего иного не остается, как бежать. Так, Сенека нашел бы себе приличный предлог покинуть сначала Агриппину, а затем Нерона, ежели бы пожелал сохранить свое достоинство стоика. Но власть соблазнила его: он остался у тигра и пресмыкался под его когтями»* (Vd. I, S. 233.— с. 267—268).

Отчеркивание на S. 245 — это выделение итоговой мысли, завершающей историю деспота Козимо. Сам факт чтения поэтом романа и внимания к его свободолюбивому пафосу — свидетельство целенаправленности читательских интересов Жуковского.

Свои впечатления от романа поэт выносит на обложки. Густо и, к сожалению, очень неразборчиво, исписаны и верхняя, и нижняя обложки первого тома. Это десять, отделенных друг от друга надписей, касающихся различных проблем, затронутых в романе.

Верхняя обложка

Не зна<ние> есть торжество мудрости и следствие знания. Оно возвышает душу и, смиряя ум, указывает ему его место; <этим своим величием> <нрзб.>, <испытывая его>, оно <нрзб.> и не <всеобъемлюще>.

Истинное в искусстве

<Нрзб.>

Нижняя обложка

Не должно хвалить детей, когда они делают хорошо — убиваешь природу, разви<ваешь> самолюбие, учишь притворству. <Привлекай> к добру прелестью добра, которое в опыте, а не похвалой; и наградою — награда должна быть в <любви>.

Государство — тело человеческое, правительство в отношении к народу есть то же, что голова в отношении ко всему составу.

Воспитание есть не иное что, как деятельность <нрзб.>.

Учитель должен учиться вместе с учеником, их разница в том, что первый знает методу.

Наставник должен быть опытным.

Искусство немцев и итальянцев в живописи.

Талант имеет успех, следуя правилам, Гений творит успех, нередко нарушая правила.

Эти отрывочные надписи непосредственно связаны с проблематикой романа, сочетающего в себе размышления о политике, воспитании, познании, искусстве. Жуковский нередко заостряет мысль Гейнзе, формулирует ее лаконичнее, иногда акцентировывает моменты, интересующие его. Обложки книги превращаются в записную книжку. Несомненно одно: роман Гейнзе «Ардингелло и блаженные острова» был прочитан поэтом под определенным углом зрения. Философия наслаждения и индивидуалистические идеи Гейнзе, видимо, остались без внимания Жуковского, зато общественный и воспитательный пафос романа вызвали ответную реакцию поэта в его отчеркиваниях и записях на обложках. Далекое появление на нижней обложке записей, касающихся проблемы воспитания. Эта проблема становится органической частью общественной позиции Жуковского, ибо непосредственно связана с идеей просвещенного монарха, практическим осуществлением которой и занимался Жуковский.

V

Проблема просвещенного монарха — одна из центральных в просветительской идеологии. Ее теорию развивали просветители всех стран, но ее практическим осуществлением занима-

лись немногие. В их числе по праву можно назвать В. А. Жуковского. Для него должность наставника была «благородной миссией», в жертву которой он отдавал «поэзию с рифмами»: «... моя настоящая должность берет все мое время. В голове одна мысль; в душе одно желание! Не думавши, не гадавши, я сделался наставником наследника Престола. Какая забота и ответственность! (Не ошибитесь: наставником, а не воспитателем — за последнее никогда бы не позволил себе взяться!). Занятие питательное для души! Цель для целой жизни! Чувствую сию великость и всеми мыслями стремлюсь к ней»⁴⁶. Вся его колоссальная деятельность по воспитанию наследника (а он именно был воспитателем по своей сути) — это постоянная борьба за его душу. Столкновения с Николаем I, пытавшимся воспитывать сына в духе муштры и казармы, тщательно разработанные планы учения наследника, пронизанные идеей широкого образования и морального воспитания, путешествие с наследником по всей России, чтобы открыть ему глаза на жизнь, — все это позволило французскому посланнику в Петербурге Ла-Феронне назвать Жуковского «русским Фенелоном»⁴⁷. Именно так расценивали деятельность Жуковского и наиболее проницательные его современники, такие, как братья Тургеневы. Конечно, можно говорить и о политической близорукости поэта, о его Сизифовом труде, о придворном плене, но нельзя не согласиться с А. Н. Веселовским, оценившим всю деятельность Жуковского как подвиг⁴⁸.

Материалы Жуковского (по проблемам воспитания) — основа для большого и специального исследования. Но он был не просто воспитатель, наставник; он был просветитель. Его планы и программа обучения наследника пронизаны одной мыслью, одной целью: воспитать просвещенного монарха. Так, в «Плане учения...», составленном в 1826 году, Жуковский формулирует главные правила для наследника престола. Лейтмотивом звучат слова: «Люби и распространяй просвещение...»⁴⁹.

Жуковский постоянно обращается к опыту своих предшественников на этом поприще: ведет беседы с генералом Цезарем Лагарпом, воспитателем Александра I, и Фридрихом Ансильоном, воспитателем кронпринца. Но еще более показательным его отношение к литературе по вопросам воспитания. Так, в его библиотеке находится сочинение немецкого просве-

⁴⁶ Жуковский В. А. Неизданные письма к А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг. — «Русский библиофил», 1912, № 8, с. 125.

⁴⁷ Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения», Пг., 1918, с. 259.

⁴⁸ Там же, с. 259.

⁴⁹ Жуковский В. А. Полное собр. соч. в 12-ти томах, т. 9. СПб., 1902, с. 135—147.

тителя Эрнста Морица Арндта «Проект воспитания и наставления принца»⁵⁰, в котором делается попытка обрисовать различные этапы формирования личности будущего правителя. Автор предлагает подробный план воспитания и образования ребенка, «родившегося для высокой должности». Жуковский не только тщательнейшим образом изучает это сочинение, делая многочисленные пометки, но и оформляет свои мысли по поводу чтения. В книгу вплетены чистые листы: возможно поэт собирался либо переводить книгу, либо написать непосредственно в ней свои впечатления. Свой замысел он не осуществил до конца, но оставил на первых листах своеобразный конспект. Вот его текст:

Общие понятия

Воспитание не может творить; оно только способствует к совершенному развитию того, что сотворила природа.

Главные правила:

1. Пробуждай и образуй каждую способность, которую воспитанник имеет вообще как человек и в особенности как лицо (individuum)—для всех сословий.

2. Единство и гармония с образованием. Не давай правил, но готовь его к будущему.

3. Направл<ая> пробужденную силу ко всему, что разум находит достойным человека, средствами, согласными с правами существа разумного.

4. Главная цель твоя да будет согласование свободы с рассудком, ибо на сем основано правильное достоинство человека.

NB!

Воспитание может образовать и усовершенствовать только то, что есть начало в человеке. Оно помогает развитию, образованию, усовершенствованию того, что есть в зародыше. Образует общее, человеческое, оно образует и частное, личное. Действует не вопреки натуре, а согласно с натурою. Имсет в виду всего человека: тело, ум, чувство, волю. Видит одно назначение для всех, но ведет к нему разными путями. Цель его уничтожить мало-помалу узы, бременящие душу, расковать человека, ввести его в область свободы разумной. (Свобода — знание добра и зла и способность избирать первое и отвергать последнее, всегда и везде вопреки страстям и судьбе).— Оно не может и не должно всего делать; человек должен быть воспитанник **необходимого** в природе, **случайного** в жизни, и ума посредством воспитания по правилам и с целью. — Одно **человеческое** (то, что человек может быть как человек и лицо как лицо) есть главный предмет воспит<ания>. Оживлять, поддерживать и направлять природу. — Снять все оковы, могущие обременять внутреннюю свободу; избавить от неволи тела, чувственности, предрассудка, заблуждения, страха, чувств мелких, самовластия (Willkür) людей. Для всего этого должно соединить физическое, умственное, эстетическое и нравственное воспитание. **Вне** он под влиянием необходимости и обстоятельств, **внутренне** принадлежит себе. Свободная покорность необходимому с совершенною независимостью внутреннего.

⁵⁰ Arndt E. M. Entwurf der Erziehung und Unterweisung eines Fürsten. Berlin, 1813.

Воспитывай для высшего идеального мира. — Воспитывай не сообразно с настоящим состоянием человечества, а сообразно с общею идеею человека. Настоящее не может быть неизменяемым, следовательно, не должно служить правилом его жизни. Ступень, на которой мы теперь, не есть верхняя, далее которой продвинуться нельзя. (Не экзальтация, не химерическое, но высокое, возможное, знание того, что есть, и того, что быть может, стремление к добру, которое в уме и сердце, а не в окружающем, Humanität).

Знание лучшего не есть еще презрение того, что есть, и вражда с существенным. Устремляй глаза воспитанника на жизнь его окружающую, но знакомь его с нежным, благородным, прекрасным — тогда несовершенство существенного не будет для него обольстительно; и он не потеряет веселости житейской, а будет способен только понять чистейшие и возвышеннейшие настроения. Энтузиазм к истине, добру и прекрасному весьма может быть согласован с ясным и правильным понятием о существенности. Лучшие наши радости заключены в длительном возвышении. Действуй он для добра: знание, что действует, удовлетворяет вполне.

Счастье заключено в нашем хотении и действии с высокою целью. — Каждый честно делай свое и воспитай стремление к тому, чтобы каждого довести до **возможного**. Столько испытать и столько достигнуть, сколько испытал и чего достигнул как человек он может и как лицо способен. Принцип стоит на ступени исключительной, менее ограничен, нежели другие. Ему более, нежели другим, должен быть открыт высокий мир идеальный, но и существенный также показан во всей истине, так, чтобы идеальное было не разрушителем, но животворителем существенного».

Этот конспект является программой воспитания человека вообще. Многие его мысли, в частности, мысль о гармоническом воспитании личности — свидетельство глубокой связи Жуковского с просветительской идеологией. Пафос свободы личности, ее самосовершенствования определяет настроение этого наброска, представляющего интерес для уяснения позиции Жуковского начала 20-х годов.

Точно датировать этот текст помогает запись на нижней обложке книги, сделанная таким же почерком. Она представляет собою набросок точного маршрута швейцарского путешествия 25 июля — 10 августа 1821 года. Видимо, во время этого путешествия, готовя себя к педагогической деятельности, Жуковский и создал своеобразный трактат о воспитании.

Характерно обращение Жуковского и к другим произведениям, где решалась проблема просвещенного монарха. Поэт внимательно прочитал «Велизария» Мармонтеля⁵¹, но в центре его педагогического образования, его настольной книгой был «Телемак», а идеалом наставника ее автор — Фенелон.

Один из исследователей точно и справедливо назвал роман французского писателя Франсуа Фенелона «Приключе-

⁵¹ Marmontel J. Fr. Oeuvres complètes, v. 4 («Belisaire»), Paris, 1787. Экземпляр этого тома, находящийся в библиотеке Жуковского, содержит множество помет, но нельзя уверенно сказать, какие из них принадлежат поэту. На верхнем форзаце имеется владельческая надпись: Catherine de Pratassove, поэтому можно предполагать, что ряд помет сделан

ния Телемака», «курсом политической педагогики для детей старшего возраста»⁵². Именно такой курс и пытался создать Жуковский, опираясь на опыт своих предшественников. Сам факт многочисленных переводов «Телемака» на русский язык, увлечение сочинениями Фенелона передовых русских людей⁵³ — свидетельство того, что идеи французского просветителя обрели в России благодатную почву. Фенелон сопровождал Жуковского почти на протяжении всей его жизни. Но если в 10-е годы его в большей степени интересует личность Фенелона, его «моральная практическая философия», а «Приключения Телемака» как образец слога⁵⁴, то к концу 20-х годов он прочитывает Фенелона под другим углом зрения, как произведение «политической педагогики».

В библиотеке Жуковского сохранилось собрание сочинений Фенелона в 22-х томах, парижское, издание 1820—1824 гг.⁵⁵. Особое внимание поэта привлекают 20 и 22-й тома, содержащие «Les aventures de Télémaque» (т. 20) и «Examen de conscience sur les devoirs de la royauté» (т. 22). Эти произведения столь тщательно изучены Жуковским, что приведение всех сделанных отчеркиваний и подчеркиваний превратилось бы в воспроизведение большей части произведения. Но тем не менее такое воспроизведение позволит нам убедиться, сколь целенаправленно было чтение Жуковским «Телемака» именно как «курса политической педагогики». Поэтому даем пометы Жуковского в небольшом сокращении⁵⁶:

р. 24 (русский перевод, ч. 1, с. 29)

Счастлив народ, управляемый мудрым Государем! — говорил Ментор. Он в изобилии, благоденствует и любит того, кому обязан своим благоденствием. Царствуй так и ты, Телемак! — присовокупил он;

рукой сестер Протасовых. Вероятно, в книге есть и следы чтения Жуковского, о чем свидетельствуют различие помет. Не имея возможности пока доказать это и сколько-нибудь точно датировать чтение Жуковского, мы не обращаемся к этому произведению, хотя сам факт его чтения заслуживает внимания.

⁵² Д ж и в и л е г о в А. Фенелон.— «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона», т. 35, СПб., 1902, с. 457.

⁵³ Так, например, переводы из Фенелона П. А. Вяземский хотел включить в свою книгу французской прозы. — Подробнее об этом см.: Стефанович В. Французские просветители XVIII века в переводах П. А. Вяземского.— «Русская литература», 1966, № 3, с. 89—92.

⁵⁴ Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2, Пг., 1916, с. 513 и последующие.

⁵⁵ F e n e l o n Fr. Oeuvres, v. 1-22, Versailles, 1820—1824.

⁵⁶ Все сокращения связаны с отчеркиваниями описаний посещенных Телемаком мест и некоторых характеристик героев. Текст дается в русском переводе Ф. Лубяновского («Телемак, сочинение Фенелона. Новый перевод Федора Лубяновского в 2 частях»). СПб., 1839), с указанием страниц подлинника и перевода. Выбор этого перевода обусловлен тем, что он имеется в библиотеке Жуковского и, видимо, был прочитан поэтом.

будь отрадою подданных, если некогда Боги возведут тебя на престол отца твоего. Люби народ, как детей своих, любовь народа пусть будет для тебя лучшею утехою; пусть он невольно при каждом ощущении мира и радости воспоминает, что получил от доброго Царя своего в дар эти сокровища, драгоценнейшее золота. Цари, сильные страхом, жезлом железным пасущие подданных, чтобы они под ярмом были покорнее, — бичи рода смертных: они достигают своей цели — страшны; но и проклинаемы, и невидимы. Трепещут их подданные; но сами они должны стократно более трепетать своих подданных.

р. 25—26 (ч. 1, с. 31)

Потом Ментор изображал мне богатства и радость по всему царству Египетскому, где считалось до двадцати двух тысяч городов: с восторгом описывал строгое в них благоустройство; правосудие, — верный щит бедному от силы богатого; воспитание юношества в повинности, в трезвости, в трудах, в любви к наукам и искусствам; ненарушимое наблюдение обрядов богослужения; бескорыстие, рвение к истинной чести, верность к людям и страх к Богам, которые каждый отец внушал своим детям; не истощался в прославлении столь благотворных установлений. Счастлив народ, повторял он, управляемый мудрым Государем; но несравненно счастливее сам Государь, который жиждет счастье народа, а свое находит лишь в добродетели! Он связует людей узами, стократно надежнейшими страха, — узами любви. Всяк не только покорен, но рад ему повиноваться. Он царь у каждого в сердце; у всех одна мысль — не освободиться от его власти, но быть вечно под его властью: каждый готов положить за него свою душу.

р. 29—30 (ч. 1, с. 35)

Каким опасностям подвержены Государи! Самые мудрые из них часто падают в сети. Коварство и алчность всегда у подножия трона. Люди благолюбивые ожидают или уходят: они не льстецы и не наглы. Злые напротив того дерзки и хитры, неотступны и вкрадчивы, раболепны, лицемерны, готовы на все против чести и совести, когда дело идет об угождении сильному. Бедственная доля — быть игралищем злого коварства. И горе Царю, когда он не гонит от себя лести и не любит тех, кто смелым голосом говорит ему правду!

р. 31 (ч. 1, с. 37—38)

Сын мудрого Улисса! — говорил голос: ты должен, как и отец твой, возвеличиться терпением. Царь, не искушенный бедою, всегда счастливый, недостоин такой доли: уснет в прохладах роскоши, забудется от гордости. Благо тебе, если ты преодолеешь свои несчастья, и пусть они пребудут навсегда в твоей памяти! Ты возвратишься на Итаку, и слава твоя до звезд вознесется. Но на престоле вспомни, что ты был также беден и слаб, и страдал, как другие. Утешайся облегчением скорбей; люби народ свой; заграждай слух от лести, и знай, что величие твое будет измеряемо кротостью и силою души в победе над страстями.

р. 38 (ч. 1, с. 46)

Несчастен тот, говорил он, кто на престоле! Часто не может он видеть истины собственными глазами; окружающие заграждают ей все к нему входы. Каждый находит в обмане Царя свою пользу. Алчное властолюбие кроется под личиною усердия. Уста благовестят любовь к Государю; в сердцах таится любовь к богатствам, которые он расточает. Он сам так мало любим, что милости его покупаются ценою лести и предательства.

р. 43 (ч. 1, с. 51—52)

Во всю мою жизнь будет у меня перед глазами это печальное зрелище, и если Боги некогда вверят мне царство: то после столь горестного примера никогда не забуду, что царь тогда только достоин державы и счастлив могуществом, когда покоряет власть здравому разуму. Горе тому, кто призван устроить общее благо, а царствуя, умножает только бедствие народа.

р. 47 (ч. 1, с. 59)

Кто жлет, тот не достоин быть человеком; а кто не умеет молчать, тот не достоин быть на престоле.

р. 53, (ч. 1, с. 66—67)

Порок слабых и празднолюбивых Государей — слепая преданность развратным и коварным любимцам. Совсем иной порок был в Пигмалионе, — недоверчивость даже к испытанным в честности людям. Он не знал различия между злодеем и простосердечным, правдивым человеком, чуждым лукавства. Никогда поэтому не было при нем людей добродетельных. От такого Царя они бегают. Сверх того Пигмалион со времени царствования находил в исполнителях своей воли столько притворства, измен, черной злобы под благовидным покровом бескорыстия, что наконец всех без изъятия считал лицемерами; он думал, что нет в мире искренней добродетели и что люди все одинаковы. Встретив одного лживого и вероломного, он не искал на то место другого, полагая, что другой не будет благонамереннее. Добрые в глазах его были еще хуже явных злодеев. Он почитал их столько же злыми, но гораздо коварнейшими.

р. 60 (ч. 1, с. 74—75)

Так можно управлять людьми без насильственного принуждения, добрым устройством и воздаяниями. Одна власть сама по себе не зиждет общего блага, не довольно для того и одного беспрекословного повиновения: надобно сердца пленить и дать людям восчувствовать собственную пользу в том, в чем нужны их труд и искусство.

р. 65 (ч. 1, с. 80)

Тот, говорили, кто столь малодушно боится обмана, достоин быть в обольщении и всегда почти нагло обманут. Не веря добрым и предавшись злодеям, он один только не знает того, что совершается у него под глазами.

р. 66 (ч. 1, с. 81)

Меня грозный рок пригвождает к злополучному отечеству. Я должен страдать с ним, а может статься и прах мой смешается с прахом его развалин. Но что до того? Лишь бы всегда говорил правду и сердце мое любило бы истину. Боги, ведущие тебя мышцею высокою, да благословят тебя, любезный Телемак! драгоценнейшим своим даром — чистою и бескорыстною добродетелью даже до смерти.

р. 84 (ч. 1, с. 106)

Потом Газаил беседовал с Ментором о первоначальном Могушестве, сотворившем небо и землю; о беспредельном, вовеки немерцающем Свете, который наполняет все собою, сам нераздельный; о вседержавшей и всеобъемлющей Истине, которая просвещает все умы, как солнце озаряет всякое тело. Кто никогда не видел, говорил он, чистого света Истины, тот подобен слепорожденному; влачит жизнь в глубокой ночи, подобно народам, для которых солнце не всходит несколько месяцев сряду; мечтает быть мудрым, и никогда не может прийти в разум истины; мнит себя всевидящим, и ничего во мраке не видит, сходит и в гроб, не прозревши; или и усматривает, но только в сумраке ложные мерцания, тщетные тени, как дым, мимотекущие призраки. Таков жребий всех, увлекаемых льстивыми чувствами и мечтою воображения! Истинный на земле человек только тот, кто испытует, кто любит вечный Разум и избирает его себе наставником в жизни. Он внушает нам благие желания. Он осуждает нас за злые помыслы. Все мы приемлем от исполнения его ум с самою жизнью. Он есть бесконечное море света; умы наши — малые струи, исходящие из бездны этого моря и текущие с ним же сливаться.

р. 91—92 (с. 115—116)

В чем состоит власть Царя Критского?,—спросил я Ментора, — Царь имеет здесь полную власть над подданными,—отвечал он, — но сам под законом. Власть его неограниченна во всем, что зиждет благо народа; но руки его связаны, когда на зло обращаются. Законы вверяет Царю народ, как залог, всего драгоценнейший, с тем, чтобы он был отцом своих подданных; требуют, чтобы одни мудростью и кротостью способствовал благоденствию многих, а не того, чтобы тысячи питали гордость и роскошь одного, сами пресмыкаясь в бедности и рабстве. Царю не предоставлено здесь никакого другого отличия перед другими, кроме того, что или нужно к облегчению возложенного на него бремени, или может поддержать в народе почтение к тому, кто подпора законов. Впрочем, он первый обязан предшествовать собственным примером в строгой умеренности, в презрении роскоши, пышности, тщеславия. Отличаться он должен не блеском богатства и не прохладами неги, а мудростью, доблестью, славою. Извне он обязан быть защитником царства, предводителем рати; внутри судьбою народа, и утверждать его счастье, просвещать умы, исправлять нравы. Боги вручают ему жезл правления не для него, а для народа: народу принадлежит все его время, все труды, вся любовь его сердца, и он достоин державы только по мере забвения самого себя, по мере жертвы собою общему благу.

р. 111 (с. 142)

Надлежит вам избрать в цари не того, кто судит лучше других о законах, но того, кто исполняет их с постоянной доблестью. Что принадлежит до меня: то я молод, неопытен, могу сделаться игролищем страстей; мне еще свойственнее под руководством учить-

ся некогда начальствовать, а не теперь уже возлагать на себя бремя начальства. Не ищите вы такого, кто победил других в игре ума и в силе телесной, а такого, кто одержал победу над самим собою. Изберите себе мужа, у которого законы были бы начертаны в сердце, которого вся жизнь была бы исполнением закона. Пусть укажут его вам не слова, а деяния.

р. 118 (с. 150)

Аристомед говорил нам: «Вы возложили на меня бремя царского звания, исчислите предстоящие мне ныне опасности. Молите Богов, чтобы они ниспослали мне свыше истинную мудрость и чтобы я был первым в своем царстве не столько властью, сколько победою над самим собою».

р. 171—172 (с. 215—216)

Они (народ Бетики. — *А. Я.*) совсем не понимают, как можно удивляться завоевателям, покоряющим царства; говорят: какое безумие искать счастья во власти, неразлучной с бесчисленными скорбями, когда кто хочет властвовать по правде и разуму! И что за удовольствие управлять людьми насильственно? Пусть! мудрый может поработиться, принять на себя правление покорным народом, когда он вверен ему Богами, или сам молит быть ему отцом, защитником, пастырем. Но управлять народом против его воли значит то же, что покупать ценою бедствий ложную славу, — держать людей в рабстве. Завоеватель есть бич, посылаемый Богами на Землю в гнев их к роду человеческому, чтобы превратить царства в пустыни, поразить их ужасом, голодом, отчаянием, наложить на свободных людей чуждое иго. Кто ищет славы, не найдет ли ее в мудром устроении доли, свыше даруемой? Неужели нельзя заслужить хвалы ничем иным, как только насилем, неправдами, надменностью, хищничествами, жестокостью? Меч можно обнажить только для защиты своей независимости. Счастлив тот, кто не раб, но не хочет по безрассудному властолюбию иметь раба и в своем ближнем! Великие завоеватели, представляемые нам в таком блеске, подобны рекам, выступившим из берегов: для глаз они величественны; но превращают плодородные поля в пустыни, вместо того, чтобы только удобрять их тучом благотворной влаги.

р. 229—230 (с. 284—285)

Посреди общего веселья Ментор обратил речь к царям и ратоводам. Пусть ваши народы, говорил он, под различными наименованиями и под различными вожжами, будут один народ! Правосудные Боги, любящие создание свое, род человеческий, сами соизволяют быть вечным союзом совершенного согласия между людьми. Род человеческий — одно семейство, по лицу земли рассеянное; народы — братья, и должны любить друг друга братскою любовью. Горе! злочестивому, кто ищет славы в крови братьев, в родной своей крови!

Война иногда неизбежна; но эта бедственная необходимость налагает знамение стыда на род человеческий. Не говорите, что можно желать войны для славы. За пределами человеколюбия нет истинной славы. Предпочитающий славу своего имени чувствам человеколюбия не человек, а изверг гордости, — и мимолетный только звук ложной славы будет ему возмездием. Прямая слава в победе над собою и в благодати. Лесть будет превозносить честолюбца, но втайне, в искренней беседе всегда скажут о нем, что он тем менее достоин славы, чем более стремится к ней путями неправды; что он не заслуживает от людей уважения: — сам не дорожит людьми и льет кровь их в жертву необузданному славолюбию. Счастлив Царь, лю-

блещущий народ свой и взаимно любимый народом, окруженный соседями-друзьями, и сам друг верный соседям; не только не страшный для них громом оружия, но подавляющий и между ими семя раздора! Счастлив, когда другие народы завидуют его подданным в том, что они под сению его державы!

р. 236 (с. 294)

Намерение мое было приучить тебя слышать каждой вещи свое имя, дать тебе почувствовать, что другие, предлагая советы, никогда не посмеют тебе сказать всех своих мыслей. Не хочешь быть в заблуждении: проникай, предугадывай сам неприятные тени вещей, всегда закрываемые. Я готов смягчать выражения по твоим силам: но польза твоя требует, чтобы человек бескорыстный, безвестный, сердцем вразумляемый, свободным языком втайне говорил тебе правду. Другой на то не решится, и истина всегда будет представляема тебе неполною, и то еще под ложно-блестящим покровом.

р. 245 (с. 305).

Власть — жестокое испытание для дарований; она обнажает все слабости в полной их мере.

р. 246 (с. 305—306)

Но Государь, как бы он ни был мудр и добр, все человек. Разум и добродетель его имеют пределы; у него свои страсти, свой нрав, свои навыки, не всегда ему в равной мере покорные; он окружается людьми корыстными и хитрыми; ищет помощи и не находит; падает каждый день по влечению то собственных, то чуждых страстей; сегодня исправит погрешность, завтра вновь претывает. Таков жребий самых просвещенных и доблестнейших государей.

Долговременнейшее и благотворнейшее царствование слишком кратко и недостаточно к уврачеванию болезней, привитых и неумышленно к телу гражданскому. Все эти бедствия ходят вслед за державою.

р. 280—281 (ч. 2, с. 19—20)

И с той поры свободная искренность замолкла в моих советах, отступила от меня истина, и заблуждение, предтеча надения престолов, покарало меня за жертву, принесенную в лице Филоклеса жестокому властолюбию Протезилаеву. После этого страшного примера люди, даже известнейшие усердием ко мне и к отечеству, не считали уже обязанностью выводить меня из обмана.

Сам я боялся, любезный Ментор! чтобы истина не рассеяла облака и не дошла до меня сквозь толпу ласкателей. Не имея уже силы следовать истине, я не мог сносить ее света, чувствовал, что она возбуждала бы только во мне мучительные угрызения, а не избавила бы меня от бедственного рабства. Усыпление мое и власть, которую Протезилай постепенно взял надо мною, ввергали меня в отчаяние, не оставляя мне и надежды быть еще когда-нибудь на свободе. Я не хотел ни сам видеть, ни другим показать столь позорного состояния. Ты знаешь, в каком духе высокомерия и тщеславия цари воспитываются: всегда во всем они правы; одну погрешность заслоняют тысячею погрешностей, и вместо того, чтобы признать заблуждения и обратиться на путь правый, остаются на всю жизнь в заблуждении. Таков жребий слабых и празднолюбивых царей.

р. 283 (ч. 2, с. 21—22)

Не знаешь ты, отвечал Идоменей, как бесполезны все опыты для усыпленных царей, живущих без размышления. Они ничем не довольны; но не имеют столько силы души, чтобы приступить к преобразованию. Навык, взросший вместе со мною, приковал меня к наперсникам железною цепью, а они безотходно крепили еще ее лестью.

р. 284—286 (ч. 2, с. 23—24)

Протезилай, безмолвный при разглашениях, старался издалека показать мне ненужность и опасные следствия предпринимаемого преобразования, поколебать меня уважениями собственной моей пользы, говорил мне: «Народ в избытке перестанет трудиться; родятся мечтания, непокорность, покушение сложить с себя иго. Слабость и бедность — единственные средства держать народ в смиренном повиновении и предварять всякое сопротивление власти». По временам он хотел оглушать меня прежним своим голосом «единовластия под личиной усердия к моей службе. Желая облегчить народные тяготы, говорил он мне, ты унижаешь тем царское достоинство, а народу наносишь неисцелимую рану. Ярем нужен ему для собственной его безопасности.

Можно и без того, отвечал я, удержать народ в пределах обязанностью — любовью, сохранением власти во всей ее силе и при облегчении подданных, нелицеприятностью, казнью виновных, добрым воспитанием юношества, строгими учреждениями к соблюдению простоты в нравах, любви к труду, умеренности. Неужели нет способа покорить сердца, не моря людей голодом? Мало ли народов, благоденствующих под кротким правлением и верных царям своим? Смуты рождаются от властолюбия и строптивости сильных, когда своеволие их необузданно и страсти не знают пределов; от великого числа людей, живущих в праздности, неге и роскоши в высоких и низких сословиях, от непомерного умножения войск, людей, алчущих войны и презирающих полезный труд мирного времени; от отчаяния страждущего народа; от жестокости, надменности и усупления верховной власти, дремлющей без всякой заботы о том, чтобы бдительностью предварять болезни в теле гражданском. Отседе крамольные смуты, а не от хлеба, которым земледелец питается в мире, омыв его прежде потом лица своего.

р. 287 (ч. 2, с. 26)

Ты видишь, Идоменей! как легко хитрые и наглые люди, предстоя перед лицом слабодушных царей, завлекают их в свои сети. Присовокуп к тому другое, для царей не менее важное несчастье, — скорое забвение доблестей и заступ человека отсутствующего. В толпе, неотступно их окружающей, никто и ничто не производит на них сильного впечатления; внимание их останавливается только на том, что на глазах и что им по сердцу: все прочее скоро теряется из вида. В добродетели особенно для них мало приятности. Она не льстит им, не во всем с ними согласна, осуждает еще их слабости. Можно ли дивиться, что они не любимы, когда сами так мало дорожат любовью подданных, а любят только блеск величия или забавы.

р. 289 (ч. 2, с. 31)

Стократно счастлив тот Царь, под державою которого родится хотя один человек с такою силою духа, — драгоценнейший в веще его камень! И величайшее от Богов наказание Царю, когда он делается недостойным такого дара, не умсет им пользоваться. — и он отъемлется!

р. 296 (ч. 2, с. 40)

Мне ли, после крушения, оставлять пристань, куда занесла меня счастливая буря, и вновь пускаться в то же неверное море? О! как жалки Государи! Исполнители воли их не менее достойны соболезнования. Злы они: страждет от них род человеческий, и какие мучения ждут их во мраке подземного Тартара? Благолюбивы: сколько преград предстоит им на добром пути? Сколько сетей вокруг их расставлено? Сколько им скорбей?

р. 343 (ч. 2, с. 99)

Искренние и благолюбивые люди, всегда одинакие, всегда равно покорные правилам добродетели, никогда не могут быть так милы царям, как льстецы, слуги страстей, в них господствующих.

р. 395 (ч. 2, с. 165—166)

Скоро наконец ты увидишь отца в Итаке вновь на престоле, и сам будешь царствовать. Но, сын мой! обманчив царский венец: издалика — величие, блеск и веселье; вблизи — труд и печали. Не бесславна в частной доле жизнь безвестная, тихая, царь не может без посрамления себя предпочитать покойной и праздной жизни тяжким трудом управления. Он принадлежит не себе, а своим подданным, никогда не властен жить для самого себя. Погрешности его и малые часто влекут за собою роковые последствия: народ иногда страждет от них целые века. Он должен смирять наглость порока, низлагать клевету, быть щитом для невинности. Мало того, если он только не делает зла; он должен делать все возможное добро, предваряя тем все нужды своей области. Не довольно и того, если он сам трудится об устройении общего блага: долг его поставить преграду всем злодеяниям, на которые другие могли бы дерзнуть без обуздания. Страшись, сын мой! столь опасного звания и будь непрестанно на страже против самого себя, против своих страстей и ласкателей.

Прежде всего, показателен сам характер помет: Жуковский делает многочисленные отчеркивания двумя жирными чертами, подчеркивает целые фразы, что свидетельствует об особом внимании поэта к выделенным отрывкам. Характерно, что многие мысли Фенелона заключены в скобки, отчеркнуты с двух сторон, что является обычно показателем их предназначенности для выписок, включения в собственные записи. При первом взгляде на весь этот материал бросается в глаза следующее: все пометки как бы представляют единое целое. Отбирая в основном из текста романа рассуждения Ментора, Жуковский тем самым выделяет проблему просвещенного монарха, komponует из материала своеобразный кодекс поведения такого правителя.

Целенаправленность чтения проявляется и в акцентировании ряда мотивов и проблем, волнующих Жуковского. Это следующий круг вопросов: взаимоотношение правителя и народа (с. 24, 25—26, 43, 60, 91—92, 171—172, 284—285); деспотия и ее последствия (с. 24, 49—53, 104—108, 284—285); законность как «надежнейший страж» государства (с. 91—92, 102—108, 111); лесть и ее развращающее влияние (с. 29—30, 38, 62, 234—236, 280—281, 283—289, 343); захватнические войны как источник народных бедствий (с. 107—108, 171—172, 229—230). Характерно, что сквозным мотивом всех от-

черкиваний Жуковского являются слова: «счастлив народ, управляемый мудрым правителем». Поэт пытается прежде всего понять, как рождается «порок на престоле», уяснить механизм этого явления. Он отмечает не только отрывки из проповедей Ментора, но и фактические подтверждения — истории правления Сезостриса и Пигмалиона, Миноса и Идомея. Происходит своеобразное осмысление уроков царствования.

«Власть — жестокое испытание для дарований; она обнажает все слабости в полной их мере». И далее: «Но государь, как бы он ни был мудр и добр, все человек. Разум и добродетель его имеют пределы; у них свои страсти, свой нрав, свои навыки, не всегда едму в равной мере покорные; он окружается людьми корыстными и хитрыми...» — эти мысли Фенелона получают свое развитие в письмах Жуковского к царю, дневниковых записях. Не случайно сама форма обращения: «я сказал бы» воспринимается как продолжение традиции правдолюбца Ментора. «Разве Вы не можете ошибиться?» — за этими трезвыми и смелыми словами скрывается источник внутренней убежденности Жуковского в правоте своей миссии, убежденности, основанной на опыте просветительской мысли.

«Но я полагал, что ты позволишь мне говорить без всякой прикрасы, показать тебе погрешность твою в истинном виде», — так говорил Ментор Идомею, окруженному льстецами. Тема лести и шпионства особенно остро воспринималась Жуковским при чтении «Телемака». Он внимательно прочитывает всю историю льстеца и шпиона Протезилая и оклеветанного искателя истины Филоклеса, а на с. 287 отчеркиванием и НВ выделяет слова о различной судьбе льстецов и искренних искателей истины. Для Жуковского эта тема приобретает к концу 20-х годов принципиальное значение.

«Я защищаю тех, кто вами осужден или обвинен перед вами...», «... должен я их (доносы) потому уже признать истинными, что они доносы, сделанные вам и обвинившие пред вами безответных ..., если эти доносчики могут быть доступны до вас, то это ваше несчастье, ибо в таком случае вы беспрестанно будете осуждать несправедливо, и мы никогда не можем быть правыми», «...нравственность наша теперь вся передана на произвол доносчиков: нет никого правых». «И на что может вообще служить непорочная жизнь, если она в минуту может быть опрокинута клеветою?»⁵⁷ — за всеми этими отрывками из писем и записок Жуковского приоткрывается программа морального противодействия, деятельного гуманизма. Дело, конечно, не в том, что Энгель или Фенелон открыли глаза Жуковскому, не переключкой мотивов определя-

⁵⁷ См.: Дубровин Н., указ. статья, с. 80—81; Жуковский В. А. Полн. собр. соч. в 12-ти томах, т. 12, СПб., 1902, с. 24.

ется его связь с просветительской литературой. Чтение было, по верному замечанию самого Жуковского, «нравственным компасом». «Телемак» для Жуковского, как и для многих его современников, был именно курсом политической педагогики. Может быть, для Жуковского это чтение в большей степени было связано с его жизненными впечатлениями.

Характерно, что и роман Гейнзе, и «Телемак» — образцы утопического романа. Их чтение в определенной степени выражает и тоску поэта по идеальному общественному устройству. Социальная утопия была близка мировосприятию поэта.

Не менее важное значение имело для Жуковского и чтение другого произведения Фенелона — «Examen de conscience sur les devoirs de la royauté...».

Оно продолжало проблематику «Телемака» в несколько иной форме. На обороте нижнего форзаца сам Жуковский дал лаконичный перевод названия этого произведения — «Вопросы для совести». Действительно, произведение Фенелона представляет 38 вопросов о королевских обязанностях, заданных будущему правителю. Это своеобразный экзамен на право называться королем. Сама форма этого произведения была близка Жуковскому. Его вопросы, возникающие по ходу чтения, имеют непосредственную связь с этой формой. Широта проблематики и острота постановки «вопросов для совести» прежде всего привлекали внимание поэта. В самой острой форме Фенелон формулирует вопросы об отношении наследника к народу, к закону, к налогам, к войнам. Причем, нередко вопросы переходят в рассуждения или рассуждение заканчивается вопросом. Читающий невольно включается в мыслительный процесс.

Жуковский столь тщательно прочитывает произведение Фенелона, что нет возможности воспроизвести все отчеркивания и подчеркивания в тексте: для этого необходимо было бы переписать все 40 страниц текста, делая лишь небольшие пропуски. Можно выделить три типа помет: это прежде всего подчеркивание целых предложений и отрывков; во-вторых, это подчеркивание с одновременным отчеркиванием на полях двойной чертой, и наконец — три небольшие надписи на полях около помет второго типа, причем две на русском и одна на французском языке. Для наглядности приведем наиболее характерные пометы Жуковского, текст приводим в русском переводе.

т. 22, с. 266

III. Не искали ли Вы советников во всех областях знаний, более всего расположенных Вам льстить в Ваших самых больших проявлениях властолюбия, тщеславия, роскоши, изнеженности и неестественности? Не было ли Вам трудно верить людям прямым и бескорыстным, ничего не желающим от Вас и не дающим ослепить себя Вашим величием, людям, которые сказали бы Вам со всем откровенным правду и помешали бы делать ошибки?

с. 267

VI. Не чувствовали ли Вы себя спокойным в самых скрытых складках Вашего сердца, не видя добро, которое Вы не хотели бы сами совершить из зависти, так как оно было слишком дорогостоящим, чтобы его исполнить, и не стали ли бы Вы искать причину извинить зло, к которому имеете склонность?...

с. 268—269

VII. Трудились ли Вы, чтобы изучить законы, обычаи и нравы королевства? Король — первый судья государства: это тот, кто имеет силу законов, тот, кто убеждает в их необходимости, тот, кто часто судит в своем совете в соответствии с законами, которые он сам учредил или использовал во время своего правления уже учрежденные раньше; это тот, кто должен был исправить других судей; одним словом, его функция — быть во главе всякой справедливости во время мира и быть во главе армий во время войны. И так как война не должна никогда вестись иначе как только с сожалением. как можно короче, имея в виду постоянный мир, то следует, что функция командующего армией является преходящей, вынужденной и печальной для добрых королей: вместо того, чтобы судить и следить за всеми судьями, что является их естественной функцией, основной, обычной и непрременной обязанностью королевства. Справедливо судить — это судить по закону, но чтобы судить по законам, надо их знать. Знаете ли Вы в принципе право, чтобы легко быть в курсе дела, когда Вам предлагают судебный случай? В состоянии ли Вы отличить среди Ваших советников тех, которые Вам льстят, которые не льстят; тех, которые свято следуют правилам, от тех, которые хотели бы произвольным образом изменить эти законы согласно своим воззрениям?

с. 269—270

VIII. Изучили ли Вы серьезно то, что называют правом человека? правом, которое настолько не может игнорироваться королем, что является правом, направляющим его поведение в самых важных обязанностях. И знаете ли Вы, что это право соотносится с самым основным, естественным законом человечества? Изучили ли Вы основные законы и постоянные обычаи, которые имеют силу закона для Вашего правительства и Вашей особой нации? Пытались ли Вы изучить, не щадя себя, каковы границы Вашей власти?

с. 271—272

X. Обыкновенно говорят королям, что они меньше должны бояться пороков как частные лица, чем пороков, которым они предаются во время выполнения королевских обязанностей. Что касается меня, то я смело говорю прямо противоположное, я поддерживаю то мнение, что все их ошибки в самой личной сфере имеют бесконечные последствия для всего королевства. Значит, изучайте детально свой нрав. Подданные являются рабскими подражателями своего князя, особенно в делах, льстящих их страстям. Дали ли Вы им дурной

пример бесчестной или низкой любви? Если Вы это сделали, Ваш авторитет восхваляет подлость, Вы пересекли барьер стыдливости и честности. Вы дали возможность победить бесстыдству и преступности. Вы научили Ваших подданных более не краснеть от того, что стыдно: печальный урок, который они не забудут никогда!

<...> Искра вызывает пожар, действия короля часто вызывают учащение и цепь преступлений, которые распространяются на многие нации и многие столетия. Не показываете ли Вы губительные примеры? Возможно Вы думаете, что Ваша беспорядочная жизнь останется секретом? Нет, зло никогда не может быть секретом среди князей. Добро-то может остаться тайным, так как с большим трудом верят в возможности этого в них, но что касается зла, его угадывают, ему верят при малейших подозрениях.

с. 279

Искали ли Вы средства облегчить участь народа и брать от него лишь то, что Вы вынуждены брать для блага государства и их собственной выгоды?

с. 280—281

XVIII. Вы должны изучить возможность сокращения во время бедственного положения всех служб, которые не являются обязательными. Отрегулировали ли Вы все налоги в течение каждого года? По крайней мере, Вы не должны делать ничего, не проконсультировавшись хорошо с людьми, не способными Вам льстить и имеющими искренние намерения в отношении общества. Не возложили ли Вы на народ новые налоги, чтобы поддерживать свои излишние расходы, роскошь всяких пиров, Ваших эжипажей и Вашей мебели, украшение Ваших садов и Ваших дворцов, непомерные милости, которые Вы раздаете своим фаворитам?

Вновь, как и при чтении «Телемака», Жуковский особенно внимателен к проблеме злоупотребления властью. Как правило, пометы второго типа фиксируют вопросы о зависимости положения народа, нации от деятельности правителя. Если учесть, что предложенные вопросы предназначались для наследника, то очевидна будет их связь с идеей воспитания просвещенного монарха. Отсутствие в «Телемаке» и «Вопросах для совести» сколько-нибудь развернутых записей Жуковского — свидетельство того, что он воспринимал эти произведения именно как учебное пособие для наставника. Характер чтения, переключка целого ряда отчеркиваний с собственными мыслями Жуковского конца 20-х годов, с его программами обучения наследника, факты биографии поэта — все это позволяет предположительно датировать чтение Жуковским указанных произведений концом 20-х годов и в определенной степени считать итогом его общественного образования этого периода.

Таким образом, круг чтения Жуковского 20-х годов позволяет более наглядно увидеть взаимосвязь его общественной позиции с просветительской литературой, воссоздать ту духовную атмосферу, в которой происходило формирование его взглядов и убеждений. Умеренный либерализм Жуковского не позволил ему оценить целый ряд явлений передовой общественной мысли, но школа русского и европейского просветительства, через которую он прошел, контакты с передовыми людьми эпохи, помогали ему оставаться честным человеком и гражданином, непреклонным в своих убеждениях и действиях, носителем действенного гуманизма. «У тебя тройным булатом грудь вооружена, когда нужно идти грудью на приступ для доброго дела»⁵⁸. За этими словами П. А. Вяземского, обращенными к Жуковскому, возникает образ поэта, который и в придворном плену достойно выполнял свою не легкую миссию.

VI

Круг чтения Жуковского 30-х годов весьма симптоматичен. Преобладающее большинство книг, прочитанных и осмысленных поэтом, посвящено вопросам политики и всеобщей истории.

Одной из характерных в этом ряду является книга дерптского профессора Густава Эверса «Политика»⁵⁹. Книга представляет собой учебник политических знаний, каждый раздел которого посвящен актуальным проблемам общественной жизни. Произведение открывается обзором сочинений по теории государства вообще и политики—в частности. Жуковский подчеркиванием отмечает некоторые из этих сочинений, в том числе труды Макиавелли, Монтескье, Руссо, Шлёцера, Смита. В лице Эверса Жуковский нашёл собеседника и друга. Не случайно на обложке «Политики» имеется дарственная надпись Эверса: «Seinem Freunde Shukovskÿ der Verfasser».

Очень внимательно прочитаны в книге разделы о происхождении и цели государства, о первоначальном отношении людей к государству, о принципах создания государства. Поэт тонко отточенным карандашом помечает все, что касается этих вопросов. На с. 20 NB отмечен абзац, выделенный специальным шрифтом и начинающийся словами: «*Der Staat hat den Zweck*». Жуковский подчеркивает эти слова и вдоль нижнего свободного поля с. 20—21 делает четкую, почти без помарок надпись, комментарий к выделенным словам: «*Цель государства: чтобы общество человеческое было счастливо возможною свободою, то есть нравственною деятельностью,*

⁵⁸ «Русский архив», 1900, № 3, с. 3852.

⁵⁹ Ewers J. Ph. G. Politik. Andeutungen des Inhalts. Dorpat, 1829.

наслаждением всеми правами, возвышением достоинства человеческого, достижением и цели бытия человека. Чтобы человек в обществе смог возможно достигнуть цели бытия своего, а сия цель есть счастье, состоящее в свободном развитии всех сил, данных творцом для счастья, нужна свобода, не вредящая и невредимая нравственность, усовершенствованная знанием и религиею деятельность; наслаждение собственностью, удовлетворение нужд и правил общежития».

Другая, в определенном смысле программная надпись появляется на с. 27. «*Каждое государство,— пишет читатель «Политики»,— основано не на договоре,— но с течением времени идет оно к тому, чтобы из него произошел договор. Ибо понятия о власти и подданных как о праве обязательны и для государя и для подданных: народ мужает и его представители являются для заключения договора окончательно. Итак, договор не есть основание, а, напротив, следствие общества. Свидетельства и факты сему представляет история народов.*

К этим записям еще придется возвратиться, но круг вопросов, интересующих Жуковского, начинает обозначаться: о форме правления, о взаимоотношениях народа и государя, о законе как организующем начале (на с. 104 поэт записал: «Закон есть порядок, направляющий движение»), о революции. Но фокусом всех размышлений Жуковского был вопрос о форме правления, об идеале государства.

«Жуковский, безусловно, монархист. Но монархизм его какой-то подозрительный, прямо скажем, утопический»⁶⁰ — так определяет позицию Жуковского в этом вопросе М. И. Гиллельсон. С таким определением нельзя не согласиться, но его можно уточнить.

Обостренный интерес к проблеме власти был, конечно, не случаен: отношения самого поэта с правительством и поведением царя не соответствовали политической утопии Жуковского. Во время заграничного путешествия 1832—1833 гг., которое не будет преувеличением назвать бегством из придворного плена, он постоянно размышляет об абсолютизме, деспотии. В дневнике мелькают записи: «Разговор о политике», «разговор о главных основах общества»⁶¹. Собеседниками поэта оказываются воспитатель Александра I генерал Цезарь Лагарп, французские профессора, очевидцы революции и наполеоновской диктатуры. Как итог этих разговоров запись в дневнике от 2 (14) ноября 1832 г.: «Абсолютизм — пожертвование права, произвольное общему благу. Султанизм, якобинизм, конституционизм — три вида абсолютизма»⁶².

⁶⁰ Гиллельсон М. И. О друзьях Пушкина.— «Звезда», 1975, № 2, с. 212.

⁶¹ Жуковский В. А. Дневники, СПб., 1903, с. 244, 246.

⁶² Там же, с. 247.

Катализатором этих размышлений стало сочинение К.-Л. Галлера «*Restauration der Staats-Wissenschaft*»⁶³, чтение которого точно зафиксировано в дневнике: 25 января — 15 марта 1833 года. В письме А. И. Тургеневу по поводу прочтения первого тома Жуковский пишет: «Галлерова система есть именно та, которая мне надобна». И словно оправдываясь, добавляет: «Из всего этого не вздумай ты извлечь убеждение, что я поклонник абсолютизма. Всякий абсолютизм приводит мою кровь в волнение, но абсолютизм в красной шапке так же мне противен, как святому дьявол»⁶⁴. Многочисленные пометы и маргиналии в сочинении Галлера позволяют понять отношение Жуковского к реакционной теории немецкого историка. Характер этого отношения — свидетельство достаточно сложной позиции русского читателя.

Из шести объемных томов галлеровского сочинения внимание поэта привлек лишь первый том (пометки есть в самом начале второго тома, все остальные, видимо, не были им прочитаны). Как видно из цитированного уже письма к А. И. Тургеневу от 14 марта 1833 г., Жуковского прежде всего привлекает идея естественного происхождения общества: «естественное состояние продолжается и теперь и никогда прекратиться не может, и что так называемое гражданское состояние есть выдумка теористов, кои натуру вещей, столь ясно видимую в ходе истории, заменили идеею»⁶⁵. Утопия Жуковского о естественном состоянии была пронизана идеей религиозной святости, в ней нельзя не увидеть антиреволюционных настроений. Все это так, но не подлежит сомнению и то, что сконструированной модели естественного состояния, по Жуковскому, не соответствуют все современные государственные устройства.

В поисках «независимости каждого на его месте» Жуковский прежде всего ратует за такую форму правления, которая бы гарантировала свободу человеческой личности. В гл. 21 с характерным названием «Замечательный вопрос: какая конституция, монархическая или республиканская, будет лучше?» он на с. 507 подчеркивает следующие слова:

«In diesem Sinn ist es ganz richtig, was Pope sagt: das für das Wohl der Unterthanen die bestverwaltete Regierung die beste sei und die bestverwaltete ist diejenige, welche die Gesetze der Gerechtigkeit und des Wohlwollens am gewissenhaftesten beobachtet»⁶⁶.

⁶³ Haller K.-L. *Restauration der Staats-Wissenschaft oder Theorie des natürlich-geseßigen Zustandes*, Bd. 1—4, Winterthur, 1820.

⁶⁴ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 275—276.

⁶⁵ Там же, с. 274.

⁶⁶ Перевод: «В этом смысле совершенно справедливо то, что сказал Поп: для блага подданных лучшая форма правления будет и есть та, которая добросовестно соблюдает законы справедливости и благоденствия».

... (faint text) ...

Рис. 18. Трехязычная надпись (на русском, французском и немецком языках) по поводу характера и причин революции Галлера «Restauration der Staats-Wissenschaft»

Жуковский на верхнем поле страницы дает почти буквальный перевод слов английского поэта и философа А. Попа, присоединяясь к его мнению. *«Лучшая форма правления есть < нрзб > та, в коей наиболее постоянные гарантии для общественного порядка и для личного благоденствия»*,— записывает поэт. Эта мысль, как и ряд других, вряд ли подтверждает безусловное пристрастие Жуковского к монархической форме правления. В дневнике 1835 года это выражено достаточно ясно: *«Я сказал великому князю: благоденствие государства зависит менее от формы, нежели от духа правления. Главное дело справедливость»*⁶⁷.

Идеал просвещенного и справедливого государства у Жуковского уже не вмещается в рамки определенной формы правления. Именно поэтому в маргиналиях к последним главам книги он более трезво относится к позиции Галлера, в частности, к его выпадам против республики. Ни в коей мере не являясь сторонником республики, он тем не менее считает ее, как и монархию, фактом историческим, следствием естественного развития. Полемизируя с Галлером, поэт на с. 515 записывает: *«Натяжка здесь состоит в том, что, положив за основание справедливую идею, автор извлекает из нее общее заключение. Общество произошло не из произвольного договора, а из природы вещей. Между монархией и республикою < невелики отличия > и все они не иное что, как исторические факты»*.

Идея исторического развития понимается Жуковским односторонне, как следствие естественного состояния, но в отличие от Галлера всякая форма правления, в том числе, и республика, рассматривается им как следствие исторического развития. Если возникновение репрезентативных систем Галлер рассматривает как плод выдумки, как новую республику, в чем проявилась боязнь преобразования всех монархий в республики, то читатель его сочинения более трезво и терпимо относится к возникновению таких форм государства. *«Репрезентативная система»*,— записывает он на с. 502,— *есть средняя форма между республикою и монархией. Дело не в том, как произошла она, а в том, возможна ли и заключена ли в натуре вещей. Происхождение многих республик и монархий было неправое: это свидетельствует история; время обратило неправое в правое. Р. < епрезентативная > С. < истема > не уничтожает главных элементов общества: верховной власти и подданства; она только приводит их в равновесие. Эта форма следствие развития, новая форма и, вероятно, не лучшая»*.

Столь глубокий интерес Жуковского к проблеме государственного устройства имел для него, так сказать, практический смысл. В дневниковых записях и записках к царю, пись-

⁶⁷ Цит. по указ. статье М. И. Гиллельсона.— «Звезда», 1975, № 2, с. 212.

мах к наследнику характерной начальной фразой является следующая: «Я сказал великому князю», «я бы сказал царю». Стремление открыть глаза государю, установка на воспитание наследника в духе идеи просвещенного монарха рождали смелость суждений поэта. Его идеал государства не был просто абстракцией, он конкретизировался в постановке и решении целого ряда проблем. Одной из важнейших для Жуковского была проблема законности.

VII

«Дело состоит не в совершенном уничтожении справедливости, ибо это на земле не возможно и мы никогда здесь не устроим рая. Но в ее возможном ограничении». Такая запись появляется на с. 437 галлеровской книги. Возможное ограничение несправедливости Жуковский постоянно связывает с законностью. Закон в его понимании — своеобразный регулятор общественных отношений, *«порядок, направляющий движение».* В библиотеке поэта имеется обширная литература по этому вопросу, в том числе сочинения Монтескье, Ансильона, Раумера, Дюгамеля, Неволлина и др.⁶⁸ Вера в силу закона у Жуковского неразрывно связана с высшей справедливостью, именно поэтому покорность закону обязательна для всех без исключения. Закон и справедливость для него — понятия синонимичные. В цитированной уже дневниковой записи 1835 года, развивая мысли о справедливости, он замечает: «А что такое справедливость его правителя: охранение прав законом утвержденных, следственно строгая покорность закону без всякого изъятия... Так всего необходимее для нас и для нашего государя твердая законность: привычка к ней и в царе и в подданных достаточно заменит всякую конституцию»⁶⁹. В этой записи, как уже верно заметил М. И. Гиллельсон, есть связь с передовыми идеями века.

Наблюдая беззакония русской общественной жизни, искренне возмущаясь шпионством, наушничеством, произволом, царящими в ней, поэт не может принять официальной доктрины: «царь выше закона». Он не только подвергает сомнению безошибочность государя и правосудия: «Разве Вы не можете ошибаться? Разве правосудие (особливо у нас) безошибочно? Разве донесения Вам людей, которые основывают их на тайных презренных доносах, суть для нас решительные приговоры Божии? Разве Вы можете осуждать, не выслушав

⁶⁸ Montesquieu Ch. Oeuvres, v. 1—5, Paris, 1976; Ancillon Fr. Über den Geist der Staatverfassungen und dessen Einfluss auf die Gesetzgebung. Berlin, 1825; Raumer Fr. L. G. Über die geschichtliche Entwicklung der Begriffe von Recht, Staat und Politik. Leipzig, 1832.

⁶⁹ Цит. по указ. статье М. И. Гиллельсона.— «Звезда», 1975, № 2, с. 212.

оправдания?»⁷⁰, но и прямо обвиняет правительство в беззаконии: «Это бесит! Как же хотят уважения к законам в частных людях, когда правительства все беззаконное себе позволяют»⁷¹. В правительстве и государе Жуковский ищет выражения высшей справедливости и, следовательно, законности. Однако идеал и действительность вступают в очевидное столкновение, а человек оказывается игрушкой в руках судьбы. Именно потому раздумья поэта пронизаны мыслью о горе честного и умного человека в России. История с «Европейцем», судьба Киреевского, Чаадаева, сосланных декабристов, Пушкина, наконец, собственная жизнь — все это рождало трезвые и горькие мысли об общественном неблагополучии. И главная причина этого, по мнению Жуковского, отсутствие подлинной законности. Вот несколько характерных записей.

Из письма царю 1830 года. «...около Вас будут жить только те, кои живут предательством. Из остальных одни, меньшая часть, то есть Вам преданные и честные, будут Вам чужды, будут молчать с горем и лишены возможности быть Вам полезными. Между царем и Россиею будет бездна, огороженная забором из наушников»⁷².

Из письма царю 1832 года (о Киреевском). «Одной благодати Вашей должно приписать только то, что его не постигло никакое наказание. Но главное несчастье совершилось. Государь, представитель закона, следовательно сам закон, наименовал его уже виновным. На что же послужили ему 25 лет непорочной жизни? И на что может вообще служить непорочная жизнь, если она в минуту может быть опрокинута клеветой?»⁷³

Дневниковая запись 1885 года. «П. сказал мне: Г<осударь> может сделать меня богатым, так же как может сослать меня в Сибирь. В этом глубокий смысл. Это показывает разницу между словом <может> и имеет право. Всего важнее для русского государя понимать и во всякое время помнить это различие. В этом беспрестанном строгом воспоминании будет полная гарантия для подданных»⁷⁴.

Все записи драматичны по своей сути. «Что же остается делать честному человеку и где может найти он убежище?»⁷⁵ — вот вопрос, который мучил поэта. Во всех этих записях запечатлена история духовного кризиса поэта, его своеобразного отторжения от официальной России. Сеть клеветы спутывала и его. Поэтому постоянно приходилось оправдываться, нередко были «головомойки». Поездки за границу становились столь частыми, что казались подозрительными.

И по-прежнему продолжается серьезная умственная работа Жуковского-читателя: он хочет дойти до сути. Как уже говорилось, в 30-е годы поэт внимательно читает сочинения

⁷⁰ Из письма Жуковского к царю от апреля 1830 г. Цит. по указ. статье Н. Дубровина. — «Русская старина», 1902, № 4, с. 80.

⁷¹ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 233. «Русская старина», 1902, № 4, с. 81.

⁷² Жуковский В. А. Полное собр. соч. в 12-ти томах, т. 12. СПб., 1902, с. 23.

⁷³ «Звезда», 1975, № 2, с. 212.

⁷⁴ Жуковский В. А. Полное собр. соч. в 12-ти томах, т. 12. СПб., 1902, с. 23.

Фридриха Ансильона. В его труде «О духе государственных конституций и их влиянии на дух законов» особенно внимательно прочитаны шесть первых глав: «Geist der Gesetze», «Quellen der Gewalt», «Die Staaten», «Freiheit», «Gleichheit», «Die Monarchie». Жуковский везде настойчиво отмечает мысль о законности как высшей справедливости. Состояние законности, по его мнению, выражает степень развитости общества. Вновь, как и в «Политике» Эверса, возникает надпись: «Закон направляет движение нации»⁷⁶. Появление слова «нация» весьма характерно: законность и судьба нации в размышлениях Жуковского приобретают определенную взаимосвязь. В этом смысле заметки Жуковского на полях сочинения Галлера особенно интересны.

Уже в самом начале первого тома, делая своеобразный конспект прочитанного, он записывает: «Право, наследованное верховной властью. Право, уничтожающее оное» (с. 22). Эта конспективная надпись скрывает размышления поэта о взаимоотношении народа, нации и власти.

VIII

В 30-е годы центр тяжести исторических увлечений поэта, на первый взгляд, перемещается. В круг его чтения обильно входят сочинения по всемирной истории. Здесь достаточно назвать фундаментальные труды К. Роттека, К. Менцеля, И. Гёрреса, К. Пёлица и др.⁷⁷. Происходит поиск смысла истории вообще. В этих сочинениях Жуковский фиксирует узловые события мировой истории, пытается найти их связь, составляет многообразные схемы и таблицы, но главное — ищет суть фактов, их глубинный смысл. Книга Менцеля рождает размышления о природе общественных потрясений. В письме к наследнику от 1 января 1833 г. Жуковский дает отзыв об этой книге⁷⁸, акцентируя внимание на вопросе о характере революций. В самой книге, находящейся в библиотеке поэта, особенно выделен раздел о восстании декабристов. Тщательно проштудирован и труд Карла Роттека с характерным на-

⁷⁶ Ancillon Fr. Über den Geist der Staatverfassungen und dessen Einfluss auf die Gesetzgebung. Berlin, 1825, S. 2.

⁷⁷ Rotteck K. W. R. Allgemeine Geschichte. Freiburg, 1826, Bd. 1—9; Menzel K.-A. Geschichte unserer Zeit (1786—1828). Berlin, 1829, Bd. 1—3; Pölitz K. Die Weltgeschichte. Leipzig, 1818; Görres J. J. Über die Grundlage der Weltgeschichte. Berlin, 1830. Вот еще некоторые сочинения на эту тему, прочитанные и осмысленные поэтом в 30-е годы: Spazier O. R. Geschichte des Aufstandes des polnischen Volks. Altenburg, 1832, Bd. 1—2; Daru P.-A. N. B. Histoire de la république de Venise. Paris, 1819, v. 1—7.

⁷⁸ Жуковский В. А. Полное собр. соч. в 12-ти томах, т. 12. СПб., 1902, с. 26—30.

званием: «Allgemeine Geschichte vom Anfang der Historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten für denkende Geschichtsfreunde» («Всеобщая история от начала исторических знаний до нашего времени для мыслящего друга истории»). Таким «мыслящим другом истории» и оказывается Жуковский. Он вдоль и поперек, видимо, на два раза изучает труд Роттека, отмечая заинтересовавшие его места. Его пометки логичны и последовательны: отмечено все, что отражает историю народа, его жизнь во всех проявлениях. Итогом размышлений поэта является лаконичная запись на форзаце: «Только та история достойна внимания, в которой изображена жизнь народа»⁷⁹.

За этой надписью стоят размышления поэта о роли народа в истории, а точнее — в жизни общества. Не принимая теории общественного договора, Жуковский во многом вслед за Галлером развивает наивную теорию естественного происхождения государства. Договор в его понимании — это договоренность между народом и государем. В отличие от Галлера он уделяет значительное внимание интересам народа, более того, он считает, что главную роль в этом соглашении играет народ: «народ мужает и его представители являются для заключения договора окончательно»⁸⁰. Для Жуковского очевидно, что всеми своими благами, своей властью монархи обязаны народу, его воле. Народ дарует власть, но, вероятно, он имеет право ограничивать ее. Таково логическое следствие всех размышлений Жуковского. Особенно характерно это проявилось во время чтения сочинения Галлера. На с. 490 пристальное внимание поэта вызывают мысли автора о способах приобретения независимости. Многочисленная система читательских знаков (подчеркивания, отчеркивания, вопросы) дополняется обширной, занимающей все свободное пространство страницы записью. Для наглядности воспроизводим авторский текст со всеми маргиналиями поэта.

Текст Галлера

Die Unabhängigkeit kann also wohl von Obern geschenkt aber nie von Untergebenen delegirt werden, denn niemand kann geben was er selbst nicht hat. Man kann von Mächtigen Land und Gut erhalten oder sonst bestehender Pflichten erlassen werden, aber von Schwächern die jene Güter nicht besitzen oder denen man keine Diensten schuldig war, ist solches nicht möglich. Untergebene oder Gleiche vermögen wohl einem andern Menschen gewisse Bedürfnisse über sich einzu-

Замечания Жуковского

Что значит приобретение независимости? Если отделить часть от целого, в таком случае часть становится отдельным целым на тех же условиях, как просто перемена властителя. Но государство без властителя и родителя так же невозможно, как тело без головы и членов и предложение без

⁷⁹ Rotteck K. W. R. Allgemeine Geschichte, Bd. 1—9, Freiburg, 1826. Запись сделана на нижнем форзаце первого тома.

⁸⁰ Запись Жуковского в книге Г. Эверса «Политика», с. 27.

räumen; sie können ihn zu ihrem Anführer, ihrem Vorsteher wählen, in seine Dienste treten, seinen Befehlen gehorchen; aber diesem Anführer, diesem Vorsteher die Unabhängigkeit selbst zu geben, ihn bloß durch ihren Willen zum Fürsten zu machen: das vermögen sie nicht; denn dazu müssten sie jene Unabhängigkeit vorher selbst besessen haben, in welchem Fall aber sie nicht Untergebene, sondern Obere oder wenigstens freie wählen und diese Freiheit* gewiss nicht ohne Not abtreten würden»⁸¹

подлежащего и сказуемого.

Но способы приобретения верховной власти различны. Это находим в истории. Может быть приобретена от общества безусловно; может быть и на условиях. В последнем случае существует договор. Династия Романовых призвана на трон народом; она получала власть неограниченную, но получила ее от народа; могла бы получить и ограниченную.

* Такого рода свобода возможна, но она не в натуре вещей и потому необходимо должна быть уступлена.

Эта надпись Жуковского концентрирует всю противоречивость его позиции. С одной стороны, сам принцип республиканского устройства неприемлем для него, он не представляет себе государственного устройства без властителя, но в отличие от Галлера он иначе смотрит на способы приобретения верховной власти. Поэтому, с другой стороны, он не отрицает участия народа в этом процессе. В его лексиконе вместо «Untergebene», «Schwächer» появляется другое понятие — «народ». Именно его воля, по Жуковскому, является определяющей в вопросе о власти. Иллюзорность этих представлений не раз опровергала история, но иллюзия Жуковского — свидетельство его искренней веры в существование таких отношений. Обращение Жуковского к опыту русской истории не единственный факт, а тенденция в его размышлениях 30-х годов. Слова о династии Романовых скрывают в себе достаточно интересную мысль о возможном ограничении их власти со стороны народа. Эта мысль потенциально звучит как своего рода предупреждение злоупотребляющим властью: «могли бы получить и ограниченную» звучит как «может получить и ограниченную».

⁸¹ Перевод: След., независимость может быть, вероятно, дарована властью имущим, но никогда она не будет делегирована подчиненными, потому что никто не может дать того, чего он сам не имеет. Можно от сильных получить землю и поместье или существующие права, но от слабых, не имеющих таких благ и обязанных службе, такое невозможно. Подчиненные или равные могут, конечно, одному из людей предоставить определенные полномочия над собой, они могут выбрать его своим предводителем, своим начальником, вступить под его начало, повиноваться его приказам; но этому предводителю, этому начальнику дать саму независимость, сделать его только по своей воле — этого они не могут.

Внимательно всматриваясь во все искажения естественных принципов, Жуковский думает не только о судьбе отдельной личности, но и всей нации, народа. В этом отношении интересен его отклик на следующее замечание Галлера: «Вероятно, подданные могут жаловаться на всевозможные злоупотребления власти и при этом использовать все позволенные средства (?), потому что это касается их собственных прав; но относительно природы отношений им остается только законная свобода покинуть общество (?), если они не довольны этим, и вступить в другое, которое больше соответствует их желаниям»⁸².

Жуковский прежде всего подчеркивает в тексте две опорные мысли и ставит рядом вопросительные знаки, тем самым подвергая сомнению возможности, предложенные Галлером. Но неудовлетворенный самой позицией автора он тут же записывает на полях: «Это возможно для лица, а для целого народа?». В этом вопросе вновь на месте галлеровского «Untertanen» возникает «народ», но интереснее другое: Жуковский задумывается над вопросом о том, что делать целому народу при всевозможных злоупотреблениях властью. Если Галлер находит иллюзорный выход: «покинуть общество, если они не довольны этим, и вступить в другое, которое соответствует их желаниям», то его читатель, более пристально всматриваясь в историю, сомневается в том, что этот выход возможен для целого народа. Раздумья Жуковского о судьбе народа, которая в 20-е годы осмыслялась в основном через теорию налогов, приобретают в 30-е годы более глубокий характер.

IX

Не мог пройти Жуковский и мимо вопроса о революции. Во-первых, слишком многое напоминало о Великой французской революции, в воздухе европейской жизни еще пахло порохом 1830 года, а, во-вторых, события русской жизни подталкивали к таким размышлениям. Прежде всего Жуковский внимательно осмысляет опыт европейских революций, что нашло отражение в его пометках на полях сочинений Ансильона, Бёрка, г-жи Сталь, Дюмона, Монлозье и др.⁸³.

Сам факт штудирования многочисленных сочинений о французской революции заслуживает внимания. Показателен интерес поэта к политическим мемуарам: в них он ищет

⁸² Haller K. L. Указ. соч., S. 508—509.

⁸³ Ancillon Fr. Tableau des revolutions du système politique de l'Europe, depuis la fin du 15 siècle. Paris, 1823, v. 1—4; Pensées sur l'homme, ses rapports et intérêts. Paris, 1829, v. 1—2; Burke E. Reflexions sur la revolution de France. Paris, 1823; Stäel-Golstein A. Consideration sur les principaux évènements de la revolution française. Paris, 1820, v. 1—3; Dumont E. Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premières assemblées législatives. Paris, 1832.

живых и документальных свидетельств бурных событий. Он с наслаждением читает «Записки Людовика XVIII» и в дневниковой записи от 24 июля 1832 года так выражает свое впечатление: «Чтение Записок Лудвига XVIII. Какое бедствие для государя и государства двор: но французский двор была неизбежная беда, произведение веков. Нужна была бедств.<енная> революция, чтобы уничтожить это бедствие»⁸⁴. Дневниковые записи этого периода пестрят упоминаниями разговоров о событиях 1789 и 1830-х годов. Вот некоторые из них: «Великий враг Бурбонов была их слабость», «Франция ничего не сделала против Наполеона, но и ничего для него, и он погиб», «О Польше», «О федеральном договоре. О базельской революции»⁸⁵.

Мысли поэта устремлены к современности. Неслучайно он так внимательно следит за периодикой. Об этом свидетельствует его переписка 1832—1833 гг. с Севериным, где неоднократно приводится материал из «*Berliner politisches Wochenblatt*»⁸⁶. Комплект этого еженедельника за 1832—1833 гг. сохранился в библиотеке Жуковского. Сам этот факт весьма показателен: как мы узнаем из писем к Северину, Жуковский не очень «жаловал» другие периодические издания, используя их «по назначению». Комплекты же «Берлинской политической еженедельной газеты» находятся в хорошем переплете и, видимо, имели для поэта определенную ценность.

В центре внимания еженедельника были прежде всего вопросы и проблемы европейской революции. Само слово «революция» уже проявляется в эпиграфе ко всем номерам: «*Nous ne voulons pas la contre-révolution, mais le contraire de la révolution*». Эти слова достаточно определенно передают позицию газеты. Множество статей посвящено актуальным вопросам, поставленным революцией. Это следующие статьи: «Борьба революции против собственности» (1832, № 1); «К теории революции» (1832, № 9); «Справедливость и честь революции» (1832, № 10); «Собственная опасность и значение революций» (1832, № 23); «Революция и абсолютизм» (1833, № 7, 12—14); «Изучение революций» (1833, № 38); «Абсолютизм» (1832, № 27); «Правитель и народ» (1833, № 31) и т. д. Газета постоянно дает обзор политического положения в отдельных странах, в том числе в Германии, Франции, Англии, Италии, Испании, Швейцарии. Все

⁸⁴ Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1903, с. 225.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ «Русская старина», 1896, т. 87. Из письма к Блудову от 28 марта 1833 г. известно, что в поле зрения Жуковского были такие периодические издания, как «*Journal des Débats*», «*Journal de Francfort*», «*Berlinische Staats-Zeitung*», «*Gazette de France*» («Русская старина», 1896, т. 87, № 7, с. 92—93).

эти материалы, несомненно, активизировали размышления Жуковского на политические темы. В дневнике за 1833 год чтение «*Politisches Wochenblatt*» расценивается как один из важнейших факторов политического образования. Любопытно, что большинство записей типа «Ввечеру «*Berliner Wochenblatt*», относится к марту-апрелю 1833 года. Именно в это время еженедельник печатает целый ряд материалов, посвященных общественной жизни России («Россия и общественное мнение», «Русские законодательные собрания», «О российском законодательстве», «О русской жизни»). Одним словом, Жуковский был в курсе всех европейских событий и пытался осмыслить уроки европейских революций.

Жуковский, как уже говорилось, в январе-марте 1833 года изучает труд К.-Л. Галлера. Более 30 записей, сделанных в этой книге на русском, немецком и французском языках, запечатлели сложность его общественной позиции в этот период. Противник всяких общественных потрясений, он стремится понять источник революционных взрывов. Далеко не случайно в его размышлениях появляется понятие «самоуправство». Он пытается выяснить, «до какой степени позволено самоуправление?». Как правило, его ответы отличаются иллюзорным представлением о «высшей справедливости», которую он чаще ищет на небе, чем на земле. Но очевидно и недовольство поэта всякого рода злоупотреблениями власти. На с. 419 он записывает: «*Сопrotивление позволено как защита в минуту нападения. Оно не может быть позволено как мщениe*». Он пытается выявить, в чем заключается «сопротивление силе частной, силе общественной и силе верховной»? И хотя прямых ответов нет, читатель галлеровского сочинения ищет союзников в этой борьбе с злоупотреблениями.

Примерно с середины первого тома галлеровского сочинения все чаще появляются надписи Жуковского на французском языке. Иногда на одной странице возникают трехязычные записи: на русском, немецком и французском языках. Создается такое впечатление, что поэт даже наедине с собой боится проговориться и самые крамольные мысли высказывает по-французски. Хотя, вероятнее всего, по-французски они просто звучали привычнее. Так, вдоль с. 436—437 по всему нижнему полю возникает довольно обширная запись—размышление о революции:

«Les revolutions sont toujours illégales, car elles se dirigent non contre l'abus mais contre le puissance suprême qui est le palladium de justice et doit rester inattaquable. Si les revolutions sont illégales comme principes, elles sont inévitables et conséquentes comme fait, qui n'est que le resultat du précédent. Que devoit donc être le bût unique de puissance suprême? C'est rendre les revolutions impossibles. Mais ce n'est pas par la force <прзб⁸⁷>».

⁸⁷ Перевод: «Революции всегда противозаконны, потому что они направлены не против злоупотреблений, но против высшей власти, которая

Эта надпись свидетельствует о противоречивости позиции Жуковского в отношении к революции: с одной стороны, он не принимает революцию как средство борьбы против высшей власти, считает ее противозаконной, но, с другой стороны, он понимает ее как факт, как результат определенного хода вещей.

Несомненно, что чтение либеральной «Berliner politisches Wochenblatt», январско-мартовские номера которой были заполнены статьями о соотношении права, законности, форм правления и революции, стимулировало эти размышления. Одним словом, опыт европейских революций был осмыслен Жуковским во всей полноте. Это вполне отвечало его общим представлениям об образовании, сформулированным в начале 30-х годов: «Мало того, чтобы иметь чистую совесть, надобно иметь и понятия, принадлежащие времени, в коем живем. Их дает одно просвещение. Просвещение для ума есть то же, что чистая религия для совести»⁸⁸.

Но дело, конечно, не только в этих представлениях. Обостренный интерес Жуковского к вопросам общественной жизни, в особенности к проблемам политики, был неразрывно связан с нарастающим разочарованием в политике русского правительства.

Круг чтения Жуковского 20—30-х годов — отражение его глубоких раздумий о судьбе России, состоянии общественной жизни Европы. Эти размышления не прошли бесследно. Все последующее поведение поэта, в частности, его письма косвенным убийцам Пушкина, его дальнейшее разочарование в наследнике, посильная помощь декабристам, сосланным в Сибирь, переписка с Н. И. Тургеневым, доказывают факт несомненного и принципиального развития общественной позиции поэта. Интерес в этом отношении представляет и круг чтения поэта 40-х годов, цензурная судьба его заметок о политике. Но это уже материал для дальнейшего разговора. Несомненно одно: назрела потребность более диалектической оценки общественного облика В. А. Жуковского. И библиотека поэта дает интересный материал для такого исследования.

есть охрана справедливости, и должна оставаться неприкосновенной. Если революции противозаконны как принцип, то они неизбежны и последовательны как факт, который не что иное, как результат предыдущего развития. Что должно, следовательно, быть единственной целью высшей власти? Это сделать революции невозможными. Но это нельзя сделать силой...

⁸⁸ «Русская старина», 1902, № 4, с. 80.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авраамий Палицын — 306
 Адашев А. Ф. — 457
 Азадовский М. К. — 163
 Александр I — 455, 492, 508
 Александр Николаевич, вел. кн. — 5, 436
 Александр Невский — 31, 430—432, 441
 Александра Николаевна, вел. княжна — 199
 Александра Федоровна, императрица — 164, 202
 Алексеев М. П. — 24, 214, 262
 Алексей Михайлович, царь — 435, 441, 452
 Альгаротти Ф. — 75
 Альфьери В. — 10
 Анакреонт — 112
 Ансильон Ф. — 11, 467, 492, 513, 515, 518
 Ариосто Л. — 31
 Аристотель — 408
 Аридт Э. М. — 493
 Арно А. В. — 304
 Арриан, Флавий — 7
 Арсеньев В. Г. — 46
 Архангельский А. С. — 27, 53, 137, 146, 161, 303, 349, 436, 444
 Архенгольц И. В. — 11

 Байрон Д. Г. Н. — 7, 9, 15, 19, 20, 45, 119, 161, 306
 Бакаревич М. Н. — 52, 53
 Барант А.-Г. П. Б., де — 11
 Баратынский Е. А. — 6, 43, 45, 51
 Бартенев П. И. — 209, 210
 Батеньков Г. С. — 476
 Баттэ Ш. — 10, 16, 18, 19, 118
 Батый — 431, 441, 455
 Батюшков К. Н. — 5, 9, 29, 43, 46, 71—78, 81, 82, 88, 98, 107, 116, 203
 Бауринг Дж. — 9

 Бахтин Н. И. — 214, 261, 300
 Бенедиктов В. Г. — 6
 Бенкендорф А. Х. — 471
 Бергман В. — 11, 401
 Беринг В. И. — 47, 82, 84
 Берковский Н. Я. — 305
 Берх В. Н. — 11, 125, 404
 Бессараб М. Я. — 466
 Бестужев-Марлинский А. А. — 43, 44, 49
 Бестужев Н. А. — 45
 Бехер В. Н. — 406, 435
 Бёрк Э. — 467, 518
 Бидерманн К. — 15, 331, 346
 Блудов Д. Н. — 29, 136, 137, 473, 519
 Блэр Х. — 16, 18, 19, 67, 118
 Блюм К. — 11
 Блюмин И. Г. — 473
 Богданович И. Ф. — 67
 Болтин И. Н. — 413, 417
 Бонне Ш. — 11, 15, 118, 331—339, 342, 343, 345, 365, 367, 372
 Бонстеттен К. — 334, 403, 407
 Борроу Дж. Г. — 9
 Боссюэ Ж. Б. — 31, 34
 Брокгауз Ф. А. — 293, 495
 Броневский С. М. — 47
 Бруханский А. Н. — 89
 Буало Н. — 77
 Булгарин Ф. В. — 36, 47, 471
 Булгарини А. — 12
 Буслаев Ф. И. — 262, 271
 Бутервек Ф. — 68, 163, 400
 Бычков И. А. — 30, 46, 69, 264, 313, 349, 446
 Бюргер Г. А. — 8, 31, 157, 163, 260, 261, 300
 Бюффон Ж.-Л. — 12, 40, 67, 337
 Бюхнер Г. — 316
 Бюшинг И. А. — 9
 Вацуро В. Э. — 24, 37
 Вельгман А. Ф. — 6

- Вергилий — 7, 74, 75, 117, 339
 Вернер З. — 14, 23, 125, 301—303, 309—311, 314—318, 320—325, 327, 328
 Веселовский А. П. — 16, 106, 313, 492
 Ветцель Ф. Г. — 302
 Виланд Х. М. — 8, 19, 20, 162
 Виньи А. де — 302
 Виргинский В. — 482
 Висковатов С. И. — 161
 Владимир Великий — 31, 425, 426, 428, 442, 443, 445, 448, 463
 Владимир Мономах — 35, 413, 417, 418, 430, 441, 458,
 Воейков А. Ф. — 7, 29, 43, 106
 Воейкова (Протасова) А. А. — 7, 159, 203
 Волков А. А. — 13
 Волконский М. П. — 136, 137
 Вольпе Ц. С. — 105, 182, 201
 Вольтер Ф.-М. — 31, 34, 110, 117—119, 302, 455
 Востоков А. Х. — 10, 19, 28, 32, 59, 163, 164
 Вяземский П. А. — 16, 18, 29, 32, 37—43, 46, 129, 137, 138, 143, 161, 162, 296, 438, 472, 495, 507
 Галлер А. — 95
 Галлер К. Л. — 11, 16, 24, 467, 509—513, 515—518, 520
 Гальм Фр. — 303, 309
 Гамильтон В. — 137
 Гарве Х. — 10, 21
 Гаттерер И.-К. — 46, 403, 404
 Гвоздев А. Н. — 188
 Геббель Ф. — 316
 Гебель И. П. — 152, 153, 164
 Гейне Г. — 316
 Гейнзе В. — 489—491, 504
 Геллерт Х. Ф. — 92, 93
 Георгиевский П. Е. — 32
 Гельвеций К. А. — 342, 343, 344
 Гераклит — 335
 Герверг Г. — 9
 Гердер И. Г. — 6, 8, 10, 14, 15, 19—21, 23, 31, 67, 118, 149—170, 172, 174—178, 182—186, 189, 191—194, 196, 197, 200, 201, 207, 209—211, 213, 217, 237, 238, 240—243, 245—248, 251—255, 257—264, 269—272, 274—276, 279, 280, 288, 289, 291, 293, 294, 300, 331, 335
 Герен (Геерен) А.-Г.-Л. — 46, 402—404, 423, 428
 Геродот — 31, 50, 441
 Гёррес И. — 515
 Герстенберг Г. В. — 160, 162
 Гёте И. В. — 30, 31, 34, 152, 153, 168, 206, 302
 Гиббон Э. — 440, 452
 Гизо Ф.-П.-Г. — 11, 400, 467, 482
 Гиллельсон М. И. — 24, 29, 37, 402, 411, 466, 467, 482, 508, 512, 513
 Глаголев А. Г. — 16, 19, 32, 34—36
 Глазунов И. П. — 7
 Глейм И. В. Л. — 162
 Глинка Г. А. — 163
 Глинка Ф. Н. — 466
 Гнедич Н. И. — 6, 10, 32, 43, 46, 51, 105, 302
 Говард Дж. — 50
 Гоголь Н. В. — 5, 22, 38, 39, 119
 Годунов Борис — 31, 124, 125, 303, 304, 308, 441
 Голиков И. И. — 452
 Голицын Н. Н. — 4
 Гольбах П. — 342, 343
 Гольдони К. — 10
 Гольдсмит О. — 34, 46
 Гомер — 8, 20, 21, 75, 94, 117, 119, 166, 309, 339
 Гофман М. Л. — 181, 185
 Гофман Э. Т. А. — 315, 317
 Грамматин Н. Ф. — 32, 47, 49, 163
 Грей Т. — 260, 261, 300
 Греч Н. И. — 10, 16, 19, 32, 34—36, 60, 469—471
 Грибоедов А. С. — 13, 105
 Грильпарцер Ф. — 316, 326
 Гримм, братья — 164
 Грузинцев А. Н. — 65
 Гуковский Г. А. — 71, 88, 94, 98, 262, 308, 318
 Гумилев Н. С. — 251
 Гэст Дж. — 11
 Гюго В. — 9, 302
 Д.: Аламбер — 304
 Давыдов Д. В. — 29
 Давыдов И. И. — 19, 32
 Даниил Заточник — 35
 Данилевский Р. Ю. — 9, 303
 Данте А. — 6, 10, 20, 31
 Дарвин Ч. — 335
 Дарю П.-А. — 5, 467, 515
 Дашков Д. В. — 29, 73, 75, 81, 109, 152, 159, 160, 195, 473
 Девриен Л. — 301
 Декарт Р. — 364
 Делиль Ж. — 7, 9
 Дельвив А. А. — 43, 45, 51
 Демидов Н. Н. — 13
 Денис М. — 160
 Деппинг Г.-Б. — 276—278, 282, 284, 287, 290, 291, 294—296, 299
 Державин Г. Р. — 9, 30—32, 38, 39, 52, 55, 59, 67, 121, 122, 163

- Дживилегов А. К.— 495
 Дндро Д.— 369
 Дмитриев И. И.— 9, 28—30, 59,
 67, 72, 437
 Дмитрий Донской — 421, 441, 443,
 457
 Долгоруков И. М.— 59
 Домашнев С. Г.— 13
 Драйден Дж.— 19
 Дубровин Н. Ф.— 468, 471, 503,
 514
 Дуйсбург П.— 425
 Дуран А.— 271, 272, 276, 283
 Дуттенхофер Ф. М.— 246, 271, 272,
 274, 276, 277
 Дюгамель К. О.— 513
 Дюге Ж.— 479, 483
 Дюкло Ш.— 40
 Дюма-отец, А.— 9, 302
 Дюмон Э.— 518
 Еврипид — 302
 Екатерина II — 455
 Елагин И. П.— 454
 Елагина (Киреевская) А. П.—
 149, 172, 211, 212, 492
 Елизавета Петровна, имп.— 62, 63
 Ефремов П. А.— 185, 195
 Жинкин Н. П.— 82, 90
 Жирмунский В. М.— 489
 Жомини Г.— 467, 469
 Жуковский В. А.—
 «Алеша Попович» — 164, 303
 «Вечер» — 54
 «Владимир» — 77, 79, 151, 164
 «Где фиалка мой цветок» — 167
 «Геродот» — 182, 191
 «Гомер» — 182, 191
 «Идиллия» — 54
 «Из альбома, подаренного гр.
 Ростопчиной» — 169, 184, 185,
 191—194, 197, 198, 200, 202,
 207
 «Императору Александру» —
 60, 61, 64, 66, 70
 «Камюэнс» — 150
 «Коловратно курьезная сце-
 на...» — 303, 304
 «Кольцо души девицы» — 167
 «Лалла Рук» — 203
 «Ленора» — 260, 261
 «Людмила» — 157
 «Минувших дней очарованье...»
 — 167
 «Орлеанская дева» — 303, 305
 «Певец во стане русских вон-
 нов» — 53, 56, 261
 «Песнь бедняка» — 167
 «Песня» — 54
 «Песня барда...» — 53, 56
 «Птицей певичею...» — 167
 «Сафина ода» — 54
 «Сельские кладбище» — 54,
 260, 261
 «Сид» — 168, 209—300
 «Ундина» — 184, 185, 199
 Жуковский П. В.— 4, 14
 Загоскин М. Н.— 6, 43
 Заруцкий И. М.— 435
 Зейдлиц К. К.— 157
 Зильберт И.-П.— 13
 Зонтаг (Юшкова) А. П.— 164,
 165, 492
 Зоргенфрей В. А.— 251, 252
 Зульцер И.-Г.— 16, 18, 19, 32, 53,
 67
 Зябловский Е. Ф.— 467
 Иван III — 425, 441, 443, 455,
 456, 457, 459
 Иван IV (Грозный) — 80, 82, 83,
 425, 441, 457
 Иван Калита — 457, 459
 Иванчин-Писарев Н. Д.— 32, 43,
 46
 Иезуитова Р. В.— 24, 466, 468
 Истрин В. М.— 56, 165, 411, 421
 Кавелин Д. А.— 29
 Кайданов И. К.— 46
 Кайсаров А. С.— 115, 163
 Калайдович К. Ф.— 11
 Калашников И. Т.— 6
 Кальдерон де ла Барка П.— 10,
 31, 302
 Канаев И. И.— 3
 Кант И.— 15, 345, 346
 Кантемир А. Д.— 17, 29, 35, 51,
 57, 67, 68
 Канунова Ф. З.— 317, 345
 Капель Г. А.— 11
 Капнист В. В.— 59
 Карамзин Н. М.— 6, 9, 16, 18,
 23, 29—31, 43—45, 55—57, 59,
 67—69, 71—73, 76—79, 88, 89,
 95—97, 105, 108—111, 115,
 120—122, 124, 137, 152, 331,
 333—336, 338, 345, 402, 404,
 428, 432, 436—446, 448—450,
 452, 454—464, 484
 Карамзина С. Н.— 203
 Катенин П. А.— 105, 213, 214,
 237, 261, 300
 Кафанова О. Б.— 351
 Каховский П. Г.— 476
 Каченовский М. Т.— 63, 64, 106,
 484
 Келлер А.— 474, 276
 Киреевский И. В.— 514
 Киреевский П. В.— 164
 Клейст Э.-Х.— 162, 337
 Клопшток Ф. Г.— 8, 160
 Кнорринг К.— 13
 Княжнин Я. Б.— 59
 Козлов И. И.— 5, 45, 201

- Кондильяк Э. Б.— 10, 15, 59, 60,
 154, 331, 339, 345—351, 364—
 372
 Констан Б.— 302
 Корнеев Ю. Б.— 246
 Корнель П.— 31, 110, 117, 118
 Корнилович А. О.— 45
 Кошанский Н. Ф.— 19, 32, 34
 Коцебу А.— 303, 304
 Коцилек Г.— 315, 316
 Крашенников С. П.— 46
 Крузе Ф.-К.-Г.— 46
 Крылов И. А.— 29, 32, 38, 39, 43,
 46, 161
 Кукольник Н. В.— 124, 326
 Кулакова Л. И.— 88
 Купреянова Е. И.— 24
 Курбский А. Н.— 35, 126, 128, 306
 Курций Руф.— 8
 Кюхельбекер В. К.— 105, 367
 Лабрюйер Ж. де — 15, 34
 Лагарп Ж.-Ф.— 10, 16, 18, 19, 29,
 32, 67, 77, 107, 118, 303, 304,
 309, 343, 344, 347—349, 417,
 422, 477, 478
 Лагарп Ц.— 492, 508
 Ламот-Фуке Ф. см. Фуке де ла
 Мотт Ф.
 Ланский Л. Р.— 473
 Ларошфуко Ф.— 15
 Ласепед Б.-Ж.-Э.— 12, 337
 Лафатер И. К.— 333—335, 345
 Ла-Феронне П.-Л.— 492
 Лафонтен А.— 31, 95, 198
 Левек П. Ш.— 454
 Левик В. В.— 271
 Левин В. Д.— 72
 Левин Ю. Д.— 24
 Лейбниц Г.-В.— 334, 335, 339,
 364
 Лепехин И. И.— 46, 418
 Лессинг Г.-Э.— 22, 34, 422
 Либих Ю.— 12
 Ливий Тит — 8, 31
 Линь Ш.-Ж., де — 137
 Лобанов В. В.— 14, 400
 Лобанов М. Е.— 43, 48, 302
 Локк Дж.— 335, 338, 345, 347, 364,
 366
 Ломоносов М. В.— 9, 16, 17, 19,
 21, 23, 28—30, 32, 39, 41, 51—
 53, 55—70, 75, 82, 94, 111, 112,
 114, 115, 120—122, 145, 404,
 413, 417, 418, 454, 464, 465
 Лопе де Вега — 246
 Лотман Ю. М.— 115, 472
 Лубяновский Ф.— 495
 Лункевич В. В.— 335
 Львов Н. А.— 101
 Льюис М.-Г.— 7
 Лютер М.— 13
 Мабли Г.-Б.— 407
 Майков А. И.— 6
 Майков Л. Н.— 116
 Макаров М. Н.— 116, 117, 163
 Макиавелли Н.— 455, 467, 507
 Максим Грек — 35
 Макферсон Дж.— 160, 163, 333
 Мальбранш Н.— 364
 Манн Ю. В.— 316, 317, 326
 Манштейн Х. Г.— 13
 Маржерет — 306
 Мария Николаевна, вел. княжна—
 149
 Марк Аврелий — 485
 Маркс К.— 364
 Мармонтель Ж.-Ф.— 9, 11, 16, 21,
 494
 Маццини Дж.— 316
 Мартынов И. И.— 8
 Матвеев А. А.— 13
 Мейлах Б. С.— 119
 Менцель К.-А.— 16, 515
 Мерзляков А. Ф.— 5, 41, 48, 49,
 56, 163
 Мериме П.— 9, 302
 Метцлер И.— 7
 Миллер (Мюллер) И.— 16, 31, 46,
 334, 403, 404, 407, 408, 423, 439,
 440, 452
 Милонов М. В.— 28
 Мильвуа Ш.-Г.— 30
 Милькеев Е. Л.— 7, 51
 Мильтон Дж.— 6, 30, 117, 162, 339
 Минин (Сухорук) К. М.— 82
 Минор Я.— 315
 Минье Ф.— 467, 482
 Мирабо О. Г.— 518
 Михаил Федорович, царь — 412,
 435
 Мицкевич А.— 5
 Модзалевский Б. Л.— 274, 296
 Модзалевский Л. Б.— 108, 109
 Мольер Ж.-Б.— 31, 110, 117, 118,
 302
 Монлозье Ф.-Д.— 467, 518
 Монтень М., де — 31, 34
 Монтегосе Ш.-Л.— 16, 34, 42, 334,
 408, 437, 446, 467, 507, 513
 Мордвинов Н. С.— 12, 467
 Мордовченко Н. И.— 116
 Морозов Ф. М.— 477
 Мур Т.— 15, 19, 20
 Муравьев А. Н.— 201, 202
 Муравьев М. Н.— 6, 70—104, 121
 Муравьев Н. М.— 5, 8, 29, 81, 480
 Муравьев-Апостол И. М.— 47—
 50, 72, 73, 76, 78
 Мюллер В.— 8
 Мюльнер А.— 302, 316, 326
 Надеждин Н. И.— 124, 315

Наполеон I Бонапарт — 47, 467, 468, 469, 519
Нарышкина Е. Л.— 94
Неволин К. А.— 513
Немцевич Ю.-У.— 306
Нестор — 11, 35, 403, 413—415, 417, 418, 422, 423, 426, 441, 442, 464
Неупокоева И. Г.— 20
Никитенко А. В.— 4
Николай I — 16, 313, 440, 488, 492
Никон — 11, 413—418, 420, 423, 443, 454
Новиков Н. И.— 13
Подье Ш.— 7, 9
Ньютон И.— 339, 343
Озеров В. А.— 7, 124, 127, 129, 130, 136—139, 142—146, 303, 314, 328
Олеарий А.— 418
Олег, князь — 429, 441, 443, 445, 446
Онегин-Отто А. Ф.— 4, 14, 181, 185, 346, 464, 472
Орлов М. Ф.— 11, 467, 474, 480
Оссан — см. Макферсон Дж.
Осолопов Н. Ф.— 32
Паллас П.-С.— 418
Паррот Г. Ф.— 12
Пеллико С.— 467
Перикл — 30
Перси Т.— 163
«Песнь о Нибелунгах» — 9
Песталоцци И. Г.— 12
Пестель П. И.— 476, 479
Петр I Великий — 45, 56, 59, 60, 80, 82, 441, 450, 454—457, 461
Петров А. А.— 333
Петров В. П.— 39, 59, 67
Петровский М. А.— 489
Петушков В. П.— 211
Печерский Патерик — 35
Пештич С. Л.— 422
Пелиц К.— 515
Пиндар — 94
Плетнев П. А.— 32, 37, 260, 261
Погодин М. П.— 124, 125, 185—187, 190, 194, 195, 198, 296, 302, 314, 316, 317, 320, 321, 326
Пожарский Д. М.— 82
Полевой Н. А.— 13
Полетика П. И.— 73
Поп А.— 129, 509, 512
Привалова Е. П.— 427
Прокопович Ф.— 35
Протасова (Мойер) М. А.— 159, 203, 211
Пруцков Н. И.— 24
Пухов В. В.— 28

Пушкин А. С.— 9, 13, 14, 18, 29, 37—39, 43—45, 64, 105, 124, 125, 157, 184, 185, 199, 200, 203, 208, 210, 274, 296, 318, 338, 449, 466, 508, 514, 521
Пушкин В. Л.— 29, 106, 107, 137
Пушкин С. Л.— 184, 200, 208
Пфеффель Г. К.— 8, 19
Рабенер Г. В.— 8
Радклиф А.— 7
Рамлер К. В.— 8, 19
Расин Ж.-Б.— 31, 110, 117, 118, 302
Раупах Э. В.— 9, 302
Раумер Ф. Л.— 513
Резанов В. И.— 16, 52, 53, 56, 331, 337, 338, 408, 495
Ремер Ю. А.— 46, 404
Рейбо Л.— 11
Рижский И. С.— 16, 32—34
Рихтер И.-П.-Ф. псевдоним Жан-Поль — 16, 34
Робертсон В.— 440
Розанов И. Н.— 167
Розен Е. Ф.— 124, 126, 128, 129, 138, 303, 314, 326, 328
Рожков Н. А.— 317
Ролан Ж.-М.— 11
Романовы (династия) — 428, 435, 436, 445, 517
Ростопчина Е. П.— 169, 184, 185, 191—194, 197, 198, 200, 202, 207
Роттек К.— 515, 516
Ротчев А. Г.— 302
Рубинштейн М.— 317
Румянцев И. П.— 31
Руссо Ж. Ж.— 11, 15, 16, 21, 31, 34, 75, 90—92, 110, 117, 118, 304, 331, 334, 335, 344—346, 408, 467, 507
Рылеев К. Ф.— 43, 45
Рюккерт Ф.— 8
Рюрик — 414, 425, 442, 444, 445, 455, 456
Саадн — 177
Савельева Л. И.— 198
Саллюстий — 7, 8
Саути Р.— 20, 30, 309
Северин Д. П.— 5, 29, 73, 519
Севинье М.— 34
Сей Ж.— 467, 472
Семанова М. Л.— 24
Сенека — 490
Сервантес М. де — 10, 31, 292, 293
Сибиряков А. М.— 3, 4
Сибиряков И. С.— 13
Сидорова Л. П.— 144
Сисмонди Ж.-Ш.-Л.-С.— 12, 296—298, 467, 472

- Скорина Ф.— 35
 Скотт В.— 9, 20, 30, 34, 119, 306
 Скриб О. Э.— 303
 Слепушкин Ф. Н.— 6
 «Слово о полку Игореве» — 35,
 47, 49, 167, 299, 413, 417, 423
 Смирнов-Сокольский Н. П.— 5
 Смит А.— 10, 31, 467, 472, 507
 Снелль Ф.-В.-Д.— 331, 351, 371,
 372
 Соколов П. И.— 8
 Сопиков В. С.— 12
 Сорилья-и-Мораль Х.— 10
 Софокл — 7, 48, 302, 303, 309,
 310, 328
 Спиноза Б.— 364
 Сталь-Гольштейн А.-Л.-Ж., де —
 11, 317, 467, 518
 Станкевич П. В.— 318
 Стерн Л.— 75
 Стефанович В.— 495
 Страбон — 50
 Строгановы — 4
 Строев П. М.— 11
 Стромилон С.— 7
 Струговщиков А. Н. — 314, 315,
 320, 321, 323, 324, 328
 Сумароков А. П.— 145
 Сурин М. В.— 4
 Сюлли М.— 486
 Тамерлан — 443, 444
 Тассо Т.— 31
 Татищев В. Н.— 413, 417, 454
 Тацит Кай Корнелий — 31
 Террасон А.— 42
 Тидге К. А.— 8
 Тик Л.— 8, 153, 160, 317
 Тодорский — 115
 Тойбин И. М.— 317
 Толстой Л. Н.— 14
 Тома А.-Л.— 485
 Томсон Дж.— 30, 118, 337
 Третьяковский В. К.— 17, 51, 112
 Туманский В. И.— 43
 Тургенев А. И.— 55, 56, 163
 Тургенев А. И.— 4, 16, 28, 42, 75,
 79, 85, 91, 106, 107, 116, 137,
 152, 161—165, 168, 212, 331,
 335, 345, 346, 400, 402—404,
 406—408, 411—418, 421—423,
 427, 428, 436, 439, 440, 471,
 481, 482, 509, 514
 Тургенев И. П.— 84, 85
 Тургенев И. С.— 14
 Тургенев Н. И.— 402, 467, 471—
 474, 476—482, 521
 Тургенев С. И.— 473, 482
 Тургенева (братья) — 56, 106,
 400, 402, 406, 411, 421, 422,
 439, 492
 Тынников Ю. Н.— 105
 Тэйлор Г.— 9
 Тютчев Ф. И.— 203
 Уваров С. С.— 152, 409, 411, 412
 Уланд Л.— 152, 167, 302, 303,
 308
 Устрялов Н. Г.— 16, 125, 404,
 444, 450, 451, 457—464
 Федор Иоаннович, царь — 460
 Фелькер — 8
 Фенелон Ф.— 21, 31, 34, 73, 467,
 492, 494, 495, 503, 504
 Феокрит — 94
 Фергюсон А.— 408, 467
 Фильдинг Г.— 9, 34
 Фирдоуси — 31
 Флориан Ж.-П.— 9, 198, 292, 293
 Флоринский В. М.— 3, 4
 Фонвизин Д. И.— 18, 31, 32, 37,
 40—42, 121
 Фосс И.-Г.— 8, 485
 Франклин Б.— 11, 467
 Фрейлиграт Ф. Г.— 9
 Фридендер Г. М.— 24
 Фуке де ла Мотт Ф.— 8, 30, 31,
 153, 160
 Хегн Ф.— 9
 Хемницер И. И.— 100, 101
 Херасков М. М.— 59
 Хмельницкий Н. И.— 43, 46
 Хогарт — 9
 Хомяков А. С.— 124, 326
 Хотяинцева Е.— 316
 Хэллам Г.— 11
 Цветаев Л. А.— 47
 Цедлиц И. Х.— 8, 302
 Цицерон — 7, 76, 409
 Цицианов Д. Е.— 47
 Чаадаев П. Я.— 514
 Чехов А. П.— 14
 Чешихин-Ветринский В. Е.— 303
 Шатобриан Р.— 9, 34
 Шахова Е. Н.— 6
 Шаховской А. А.— 43, 46, 48
 Швецов Ф. И.— 479, 481, 482
 Шевченко Т. Г.— 479
 Шевырев С. П.— 10, 32
 Шекспир В.— 30, 45, 93, 94, 302,
 333
 Шеннинг Г.— 424
 Шеридан Р. Б.— 48
 Шестаков С. П.— 210, 211, 262,
 264, 269, 272, 273
 Шефтсбери Э. К.— 10
 Шиллер Ф.— 30, 31, 34, 77, 125,
 152, 153, 157, 163, 302, 303,
 305, 308, 309, 315, 318, 327
 Ширинский-Шихматов С. А.— 48
 Шишкин А. Ф.— 344
 Шишкина (Шебанко) О. П.— 124
 Шишков А. А.— 7, 302, 314—316,
 320—325

Шишков А. С.—16—19, 21, 23.
28—30, 32, 57, 70, 105—122.
144, 145, 163
Шкляревский П. П.—6
Шлегель А.—10, 16, 67, 152, 315
Шлецер А. Л.—4, 16, 29, 400—
404, 411, 413, 414, 421—428,
439, 440, 442, 444, 454—456.
462, 463, 507
Шпацир Р. О.—515
Штейн Л.—11
Штейнгель В. И.—476
Шторх Г.—472
Шриттер И.-Г.—413, 417, 423.
424, 454
Штукерт Ф.—315
Шуберт Г.—12
Щербатов М. М.—413, 417, 454
Эверс Г.—16, 404, 405, 423, 427,
428, 444, 457, 507, 515, 516
Эджворт М.—9
Эзоп — 48
Эйхгорн М.-А.—11, 402

Эйхенбаум Б. М.—54
Эмин Ф. А.—454
Энгель И.-Я.—10, 16, 21, 118, 467,
478, 483—488, 503
Энгельс Ф.—9, 364
Эскобар Х. де — 276, 277, 279,
282, 283, 291, 294, 295
Эсхил — 7, 302
Эфрон И. А.—293, 495
Эшенбург И. П.—16, 18, 19, 32,
53, 68, 118, 151, 154
Юм Д.—15, 31, 65, 331, 338, 347,
452
Юнг Э.—118
Юстиниан — 464
Юшкевич П. С.—351
Яворский С.—13
Языков Д. И.—116, 117
Языков Н. М.—43, 203
Якимов В.—302
Якоби И. Г.—162
Scorpa A.—116
Vögelin A. S.—274

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

- I. Истории и состав библиотеки В. А. Жуковского (В. В. Лобанов) 3
II. Некоторые проблемы изучения библиотеки В. А. Жуковского (Ф. З. Канунова) 14

Часть I

В. А. ЖУКОВСКИЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Глава первая.

- Книги по истории и теории русской словесности в библиотеке В. А. Жуковского (А. С. Янушкевич) 27

Глава вторая.

- Жуковский и Ломоносов (А. С. Янушкевич) 52

Глава третья.

- В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев (Э. М. Жиликова) 71

Глава четвертая.

- В. А. Жуковский — читатель и критик А. С. Шишкова (Ф. З. Канунова, А. С. Янушкевич) 105

Глава пятая.

- Правка Жуковского в тексте трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской» (О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич) 124

Часть II

В. А. ЖУКОВСКИЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Глава первая.

- В. А. Жуковский — читатель и переводчик Гердера (Н. Б. Реморова) 149

- Жуковский — читатель теоретических работ Гердера 149

- Художественные произведения Гердера в чтении и переводах Жуковского 168

- «Сид» Гердера в переводе Жуковского. Неизвестный автограф 209

- «Сид» Жуковского и «Сид» Гердера. К истории одной ошибки 260

Глава вторая.

- Перевод В. А. Жуковским отрывка из трагедии З. Венера «Двадцать четвертое февраля» (О. Б. Лебедева) 301

Часть III

ВОПРОСЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО

Глава первая.

- О философских взглядах Жуковского (Ф. З. Канунова). Жуковский — читатель Шарля Бонне 331

- «Трактат об ощущениях» Э.-Б. Кондильяка в восприятии Жуковского 346

- Приложение. Чтение Жуковским начального курса философии проф. Ф. В. Д. Снелля 372

Глава вторая.

- Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского (Ф. З. Канунова) 400

Глава третья.

- Круг чтения В. А. Жуковского 1820—30-х годов как отражение его общественной позиции (А. С. Янушкевич) 466

- Указатель имен 522

БИБЛИОТЕКА В. А. ЖУКОВСКОГО В ТОМСКЕ

Часть I

Редактор **М. И. Сваровская**
Технический редактор **Р. М. Подгорбунская**
Корректоры **Т. В. Зелева, Г. Г. Иванова**

К306349 Сдано в набор 1/XII-77 г. Подписано к печати 29/XII-78 г.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Литературная. Высокая печать.
Формат 60×90¹/₁₆. П. л. 33,125 уч.-изд. 26,615.
Заказ 7118 Тираж 2500 Цена 4 р. ИБ 165

Издательство ТГУ. Томск-29, ул. Никитина, 17
Типография издательства «Красное знамя»
г. Томск, ул. Советская, 47

